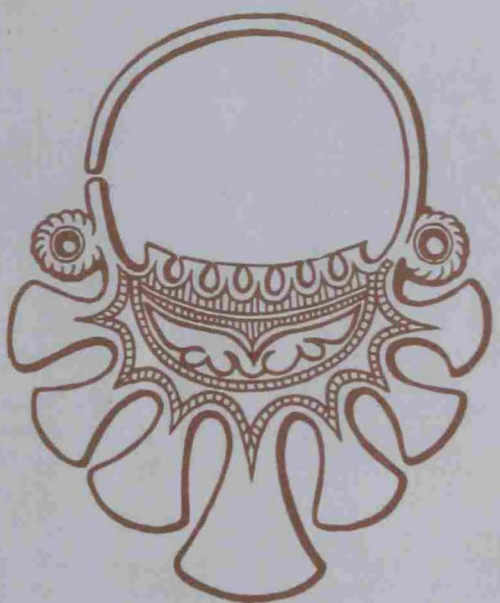
ISSN 0869-6063

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



1993 1

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

С. А. Плетнева (главный редактор),

А. А. Аскаров, Л. А. Беляев (зам. главного редактора),
А. В. Виноградов, В. И. Гуляев (зам. главного редактора),
А. П. Деревянко, О. М. Джапаридзе, Г. А. Кошеленко,
В. П. Любин, Т. И. Макарова, В. М. Массон,
Н. Я. Мерперт, Э. С. Мугуревич, Р. М. Мунчаев,
В. С. Ольховский (отв. секретарь), Т. М. Потемкина,
Б. А. Рыбаков, В. В. Седов, П. П. Толочко, В. Л. Янин

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
МОСКВА

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

1993 1

Журнал основан в январе 1957 г.

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

Марьяшев А. Н., Горячев А. А. К вопросу типологии и хронологии памятников эпохи бронзы Семиречья 5
Санжаров С. Н. О некоторых вопросах культурного развития и хронологии в позднекатакомбное время 21
Ефремов Н. В. Начальный период астиномного клеймения в Синопе 31
Винокуров Н. И., Масленников А. А. Виноделие на хоре европейского Боспора 39
Макаров Н. А. Русский Север и Лапландия: торговые связи XI—XIII вв. 57

Дискуссии

Гуляев В. И. Погребальная обрядность: структура, семантика и социальная интерпретация (введение в дискуссию) 76
Ольховский В. С. Погребальная обрядность (содержание и структура) 78
Мельник В. И. Погребальный обычай и погребальный памятник 94
Кызласов И. Л. Мировоззренческая основа погребального обряда 98

Публикации

Долгоруков В. С., Колесников А. Б. Новый тип строительных комплексов Фанагории . 113
Ртвеладзе Э. В., Пидаев Ш. Р. Древнебактрийская крепость Талашкан-тепе I 133
Матвеева Н. П. Рафайловское городище — памятник саргатской культуры Среднего Притоболья 148
Былкова В. П. Комплекс сарматского времени из с. Солонцы Херсонской обл. 164
Безуглов С. И., Гудименко И. В. Подвеска с выемчатой эмалью из дельты Дона 169
Федоров М. Н. Согдийская курильница конца VII — начала VIII в. с городища Кошой-Коргон 175
Валеев Р. М., Казаков Е. П. Весовые гири и некоторые другие предметы торговли с болгарских поселений X—XI вв. в низовьях р. Ахтай 185
Зализняк А. А., Колосова И. О., Лабутина И. К. Псковские берестяные грамоты 6 и 7 196
Седов Вл. В. Псковские храмы «группы Выбут» 211

История науки

Щавелев С. П. Эпизоды истории русской археологии (к 150-летию со дня рождения Д. Я. Самоквасова) 221

© Отделение истории РАН, Институт археологии РАН, Издательство «Наука», «Российская археология», 1993 г.

Критика и библиография

Раев Б. А., Трейстер М. Ю. *Cunliffe B.* Greeks, Romans and Barbarians: Spheres of Interaction. London, 1988 236
Васильев С. А. *Деревянко А. П., Дорж Д., Васильевский Р. С. и др.* Каменный век Монголии. Палеолит и неолит Монгольского Алтая. Новосибирск, 1990 242
Кулаков В. И. *Bálint Cs.* Südungarn im 10. Jahrhundert. Budapest, 1991 244

Хроника

Абрамова З. А., Синицын А. А. Коллоквиум, посвященный 100-летию открытия палеолита Венгрии (Мишкольц, 1991) 247
Потемкина Т. М., Ковалева В. Т. О некоторых актуальных проблемах эпохи неолита — ранней бронзы лесостепной и лесной зоны Урала. По материалам V полевого симпозиума (Тюмень, 1991) 250
Седов В. В. IV конференция по этногенезу и этнической истории балтов (Паланга, 1991) 260
Микляев А. М. Конференция «Археологические культуры и проблемы их интеграции» (Санкт-Петербург, 1991) 264
Федосеев Н. Ф. Конференция «Проблемы археологии и истории Боспора» (Керчь, 1991) 265
Кунина Н. З. Памяти Нонны Леонидовны Грач (1929—1991) 268

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY
MOSCOW

ROSSIYSKAYA ARKHEOLOGIYA

1993 1

Editor-in-Chief
S. A. Pletneva

Founded in 1957
Published quarterly

CONTENTS

Maryashev A. N., Goryachev A. A. About the Typology and Chronology of the Bronze Epoch Sites in Semirechie 5
Sanzharov S. N. About the Cultural Development and Chronology of the Late Catacomb Period 21
Jefremov N. W. The Initial Period of the Stamping with the Astynom-Names in Sinope . . . 31
Vinokurov N. I., Maslennikov A. A. A Wine-Making on the European Bosporus Khora . . . 39
Makarov N. A. The Russian North and Lapland: Trade Links of XI—XIII Centuries 57

Discussions

Guljaev V. I. Funeral Rite: Structure, Semantics and Social Interpretation (Introdaction to the Discussion) 76
Olkhovski V. S. Funeral Rite (Content and Structure) 78
Melnik V. I. Funeral Custom and Funeral Monument 94
Kizlasov I. L. The Ideological Foundation of Funeral Rite 98

Publications

Dolgorukov V. S., Kolesnikov A. B. New Type of Building Complexes in Phanagoria 113
Rtveladze E. V., Pidaev Sh. R. The Fortress Talashkantepe I in Ancient Bactria 133
Matveeva N. P. Rafailovskoye Settlement — the Monument of Sargatskaya Culture in the Middle Tobol Basin 148
Bylkova V. P. Complex of Sarmatian Times from Solontsy 164
Bezuglov S. I., Gudimenko I. V. The Pendant with Groove Enamle from Don Delta 169
Fedorov M. N. The Sogdian Incense-Burner of the End of VII—the Beginning of VIII cen. A. D. from Koshoi-Korgon Settlement 175
Valeev R. M., Kazakov E. P. Weights and Some other Trade Things from Bolgar Settlements of X—XI Centuries in Lower Akhtai 185
Zaliznyak A. A., Kolosova I. O., Labutina I. K. Birch-Bark Scrolls N 6, 7 from Pskov . . . 196
Sedov Vl. V. The Temples of Vibut Group from Pskov 211

History of Science

Shchavelev S. P. The Episodes from the History of Russian Archaeology 221

Book Reviews and Bibliography

Raev B. A., Treister M. Yu. *Cunliffe B.* Greeks, Romans and Barbarians: Spheres of Interaction. London, 1988 236
Vasiliev S. A. *Derevyanko A. P., Dorth D., Vasilevski R. S., ets.* The Stone Age of Mongolia. Palaeolithic and Neolithic of Mongolian Altai. Novosibirsk, 1990 242
Kulakov V. I. *Bálint Cs.* Südungarn im 10. Jahrhundert. Budapest, 1991 244

Chronicle

Abramova Z. A., Sinitsin A. A. Coloqium Dedicated to the 100th Anniversary of Discovery of Hungarian Paleolithic (Mishkolts, 1991) 247
Potemkina T. M., Kovaleva V. T. Some Actual Problems of Forest and Forest-Steppe Zones of Ural in Neolithic — Early Bronze Epoch (on the Materials of V Field Symposium in Tumen) 250
Sedov V. V. The IVth Conference on Ethnogenesis and Ethnic History of Baltic Tribes (Palanga, 1991) 260
Miklyaev A. M. The Conference «Archaeological Cultures and International Problems» (St. Petersburg, 1991) 264
Fedoseev N. F. The Conference «Problems of Archaeology and History of Bosporus» (Kerch, 1991) 265
Kunina N. Z. In Memory of Nonna L. Grach (1929—1991) 268

А. Н. МАРЬЯШЕВ, А. А. ГОРЯЧЕВ

К ВОПРОСУ ТИПОЛОГИИ И ХРОНОЛОГИИ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ БРОНЗЫ СЕМИРЕЧЬЯ

В археологической литературе 60—70-х годов о памятниках эпохи бронзы Семиречья сложилось представление как о немногочисленных и бедных по инвентарю. Основным источником сведений об эпохе бронзы данного региона по-прежнему служил могильник Каракудук, расположенный вблизи известного урочища с петроглифами Тамгалы. Планомерное изучение памятников этого времени в 80-е годы позволило выявить большое количество могильников в Джамбулской, Алма-Атинской и Талды-Курганской областях (рис. 1). В Алма-Атинской и Талды-Курганской областях было обнаружено несколько поселений. В настоящее время на территории Джамбулской обл. обнаружены большие могильники эпохи бронзы в широкой долине между хребтом Анрахай и Чу-Илийскими горами, у разъезда Курдай; у ст. Чокпар и Алайгыр, на горном плато в Чу-Илийских горах, в урочище Ой-Джайляу и у пос. Масанчи. В Алма-Атинской обл. это могильники у с. Фабричный, в урочище Майбулак; у с. Аксай; в высокогорье в районе ущелья Кульсай; в Талды-Курганской обл. у с. Бигаш, у с. Талапты, в урочище Куйган, у с. Ленина и др. В районе с. Талапты обнаружено и два поселения. Кроме того, небольшие могильники, состоящие из 5—10 оград, обнаружены в Заилийском Алатау и Кунгей-Алатау, в горах Анрахай и предгорьях Дунгарского Алатау. Стационарные исследования проводились у с. Талапты на поселении и двух могильниках, в урочище Куйган на поселении и трех могильниках и в урочище Тамгалы на трех могильниках эпохи бронзы и в урочище Ой-Джайляу. Исследования проводились таким образом, чтобы иметь представление о материальной культуре племен эпохи бронзы Семиречья, населявших степную зону (Тамгалы), предгорья (Талапты) и район горных плато (Ой-Джайляу). В ходе исследований установлено, что в районе крупных могильников имеются, кроме того, поселения (Майбулак, Талапты, Куйган) и петроглифы. Многолетнее изучение позволило рассматривать их как единые археологические комплексы. Такой подход стал возможным, когда было установлено регулярное взаиморасположение поселений, могильников и петроглифов на местности и установлена взаимосвязь между ними. Материал, полученный при раскопках, позволил также уточнить датировку петроглифов. В данной статье мы рассмотрим три основных комплекса эпохи бронзы Семиречья: Тамгалы, Ой-Джайляу и Талапты.

Археологические памятники урочища Тамгалы. Урочище Тамгалы расположено в 170 км к северо-западу от г. Алма-Аты, в горах Анрахай. В 1957 г. А. Г. Максимова обнаружила в ущелье петроглифы эпохи бронзы, раннего железного века и тюркского времени. В 1977 г. произведены опись, фотографирование петроглифов, издан альбом. С 1982 г. в ущелье экспедицией КазПИ имени Абая ведутся раскопки трех могильников. Могильник Тамгалы I расположен в 150 м к северо-западу от входа в ущелье на предгорной равнине. Часть погребений не выявлена из-за сильно задернованной местности. Могильник состоит из отдельных подквадратных оград (рис. 2, *б*). В каждой ограде устроено одно погребение взрослого человека в ящике. Детские погребения примыкают к ограде захоронения взрослого с внешней стороны и своих оград, за исключением не-

© А. Н. Марьяшев, А. А. Горячев, 1993 г.

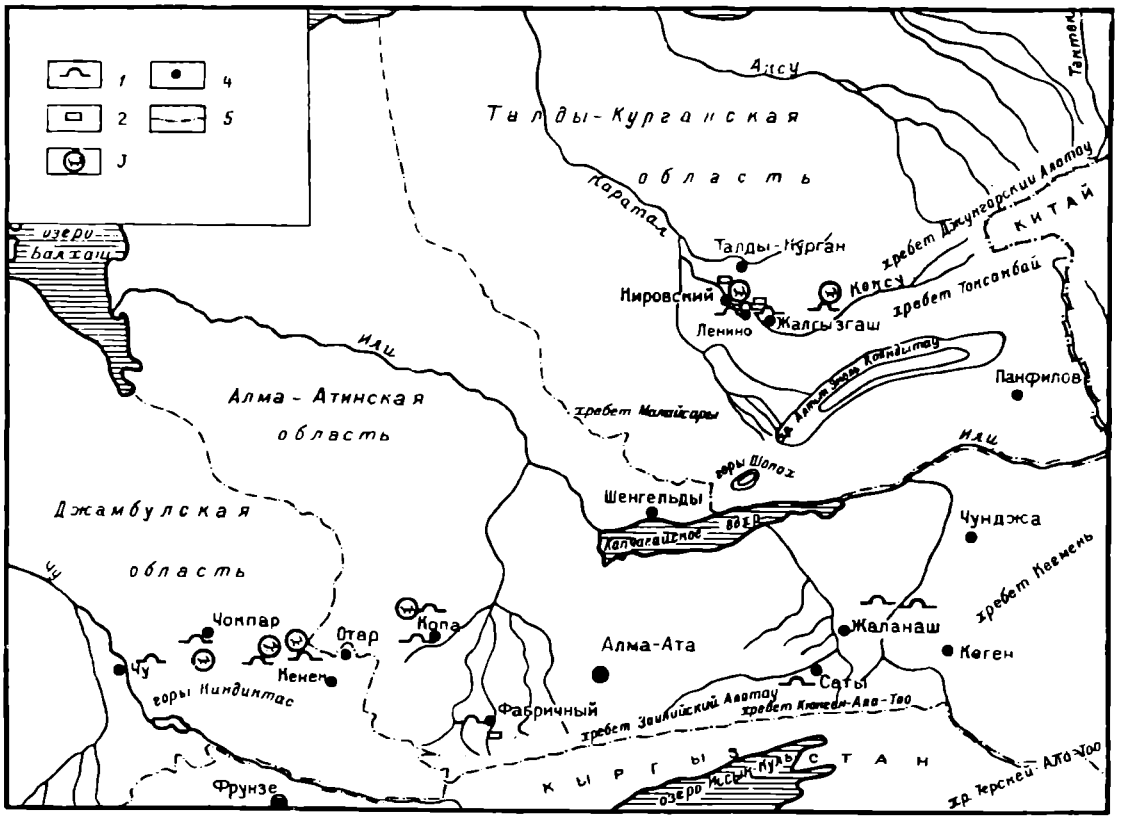


Рис. 1. Карта расположения памятников эпохи бронзы на территории Семиречья: *1* — могильник; *2* — поселение; *3* — наскальные изображения; *4* — современные населенные пункты; *5* — границы областей

скольких случаев, не имеют. Ограды ориентированы по сторонам света, взрослые погребения по оси В-З, детские погребения строгой ориентации не имеют. Исключение составляет ограда 2, где были обнаружены спаренные ящики с погребением взрослых и один детский ящик. Еще три детских ящика примыкали к ограде с внешней стороны. В ограде обнаружено три сосуда в ящиках. Два сосуда найдены вне погребений внутри ограды, огражденные небольшими оградками из камней. В ящике 1 выявлены фрагменты костей взрослого человека и угольки, в ящике 2 — погребение взрослой женщины в скорченном положении на левом боку, головой на запад. Вещественный материал могильника представлен керамикой, бронзовыми и пастовыми бусами, височным кольцом (рис. 3, *б*). По характеру конструкций могильник Тамгалы I имеет некоторые аналогии в Центральном Казахстане с комплексом Карасай, который датируется атасуйским этапом [1, с. 117].

Могильник Тамгалы II расположен в 100 м к западу от входа в ущелье на ровной площадке между тремя сопками. Он состоит из крупных оград подпрямоугольной формы, в каждой из которых не менее трех погребений взрослых (рис. 2, *а*). Детские погребения всегда отделены от взрослых захоронений оградами или вынесены за пределы основной ограды. Погребальные конструкции представлены цистами, ящиками и ящиками-цистами. Ящики-цисты отличаются от цист тем, что их западные и восточные стенки сложены из крупных плит, вкопанных на ребро, а северные и южные составлены из плоских брусков, уложенных плашмя.

Большинство погребений не имеет плит перекрытия. Костные останки обнаружены только в цистах. В цистах погребенные находились в скорченном положении на левом боку, головой на запад. Сосуд устанавливался в изголовье, обычно с лицевой стороны. В погребениях найдены только керамика и бусы. По аналогиям с конструкциями из погребений в могильнике Айшрак Б могильник Тамгалы II может быть отнесен к эпохе развитой бронзы [2, с. 26—28].

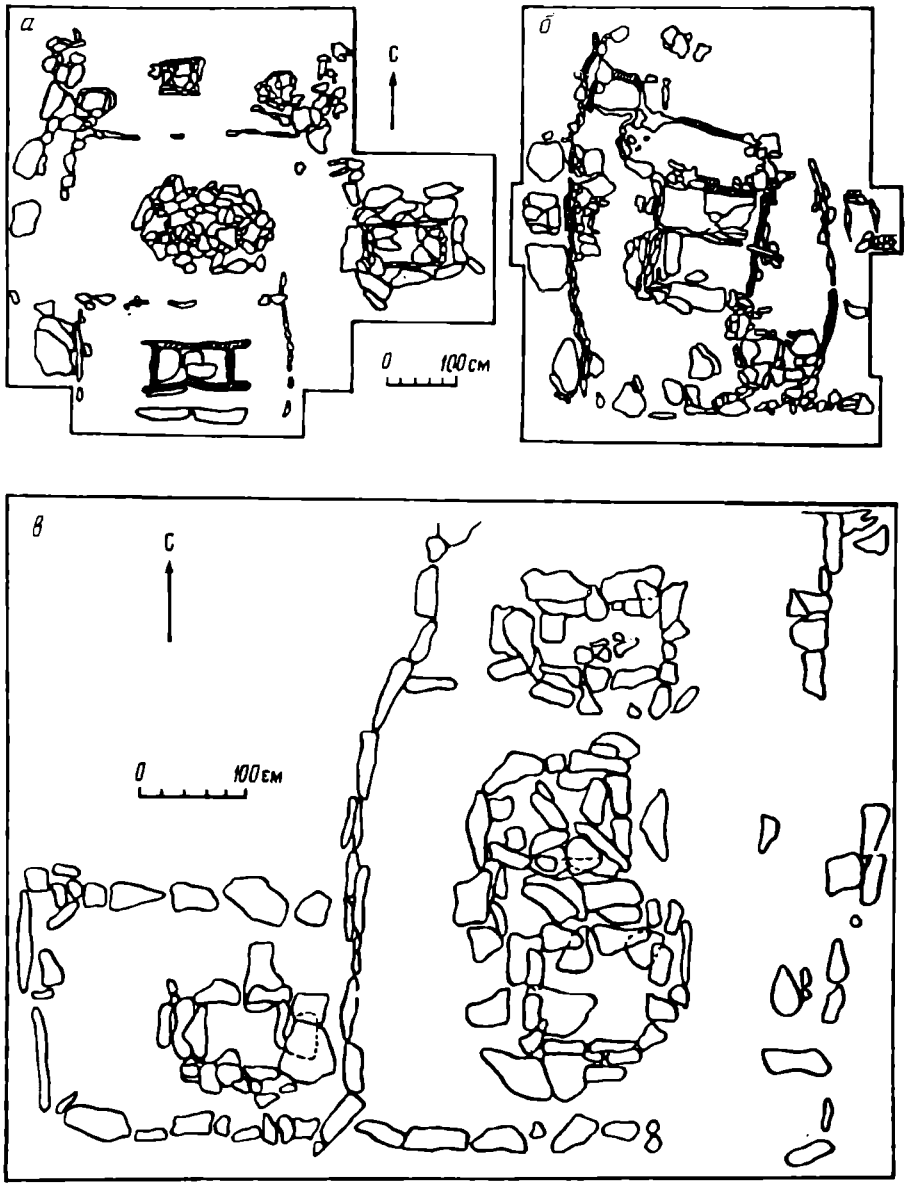


Рис. 2. Могильники эпохи бронзы ущелья Тамгалы (основные типы погребальных конструкций): *а* — могильник Тамгалы III, ограда 1; *б* — могильник Тамгалы I, ограда 2; *в* — могильник Тамгалы II, ограда 1

Могильник Тамгалы III находится в 1,2 км от входа в ущелье к югу и расположен на небольшой возвышенности. Значительная часть его разрушена, а из сохранившихся погребений часть осталась без плит перекрытия.

Особенностью этого могильника является устройство погребальных сооружений на коренной скальной породе, где часть могильных ям вырубалась в скале (рис. 2, *а*). Погребения взрослых заключены в ограды подпрямоугольной формы со скошенными углами. Детские погребения всегда вынесены за пределы ограды. Погребальные конструкции представлены тремя цистами, одной цистой-ящиком, остальные погребения совершены в ящиках. Цисты сложены из плоских, тщательно подобранных плит. В некоторых местах плиты цист скреплены глиняным раствором. Ящики сооружены из тщательно подобранных ровных плоских плит, в некоторых случаях укреплены по углам каменными подпорками. В четырех погребениях обнаружены остатки трупоположения, в пяти — трупосожжения, в шести следов погребения не обнаружено. Погребенные по обряду трупоположения находились в скорченном положении на левом боку, головой на запад. С восточной стороны могильник завершает культовая ограда округлой

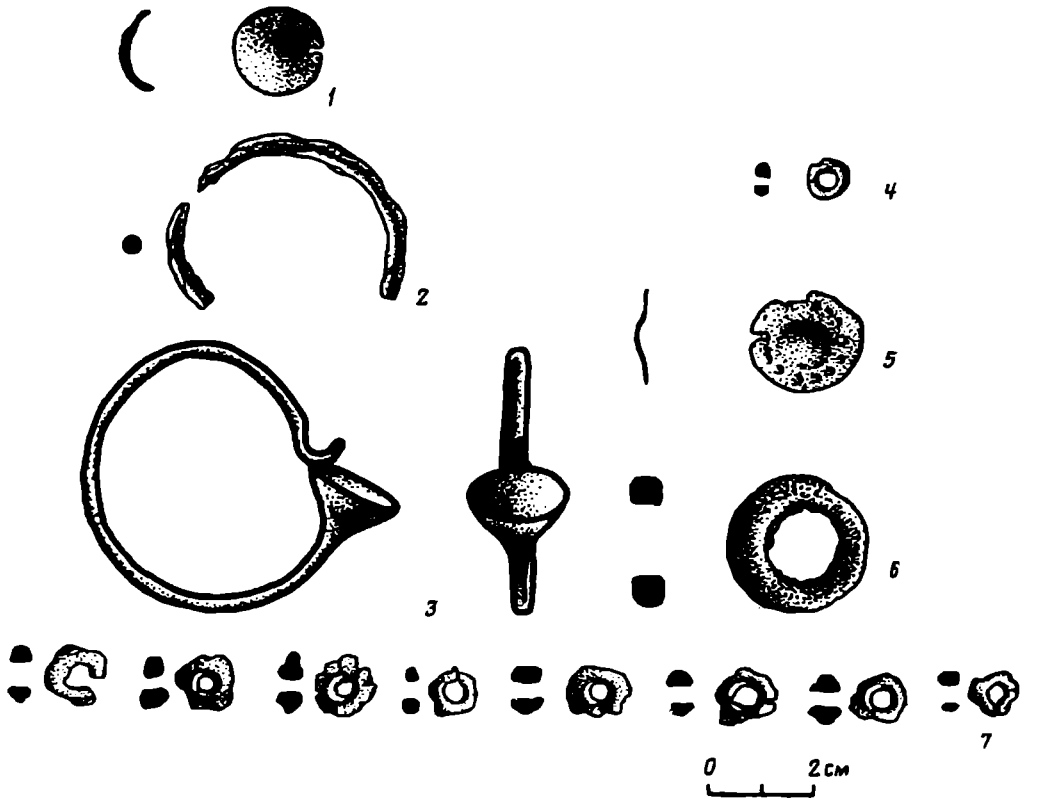


Рис. 3. Бронзовые изделия: *1*, *2*, *4—7* — могильники ущелья Тамгалы; *3* — могильник Ой-Джайляу III

формы, сложенная из вкопанных на ребро плит и камней, диаметром 3 м. Внутри ограды на глубине 10 см обнаружена вымостка из мелких камней и небольших плит. Центр ограды имеет форму овала. С восточной стороны ограды обнаружен мощный зольник.

Найденные в погребениях бусы можно разделить на два типа (рис. 3, *4*, *7*): биконические с выступающим ребром и сделанные из расплющенной проволоки. Интересна бронзовая бляшка округлой формы (рис. 3, *5*), диаметром 19 см, изготовленная из бронзового листа. На бляшку мелким чеканом нанесены перлы; один крупный (диаметр 7 мм) находится в центре, другие — мелкие перлы размещены по всей окружности бляшки.

Керамический материал из могильников Тамгалы I, II, III представлен 16 целыми и 7 фрагментированными сосудами. Сосуды изготовлялись из глины с примесью мелкого и крупного речного песка, а также с органическими добавками, формовались на твердой основе методом кольцевого налепа. Затем внутренняя и внешняя поверхность сосуда обрабатывалась травой и твердым (иногда зубчатым) инструментом. Характер обжига разнообразен — равномерный и неравномерный. Среди форм сосудов в могильниках комплекса Тамгалы встречаются горшковидные, баночные и в форме миски. Все горшковидные сосуды (рис. 4, *1—3*, *5*, *6*) широкогорлые плоскодонные. Венчики отогнуты наружу, переходят в короткую шейку. Плечико либо со слабовыраженным уступчиком, либо плавнопрофилированное. Узкое тулово плавно сужается ко дну. Переход ко дну прямой, тупоугольный или с поддоном.

Сосуды баночных форм (рис. 4, *4*, *7*, *9*, *11*) также широкогорлые и плоскодонные. Прямой венчик переходит в слегка раздутое тулово, которое плавно сужается ко дну. Переход ко дну прямой или тупоугольный. Сосуд в форме миски (рис. 4, *10*) был обнаружен в могильнике Тамгалы III. Он очень близок по форме сосуду из соседнего могильника раннего железного века — Тамгалы

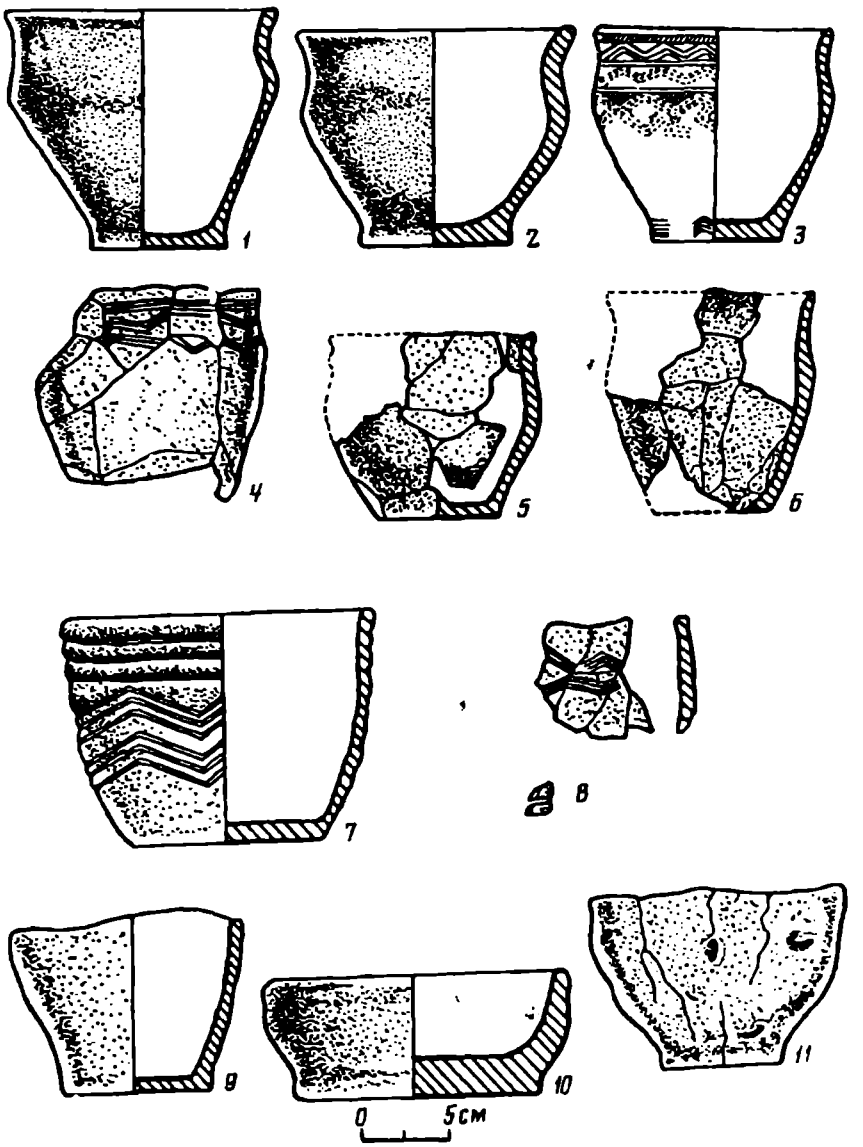


Рис. 4. Керамика могильников Тамгалы, I, II, III

IV, однако форма дна и способ изготовления миски характерны для эпохи бронзы.

В комплексе Тамгалы орнаментированы лишь четыре целых и два фрагментированных сосуда. Орнаментация небогатая, покрывает в основном их верхнюю часть. Лишь в одном случае встречается четкое зональное разделение орнамента по всей поверхности сосуда: под венчиком, по шейке, по плечику, по тулову и по поддону (рис. 4, *3*). Основной элемент орнамента — зигзагообразная линия, выполненная заостренной палочкой и мелкогребенчатым штампом. Среди других элементов орнамента встречаются прямоугольные треугольники вершинами вниз, заштрихованные косыми линиями, меандр, прямые линии, параллельные, елочкообразные и косые насечки, каннелюры. Техника нанесения орнамента — гладкий и мелкогребенчатый штамп. Прямых аналогий керамике могильников Тамгалы I, II, III среди уральских и казахстанских памятников нет, однако некоторые элементы формы и орнаментации сосудов удается проследить в материалах керамических комплексов могильников Каракудук [3, с. 70, табл. VII, *6*, *8*,*15*], Тау-Тары [4, с. 47—54], Бакланское [5, с. 250, рис. 105].

Сосуды баночных форм (рис. 4, *4*, *7*) в какой-то мере сопоставимы с сосудами из Трушниковского поселения [7, с. 270—271, табл. XXVII, *б*]. Все названные выше памятники датируются в пределах XIII—XI вв. до н. э. Кроме того,

Е. Е. Кузьмина некоторые из подобных форм сосудов (рис. 4, *1—3, 6*) относят к алакульскому типу и датирует XII—XI вв. до н. э. [6, с. 161].

Исходя из этих данных, можно определить, что все три могильника функционировали в пределах XIV—XII вв. до н. э. Анализ керамического материала дает основание считать, что на этой территории проживало население, усвоившее в большей степени алакульские традиции изготовления керамики и отдельные элементы, характерные для федоровских сосудов.

К этому же времени относится и основная часть петроглифов Тамгалы. Доказательством взимосвязи наскальных изображений и могильников могут служить находки плит с петроглифами в погребениях. Одна такая плита с изображением козла в типично тамгалинской традиции была использована при сооружении могильника Каракудук, расположенного в 800 м от Тамгалы. Она была замечена спустя 10 лет после раскопок могильника. Плиту использовали как строительный материал [8, с. 4—8]. В могильнике Тамгалы II в ящике-цисте на стенке обнаружены петроглифы. На южной и западной стенках на отдельных плитах изображены люди в позе адорации и животные. Изображения перевернуты и расположены в самой нижней части могильной ямы, что исключает их связь с погребальным обрядом. Интересен тот факт, что изображение адорантов совсем не имело патины, следовательно, оно попало в ящик-цисту вскоре после того, как было высечено на скале. Вероятно, строители цисты просто использовали плиты, откалывающиеся от скал на сопках.

В урочище Тамгалы находится около 4 тыс. петроглифов, из них 2 тыс. расположены в самом ущелье. Сгруппированы они в основном в нижней части ущелья. Петроглифы относятся к трем эпохам, но основная часть их датируется эпохой бронзы. Как было уже отмечено, наиболее древние изображения созданы примерно в то время, когда появились и могильники эпохи бронзы. Видимо, здесь находилось крупное межродовое святилище. Косвенным образом об этом можно судить по расположению могильников этого времени вблизи скоплений петроглифов. Судя по конструкциям и месторасположению могильника, они заметно отличались друг от друга. Вероятно, каждый из могильников принадлежал разным родам, и сооружались, возможно, они в разное время, но в пределах одной эпохи. Наиболее древние петроглифы находятся у самого входа в ущелье (I, II и III группы). Здесь обнаружены самые архаичные изображения, известные по другим памятникам. К ним можно отнести фигуры диких быков, ряженных в звериные шкуры людей с хвостами, солнцеголовых божеств, солярные знаки, фигуры адорантов, стоящих попарно в характерной позе, диких лошадей, фигуры пляшущих воинов или охотников. Изображения IV и V групп расположены в 150 м выше по ущелью по обе стороны ручья. Можно предположить, что эти петроглифы появились несколько позже, поскольку среди них нет некоторых сюжетов, характерных для I—III групп. В IV группе на верхнем ярусе скал, которые возвышаются над ровной площадкой и жертвенником, высечены крупные изображения «пляшущих» людей. Между людьми и божествами расположены фигуры животных [8, с. 10]. До последнего времени было принято считать, что на скале высечены фигуры 12 пляшущих мужчин, образующих хоровод, однако при съемке на микалентную бумагу всей сцены выяснилось, что в центре между «пляшущими» находится изображение роженицы, символизирующей идею плодородия. К северо-востоку от этой сцены выбито еще несколько крупных изображений солярных божеств. Характерно, что все они отличаются друг от друга: у одних голова имеет форму диска с расходящимися лучами, у других вокруг круга выбиты лунки — солнечные пятна. В V группе петроглифов, расположенной в 50 м напротив IV группы на правом берегу ручья, выбиты солнцеголовые божества над лошадью и оленем, колесница, быки и другие изображения. Возможно, эта группа появилась позднее, поскольку заканчивают ее три фигуры оленей с поджатыми ногами, один под другим. Такое регистровое размещение фигур на плоскости встречается на оленных камнях Монголии [9, с. 107]. По стилю эти гравюры близки «клювовидным» оленям Центральной Азии [10, табл. 12]. От-

сутствие в этой группе некоторых архаичных и появление стилизованных изображений оленей дает основание полагать, что заполнение скальных плоскостей ущелья в древности шло снизу вверх. Остальные петроглифы расположены на сопках выше по ущелью и в боковых саях, в основном северо-западнее основного ущелья.

Поскольку могильники и петроглифы сосуществовали какое-то время, можно считать, что наиболее древние из них были высечены еще в эпоху развитой бронзы. Многие сюжеты Тамгалы известны среди наиболее архаичных гравировок Саймалы-Таша. Это фигуры ряженых и хвостатых, колесницы, запряженные быками, брачные пары, наконец, изображения солнцеголовых богов и солярных символов, а также очкообразные знаки, связанные с солярной символикой. Именно эти сюжеты характерны для петроглифов в горах Каратау, Таласского и Джунгарского Алатау. Датируются они также эпохой бронзы [11, с. 151]. Тамгалинские петроглифы представляют большой интерес для исследователей, поскольку здесь сосредоточено значительное количество культовых сюжетов. Среди таких сюжетов встречаются жертвоприношение, сцены, связанные с культом плодородия, изображение плясок и хороводов, людей в масках и в звериных шкурах, изображения солнечных богов над определенными животными. Не останавливаясь подробно на вопросах семантики отдельных петроглифов, отметим, что все они связаны с мифопоэтическим миропониманием первобытных людей, которые отличаются синкретическим, нерасчлененным восприятием мира. Так, в изображении людей под божествами можно усмотреть мысль о благотворном солнце и плодородии, что подчеркивает сцена с роженицей в центре композиции; в сцене убиения быка угадывается идея принесения в жертву священного животного солнцеголовому божеству; характерные знаки и символы рядом с колесницей, запряженной быками, могут указывать на существование культа солнечной колесницы. Изображение пары солнечных богов, возможно, подчеркивает идею мужского и женского начал. Изображение божеств вверху над людьми и животными, возможно, показывает вертикальную модель мира с присущей ей этажностью. В целом петроглифы ущелья Тамгалы достаточно полно отражают мировоззрение племен эпохи бронзы, населявших данную территорию.

Археологический комплекс Ой-Джайляу. Другим характерным комплексом эпохи бронзы Семиречья являются памятники урочища Ой-Джайляу, которые находятся в 40 км к западу от ст. Отрар Курдайского р-на Джамбулской обл. Урочище представляет собой плато, ограниченное невысокими сопками, расположенное на высоте около 1200 м над уровнем моря. Плато пересечено глубокими логами — древними руслами рек, стекавших на равнину с юго-запада на северо-восток. Урочище тянется на 6—7 км с востока на запад и 4—5 км с юга на север. Могильник Ой-Джайляу III находится в западной части урочища на ровной площадке в одной из седловин холма у края оврага. Общая площадь его составляет около 1500 м^2, из них раскопано 860 м^2, на которых было обнаружено 51 погребение (рис. 5). Могильник представляет собой конструкцию, состоящую из подквадратных оград, сложенных из крупных плит и крупных камней, уложенных плашмя в один—три слоя. Ограды ориентированы по оси СВ—ЮЗ. Размеры оград от 1,6×1,2 до 4×4 м. Ограды центральной части могильника плотно сгруппированы и имеют общие стенки друг с другом. Внутри ограды устраивалось обычно одно погребение взрослого человека в ящике (исключение составляют ящики 25, 34—35). Ящики сложены из ровных прямоугольных плит, плотно подогнанных друг к другу. В некоторых случаях между плитами вставлялись клинья. Детские захоронения производились как в каменных ящиках, так и в грунтовых ямах. Сверху кроме плиты перекрытия имеют обычно выкладку из камней мелких и средних размеров. Ограды вокруг детских захоронений не обнаружены. Большая часть детских ящиков сосредоточена в восточной и юго-восточной частях могильника. Практически все погребения ориентированы в направлении В-З с небольшими отклонениями, за исключением двух детских ящиков, ориентированных по оси С—Ю. Предварительный антропологический

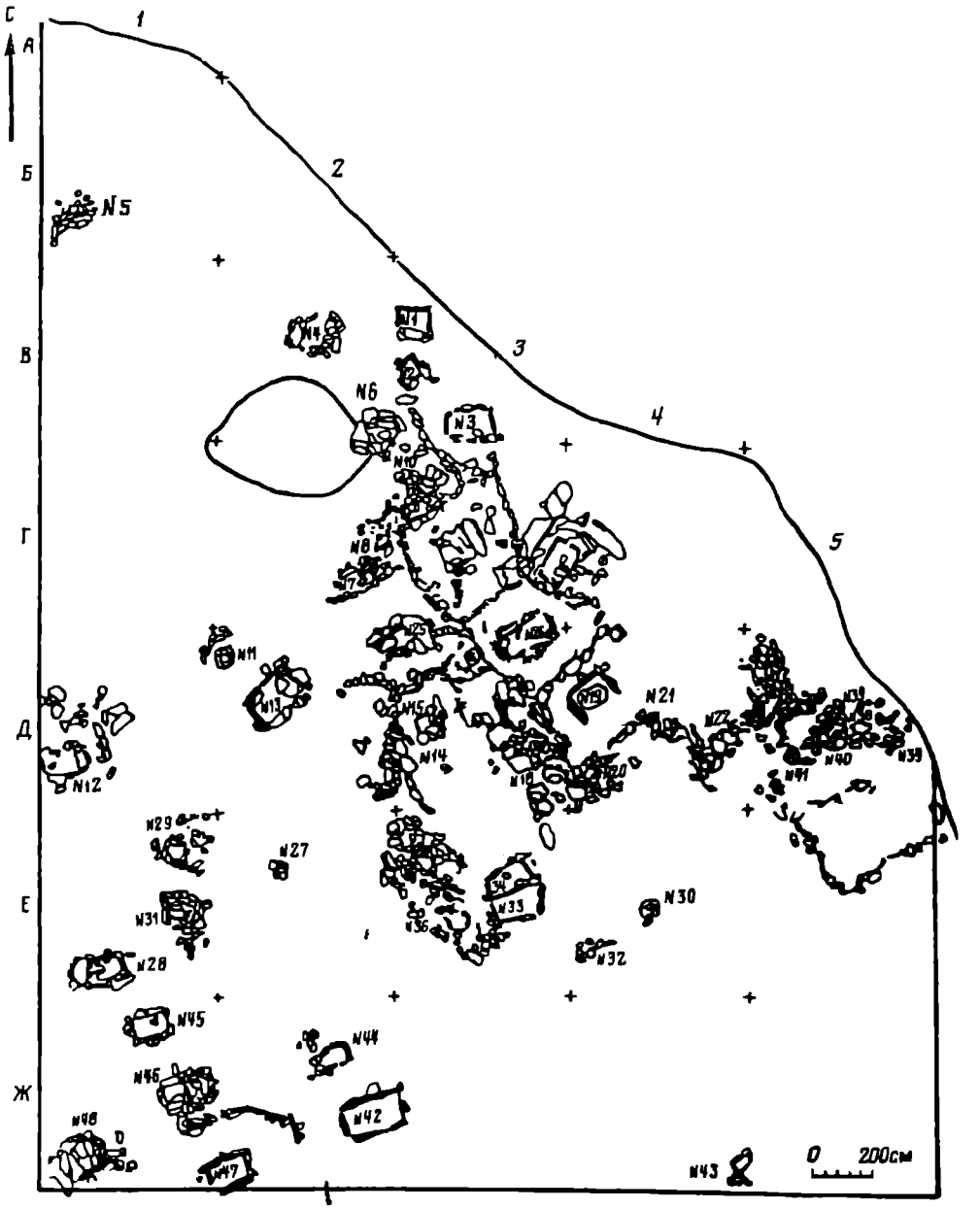


Рис. 5. Могильник Ой-Джайляу III

анализ, проведенный О. И. Исмагуловым, свидетельствует о принадлежности погребенных к большой европеоидной расе. В могильнике Ой-Джайляу III встречаются два типа погребального обряда — трупосожжение и трупоположение.

Погребения с трупосожжением встречаются пока в южной части могильника (ящики 45 и 47) и в основном не имеют сопутствующего материала (за исключением отдельных фрагментов керамики и одной-двух бусин биконической формы).

Костяки зафиксированы в скорченном виде на левом боку, головой на запад (сообразно ориентировке каменных ящиков). В изголовье погребенных устанавливалась керамическая посуда (от одного до трех сосудов). Сверху посуда накрывалась крышкой в виде плоской каменной плитки или фрагмента другого сосуда.

Весьма разнообразными были детали погребального обряда в зависимости от пола, возраста и социального положения погребенного. Так, захоронения грудных детей и мальчиков детского возраста[1] производились в каменных ящиках или

[1] Определение пола и возраста погребенных произведено О. И. Исмагуловым и А. О. Исмагуловой.

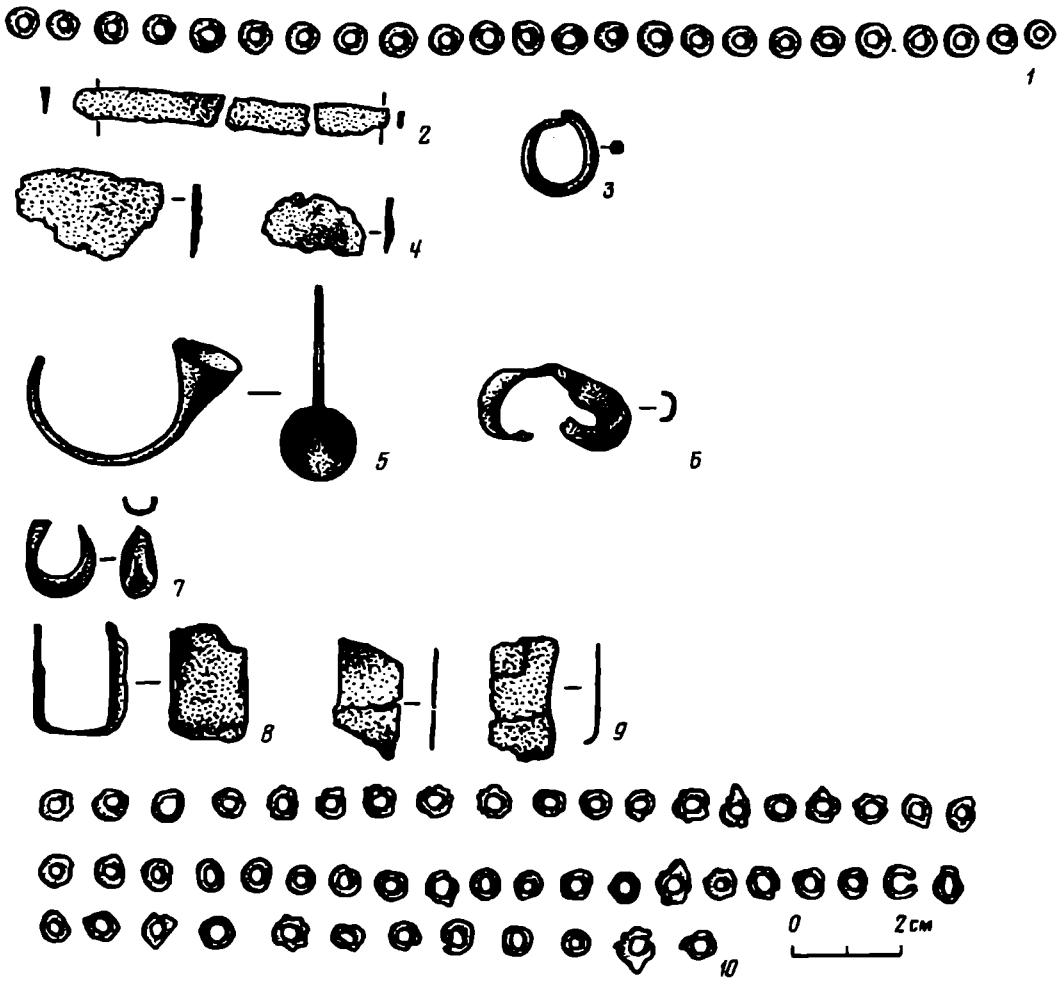


Рис. 6. Бронзовые изделия: *1—4* — могильник Талапты II; *5—10* — могильник Ой-Джайляу III

грунтовых ямах размерами от 30×25×10 до 80×55×50 см. Ориентировка погребений по оси З—В соблюдалась не всегда (ящик 8, яма 9). Вещевой материал, за исключением керамического сосуда, практически не встречается. Сосуды разнообразны — от невыразительных и маленьких по размерам баночной и горшковидной формы до хорошо проработанных по форме и украшенных геометрическим орнаментом горшковидных сосудов, размерами от 7,5×7,9 до 18×11,5×18 см[2]. Среди детских погребений выделяются захоронения девочек с набором бронзовых бус и серьгой с раструбом (ящик 2). В изголовье также устанавливался горшковидный сосуд размерами 12,5×8×13,5 см.

В погребениях взрослых мужчин обычно находятся бронзовые бусы у щиколоток ног. Керамическая посуда, поставленная в изголовье, баночной или горшковидной формы, иногда проработана даже хуже, чем посуда в погребениях детей, изредка орнаментирована. В большинстве случаев размеры ее значительно крупней, чем во всех других погребениях (ящик 1 в ограде 1 — 19×9×20 см).

В погребениях взрослых женщин наиболее разнообразны украшения: бронзовые браслеты, височные кольца, бронзовые и пастовые бусы различных форм. Сосуды, находящиеся в изголовье, почти все орнаментированы.

Из всех погребений могильника по своему устройству выделяются два взрослых «заглубленных» захоронения (ящики 25 и 26). Их особенностью является то, что непосредственно сам ящик сооружался ниже уровня древней поверхности, на которой устанавливалась ограда. Оба ящика имеют наброску из камней мелких и средних размеров по периметру ящиков. Кроме того, в погребении 25

[2] Основные параметры сосуда: высота, диаметр по дну, диаметр по венчику.

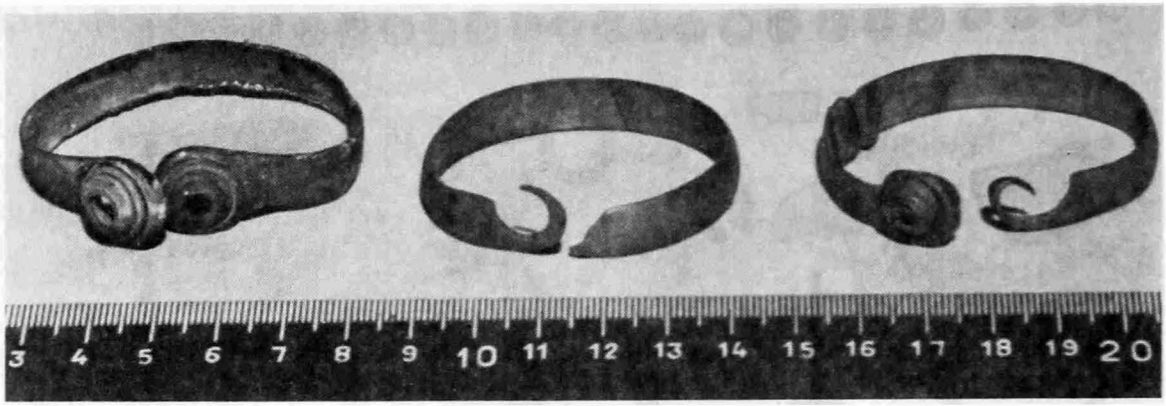


Рис. 7. Бронзовые браслеты из погребения 34 могильника Ой-Джайляу III

обнаружено парное захоронение мужчин 35—40 и 45—50 лет. Особый интерес представляет погребение в сдвоенном ящике 34—35, в одном из которых (ящик 34) было выявлено парное захоронение юноши 17—18 лет и молодой женщины 18—20 лет. Мужской костяк (полностью сохранившийся) находился у южной стенки в скорченном положении на левом боку, головой на запад, без следов сопровождающего инвентаря. Женский костяк (без черепа и с разрушенной нижней частью скелета) находился у северной стенки в скорченном положении на левом боку, головой на запад. В изголовье между погребенными находились два разрушенных сосуда. На руках женщины были браслеты со спиралью (два на левой руке, один на правой). Кроме того, на руках и у щиколоток ног найдены бронзовые и пастовые бусы.

Вещевой материал могильника Ой-Джайляу III представлен бронзовыми и пастовыми бусами, серьгами с раструбом (2 экз.) и браслетами (3 экз.). Бронзовые серьги с раструбом (рис. 3, *3*; 6, *5*) находят аналоги в материалах комплекса Сангру II [2, с. 320, рис. 230, *40*, *41*]. Бронзовые браслеты со спиралью (рис. 7) известны в нескольких казахстанских комплексах [2, с. 316, рис. 229], датируемых в основном эпохой развитой бронзы.

Керамический материал могильника Ой-Джайляу III представлен сосудами горшковидных и баночных форм (рис. 8). Сосуды изготовлены из глины с примесью мелкого и крупного речного песка и органических добавок. Они изготовлялись на твердой основе ленточным способом. Внутренняя и внешняя поверхность сосуда обрабатывалась травой и твердым инструментом. Обжиг сосудов разнообразный. Формы сосудов могильника отличаются большой вариабельностью, выраженной в соотношении высоты сосуда, диаметров горловины и тулова. Среди горшковидных сосудов преобладают сосуды с четко или слабо выраженным уступчиком (рис. 8, *1—3*); наряду с ними обнаружены сосуды с плавнопрофилированным туловом (рис. 8, *4—6*), которые отличаются более богатой орнаментацией. Среди сосудов баночных форм (рис. 8, *7—9*) встречаются низкие приземистые со слегка раздутым туловом и более высокие с прямыми стенками.

В орнаменте керамики могильника Ой-Джайляу III встречаются зигзагообразные линии, меандр, ряды треугольников с косой штриховкой вершинами вверх или вниз, горизонтальные елочки, «уточки», каннелюры и насечки. Зональное деление орнамента четко прослеживается лишь в сосудах с плавнопрофилированным плечиком. Наиболее характерная техника нанесения орнамента — гребенчатый штамп, реже — заостренная или затупленная палочка.

Наиболее близкие аналогии керамике могильника Ой-Джайляу III прослеживаются в алакульских комплексах Центрального Казахстана [1, с. 111, 115], хотя отдельные элементы форм и орнаментации встречаются в федоровских комплексах Восточного Казахстана [7, с. 270]. Е. Е. Кузьмина датирует сосуды подобных форм XV—XIII вв. до н. э. Учитывая приведенные аналогии из керамических комплексов Центрального и Восточного Казахстана, мы можем предположить время сооружения могильника в пределах XIV—XII вв. до н. э.

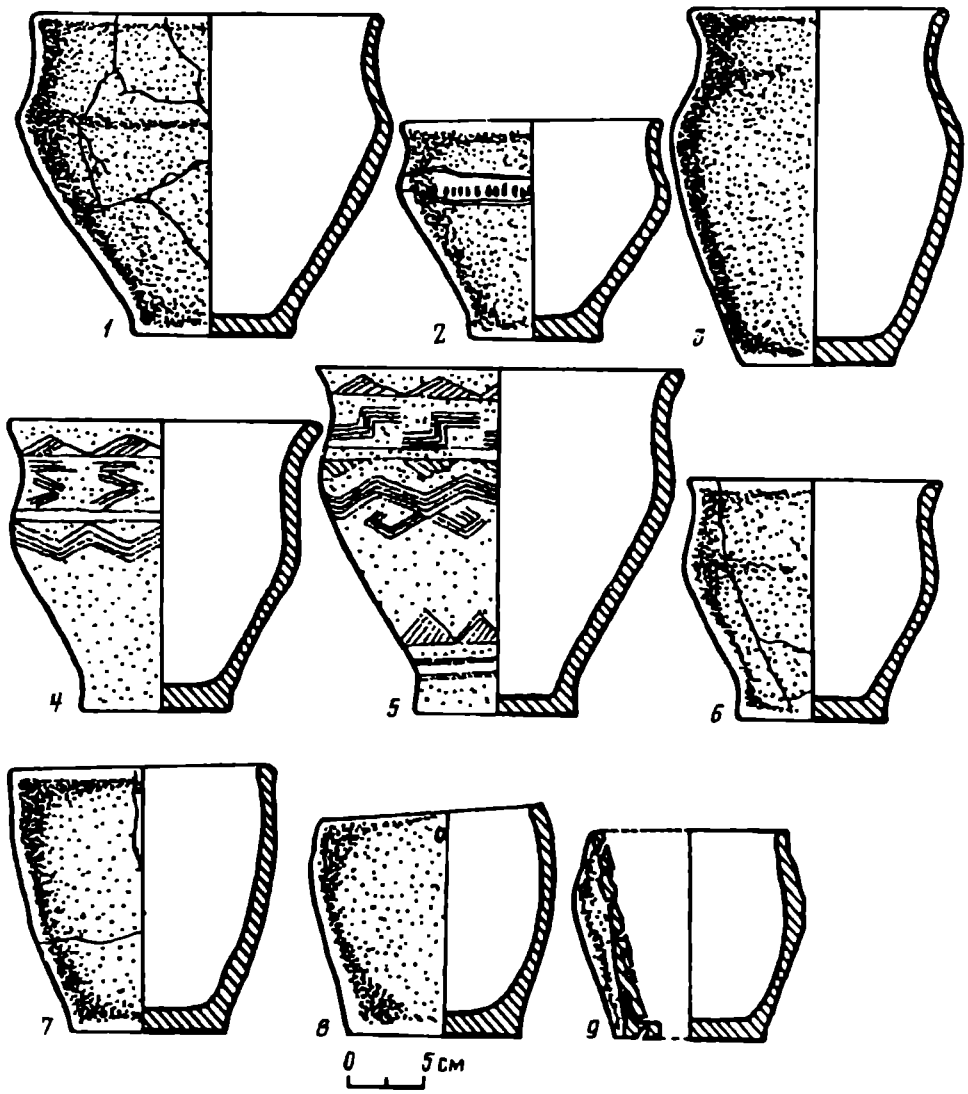


Рис. 8. Керамика могильника Ой-Джайляу III

Наскальные изображения Ой-Джайляу расположены в северо-западной части плато, на левом берегу небольшой речки на нескольких скальных блоках, в 1,2—1,3 км к северо-востоку от могильника Ой-Джайляу III. Они представлены петроглифами различных эпох: южная грань скалы, расположенная западнее, занята изображениями эпохи бронзы, на восточной ее грани высечено изображение «клювовидного» оленя, относящееся, видимо, к раннему этапу раннего железного века; на скале, находящейся в 50—70 м восточнее, размещена прекрасная композиция древнетюркского времени с оленями, всадниками со знаменами и пешими лучниками.

Петроглифы эпохи бронзы немногочисленны — около 20 изображений. Нанесены они на ровные плиты в несколько ярусов: на отдельной плите внизу высечены быки, адоранты, козлы, антропоморфные существа, выше — быки. На верхнем ярусе снова быки. Между ними сцена боя между всадниками на лошадях, вооруженными клевцами или чеканами. Петроглифы с быками и людьми нанесены мелкоточечной техникой, фигуры всадников слабо различимы, выполнены неглубокими ударами по камню и несколько отличаются по степени патинизации от других изображений. Датирующих рисунки признаков немного; фигуры быков-туров выполнены в тамгалинской традиции, изображения адорантов, стоящих попарно, хорошо известны в святилищах эпохи бронзы Казахстана и Киргизии.

Судя по стилю и сюжетам, эти изображения относятся к эпохе развитой бронзы, что согласуется с материалами раскопок могильника Ой-Джайляу III.

Археологические комплексы долины р. Коксу. Археологические памятники долины р. Коксу расположены в горах Ешке-Ольмес у западной оконечности Джунгарского Алатау. Имеющиеся у нас материалы можно разделить на два самостоятельных комплекса: 1) могильники Куйган I, II, III с поселением Куйган и 2) могильники Талапты I, II, III с поселением Талапты I и сопкой с центральным святилищем, расположенной над могильниками.

Как правило, поселения находились на некотором расстоянии от могильников, в 300—400 м и были устроены на верхних террасах на ровном месте. На сухой каменистой верхней террасе р. Коксу размещались могильники.

Установить хронологическую связь поселений, могильников и петроглифов стало возможным после того, как была разработана хронология петроглифов эпохи бронзы Семиречья и Южного Казахстана. Могильник Талапты I находится на верхней террасе р. Коксу, в 3 км к северу от с. Талапты [12, с. 24—39]. Выявлено и раскопано 18 погребений. В могильнике Талапты I существовали три типа погребальных сооружений: ящики (10 шт.), ящики-цисты (6 шт.), цисты (2 шт.). Погребальные камеры в основном ориентированы по оси В—З. Захоронения совершались по обряду трупосожжения (3 случая) и трупоположения (11 случаев), в скорченном положении на левом боку, головой на запад. В одном случае скелет женщины лежал на правом боку. Сосуд устанавливался в изголовье. Вещественный материал беден, кроме керамики представлен еще и бусами. По типу надмогильных сооружений, обряду захоронения и сопровождающему инвентарю могильник Талапты I близок могильнику Каракудук.

Могильник Талапты II находится в 400 м западнее могильника Талапты I. Раскопано 13 погребений, которые совершались в погребальных камерах трех типов: в грунтовых ямах (3 случая); в грунтовой яме с прямоугольной выкладкой на дне (1 случай); в ящиках (9 случаев). Почти все захоронения ориентированы по оси В—З и совершались по обряду трупоположения в скорченном положении на левом боку, головой на запад. Сосуды устанавливались в изголовье. Вещевой материал представлен керамическими сосудами и двумя серьгами. Серьги сделаны из тонкого бронзового листа, свернутого в полую трубочку на органической основе. Один конец заострен и входит в трубчатое расширение другого. Диаметр различный — 4,5 и 3 см. Меньшая серьга изготовлена необычным способом: органическая основа сначала обернута золотой фольгой, поверх которой наложен бронзовый лист. В целом могильник Талапты II близок могильнику Талапты I, хотя и существуют некоторые отличия в типах погребальных конструкций.

Керамический материал обоих могильников представлен 13 целыми сосудами горшковидной и баночной формы (рис. 9). Техника их изготовления аналогична технике изготовления керамики других семиреченских могильников. В сравнении с комплексами Западного Семиречья керамика могильников Талапты I и II несколько отличается единообразием форм и орнаментацией. Горшковидные сосуды в основном имеют плавную профилировку низко посаженного плечика. Баночные сосуды низкие, приземистые, с прямыми стенками. Среди элементов орнамента ведущими становятся ряды каннелюр, косых насечек, ногтевидных вдавлений, косых треугольников. Изредка встречаются меандр и зигзагообразные линии. Орнаментом покрывается преимущественно верхняя часть сосуда.

Частично аналогии керамическому комплексу Талапты наблюдаются в федоровских комплексах Восточного Казахстана [13, с. 24—39], Южной Сибири [14, табл. VII] и Киргизии [15, рис. 3, 4, 16]. Подобные формы и орнаментация сосудов почти всегда встречаются (по С. С. Черникову) совместно с валиковой (саргаринской) керамикой, что подтверждается раскопками поселения Талапты I. Эти данные позволяют датировать время функционирования могильников Талапты I, II в пределах XII—X вв. до н. э. Предварительный антропологический анализ, проведенный О. И. Исмагуловым, свидетельствует о принадлежности погребенных южносибирскому типу европеоидной расы.

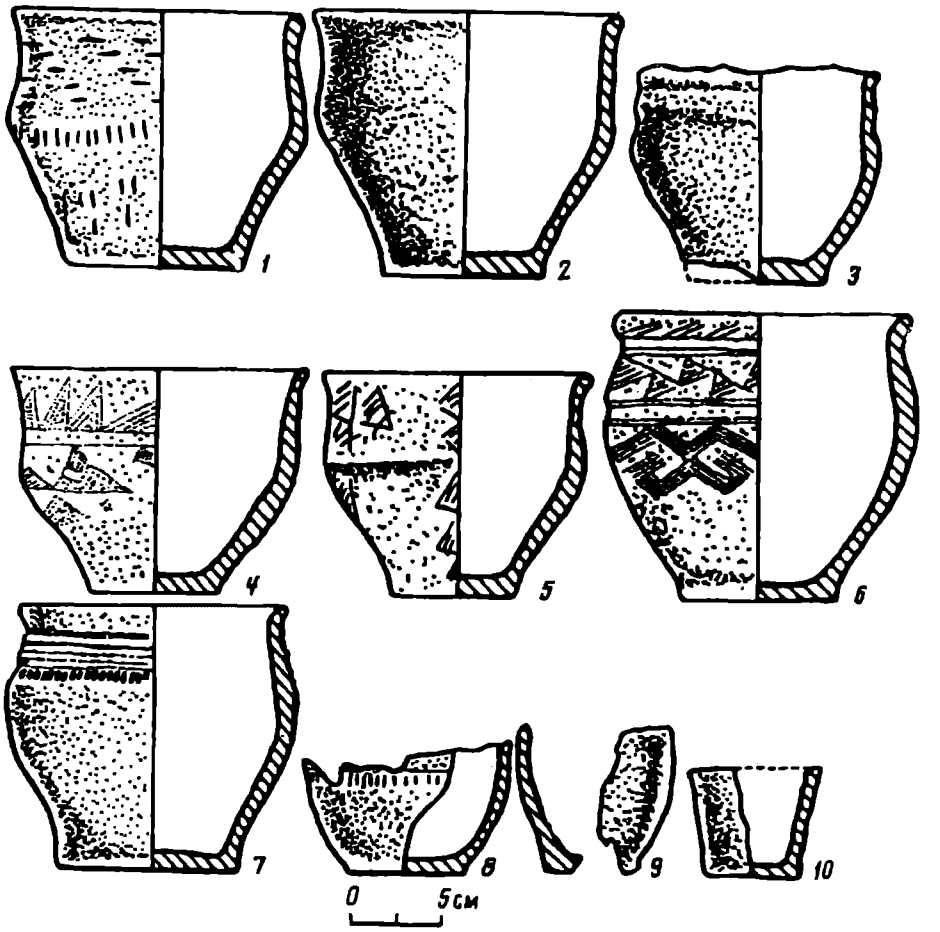


Рис. 9. Керамика могильников Талапты I, II

Поселение Талапты I расположено в 6,2 км выше плотины, на правом берегу р. Коксу, в 600 м западнее могильника Талапты II. На поверхности прослеживаются контуры двух-трех жилищ, общая площадь поселения, по предварительным подсчетам, составляет ~4000 м^2.

Поселение находится на 10—12 м выше уровня реки. Было вскрыто одно жилище и часть жилого дома, сползающая к реке. Большое жилище (рис. 10) представляло собой выкладку из камней прямоугольной формы, ориентированную по сторонам света. Размеры его 16×18 м. Камни были уложены в один ряд. С восточной стороны к выкладке примыкала Г-образная пристройка — вход в жилище. Жилище было заглублено в землю на 60—100 см от уровня современной поверхности. Пол жилища хорошо утрамбован и прорезан многочисленными ямами хозяйственного назначения. В центре располагался очаг прямоугольной формы, сложенный из крупных, вкопанных на ребро каменных плит и камней. Размеры очага — 2,4×2,2 м. Толщина зольного слоя достигала 40 см. Вокруг очага располагалось несколько ям. Одна из них была обложена ровными каменными плитами, вкопанными на ребро, дно также вымощено плитами. Сверху она была заложена крупными камнями. В ямах найдены кости животных, фрагменты керамики. Часть ям — столбовые.

Вдоль северной стены жилища сохранилась вымостка из камней, покрытая толстым слоем золы. Протяженность ее ~15 м, ширина 1,6 м. В восточной ее части среди камней на полу были найдены каменные изделия — песты, зернотерки, три костяных наконечника стрел, в западной части выкладки найдены насыпанная горкой на полу медная руда, пестики, а также костяные изделия — лощила, трубки, проколки. Судя по уплотненности зольного слоя, покрывшего всю вымостку и возвышающегося над полом на 30—40 см, это сооружение, очевидно,

Отделение

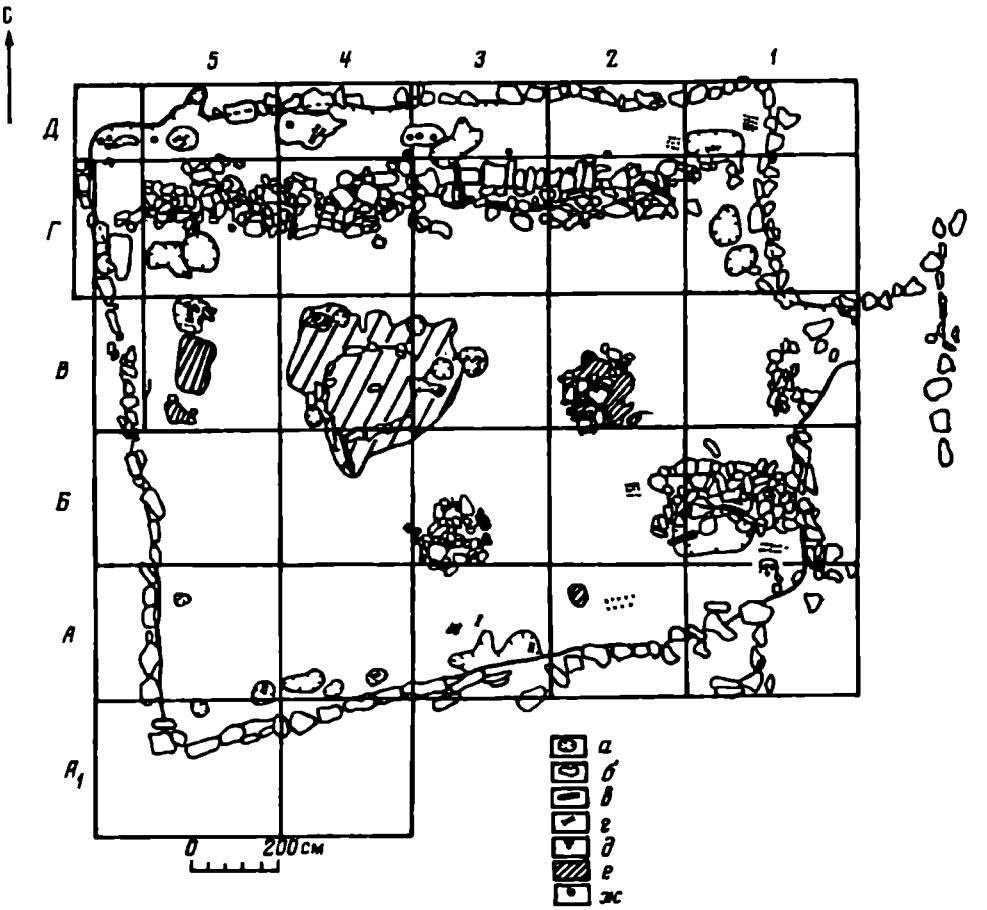


Рис. 10. Поселение Талапты I, жилище 1, *а* — яма; *б* — камни; *в* — вертикально установленные плиты; *г* — кости; *д* — керамика; *е* — зольник; *ж* — изделие

служило лежаком, накрывавшимся поверх слоя теплой золы шкурами. Аналогичная каменная конструкция с зольной засыпкой имелась в жилище у восточной стенки, в длину она не превышала 2 м.

В районе вымостки в ямах на полу найдено много фрагментов керамики. У большинства сосудов округлые плечики, и только на трех горшках имелся уступ при переходе от шейки к тулову. Сохранились фрагменты двух сосудов с валиками по венчику. Орнамент на сосудах беден. Орнаментированная зона ограничена полосой по шейке сосуда к плечику и представляет собой ряды косых и вертикальных насечек, зигзаги, горизонтальные линии, ряды круглых и ромбовидных вдавлений. Много фрагментов орнаментировано каннелюрами по шейке в два—три ряда. Изредка встречаются жемчужины.

Основной материал из жилищ — каменные изделия (44 экз.). Это песты, точила, терочники, ножевидные пластины, каменные ножи, изделия яйцевидной формы, скребла, мотыга, крышки к сосудам, пряслице, каменная булава с желобом для привязывания. Некоторые песты имели форму фаллоса. Большое количество костей животных дало возможность произвести их анализ. Было установлено, что 74,65% костей принадлежали мелкому рогатому скоту, 20% — крупному рогатому скоту, ~5% — лошади. Следовательно, основным в животноводстве был мелкий рогатый скот. Судя по материалу, поселение было однослойным и недолговременным, как и многие другие поселения эпохи поздней бронзы. Керамика поселения близка к саргаринско-алексеевской, по ряду показателей она сближается с керамикой поселения Кент из Центрального Казахстана и может быть датирована эпохой финальной бронзы, т. е. началом I тыс. до н. э. [16, с. 60].

Раскопки проводились также на могильниках Куйган I, II, III и одноименном поселении. Могильники Куйган I и III дали интересный материал. Керамика из

погребений разнообразна по формам и способу изготовления. Все сосуды можно разделить на баночные и горшковидные с округлым плечом, чаще без орнамента, иногда выделяются горшки, на которых рисунок — горизонтальный ряд косых треугольников — нанесен гребенчатым штампом. Есть несколько горшков с узкими и высокими поддонами, имеющими аналоги с керамикой из Южного Казахстана эпохи поздней бронзы [4, с. 37—56]. Этим же временем следует датировать и комплекс с погребальными сооружениями в урочище Куйган.

Петроглифы долины р. Коксу. О петроглифах в горах Ешке-Ольмес стало известно в 1981 г. после сообщения геолога Л. И. Скрынник. В 1982—1984 гг. они были исследованы археологической экспедицией КазПИ имени Абая. Петроглифы сосредоточены в шести коротких ущельях и на склонах гор. Самое крупное скопление наскальных изображений обнаружено в районе с. Талапты. Петроглифы разновременны. Самая многочисленная и древняя группа их относится к эпохе бронзы. Многие сюжеты хорошо известны по другим подобным памятникам — Тамгалы в Семиречье и Арпа-Узень в горах Каратау. К ним можно отнести изображения колесниц, солнцеголовых божеств, быков, сцены адорации и др. Некоторые из сюжетов встречаются впервые. Оригинальной можно считать сцену сражения трех лучников с великаном. Впервые встречается изображение человека с солнечными лучами на голове, стоящего на колеснице. Если в более древних святилищах на скалах запечатлены батальные сцены, где в качестве оружия ближнего боя используются палицы, то на скалах Ешке-Ольмес в руках у воинов показаны чаще чеканы, есть батальная сцена с использованием луков и стрел. На скалах высечено около сотни колесниц, однако почти все они запряжены лошадьми. Эти сюжеты указывают на то, что петроглифы в горах Ешке-Ольмес в долине р. Коксу появились несколько позднее. В эпоху поздней бронзы в наскальном искусстве наметились и другие перемены: увеличилось количество сцен боя, угона скота, нередки изображения с попыткой показать животных в движении. К этому времени ведущим становится мотив борьбы. Перемены наметились в технике нанесения наскальных изображений: появляется граффити, причем чаще всего контуры животных выбивались, а тонкие линии (ноги, уши, хвост, глаза) наносились острым и тонким предметом. Гравировки оказывают неоценимую помощь в датировке многих петроглифов. Благодаря мастерству и точности нанесения отдельных предметов (луков, стрел, палиц, кинжалов, боевых топоров) можно сопоставить некоторые из них с материалами раскопок и судить о времени появления петроглифов. Так, по рисункам видно, что стрелы имеют листовидную форму, лук простой, но в начале I тыс. до н. э. в отдельных сценах появляется лук скифского типа — с загнутыми вперед концами. Не исключено, что уже в эпоху бронзы шло усовершенствование такого лука, и мы наблюдаем прототип сложносоставного лука. Таким образом, анализ сюжетов и некоторых стилистических особенностей петроглифов хребта Ешке-Ольмес позволяет отнести их к эпохе поздней бронзы. Такая датировка согласуется с материалами раскопок Талапты I, II и позволяет объединить их в единый комплекс.

Анализ погребальных конструкций, обряда захоронений, вещественного материала, костей животных с поселения, а также некоторые сведения по антропологии позволяют сделать лишь весьма общее предварительное заключение о населении, проживавшем на территории Семиречья в эпоху бронзы. Сочетание федоровских и алакульских традиций в материалах одного могильника и даже отдельной погребальной конструкции (Тамгалы I, ограда 2) говорят о том, что уже в эпоху развитой бронзы население этого региона было смешанным. Это можно объяснить тем, что Семиречье в то время было зоной контактов племен Центрального и Восточного Казахстана. Это не означает, что такое положение было постоянным. Можно предположить, что первоначально культурное влияние алакульских племен было более значительным, но к концу II тыс. до н. э. увеличиваются восточные (федоровские) традиции, что прослеживается не только в керамике, но и в погребальных конструкциях, в сюжетах и стиле наскальных изображений долины р. Коксу.

Население Семиречья вело в эпоху бронзы сложное комплексное хозяйство, в котором ведущими направлениями были скотоводство и мотыжное земледелие. Направленность хозяйственного развития этих племен была предопределена циклическими изменениями климата, которые, по мнению исследователей, привели к уменьшению уровня воды в высокогорных озерах Тянь-Шаня [17]. Эти изменения сопровождались, как мы считаем, обезвоживанием степей и соответственно оттоком населения в долины крупных рек, предгорья (долина р. Коксу) и среднегорье (плато Ой-Джайляу). Пик засушливости приходился на рубеж II—I тыс. до н. э. Смена естественногеографических зон обитания приводила к поиску новых форм хозяйствования в новых условиях. Этот процесс происходил очень сложно и постепенно, сопровождался усилением межплеменной борьбы, что нашло отражение в петроглифах святилища Ешке-Ольмес и в гравировках из ущелья Теректы (сцены боя и угона скота).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Маргулан А. Х., Акишев К. А., Оразбаев А. М., Кадырбаев М. К.* Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966.
2. *Маргулан А. Х.* Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1979.
3. *Максимова А. Г.* Могильник эпохи бронзы в урочище Каракудук//Новые материалы по археологии и этнографии Казахстана. Алма-Ата, 1961.
4. *Максимова А. Г.* Могильник эпохи бронзы в урочище Тау-Тары//Археологические исследования на северных склонах Каратау. Алма-Ата, 1962.
5. *Потемкина Т. М.* Бронзовый век лесостепного Притоболья. М., 1985.
6. *Кузьмина Е. Е.* Гончарное производство у племен андроновской культурной общности//Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и среднего Востока. 1986.
7. *Черников С. С.* Восточный Казахстан в эпоху бронзы//МИА. 1968.
8. *Максимова А. Г., Ермолаева А. И., Марьяшев А. Н.* Наскальные изображения урочища Тамгалы. Алма-Ата, 1985.
9. *Новгородова Э. В.* Мир петроглифов Монголии. М., 1984.
10. *Дэвлет М. А.* Петроглифы на кочевой тропе. М., 1962.
11. *Кадырбаев М. К., Марьяшев А. Н.* Наскальные изображения Каратау. Алма-Ата, 1977.
12. *Марьяшев А. Н., Карабаспакова К. М.* Новые памятники эпохи бронзы Восточного Семиречья//Новые памятники Северной Азии и их охранные раскопки. Новосибирск, 1988.
13. *Зданович Г. Б.* К вопросу об андроновском культурно-историческом единстве//КСИА. 1984. Вып. 1.
14. *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири//МИА. 1949. № 9.
15. *Галочкина Н. Г.* Новые данные об исследовании памятников эпохи бронзы//Кетмень-Тюбе. Фрунзе, 1977.
16. *Варфоломеев В. В.* Относительная хронология керамических комплексов поселения Кент//Вопросы периодизации археологических памятников Центрального Казахстана. Караганда, 1987.
17. *Шнитников А. Б. и др.* Озера внутреннего Тянь-Шаня и их история//Физическая география и палеогеография. Л., 1989.

Институт археологии им. А. Х. Маргулана
АН республики Казахстан, Алма-Ата

MARYASHEV A. N., GORYACHEV A. A.

ABOUT THE TYPOLOGY AND CHRONOLOGY OF THE BRONZE EPOCH SITES IN SEMIRECHIE

Summary

The archaeological research of the Bronze epoch sites in Semirechie demonstrates the necessity in their complex investigation (settlements, cemeteries, altars, sanctuaries with rock images). The analyses of funeral rite, ceramic complexes and other things testify about mixed character of population of Semirechie in the middle of the II mil. B. C. with the elements of Alakulskaya and Fedorovskaya cultures of Andronovskaya cultural-historical community. The process of population of Semirechie by Andronovo tribes was accompanied by the reclamination of pre-mountained zone and middle-mountained zone and this process promoted to the formation of the nomadic forms of economy.

С. Н. САНЖАРОВ

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ И ХРОНОЛОГИИ В ПОЗДНЕКАТАКОМБНОЕ ВРЕМЯ

В конце 60-х годов на основе изучения позднекатакомбных материалов Нижнего Подонья и Подонцовья С. Н. Братченко была вычленена своеобразная группа памятников, условно названная бахмутским типом. Основная специфика вновь выделенного культурного образования заключалась в преемственности с донецкой и харьковско-воронежской (среднедонской) катакомбными культурами [1, с. 74, 75]. При разработке вопросов культурной характеристики и хронологии катакомбных погребений и поселений Среднего Дона бахмутские памятники рассматривались А. Д. Пряхиным [2, с. 18, 19, 84], А. Т. Синюком [3, с. 141, 150] и Ю. П. Матвеевым [4, с. 49—52]. В работу 1985 г. С. Н. Братченко и О. Г. Шапошникова включили бахмутские памятники в поздний период донецкой катакомбной культуры [5, с. 411]. Отдельным разделом позднедонецкие памятники Северского Донца представлены и в исследовании А. М. Смирнова [6, с. 18—21].

Смешанный облик выделенной С. Н. Братченко культурной группы, с одной стороны, продолжает вызывать значительный исследовательский интерес, а с другой — требует постоянных изысканий по уточнению и конкретизации своего содержания. Однако подробному изучению позднедонецких памятников бахмутского типа во многом препятствует редкость находок металлических изделий в составе погребального инвентаря [1, с. 73; 6, с. 19], и в частности, хорошо сохранившихся захоронений с комплексом предметов, включающих керамику. В этой связи определенный интерес представляют материалы неординарного погребения, обнаруженного на правобережье Северского Донца у г. Краматорска (к. 2, п. 10) [7].

Курган 2 входил в состав могильника из четырех насыпей, сооруженных на гребне водораздела в 0,5 км к северо-западу от западной окраины г. Краматорска. Современная высота кургана 1,2 м, диаметр около 25 м. Он имел округлую форму и сильно растянутые из-за интенсивной распашки полы. Всего в кургане исследовано 14 погребений: одно позднеямное, девять катакомбных, три срубного времени и одно позднекочевническое.

Погребение 10 выявлено на расстоянии 3,5 м от центра к западу с глубины 0,55 м от поверхности. Входная шахта в плане имела прямоугольную форму с округленными углами (1,9×1,35 м) и была ориентирована по линии ЮЗ—СВ. Ее дно находилось на глубине 1,86 м. Под юго-восточной стенкой был вход в погребальную камеру. Его ширина 1,53, длина 0,45 м. Первоначально вход закрывался досками, две из них сохранились в вертикальном положении с наклоном в сторону камеры, на глубине 1,45—1,75 м. Длина досок 0,5, ширина 0,15, толщина около 0,04 м. Дно шахты плавно понижалось и переходило в дно камеры, устроенное на глубине 1,96 м (рис. 1).

Погребальная камера сопряжена с шахтой параллельно. Она имела подовальную форму (1,95×1,54 м) и была ориентирована по линии ЮЗ—СВ. Свод обрушился в древности. Заполнение погребального сооружения состояло из смешанного грунта. На дне камеры на слое белого тлена лежал костяк взрослого человека в скорченном положении на правом боку с разворотом на спину.

© С. Н. Санжаров, 1993 г.

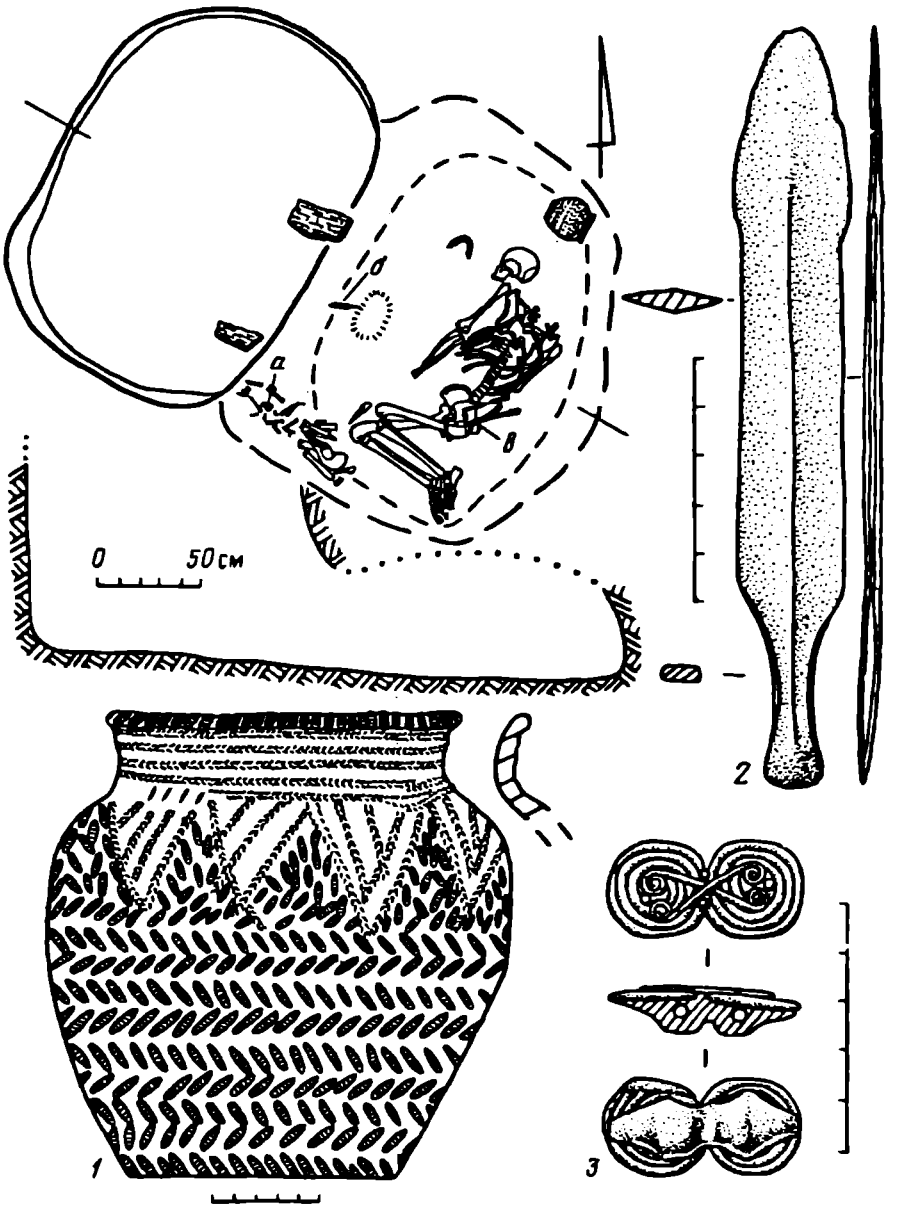


Рис. 1. План и инвентарь погребения у Краматорска (к. 2, п. 10). *1* — сосуд; *2* — бронзовый нож; *3* — бронзовое украшение (*а* — изделие из охры; *б* — бронзовый нож; *в* — бронзовое украшение)

Ориентирован умерший на северо-восток. Угол скорченности тупой, в коленях — острый. Кости грудной клетки частично разрушены землеройными животными. Череп сдвинут вправо и лежал на правом виске, лицевой частью к выходу. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая согнута в локте, с кистью на левом тазобедренном суставе. У изголовья находился лепной сосуд, перед животом — бронзовый нож, около кисти левой руки — бронзовое восьмерковидное украшение. В ногах погребенного выявлены два скопления костей животных: у колен череп и конечности овцы, левее — тушка ягненка, среди костей которой найден кусок красной охры. Около бронзового ножа зафиксировано пятно коричневого тлена, у таза — желтого (рис. 1).

Стройный орнаментированный сосуд имеет высокие бока и высокую раструбную шейку. Край шейки украшен параллельными оттисками «гусеницы». Сама поверхность шейки орнаментирована пятью рядами вдавлений крупного двухрядного шнура. По плечикам, от горла к бокам, спускаются вершиной вниз заштрихованные треугольники из вдавлений двухрядного шнура. Пространство между

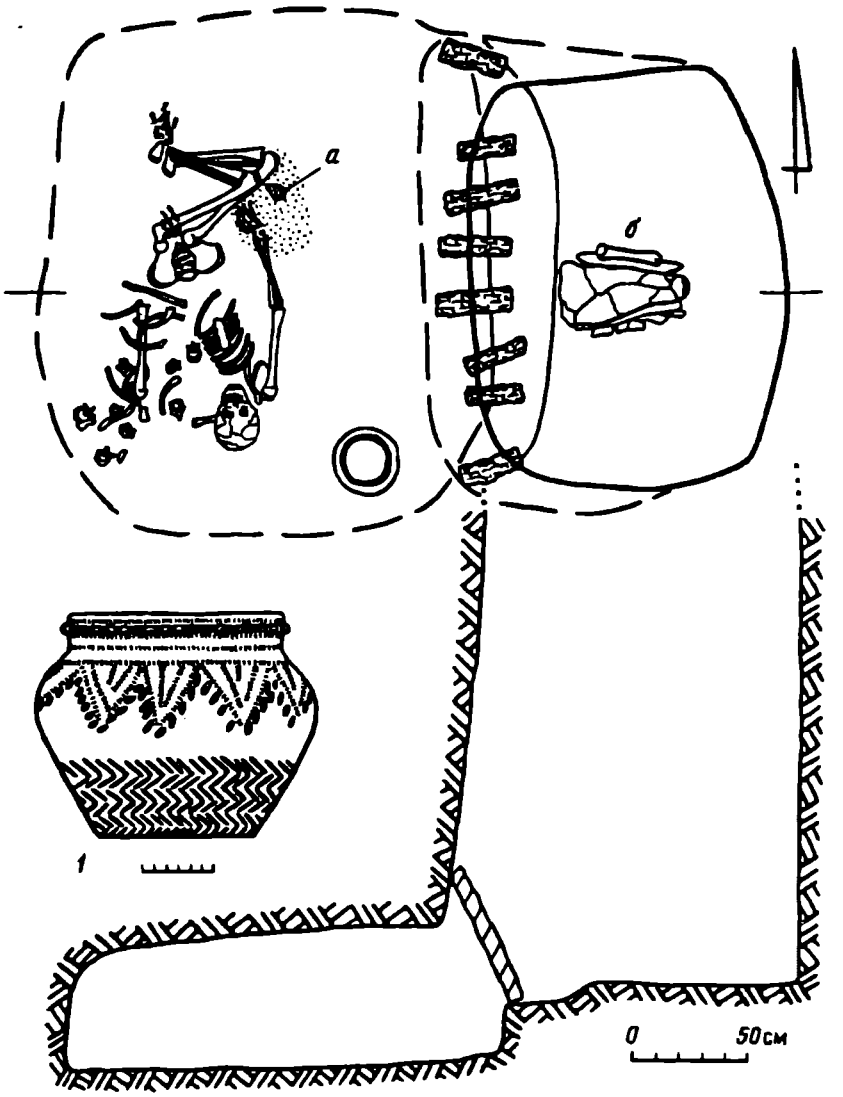


Рис. 2. План и сосуд из основного погребения у Степного (к. 2, п. 6). *1* — сосуд (*а* — изделие из охры, *б* — кости жертвенного животного)

треугольными фигурами заполнено оттисками «гусеничкн». Ею же орнаментированы в виде горизонтальной елки бока и придонная часть. Внешняя поверхность сосуда серо-желтого цвета с коричневыми пятнами, покрыта горизонтальными расчесами (рис. 1, *1*).

Бронзовый черешковый нож с прямым тупым лезвием, слегка сужающимся к раскованному и заточенному острию. На его плоскостях слабо выражено ребро (рис. 1, *2*).

Бронзовое восьмерковидное украшение имеет форму двойной спирали из круглой в сечении проволоки толщиной около 0,2 см. На внешней поверхности к щиткам спиралей припаяна проволочная крестовидная фигура, концы которой завернуты в спиральки. В местах пересечения линий крестовидной фигуры и соприкосновения ее концевых спиралей напаяны мелкие шарики. На внутренней поверхности украшения прикреплена дужка с двумя отверстиями (рис. 1, *3*).

Катакомбные погребальные конструкции с параллельным сопряжением входной шахты и погребальной камеры, так называемые Н-видные катакомбы, наибольшее распространение получили среди позднедонецких [8, с. 149, 150], среднедонских [3, с. 108] и позднекатакомбных памятников бахмутского и манычского типов [1, с. 32, рис. 11]. Подобные сооружения характерны для катакомбных погребений Северскодонецкого региона, относимых А. М. Смирновым к среднедонской культуре, захоронениям с керамикой, украшенной елочным орнаментом, и донецким

памятникам [6, с. 14, 16, 18]. Сходство погребальных конструкций донецких и позднедонецких памятников бахмутского типа является свидетельством их генетической преемственности и отражает «процесс трансформации донецкой катакомбной культуры» [4, с. 52].

Наряду с конструктивными особенностями краматорского погребения такие детали погребального обряда, как впуск могилы в западную часть кургана, расположение умершего в скорченном положении на правом боку с тупым углом скорченности, его северо-восточная ориентация и наличие костей животных, составляют специфику донецких и бахмутских захоронений [1, с. 21, 22, 61, 62] и в то же время находят ближайшие соответствия в среде катакомбных древностей Среднего Дона [3, с. 107, 108].

Стройный горшок из краматорской катакомбы обнаруживает общность с бахмутской керамикой, выделенной С. Н. Братченко в группу В отдела III, для которой характерны сосуды с высокой шейкой, орнаменты из двойного шнура, треугольные композиции и горизонтальная елка [1, с. 69]. При этом плечики некоторых горшков орнаментированы не только треугольниками с опущенными вниз вершинами, но и поднятыми вверх к устью, что становится определяющим фактором более поздних орнаментов, в частности для культуры многоваликовой керамики [9, с. 31]. Слегка утолщенный и украшенный оттисками «гусеничники» край шейки краматорского сосуда отождествляется с так называемыми воротничковыми венчиками лесостепной катакомбной керамики [9, с. 32].

В качестве аналогии данному сосуду можно привлечь находку из погр. 3 кургана «Большая могила» у с. Караяшник Воронежской обл. [10, с. 56, рис. 4, *7*]. Плечики караяшниковского сосуда украшены шнуровыми треугольниками с вершиной, обращенной вверх, а сама находка выявлена совместно с высокошейным харьковско-воронежским (среднедонским) сосудом [10, с. 56, рис. 4, *6*]. Значительно больше общих деталей в орнаментальных мотивах с краматорским горшком обнаруживает сосуд несколько приземистой формы из основного позднекатакомбного захоронения у Степного в низовьях Казенного Торца (к. 2, п. 6) (рис. 2, *1*) [11][1]. По конструктивным особенностям катакомбы, положению умершего и наличию костей жертвенного животного (рис. 2, *6*) в целом указанное погребение сопоставимо с захоронением у Краматорска. Сосуды из Краматорска и Степного имели утолщенный край венчика и были пышно орнаментированы сходными композициями из треугольников и горизонтальной елки.

Важным для представления об относительной хронологической позиции позднекатакомбного погребения около Краматорска (к. 2, п. 10) является впускное позднекатакомбное захоронение 5, совершенное в кургане 2 близ Степного [11]. В нем найдены пять сосудов (один утерян), жаровня и бронзовые биконические бусины (рис. 3). В орнаментации сосудов из этого погребения использованы характерные для бахмутских памятников узоры из горизонтальной елки, треугольников, поясков оттисков коротких штампов и валиков. Орнаменты наносились двойным и перевитым шнуром, ногтевыми вдавлениями и палочкой. Общая скромность украшений, характер налепных волнистых валиков и треугольники, обращенные вершиной к устью, указывают на более поздний возраст рассматриваемой коллекции по сравнению с керамикой из Краматорска (к. 2, п. 10) и Степного (к. 2, п. 6). В свою очередь сравнительное разнообразие форм сосудов из одного захоронения отражает общую для наиболее поздних донецких памятников тенденцию [6, с. 18, 19]. Сказанное свидетельствует о том, что среди позднедонецких захоронений бахмутского типа погребения у Степного (к. 2, п. 6) и Краматорска (к. 2, п. 10) занимают более раннюю хронологическую позицию.

Бронзовые черешковые ножи с постепенно сужающимися боковыми гранями, заканчивающиеся раскованным острием, отнесены С. Н. Братченко к типу

[1] Благодарю автора исследований кургана 2 у Степного А. И. Привалова за предоставленную возможность опубликовать материалы из его раскопок.

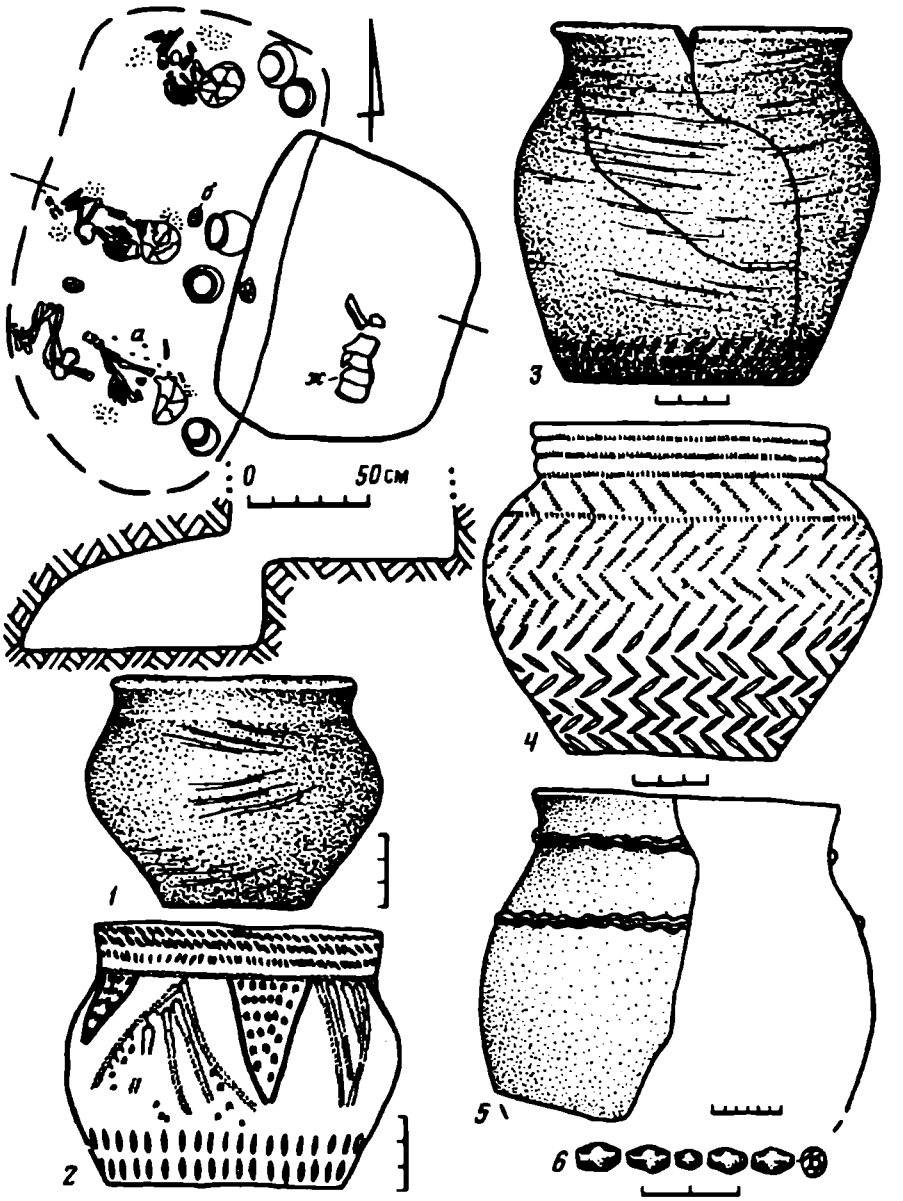


Рис. 3. План, керамика и бронзовые бусины из впускного погребения у Степного (к. 2, п. 5). *1—5* — сосуды; *6* — бронзовые бусы (*Ж* — жаровня, *а* — бронзовые бусины, *б* — изделие из охры)

пиковидных ножей, наиболее характерных для манычской культуры и поздних северокавказских комплексов [1, с. 95, 143]. По времени бытования в катакомбной среде они связаны с другими ножами поздних типов, имеющих удлиненный клинок, расковку острия, параллельные или расширяющиеся боковые грани — так называемые пламевидные ножи [1, с. 143]. Начало распространения таких орудий в составе инвентаря катакомбных погребений приходится на конец XVIII в. до н. э. [8, с. 152]. Еще одной важной особенностью пиковидных ножей можно считать наличие ребра, расположенного посредине клинка, благодаря чему в сечении они приобретали ромбическую форму. Период бытования подобных изделий охватывает достаточно широкий промежуток времени в рамках XVII—XIV вв. до н. э. [1, с. 150].

В классификации бронзовых ножей, предложенной С. Н. Кореневским, пиковидные орудия выделены во вторую группу, а их территориальный охват включал восточную часть Украины, Средний Дон, Нижнее Подонье, Предкавказье и Северный Кавказ [12, с. 36—40]. Несмотря на то, что большая часть пламевидных и пиковидных ножей обнаружена не на Северном Кавказе, а в Калмыкии, на Нижнем Дону и Северском Донце [12, с. 39, 40], именно для

северокавказских находок оказалось наиболее типичным ребро на клинке (Бамут, Советское, Чегем I, Каменномостное) [12, с. 37, рис. 4, *37, 38, 40, 43*, с. 39]. Изделия рассматриваемой формы включены В. И. Марковиным во второй тип северокавказских ножей. Им же отмечен большой хронологический диапазон распространения этих орудий от периода расцвета северокавказской культуры до времени каякентско-хорочоевских памятников [13, с. 92], начало которых относится к 1300 г. до н. э. [14, с. 113].

Уникальной находкой среди катакомбных древностей Северного Причерноморья представляется бронзовое украшение восьмерковидной формы, обнаруженное на кисти левой руки погребенного из Краматорска (к. 2, п. 10) (рис. 1, *3*). Само изделие образуют два щитка двойной спирали, орнамент на них и дужка с двумя отверстиями. Последняя позволяет предположить, что настоящее украшение являлось лишь частью более сложного предмета — звеном наборного браслета. Прямые аналогии этому изделию нам не известны. В то же время некоторые косвенные данные и отдаленные параллели среди памятников эпохи средней бронзы Северного Кавказа дают возможность атрибутировать его.

Наиболее архаичными бронзовыми украшениями из двойной спирали являются очковидные подвески, выявленные в погребениях ранней бронзы Кавказа [15, с. 154, рис. 7, *4*, с. 169]. Поздние типы этих подвесок встречены на Среднем Дону в комплексах, синхронизированных исследователями с абашевскими и воронежскими древностями [16, с. 199, рис. 2, *10*, с. 201]. В эпоху бронзы они получили распространение на значительной территории Европы и Передней Азии [15, с. 169], играя при этом важную роль в культовой символике, нашедшей яркое отражение на антропоморфных стелах Швейцарии и Северной Италии [17, с. 301, рис. 20, *1*, с. 307, рис. 22]. У древнего населения, по всей видимости, с изображением спирали были связаны конкретные представления о символах жизни и вечности [18, с. 332]. В период катакомбной культуры спирали изображались на погребальных саванах [19, с. 101, рис. 4, *2, 3*] и вписывались в орнаментальные композиции на сосудах [1, с. 39, рис. 16, *5*, с. 66, рис. 31, *10*; 19, с. 103, рис. 5, *2*]. Широко известным проволочным височным подвескам придавалась спиральная форма. В то же время в декоре металлических украшений северокавказского происхождения, найденных на Северском Донце и Нижнем Дону, в первую очередь кольцевидных и дисковидных медальонов, долгое время использовались концентрические окружности [1, с. 52, рис. 25, *1, 2, 4, 5*]. Орнаменты из концентрических кругов нанесены на бронзовых кольцевидных и дисковидных медальонах ранней группы памятников северокавказской культуры [20, с. 69]. Продолжали они господствовать и на мелких медальонах средней группы северокавказских древностей [20, с. 95]. Однако примечательно, что на среднем этапе развития северокавказской культуры начали изготовляться сдвоенные медальоны восьмерковидной формы. Предметы этого рода снабжены ушком для подвешивания, а концентрические окружности сверху дополнительно оформлялись зернью [20, с. 80, 81, рис. 32, *3, 25*, с. 83, рис. 33, *17*]. Как отметил В. И. Марковин, в литом орнаменте второго этапа северокавказской культуры (1700—1500 гг. до г. э.) наряду с имитацией шнура, кругами, зернью и змейками стали изображаться спиральки [13, с. 52]. В данном отношении весьма показательны дисковидные медальоны со спиральным узором из Тимашевска в Прикубанье, датированные второй четвертью II тыс. до н. э. [21, с. 238, рис. 1, *6, 7, 10*, с. 240]. Таким образом, начиная со второго этапа северокавказской культуры на Кавказе бытовали как сдвоенные медальоны восьмерковидной формы, так и спиральный орнамент как широко распространенный элемент декора металлических украшений.

Важной деталью краматорского бронзового восьмерковидного изделия является дужка с двумя проушинами. В эпоху средней бронзы подвесные украшения с двойными отверстиями вовсе не были массовыми находками. Следовательно, перспективно рассмотрение данного существенного отличия краматорского предмета и поиск его аналогий (рис. 4).

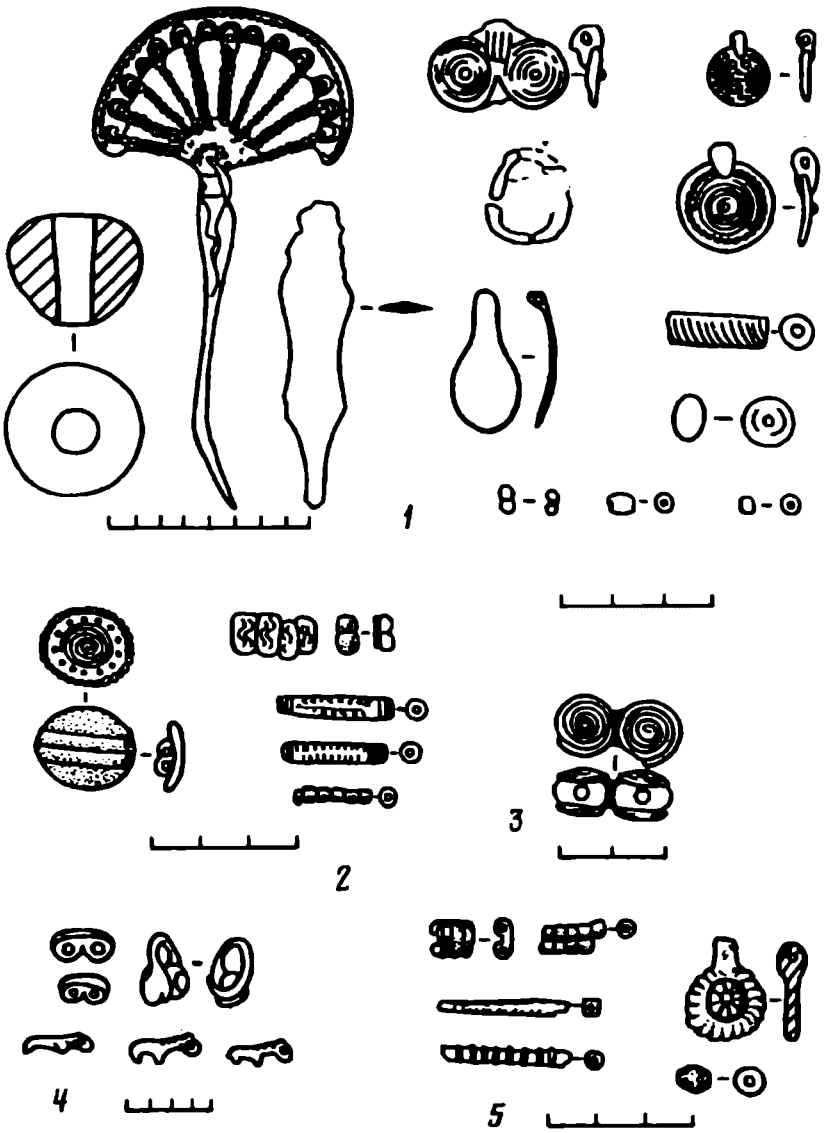


Рис. 4. Отдельные комплексы бронзовых изделий эпохи средней бронзы из погребений Северного Кавказа. *1* — Былым, могильник Айлама, п. 1; *2* — Кишпек, к. 3, п. 3; *3* — Былым, могильник Айлама, разрушенное погребение; *4* — Чикола I, к. 25, п. 11; *5* — Суворовская, к. 1, п. 8

В составе инвентаря северокавказских захоронений обширной зоны Северного Кавказа в отдельных комплексах зафиксированы разнообразные наборы украшений, в которых присутствовали В-образные бронзовые бусины с двумя отверстиями. Обычно они входили в наборные браслеты и ожерелья. Одно из наиболее богатых погребений этого рода было исследовано около Былыма в Кабардино-Балкарии (могильник Айлама, погр. 1). Здесь совместно с упомянутыми бусинами обнаружены медальоны со спиральным орнаментом, в том числе и сдвоенные, нож пиковидного типа с ромбическим сечением, булавка с веерообразным навершием, разделители с рифленой поверхностью и прочие предметы (рис. 4, *1*) [22, с. 142, рис. 20, *1—13*]. В расположенном неподалеку могильнике Шилтрак аналогичные медальоны и булавка встречены совместно с овальными височными кольцами в 1,5 оборота [22, с. 147, рис. 22, *1*, *4—7*], относящимися к украшениям поздних типов [20, с. 131]. В Северной Осетии бронзовые В-образные бусины с двумя отверстиями найдены в комплексе с височными подвесками сферического типа и миниатюрными фигурками животных около селения Чикола I (к. 25, п. 11) (рис. 4, *4*) [23, с. 67, рис. 6, *1*, *5*]. Аналогичные височные подвески, но более четко выраженной формы бытовали на Среднем Дону на протяжении второго

и третьего этапов местной катакомбной культуры, датируемых в рамках XVII—XIV вв. до н. э. [3, с. 157, 159]. Находки, подобные североосетинским фигуркам животных, встречены на территории Верхнего Прикубанья в северокавказском захоронении средней группы совместно с одно- и двухдисковыми восьмерковидными медальонами и лапчатыми подвесками [20, с. 83, рис. 33, *16—31*], сопоставимыми с подвесками из уже названного позднекатакомбного погребения Тимашевского кургана [21, с. 238, рис. 1, *11*]. Некоторые В-образные бусины из Верхнего Прикубанья входили в состав погребального инвентаря предкавказской культуры (XVI—XIV вв. до н. э.) в комплексе с бронзовыми разделителями и литыми дисковидными медальонами позднейших типов, орнаментированных радиальным узором (Суворовская, к. 1, п. 8) (рис. 4, *5*) [20, с. 109, рис. 40, *8—15*].

Наибольшую близость с восьмерковидным звеном браслета из Краматорска можно видеть в двух северокавказских находках. В роскошное наборное ожерелье из Кишпека (к. 3, п. 3, Кабардино-Балкария) входили бронзовые разделители, В-образные бусины и округлая бляха (рис. 4, *2*). На внутренней стороне ее припаяны два втульчатых ушка, а на лицевой стороне — шнуровой круг, опоясывающий спиральный орнамент, и ряд мелких шариков [24, с. 193, рис. 24, *Б—Г*]. По характеру орнамента и способу крепления это изделие в большей степени может быть сопоставимо со звеном браслета из Краматорска. Другая близкая аналогия выявлена среди вещей из разрушенного могильника Айлама. Она схожа со звеном браслета, имела восьмерковидную форму и украшена спиральным орнаментом (рис. 4, *3*), но, к сожалению, найдена вне цельного комплекса [22, с. 153, рис. 25, *10*].

Таким образом, средние и поздние северокавказские памятники дали ряд аналогий бронзовому инвентарю, обнаруженному в позднекатакомбном захоронении у Краматорска (к. 2, п. 10). На среднем и заключительном этапе северокавказской культуры широко распространяются в погребальном инвентаре одно- и двухдисковые медальоны с концентрическим и спиральным орнаментом, В-образные бусины с двойными отверстиями, возникают редкие формы бронзовых украшений типа кишпекской бляхи. По всей видимости, и звено браслета из Краматорска происходит из мастерских центральной части Северного Кавказа, о чем свидетельствуют сопоставимые северокавказские находки из Кабардино-Балкарии и Северной Осетии. В период наивысшего расцвета бронзолитейного производства северокавказские мастера не только следовали установившимся канонам в производстве регламентированных изделий, но и создавали новые типы украшений, порой редкие и уникальные. Судьба таких новационных изделий, вероятно, была достаточно короткой: попав в погребальный инвентарь, они не становились достоянием мастерства широкого круга людей. Появлению северокавказских украшений в позднедонецких бахмутских захоронениях в бассейне Северского Донца способствовали не только интенсивные контакты древнего населения и общее направление распространения северокавказского металла в степь, но и внутренние причины, так как в культовой обрядности катакомбным племенам были близки спиральные мотивы орнаментов и определенные формы предметов.

Комплексы бахмутской группы памятников Донского Правобережья и Подонцовья С. Н. Братченко датировал XVI в. до н. э. [1, с. 153]. Однако в настоящее время в определении их верхней хронологической границы может быть произведена корректировка, вызванная уточнением времени возникновения культуры многоваликовой керамики, сменившей катакомбную. Так, для многоваликовых комплексов Подонья Э. С. Шарафутдинова определила отрезок времени с конца XVII до начала XV в. до н. э. [25, с. 45]. В исследовании И. А. Пислария рамки бытования культуры многоваликовой керамики Восточной Украины ограничены концом XVII — концом XV в. до н. э. [26, с. 19]. С. С. Березанской установлена хронологическая стыковка и частичная синхронизация многоваликовой и катакомбной культур, а нижней дате многоваликовой отведена вторая

половина XVII в. до н. э. [27, с. 39]. Таким образом, наиболее поздние памятники бахмутского типа должны быть датированы в пределах середины XVII в. до н. э. С другой стороны, начало внедрения в позднекатакомбную среду бронзовых ножей пламевидной формы, а соответственно и синхронных им ножей пиковидного типа на Северском Донце приходится на конец XVIII в. до н. э. [8, с. 152]. Следовательно, время древностей бахмутского типа на Северском Донце может ограничиваться концом XVIII — серединой XVII в. до н. э.

Сопоставление краматорского погребения (к. 2, п. 10) с позднекатакомбными захоронениями соседнего могильника около Степного указывает на возможность атрибутировать краматорские находки наиболее ранними памятниками бахмутской группы и датировать их в рамках рубежа XVIII—XVII вв. до н. э., что соответствует началу второго этапа северокавказской культуры по В. И. Марковину [13, с. 86], или среднего этапа той же культуры по А. Л. Нечитайло [20, с. 143], и началу второго этапа среднедонской культуры по А. Т. Синюку [3, с. 157].

Как показало приведенное выше сопоставление материалов, именно с этого времени в обиходе племен Северного Кавказа широко распространяются сдвоенные дисковидные медальоны восьмерковидной формы, украшенные концентрическими кругами и зернью, лапчатые подвески, височные овальные кольца в 1,5 оборота, В-образные бусины, дисковидные медальоны со спиральным орнаментом, удлиненные разделители с насечками и целая серия других металлических украшений, отдельные типы которых продолжали существовать на протяжении позднего северокавказского периода. При этом проникшие глубоко в степи, в частности в Подонцовье, некоторые металлические северокавказские украшения являются определяющими в решении вопросов хронологии позднекатакомбных культурных образований. Характерно и то, что распространение северокавказских бронзовых предметов в позднекатакомбной донецкой среде не только удовлетворяло спрос, но и стимулировало развитие местной металлургии, о чем говорят находки соответствующих инструментов в бассейне Северского Донца [28, с. 250, рис. 3]. Одновременно с этим у позднекатакомбного населения Подонцовья фиксируются пока еще не в полной степени ясные изменения в погребальном ритуале, приведшие к значительному ограничению количественного и качественного состава сопровождающего инвентаря и расширению в нем доли керамики. Как уже отмечалось, бронзовые изделия в погребениях стали редкостью, хотя отдельные находки, в том числе весь краматорский вещевой комплекс, указывают на то, что контакты с населением Северного Кавказа вовсе не угасали, а развивались и расширялись и даже редкие формы бронзовых изделий северокавказского производства распространялись среди позднедонецких племен, оставивших памятники бахмутского типа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Братченко С. Н.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев: Наук. думка, 1976.
2. *Пряхин А. Д.* Поселения катакомбного времени лесостепного Подонья. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1982.
3. *Синюк А. Т.* Курганы эпохи бронзы Среднего Дона. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1983.
4. *Матвеев Ю. П.* О происхождении среднедонской катакомбной культуры//Археологические памятники эпохи бронзы Восточноевропейской лесостепи. Воронеж: Изд-во Воронеж, ун-та, 1986.
5. *Братченко С. Н., Шапошникова О. Г.* Катакомбная культурно-историческая общность//Археология Украинской ССР. Киев: Наук. думка, 1985.
6. *Смирнов А. М.* Катакомбные культуры в бассейне Северского Донца: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. 07.00.06. Л., 1987.
7. *Санжаров С. Н., Посредников В. А.* Отчет о работах Северодонецкой экспедиции Донецкого ун-та в 1985 году//Науч. архив ИА АН Украины. Ф-э 1985/35.
8. *Санжаров С. Н.* Погребения донецкой катакомбной культуры с игральными костями//СА. 1988. № 1.
9. *Братченко С. Н.* К вопросу о сложении бабинской культуры (многоваликовой керамики)//Вильнянские курганы в Днепровском Надпорожье. Киев: Наук. думка, 1977.
10. *Матвеев Ю. П., Тихонов Б. Г.* Исследование могильника у с. Караяшник//Эпоха бронзы Восточноевропейской лесостепи. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1984.

11. *Моруженко А. А., Посредников В. А., Привалов А. И., Зарайская Н. П.* Отчет об археологических исследованиях курганов в зоне строительства мелиоративных систем Донецкой области//Науч. архив ИА АН Украины. Ф-э 1982/143.
12. *Кореневский С. Н.* О металлических ножах ямной, полтавкинской и катакомбной культур//СА. 1978. № 2.
13. *Марковин В. И.* Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н. э.)//МИА. 1960. № 93.
14. *Марковин В. И.* Дагестан и Горная Чечня в древности (каякентско-хорочоевская культура)//МИА. 1969. № 122.
15. *Мунчаев Р. М., Смирнов К. Ф.* Археологические памятники близ с. Карабудахкент (Дагестанская АССР)//МИА. 1958. № 68.
16. *Пряхин А. Д., Синюк А. Т.* Курган эпохи бронзы у пос. Хохольский//СА. 1983. № 3.
17. *Limbutas M.* The Kukgan Wave 2 (3400—3200 B. C.) in to Europe and the Following Transformation of Culture//J. Indo-Europ. Studies. 1980. V. 8. № 3—4.
18. *Hawkes J., Woolley L.* Prehistory and the Beginnings of Civilization. L., 1964.
19. *Санжаров С. Н.* Охра в изобразительной деятельности племен эпохи средней бронзы Донетчины//СА. 1989. № 2.
20. *Нечитайло А. Л.* Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев: Наук. думка, 1978.
21. *Динков А. Б.* Катакомбное погребение из Тимашевского кургана в Прикубанье//СА. 1988. № 1.
22. *Батчаев В. М.* Погребальные памятники у селений Лечинкай и Былым//Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1984.
23. *Сафронов В. А.* Катакомбные памятники предгорной зоны Северной Осетии//Катакомбные культуры Северного Кавказа. Орджоникидзе: изд-во СОУ, 1981.
24. *Чеченов И. М.* Вторые курганные группы у селений Кишпек и Чегем II//Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1984.
25. *Шарафутдинова Э. С.* Погребения культуры многоваликовой керамики на Нижнем Дону (вопросы генезиса и периодизации)//Памятники бронзового и раннего железного веков Поднепровья. Днепропетровск: Изд-во ДГУ, 1987.
26. *Писларий И. А.* Культура многоваликовой керамики Восточной Украины: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. 07.00.06. М., 1983.
27. *Березанская С. С., Отрощенко В. В., Чередниченко Н. Н., Шарафутдинова И. Н.* Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев: Наук. думка, 1986.
28. *Березанская С. С.* Первые мастера-металлурги на территории Украины//Первобытная археология — поиски и находки. Киев: Наук. думка, 1980.

Центрально-Донецкая археологическая
экспедиция ИА АН Украины, Луганск

SANZHAROV S. N.

ABOUT THE CULTURAL DEVELOPMENT AND CHRONOLOGY OF THE LATE CATACOMB PERIOD

Summary

The late catacomb burials of bakhmut type (on the Bakhmut river) were found on the Severski Donets river. They are characterized by poor metal things. At the same time the burial of bakhmut type near Kramatorsk (kurgan 2, burial 10) contained ornamented vessel, bronze knife and unique eight-shaped decoration, ornamented by spirals, heads and crusiform figure. Such things are the parts of the composed bangle and found very seldom. This complex is dated to the border of XVIII—XVII cen. B. C. Some analogies from the North Caucasus sites give evidence that the links between the tribes of Severski Donets and Caucasus didn't become weaker. The change of burial rite which entailed the quantitative and qualitative of funeral things took place on the late stage of catacomd culture.

Н. В. ЕФРЕМОВ

НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД АСТИНОМНОГО КЛЕЙМЕНИЯ В СИНОПЕ

Несмотря на значительные успехи, достигнутые в изучении синопских керамических клейм, данная проблема все еще далека от своего решения. Обилие материала, накопленного раскопками последних лет, позволяет пересмотреть, а иногда и заново оценить устоявшиеся мнения на рассматриваемую проблему. Основой такого пересмотра и должна послужить данная статья.

К первой хронологической группе Б. Н. Граков относил первоначально 24 астинома [1, с. 113—117]. Впоследствии им были внесены некоторые изменения и уточнения. Так, в рукописи IOSPE III выделены новые астиномы — Посейдон, Аристагор и Протофан, высказано сомнение в существовании астинома Иринея [2, № 528—530; 1403—1407]. Таким образом, общее число астиномов первой группы возросло до 26.

В. И. Цехмистренко включал в первый период своей классификации только астиномов с городской эмблемой, указывая, что неправомерно включение в одну группу астиномов с различными признаками [3, с. 127]. На этом основании он относил к начальному этапу астиномного клеймения в Синопе 15 астиномов [1]. Те магистраты I хронологической группы Б. Н. Гракова, при именах которых наряду с городским символом встречаются эмблемы гончаров, были расценены им как омонимы и отнесены к различным периодам [3, с. 126 сл.]. В результате общее число имен магистратов увеличилось. Эти положения его классификации представляются не всегда обоснованными, а иногда просто ошибочными.

Задачей данной статьи является, с одной стороны, уточнение списка магистратов, которых следует относить к I хронологической группе, с другой стороны, попытка расположить их в хронологической последовательности. Такие попытки уже предпринимались. Однако это не получило должного признания [3; 4, с. 186], что заставляет вновь обратиться к кругу вопросов, связанных с начальным этапом астиномного клеймения в Синопе.

В рукописи своей диссертации В. И. Цехмистренко выделял двух астиномов первого периода с именем Гистиэй [3, с. 128; 5, с. 43]. В основу такого выделения положены следующие особенности: Гистиэй 1 — магистратура в форме «*αστυ*», эмблема «орел на дельфине» расположена горизонтально в сторону надписи. Гистиэй 2 — магистратура в форме «*αστυνο*», эмблема «орел на дельфине» расположена поперек клейма, над головой орла встречается монограмма ΣΛ. Различая здесь двух магистратов, В. И. Цехмистренко отмечал сходство их гончарных групп, но этот факт объяснялся лишь их хронологической близостью [5, с. 43].

Против такой точки зрения свидетельствует следующее. 1. Магистратура в форме «*αστυ*» наряду с «*αστυνο*» встречается в обоих вариантах клейм [1, с. 115; 6, с. 296, 297]. 2. Большинство имен в гончарных группах этих двух вариантов клейм совпадает и, что самое главное, среди них есть редкие имена, которые единичны либо вообще не встречаются с другими астиномами группы, например

[1] Форба — 15-го астинома — В. И. Цехмистренко отнес к первому периоду.

© Н. В. Ефремов, 1993 г.

Таблица 1

Взаимовстречаемость имен фабрикантов с Гистиэем 1-2

Фабрикант	Βάτισκος	Τίμορις	Ἀσπάσιος	Νίμας	Ἐπικράτης	Φορμίων	Γόλας	Διονύσιος	Ποσειδώνιος	Ἀρχεπτόλεμος	Νευμήνιος	Δῶρας	Νευμήριος	Ὀρόβιος	Μάνης	Ὄρτος	Τήβης	Σινωπίων	Κυλιάνις	Γέρον
Гистиэй I	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
Гистиэй 2			+		+	+		+			+				+					+

Дорос, Ортус. 3. Расположение эмблемы поперек клейма — признак, присущий целому ряду астиномов первого периода, причем они употребляют оба варианта клейм [2]. 4. Отдельные буквы и монограммы встречаются при разных астиномах [7, с. 66].

Приведенные примеры позволяют сделать заключение, что нет достаточных оснований для выделения двух магистратов с именем Гистиэй в первом периоде астиномного клеймения в Синопе.

В рукописи IOSPE III Б. Н. Граков выделил еще одну группу клейм астинома Гистиэя. Магистратура при нем встречается в форме «ἀστυνο», имена гончаров даны в сокращении, постоянной эмблемы нет [2, № 4545, 4546, 4548, 4553, 4557, 4566, 4582]. Исходя из этого, Б. Н. Граков относил этого астинома ориентировочно к I или II хронологической группе своей классификации [2, с. 952].

Сравнивая гончарные группы этого астинома с омонимом I хронологической группы (табл. 1), нельзя не заметить, что они аналогичны. В этом случае опять среди совпадающих имен довольно редкие: Аспасий, Формион, Эпикрат, которые встречаются в клеймах ранней гончарной группы.

Приведенные аргументы позволяют отождествить рассмотренные выше разновидности клейм как принадлежащие одному астиному.

Случаи замены эмблемы «орел на дельфине» гончарными знаками Б. Н. Граков отмечал среди признаков, характерных для подгруппы Б I хронологической группы [1, с. 119].

Вслед за Б. Н. Граковым В. И. Цехмистренко выделял астинома Гефеста с эмблемой «голова барана», иногда с добавлением «тирса» [1, с. 128; 3, с. 128] [3]. Однако если Б. Н. Граков считал клейма Гефеста с эмблемой «орел на дельфине» и «голова барана» принадлежащими одному и тому же лицу [1, с. 114], то В. И. Цехмистренко различал здесь двух магистратов, относя их к различным периодам [3, с. 126, 128]. Внимательное изучение клейм I и II хронологических групп позволило установить, что наряду с Гефестом эмблемы «голова барана» и «тирс» встречаются с целым рядом других астиномов и сопутствуют фабриканту Дионисию или омонимам, работавшим в один и тот же период (табл. 2). Здесь снова налицо замена городской эмблемы гончарными знаками.

На подобное явление не мог не обратить внимание В. И. Цехмистренко, однако истолковывалось это иначе. Как уже было отмечено выше, наличие при именах одних и тех же астиномов наряду с городским гербом заведомо гончарных эмблем дало ему повод для отнесения их к разным периодам. Параллельное употребление эмблем допускалось лишь для астинома Эсхина [3, с. 113]. Исходя из неправомерных положений о поэтапной смене одного явления другим, В. И. Цехмистренко не

[2] Помимо Гистиэя это — Гефест, Никомед, Филоник, Аристон, Кир. То есть мода на размещение эмблемы поперек клейма была очень распространенным явлением в это время. В. И. Цехмистренко даже выделял на этом основании в первом периоде этап 3 [3, с. 126].

Таблица 2

Гончарная группа Дионисия

Астином	Дионисий с эмблемой		Астином	Дионисий с эмблемой	
	«голова барана»	«тирс»		«голова барана»	«тирс»
Гефест	+	+	Моним	+	
Протагор	+		Героним		+
Эсхин	+				

объяснял единичные случаи появления городской эмблемы при некоторых астиномах последующего периода, он их просто не рассматривал [3, с. 126].

Единственно правильным объяснением этому является то, что клейма с государственным знаком и гончарными эмблемами какой-то период сосуществовали. Подтверждением этому служит табл. 3, в которую включены астиномы начального периода клеймения с эмблемой «орел на дельфине».

Три астинома встречаются только с городским гербом, в то время как в клеймах шести астиномов присутствуют гончарные знаки. Заслуживает самого пристального внимания тот факт, что астиномы Меналк и Аристон в некоторых вариантах своих клейм вообще не употребляли эмблем и строили легенду надписи по V варианту, т. е. без упоминания имени гончара. Это наиболее ранние случаи построения легенды подобным образом. Ранее данное явление объяснялось влиянием Родоса [1, с. 39]. Наличие в ранних клеймах V варианта построения легенды, когда не может быть никакой речи о родосском влиянии, позволяет связывать эту традицию с местными корнями. При построении легенды надписи по V варианту составные части легенды располагались на двух ручках амфоры (на одной ручке клеймо астинома, на другой — фабриканта) либо в отдельных клеймах на черепице. Так как синопские клейма рассматриваемого периода, кроме клейм Меналка и Аристона, не встречаются без эмблем, то закономерно напрашивается вывод, что эмблема находилась на втором — фабрикантском клейме и являлась знаком фабриканта. Поэтому, видимо, правомерно будет отнесение астиномов Меналка и Аристона к числу тех магистратов, в клеймах которых наряду с городским гербом встречаются фабрикантские эмблемы. Возможно, что мода расположения легенды на двух ручках амфоры появляется в связи с внедрением фабрикантских эмблем. Во всяком случае, здесь налицо стремление разграничить две разнородные категории клейм: магистратские и фабрикантские.

В I хронологической группе Б. Н. Граков выделял астинома Аполлония [1, с. 113]. Представляется сомнительным существование этого магистрата. В рукописи IOSPE III приведено всего одно плохо сохранившееся клеймо из коллекции Эрмитажа [2, № 143]. Скорее всего здесь следует видеть астинома Аполлодора. Построение легенды по IV варианту обычно для этого астинома, а гончар Формион является как раз недостающим звеном в его гончарной группе [3] (табл. 4).

Выделение астинома Аристомана [1, с. 113] также маловероятно. В рукописи IOSPE III есть два клейма [2, № 144, 145]. Оба они оттиснуты на черепицах, легенда построена по IV варианту:

Ἀρίστο
Μάνητος
Ἐπικράτε

Правильнее видеть здесь астинома Аристона и фабриканта Мана Эпикратова. Ман Эпикратов, а также Гистиэй Невмениев — единственные гончары раннего периода астиномного клеймения, при именах которых присутствует патронимик [2, № 545, 548—550]. Что касается астиномов Иринея и Менандра [2, № 114, 115], то первый является гончаром [2, л. 253, табл. 4] (а возможно, что это

Таблица 3

Фабрикантские эмблемы в клеймах астиномов $\overline{\underline{I}}$ группы

Эмблема	Ἔνδημος	Διονύσιος	Ἀπολλοδώρος	Ἱστιαῖος	Μέναλξ	Ποσειδώνιος	Ἀρίστων	Ἡφαίστιος	Φόρβας	Αἰσχίνης
$\overline{\underline{V}}$ вариант (без имени фабриканта)	–	–	–	–	+	–	+	–	–	–
«Гроздь»	–	–	–	+	–	–	–	–	–	–
«Рог»	–	–	–	+	–	–	–	–	–	–
«Канфар» (?)	–	–	–	+	–	–	–	–	–	–
«Голова»	–	–	–	–	–	+	–	–	–	+
«Гроздь»	–	–	–	–	–	–	+	+	–	+
«Голова барана»	–	–	–	–	–	–	–	+	–	+

имя носили два гончара-омонима с эмблемами «лук в горите» и «сова»), второй — неверное восстановление имени Меналк [2, л. 92].

Относительная хронология начального периода астиномного клеймения в Синопе предложена В. И. Цехмистренко в неопубликованной, к сожалению, диссертации [3]. Однако автор по-прежнему относил к начальному периоду только клейма с эмблемой «орел на дельфине». Это неправомерно по двум причинам. Во-первых, как уже было отмечено выше, четкого последовательного употребления городского герба в качестве эмблемы клейм не было. Напротив, гончарные знаки существуют практически с начала астиномного клеймения. Во-вторых, нельзя отрывать от первой группы клейма с построением легенды по сторонам четырехугольника, так как, кроме того что они тесно связаны с предшествующими астиномами своими гончарными группами, их нельзя относить к последующему периоду, потому что это период господства гончарных эмблем. Круг эмблем, встречающихся при астиномах с построением легенды по сторонам четырехугольника, ограничен. Это «гроздь над канфаром», «колос», «птица». Все эти эмблемы находят аналогии в керамических клеймах Фасоса. Связывает данных астиномов с предшествующими еще и то, что первые астиномы последующего периода встречены с эмблемой «орел на дельфине», а легенда позднего астинома I хронологической группы Эсхина наряду с обычным расположением надписи строится по сторонам четырехугольника [8, с. 49]. Таким образом, есть все основания считать астиномов с построением легенды по сторонам четырехугольника промежуточными и тем не менее включать в состав I хронологической группы. Так же поступает и автор другой относительной хронологии В. И. Кац [4, с. 186].

Древнейшими астиномами, именами которых начали клеймение продукции керамических мастерских Синопы, были Эндем и Дионисий [4, с. 186; 11, с. 65]. Легенда в их клеймах строится следующим образом: имя магистрата, предваренное предлогом «ἐπί», + имя фабриканта, хотя уже при астиноме Дионисии происходят некоторые изменения. Имя фабриканта помещается на первое место. При следующем астиноме — Аполлодоре идет дальнейшее усложнение легенды: добавляется название магистратуры в форме «αστυ», что знаменует собой следующий этап в развитии синопских клейм.

Следующим шагом явилось распределение составных частей легенды на двух клеймах (V вариант). Эта традиция объясняется, видимо, появлением гончарных эмблем. Единственный раз, в клейме астинома Форба [1, с. 116], легенда построена по первому варианту, т. е. магистратура помещена в начале надписи.

Таблица 4

Взаимовстречаемость магистратов и фабрикантов I хронологической группы

Астином	Ἀσπαμιθάρης	Ἴαραξ	Νότους	Ἰσσαῖος	Λάκοτος	Βάτισκος	Τίμορις	Ἀσπάσιος	Νίμαξ	Ἐπικράτης	Φορμίων	Γόλας	Διονύσιος	Ποσειδώνιος	Ἀρχεπτόλεμος	Νεμήνιος	Δῶρος	Νικηφόρος	Ἴακχος	Ἱέρων	Μίος	Νημήριος	Ὀρόβιον
Ἔνδημος		+	+	+	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+	+							
Διονύσιος I					+	+	+		+	+	+	+	+	+	+		+	+	+	+			
Ἀπολλόδωρος					+	+	+	+	+	+		+	+	+	+	+			+		+		
Ἱστιαῖος						+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+					+	+
Νικομήδης								+					+	+	+	+							
Ποσειδώνιος									+														
Μέναλξ										+	+			+	+	+							
Φιλόνικος											+	+	+	+		+							
Ἀρίστων											+		+	+		+							
Κῦρος													+	+	+	+							
Φόρβας														+									
Ἡφαίστιος													+	+	+	+							
Αἰσχίνης												+	+	+	+		+						
Φίλων												+	+	+	+				+	+			
Διόφαντος												+	+	+	+	+			+				
Διονύσιος II															+								

Астином	Μάτης	Ὄρθος	Τέρης	Σισώκων	Κυλιάδιος	Ἰστιαῖος ὁ Ἡρακλείδου	Μάτης ὁ Ἐπικράτου	Νικόμαχος	Δάμεας	Γέρων	Βῶς	Εἰρηναῖος	Κάλλιστος	Λεναῖος	Ἡρακλείδης	Θῦς	Φιλοκράτης	Ἀπελεθέτης	Θεόδωρος	Φιλήμων	Καλλισθένης	Τεύθρας	Βάκχιος
Ἔνδημος																							
Διονύσιος I																							
Ἀπολλόδωρος																							
Ἱστιαῖος	+	+	+	+	+					+													
Νικομήδης	+								+														
Ποσειδώνιος	+			+																			
Μέναλξ																							
Φιλόνικος																							
Ἀρίστων			+				+															+	
Κῦρος	+			+	+		+																
Φόρβας					+	+	+																
Ἡφαίστιος	+											+	+	+	+	+	+						
Αἰσχίνης	+	+		+		+		+			+	+											+
Φίλων	+			+	+					+	+						+	+	+	+	+		
Διόφαντος	+			+																			
Διονύσιος II																							

В период деятельности астинома Эсхина [4] происходит переход к фасосским образцам построения легенды. Это значит, что надпись идет по сторонам четырехугольника, в центре которого находится эмблема. Известны три типа клейм астинома Эсхина: 1) с эмблемой «орел на дельфине»; 2) с гончарными (=фабрикантскими) эмблемами; 3) с расположением легенды по сторонам четырехугольника. Важно, что в клеймах этого астинома сочетаются как признаки раннего периода астиномного клеймения (господство эмблемы-герба города), так и более позднего (построение легенды по фасосским образцам). Это позволяет считать астинома Эсхина переходным между двумя типами клейм.

Подражание фасосским образцам не получило широкого распространения в Синопе. Легенда клейма оказалась перегруженной, и вскоре перешли к старым прототипам [8, с. 54]. Подтверждением этому служат, видимо, единичные случаи появления городского знака в последующий период астиномного клеймения, например при астиномах Протагоре и Протафане [2, № 531, 532].

Представляется возможным предложить следующую схему развития клейм в начальный период астиномного клеймения в Синопе: 1) имя астинома, предваренное предлогом «*επί*», и имя гончара; 2) появление названия магистратуры; 3) появление гончарных эмблем. Если рассматривать эмблему «орел на дельфине» как показатель государственного контроля над керамическим производством, то в клейме, построенном по схеме: имя астинома с упоминанием магистратуры, с предлогом-определителем + имя фабриканта и эмблема «орел на дельфине», государственный контроль подчеркнут трижды: предлог, название магистратуры, городская эмблема. Не было необходимости в таком многократном повторении указания государственного надзора, и поэтому лишние элементы отпадают, а остаются лишь имя магистрата с указанием должности. Данная схема легенды утверждается как основная и существует практически без изменений (позднее к имени астинома добавляется патронимик) на всем протяжении астиномного клеймения в Синопе. Трудно сказать, кому принадлежит эмблема в клеймах, построенных по сторонам четырехугольника. Скорее всего здесь еще нет четкой разграниченности, а сами эмблемы заимствуются вместе с типами клейм.

Относительная хронология синопских астиномов раннего периода клеймения (I хронологическая группа) предложена в табл. 4. Что касается абсолютной хронологии, то в настоящее время нет достаточных оснований для ее пересмотра: I хронологическая группа датируется 370—345 гг. до н. э. [9, с. 69; 10, с. 11]. В этот период помещаются те 16 астиномов, которые известны в настоящее время.

Приложение

Пояснения к таблицам

Таблица 1

Гистиэй 1. Батиск [8, № 4; 13, с. 180, № 554] (в тексте опечатка. Астином назван Истикон, а ссылка дана на астинома Гистиэя). Тиморий [2, № 428—432]. Аспасий [2, № 324—327]. Нимакс [2, № 373—387]. Эпикрат [2, № 343—347]. Формион [2, № 433]. Голас [2, № 328—331]. Дионисий [2, № 339]. Посейдоний [2, № 425]. Архептолем [2, № 310—321]. Невмений [2, № 361—370]. Оробий [2, № 398]. Ман [2, № 350—357]. Орт [2, № 388—397]. Тебей [2, № 426]. Синопий [2, № 427]. Кулианий [2, № 348—349].

Гистиэй 2. Аспасий [2, № 546—547]. Эпикрат [2, № 4557]. Формион [2, № 4585]. Дионисий [2, № 4553]. Невмений [2, № 4566]. Ман [2, № 4564]. Геронт [2, № 4548].

Таблица 2

Гефест [2, № 3834—3835]; Протагор [2, № 7079—80]; Эсхин [2, № 717—719]; Моним [2, № 5877—5878]; Героним [2, № 3732]; Посейдоний [2, № 6553—54?].

[4] Б. Н. Граков первоначально выделял двух астиномов этого имени [1, с. 113], затем одного [2, л. 149]. В. И. Цехмистренко склонен был различать двух астиномов: 1) позитивная надпись, родительный падеж на «*ο*», а все негативные на «*οU*»; 2) позитивные с эмблемой «орел на дельфине» [3, с. 113].

Таблица 3

Аспасий [2, № 4546—47]; **Эпикрат** [2, № 4557]; **Формион** [2, № 4585]; **Ман** [2, № 4564 ?, 3190]; **Архептолем** [2, № 6533, 456, 662—66]; **Невмений** [2, № 1613—14, 3843]; **Дионисий** [2, № 3831—35, 721].

Таблица 4

Э н д е м. Гончарная группа этого астинома приведена в статье В. И. Цехмистренко [11, с. 65]. Не указаны сочетания с Дионисием [2, № 228].

Д и о н и с и й. [12, с. 25]; Формион [16, с. 66, № 1].

А п о л л о д о р. [12, с. 25].

Г и с т и э й. См. пояснение к табл. 1 данной статьи.

П о с е й д о н и й. Нимакс [2, № 529]; Ман [2, № 528]; Синопий [2, № 530].

М е н а л к. Эпикрат [2, № 468]; Формион [2, № 5070 (?)]; Посейдоний [2, № 473—481]; Невмений [2, № 469—72]; Дор [2, № 467].

Н и к о м е д. Аспасий [2, № 484—85]; Дионисий [2, № 487—93]; Посейдоний [2, № 510—522]; Архептолем [2, № 482—83]; Невмений [2, № 499—509]; Ман [2, № 494—97]; Дамеас [2, № 486].

Ф и л о н и к. Формион [2, № 544]; Голас [14, № 13]; Дионисий [2, № 533—535]; Посейдоний [2, № 540—43]; Невмений [2, № 536—39].

А р и с т о н. Формион [2, № 160]; Дионисий [2, № 146, 1610—12]; Посейдоний [2, № 149—158; 1616—19]; Невмений [2, № 148, 1613—14]; Тебес [2, № 159]; Ман Эпикратов [2, № 144—45]; Тевтр [1, с. 118, № 34].

К и р. Дионисий [2, № 445—46]; Посейдоний [2, № 457—58]; Архептолем [2, № 436—38]; Невмений [2, № 451—56]; Ман [2, № 450]; Синопий [2, № 460—63]; Кулианий [2, № 447—49].

Ф о р б [1]: Посейдоний [2, № 551—52]; Кулианий [2, № 546—47]; Ман Эпикратов [2, № 548—50]; Гистиэй Гераклитов [2, № 545].

Г е ф е с т. Дионисий [2, № 298—303]; Посейдоний [2, № 305—307, 3848—50]; Архептолем [2, № 294—97, 3830—32]; Невмений [2, № 3843—44]; Ман [2, № 304, 3841—42]; Каллин [2, № 3839]; Ленай [2, № 3840] [2]; Гераклид [2, № 3836]; Тус [2, № 3858]; Филократ [2, № 3662—63]; Ириней [15, с. 46, № 18].

Э с х и н. Архептолем [2, № 662—78]; Голас [2, № 26, 458, 700]; Дионисий [2, № 459—61; Посейдоний [2, № 33—47, 468—469; 797—814]; Дор [2, № 27]; Ман [2, № 29, 573, 766—67]; Орт [2, № 31]; Синопий [2, № 836—42]; Гистиэй Гераклитов [2, № 729]; Никомах [2, № 30, 790—91]; Ириней [15, с. 46, № 5]; Бакхий [2, № 690—98]; Бас [8, с. 50, № 6].

Ф и л о н. Голас [2, № 7705—7706]; Дионисий [2, № 7707]; Посейдоний [2, № 7759—74]; Архептолем [2, № 7681—99]; Иакх [2, № 7721]; Гиерон [2, № 7723]; Ман [2, № 7749—57]; Синопий [2, № 7783—87]; Кулианий [2, № 7733—34]; Герон [2, № 7822—7823; 7704, 7722, 8661]; Бас [2, № 7700—7703]; Филократ [2, № 7816—24]; Антисфен [2, № 7677—80]; Теодор [2, № 7720]; Филемон [2, № 7804]; Каллисфен [2, № 7727—29].

Д и о ф а н т. Архептолем [2, № 2718—51]; Голас [2, № 2752]; Дионисий [2, № 2753—57]; Иакх [2, № 2758—59]; Ман [2, № 2760—65]; Невмений [2, № 2766]; Посейдоний [2, № 2767—69]; Синопий [2, № 2770—73].

Д и о н и с и й. Агатон [2, № 2436]; Архептолем [1, с. 114, № 10]. Данный астином крайне редок (см. [1, с. 114, № 10]). Возможно, ему принадлежит клеймо: Διονυ — гроздь σιο [2, № 2429].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Граков Б. Н.* Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1929.
2. IOSPE III//Рукопись в архиве ИА РАН.
3. *Цехмистренко В. И.* Клейма как источник для изучения керамического производства в Синопе в IV—II вв. до н. э.: Рукопись дис. ... канд. ист. наук. М., 1963.
4. *Кац В. И.* Экономические связи позднеклассического Херсонеса. Античный мир и археология. Вып. 4. Саратов, 1979.
5. *Цехмистренко В. И.* Синопское клеймо из Горгиппии//КСИА. 1976. Вып. 145.
6. *Шкорпил В. В.* Керамические надписи, приобретенные Керченским музеем древностей в 1901 и 1902 гг.//ИАК. 1904. № 11.
7. *Цехмистренко В. И.* Заметки о синопских клеймах//СА. 1971. № 3.
8. *Кругликова И. Т., Виноградов Ю. Г.* Клейма Синопы на амфорах из поселения Андреевка Южная//КСИА. 1973. Вып. 133.

[1] Несомненно также, что этому астиному принадлежат клейма [2, № 7890—7891] Ποσειδωνίο(υ) / ἐπὶΦορβα / ἀστυΥόμο(υ) цветок

и опубликованное А. И. Мелюковой [17, с. 34]:

Ποσειδωνίο(υ)
ἐπὶ Φόρβα
ἀστυνόμου нос корабля

[2] Скорее это неверное восстановление имени Εἰρηναῖος

9. *Колесников А. Б.* Керамические клейма из раскопок усадеб у Евпаторийского Маяка//ВДИ. 1985. № 2.
10. *Ефремов Н. В.* Динамика синопского импорта в Северо-Западном Крыму в IV—II вв. до н. э.//История и культура Херсонеса и Западного Крыма в античную и средневековую эпохи. Тез. докл. конф. молодых ученых. Севастополь, 1987.
11. *Цехмистренко В. И.* Синопские керамические клейма с именами гончарных мастеров//СА. 1960. № 3.
12. *Цехмистренко В. И.* О принадлежности вторых имен в синопских клеймах//НЭ. 1968. № VII.
13. *Брашинский И. Б.* Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V—III вв. до н. э. Л., 1980.
14. *Брашинский И. Б.* Комплекс кровельной черепицы из раскопок ольвийской агоры. 1959—1960. Ольвия. Теменос. Агора. Л., 1964.
15. *Пругло В. И.* Синопские амфорные клейма из Мирмекия//КСИА. 1967. Вып. 109.
16. *Золотарев М. И.* Керамические клейма из раскопок северо-восточного района Херсонеса в 1974—1975 гг.//КСИА. 1979. Вып. 159.
17. *Мелюкова А. И.* Поселение и могильник скифского времени у села Николаевка. М., 1975.

Университет, Грейфсвальд, Германия

N. W. JEFREMOW

THE INITIAL PERIOD OF THE STAMPING WITH THE ASTYNOM-NAMES IN SINOPE

Summary

The main task of the article is making more precise the magistrats-list of the first chronological group of stamps of Sinope and an attempt their in chronological succession to order. On basis of analyse of the different signs of the sinopean stamps (form of the magistratur, the construction of the legend, embleme) and study of the synchronismus of the magistrat-fabricant names were in the article reviced the existed points of view B. N. Grakov's and V. I. Tschechmisctrenko's on the attribution some stamps of the first chronological group. Making corrections in reading some names of the sinopean astynoms and argueing the necessity of the abridgement of the number some homonyms, the author offersan precised list of the sinopean magistrats of the first group, which in his opinion of 16 astynoms consists. The author demonstrates, that for the stamps of the first chronological group as emblem side by side with the city-weapon („eagle on Delphin") are as well the fabricant-signs characteristic. The last existed practic since the begin of the sinopean stamping. In the article supplemented table 4 had been made an attempt of the relativ dating of the sinopean magistrats of the first group.

Н. И. ВИНОКУРОВ, А. А. МАСЛЕННИКОВ

ВИНОДЕЛИЕ НА ХОРЕ ЕВРОПЕЙСКОГО БОСПОРА

Долгое время археологические свидетельства винодельческого производства на Боспоре исчерпывались находками, сделанными по преимуществу в городах. В этой связи достаточно упомянуть многочисленные винодельни Мирмекия, Тиритаки, Фанагории и Горгиппии. На сельских поселениях Европейского Боспора подобные объекты не были известны, за исключением, пожалуй, пригородной усадьбы неподалеку от Мирмекия и комплекса, открытого более 100 лет назад на склоне Темир-горы [1, с. 359 и сл. с. 407; 2, с. 47 и сл.].

За последнее десятилетие на территории Северо-Восточного Крыма, отдаленной от «центров» боспорского виноделия [3, с. 118, 119; 4, с. 189], найдено более десятка разновременных винодельческих производственно-хозяйственных комплексов (рис. 1). Три винодельни IV—III вв. до н. э. раскопаны на эллинистическом поселении Генеральское-Западное, две каменные давильни — у поселения III—II вв. до н. э. Сююрташ (Золотое-Восточное), четыре винодельни первых веков н. э.— на мысе Зюк (Зенонов Херсонес), одна винодельня конца II — начала III в. н. э. на поселении Савроматий (у с. Ново-Николаевка), две каменные давильни, заготовка для тарапана, гири для пресса конца II — начала III в. н. э. на городище Куль-Тепе, тарапан и гири пресса на городище I в. до н. э. — VI в. н. э. Сиреневая бухта. Кроме того, на городище Артезиан (около с. Чистополье) найдено шесть винохранилищ и еще не раскопанная винодельня первых веков н. э. Отметим также находку тарапана на античном поселении Туркмен [3, с. 87].

О масштабах развития виноделия и виноградарства в этом районе могут также свидетельствовать косточки винограда, найденные на поселении Генеральское-Западное в слоях III в. до н. э., Золотое — берег и Артезиан в слоях первых веков н. э. Виноградарские ножи и их фрагменты обнаружены на поселениях Генеральское-Западное, Зенонов Херсонес, Чокракский мыс, Артезиан. Можно также упомянуть о следах цемяночного покрытия, зафиксированных при раскопках поселений Сююрташ, Тасуново, Генеральское-Восточное и Куль-тепе.

Несомненным свидетельством развития виноградарства являются расположенные в районе поселения Артезиан и на склонах водораздельных холмов бухты Широкой клеры античного времени с хорошо заметным на поверхности виноградарским плантажем. К сожалению, они еще не подвергались раскопкам, поэтому принципы внутренней планировки, точное время сооружения плантажей неизвестны, однако их правильные очертания и собранный при визуальном осмотре в основном эллинистический материал позволяют, очевидно, отнести сооружение этих дорогостоящих и трудоемких агротехнических сооружений к эллинистическому времени[1]. Пространство между плантажными стенами колебалось в пределах 1,8—2,5 м, высота их достигала в отдельных местах 0,9 м, в среднем же не превышала 0,4—0,6 м. Виноградарские наделы Херсонеса имели близкие метрические показатели [4, с. 212].

[1] Е. Н. Жеребцов полагал, что правильность планировки клеров характерна для эллинистического времени [4, с. 21].

© Н. И. Винокуров, А. А. Масленников, 1993 г.

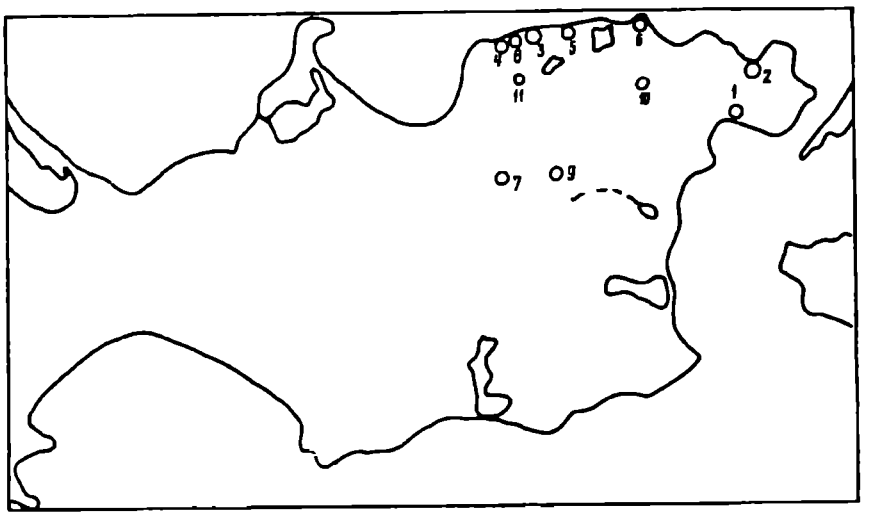


Рис. 1. Находки винодельческих комплексов на хоре Европейского Боспора (схема): *1* — усадьба около Мирмекия; *2* — Темир-гора; *3* — Генеральское-Западное; *4* — Сююрташ (Золотое-Восточное); *5* — Сиреневая бухта; *6* — мыс Зюк (Зенонов Херсонес); *7* — Савроматий (Ново-Николаевка); *8* — Куль-Тепе; *9* — Илурат; *10* — Туркмен; *11* — Артезиан

Одной из самых ранних не только здесь, но и на всем Боспоре является винодельня ГЗ-1, открытая в прибрежной части городища Генеральское-Западное [2] (рис. 2, *1*). К сожалению, она полностью разрушена более поздней винодельней ГЗ-2, от нее сохранился лишь разбитый на три части тарапан с утраченным в древности сливом и два каменных блока с пазом, куда был вставлен известняковый слив (рис. 3, *1*). Тарапан был найден лежащим вплотную к стене винодельни ГЗ-2, а блоки со сливом использованы в кладке соседней стены. По-видимому, эта винодельня имела по крайней мере одну площадку, где выдавливали виноградный сок ногами, и пресс, с помощью которого на тарапане получали виноградный сок более низкого качества — из мезги. Уже упомянутый тарапан представлял собой круглую известняковую плиту диаметром 1,4, толщиной 0,08—0,12 м. Нижняя его часть плоская, верхняя имела идущий вдоль края бортик шириной 0,12 м, при высоте 0,03 м. Рабочая поверхность имела площадь 1,4 м^2. Борта тарапана скруглены, вся поверхность тщательно обработана. Этот тарапан близок к лучше сохранившейся давильне, открытой в Нимфее во вторичном использовании, правда, имевшей меньшую площадь рабочей поверхности — 1,2 м^2 [6, с. 98]. По мнению Н. Л. Грач, ее можно было отнести к первой половине IV в. до н. э. По аналогии с нимфейской винодельней наш тарапан вполне можно датировать этим же временем, что не противоречит хронологии первого строительного периода, к которому относилась винодельня ГЗ-1. Первый строительный период на поселении Генеральское-Западное хорошо датируется серединой второй четверти — рубежом третьей, четвертой четверти IV в. до н. э. благодаря многочисленным находкам амфор, амфорных клейм, чернолаковой посуды и других предметов.

Затем винодельня ГЗ-1 была перекрыта винодельней ГЗ-2. относящейся к концу IV — первой трети III в. до н. э. Гибель винодельни ГЗ-1 следует относить к рубежу третьей-четвертой четверти IV в. до н. э. Именно в это время на городище прослеживаются всеобщие разрушения большей части построек, возможно, вызванные, по данным палеосейсмологии, сильнейшим землетрясением.

Винодельня ГЗ-2 сохранилась значительно лучше, это позволяет восстановить ее общий план (рис. 2, *1*). По всей видимости, она представляла собой вытянутое

[2] Поселение Генеральское-Западное раскапывалось в течение ряда сезонов Восточно-Крымской археологической экспедицией. Сейчас готовятся отдельные работы, посвященные периодизации городища и анализу различных категорий археологического материала.

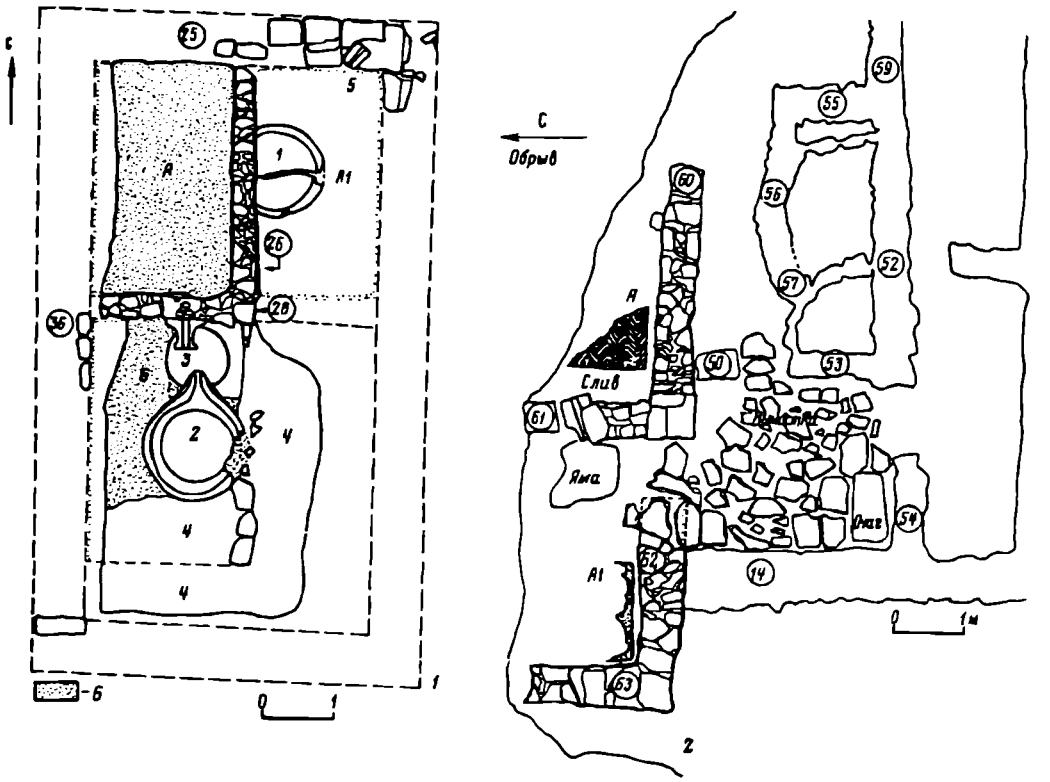


Рис. 2. 1 — винодельни поселения Генеральское-Западное: ГЗ-1 и ГЗ-2 (планы): *1* — тарапан винодельни ГЗ-1; *2* — тарапан винодельни ГЗ-2; *3* — яма для глиняного сосуда-суслоприемника; *4* — пол винодельни ГЗ-2; *5* — слив винодельни ГЗ-1; *А*, *А1*, *Б* — давильные площадки; *6* — агломератовый раствор.
2 — план винодельни ГЗ-3: *А* и *А1* — давильные площадки

с юга на север прямоугольное здание длиной не менее 9 м, шириной до 6 м, площадью около 36 м^2. Внутри здания находились три давильные площадки, круглый тарапан и по крайней мере один накопитель для сусла.

Северо-западную часть винодельни занимала давильная площадка А, северо-восточную — площадка А1; площадка Б находилась в центре помещения, примыкая к несохранившейся западной стене винодельни. На площадке Б находился круглый тарапан. Между площадками А и Б в плотной материковой глине была выкопана на глубину 0,8 м яма, максимальный диаметр которой достигал 1,07 м. Яма имела круглую форму, ее борта плавно сужались книзу. Очевидно, она служила для установки накопителя для сусла. Об этом говорят сливы с давильни А и тарапана, нависающие над устьем ямы (рис. 3, *2*). По аналогии с афинской винодельней IV в. до н. э. можно предположить, что здесь стоял глиняный сосуд [1, с. 382—385, рис. 27].

От внешних стен винодельни остались фрагменты кладки и траншея выборки от западной стены, часть кладки северной и лишь один блок от фундамента восточной стены. В высоту стены сохранились от 0,42 до 0,64 м при толщине 0,72—0,74 м. В качестве основания для стен винодельни были использованы остатки фундамента башни первого строительного периода, сложенные из крупных блоков (0,74 × 0,4 м; 0,72 × 0,55 м) на глиняном растворе по постелистой тычково-ложковой схеме. Сравнительно лучше уцелели частично выбранные внутренние перегородки — однорядные постелистые, двухлицевые кладки из мелких камней, скрепленных глиняным раствором. Они пересекались под прямым углом, для большей прочности стыковочного узла в качестве фундамента был положен крупный блок (1,1 × 0,56 × 0,42 м). Следующая с севера на юг перегородка длиной 3,76, шириной 0,36, высотой 0,96 м разделяла давильные площадки А и А1, а перпендикулярная к ней перегородка длиной 2,38, толщиной 0,4, высотой 0,95 м отделяла площадку А от резервуара 1 и площадки Б.

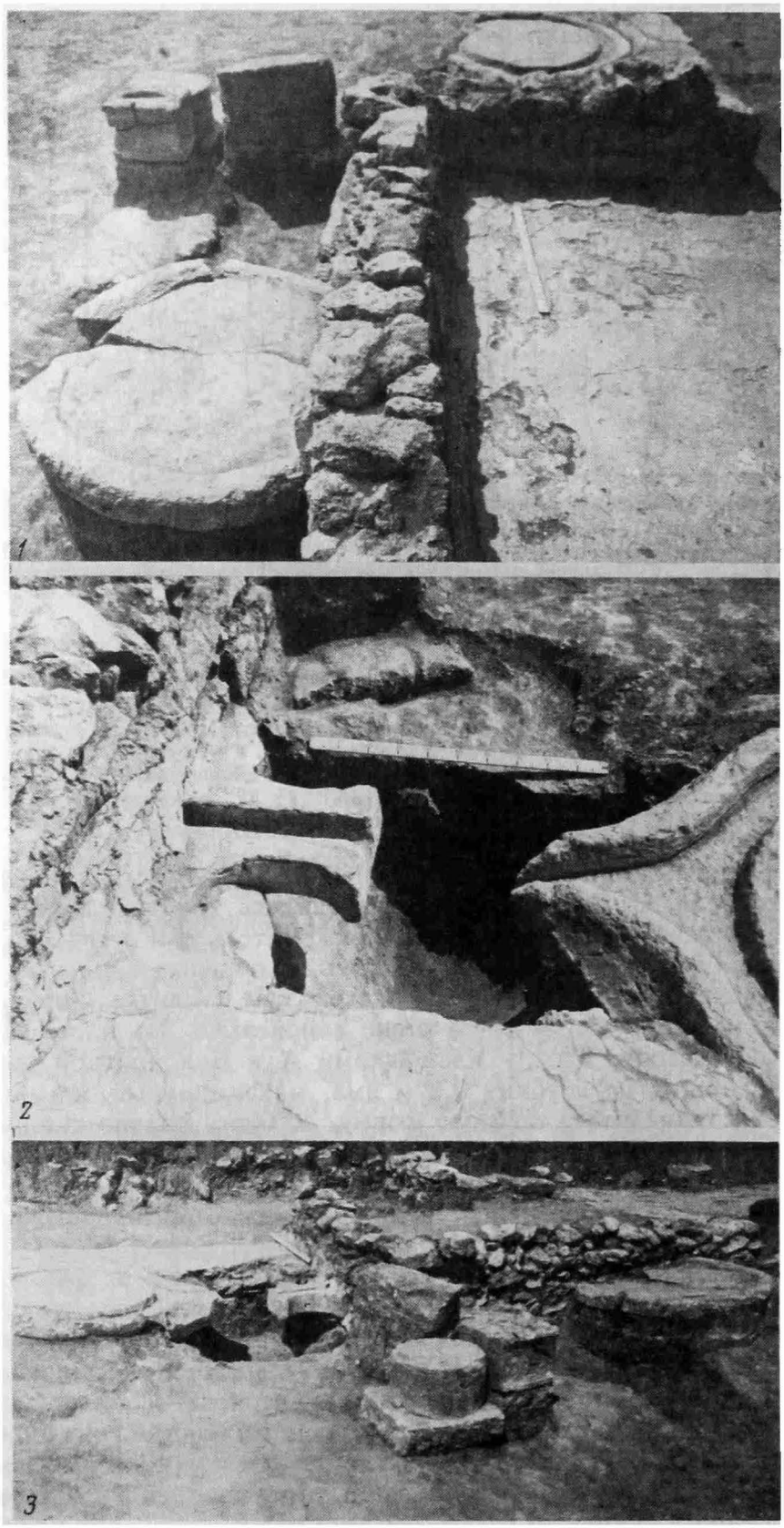


Рис. 3. *1* — вид с севера на винодельни ГЗ-1 и ГЗ-2; *2* — сливы с давильной площадки А и тарапана 2 винодельни ГЗ-2; *3* — вид с востока на винодельню ГЗ-2. На переднем плане алтари

Северо-восточная давильная площадка А сравнительно хорошо сохранилась: разрушена лишь незначительная ее часть. Длина ее 3,5 м, ширина достигала 2—2,1 м (уцелела на 1,86 м). Таким образом, ее площадь равнялась или незначительно превышала 7 м². Поверхность площадки имела наклон в южную сторону, к резервуару. Выдавливаемый на площадке сок самотеком выливался через отверстие, сделанное в южном борту давильни. Снаружи вплотную к отверстию примыкал вмурованный в стену известковый слив с правильно оформленным устьем (рис. 2, *4*). Его желоб, верхняя часть и боковые грани покрывал тонкий слой белой агломератовой обмазки, предохранявшей тщательно обработанную поверхность слива от неблагоприятного воздействия сусла. Так как стена частично перекрывала слив, то удалось зафиксировать его видимую длину 0,44 м при ширине 0,68 м (ширина средней части слива 0,36 м), ширина и глубина желоба 0,05 м.

Для сооружения давильной площадки был выкопан неглубокий котлован, дно которого выложили слоем чистой желтой глины. На этой глиняной подушке были плотно уложены небольшие камни (0,15 × 0,13; 0,12 × 0,08 м), засыпанные затем слоем трамбованной мелкой щебенки. Поверх щебенки нанесли два слоя агломератового «бетона» (морской песок с толченой ракушкой и известь) белого цвета. Окружающие давильную площадку А стены были покрыты агломератом на высоту до 20 см. Эта обмазка плавным изгибом переходила в горизонталь собственно давильной площадки. За счет такой комбинированной конструкции основания площадки она была способна выдержать продолжительные и довольно сильные нагрузки. Общая толщина основания достигала 0,28 м. За состоянием обмазки тщательно следили: она дважды ремонтировалась и имела три слоя подмазки.

Примыкающая к давильной площадке А площадка А1 имела, по всей видимости, сходные с ней размеры и площадь. От нее сохранился лишь слой белого агломерата на камнях стены—перегородки. Конструкция давильной площадки осталась невыясненной. О ее назначении и о существовании слива и отдельного суслоприемника также ничего нельзя сказать определенного. Гораздо лучше сохранилась третья давильная площадка Б, примыкающая с юга к площадке А и расположенная в центральной части здания винодельни. По всей видимости, она имела прямоугольную форму и отделялась от глинобитного пола винодельни однослойной кладкой слегка подтесанных камней, положенных на постелистые стороны. От кладки сохранилось лишь несколько камней с восточной стороны площадки. Восстанавливаемые размеры площадки Б вряд ли превышали по длине 3,15 м (уцелело 2,9 м), по ширине 2,12 м (уцелело 1,98 м). Площадь ее, таким образом, около 6,68 м² (сохранилось 6,15 м²). Устройство давильной площадки Б аналогично вышеописанной. Покрытие площадки также подновлялось, и здесь были прослежены два слоя агломерата. Им были покрыты также стены площадки Б. Очевидно, первоначально на этой площадке выдавливали виноград ногами, а только через некоторое время, когда в этом назрела необходимость, вызванная перестройкой винодельни или сокращением объема перерабатываемой продукции, в ее восточной половине был вделан массивный круглый тарапан. Для этого часть покрытия давильни, по-видимому, пришлось удалить и после водворения тарапана на место замазать место стыков тарапана с краями площадки агломератом. При этом внешние борта тарапана не возвышались над поверхностью площадки, и, следовательно, она после переделки могла использоваться не только для прессования мезги, но и для выдавливания винограда ногами. Тарапан вытесан из известняковой плиты плотной фактуры. Его диаметр 1,6 м при толщине 0,3 м. Диаметр внутреннего круга 0,89—0,9 м. Глубина желоба 0,03—0,06 м, ширина 0,06—0,12 м. Для облегчения стока сусла из желоба тарапана его слив имеет заметный наклон к краю.

Слив тарапана с площадки Б был направлен в ту же емкость, куда должно было поступать сусло с площадки А.

Основания для пресса такого типа хорошо известны по раскопкам других населенных пунктов Боспорского государства и Средиземноморья (например, на Делосе). Они датировались, как правило, III—II вв. до н. э. [1, с. 356—358]. Необходимо заметить, что в большинстве своем они были найдены не в составе винодельческих производственных комплексов, а во вторичном использовании. В нашем же случае мы имеем дело с тарапаном, который, во-первых, датируется более ранним временем (концом IV — первой половиной III в. до н. э.) и, во-вторых, найден внутри здания винодельни в сопровождении давильных площадок и ямы для накопителя сусла. Такое сочетание конструктивных элементов в ранней винодельне обнаружено на Боспоре впервые.

Наиболее близкой аналогией этому тарапану является основание для пресса, опубликованное В. Ф. Гайдукевичем [1, с. 357, рис. 3], обнаруженное при случайных обстоятельствах около Аджимушкая. Все тарапаны подобного типа изготавливались из цельных, плотных по структуре известняковых или мраморных (как на Делосе) плит. Они имели тщательно обработанную поверхность, круглую форму и сходные параметры. По краю тарапанов обычно высекался желоб, переходящий с одной стороны в слив. Ширина желоба была различной, но не выходила за пределы 0,05—0,12 м. Интересным нам представляется еще одно обстоятельство: на тарапане из Аджимушкая в желобах сохранились местами остатки «цемента» — белого раствора с примесью гравия [1, с. 358]. Он, очевидно, был вмурован, как в винодельне ГЗ-2, в толщу основания давильной площадки. По всей видимости, круглая форма тарапана предполагает, что здесь прессовали виноградную массу в таре, имеющей круглое основание, например в корзинах или в мягкой оболочке. В качестве груза могли использовать каменный гнет. Так, в нашем случае, на винодельне ГЗ-2, применялись скорее всего в качестве гнета два поврежденных известняковых жертвенника (один прямоугольной формы, другой — цилиндрической), найденные рядом с давильной площадкой Б (рис. 3, *3*) и стратиграфически связанные с винодельческим комплексом. Вопрос о применении в IV в. до н. э. рычажного пресса пока следует оставить открытым. Хотя, по другим данным, рычаг широко использовался уже в VI—V вв. до н. э. [1, с. 389, 390].

Ранее считалось, что на Боспоре виноградное сусло после первого отжима винограда не смешивали с виноградным соком, получаемым при отжиме мезги [1, с. 408]. В таком случае для того, чтобы сусло, поступаемое с площадки А, не смешивалось с суслом второго сорта с площадки Б, необходимо было каждый раз вычерпывать из накопителя его содержимое или же после завершения операции менять саму емкость. Здесь же можно было смешивать в выбранных пропорциях два сорта виноградного сока для совместного сбраживания [1, с. 408, примеч. 1]. Отметим, что в Западном Крыму известны винодельни IV—III вв. до н. э., где найдены единые емкости для сбора сусла разного качества [7, с. 24; 8, с. 137, рис. 14].

С западной стороны между сливом и тарапаном прослеживался ровный слой агломератового бетона. Возможно, здесь находилось незначительное по высоте ограждение, препятствующее попаданию посторонних предметов (виноградной кожицы, гребней и косточек) в емкость для сбора сусла со стороны площадки Б. Впоследствии, после одного из ремонтов, этот край был замазан.

Вся оставшаяся внутренняя площадь винодельни находилась на 0,28—0,3 м ниже уровня давильных площадок и представляла собой пол из чистой желтой, довольно плотной глины.

Остатки другой винодельни, ГЗ-3, были найдены на терасированном прибрежном участке поселения. Сильно пострадавшая от береговой эрозии, она относилась к тому же времени, что и винодельня ГЗ-2, и имела, вероятно, сходную с ней конструкцию (рис. 2, *2*).

Это было вытянутое с востока на запад здание прямоугольной формы, стены которого, сложенные по тычково-ложковой системе, выполняли одновременно функции подпорных береговой террасы. Внутри здания находились не менее двух давильных площадок и один накопитель для сусла. Параметры здания восстановить невозможно по причине значительных его разрушений. Сохранились только остатки южной стены с проходом, восточной стены и внутренней перегородки. Проход в южной стене вел с мощеного дворика, примыкающего с юга к винодельне, к ее накопителю. Уцелел западный участок проема, оформленный большой плитой, восточная его часть оказалась выбранной; ширина прохода вряд ли превышала 1,2 м. Стены винодельни толщиной 0,72—0,78 м, сложены из средних и крупных блоков по постелистой ложково-тычковой системе. Блоки скреплял глиняный раствор. Сохранившаяся длина южной стены, включая проход, около 8,8 м, восточной — 2,1 м, перегородки — около 1,8 м.

От давильной площадки А сохранились остатки основания. Примечателен неординарный способ ее постройки. Неглубокий котлован, который был выкопан под давильную площадку, ограничили сначала стенами, пересекающимися вперелет под прямым углом друг к другу. Дно котлована тщательно выровняли. Затем строители положили плотный слой мелких камней (0,07 × 0,05 × 0,04 м), более крупными камнями оконтурили пространство будущей давильной площадки. Выше бутового фундамента они выложили «паркетным» способом собственно основание площадки из небольших, поставленных на ребро плоских плит слоистого известняка длиной 0,07—0,08 м. Плиты устанавливались рядами «елочкой» и скреплялись глиняным раствором желтого цвета. Этих рядов, вытянутых по линии север — юг, насчитывалось четыре с половиной. Края покрытия давильной площадки шириной 0,1—0,11 м поднимались наклонно от дна на высоту до 0,06—0,07 м. Общая толщина фундамента и покрытия давильной площадки достигала 0,28 м.

Такое основание площадки винодельни ГЗ-3, очевидно, могло выдержать изрядную нагрузку и препятствовало проседанию цементного покрытия и образованию в нем провалов и трещин.

Давильные площадки подобного устройства по литературе нам не известны. Уникальность площадки винодельни ГЗ-3 не только в характере кладки ее основания, но и в том, что в составе покрывающего раствора применена гидравлическая добавка — толченая керамика, придавшая «цементу» розовую окраску. Столь раннее использование цемянки зафиксировано пока впервые [1, с. 372, 373, примеч. 1; 9, с. 194, 195].

Во внутреннюю перегородку был вмурован хорошо обработанный известняковый слив, сходный по конструкции со сливом из винодельни ГЗ-2, но имевший измененное оформление устья. Размеры слива: 0,64 × 0,48 × 0,2 м; ширина желоба 0,02 м. По сливу выдавливаемый на площадке сок должен был попадать в емкость (пифос или амфору), для которой была выкопана яма диаметром 0,75 м, глубиной 1,2 м.

С востока к яме, по всей видимости, примыкала давильная площадка А1, от которой сохранился лишь слой цемента, поднимавшийся от ее дна к стенам винодельни. Размеры прямоугольных площадок А1 и А восстановить не представляется возможным. Но по аналогии с винодельней ГЗ-2 можно предполагать установку на этой площадке тарапана, направленного сливом в сторону той же емкости для сусла. В пользу этого говорит своеобразная форма горловины ямы под суслонакопитель, как бы устроенная для удобства подставки сменной емкости под слив со стороны площадки А1.

Ясно, что объем производства вина на винодельнях ГЗ-2 и ГЗ-3 во много раз должен был превышать объем накопителей. Поэтому по мере их наполнения сусло вычерпывалось и переливалось в другие емкости.

На поселении Генеральское-Западное за время работ было найдено немало фрагментов разнообразных пифосов и огромное количество обломков амфор

(одних только клейм обнаружено около 1000). По-видимому, столь значительное количество керамических фрагментов со сравнительно небольшого по площади городища говорит не только о развитых торговых связях, но и о стремлении создавать значительные запасы пустой керамической тары, нужной для хранения и сбыта своего вина [3]. Правда, необходимо отметить, что здесь не раскрыто таких складов пустой тары, как например, в Фанагории и Танаисе, но о том, что они несомненно существовали, на наш взгляд, свидетельствуют единовременные массовые сбросы разбитой керамической тары таких центров, как Синопа, Гераклея, Фасос, Менда, Пантикапей и Херсонес. Они образовались в ходе перепланировочных и восстановительных работ после пережитых жителями городища военных и природных потрясений, когда разбитая керамическая тара вместе с другим мусором выбрасывалась за пределы вновь отстраиваемых зданий.

Винодельни городища Генеральское-Западное занимают особое место среди уже известных виноделен V—IV вв. до н. э., подразделяемых на два типа: I — конец V — начало IV в. до н. э., представлен нимфейской винодельней (Нмф-2) [4], состоящей лишь из корытообразного стационарного тарапана и выложенной камнем небольшой цистерны, предназначенной для установки суслонакопителя; II — более поздний, вторая половина — конец IV в. до н. э., выделен после находки в Пантикапее винодельческого комплекса с переносным керамическим тарапаном, обмазанной агломератовым раствором цистерной, имеющей отстойник, а также с земляным хранилищем-погребом (П-10) [5]. По сравнению с ними винодельни ГЗ-1—3 являются более развитым типом винодельческих хозяйств. Они сочетали под одной крышей несколько давильных площадок, прессовое устройство, суслоприемник и были способны переработать значительное количество сырья, что предполагает высокий уровень развития виноградарства в прилегающем к поселению районе уже со второй половины IV в. до н. э. По сложности конструкции эти винодельни опережали даже более поздние комплексы III—II вв. до н. э. (типа Т-1) с одной давильной площадкой и цистерной. Близких аналогий выделенному нами третьему типу ранних боспорских виноделен пока найти не удалось. Отметим только, что с винодельнями V—IV вв. до н. э. их объединяет лишь отдельный элемент внутреннего устройства — сравнительно малоемкий резервуар, с более поздними — наличие специальных субструкций под давильными площадками, система перегородок, отделяющих давильные платформы друг от друга, бортик, защищающий сусло от попадания посторонних примесей, использование толченой керамики в растворе, высокая обмазка раствором внутренних частей стен и перегородок, установка тарапана на одном уровне с давильной площадкой, более низкое расположение глинобитного пола по сравнению с производственным отделением. Таким образом, при всем различии между данным типом виноделен IV—III вв. до н. э. и более поздними винодельнями наблюдается определенная преемственность строительных традиций и приемов, использованных при их сооружении.

Следующие по времени остатки виноделен обнаружены в 1989 г. на восточном склоне холма, на котором находится городище Сюрташ. Они были датированы керамическим материалом III—II вв. до н. э. Винодельни представляли собой вырубленные в известняковых глыбах большие давильни с площадью рабочей поверхности около 2,6 м^2 (рис. 4). Вместилища этих сооружений обработаны инструментом типа «троянки» и имели выраженный уклон в сторону прорезанного в одном из бортов щелевидного слива. Благодаря естественному перепаду высот

[3] В импортные винные амфоры могли переливать вино местного изготовления с целью подделки для последующей перепродажи. Фальсификация греческих вин — явление, широко распространенное в античном мире [10, с. 133].

[4] По Н. А. Грач, винодельня № 1 [6, с. 94]. Однако, исходя из нумерации В. Ф. Гайдукевича, эта нимфейская винодельня должна иметь шифр Нмф-2, так как найденная там же винодельня римского времени (1954 г.) получила шифр Н-1 [1, с. 363].

[5] Винодельня раскапывалась И. Д. Марченко в течение 1965, 1966 и 1970 гг. на Ново-Эспланадном раскопе (см. Марченко И. Д. Отчеты о раскопках Пантикапея в 1966, 1967, 1970 гг. Архив ИА АН СССР). По нашим данным, в Пантикапее найдено 11 виноделен.

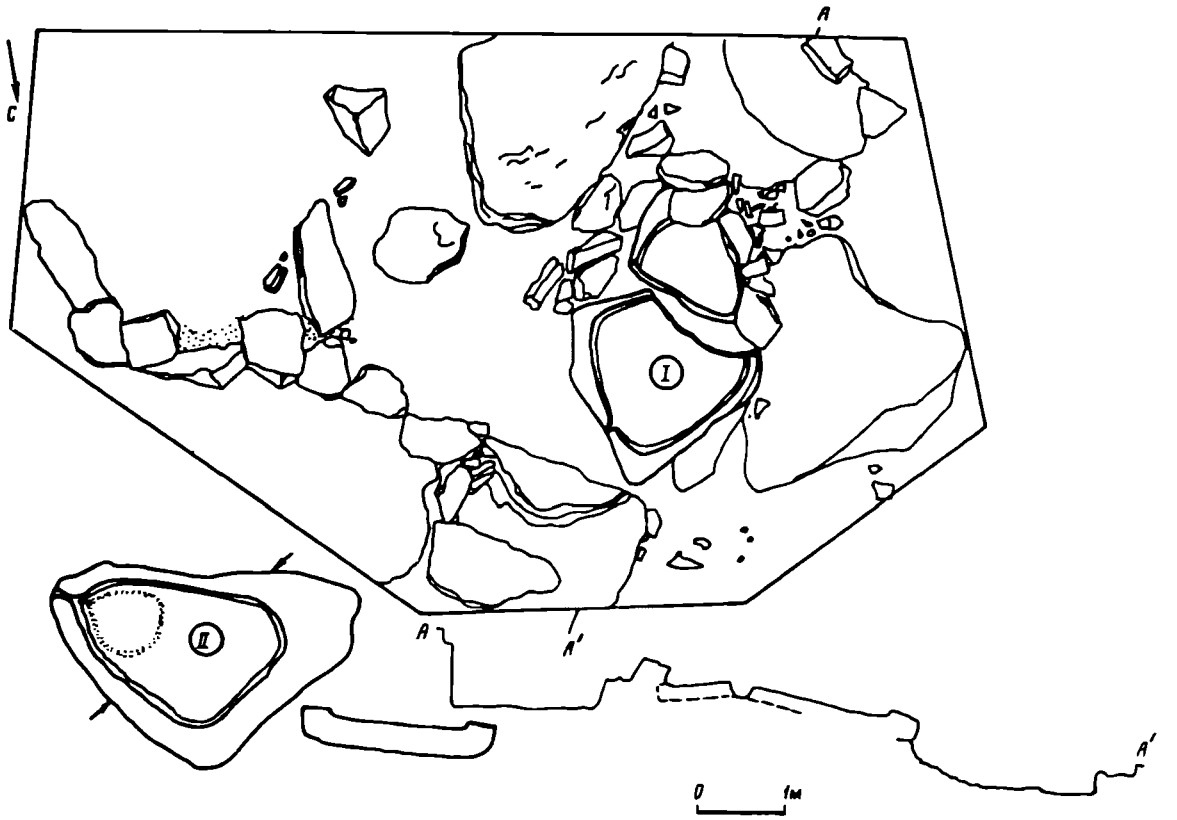


Рис. 4. Винодельни Сююрташа. *I* — винодельня Срт-1; *II* — винодельня Срт-2

между склоном холма и подошвой давилен не было необходимости выкапывать специальные ямы для суслосборников.

Винодельня Срт-1 имела полигональную форму (рис. 4, *1*), внешние размеры ее: 1,5 × 0,8 × 1,85 × 2,05 × 1,4 м. Снизу к ней примыкала прослеженная на 5,6 м в длину однолицевая однослойная подпорная стена, сложенная из необработанных известняковых камней, положенных на постелистые стороны. В высоту она сохранилась на 0,6 м. Стена препятствовала оползанию крутого склона, на котором покоилась плита винодельни. Еще в древности давильню расколол на две половины мощный сейсмический толчок.

Несколько выше по склону располагалась другая винодельня — Срт-2. Она имела подтреугольную форму, размеры ее: 2,8 × 3,4 × 2,7 м (рис. 4, *2*).

О существовании на Боспоре в III—II вв. до н. э. стационарных каменных давилен с большой площадью рабочей поверхности, столь характерных для Херсонеса [8, с. 126 и сл.], ранее ничего не было известно. На подобных винодельнях могли выдавливать виноград ногами и отжимать мезгу прессом рычажного типа, действие которого облегчалось неровным рельефом местности.

Винодельни более позднего периода раскопаны на мысе Зюк. Так, вероятно, к рубежу I—II вв. н. э. следует отнести время сооружения самой ранней из них, обнаруженной в 1979 г. (рис. 5, 1) — ЗХ-3. От нее неплохо сохранились три расположенные в ряд по оси северо-запад — юго-восток цистерны и давильная площадка. Точных размеров последней установить не удалось, ясно лишь, что ее длина превышала ширину, равную 2,5 м. Углы давильной площадки были оформлены валикообразно. Поверхность ее имела наклон в сторону резервуаров и четыре слоя цемяночной облицовки розового цвета.

Слив, изготовленный из плотного известняка, найден при расчистке винодельни на дне одной из цистерн; внутреннюю поверхность цистерн покрывали несколько слоев розовой цемянки. Цистерны имели размеры: 1,2 × 0,8; 1,2 × 0,7; 1,1 × 0,8 м. Их стенки, сложенные из тонких плоских плит известняка (0,06—0,08 м), частично

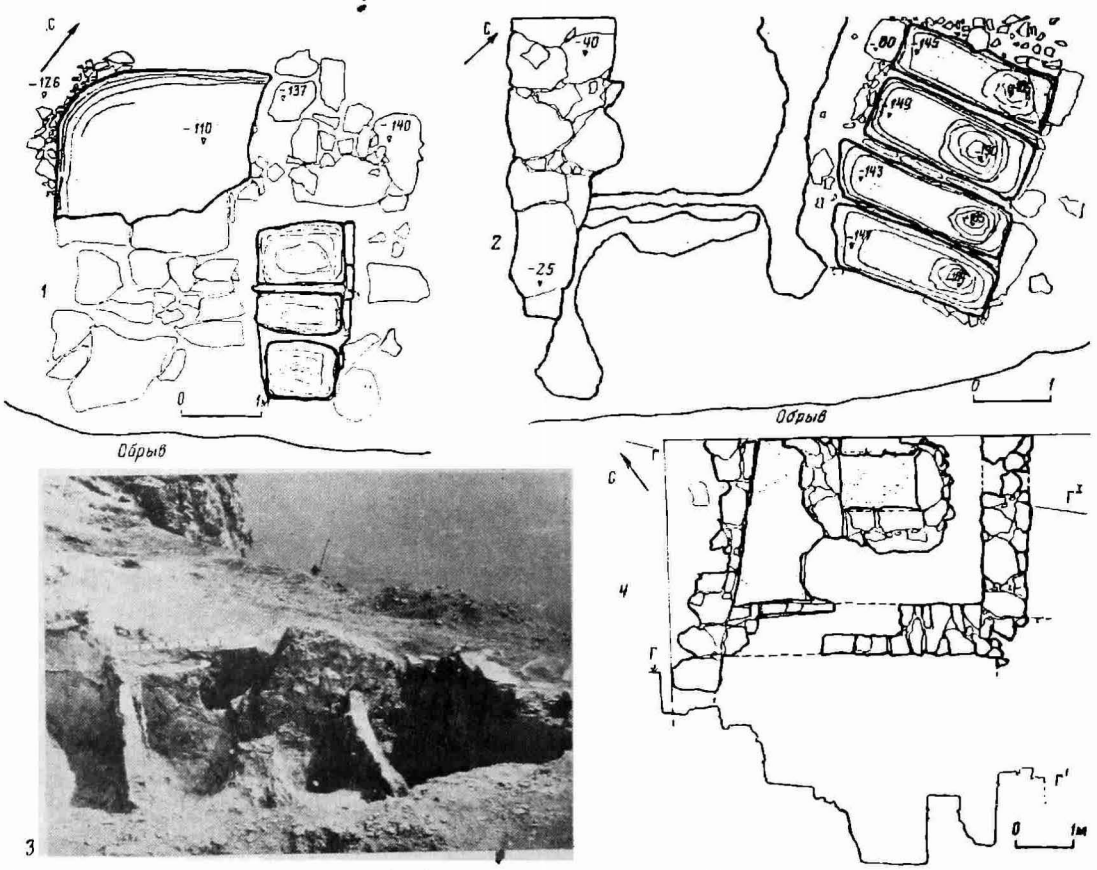


Рис. 5. *1* — план винодельни ЗХ-3; *2* — план винодельни ЗХ-2; *3* — вид с запада на винодельню ЗХ-3; *4* — план винодельни ЗХ-4

разрушились, поэтому начальная глубина резервуаров была большей, чем 0,5—0,6 м. Округлое дно цистерн находилось на 1,3—1,4 м ниже давильной площадки.

Площадка винодельческого комплекса ЗХ-3 частично перекрывала дом и вымостку II—I вв. до н. э., а его резервуары оказались впущенными в заброшенную к тому времени крепостную стену городища. Винодельня просуществовала, по-видимому, до начала III в. н. э. По крайней мере об этом говорит керамический материал, найденный в заполнении цистерн и на площадке: обломки красно- и светлоглиняных амфор II—III вв. н. э., фрагменты простой и краснолаковой керамики и ножка лепного светильника II—III вв. н. э.

Данная винодельня сохранила ранние конструктивные элементы: одну давильную площадку с округленными углами, «тяговое» оформление стыковочных узлов в цистернах, как на винодельнях III—II вв. до н. э. [1, с. 409 и сл.], но уже обладала тремя смежными, достаточно вместительными резервуарами, что сближает ее с винодельнями первых веков н. э. [11, с. 82, рис. 8; 12, с. 141 и сл.; 13, с. 53—55]. Отсутствие здесь достаточно развитой системы сливов, прессового устройства и указанные выше особенности конструкции позволяют выделить эту винодельню в особый тип. По последним данным, на Боспоре в I—II вв. н. э. известны следующие типы виноделен: I — «эллинистического» облика с обширной давильной площадкой, цистерной, вымощенной подсобной площадкой (Кеп-2); II — с одной давильной площадкой, тремя цистернами, без пресса, сохранившие конструктивные элементы эллинистических виноделен (ЗХ-3); III — с тремя давильными площадками, прессом рычажно-винтового типа, сооруженные на основе планировки предшествующих, более ранних виноделен (М-1); IV — с тремя основными смежными давильными площадками, тремя соответствующими им цистернами, прессовым устройством рычажно-винтового типа, двумя вспомогательными боковыми площадками, простой системой стока сусла (М-2 и М-3);

V — с пятью давильными площадками, прессом на одной из центральных площадок, сложной системой сливов в три смежные цистерны (Ф-8).

Незначительные остатки винодельни ЗХ-1 были найдены в юго-западной части поселения у берегового обрыва. Обвал берега и позднейшие перекопы сильно ее разрушили. Сохранились только пласты цемяночного покрытия розового цвета от давильной площадки и четыре уложенных в ряд камня от цистерны с остатками цемянки. Ни форму, ни более или менее точную датировку этой винодельни выяснить не удалось. Остатки ее были раскопаны на глубине 1,2 м от дневной поверхности. В цемяночной обмазке давильной площадки находился профилированный фрагмент краснолаковой чашки I—II вв. н. э. Но датировать этим временем винодельню ЗХ-1, очевидно, не следует, так как стратиграфически она относилась к слою не ранее IV в. н. э.

Сравнительно лучше сохранилась винодельня ЗХ-2, хотя и она имеет сильные повреждения (рис. 5, *2*, *3*). Поздняя яма и обвал береговой линии практически полностью уничтожили ее давильную площадку. Однако было выяснено, что она находилась с запада от цистерн и примыкала к крепостной стене городища, которая ко времени постройки винодельни уже была заброшена. Длина площадки составляла более 3 м, а ширина — не менее 2,8 м. Достаточно хорошо сохранились четыре цистерны, разделенные между собой перегородками толщиной 0,06—0,1 м. Цистерны 1, 2 представляли собой прямоугольные в плане вместилища, построенные из плоских, поставленных на ребро плит, обмазанных розовой цемянкой. Цистерны 3 и 4 также прямоугольной формы, частично высечены в скале и только их верхняя часть достроена плитами. Везде удалось проследить четыре слоя обмазки. Цистерны размещались в ряд с востока на запад. Их размеры: 2,18 × 0,7; 2,17 × 0,85; 2,36 × 0,7; 2,3 × 0,72 м. Глубина цистерн колеблется от 1,1 до 1,4 м, а дно заметно понижалось в восточной части, где к тому же были сделаны специальные округлые углубления (до 0,1 м глубиной) для отстаивания осадка или для удобства вычерпывания содержимого цистерны. Подобные углубления характерны для виноделен разных типов [11, с. 90, рис. 17; 14, с. 78 и сл.]. По конструктивным особенностям эта винодельня близка к винодельческим комплексам Тиритаки, Мирмекия, Горгиппии, Гермонассы, датируемым III—IV вв. н. э. [1, с. 452; 13, с. 53—55; 15, с. 61 и сл.]. Однако следует отметить, что винодельни с подобным расположением цистерн и одной давильной площадкой представляют новый тип винодельческих сооружений Боспора. В. Ф. Гайдукевич привел одну винодельню из Мирмекия, имевшую четыре цистерны (М-6), но там их расположение было иным [1, с. 452].

Время постройки винодельни ЗХ-4, частично открытой в центральной части городища, удалось установить по стратиграфии данного участка и находкам, обнаруженным в слое, к которому относились ее развалины (рис. 5, *4*). Хронологические пределы, в рамках которых она могла функционировать, II—VI вв. н. э. Винодельня была заброшена после пожаров и разрушений, сопровождавших гибель городища.

Давильная площадка этого комплекса имела длину не менее 3,2 м (значительная ее часть уходила в северо-восточный борт раскопа «Береговой») при ширине около 1,7 м. С севера она примыкала к заброшенной к тому времени стене «цитадели» городища. Слой светло-розовой, почти белой цемянки довольно тонок, что, возможно, говорит о недолгом времени использования давильной площадки.

Цистерны винодельни имели прямоугольную форму. К сожалению, удалось расчистить только одну из них, внутренние размеры которой 0,98 × 1,3 м при глубине 1,3 м. Нижняя часть цистерны высечена в скале и покрыта цемяночным раствором; сами же стены, также с цемяночной обмазкой, построены из квадратных блоков плотного по структуре известняка. Применение квадров при постройке цистерны является особенностью винодельни ЗХ-4. Цистерну заполнял рыхлый серый грунт с амфорным материалом II—VI вв. н. э. Там же были

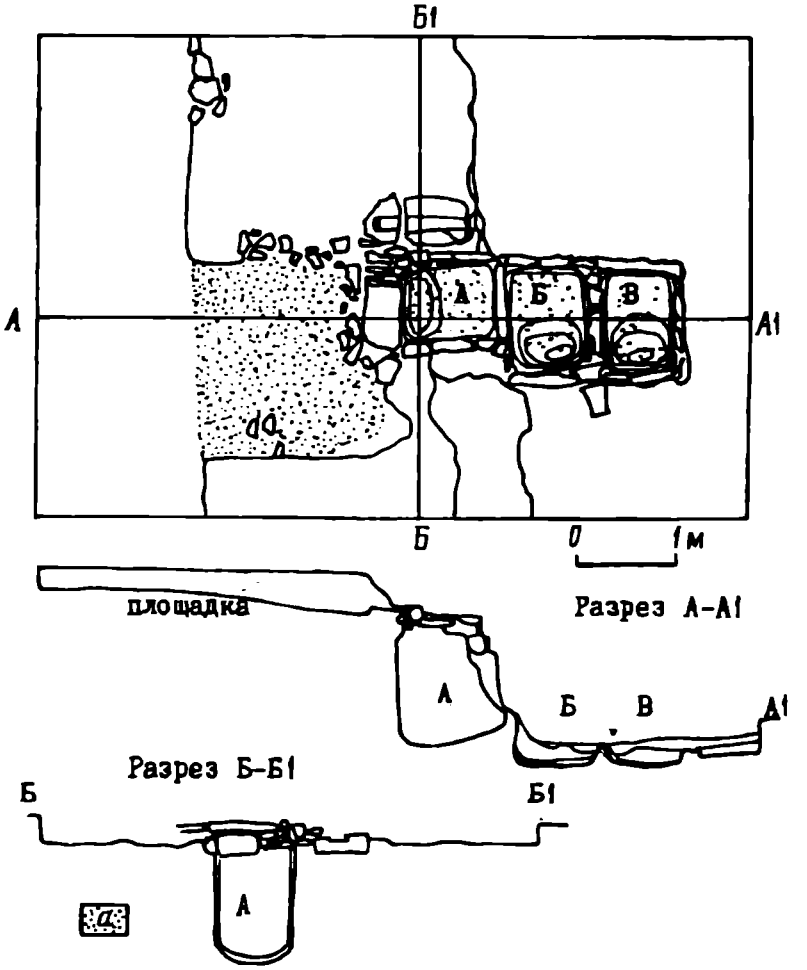


Рис. 6. План винодельни у городища Савроматий (С-1)

найдены медная монета и фрагменты человеческого черепа со следами деформации.

Давильная площадка находилась на глубине 2,06 м, а дно цистерны — 3,75 м от дневной поверхности. Слив в цистерну не обнаружен.

С юго-востока и юго-запада помещение винодельни ограждали двухлицевые однорядные постелистые ложково-тычковые кладки стен, сложенные из крупных (0,92 × 0,42 × 0,3 м), средних (0,32 × 0,21 × 0 15 м) и мелких камней на глиняном растворе. Длина одной из стен, протянувшейся с северо-запада на юго-восток, достигала 3,7 м; длина перпендикулярной к ней стены составила 4,2 м. Ширина стен колебалась в пределах 0,9—0,98 м. Другие стены винодельни не сохранились, поэтому сложно сказать, как она выглядела в рабочем состоянии и к какому типу ее следовало бы отнести. Особенностью винодельческого хозяйства Зенонова Херсонеса является наличие виноделен с одной давильной площадкой и несколькими цистернами, объем которых свидетельствует о значительном количестве получаемого здесь вина. О винодельческих комплексах степных поселений Восточного Крыма (за исключением Илурата [16, с. 89]) не было ничего известно до раскопок винодельни поблизости от городища Савроматий у с. Ново-Николаевка [17, с. 91 и сл.]. Эта винодельня сильно повреждена при прокладке современного трубопровода. От нее остались лишь давильная площадка и три полуразрушенные цистерны (рис. 6). На небольшой глубине от дневной поверхности (0,2—0,3 м) расчищены остатки давильной площадки длиной 2,73 м при сохранившейся ширине 1,1 м. Устройство ее основания было типичным: на слой камней положена трамбованная щебенка и образовавшийся фундамент залит розовой цемянкой. С востока к площадке примыкала цистерна А, имевшая

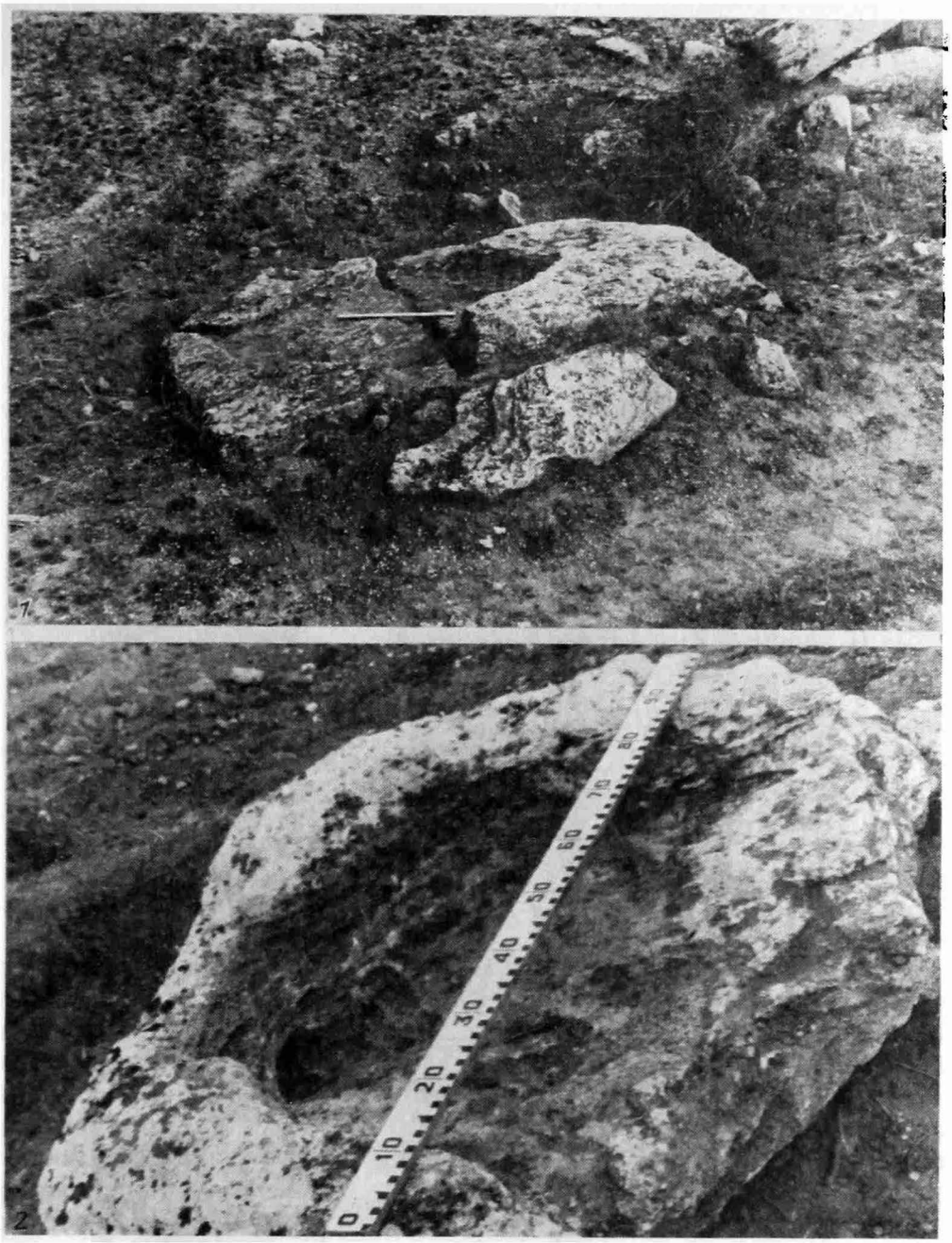


Рис. 7. Винодельня Клт-1, вид с востока (*1*); винодельня Клт-2, вид с юго-востока (*2*)

отстойник в западной части. Размеры ее 0,51 × 0,4 × 0,63 м. Внутренняя поверхность цистерны покрыта тремя слоями розовой цемянки, тогда как поверхность давильной площадки имела два слоя раствора. Вдоль северного борта цистерны найдены два плотно пригнанных друг к другу слива, изготовленных из плотного известняка. С юга также имелся слив, отмеченный во время археологической разведки 1978 г., но к началу раскопок он не сохранился. Плиты тесаного известняка без следов цемянки образовывали верхнюю часть цистерны, заполнение которой датировалось временем не позднее II—III вв. н. э. К цистерне А с восточной стороны пристроены цистерны Б и В. Они имели отстойники в южной части; их борта уцелели только на высоту 0,1—0,3 м. Внутренние поверхности цистерн Б и В покрывал один слой раствора.

Самыми первыми на винодельне, очевидно, были построены давильная площадка и цистерна А. Сусло попадало в цистерну через слив прямо со стороны давильной площадки. Затем винодельня была перестроена: восточный борт цистерны А был сдвинут и ее объем несколько уменьшился. Площадку

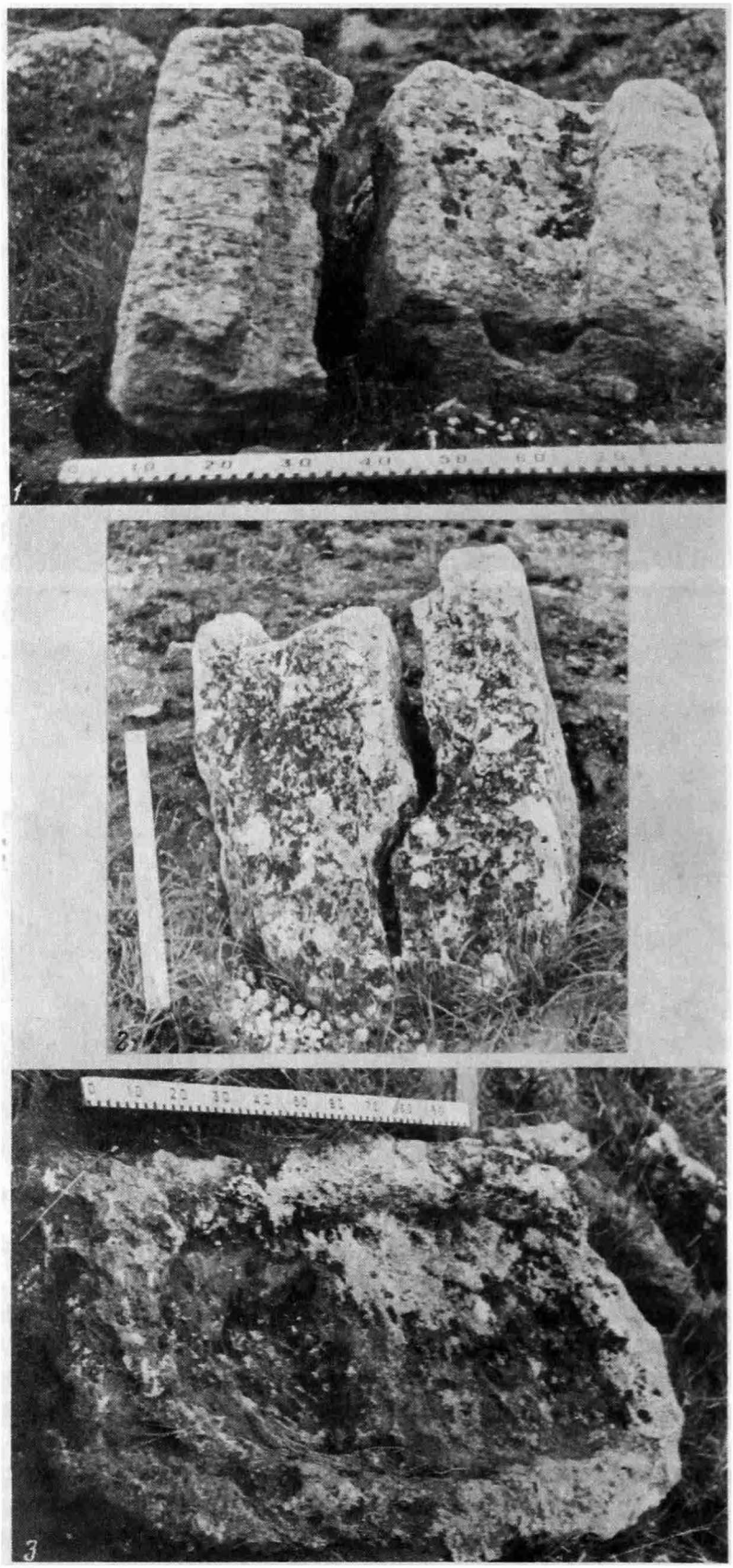


Рис. 8. *1, 2* — гири для пресса с городища Куль-Тепе; *3* — заготовка для тарапана

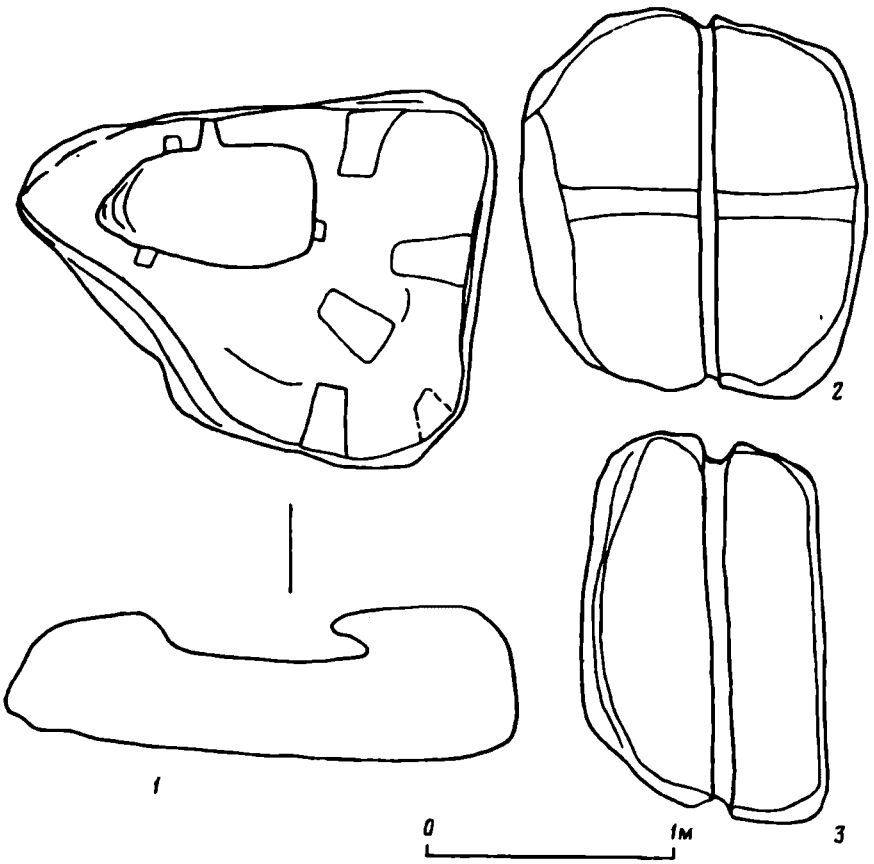


Рис. 9. *1* — тарапан с поселения Сиреневая бухта; *2* — гири с поселения Сиреневая бухта

вместе с цистерной покрыли вторым слоем цемянки. Одновременно пристраиваются еще две цистерны — Б и В с давильными платформами (к сожалению, платформы, как и остатки пресса, не сохранились). Цистерна А надстраивается плитами, справа и слева от нее укладываются дополнительные сливы. Все эти перестройки превратили сравнительно маломощную винодельню с одной платформой и цистерной в оригинальное по планировке сооружение с типичным для «промышленных» виноделен II—III вв. н. э. сочетанием трех (пяти) давильных площадок и трех цистерн, что свидетельствует о расширении на поселении винодельческого производства. Окончательно винодельня прекращает существование не позднее 60-х годов III в. н. э. одновременно с гибелью городища.

На поселении первых веков н. э. Куль-Тепе открыты две каменные давильни (рис. 7, *1*, *2*), на которых виноград подвергали двум операциям: растаптыванию и прессованию. При их расчистке собран керамический материал конца II — начала III в. н. э. Аналогичная винодельням Сююрташа давильня Клт-1 вырублена в материковом выходе известняка; ее грубо околотая внутренняя поверхность площадью около 4,6 м^2 имела заметный наклон к желобчатому сливу. Подвижками грунта ее раскололо на две половины. Борта имели специальные подтески для закрепления емкости с мезгой. Гиря рычажного (или рычажно-винтового) типа опускалась в выкопанную неподалеку яму. Длина рычага могла достигать 7—9 м. Составные гири найдены в разных районах городища, две из них находились неподалеку (рис. 8, *1*, *2*). К югу от винодельни Клт-1 (в 8 м) обнаружена массивная корытообразная давильня Клт-2 (рис. 7, *2*), смещенная со своего места и сильно поврежденная. От нее сохранилась лишь передняя часть с вырезанным сливом в виде расположенного под углом к ее поверхности круглого отверстия (диаметром 0,08—0,1 м). Длина оставшейся части 0,9—1 м, ширина 1—1,2, толщина 0,28—0,45 м.

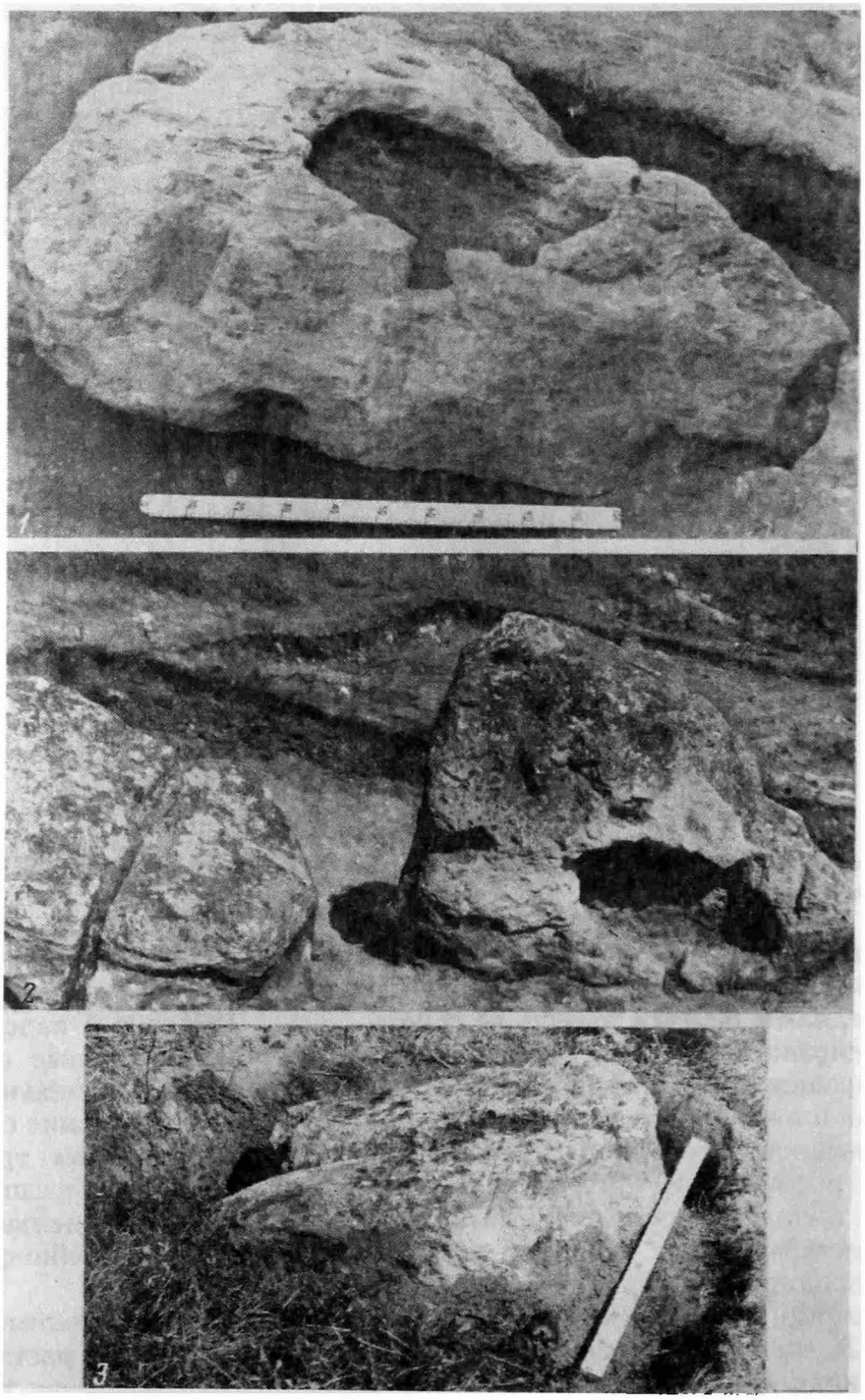


Рис. 10. Тарапан и гири с поселения Сиреневая бухта

Здесь же найдены прямоугольная заготовка для давильни, пласты розовой цемянки. Скорее всего винодельни типа Срт-1, 2 и Клт-1, 2 на Боспоре получили широкое распространение в местах с близкими выходами плитового известняка. Доступность материала, простота их изготовления не требовали от каменотеса высокой квалификации, что существенно удешевляло эти сооружения по сравнению с винодельческими комплексами «классического» образца с давильными площадками и цистернами. Несмотря на бросающуюся в глаза грубость и примитивность форм, они, по-видимому, благодаря легкости ухода являлись высокотехнологичными сооружениями, особенно в условиях малого винодельческого производства для нужд населения ближайшей округи, при сравнительно небольших объемах выращиваемого и перерабатываемого там винограда.

Наряду с ними на Боспоре существуют каменные тарапаны, приспособленные только для отжима мезги прессовым устройством, действовавшим вне здания винодельни. Их отличает малая емкость давильного отделения. Так, на окраине городища Сиреневая бухта (рис. 9, 10) найден в смещенном состоянии массивный тарапан с давильным отделением площадью всего лишь около 0,34 м^2. Он был изготовлен из известняковой плиты (1,84 × 1,74 × 1,56 м, толщиной 0,43—0,47 м). Вместилище для мезги имело наклон в сторону слива (шириной 0,07, глубиной 0,08 м). На боковых гранях и бортиках его давильного отделения имелись пазы различной глубины для крепления деревянного каркаса, фиксировавшего емкость с мезгой и рычаг пресса. Неподалеку от тарапана были обнаружены верхняя и нижняя плиты от составного рычажно-винтового пресса. Они имели овальную форму и следующие размеры: верхняя 1,42 × 0,68—0,74 × 0,38—0,42 м; нижняя 1,48 × 1,22 × 0,24—0,29 м. На нижней части гири вырезаны перпендикулярные друг к другу продольный и поперечный пазы для деревянной рамы, а на верхней — только продольный. Ширина пазов колебалась в пределах 0,08—0,14 м (рис. 9, *2*). Аналогии таким гирям хорошо известны [1, с. 420, 421, рис. 67, с. 430, рис. 75], но в полном комплекте в Северо-Восточном Крыму они найдены впервые.

Рассмотренные материалы существенно расширяют наши знания о внутреннем устройстве, типологических особенностях сельских боспорских виноделен и позволяют по-новому оценить роль виноградарства и виноделия в сельском хозяйстве Европейского Боспора. Следовательно, требует корректировки устоявшееся в научной литературе мнение о концентрации винодельческого производства на Боспоре «главным образом на землях, расположенных поблизости от греческих городов, по-видимому, находившихся в пределах городских хор» [3, с. 118, 119; 18, с. 189]. Скорее всего виноградарство и виноделие были распространены гораздо шире и с более раннего времени, охватывая большую часть территории Боспорского государства, включая и сельские угодья его «дальней» хоры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гайдукевич В. Ф.* Виноделие на Боспоре//МИА. 1958. № 85.
2. *Гайдукевич В. Ф.* Укрепленная villa rustica на Темир-горе//СА. 1941. № VII.
3. *Кругликова И. Т.* Боспор в позднеантичное время. М.: Наука, 1966.
4. *Жеребцов Е. Н.* Некоторые результаты сравнительного изучения клеров Гераклейского полуострова//КСИА. 1981. Вып. 168.
5. *Щеглов А. Н.* Земельный надел у мыса Ойрат//История и культура античного мира. М: Наука, 1977.
6. *Грач Н. Л.* Древнейшие винодельческие сооружения на Боспоре//Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху. Л.: Аврора, 1979.
7. *Яценко И. Я.* Винодельня на поселении «Чайка»//КСИА. 1983. Вып. 174.
8. *Стржелецкий С. Ф.* Виноделие в Херсонесе Таврическом античной эпохи//Херсонесский сборник. Симферополь: Крымиздат, 1959. Вып. 5.
9. Гидравлические растворы, примененные в Мирмекийской античной винодельне/Справка Института археологической технологии//МИА. 1941. № 4.
10. *Альтман М. С.* К технике виноделия в древней Греции//Из истории материального производства античного мира. М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1935.
11. *Сокольский Н. И.* Виноделие в азиатской части Боспора//СА. 1970. № 2.
12. *Гайдукевич В. Ф.* Античные города Боспора. Мирмекий. Л.: Наука, 1987.
13. *Гайдукевич В. Ф.* Раскопки Тиритаки в 1939—1940 гг.//МИА. 1952. № 25.
14. *Долгоруков В. С.* Фанагорийская винодельня I—II вв. н. э.//КСИА. 1976. Вып. 145.
15. *Коровина А. К.* Винодельни Гермонассы//КСИА. 1987. Вып. 191.
16. *Горончаровский В. А.* Илуратская винодельня//КСИА. 1985. Вып. 182.
17. *Масленников А. А., Чевелев О. Д.* Охранные раскопки на Новониколаевском городище//КСИА. 1983. Вып. 174.
18. *Кругликова И. Т.* Сельское хозяйство Боспора. М.: Наука, 1975.

Институт археологии
РАН, Москва

VINOKUROV N. I., MASLENNIKOV A. A.

A WINE-MAKING ON THE EUROPEAN BOSPORUS KHORA

Summary

The article is published the results of the new investigation of antique wine-making places on the territory of European Bosporus khora, mainly in Crimean Pre-Azov territory. There are three wine-making places of IV—I'I cen. B. C. on the Generalskoe-Zapadnoe settlement, two wine-making places on Zolotoe-Vostochnoe of III—II cen. B. C., four places from Zenonus Khersonesus settlement (the Ziuk cape), one — from the settlement by Novo-Nikolaevka village, some limestone wine-presses and weights from the settlement of „Roman type" Kultepe and Sirenevaya Bukhta. The peculiarity of wine-making of Zenonus Khersonesus is one wine-press platform and several cisterns, volume of which indicatives to the considerable extend of wine-making process. A wine-making place Savromatia is an originally laied-out structure with the combination of three (five) wine-press platforms and three capacities, typical for „industrial" wine-making places of II—III cen. A. D. The other wine-making places and wine-presses — from Suyurtash and Kultepe settlements — were also the highly technological constructions for insignificant wine-making, in spite of their primitive forms. Undoubtedly the subsequent investigation of wine-making structures allows to study the peculiarities of Bosporus khora.

Н. А. МАКАРОВ

РУССКИЙ СЕВЕР И ЛАПЛАНДИЯ: ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ XI—XIII вв.

Археологические памятники Северной Фенноскандии резко отличаются по своему характеру от памятников южной и центральной части Скандинавского полуострова. Вплоть до позднего средневековья основным населением Северной Швеции, Норвегии и Финляндии оставались саамы, хозяйство которых сохраняло промысловый характер и было связано с сезонными миграциями. Специфика природно-климатических условий, хозяйства и этнического состава населения во многом определили своеобразие археологических памятников Севера. Здесь почти неизвестны стабильные долговременные поселения с мощным культурным слоем или крупные курганные могильники. Культурный слой поселений Северной Фенноскандии, как правило, чрезвычайно тонок и не содержит керамики, поскольку еще в начале I тыс. н. э. саамы отказались от собственного керамического производства, могильники и одиночные погребения концентрируются лишь в отдельных районах. Довольно многочисленные случайные находки топоров, ножей, наконечников стрел, украшений и других вещей, сделанные в лесу или в тундре, маркируют, вероятно, места кратковременных поселений, не оставивших выраженного культурного слоя, или места разрушенных погребений. Наиболее яркими и известными памятниками Северной Фенноскандии являются жертвенные места саамов, на которых собраны богатейшие коллекции украшений, монет и предметов вооружения. Едва ли не бóльшая часть металлических вещей, найденных на саамских памятниках, является импортом из различных областей Балтийского региона. Наряду с ними здесь встречены и предметы, происходящие из внутренних районов Восточной Европы. Эти материалы представляют огромный интерес для изучения торговых и культурных связей между Востоком и Западом в средневековье.

Присутствие восточноевропейских вещей на средневековых памятниках Северной Скандинавии было отмечено исследователями еще в начале нашего века [1, с. 47—54; 2, с. 116—118]. С конца 1920-х годов, после того как Г. Гессинг показал, что ассортимент финно-угорских украшений из северных и южных районов Норвегии различен и что предметы «восточных» типов, поступавшие в Нурланн, Тромс и Финнмарк, представляют собой особый поток восточного импорта, адресованный саамам [3, с. 23—40], эта проблема стала серьезно обсуждаться в литературе. Одни исследователи рассматривали «восточные» вещи как непосредственный результат норвежских экспедиций в Биармию [4, с. 37—50; 5, с. 26—36], другие связывали их в большей степени с собственной торговой деятельностью саамов и их партнеров: карел, финнов и обитателей Приладожья [6, с. 105—107]. В полной мере оценить масштабы восточной торговли стало возможно, однако, лишь после того, как И. Сернинг систематизировала и опубликовала огромный вещевой материал, собранный в Шведской Лапландии [7, 8]. Проанализировав металлические предметы, собранные на саамских жертвенных местах, И. Сернинг разделила их на шесть групп, происхождение которых связано со Скандинавией, Финляндией, Россией, Северо-Западной Европой, Восточной Прибалтикой и собственно саамскими областями [7, с. 96, табл. 3].

© Н. А. Макаров, 1993 г.

Исследовательница подробно рассмотрела вопрос о месте производства украшений, происходящих из России, и в ряде случаев указала конкретные районы, откуда они могли поступать к саамам. По мнению И. Сернинг, на жертвенных местах доминируют предметы саамского производства и изделия финно-угорских типов, происходящие из северных областей России, причем многие из последних являлись образцами для местной продукции, изготовлявшейся саамскими мастерами. Основную массу «русского» импорта И. Сернинг датировала XI—XII вв. [7, с. 100—103].

Сведения о большинстве «восточных» вещей, найденных на севере Норвегии, были собраны в обобщающей работе Т. Шёвольда, посвященной древностям этой области эпохи железа и раннего средневековья. Т. Шёвольд, рассматривавший Северную Норвегию как особую зону контактов между Востоком и Западом и считавший восточные связи традиционными для саамов, правильно атрибутировал многие предметы, происходящие из Восточной Европы [9]. В последние десятилетия коллекция «восточных» вещей из саамских областей Фенноскандии пополнилась новыми находками [10, с. 106, 107; 11, с. 26, 27; 12, с. 63, 64; 13, с. 33, 34; 14, с. 17, 18, рис. 6; 15, с. 145—149; 16, с. 153; 17, с. 164, 165, рис. 16]. Наиболее выразительны предметы, происходящие из Шведской Лапландии, в первую очередь комплекс украшений из Мёртреска, которому и посвящена специальная монография И. Захриссон [18]. Вслед за И. Сернинг И. Захриссон связывает присутствие древнерусских и финно-угорских украшений в Лапландии с влиянием Новгорода, в экономической сфере которого оказались территории, заселенные саамами, однако она существенно омолаживает дату многих «восточных» вещей, относя их приток на Север в основном к XIII в. [18, с. 117]. В последних работах И. Захриссон высказала мнение, что в более раннее время, в X—XI вв., «восточные» вещи поступали к саамам при посредничестве скандинавов, в частности через Бирку [19, с. 75—84; 20, с. 188—200].

Судя по публикациям, в саамских областях Фенноскандии (норвежские фюльки Финнмарк, Тромс и северная часть Нурланна, шведские лены Норрботтен и Вестерботтен, финские провинции Лапландия и северная часть Похьянмаа) найдено к настоящему времени не менее 140 вещей древнерусского или восточнофинского происхождения и около 20 предметов, представляющих собой местные копии древнерусских украшений. Около 70 вещей отнесены к типам, происхождение которых может быть с равной долей вероятности связано с Русью, Восточной Прибалтикой или другими балтийскими областями — сюда же относятся и местные подражания данным типам. Таким образом, восточные связи Лапландии документированы материалом, в составе которого не менее 160, но не более 230 предметов.

Хотя советским исследователям известны публикации И. Сернинг, И. Захриссон и некоторых других археологов, издававших «восточные» вещи, а отдельные находки из Лапландии были учтены в сводных работах В. М. Потина [21], Л. А. Голубевой [22], Е. А. Рябинина [23], С. И. Кочкуркиной [24], В. В. Седова [25], в целом сам факт массового проникновения восточноевропейских вещей далеко на северо-запад не стал предметом специального рассмотрения. Находки зооморфных подвесок на саамских памятниках иногда интерпретировали как свидетельство общности культуры и религиозных верований финно-угорских племен Восточной Европы и саамов [26, с. 143, 144], что едва ли отражает реальные причины поступления финно-угорских украшений из Восточной Европы на север Фенноскандии. Тезис И. Сернинг о том, что восточные вещи поступали в Лапландию в результате пушной торговли, одним из главных организаторов которой в XI—XII вв. был Новгород, остался у советских археологов без внимания, не встретив ни возражений, ни поддержки.

Хотя датировки и атрибуции «восточных» вещей из саамских памятников Фенноскандии, предложенные в работах И. Сернинг, Т. Шёвольда и И. Захриссон, были даны на основании серьезного изучения восточноевропейских материалов, сегодня они нуждаются в определенной корректировке. Во-первых, хронологи-

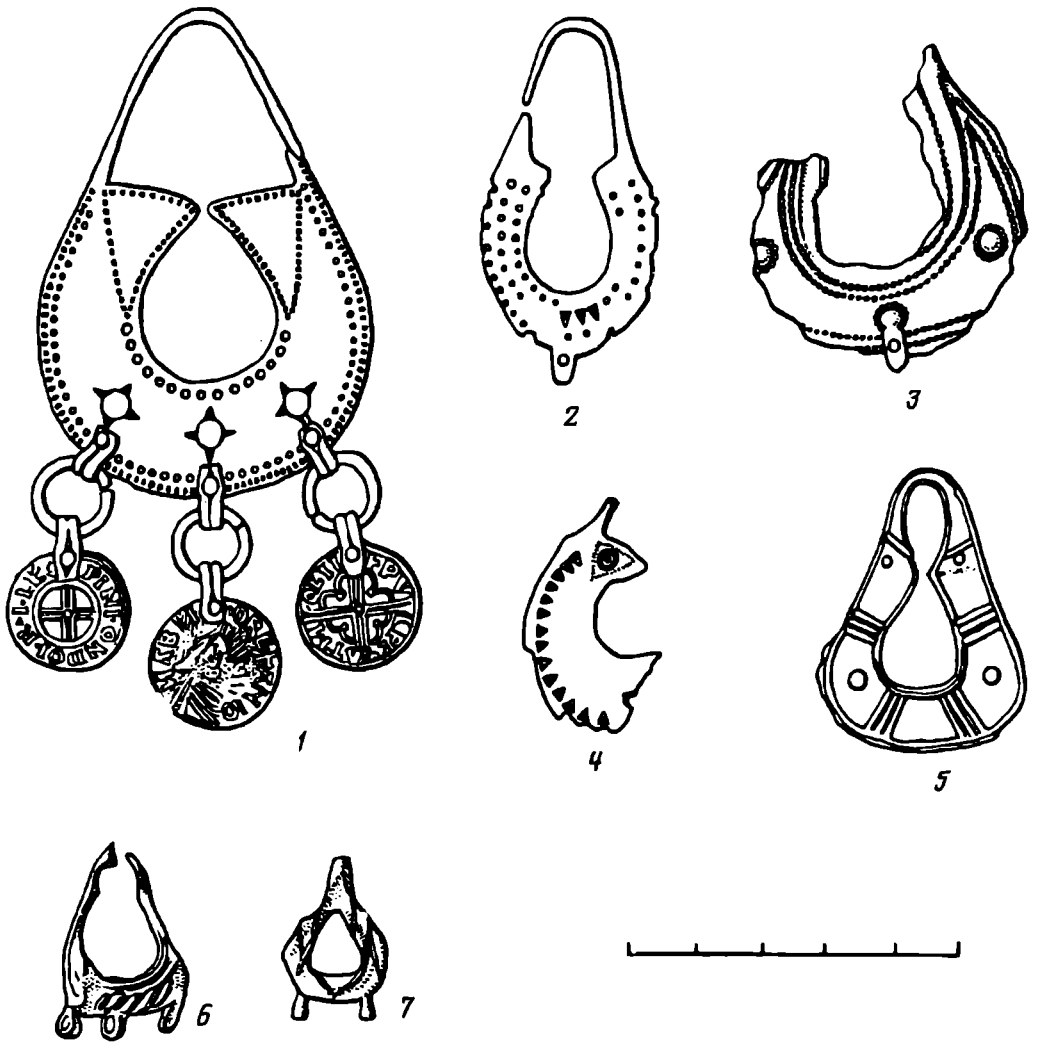


Рис. 1. Лунничные височные кольца из Северной Фенноскандии. *1* — Хаукё; *2*, *5*—*7* — Гротреск; *3* — Сайво; *4* — Балснес

ческие рамки многих находок могут сегодня быть значительно сужены: основу для этого дает новгородская хронологическая шкала [27, с. 156—177; 28; 29, с. 118—140], а также появление сводных работ по отдельным категориям украшений (прежде всего по зооморфным подвескам [22, 23], в которых вопросам хронологии уделено большое внимание. Во-вторых, новые материалы, полученные в результате раскопок в северных областях России, несколько изменяют сложившиеся представления об ареалах и местах изготовления некоторых типов украшений. И хотя эти корректировки на первый взгляд не носят принципиального характера, в целом они весьма существенны для уточнения времени наиболее активного притока «восточных» вещей и для локализации исходных районов, из которых они поступали на Север Фенноскандии.

В настоящей работе рассматриваются находки некоторых украшений, которые обычно квалифицируются скандинавскими исследователями как «русские» или «финно-угорские». Хотя в количественном отношении эти группы вещей невелики, они представляют собой наиболее значительные серии однотипных восточноевропейских украшений, происходящих из Северной Фенноскандии. По-видимому, их можно отнести к числу тех ювелирных изделий, которые наиболее часто ввозились в Лапландию и копировались саамскими мастерами. Эти предметы заслуживают внимания еще и потому, что связь их с конкретными географическими районами Восточной Европы определяется

гораздо точнее, чем у многих других, не имеющих четких ареалов: бубенчиков, браслетов, поясных бляшек и т. п.

Лунничные височные кольца. В Северной Фенноскандии найдено девять лунничных височных колец или калачевидных серег. Пять экземпляров, происходящих из жертвенных мест Гротреск и Сайво в Шведской Лапландии [7, с. 70, 71, табл. 8, *13*; 50, *18*], из клада в Хаукё в Тромсе [5, с. 26—28, рис. 3, *а*, *в*] и из погребения в Балснесе в Салтене [9, с. 83, табл. 71*а*] (рис. 1, *1—4*), относятся к типу I по нашей классификации [30, с. 51—62]. Височные кольца этого типа имеют вытянутые пропорции, узкую лопасть и длинную дужку с резким перегибом в средней части, прорезь в центре щитка имеет правильную круглую форму. Все 5 экз. орнаментированы штампованным орнаментом, а украшения из Хаукё и Сайво, кроме того, крупными круглыми выпуклинами. У 4 экз. в нижней части дужек имеются петли для подвесок, у височного кольца из Балснеса нижняя часть щитка утрачена. У экземпляров из Хаукё в петлях сохранились подвески — английские монеты Этельреда и Кнута Великого, позднейшая из которых чеканена около 1020 г. [5, с. 26—28]. В Гротреске найдено также височное кольцо грушевидной формы, с широкой лопастью, украшенной рельефным орнаментом, и небольшой дужкой [7, с. 150, табл. 50, *17*] (рис. 1, *5*). Оно должно быть отнесено к типу II по нашей классификации. Еще два лунничных кольца из Гротреска отличаются от вышеописанных небольшими размерами (2,8×1,8 и 2,5×1,5 см), формой (отсутствием выделенной дужки и наличием коротких выступов в нижней части лопасти, очевидно, имитирующих привески), а также грубостью отливки [7, с. 49] (рис. 1, *6—7*). При всем несходстве этих украшений с лунничными височными кольцами «классических» типов, скандинавские исследователи считают их местной переработкой восточных украшений [18, с. 85, рис. 49], что, по-видимому, справедливо. Типологическая принадлежность еще одного лунничного височного кольца с небольшой узкой лопастью, найденного в Бюске в Вестерботтене [8, с. 123, рис. 29, *7*], остается неясной.

А. Брёггер высказал мнение, что височные кольца из Хаукё попали в Норвегию из мерянских и мордовских областей по Северной Двине и Белому морю [5, с. 36]. Т. Шёвольд ограничился констатацией восточного происхождения височного кольца из Балснеса, сославшись на аналогии из Барсова городка и клада в Рауту в Карелии [9, с. 83]. И. Сернинг привела довольно обширный перечень подобных вещей, найденных в районе Перми, Вятки, на Костромщине, Вологодчине, Владимирщине и в Юго-Восточном Приладожье. Исследовательница считала этот тип украшения финно-угорским, имеющем исламские и византийские прототипы [7, с. 70, 71]. Находки височных колец вместе с монетами в Хаукё и в Рауту дали И. Сернинг основание для датировки экземпляров из Гротреска и Сайво XI в.

Первый тип височных колец с вытянутыми пропорциями и длинной дужкой с резким перегибом сложился в восточнофинских областях, возможно, под влиянием ювелирного ремесла Волжской Болгарии. Основная масса находок происходит из Ветлужско-Вятского междуречья и бассейна р. Чепцы, причем древнейшие найденные здесь экземпляры относятся к X в. Отдельные находки височных колец первого типа, датирующиеся XI—XII вв., происходят из вымских могильников, памятников родановской культуры, а также с более восточных территорий — Южного Урала и Западной Сибири. В северных областях Руси встречено 10 височных колец этого типа (рис. 2) [30, с. 51—53]. Выразительна география находок (рис. 3): два из них происходят из Юго-Восточного Приладожья (Вахрушево, Ригачево), пять — из Белозерья (Нижний Конец, Кабожа, Нефедьево I), два — из Каргополья (Тихманьга, Попово), одно — из бассейна Ваги (Корбала). Самым ранним комплексом, содержащим лунничное височное кольцо, следует признать погребение в кургане 117 в Вахрушеве с двумя круглыми скорлупообразными и трилистной фибулами и денариями 987—996 и 995—1002 гг., датирующееся первой половиной XI в. Наиболее позднюю

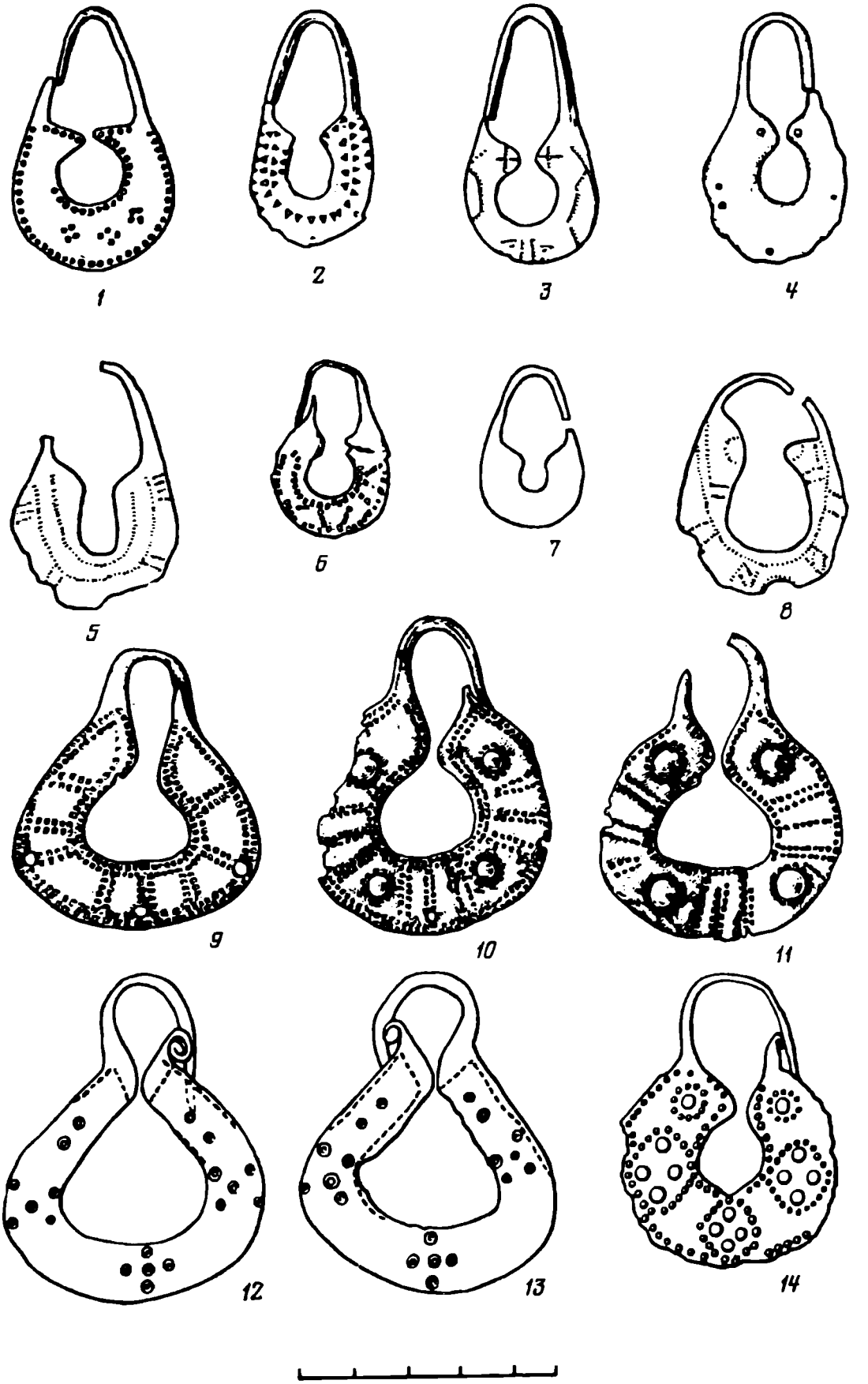


Рис. 2. Лунничные височные кольца из севернорусских областей. *1* — Попово; *2*, *3* — Кабожа; *4* — Нефедьево I; *5* — Корбала; *6* — Нижний Конец; *7* — Ригачево; *8* — Тихманьга; *9—11* — Горка; *12*, *13* — Семеновская; *14* — Пустоши.ская

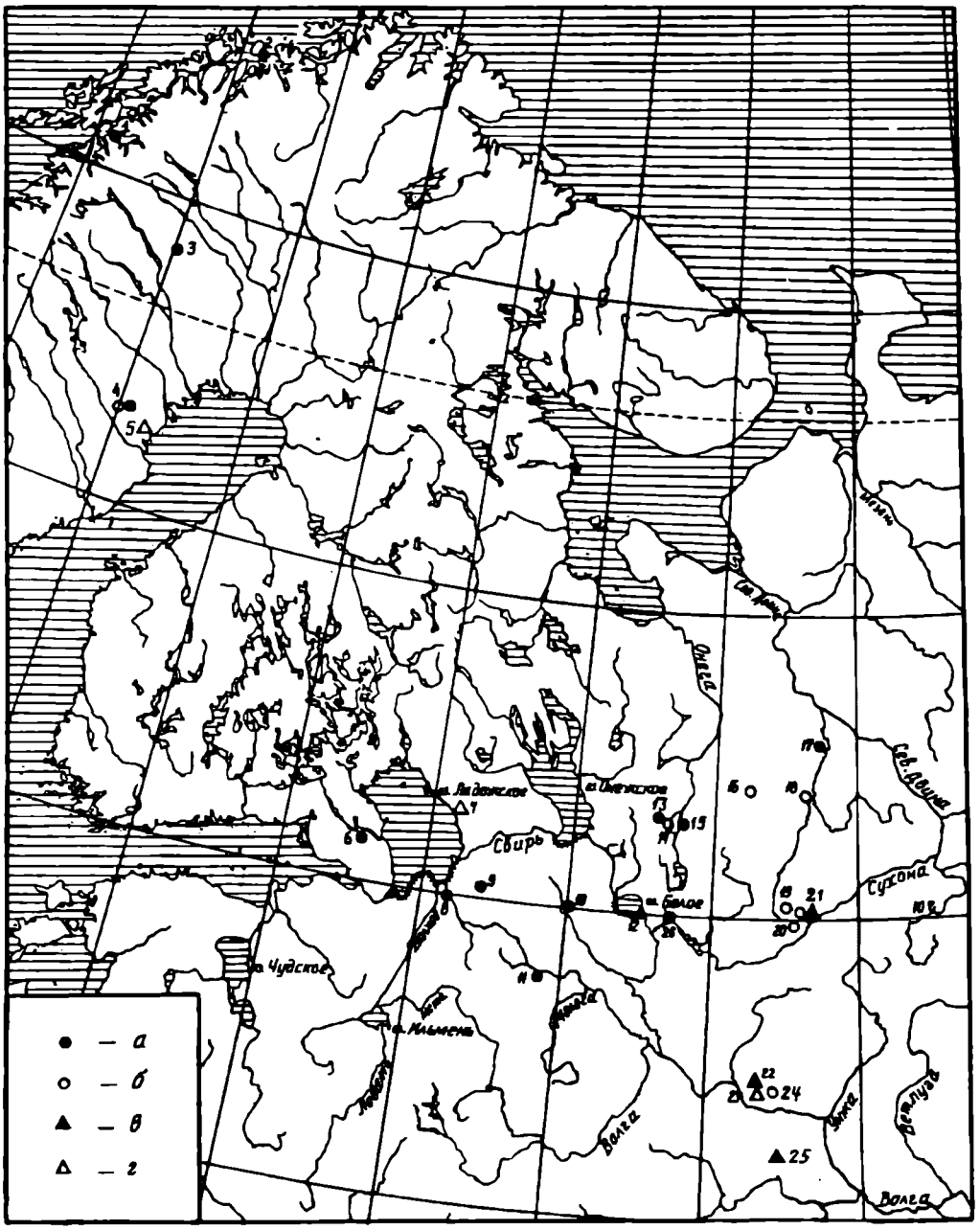


Рис. 3. Находки лунничных височных колец на севере Руси и в Фенноскандии. *1* — Балснес; *2* — Хаукё; *3* — Сайво; *4* — Гротреск; *5* — Бюскё; *6* — Рауту; *7* — Видлицы; *8* — Вахрушево; *9* — Ригачево; *10* — Нижний Конец; *11* — Кабожа; *12* — Белоозеро; *13* — Тихманьга; *14* — Горка; *15* — Попово; *16* — Климушкино; *17* — Корбала; *18* — Усть-Пуя; *19* — Семеновская; *20* — Кудринская; *21* — Пустошинская; *22* — Татариново; *23* — Боровиково; *24* — Залогино; *25* — Семухино; *26* — Нефедьево I. *а* — височные кольца типа 1; *б* — височные кольца типа 2 и саамские подражания им; *в* — височные кольца типа 3; *г* — височные кольца неопределимых типов и индивидуальных форм

хронологическую позицию занимает, по-видимому, височное кольцо из Тихманьги, найденное вместе с петушком владимирского типа и полой уточкой варианта 2 по Е. А. Рябинину, относящееся к XII в. [31, с. 212—215]. В целом же височные кольца этого типа появились на Руси в первой половине XI в. и оставались в употреблении вплоть до середины XII в., но большинство находок относится ко второй половине XI в.

Более половины височных колец первого типа, найденных на территории Северной Руси, украшено штампованным орнаментом в виде треугольника с кружком — «волчьим зубом». Этот элемент орнамента связан по своему проис-

хождению с Балтийским регионом и не получил распространения в Прикамье. Характерно, что ни одно из височных колец, найденных в восточнофинских областях, не украшено «волчьим зубом». Таким образом, по крайней мере часть лунничных височных колец произведена на Руси, при этом мастера точно копировали форму восточнофинских колец, но украшали их иными орнаментами. Из пяти колец первого типа, найденных в Скандинавии, четыре орнаментированы «волчьим зубом» и оттисками зубчатого колесика (рис. 1, *1*, *2*, *4*) и, следовательно, изготовлены за пределами Прикамья. Местом их производства могли быть Приладожье, Белозерье или Важский бассейн, где концентрируются находки.

Второй тип объединяет 14 височных колец, найденных в бассейне Ваги и Средней Сухоны (Усть-Пуйский, Семеновский, Кудринский и Пустошенский могильники), на Каргополье (могильники Горка и Климушкино) и в Костромском Поволжье (Залогино) [30, с. 55—58; 32, с. 68] (рис. 2, *9—14*). В Прикамье украшения второго типа неизвестны. Все датированные находки височных колец этого типа относятся к последней четверти XII—XIII вв. Эти вещи можно считать локальным типом украшения, сложившимся в северных областях на основе более ранних колец типа I. Височное кольцо из Гротреска отличается от других экземпляров типа XI некоторыми деталями: дужка у него сплошная, тогда как у севернорусских экземпляров один конец ее заострен и заходит за край щитка, а орнамент не штампованный, как у севернорусских, а рельефный, как у подвесок, изготовлявшихся саамами. Эти особенности заставляют считать его продукцией саамских мастеров, довольно точно воспроизводящей форму и орнаментальный декор севернорусских украшений. Очевидно, находка не древнее XIII в. Гораздо более грубым подражанием восточным вещам являются два других височных кольца из Гротреска, использовавшиеся, вероятно, в качестве подвески.

Плоские подвески в виде стилизованной фигуры животного. Литое прорезное украшение, изображающее коня или грифона. Ноги животного стоят на узкой металлической полосе, составляющей основание подвески, в верхней части имеется петля для подвешивания. По классификации Е. А. Рябинина подвески относятся к варианту 2 типа XI. В Шведской Лапландии, на жертвенных местах Гротреск, Унна Сайва и Сайво, встречено четыре таких украшения [7, с. 47, 48] (рис. 4, *8—11*). Две подвески изготовлены аккуратно и имеют небольшие размеры (длина 2,2 и 2,6 см), две другие, происходящие из Гротреска и Сайво, отличаются более крупными размерами (длина ~4,5 см) и более грубой отливкой, часть дужки основания у обоих из них отсутствует.

И. Сернинг атрибутировала эти украшения как финно-угорские или уральские, а в качестве аналогий им рассматривала известные подвески в виде «всадницы на змее» [7, с. 47]. Е. А. Рябинин, систематизировавший восточноевропейские материалы, рассматривал те и другие подвески как два варианта одного типа украшения. Согласно Е. А. Рябинину, подвески в виде «всадницы на змее» имеют прикамское происхождение и являются более ранними, а стилизованные подвески-коньки представляют собой позднейшую переработку традиционных форм пермско-финской металлопластики, свидетельствующую об утрате символического значения древних образов. Не уточняя, где сложился второй вариант подвесок типа XI, Е. А. Рябинин отметил, что все находки сделаны за пределами Прикамья [23, с. 25—27].

В своде Е. А. Рябинина приведены сведения о шести подвесках варианта 2, найденных на территории Руси. В настоящее время этот перечень можно дополнить шестью новыми находками (рис. 5) [32, с. 75, табл. XIX, *7*, табл. XXII, *15*; 33, с. 203, рис. 5, *2*; 34. с. 15; рис. 3, 4; 35, с. 99, рис. 30, *15*]. Местом наибольшей концентрации этих украшений выступает Приладожье, где найдено 3 экз., Белозерье (3 экз.) и бассейн Ваги (3 экз.). По одной подвеске происходит с Ижорского плато, Кольского полуострова и из Вычегодского края (рис. 6). В Приладожье и Белозерье найдены как аккуратные миниатюрные стилизованные коньки, так и более крупные подвески, нередко имеющие плохое качество

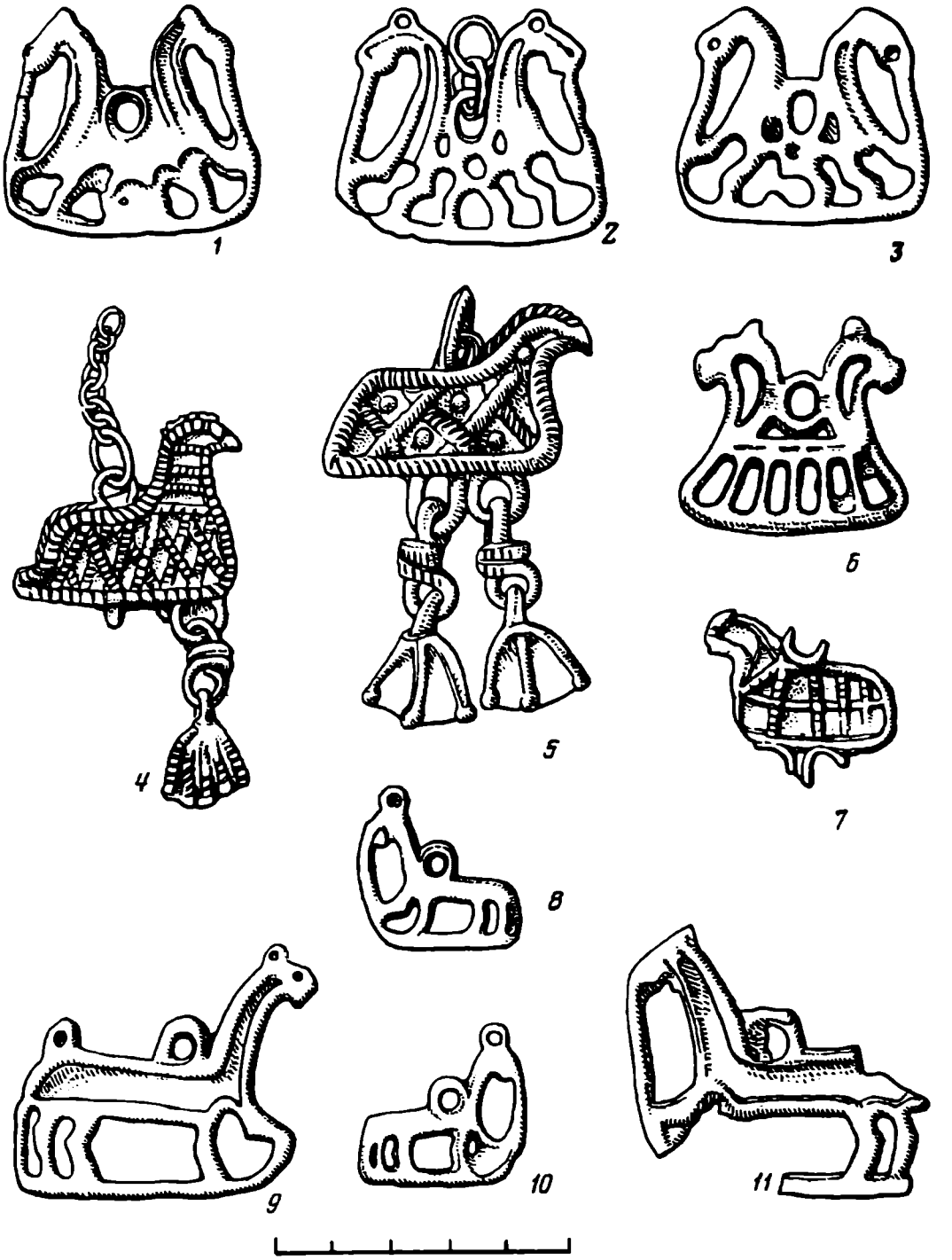


Рис. 4. Зооморфные подвески «восточных» типов из Лапландии. *1*, *7* — Мёртреск; *2* — Рактреск; *3* — Бодфорсен; *4* — Лилвикен; *5* — Валтьерн; *6* — Корписалми; *8*, *11* — Гротреск; *9* — Сайво; *10* — Унна Сайва

отливки (рис. 5). Вероятно, именно здесь, на территориях, поддерживавших стабильные связи с Прикамьем, и сложилась эта своеобразная форма, являющаяся трансформацией устойчивого типа восточнофинских украшений.

Стилизованные подвески-коньки встречаются в комплексах как XI, так и XII в. [23, с. 27]. Одним из ранних комплексов является погребение 9 в могильнике Никольское III, относящееся к середине — третьей четверти XI в. Подвеска-конек из погребения 14 в могильнике Нефедьево датируется XII в., ко второй половине XII в. относится комплекс с коньком из кургана у д. Кяргино в Приладожье.

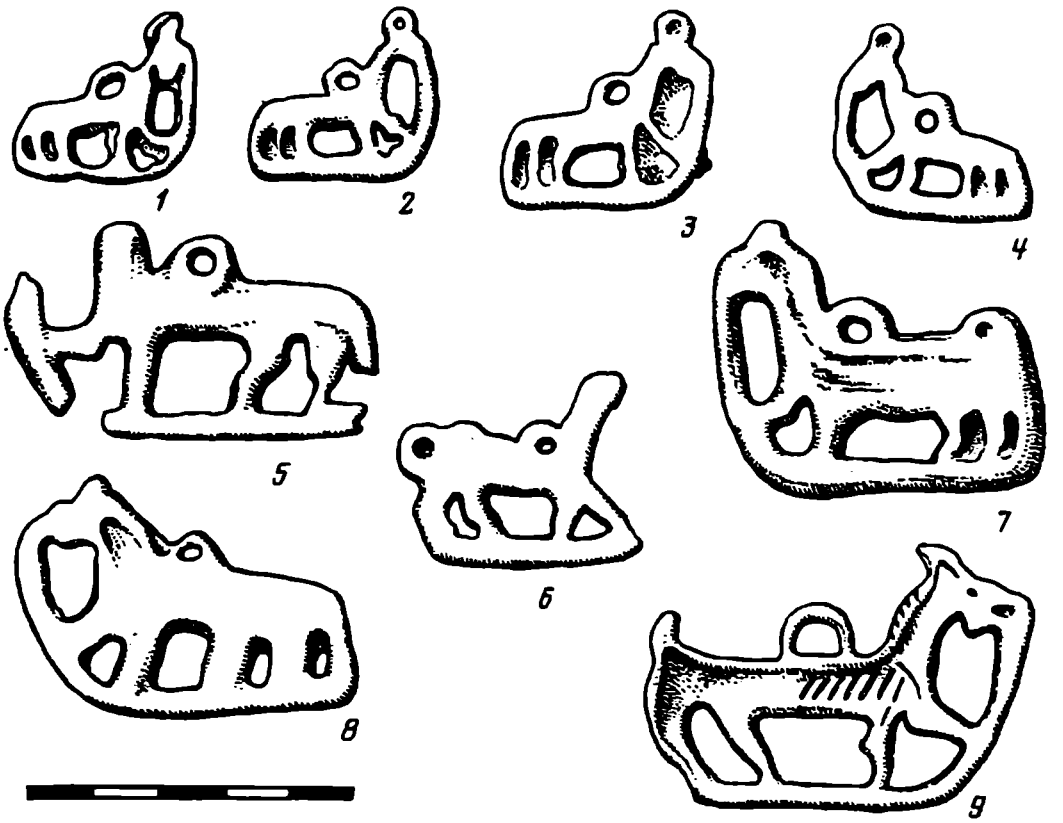


Рис. 5. Подвески в виде стилизованных коньков-грифонов из северных областей Восточной Европы. *1* — Зубарево; *2* — Никольское III; *3* — Видлицы; *4* — Будино; *5* — Корбала; *6* — Каратыпинская; *7* — Нефедьево I; *8* — Кузомень; *9* — Аксеновская

Поэтому, хотя И. Сернинг датировала скандинавские находки XI в. [7, с. 47, 48], можно с полным основанием поднять их верхнюю хронологическую границу до рубежа XII—XIII вв.

Плоские прорезные двухголовые подвески-коньки. Стилизованные изображения двух конских голов, обращенных в разные стороны, и заключенной между ними человеческой фигуры. Щиток ажурный, головы коней соединены с основанием щитка перемычками, в верхней части щитка имеется ушко. По классификации Е. А. Рябинина подобные подвески должны быть отнесены к варианту 1 типа VII [23, с. 21, 22]. В Шведской Лапландии встречено три таких украшения (рис. 4, *1—3*). Одна подвеска найдена в Мёртреске в составе жертвенного комплекса [18, с. 30, 31], две другие представляют собой случайные находки из Бодфорсена [8, с. 45] и Рактреска [18, с. 30, 31; 17, с. 164, 165, рис. 16]. Все три подвески сходны по оформлению щитка, хотя экземпляр из Рактреска и отличается некоторыми деталями. Несколько иную форму и пропорции имеет подвеска-конек, найденная в Корписалми на севере Финляндии [16, с. 153]. Щиток у нее трапециевидный, прорези в нижней части вытянутые (рис. 4, *6*), подвеска соответствует варианту 3 по классификации Е. А. Рябинина.

Восточноевропейское происхождение двухголовых прорезных коньков было отмечено И. Сернинг и И. Захриссон [8, с. 45; 18, с. 30]. И. Захриссон, ссылаясь на советские публикации, отметила распространение их на территории Костромской и Вологодской губерний, в Приладожье, на Ваге и в Белозерье и датировала XII—XIII вв. С учетом находок последних лет, которыми можно дополнить сводку Е. А. Рябинина, на территории Руси зафиксировано не менее 45 экз. этих украшений. Местом наибольшей концентрации их выступает Белозерье, где встречено 19 подвесок. Из Костромского Поволжья происходит 10 коньков, четыре — из бассейна Ваги, три — из Приладожья, три — из Беломорья, два — из южных районов Финляндии, один — из Вымского края (рис. 7). Новые находки

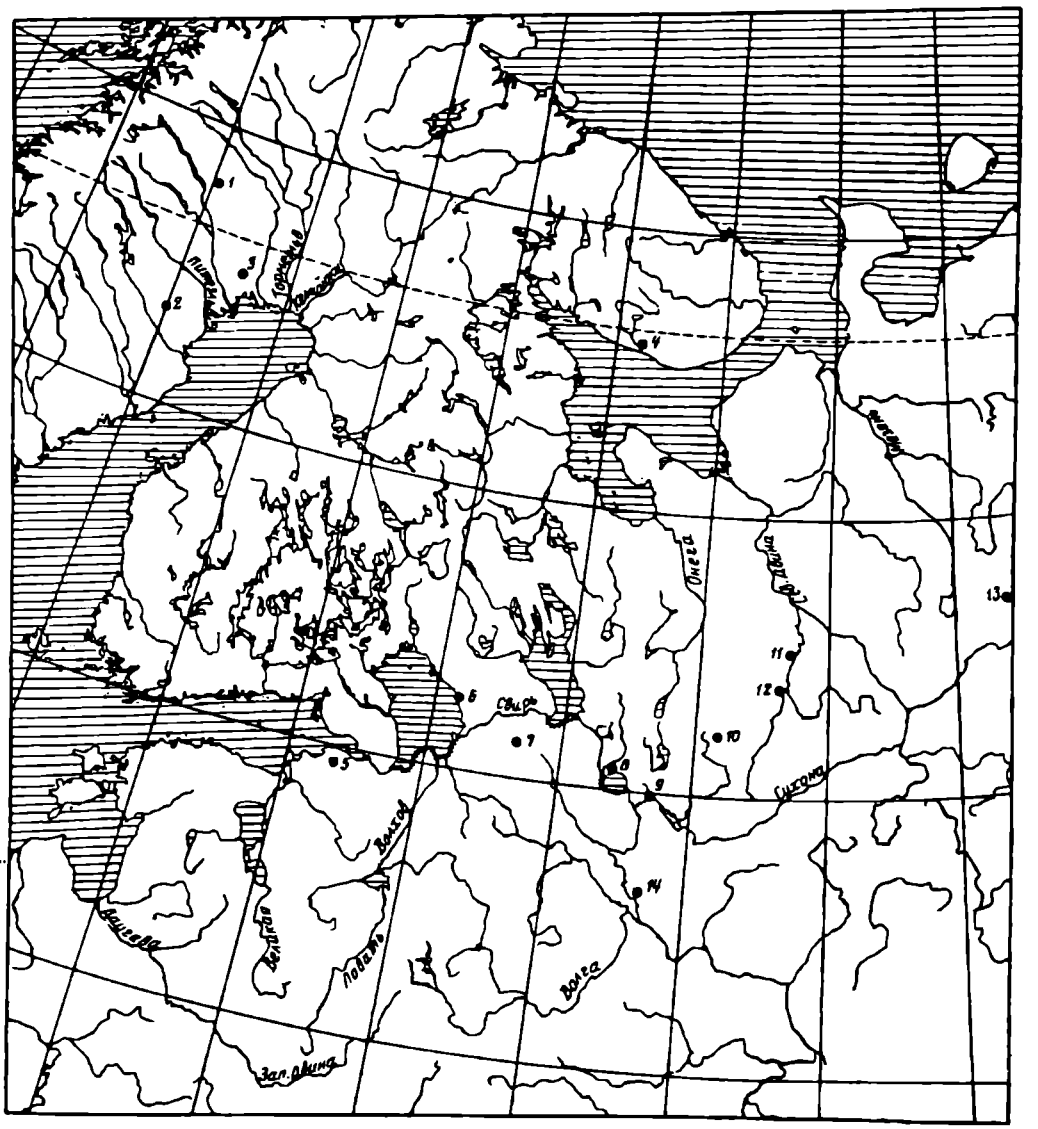


Рис. 6. Находки подвесок в виде стилизованных коньков-грифонов на территории Северной Руси и Фенноскандии. *1* — Сайво; *2* — Гротреск; *3* — Унна Сайва; *4* — Кузомень; *5* — Будино; *6* — Видлицы; *7* — Кяргино; *8* — Никольское III; *9* — Нефедьево I; *10* — Каратыгинская; *11* — Корбала; *12* — Аксеновская; *13* — Кичилькосьский II; *14* — Зубарево

подтверждают предположение Е. А. Рябинина о производстве этих украшений в Белоозере [23, с. 51, 52], особенно если учесть, что шесть коньков встречено в самом городе Белоозеро и в городском некрополе [32, с. 75, табл. XXI, *3*, *6*, табл. XXIII, *21*, табл. XXVI, *5*, *6*, табл. XXVIII, *26*]. Другой центр их производства существовал, по-видимому, в Костромском Поволжье. В Приладожье эти украшения не получили распространения. Хронологические рамки бытования всех трех вариантов, согласно Е. А. Рябинину, рубеж XI—XII — рубеж XII—XIII вв., отдельные находки заходят в XIII в.

Плоские прорезные подвески-уточки. Литое изображение водоплавающей птицы с выпуклой грудью, заостренным клювом, расширяющимся хвостом и двумя лапками. На спине имеется петля для подвешивания, на тулове две прорези — круглая и овальная. По классификации Е. А. Рябинина эти подвески относятся к типу I [23, с. 12—16]. В жертвенных местах Шведской Лапландии встречено семь прорезных уточек [7, с. 49]. У трех подвесок из Унна Сайва и Гротреска (рис. 8, *2*, *3*, *5*) внешний контур и прорезь имеют четкие, правильные очертания, эти подвески близки древнерусским украшениям варианта 1. Две другие подвески из Унна Сайва и Гротреска (рис. 8, *1*, *4*) относятся к варианту

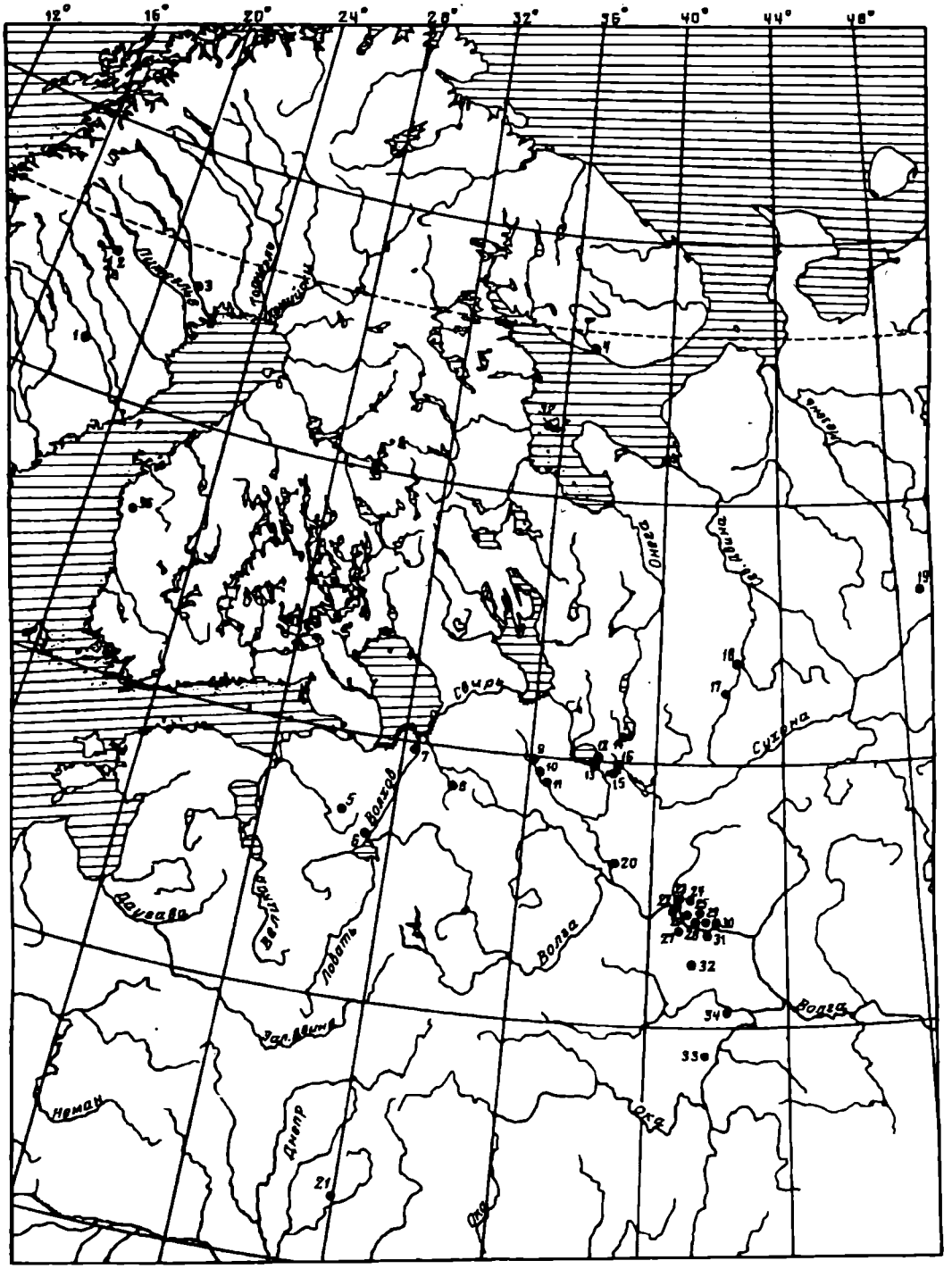


Рис. 7. Находки подвесок в виде плоских двухголовых коньков в Северной и Восточной Европе. *1* — Мёртреск; *2* — Ректреск; *3* — Бодфорсен; *4* — Кузомень; *5* — Малый Удрай; *6* — Новгород; *7* — Старая Ладога; *8* — Мозолево; *9* — Митино-Зворыкино; *10* — Стан; *11* — Никольское; *12* — Белоозеро; *13* — Крохинские Пески; *14* — Погостище; *15* — Шуйгино; *16* — Нефедьево I; *17* — Вельск; *18* — Васильевская; *19* — Кокпомъятский; *20* — Зубарево; *21* — Антоновка; *22* — Пьянково; *23* — Татариново; *24* — Терешино; *25* — Иворово; *26* — Васильевская; *27* — Кубасово; *28* — Влечиха; *29* — Безрядово; *30* — Лешково; *31* — Петрушино; *32* — Семухино; *33* — Заколпье; *34* — Ярополч Залесский; *35* — Корписалми; *36* — Лаутамяки; *37* — Филипповские Садки

1*а*: изображение более грубое, нижняя прорезь имеет меньшие размеры, отливка неаккуратная, вследствие чего лапки у уточек слиты. Еще одна подвеска из Унна Сайва выделяется крупными размерами (длина 5,3 см), верхняя прорезь у нее оформлена в виде петлевидного выступа, на нижней дужке кружковый орнамент (рис, 8, *б*). Четыре такие подвески, найденные на территории Руси,

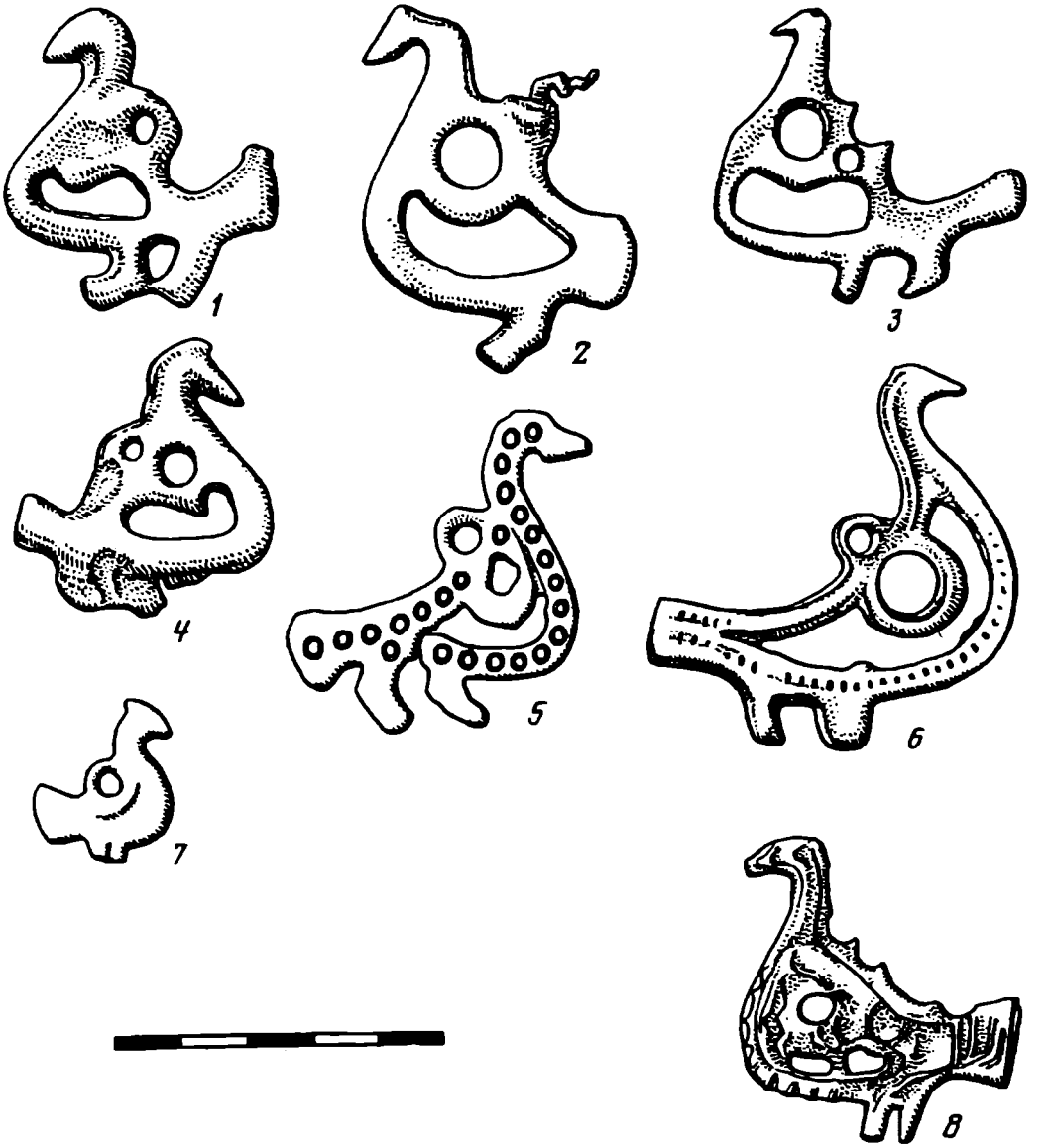


Рис. 8. Плоские прорезные подвески-уточки из Северной Фенноскандии. *1*, *5*, *8* — Гротреск; *2—4*, *6*, *7* — Унна Сайва

Е. А. Рябинин выделил в вариант 4. Наконец, седьмая подвеска-уточка, также происходящая из Унна Сайва и имеющая миниатюрные размеры (длина 2,2 см) (рис, 8, *7*), должна быть отнесена к несерийным украшениям. Вместе с данной серией И. Сернинг рассматривала и уточку из Гротреска, отлитую из оловянистого сплава и отличающуюся своеобразной рельефной орнаментацией [7, с. 49] (рис. 8, *8*). Очевидно, это местное подражание привозным подвескам-уточкам.

В качестве аналогий плоским прорезным уточкам И. Сернинг рассматривала плоские подвески из Финляндии, Юго-Восточного Приладожья и Костромского Поволжья. В сводке Е. А. Рябинина учтено 74 прорезных уточек всех вариантов, найденных на территории Руси [23, с. 12—16]. Этот перечень может быть дополнен новыми находками: 11 подвесок типа I найдено в районе Белого озера, две — в бассейне оз. Лача [32, с. 75; 36, л. 7, 16], две — на Беломорье [34, с. 15, рис. 3, *1*; 37, л. 14—16]. Местом наибольшей концентрации этих украшений выступают Юго-Восточное Приладожье (42 экз.) и Белозерье (15 экз.) (рис. 9). Исследователи единодушно связывают происхождение этих украшений с Приладожьем, где найдены древнейшие экземпляры прорезных уточек, относящиеся ко второй половине X — началу XI в. Распространение этих вещей на другие

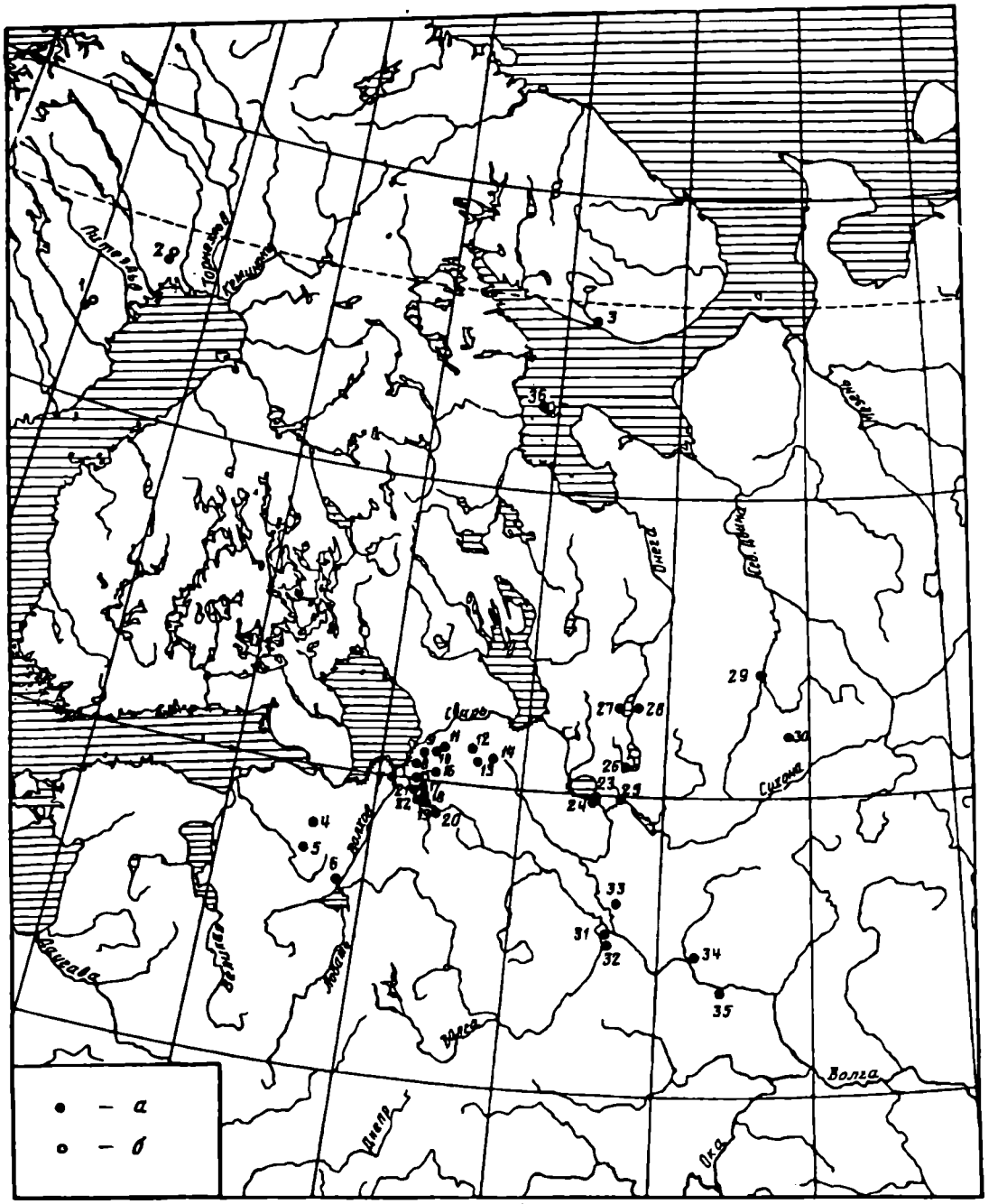


Рис. 9. Находки плоских прорезных подвесок-уточек в Северной и Восточной Европе. *1* — Гротреск; *2* — Унна Сайва; *3* — Кузомень; *4* — Вырица; *5* — Малый Удрай; *6* — Новгород; *7* — Старая Ладога; *8* — Вахрушево; *9* — Кумбита; *10* — Карлуха; *11* — Шангеничи; *12* — Валданицы; *13* — Нюбиничи; *14* — Гайгово; *15* — Щуковщина; *16* — Кириллино; *17* — Мергино; *18* — Залющик; *19* — Ильино; *20* — Галично; *21* — Новая; *22* — Чемихино; *23* — Белоозеро; *24* — Крохинские Пески; *25* — Нефедьево I; *26* — Погостище; *27* — Горка; *28* — Попово; *29* — Аксеновская; *30* — Заячеречье; *31* — Елохово; *32* — Кирьяново; *33* — Зубарево; *34* — Елкотово; *35* — Пеньки; *36* — Филипповские Садки.
а — подвески вариантов 1 и 1*а*; *б* — подвески варианта 4 и саамские подражания подвескам-уточкам

территории началось лишь в конце XI—XII в. [22, с. 21—23; 23, с. 12—16]. Большинство подвесок наиболее раннего варианта 1 происходят из приладожских курганов. Но более поздние подвески варианта 1*а*, относящиеся к XII в., здесь уже не встречены; по мнению Е. А. Рябинина, центр их производства находился в Новгороде [23, с. 12—14]. На Белом озере подвески-уточки появились не позднее первой половины XI в. и были в употреблении вплоть до рубежа XII—XIII вв. Здесь встречены все варианты украшений, известных в Северной Швеции, и

некоторые несерийные экземпляры, в том числе миниатюрная подвеска, близкая уточке из Унна Сайва (вторая такая подвеска происходит из Пермской губернии) [23, с. 15]. Вероятно, на Белом озере существовал собственный центр производства этих украшений.

Следуя хронологии древнерусских зооморфных украшений, мы должны датировать уточки варианта 1 из Унна Сайва и Гротреска концом X — началом XII в. Остальные экземпляры относятся к XII в., при этом следует учесть, что большинство грубых отливок варианта 1*а* найдено в севернорусских могильниках в погребениях второй половины XII в. Из комплекса второй половины XII в. в могильнике Нефедьево происходит и миниатюрная подвеска, близкая подвеске из Унна Сайва.

Плоские подвески-уточки с рельефным орнаментом. Литое изображение птицы с ушком в верхней части и двумя петлями для крепления привесок в нижней. Тулово птицы украшено рельефными жгутами. На севере Швеции найдено три такие подвески, несколько различающиеся по деталям орнамента, который, однако, во всех случаях представляет собой косую сетку из жгутов (рис. 4, *4*, *5*, *7*). Две подвески из Валтьерна и Лилвикена являются случайными находками [8, с. 136; 13, с. 33], третья найдена в Мёртреске в составе жертвенного комплекса [18, с. 30]. У подвесок из Валтьерна и Лилвикена к петлям прикреплены привески-лапки, у экземпляра из Мёртреска петли обломаны.

И. Захриссон, атрибутируя находку из Мёртреска, указала на распространение подобных подвесок в Юго-Восточном Приладожье, на Волге и в Прикамье [18, с. 30]. В сводке Е. А. Рябинина учтено 45 таких украшений, найденных на территории Руси, и 18 находок за ее пределами [23, с. 18, 19]. К этой сводке можно добавить еще четыре подвески, найденные в последние годы на Белозерье [32, с. 75, табл. XXV, *13*, *19*] (рис. 7, *5*, *7*, *8*) и две находки из бассейна Выми [38, л. 72, рис. 80]. Наибольшее количество подвесок-уточек с рельефным орнаментом происходит из костромских курганов (21 экз.), памятников Белозерья и Важского края (9 экз.) и курганов Приладожья (6 экз.) (рис. 10). Е. А. Рябинин отметил, что на северо-западе Руси они встречаются исключительно редко. За пределами Руси эти украшения обильно представлены в памятниках Прикамья, а также на Ветлуге и Вычегде. По мнению Е. А. Рябинина, этот тип зооморфных украшений имеет северо-восточное происхождение — центры их изготовления существовали в Прикамье и Костромском Поволжье. Хронологические рамки бытования уточек с рельефным орнаментом — XII—XIII вв. [23, с. 18, 19].

Рассмотренные вещи представляют примерно одну седьмую часть всех известных мне вещей древнерусского и финно-угорского происхождения периода 1000—1300 гг., найденных в саамских областях Фенноскандии. Тем не менее эти материалы весьма важны для решения вопроса о хронологии «восточного» импорта и в особенности вопроса о том, какие районы Восточной Европы поддерживали в XII—XIII вв. торговые контакты с саамами.

Современные хронологические разработки действительно заставляют омолодить даты некоторых украшений, предложенные И. Сернинг [7, с. 100—105]. Верхняя хронологическая граница бытования лунничных колец типа I или подвесок в виде стилизованной фигуры животного может быть поднята на 50—100 лет. Хотя некоторые из рассмотренных вещей имеют ранние признаки и могут относиться как к XII в., так и к XI в., основная часть этих украшений должна быть датирована XII—XIII вв. Можно добавить, что этим временем датируется в основном и остальной древнерусский импорт, поступавший на север Фенноскандии. Предметы XI в. в его составе немногочисленны, тогда как украшения XII в. образуют значительную в количественном отношении группу.

И. Сернинг выделила в группе «русских» вещей, найденных на саамских жертвенных местах, типы, связанные с финно-угорскими областями, Южной Русью, Северо-Западной Русью, а также общерусские, не поддающиеся определенной географической интерпретации [7, с. 96]. И. Захриссон, публикуя ком-

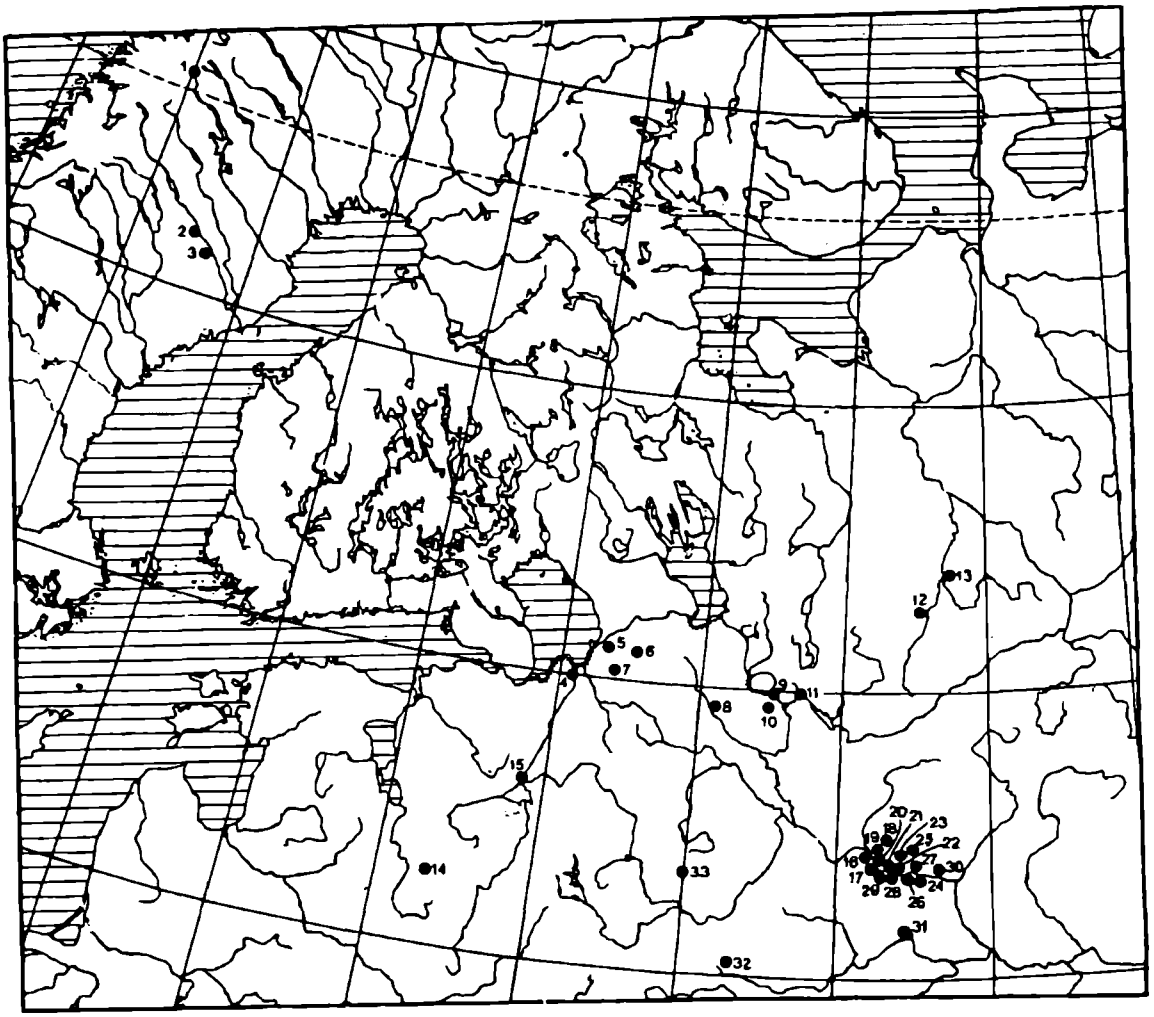


Рис. 10. Находки плоских подвесок-уточек с рельефным орнаментом в Северной и Восточной Европе. *1* — Лилвикен; *2* — Мёртреск; *3* — Валтьерн; *4* — Старая Ладога; *5* — Новинка; *6* — Яровщина; *7* — Саньково; *8* — Митино-Зворыкино; *9* — Белоозеро; *10* — Крохинские Пески; *11* — Нефедьево I; *12* — Городище; *13* — Васильевская; *14* — Сущева; *15* — Новгород; *16* — Городищи; *17* — Пьянково; *18* — Татариново; *19* — Руболдино; *20* — Большое Андрейково; *21* — Боровиково; *22* — Гоменки; *23* — Сторожева; *24* — Кисловская; *25* — Иорданиха; *26* — Иворово; *27* — Кожухово; *28* — Мальцево; *29* — Белогуровская; *30* — Студенец; *31* — Семухино; *32* — Кузнецовка; *33* — Кидомля

плекс из Мёртреска, разделила «восточные» вещи на «русские», «финно-угорские», «восточнобалтийские» и восточные без конкретной географической атрибуции [18, с. 28—33]. Предметы, рассматриваемые в настоящей работе, в обоих исследованиях включены в группу «финно-угорских». Наш анализ географии находок показал между тем, что в XI—XIII вв. они получили распространение в Костромском Поволжье, Белозерье, Каргополье, бассейне р. Вага и в Юго-Восточном Приладожье, т. е. на территориях, составлявших северную периферию Новгородской земли и Ростово-Суздальского княжества. Какое же определение — «русские» или «финно-угорские» — правильнее отражает происхождение этих предметов и какой смысл можно вкладывать в эти определения?

Перечисленные украшения действительно восходят к финно-угорской металлопластике, и в XI—XIII вв. они были распространены среди населения, сформировавшегося при участии финно-угорских этнических групп и сохранившего многие традиции финской культуры. Однако уже в XI в. эти украшения стали составной частью севернорусского женского костюма, синтезировавшего элементы восточнославянского и финно-угорского убора. Лунничные височные кольца и зооморфные подвески XI—XIII вв. не могут рассматриваться как этнические индикаторы финно-угорских групп, точно так же как височные кольца и на-

грудные подвески славянских типов, найденные в северных могильниках, не могут рассматриваться как этнические индикаторы славян. Тесные контакты славянского и финского населения и смешение разноэтнических групп в процессе расселения на окраинах привели к формированию на Севере Восточной Европы особой метисной славяно-финской культуры [32, с. 90, 91, 126—128]. Поэтому, называя рассмотренные выше украшения финно-угорскими, мы должны помнить, что не все их владельцы были представителями веси и чуди и что эти предметы производились и использовались для украшения костюма на территориях, являвшихся составной частью Древнерусского государства и входивших в систему общерусских торгово-экономических связей.

Представленные карты надежно документируют распространение всех рассмотренных выше украшений не в западных, а в восточных областях Северной Руси. Следовательно, эти вещи не могли быть связаны с тем потоком товаров, который поступал в Лапландию из Прибалтики и северо-западных районов Новгородской земли. Очевидно, в восточных областях Русского Севера существовали самостоятельные центры, поддерживавшие связи с саамскими областями Фенноскандии, причем эти контакты осуществлялись, минуя Финский залив и Прибалтику. Эти центры могут быть локализованы в тех районах, которые географически были более приближены к Лапландии и, с другой стороны, были достаточно плотно заселены и имели высокий экономический потенциал. К их числу относится прежде всего Юго-Восточное Приладожье, Белозерье и Заволочье (территории в бассейне Ваги и Северной Двины). Роль Приладожья как важного центра торговли с саамскими областями подчеркивалась многими исследователями [6, с. 119, 120; 7, с. 165]. Однако представленные выше карты не дают основания отдавать однозначное предпочтение Приладожью. Все рассмотренные типы украшений не менее характерны для Важского бассейна и Белозерья. С другой стороны, многие типичные для Приладожья украшения отсутствуют на севере Фенноскандии.

Мнение о том, что Приладожье не было на Русском Севере главным и единственным центром, поддерживавшим торговые отношения с саамскими областями, находит некоторое подтверждение в письменных источниках. В договорной грамоте о мире между Новгородом и Норвегией 1326 г. оговорено право заволочан совершать торговые поездки в Норвегию: «... гости из Новгорода и Заволочья должны иметь проезд в Норвегию без всякого препятствия. И каков новгородцы заключили мир с норвежцами, в том же мире быть и заволочанам» [39, с. 70]. Таким образом, у нас есть прямые указания на участие жителей Заволочья в торговле с Норвегией в начале XIV в. В XI—XIV вв. географический термин «Заволочье» использовался для обозначения обширных территорий, расположенных в бассейне Онеги, Северной Двины и ее левого притока Ваги, причем первоначально он обозначал, по-видимому, именно земли, лежащие в Важском бассейне [40, с. 103—109]. Судя по археологическим данным, в XI—XIII вв. Вага была заселена плотнее, чем Двина, на важских памятниках встречены почти все украшения северо-восточных типов, поступавшие в Лапландию. Возможно, именно бассейн Ваги был крупнейшим северо-восточным центром, поддерживавшим торговые связи с севером Фенноскандии. При этом нельзя полностью исключить возможность организации поездок на Крайний Север жителями Белозерья и Юго-Восточного Приладожья, а также двинянами, археологические памятники которых остаются пока невыявленными.

Пути поступления севернорусского импорта в Лапландию могли быть различными, но главная роль принадлежала, по-видимому, внутренним водно-волоковым путям, связывавшим Западное Белозерье, Онежское озеро и Ладожское озеро с Ботническим заливом. Разнообразные варианты этих путей подробно рассмотрены финскими исследователями [41, с. 1—34; 42, с. 440—448; 43, с. 19—31]. Густая сеть рек и озер Заонежья, Карелии, Финляндии и Приботнии позволяла использовать для поездок к Ботническому заливу различные маршруты, часть которых была связана с р. Оулу, а часть — с другими реками, впадающими в Ботнический залив с севера и востока. Активное использование водно-волоковых

путей, связывавших Северо-Западное Приладожье и Западное Беломорье с Приботнией в XVI—XVII вв., засвидетельствовано целым рядом письменных источников, в том числе комплексом документов, связанных с Соловецким монастырем [39, с. 311; 44, с. 19, 20; 45, с. 201—206] и «Описанием трех путей из Поморских стран в Швецкую землю» — географическим сочинением, составленным около 1700 г. архиепископом Афанасием Холмогорским [46, с. 457—460; 47, с. 335—349]. Олаус Магнус писал о регулярных поездках русских купцов к Ботническому заливу, а на изданной им «Морской карте» изображены московиты, перетаскивающие свои корабли из Белого моря к рекам, текущим в Ботнический залив [48, с. 48, 74—77]. Использование этих путей в XI—XIII вв. документировано археологическими находками, в частности серией кладов из Шведской и Финской Лапландии [18, с. 102—104; 43, с. 19—31].

Разумеется, нельзя полностью исключить, что часть «восточного импорта» поступала в Тромс и Финнмарк северным морским путем. Однако мнение о том, что этот путь в XI—XII вв. мог быть основным каналом товарообмена между Беломорьем и Северной Фенноскандией, господствовавшее в скандинавской историографии 1920—1930-х годов [4, с. 44—50; 5, с. 34—36] и основанное на материалах саг, плохо согласуется с археологическими материалами. Цепочка кладов «восточных» вещей, зафиксированная на побережье Тромса и Финнмарка, доходит до Варангерфьорда и здесь обрывается. Далее на востоке, на побережье Кольского полуострова, эти предметы не встречены, неизвестны они и в горле Белого моря. Немногочисленные археологические находки XI—XIII вв., известные в настоящее время в Беломорье, тяготеют к западной части этого региона, а не к восточной, куда выходил северный морской путь. Версия о том, что контакты между саамскими областями Фенноскандии и Русским Севером осуществлялись в основном по внутренним водно-волоковым путям, выглядит сегодня более убедительно.

Обзор некоторых категорий «восточного» импорта, найденных в Лапландии, на общем фоне средневековых памятников Северной и Восточной Европы позволяет связывать значительный приток восточных вещей в саамские области в XII—XIII вв. с двумя факторами. Один из них — существование у саамского населения Фенноскандии традиционных связей с финно-угорским населением Восточной Европы, связей, переживавших периоды активизации и упадка, но никогда не прерывавшихся полностью [49, с. 145—149; 50, с. 32—47]. Второй, не менее важный фактор — русская колонизация Севера Восточной Европы, начавшаяся в XI в. и получившая особо широкий размах в XII—XIII вв. Пушная торговля были одним из важнейших стимулов колонизационного движения, в которое оказались вовлечены как славяне, так и финно-угорское население Древней Руси. Богатые пушниной саамские территории вошли в сферу экономических интересов новгородцев, закрепившихся на Онеге, Ваге и Северной Двине уже в XII в., а возможно, и несколько раньше. Несомненно, для своих даннических и торговых поездок на Крайний Север колонисты использовали традиционную систему коммуникаций, связывавшую финно-угорские племена Восточной Европы с саамами Фенноскандии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Arne T.* Sveriges förbindelser med Österi under vikingatiden//Fornvännen. Årgangen 6. Stockholm, 1911.
2. *Solberg O.* Ein neuer eisenzeitlicher fund aus ostfinmarken in Norvegen//Praehistorische Zeitschrift. 1911. Bd. III. Hf. $^{3}/_{4}$.
3. *Gjessing G.* Finsk-ugriske vikingetidssmycker i Norge//Universitetets Oldsaksamlings Årbok. Oslo, 1927.
4. *Gjessing G.* Noen nordnorske handelsproblemer i jernalderen//Viking. 1939. V. III.
5. *Brögger A. W.* Hålöygenes Bjarmelandsferder//Festskrift til Rektor I. Qvigstad. Tromsö, 1928.
6. *Tallgren A. M.* Biarmia//ESA. 1931. V. 6.
7. *Serning I.* Lapska offerplatsfynd från järnålder och medeltid i de svenska lappmarkerna//Acta Lapponica. Stockholm, 1956. V. XI.

8. *Serning I.* Övre Norrlands järnålder. Umeå, 1960.
9. *Sjövold T.* The Iron Age Settlement of Arctic Norway. V. II. Oslo, 1975.
10. *Munch J. S.* Funnene fra Eiterjord i Beiarn og Vestvatn i Misvaer//Viking. 1967. V. 31.
11. *Christiansson H.* Sten-brons-järn i Övre Norrland//Honos Ella Kivikoski/Finska forminnes foreningens tidskrift. V. 75. Helsinki, 1973.
12. *Carpelan Ch. et al.* Kemijoki 8000-laxälv i Norr. SHM utställningy katalog. Stockholm, 1975.
13. *Zachrisson I.* Lapps and Scandinavians. Archaeological Finds from Northern Sweeden (Early Norrland, 10). Stockholm, 1976.
14. *Simonsen P.* Juntavadda og Assebakte. To utgravninger på Finnmarksvidd//Acta Borealia. Ser. B. Hum. 17. Tromsö, 1979.
15. *Zachrisson I.* Östligt och västligt. Några nya fynd av brons från Vilhelmina socken, Lappland//Fornvännen. Årgång 79. 1984. Stockholm, 1985.
16. *Huurre M., Keränen I.* Kainuun historia. V. I. Kajaani, 1986.
17. *Hedman S.-D.* Samiska metalldepåer och bosattningsmönster i Lappland under vikingatid och äldre medeltid//Arkeologi i Norr. Umeå, 1989. V. 2.
18. *Zachrisson I.* De samiska metalldepåerna ar 1000—1350. Umeå, 1984.
19. *Zachrisson I.* Saamis — Swedes — Russians — Organized Cooperation or Not?//Nordisk TAG. Köbenhavn, 1987.
20. *Zachrisson I.* Östliga kontakter under nordsvensk vikingatid och tidig medeltid//Studia Historica Septentrionalia. № 14. Nordkalotten i en skiftande värld. Rovaniemi, 1988.
21. *Потин В. М.* Древняя Русь и европейские государства в X—XIII вв. Л., 1968.
22. *Голубева Л. А.* Зооморфные украшения финно-угров//САИ. 1979. Вып. Е1-69.
23. *Рябинин Е. А.* Зооморфные украшения Древней Руси//САИ. 1981. Вып. Е1-60.
24. *Кочкуркина С. И.* Древняя корела. Л., 1982.
25. *Седов В. В.* Об одной группе древнерусских крестов//Древности славян и Руси. М., 1988.
26. *Кирпичников А. Н.* Приладожская лопь//Новое в археологии СССР и Финляндии. Л., 1984.
27. *Колчин Б. А.* Хронология новгородских древностей//Новгородский сборник: 50 лет раскопок в Новгороде. М., 1982.
28. *Седова М. В.* Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X—XV вв.). М., 1981.
29. *Лесман Ю. М.* Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород: проблема синхронизации//Археологическое исследование Новгородской земли. Л., 1984.
30. *Макаров Н. А.* О некоторых пермско-финских элементах в культуре Северной Руси//Материалы по археологии Удмуртии. Ижевск, 1989.
31. *Овсянников О. В., Рябинин Е. А.* Новые данные о культуре средневекового «чудского» населения в бассейне озера Лача//СА. 1986. № 2.
32. *Макаров Н. А.* Население Русского Севера в XI—XIII вв. М., 1990.
33. *Назаренко В. А., Овсянников О. В., Рябинин Е. А.* Средневековые памятники чуди заволочской//СА. 1984. № 4.
34. *Гурина Н. Н.* Памятники эпохи раннего металла и раннего средневековья на Кольском полуострове//Новое в археологии СССР и Финляндии. Л., 1984.
35. *Савельева Э. А.* Вымские могильники XI—XIV вв. Л., 1987.
36. *Макаров Н. А.* Отчет о работах Онежско-Сухонской экспедиции за 1987 г.//Архив ИА АН СССР. Р-1. № 12571.
37. *Мартынов А. Я.* Отчет о работе археологической экспедиции Соловецкого музея-заповедника в 1989 г.//Архив ИА АН СССР.
38. *Истомина Т. В.* Отчет Усть-Вымского отряда Северодвинской экспедиции. 1986 г.//Архив ИА АН СССР. Р-1. № 11343.
39. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.
40. *Васильев Ю. С.* О историко-географическом понятии «Заволочье»//Проблемы истории феодальной России. Л., 1971.
41. *Vilkuna K.* Nöteburgs freden i etnologisk belysning//Societas Scientiarum Fennica. Årsbok XXXIX. B. V. 3. Helsinki, 1961.
42. *Julku K.* Suomen Itärajan synty//Studia Historica Septentrionalia. Rovaniemi, 1987. V. 10.
43. *Huurre M.* Kulturen vid Ule träsks vattendrag under den sena järnålder//Studia Historica Septentrionalia. Rovaniemi. 1988. V. 14.
44. *Ключевский В. О.* Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае. М., 1867.
45. *Тихомиров М. Н.* Русское летописание. М., 1979.
46. *Шаскольский И. П.* Описание трех путей Афанасия Холмогорского//ТОДРЛ. 1958. Т. XIV.
47. *Дмитриев Л. А.* Новый список «Описания трех путей Афанасия Холмогорского»//Археографический ежегодник за 1958 г. М., 1960.
48. *Савельева Е. А.* Олаус Магнус и его «история северных народов». Л., 1983.
49. *Карпелан К.* Финские саамы в железном веке//Финно-угры и славяне. Доклады первого советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии. 15—17 ноября 1976 г. Л., 1979.
50. *Карпелан К.* Ранняя этническая история саамов//Финно-угорский сборник. М., 1982.

Институт археологии РАН,
Москва

MAKAROV N. A.

THE RUSSIAN NORTH AND LAPLAND: TRADE LINKS OF XI—XIII CENTURIES

Summary

The article is considered the eastern links of Northern Fennoscandia in XI—XIII centuries. The numerous finds of typical east-european types on the settlements, in the burials and on the sacrificial places of saamas are illustrations of such links. The publications of Scandinavian authors are usually classificated these things as russian or finno-ugorian. The author in detail considered some types of ornaments from the districts of saama tribes of Sweden, Norway and Finland: lunar temporal rings, flat pendants in the form of stylized horses, pendants-ducks. The analysis of finds in Russia and in Fennoscandia allow to conclude that the mentioned ornaments were received to the North of Scandinavia not from the north-western districts of Novgorod region, but from the eastern regions of Russian North: from Zavolochie (Vaga and Dvina basin), Pre-Ladoga, Belozerie (Beloye lake). The main inflow of the ornaments to the North fell of the XII—XIII centuries and, of course, was connected with activization of fur trade in the course of Russian colonization of northern regions of Eastern Europe.

Дискуссии

ПОГРЕБАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ: СТРУКТУРА, СЕМАНТИКА И СОЦИАЛЬНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

(введение в дискуссию)

Более четверти века назад известный российский этнограф С. А. Токарев отметил в своей работе «Проблемы изучения ранних форм религии в советской науке», что «исследование ранних форм религии идет, к сожалению, неравномерно, и некоторые из них остаются недостаточно изученными. Например, назрела серьезная необходимость обобщающего исследования погребального культа» [1].

Что же изменилось в этой области науки за последнее время? К сожалению, ни в археологии, ни в этнографии так и не появилось солидного обобщающего исследования по погребальному культу. И это не в малой степени было связано с тем, что объем добытого археологами в ходе полевых работ материала удваивается каждые 8—10 лет и в целом составляет неисчислимое количество исследованных погребальных памятников. Без разработки новых методов и теоретических подходов для анализа всей этой массы фактов решить проблему создания обобщающего труда по погребальному культу (или обряду) — задача непосильная пока для исследователя любого ранга (даже в пределах сравнительно ограниченных территорий и в рамках определенных хронологических периодов или эпох).

Вместе с тем известные позитивные сдвиги наблюдаются и здесь. За последние годы среди археологов СНГ заметен явный рост внимания к упомянутой проблеме, т. е. к разработке общих вопросов анализа и интерпретации погребального обряда.

Интерес археологов к материалам из погребений и погребальному обряду объясняется прежде всего тем, что традиционно — это один из основных видов археологических источников, опираясь на который мы реконструируем духовную и материальную культуру, мировоззрение, социальное устройство и этническую принадлежность, т. е. весь спектр вопросов, связанных с историей изучаемого общества. За последние несколько лет только в Институте археологии РАН было проведено два совещания по данной проблематике: «Проблемы интерпретации погребального обряда в археологии» (февраль 1988 г.) [2] и «Методы компьютерного анализа погребального обряда» (апрель 1992 г.).

Этой же теме было посвящено и два специальных заседания Методологического семинара института в 1991 г., где доклады по различным аспектам изучения погребального обряда сделали М. Ф. Косарев, В. И. Гуляев, И. Л. Кызласов, В. С. Ольховский и В. И. Мельник.

Важный вклад в разработку интересующей нас проблематики внесли и те обобщающие труды по погребальному обряду, которые были опубликованы за последние годы Е. П. Бунятян [3], Г. Ф. Никитиной [4], И. С. Каменецким [5] и В. А. Алекшиным [6].

В целях дальнейшего стимулирования поисков новых теоретических и методических подходов к изучению погребального обряда редколлегия журнала «Российская археология» решила опубликовать во многом спорные и явно отличающиеся друг от друга по содержанию статьи активных участников всех дискуссий по данной проблематике в ИА РАН: В. С. Ольховского, В. И. Мельника и И. Л. Кызласова.

Я не буду здесь сравнивать эти статьи, а тем более излагать основные их положения. Во-первых, это уже сделал в публикуемой ниже статье В. С. Ольховский. А во-вторых, читатель сам, без подсказки рецензента сумеет легко найти достоинства и недостатки концепций всех названных авторов.

Мне же хотелось бы призвать будущих участников дискуссии по анализу и интерпретации погребального обряда в археологии быть особенно четкими в предлагаемых определениях, терминах

и понятиях (например, постоянная путаница понятий «погребение» и «погребальный обряд», «погребальный обряд» и «погребальная практика»).

Далее очень важной для нас, археологов, остается и тщательнейшая фиксация исходных фактических данных по погребениям, разработка возможно более узкой хронологической шкалы для вещевых комплексов (иначе даже в пределах одного могильника будет трудно решить, чем объясняются изменения в обряде и инвентаре — временными или социальными факторами).

Наибольший эффект при анализе и реконструкции погребального обряда дает, бесспорно, комплексный, междисциплинарный подход (сочетание данных этнографии, археологии, письменных источников, физической антропологии и др.).

И даже в тех случаях, когда этнография и история молчат (например, бронза степей юга России), можно для аналогий археологическим комплексам привлекать материалы хорошо изученных обществ со сходным хозяйственно-культурным типом (ХКТ), живущих в близкой или одинаковой природной среде. Нужны аналогии по эпохам и природно-климатическим зонам для типологически сходных обществ.

И наконец, последнее. Несмотря на огромное значение методов формализации и компьютеризации при изучении погребального обряда, мы всегда должны помнить, что символика жизни и смерти в погребальном обряде — это отражение мировоззрения древних людей, обществ; это код, содержащий информацию о тех идеях и представлениях, которые были присущи древнему человеку в ходе совершения обрядов по погребению умершего.

Институт археологии РАН,
Москва

В. И. Гуляев

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Токарев С. А.* Проблемы изучения ранних форм религии в советской науке. М., 1964.
2. *Гуляев В. И.* Проблемы интерпретации погребального обряда в археологии//КСИА. 1990. № 201. С. 103—109.
3. *Бунятян Е. П.* Рядовое скифское население IV—III вв. до н. э. Опыт применения формально-статистического анализа структуры по данным могильников. Автореф. дис. ... канд. историч. наук. Киев, 1981.
4. *Никитина Г. Ф.* Систематика погребального обряда племен Черняховской культуры. М., 1985.
5. *Каменецкий И. С.* Код для описания погребального обряда//Древности Дона. М., 1983.
6. *Алекшин В. А.* Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ. Л., 1986.

В. С. ОЛЬХОВСКИЙ

ПОГРЕБАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ

(содержание и структура)

Проблема познания древних религиозно-мифологических представлений, связанных с таким важным индивидуальным и общесоциальным феноменом, как смерть, продолжает привлекать внимание исследователей, в том числе археологов, обычно имеющих дело с древними погребениями и прямо заинтересованных в адекватном понимании исследуемых памятников. При всем разнообразии существующих подходов и методик важнейшей задачей, на наш взгляд, в настоящее время остается разработка и использование исследователями единого «языка» — логически непротиворечивой системы понятий и терминов, связанных, в частности, с погребальной практикой.

Уже приходилось отмечать терминологический разнобой, до последнего времени царящий в публикациях, посвященных описанию или интерпретации результатов исследования погребальных памятников [1, с. 65, 66]. Особенно «вольно» при этом трактовались базовые понятия — «погребение» и «погребальный обряд». Нередко они фактически отождествлялись; иногда в процессе исследования происходила «подмена» — говоря о погребальной обрядности, в действительности имели в виду элементы структуры погребальных памятников, и т. д. Опыт комплексного подхода к разработке системы понятий, связанных с погребальной практикой, был предпринят мною в 1986 г. [1]. Однако появление ряда новых работ по данной тематике заставляет еще раз подвергнуть верификации как нашу, так и некоторые другие схемы структуры погребального памятника и погребальной обрядности. Определенного уточнения требует также ряд терминов и понятий, в том числе обычаи (прежде всего погребальные), погребальная практика и др.

В связи с поставленной задачей рассмотрим три недавно опубликованные работы: заметку В. И. Мельника «Погребальная практика и погребальный обряд», статью Ю. А. Смирнова «Морфология погребения (Опыт создания базовой модели)», монографию В. Ф. Генинга, Е. П. Бунятян, С. Ж. Пустовалова и Н. А. Рычкова «Формализованно-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников)».

Работа В. И. Мельника интересна прежде всего как попытка выяснения соотношения понятий погребальный обряд, погребальные обычаи, погребальная практика; при этом используются термины «обрядовая практика», «произвольная практика», «обычная практика», «некросфера», а также «действие».

Итак, обычаи (погребальные), по В. И. Мельнику, суть: а) стереотипные практические действия; б) не любые практические действия, а лишь те, которые нормированы, регламентированы; в) целесообразные действия с целью достижения реального результата; г) традиционно закрепленные формы утилитарных действий (несут основополагающую функцию в погребальном процессе как в целесообразном действии); д) обычная практика — нормированные, стереотипные, утилитарные действия; е) обычные действия [2, с. 76].

Таким образом, погребальные обычаи (обычная практика) характеризуются стереотипными, практическими, целесообразными, с целью достижения реального

© В. С. Ольховский, 1993 г.

Рис. 1. Схема структуры и взаимосвязи физической и ментальной деятельности человека

результата, нормированными, регламентированными, традиционно закрепленными формами утилитарных, обычными действиями.

Погребальный обряд, по В. И. Мельнику [2, с. 74—76]: а) входит в практическую целесообразную деятельность человека; б) вплетается в погребальную практику; в) понимается как совокупность символических и реальных действий, совершаемых в соответствии с определенными нормами и представлениями при захоронении умершего (цитируется мое определение.— *В. О.* [1]); г) в узком значении — система условных, символических действий; д) есть обрядовая практика — ритуальные символические действия; е) есть система нормированных регламентированных действий, но не утилитарных, практических, а условных, как правило сопровождающих действия реальные; ж) тесно связан с погребальными обычаями; з) его специфика — в символическом характере действий, однако, помимо этого, участники обряда реальным необходимым действиям придают особый, иллюзорный смысл. Такого рода действия следует отличать от действий сугубо условных, символических.

Таким образом, погребальный обряд (обрядовая практика) характеризуется практическими, целесообразными, символическими, реальными, необходимыми, условными, нормированными, регламентированными, сопровождающими реальные, ритуальными действиями.

По мнению В. И. Мельника [2, с. 74], погребальная практика (=некросфера): а) в широкой трактовке «охватывает все формы обращения с умершим»; б) в узком смысле — «отражает лишь один из способов практики обращения с умершими»; в) есть погребальный процесс — целесообразное действие; в нем же обнаруживаются и утилитарные ненормированные действия; г) есть единый целесообразный процесс, направленный на избавление общества от смердения, гниения трупа; д) включает в себя [2, с. 76]: 1) обрядовую практику —

ритуальные символические действия; 2) обычную практику — нормированные стереотипные утилитарные действия; 3) произвольную практику — ненормированные утилитарные действия.

Продемонстрированный В. И. Мельником аналитический подход к выяснению содержания исследуемых понятий, безусловно, верен. Однако два обстоятельства препятствуют адекватному пониманию сути излагаемой им концепции. 1. Использование одного термина для обозначения понятий, фактически различающихся по содержанию и объему. Так, определение погребального обряда (в) не соответствует определениям (г) и (д), «промежуточное» положение между ними занимает определение (з). Определения погребальной практики (а) и (б) противоречат друг другу. Указания на «широкую» либо «узкую» трактовку не облегчают положения, ибо данные уточнения в тексте обычно опускаются.

2. Хотя в работе упоминаются действия 14 разных видов (целесообразные, символические и др.), ни в одном случае не дано их четкое определение, не указана степень их близости (синонимичности). Ссылка на «очевидность» содержания понятий здесь была бы неприемлема вследствие отсутствия общепринятой трактовки их большинства. Поскольку действия являются важным элементом всех рассматриваемых понятий, необходимо дать им определения и по возможности установить их иерархичность.

На наш взгляд, все действия (акции), связанные с интересующей нас областью человеческой деятельности, по способу их выражения и фиксации можно разделить на действия реальные и ирреальные (рис. 1). Действия реальные (физические) есть процесс взаимодействия двух и более систем (в общем виде — природы и человека), в результате которого обе системы претерпевают изменения, которые можно зафиксировать визуально, мануально и т. д. Такими действиями являются, например, рытье ямы, насыпка кургана и т. д. Действия ирреальные (ментальные)[1] есть мыслительный процесс, протекающий на/в трех сугубо условно выделяемых уровнях — здравого смысла (обыденного сознания), привычек (рефлексов) и идеологии. Реальные и ирреальные действия взаимосвязаны: большинство реальных (физических) действий осуществляется в результате ментальной деятельности и под ментальным контролем. Низший уровень ментальной деятельности — уровень привычек, осоциаленных инстинктов, устойчивых рефлексов, традиций — обуславливает существование и функционирование ряда мыслительных схем, редуцированных до уровня «клише» и связанных с осуществлением повторяющихся, традиционных действий. Этот своеобразный ментальный «фильтр» позволяет осуществлять серии одних и тех же «запрограммированных» операций в разных условиях среды с минимальными затратами умственных усилий и заранее известным результатом.

Следующий уровень ментальной деятельности — здравого смысла — обуславливает естественную, бытовую прежде всего, мыслительную деятельность человека в реальных условиях окружающей среды и обеспечивает естественное, адекватное взаимодействие человека с природой и социумом посредством разумных действий.

Третий, высший уровень ментальной деятельности связан с существованием идеологических представлений или систем (религия, мифология, философия и т. д.), дающих неадекватную, субъективно-искаженную оценку универсуму, личности и ее роли в природе и обществе. Идеологический «фильтр» корректирует не только ментальную, но и прямо связанную с ней реальную деятельность человека, нередко вступая при этом в противоречие и со здравым смыслом, и привычками (традициями).

Учет роли трех выделенных уровней ментальной деятельности, свойственной нормальному человеку, совершенно необходим, ибо, как отмечалось, они являются регуляторами реальной (физической) деятельности человека. Роль их неодно-

[1] Хотя ментальная деятельность регистрируется специальными приборами, органами чувств человека она не фиксируется и поэтому условно отнесена к числу нефиксируемых действий.

значна и неравнозначна; в зависимости от социально-экономического уровня развития конкретного общества и иных факторов степень активности уровней, мощность проходящего через каждый уровень ментального потока различна.

Реальные (физические) действия по их «ориентированности» можно разделить на целесообразные и нецелесообразные (рис. 1). Целесообразные (неслучайные) действия реализуют ментальную установку на достижение определенной цели. Установка при этом может формироваться на любом из трех уровней — здравого смысла, привычек, идеологии. Такой установкой, например, может быть желание (необходимость) срубить дерево, выкопать могильную яму и т. д.

Нецелесообразные (случайные, произвольные, спонтанные) действия совершаются, как правило, при отсутствии целевой установки одного из трех уровней ментальности, т. е. под влиянием внементальных факторов — эмоций, порыва, стресса, психофизических нарушений и т. д.— и не предполагают достижения заранее запланированного результата.

На следующем уровне иерархии действий — по степени их внутренней связи и сложности — действия делятся на нормированные (регламентированные) и ненормированные (нерегламентированные). При этом целесообразные действия могут быть и нормированными и ненормированными, а нецелесообразные — только ненормированными. Итак, нормированные (регламентированные) действия есть действия, направленные на реализацию определенной цели и подчиненные ей; это группа (система) последовательных запланированных действий, призванных осуществить намеченную цель. Ненормированные (нерегламентированные) действия системы обычно не образуют. Например, целесообразное действие «захоронение умершего» включает такие нормированные действия, как выбор места захоронения, строительство погребального сооружения, обряжение покойника и т. д. Естественно, все указанные действия являются также и целесообразными. Но в ходе реализации заданной цели возможно осуществление и ненормированных, первоначально не запланированных действий. Так, высокий уровень стояния грунтовых вод заставляет предпринять такие ненормированные действия, как изменение запланированной глубины могильной ямы; отсутствие требуемого дерева вынуждало при создании погребального сооружения искать и использовать другой подручный материал — камень, камыш и т. д.

Программирование и контроль нормированных действий осуществляется на всех трех уровнях ментальности, ненормированных — обычно на уровне здравого смысла, иногда (в случае нецелесообразных действий) на внементальном уровне эмоций.

Нормированные действия по характеру их связи с ментальными уровнями можно разделить на утилитарные, стереотипные и символические; подчеркнем, что деление это в определенной мере условно.

Утилитарные (практические, необходимые, прикладные) действия реализуют, как правило, установки здравого смысла и на данном уровне обыденного сознания не несут особой идеологической нагрузки. Таким необходимым и практическим действием, например, может быть рытье колодца, снятие шкуры с убитого животного, подготовка дров для костра (в том числе и погребального) и т. д.

Стереотипные (стандартные, постоянные, прочно сложившиеся, привычные, обычные) действия реализуют установки другого уровня ментальности — уровня привычек и традиций. Именно такие действия составляют основу обычаев (о них ниже).

Символические (условные) действия связаны с высшим — мировоззренческим уровнем ментальности, где сосредоточены самые общие, глобальные представления о мире, оказывающие значительное влияние на материальную и духовную жизнь любого общества. Эти представления, как известно, чаще всего дают не строго научное, а субъективно-искаженное представление о действительности и реализуются в форме разнообразных религиозно-мифологических систем. Присущее любой, даже самой примитивной, религиозно-мифологической системе представление о возможности воздействия на действительность реальную или иллюзорную

(иные «миры», души умерших и пр.) служит обоснованием для разработки и использования целой системы символических действий, которые являются соответственно также нормированными, целесообразными и реальными. К подобным действиям можно отнести молитвы, поклоны, жертвоприношение и т. д., обычно являющиеся составными частями сложноорганизованных систем действий — обрядов.

Подчеркнем тесную связь утилитарных, стереотипных и символических действий. Так, символические действия могут формироваться на основе стереотипных, стереотипные — на основе утилитарных; возможны и другие варианты взаимозависимости.

Итак, выяснение специфики и иерархичности понятий разнообразных действий, имеющих отношение, в частности, и к процессу захоронения, увязка их с ментальной человеческой деятельностью позволяют вновь обратиться к другим интересующим нас понятиям — погребальным обычаям, погребальным обрядам, погребальной практике.

Отсутствие общепринятой трактовки понятия «обычай» заставляет выбирать одну из уже существующих, по возможности дополнив ее. Так, распространенное определение обычая как регламентированного (с целью достижения какого-либо реального результата) действия отражает специфику обычая, но, на наш взгляд, недостаточно полно. Более полной, но не исчерпывающей оказывается и несколько иная, использованная нами ранее трактовка погребально-поминальных обычаев («не регламентированные юридическими установлениями способы и нормы обращения с умершим членом общества, своего рода неписанный «свод» погребальных правил и представлений, предписывающий каждому индивиду стиль поведения в конкретной ситуации» [1, с. 67]). Исходя из предложенной выше схемы взаимосвязи физической и ментальной деятельности, обычаи (в частности, погребально-поминальные) можно определить следующим образом: это нормированные и целесообразные физические и ментальные (реальные и ирреальные) действия, это исторически сложившиеся, регулируемые не юридическими установлениями, а силой привычек и традиций действия, связанные с захоронением и поминовением умерших. Обычаи, таким образом, являются и «овеществленной в действиях» традицией, содержащей заранее запрограммированные действия, которые необходимо осуществить в определенной ситуации конкретному человеку.

Возникают закономерные вопросы о причинах формирования (складывания) обычаев, их культурологической значимости и соотношении с обрядами, в частности погребально-поминальными.

Скорее всего единого «источника» или причины складывания обычаев нет. Логически вполне допустимо формирование некоторых обычаев на основе «осоциаленных» инстинктов, приобретенных рефлексов, необходимых и целесообразных в конкретной среде обитания. Возможна также трансформация в обычай отдельных утилитарных (практических) действий, применявшихся постоянно и вошедших в привычку. И наконец, теоретически возможно превращение в обычай каких-либо «материализованных» фрагментов религиозно-мифологической системы или обряда.

Отмеченные особенности формирования обычаев вполне объяснимы специфическим положением стереотипных действий, составляющих основу обычая и занимающих промежуточное положение между утилитарными и символическими действиями. Так, утилитарные действия вполне могут быть (например, бытовые или производственные операции), а символические всегда являются одновременно и действиями стандартизированными, отличающимися от свойственных обычаям стереотипных действий степенью и характером ментальной и идеологической «нагрузки». Последняя практически отсутствует в утилитарных действиях и господствует в символических.

Если предположение о не менее чем трех путях формирования обычаев верно, то по крайней мере некоторые обычаи должны нести идеологическую нагрузку. При этом с течением времени возможна утрата обрядом (как системой обычаев)

первоначально присущей ему семантики (идеологической нагрузки), сближение его с утилитарным действием, а также приобретение не свойственной ему изначально семантической нагрузки (чаще всего под влиянием религиозно-мифологической системы).

Предлагаемая трактовка структуры и содержания обычая позволяет сделать, таким образом, следующие заключения.

1. В момент зарождения любого обычая его целесообразные нормированные стереотипные действия действительно направлены на достижение реального результата. Однако с течением времени происходит «консервация» содержания и формы обычая, превращение его в действие/ия традиционное/ые. Соответственно может частично или полностью утрачиваться изначальная целесообразность обычая, его направленность на достижение реального результата вследствие возможного изменения природных условий, этнокультурной обстановки, экономических возможностей общества и т. д. Только те стереотипные действия становятся обычаем, которые, пройдя проверку временем, закрепляются в традиции.

2. Обычай (в том числе погребально-поминальный), являясь стереотипным нормированным целесообразным действием, не всегда, но нередко направлен на достижение столь же реального, сколь и ирреального (символического) результата.

3. Обычай, таким образом, иногда может нести и определенную семантическую нагрузку, которая наряду с естественной необходимостью (здравым смыслом) является сильнейшим «консервантом», обеспечивающим устойчивость обычая, его повторяемость во времени и пространстве. С течением времени знания о подлинной семантике или реальной практической подоснове обычая могли частично утрачиваться или даже переосмысляться при сохранении «формы» обычая — стереотипных действий. Так, обычаи здороваться и благодарить на определенном этапе развития человеческого общества имели явную религиозную окраску. В современном же понимании слово «спасибо», сохранившее почти неизменной архаическую формулу «спаси Бог», признается лишь как знак выражения вежливой благодарности.

4. Обычаи, несущие идеологическую (семантическую) нагрузку, складываются из стереотипных и символических (стереотипно-символических) действий, а не несущие таковой — из стереотипных и утилитарных (стереотипно-утилитарных) действий.

5. Реальностью, целесообразностью, нормированностью и стереотипностью действий, часть которых несет и семантическую нагрузку, обычаи, в том числе погребальные, несомненно сближаются с обрядами, что позволяет считать обычаи одним из источников формирования обрядов.

Проделанная выше работа по конкретизации понятия «обычай» заставляет еще раз проанализировать и понятие «обряд». При этом следует избегать широких либо узких толкований этого понятия, используя один и тот же термин. Определение обряда, в том числе и интересующего нас погребального, должно быть однозначным, логически непротиворечивым и по возможности исчерпывающим.

Прежде всего, опираясь на схему иерархии разновидностей понятия «действие» (рис. 1), определим, какого рода действия совершаются в ходе отправления обрядов. Общепринята символичность (условность) совершаемых в ходе любого обряда действий. Однако включать в обряд только условные действия неверно. Кстати, ущербность трактовки погребального обряда как системы только символических (нередко именуемых ритуальными) действий давно отмечена, например, этнографами: «То, что мы привыкли называть обрядом, подчас чрезвычайно трудно отделить от других, необрядовых сторон народной жизни» [3, с. 181]. Данное замечание фактически констатирует искусственность препарирования живой ткани обряда, исключения из его структуры «не символических», но реальных и целесообразных действий. К тому же достаточно очевидно, что даже самое символическое, самое «ритуальное» действие является одновременно и

реальным, физическим действием (молитва, поклон и т. д.). Напомним также, что обряд, как и обычай, есть проявление традиции — основу его, устойчивую к воздействию хронологического фактора, составляют действия стереотипные, привычные, постоянные, как несущие идеологическую нагрузку, так и в значительной степени свободные от нее (обычаи). Однако возникает вопрос: позволительно ли включать в число обрядовых действий не только стереотипные и символические, но и иные, например утилитарные, действия? И как соотносятся с погребальной обрядностью действия, не соответствующие погребальному канону как системе стереотипно-символических действий, но тем не менее совершавшиеся в ходе захоронения умершего?

При изучении и реконструкции погребальной обрядности необходимо учитывать очень важный факт — отличие религиозно-мифологического мышления древних от мышления современного человека. Отличия эти проявляются не только в «зеркальности», алогичности многих причинно-следственных связей, в совершенно иной структуре восприятия действительности и т. д. Иные представления о взаимодействии части и целого, индивида (коллектива) и природы закономерно порождали и совершенно особую — обрядовую сферу реальной жизни древних, для них столь же реальную и необходимую, как и добыча пищи, воспитание подрастающего поколения и т. п. Обряд был инструментом воздействия человека на «тот» и «этот» миры, способом познания, а также способом поддержания жизнедеятельности человека и коллектива в любых внешних условиях. Утверждение, что «погребальный обряд, в отличие от некоторых других обрядов, входит в практическую целесообразную деятельность человека» [2, с. 74], верно лишь с точки зрения современного человека. Для древних же все обряды, включая погребальные, были и практически целесообразными, и необходимыми, хотя с течением времени конкретное содержание обряда, его значение могли отчасти забыться или измениться. Обряд, практически ненужный и нецелесообразный в данной этнокультурной среде, просто исчезал.

Единый, целостный и непротиворечивый взгляд на мир и место человека в нем, обеспеченный существующей религиозно-мифологической концепцией, предполагал и целостность восприятия обряда. Своеобразие обрядовой практики заключается в ее двойственности: каждое реальное действие в обряде является одновременно и не — реальным, обусловленным его семантической значимостью. Так, чисто практическое действие — выкапывание могильной ямы — одновременно являлось и воспринималось, предположим, и как строительство «дома мертвого». Внутренняя гармония обряда, как и мировоззрения древних, не допускала вычленения в обряде каких-то иных, не — обрядовых действий. Все акции (действия) в период совершения обряда были реальными и абсолютно необходимыми в силу наделения их особой ритуальной значимостью. Данное правило действовало, очевидно, и в том случае, если по той или иной причине приходилось отступать от ритуального канона (правил процессуального уровня идеологической сферы погребального обряда, по нашей схеме [1, с. 68]). Объясняется это не только вариабельностью, определенной степенью свободы обрядовых предписаний, но и спецификой самого обряда: все акции, происходившие в период совершения обряда (даже случайные, не входящие в погребальный канон), тем самым сакрализовались. Это обеспечивало семантическую и процессуальную целостность обряда: чужие, не — обрядовые случайности в обряде недопустимы (ибо это ставит под угрозу «эффективность» обряда), устранить же их проще всего путем тотальной сакрализации, своеобразного «одомашнивания», «приручения» случайных элементов набрасыванием на них общего «флера» обряда. Кстати, именно этим во многом объясняется фиксируемое археологами разнообразие элементов синхронных погребальных памятников в рамках одной культуры или ее локального варианта, а также сама возможность заимствования и инноваций в погребальных обрядах. Новое, нестандартное, не соответствующее обрядовому канону обычно и создает тот «информационный шум», с которым сталкивается любой археолог, работающий с погребальными памятниками. «Шум»

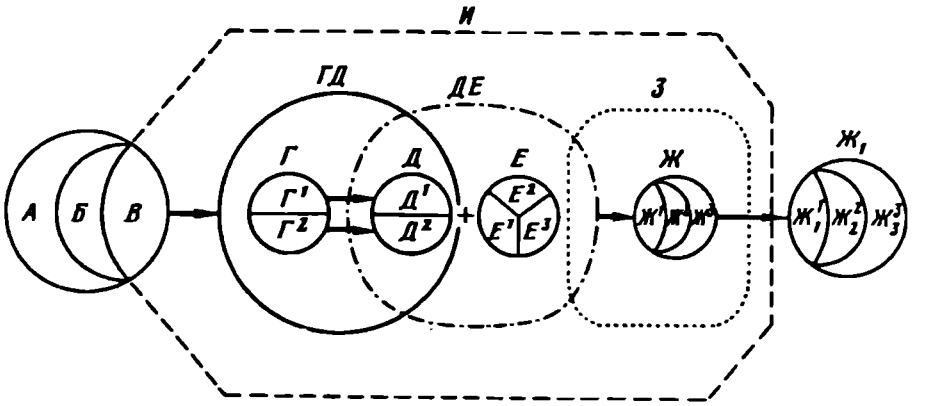


Рис. 2. Схема структуры и взаимосвязи понятий, связанных с погребальной обрядностью. *А* — идеология; *Б* — религиозно-мифологическая система; *В* — представления о тафологических, некрологических, морологических обычаях и нормах; *ГД* — погребальная обрядность (ПО); *Г* — идеологическая сфера ПО: $Г^1$ — семантический уровень идеологической сферы ПО, $Г^2$ — процессуальный уровень идеологической сферы ПО; *Д* — практическая сфера ПО (обрядовые действия): $Д^1$ — символические действия, $Д^2$ — стереотипные действия; *Е* — внеобрядовые действия: $Е^1$ — произвольные (целесообразные ненормированные), $Е^2$ — утилитарные (целесообразные нормированные), $Е^3$ — стандартные (стереотипные утилитарные = обычаи); *ДЕ* — погребальная практика (некросфера) = моросфера; *Ж* — погребальный памятник: $Ж^1$ — погребение, $Ж^2$ — погребальный комплекс, $Ж^3$ — погребальная группа; *З* — тафосфера; $Ж_1$ — погребальный памятник — археологический объект; *И* — культ (погребальный, умерших)

смазывает картину и затрудняет реконструкцию погребального канона. Противоречие между новым (сначала случайным, чужим) и старым (традиционным) снималось уже тем, что и те и другие акции совершались в рамках одного реального обряда. Случайное, новое тут же адаптировалось, если оно не противоречило сути обряда в целом, становилось своим; даже не входя в обрядовый канон, оно органически вписывалось в систему традиционного «действа». Однако вне обряда любая акция, даже тождественная совершенной в ходе обряда, очевидно, утрачивала сакральный смысл. Таким образом, принадлежность действия к числу утилитарных, стереотипных либо символических определялось не только их конкретным содержанием, но и отношением (включенностью — невключенностью) к обряду либо иной, более широкой культовой сфере. Еще раз подчеркнем, что деление действий на символические и утилитарные может быть принято лишь как сугубо условное, соответствующее современному, а не древнему восприятию обряда.

Итак, с учетом вышеприведенных выводов дадим следующее определение погребального обряда: это совокупность стереотипно-символических (реальных, целесообразных, нормированных) действий, осуществляемых в соответствии с определенными нормами, несущими идеологическую нагрузку, в процессе подготовки и совершения захоронения умершего. Структурно погребальный обряд (рис. 2, *ГД*) делится на две сферы — идеологическую (связана с ментальной деятельностью) и практическую (связана с реальной, физической человеческой деятельностью).

Идеологическая сфера обряда есть система религиозно-мифологических представлений, норм и предписаний, регламентирующих и по-своему объясняющих процесс захоронения умершего. Она расчленяется на два органически слитых уровня — семантический и процессуальный. Процессуальный уровень идеологической сферы погребального обряда есть система предписаний, регламентирующих процесс захоронения умершего, это достаточно стабильный перечень действий, которые необходимо осуществить в определенной последовательности в ходе похорон. Семантический уровень идеологической сферы погребального обряда есть система религиозно-мифологических представлений, «объясняющих» ирреальную (иллюзорную) суть, содержание предписаний процессуального уровня.

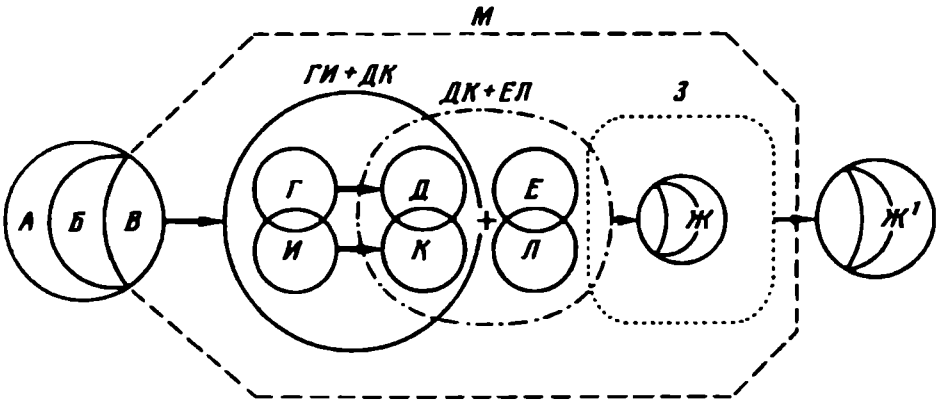


Рис. 3. Редуцированная схема структуры и взаимосвязи понятий, связанных с погребально-поминальной практикой.
А — идеология; *Б* — религиозно-мифологическая система; *В* — представления о тафологических, некрологических, морологических обычаях и нормах; *ГИ+ДК* — погребально-поминальная обрядность (ППО); *ГИ* — идеологическая сфера ППО; *ДК* — практическая сфера ППО; *ЕЛ* — внеобрядовые действия ППО; *ДК+ЕЛ* — погребально-поминальная практика = некросфера (=моросфера); *Ж* — погребально-поминальный памятник; *З* — тафосфера; *Ж*^{1} — погребально-поминальный памятник — археологический объект; *М* — культ (погребально-поминальный, смерти, умерших)

Практическая сфера погребального обряда есть система стереотипно-символических действий, которые, будучи реальными, целесообразными и нормированными, воплощают предписания процессуального уровня идеологической сферы обряда.

Таким образом, если практическая сфера обряда является его формой, то идеологическая сфера — его содержанием.

Возникают закономерные вопросы: всегда ли форма погребального обряда соответствует его содержанию? Все ли реальные действия, совершаемые в ходе захоронения умершего, являются акциями именно практической сферы погребального обряда? Многообразие особенностей однокультурных и синхронных погребальных памятников свидетельствует о том, что на практике имели место отклонения от погребального канона. предписаний процессуального уровня идеологической сферы обряда, т. е. форма обряда далеко не всегда точно соответствовала содержанию. Отсюда следует, что подобное несовпадение есть результат совершения действий, не регламентированных процессуальным уровнем идеологической сферы обряда и не входящих в число стереотипно-символических действий практической сферы обряда. Отмеченные «не вписавшиеся» в канон действия, очевидно, не следует включать в структуру погребального обряда. По нашей схеме (рис. 1), эти действия, являясь реальными, могут быть либо целесообразными, но ненормированными (нерегламентированными), либо целесообразными — нормированными — утилитарными (возможность именно таких «побочных» действий в ходе совершения погребального обряда показана выше). На ментальном уровне они контролируются здравым смыслом. Вместе с тем несомненна принадлежность и всех обрядовых (стереотипно-символических) — и целесообразных ненормированных, и нормированных утилитарных — действий к одной и той же сфере человеческой деятельности — избавлению от умершего посредством его захоронения. Есть основания обозначить эту сферу человеческой деятельности терминами «погребальная практика» или «некросфера» (предложен В. И. Мельником).

Итак, погребальная практика (некросфера) есть сфера человеческой деятельности, включающая все действия, совершаемые в процессе подготовки и захоронения умершего, а именно (рис. 2, *ДЕ*) действия обрядовые (стереотипно-символические) и внеобрядовые — произвольные (целесообразные ненормированные), утилитарные (целесообразные нормированные) и стандартные

(стереотипно-утилитарные = обычаи). Данная трактовка понятия близка формулировкам (а), (в) и особенно (д) В. И. Мельника [2, с. 74]. На наш взгляд, погребальный обряд, сформировавшись из ряда погребальных обычаев, тем самым «аннулирует» поглощаемые обычаи. Однако сосуществование в рамках конкретной погребальной практики и погребального обряда, и не входящих в него отдельных обычаев, не несущих семантической нагрузки, и утилитарных, и произвольных (незапланированных) действий представляется вполне возможным.

Как неоднократно отмечалось, погребальная обрядность почти на всех этапах своей реализации тесно переплетена с поминальной обрядностью, обладающей своей собственной структурой, на наш взгляд, идентичной структуре обряда погребального (рис. 3). В поминальной обрядности выделяются те же сферы и уровни, что и в погребальной, с такими же связями между ними, с той же физической и ментальной основой и источниками формирования. Поминальные обряды начинают осуществляться через определенное время после смерти человека, продолжают осуществляться в ходе нередко многодневного процесса захоронения и заканчиваются иногда через несколько десятков, а то и сотен лет после окончательного захоронения останков. Процесс формирования и функционирования погребально-поминальной обрядности может быть отражен соответствующей схемой (рис. 3).

Иная грань интересующей нас темы исследуется в статье Ю. А. Смирнова, посвященной разработке проблемы морфологии погребения прежде всего как процесса [4]. Автор, опровергая распространенное мнение о «сказочном» разнообразии форм и способов обращения с телом умершего, дает достаточно сложную модель известных типов обращения с телом умершего. Предлагаемая Ю. А. Смирновым схема, пожалуй, наиболее исчерпывающая и логически стройная из всех опубликованных. Однако называть ее моделью вряд ли верно, ибо модель есть образец, воспроизведение, схема какого-либо физического объекта или явления. Предлагаемая же схема воспроизводит не единичный объект или явление, а всю совокупность возможных форм, явлений. Фактически это ранжированный вариационный ряд (поле) типов обращения с телом умершего во всех возможных средах (земля, воздух, вода). Разумеется, этот ряд ни в коей мере нельзя отождествлять с ритуалом (обрядом), это вариационный ряд действий, совершаемых исключительно с телом умершего на одном из последних этапов отправления погребального обряда; сам же погребальный обряд значительно богаче по содержанию и структуре. Заключение, что «погребальный обряд представляет собой... жестко детерминированную систему, имеющую крайне ограниченное вариационное поле конечных результатов» [4, с. 218], относительно верно лишь во второй своей части. Археологическая практика и проведенное выше исследование показывают, что практика выполнения жестких предписаний обряда допускала значительные отклонения от канона.

Введение буквенно-цифровых обозначений элементов вариационного ряда позволило Ю. А. Смирнову предложить формализованную запись любого погребения. Отметим, что в предлагаемой форме записи могут кодироваться и завершающие этапы погребения как процессов (погребального обряда), и самые общие характеристики погребения как материального объекта (погребального памятника). Однако очевидная необходимость более подробного описания этапов (акций) погребального обряда и элементов погребального памятника требует разработки более сложной многоуровневой системы индексации — формализации.

Особый интерес представляют терминологические разработки Ю. А. Смирнова. Предложенное им деление действий, связанных с захоронением умершего, на предваряющие и завершающие отражает не их ментальные характеристики, а прежде всего этапность их реализации в обряде. И предваряющие, и завершающие действия, таким образом, могут быть реальными, целесообразными, нормированными и т. п.

С локализацией человеческих останков связаны и вводимые Ю. А. Смирновым понятия тафосферы и моросферы. Так, тафосфера есть «область нахождения

Схема структуры погребального памятника

Группы элементов	По В. С. Ольховскому	По Ю. А. Смирнову
I	Погребальное сооружение	Погребальное сооружение + дополнительная сопровождающая структура + (дополнительная сопутствующая структура)
II	Останки погребенного	Останки погребенного
III	Погребальный инвентарь	Погребальный инвентарь
IV	Намогильное сооружение и следы ритуальных действий	(Дополнительная сопутствующая структура)
V	Подкурганные сооружения и следы ритуальных действий	Дополнительная сопредельная структура
VI	Внекурганные сооружения и следы ритуальных действий	
VII	Метаструктура погребального комплекса	Дополнительная сопричастная структура

останков умершего после их окончательного погребения и вплоть до момента их вскрытия (если таковое происходит)» [4, с. 223, прим. 5]. В нашей схеме (рис. 2, 3) тафосфера в основном соответствует погребальному памятнику (погребению, погребальному комплексу, погребальной группе) и связанными непосредственно с погребением действиям. Моросфера — «сфера смерти или область посмертного нахождения и распада органических соединений» [4, с. 223, прим. 6.]. Таким образом, во временно́м аспекте моросфера охватывает период действий от момента смерти до момента захоронения умершего (рис. 3), а в пространственном локализуется менее определенно; местом, где находится и подвергается соответствующей обработке труп до захоронения, могло быть жилище, храм, мастерская бальзамировщика, крематорий, дахма и т. д. В нашей схеме локализация процесса подготовки к захоронению не отражена, ибо этого не позволяет специфика логики схемы. Но в определенном приближении (рис. 3, *ДК+ЕЛ*) ее можно «поместить» между идеологической сферой погребальной обрядности и погребальным памятником (тафосферой). Данная часть схемы, охватывающая обрядовые (практическая сфера погребального обряда) и внеобрядовые действия, определена как погребальная практика или некросфера (по В. И. Мельнику). Таким образом, получается, что определенная часть действий погребальной практики (подготовка тела к погребению, обряжение, оплакивание и т. д.) протекает в моросфере, а другая их часть (помещение останков в погребальное сооружение, размещение погребального инвентаря и пр.) — в тафосфере.

Тафология, по Ю. А. Смирнову [4, с. 216], есть сумма «традиционных знаний любого конкретного общества о формах и способах обращения с умершими, и в частности об их преднамеренном погребении» (а также изучение этой сферы деятельности человека). По нашей схеме (рис. 2), тафология должна размещаться в ментальной сфере (*В*), где сосредоточены представления о нормах поведения, связанных со смертью и посмертным состоянием. Таким образом, помимо тафологии (представлений о правилах захоронения умершего) сфера *В* включает морологию (представления о феномене смерти) и некрологию (представления об умершем и его посмертной ипостаси). Морологические, некрологические, тафологические и некоторые другие представления (*В*) в свою очередь являются частью существующей в конкретном обществе религиозно-мифологической системы (*Б*), которая составляет значительную часть идеологии (*А*), присущей любому обществу.

Определенный интерес представляют выкладки Ю. А. Смирнова, посвященные погребальным сооружениям и погребальным комплексам. Однако утверждение,

что любые погребальные сооружения являются модификацией двух архетипов — ямы и насыпи, представляется неточным по ряду причин.

1. Упоминаемые архетипы — яма и насыпь — понятия несовместимые и несравнимые. Данная несовместимость снимается Ю. А. Смирновым включением насыпи в число погребальных сооружений [4, с. 218]; таким образом, выделяются просто погребальные сооружения (ямы и др.) и сравнительно сложные погребальные сооружения. Некорректность подобной установки выявляется операцией сравнения: а) яма = погребальное сооружение (в случае грунтового захоронения); б) яма + насыпь = погребальное сооружение (в случае курганного захоронения). Отсюда следует, что насыпь — лишний член содержания понятия «погребальное сооружение», подлежащий исключению. Возможность выкопать погребальное сооружение — могильную яму — и на уровне дневной поверхности и на вершине насыпи (тоже погребального сооружения?) подтверждает некорректность включения насыпи в число погребальных сооружений.

2. Топологически останки умершего могут размещаться: а) под поверхностью земли/воды, б) на уровне земли/воды, в) выше уровня земли/воды. Соответственно можно выделить подземную (подводную), наземную (наводную), надземную (надводную) локализацию погребального сооружения. При этом необходимо учитывать обязательную совмещаемость останков умершего и погребального сооружения (погребальное сооружение есть форма организации замкнутого пространства вокруг останков умершего). Так, в случае подземного захоронения умерший может находиться только в погребальном сооружении — в могильном углублении (яме, катакомбе и т. д.), в случае надземного — в погребальном сооружении (домовине на столбах и т. п.) либо без него (привязывание спеленатого покойника к дереву), в случае наземного — в погребальном сооружении (каменный, деревянный ящик, склеп и т. д.) или без него (уложен на дневную поверхность, прикрыт листьями, корой, грунтом, камнями). В последнем случае материал покрытия не создавал замкнутого пространства (объема) вокруг тела умершего, т. е. образовывал не погребальное, а намогильное сооружение. Намогильные сооружения воздвигаются только на уровне дневной поверхности. Они, как правило, изолируют от внешней среды могилу — погребальное сооружение с телом умершего, иногда тело умершего. В первом случае они устраиваются над могильной ямой, каменным ящиком и т. д. и имеют вид курганной насыпи, мавзолея, курума, во втором — непосредственно над телом в виде каменной, грунтовой или комбинированной насыпи.

Очевидно, единственным архетипом погребального сооружения следует признать яму. Яма — простейшая, но достаточно определившаяся форма реализации идеи сокрытия останков умершего путем погребения, для своего воплощения требовавшая определенных умственных и физических усилий. Образовывавшееся при этом замкнутое пространство, частично свободное от грунта, возможно, соответствовало представлению о могиле как о вместилище — жилище умершего. До формирования идеи сокрытия путем погребения господствовала, очевидно, на ранних этапах антропогенеза другая идея — изоляции путем прикрывания, вызывавшая значительно меньшие умственные и физические усилия и не требовавшая строительства погребального сооружения. Кстати, прикрывание умерших (на уровне инстинктов и рефлексов) отмечено у ряда животных и приматов [5, с. 162, 163]; прикрывание вполне могли практиковать архантропы и палеоантропы. При этом труп, на уровне дневной поверхности прикрытый травой, ветками, шкурами, а затем грунтом или камнями, несомненно, уничтожался хищниками и не мог быть зафиксирован археологически. Возможно, именно прикрывание и было «историческим детством» погребения, отголоски которого прослеживаются в разного рода выставления и намогильных сооружениях (насыпи, каменные заклады и т. д.). При этом подчеркнем, что если погребение реализует идею обособления, выделения умершего из окружающего мира путем создания могилы (погребального сооружения — дома, повозки, корабля и т. д. для умершего), то прикрывание — явно более архаичную идею его слитности с

миром, прежде всего землей, путем присыпания тела. Таким образом, насыпь есть также архетип, но не погребения, а прикрывания.

Погребальное сооружение является одним из важных элементов погребального комплекса. По Ю. А. Смирнову, погребальный комплекс включает две постоянные составляющие — погребальное сооружение и останки погребенного, и две переменные — погребальный инвентарь и дополнительную (сопутствующую) структуру [4, с. 218]. Однако известны погребальные комплексы без погребальных сооружений (на дне кольцевых ровиков, на подкурганной поверхности) и без останков погребенных (кенотафы; ссылка на «подразумевание» покойника не устраняет факта его отсутствия). Таким образом, указанные составляющие отнюдь не являются постоянными.

Еще одну составляющую — инвентарь Ю. А. Смирнов предлагает рассматривать дифференцированно, выделяя сопровождающий (в могиле), сопутствующий (в пределах курганной насыпи), сопредельный (на подкурганной поверхности и за пределами насыпи) и сопричастный (за пределами погребального комплекса) инвентарь. Сама необходимость дифференцированного подхода к находимым в зоне погребального памятника предметам сомнений не вызывает. Однако использование для обозначения совокупности вещевых находок единственного термина — «инвентарь» означало бы признание того, что все обнаруженные внутри и вне погребального комплекса предметы принадлежали именно погребенному, являлись его инвентарем. Однако находимые в ходе раскопок погребального памятника предметы, как показывают этнографические и теоретические разработки, могут относиться не только к погребенному, но и принадлежать строителям погребального сооружения, участникам тризны, адресоваться богам, душам предков, относиться к периодическим поминкам, т. е. не являться собственно погребальным инвентарем — предметами, предназначенными для захоронения с умершим. Поэтому использование термина «инвентарь» в столь глобальном значении кажется не вполне корректным.

По Ю. А. Смирнову, погребальный комплекс есть система из четырех составляющих, одна из которых (дополнительная структура) в свою очередь делится на четыре составляющих по тому же принципу, что и погребальный инвентарь. Сопоставим указанную структуру [4, с. 223, прим. 10] с нашей схемой структуры погребальных памятников [1, с. 71], по уровню сложности кумулятивно подразделяемых на погребения (I—III группы элементов), погребальные комплексы (I—VI группы) и погребальные группы (I—VII группы элементов).

Таким образом, выясняется (см. таблицу), что сумма предлагаемых Ю. А. Смирновым составляющих погребального комплекса точно соответствует содержанию нашей схемы погребального памятника. Однако схема Ю. А. Смирнова не столь однозначна и последовательна из-за объединения погребального и намогильного сооружения в одно понятие; при этом в тексте автор все же разделяет могилу и насыпь (сопутствующая дополнительная структура — за пределами могилы, но в пределах курганной насыпи). Как отмечалось, подобное формальное объединение элементов, различающихся по времени и причинам возникновения, не облегчает изучения «содержания» и особенно семантики погребальных памятников. Неправомерно «слияние» (в сопредельной структуре) подкурганного и внекурганного пространства, имеющего четкую границу в виде ровика или полы насыпи. Нечеткой представляется и грань между сопредельной и сопричастной структурами; критерием здесь выступает, вероятно, расстояние от погребального сооружения. Сделанные замечания, однако, не опровергают общность нашего и Ю. А. Смирнова понимания погребального памятника как сложной многокомпонентной системы элементов, являющейся результатом совершения специфических действий.

Коллективная монография «Формализованно-статистические методы в археологии» [6] посвящена весьма актуальным проблемам разработки и внедрения различного рода количественных методов обработки и анализа погребальных

памятников. Не касаясь узкоспециальных разработок, чему посвящена большая часть монографии, остановимся на общетеоретических подходах авторов.

Прежде всего отметим несомненно верную, хотя и несколько неполную трактовку погребального обряда: «...это традиционные рациональные и иррациональные действия, связанные с захоронением умерших... В погребальной обрядности нашли отражения идеологические представления древних людей» [6, с. 9]. Не вызывает сомнения и тезис авторов, что «могильник как археологический объект представляет собой совокупность остатков, в которых материализовался определенный погребальный обряд той или иной группы населения» [6, с. 9]. Справедливо разделяя погребальные памятники и погребальный обряд, они, в частности, замечают: «Когда мы встречаем попытки создания структуры погребального обряда, то речь фактически идет о структуре погребального памятника» [6, с. 34]. До недавнего времени подобная ситуация в археологической литературе действительно имела место, но в последние годы она меняется, подтверждением чему являются и рассмотренные разработки В. И. Мельника и Ю. А. Смирнова. Относительно нашей работы по теории обрядности [1] отмечается следующее: «Автор попытался дать схему структуры погребального обряда, который, по сути, является структурой погребального памятника» [6, с. 36]. Данное замечание вызывает удивление, ибо в нашей статье отдельно представлены две схемы: и структуры погребального обряда в совокупности со взаимосвязанными с ним понятиями, и структуры погребального памятника, причем последняя ничем не напоминает первую вследствие того, что в первой схеме отражены физические и ментальные действия обрядности, а во второй — материальные элементы погребального памятника [1, с. 67, рис. 1, с. 71, табл. 1].

Как же сами авторы монографии обеспечивают переход от материальных остатков (погребальных памятников) к действиям погребальной обрядности (и наоборот)? «Погребальный обряд как процесс они расчленяют на определенные фазы, отражающие определенную последовательность действий при совершении захоронения. Каждая фаза описывается одной или несколькими категориями признаков, представляющих собой *остатки* (курсив мой.— *В. О.*) комплекса действий, связанных с одним объектом (например, могильное и надмогильное сооружение, костяк и т. д.)» [6, с. 34]. Итак, переход от действий к материальным остаткам обеспечивается установлением прямого соответствия, фактически — прямым отождествлением тех и других, т. е. совершается то, против чего сами авторы совершенно справедливо возражают в приведенных выше цитатах. На этом же основании («прямого отождествления») производится операция по созданию графической структуры погребального обряда: «Хотя погребальный обряд, в сущности, представляет собой совокупность действий по организации и проведению акта захоронения, материализованные остатки его, фиксируемые археологами, позволяют представить его как определенную структуру. Графически ее можно изобразить в виде „древа“, каждая ветвь которого находится в определенной связи и соподчинении с другими» [6, с. 40, 41]. Итак, на основании фактического отождествления погребального обряда и его результата (погребального памятника) строится «древовидная» схема структуры погребального обряда, хотя в подрисуночной подписи [6, с. 42] она названа более точно: структура археологического источника. Судя по «древовидной» схеме, фазами погребального обряда являются: конструкция кургана, тризна и погребение, которые в свою очередь делятся на ряд действий: предметы, кости животных, культ огня (?), конструкция погребения, остатки скелета, погребальное ложе. Достаточно очевидно, что указанные «действия» назвать действиями обряда невозможно, это скорее результаты действий, т. е. элементы погребального памятника. Если же считать «древо» схемой структуры погребального памятника, приходится признать ее крайнюю неполноту и местами нелогичность (тризна и культ огня — элементы погребального памятника?). Самый общий анализ предложенной схемы позволяет прийти к следующим выводам.

Рис. 4. Примерная структура погребального памятника

1. Предпринятую авторами попытку создания «древовидной» структуры погребального обряда на основании фактического отождествления акций ритуала и элементов погребального памятника нельзя признать удачной. Предложенная схема воспроизводит приблизительную структуру погребального памятника, скомпонованную таким образом, что в ней не нашла отражения даже единственная «вертикаль» соподчинения погребальных объектов — могильник, курган, погребение.

2. Вследствие того что далеко не все действия погребального обряда находят материальное воплощение и сохраняются в виде следов, предметов или сооружений, любая схема ритуала, построенная на основе структуры погребального памятника, будет неполной. В ней окажется полностью опущенной идеологическая сфера обрядности и в определенной мере подробно отражена практическая сфера.

3. Предлагаемые авторами монографии методики и схемы свидетельствуют о том, что изучение погребальных памятников отождествляется ими с изучением погребальной обрядности. Используемая авторами методика (а также «древовидная» схема погребального обряда) направлена не на выявление акций (действий) погребальной обрядности, а на создание статистически достоверных моделей

погребальных памятников, подвергаемых затем социологической и прочим интерпретациям. Выявление моделей способствует, конечно, изучению обрядности. Однако реконструкция погребальной обрядности требует не только знания «моделей» погребений, а предполагает целый спектр исследований в самых разных областях знания — от искусствознания и языкознания до психологии и семиотики.

4. Поскольку погребальный обряд является все-таки преимущественно линейным процессом, состоящим из ряда последовательно осуществляемых акций, реконструкция его в виде «древа» вряд ли целесообразна, хотя, вероятно, и возможна. «Древовидные» схемы более пригодны для описания структуры погребального памятника. Так, подобная схема может быть легко получена путем наполнения нашей семичленной схемы структуры погребального памятника конкретными элементами (рис. 4).

Проведенный разбор трех работ, касающихся разных аспектов изучения погребальной обрядности, показал, что при разных подходах все же вырисовывается более или менее единый теоретический взгляд на интересующую нас проблему. Имеется реальная возможность взаимной коррекции выдвигаемых положений и в конечном итоге создания многогранной модели погребально-поминальной обрядности, логически увязанной и с ментально-физической человеческой деятельностью, и с ее конечным результатом, подвергаемым археологическому изучению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ольховский В. С.* Погребально-поминальная обрядность в системе взаимосвязанных понятий//СА. 1986. № 1.
2. *Мельник В. И.* Погребальная практика и погребальный обряд//КСИА. 1990. Вып. 201.
3. *Бернштам Т. А.* Свадебная обрядность на Поморском и Онежском берегах Белого моря//Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор. Л.: Наука, 1974.
4. *Смирнов Ю. А.* Морфология погребения (Опыт создания базовой модели)//Исследование в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. М.: Наука, 1990.
5. *Токарев С. А.* Ранние формы религии, М.: ИПЛ, 1990.
6. *Генинг А. Ф., Бучятян Е. П., Пустовалов С. Ж., Рычков Н. А.* Формализованно-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников; Киев, Наук. думка, 1990.

Институт археологии РАН,
Москва

OLKHOVSKI V. S.

FUNERAL RITE (CONTENT AND STRUCTURE)

Summary

The author chooses three levels of mental activities of man (level of habit, common sense, ideology). On this base the variety of real (physical) actions was characterized which are realized in the course of funeral rite (normalized, unnormalized, utilitarian, stereotyped, symbolical, etc.). The content of funeral customs with funeral rite is carried out. The mechanism of adaptation of customs in the process of rite is explained. Structure, form and content of rite with funeral practice (necrosphere) and ideas of „tafosphere" and „morosphere" are discussed. The notion „funeral rite" is made more exact, the structure of scheme of this notion is given. The author gives the structure and correlation of notions, concerning the funeral rite and funeral practice.

В. И. МЕЛЬНИК

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБЫЧАЙ И ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ПАМЯТНИК

Проблема погребального обычая как таковая чаще всего не выделяется при изучении погребального процесса или погребального памятника. Как правило, в исследованиях, посвященных этой теме, речь идет об обрядах, понятие же «обычай» либо применяется безотносительно к обряду, либо не используется вовсе. Причем значение слова «обычай» не всегда однозначное.

В этнографической литературе распространено широкое понятие обычая, где обряд рассматривается лишь как его разновидность [1—4].

Так, по А. Б. Гофману, обычай — это унаследованный стереотипный способ поведения, который воспроизводится в определенном обществе или социальной группе и является привычным для их членов [1, с. 266].

Обряд, по В. Я. Чистову, это совокупность условных, традиционных действий, лишенных непосредственной практической целесообразности, но служащих символом определенных социальных отношений, формой их наглядного выражения и закрепления.

Понятие же обычая означает не только символические, но всякие вообще повторяющиеся и установленные традицией действия [2, с. 231].

По существу, в широком варианте под обычаем понимаются любые традиционные действия, в том числе и обрядовые. В философско-социологической литературе наряду с широким пониманием обычая [5, с. 37] имеет место и узкое [6, 7]. Согласно этой позиции, обычай представляет собой действия непосредственно целесообразные, и их смысл кроется в их естественном содержании. Обряд же — это действия-символы, значимость которых не в самом действии, а в том, что они означают, выражением каких социальных идей, представлений они являются [6, с. 7]. Другими словами, обычай представляет собой практические, утилитарные действия, обряд — действия условные, символические. Такой позиции придерживается и этнограф С. А. Арутюнов [8, с. 97]. И в том и в другом случае действия эти являются нормированными, однако в обычае норма проявляется специфически. «Как форма социальной регуляции обычай отличается тем, что в нем слабо расчленены норма и деятельность (процедура), и это не позволяет говорить о нем, как о норме в „чистом" виде... В обычае на первое место выступает не общая норма, отвлеченная от конкретной ситуации, а норма в действии, т. е. поступок, в котором она непосредственно реализуется. Обычай, таким образом,— конкретный способ ее практической реализации, он не принцип, которым руководствуются в поведении, а само поведение, „эмпирическая реальность"» [6, с. 8].

Различия между трактовками обычая пролегают в основном по объему понятий. Дело лишь в том, включаются ли в обычай обрядовые действия или нет. Однако суть вопроса этим не исчерпывается. Сложность здесь, на наш взгляд, заключается в соотношении обрядовых и обычных действий, поскольку на практике они бывают тесно переплетенными и трудно различимыми.

По степени соединения обрядовых (символических) атрибутов с обычаем можно выделить три вида такого симбиоза.

Во-первых, это действия практические, рациональные, которым придавался символический характер; во-вторых, это практические действия, но совершенные

© В. И. Мельник, 1993 г.

в иррациональной, неестественной, не принятой в повседневности форме, и, в-третьих, это действия, утратившие свое первоначальное практическое назначение и ставшие символическими. Это, как правило, одноактные действия.

Для последнего вида действий С. А. Токарев предлагал название обрядового обычая [4, с. 28—30]. Думается, что оно применимо и для первых двух видов взаимопереплетенных обрядовых и обычных действий.

Таким образом, можно констатировать соответственно три вида обрядового обычая (названия условные): 1) ритуализованный обычай; 2) иррациональный обычай; 3) обычай-символ.

В семейно-бытовой деятельности выделяются две группы обычаев: обычаи повседневной жизни — специфические формы удовлетворения каждодневно повторяющихся жизненно необходимых потребностей; обычаи, воспроизводимые через относительно большой промежуток времени [9, с. 75].

Погребальные обычаи относятся ко второй группе, являясь центральным звеном некросферы. Погребальные обычаи — это стереотипные практические действия, осуществляемые членами того или иного коллектива по отношению к умершему от момента его смерти до совершения погребения и создания погребального памятника.

Погребальные обычаи вытекают из установленного традициеи способа погребения, который и предполагает необходимые этапы процесса захоронения. При совершении погребения по крайней мере три этапа являются неизбежными: 1) подготовка погребения (где решаются вопросы по определению состава участников и распределения ролей в похоронах, вопрос о выборе места захоронения и создании погребального сооружения, а также непосредственно подготовке тела умершего к погребению, одежде, ложе покойного и средствах доставки тела к месту захоронения); 2) транспортировка умершего (вынос тела, шествие); 3) захоронение (помещение умершего в могилу, закрытие сооружения, при необходимости установка знака, отмечающего место погребения).

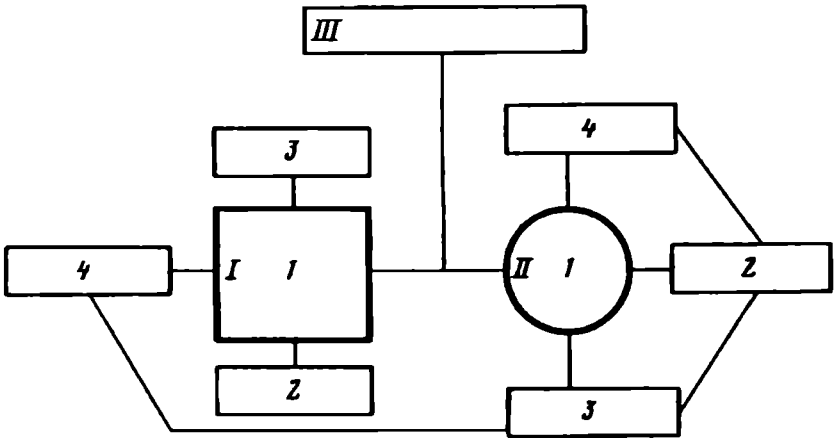
Форма осуществления этих этапов закрепляется обычаем. Причем обычай, как правило, не в такой мере, как обряд, детализирует форму исполнения принятых этапов процесса погребения. Обряд дополняет обычай и придает особое значения ряду деталей процесса погребения. Это и создает такой симбиоз, как обрядовый обычай. Вместе с тем обряд проявляется и в независимом виде, когда символические действия предшествуют, сопровождают или заключают действия, установленные обычаем.

Если рассматривать погребальный процесс как некую деятельность человека, то здесь в соответствии со структурой деятельности возможно выделение нескольких звеньев, а именно: цели, средства и результата [10, с. 39—41].

Если целью обычая является удовлетворение бытовых потребностей (в данном случае погребение умершего), то целью обряда является удовлетворение потребностей духовных, например, «отправка души покойного на тот свет». «Средством может быть конкретный труд человека, средства производства, потребления, обращения, тот или иной продукт» [10, с. 40, 41]. Интересно, что, хотя цели обычая и обряда расходятся, результат они имеют общий — погребальный памятник.

Согласно другому подходу к деятельности, она как целое состоит из двух взаимодополняемых составляющих: деятельности живой и деятельности опредмеченной [11, с. 123]. Применительно к погребальному процессу деятельность, направленная на совершение погребения, является живой, а опредмеченная деятельность в наибольшей мере проявляется в погребальном памятнике.

Характер и результаты действий, совершаемых в погребальном процессе, используя классификацию видов искусства, могут быть разбиты на три группы: пространственно-временные (телодвижения, танцы, порядок шествия), временные (произнесение слов, исполнение музыки) и пространственные (предметы, сооружения и изображения). Первые две группы малозначимы для археологии, последняя же важна и в наибольшей мере проявляется в погребальном памятнике.



Структура погребального памятника как традиционно-бытового объекта. I—III — погребальный комплекс; I, II — погребение; I — комплекс погребального сооружения: *1* — помещение, *2* — интерьер, *3* — надмогильное сооружение, *4* — сопутствия; I—*4*, II—*2*—*4* — погребальный реквизит; II — комплекс погребенного: *1* — тело, *2*—*4* — погребальное имущество (*2*, *3* — обрамление, *2* — облачение, *3* — ложе, *4* — сопровождения); III — сателлиты (жертвенники и проч.)

Таким образом, погребальный памятник представляет собой некую совокупность сооружений, предметов, изображений. Тем не менее не все составляющие создаются непосредственно в погребальном процессе. В этом отношении могут различаться следующие элементы погребального памятника: 1) произведенные в процессе совершения погребения; 2) привнесенные из повседневной жизни; 3) привнесенные, но созданные специально для этого случая.

Кроме того, следует отметить организацию этой предметной совокупности, предстающей перед исследователем. Сочетание вещей, сооружений, самого погребенного, их размещение в погребальном памятнике представляют собой также результаты особой деятельности, направленной на решение композиционной задачи.

Наряду с этими сторонами погребального памятника здесь имеют место и следы различных действий, чаще всего они представлены рельефными и красящими отпечатками (охра, мел и пр.), а иногда и предметами. Их происхождение могло быть результатом следующих действий: 1) обычных; 2) обрядовых; 3) не регламентированных, произвольных, но сопряженных с погребальным процессом; 4) необходимых, повторяющихся в силу обстоятельств, но не регламентируемых обычаем; 5) случайных, не сопряженных с погребальным процессом; 6) повторяющихся, нормированных действий, распространенных в ограниченное время (года). Таким образом, погребальный памятник, выступающий в качестве завершающего звена в погребальном процессе, в опосредованной форме отражает обычаи, обряды и некоторые другие действия финального этапа этого процесса.

Интересно отметить и такую особенность погребального памятника: в некоторых случаях он несет информацию о погребальном обычае, имитирующем обычаи повседневной жизни.

Критерий группировки элементов погребального памятника при чисто археологическом (источниковедческом) подходе чаще всего сводится к форме воплощения погребального объекта (сооружение, инвентарь, погребенный) без учета функционального назначения тех или иных сторон самого погребального памятника. С точки зрения практической целесообразности и установок обычая объединение структурных элементов погребального памятника будет несколько отличаться от используемых в археологии. Акценты могут быть смещены и в наименовании структурных групп.

Если использовать подход к погребальному памятнику «от обычая», его структуру можно представить в виде, показанном на рисунке.

Основные структурные звенья: *погребенный — погребальное сооружение.* К погребенному относится *погребальное имущество*, которое разделяется на *обрамление* и *сопровождение.* Обрамление включает *облачение* и *ложе.*

В погребальном сооружении различаются: внутренняя сторона (интерьер) и внешняя сторона (надгробное сооружение). К погребальному сооружению примыкают *сопутствия* — предметы, находящиеся в погребальном сооружении, но не относящиеся к сопровождениям. Совокупность предметов, находящихся в погребении (имущество и сопутствия), составляют *погребальный реквизит.* И наконец, предметы и сооружения, относящиеся к погребальному памятнику в целом, но находящиеся за его пределами, представляют собой *сателлиты.*

Сооружение погребального памятника является конечной целью погребального обычая, его главным смыслом, и если погребальный процесс рассматривать как цепь последовательных обычаев, тот этот этап предстает не только как конечный, но и обособленный.

Обычай сооружения погребального памятника — наиболее опредмеченный в ряду обычаев погребального процесса, и, таким образом, созданная им предметная среда наиболее адекватно отражает обычай.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гофман А. Б.* Обычай//БСЭ. 1974. Т. 18.
2. *Чистов В. Я.* Обряд//БСЭ. 1974. Т. 18.
3. *Левкович В. П.* Обычай и ритуал как общественные явления: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. М.: Ин-т конкретных социальных исследований АН СССР, 1970.
4. *Токарев С. А.* Обычаи и обряды как объект этнографического исследования//СЭ. 1980. № 3.
5. *Суханов И. В.* Обычаи, традиции и преемственность поколений. М.: Политиздат, 1976.
6. *Пахомкина М. Ф.* Обычай как социальное явление: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. М., 1971.
7. *Угринович Д. М.* Обряды: За и против. М., 1975.
8. *Арутюнов С. А.* Обычай, ритуал, традиции//СЭ. 1981. № 2.
9. *Мельник В. И.* Погребальная практика и погребальный обряд// КСИА. 1990 Вып. 201.
10. *Ханова О. В.* Культура и деятельность. Саратов, 1978.
11. *Фофанов В. П.* Социальная деятельность как система. Новосибирск, 1981.

Институт археологии РАН,
Москва

MELNIK V. I.

FUNERAL CUSTOM AND FUNERAL MONUMENT

Summary

The article is devoted to the funeral custom and funeral monument structure. The funeral custom is realized by the author as the system of traditional practical actions and the funeral rite as the system of symbolical actions. On the crossing of funeral custom and funeral rite is picked out three kinds of ritual custom. The funeral custom is a process on which we can pick out the stages and also the various aspects of activities — aims, means and result. The funeral monument which is created as the final and isolated stage in the row of funeral customs, is constructed as though the position of custom. In the funeral monument we can pick out the funeral construction and the dead. The accompaniments join to the funeral construction, the funeral equipment, including setting of sacerdotal robes and bed joins to the dead. All articles with the dead make the funeral properties, the articles and constructions concerned the funeral monument form satellites.

И. Л. КЫЗЛАСОВ

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ ОСНОВА ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА

Попытки осмысления тех или иных явлений и начинаются, и завершаются систематизацией их особенностей. Понять общее и своеобразное удается при сравнении. Вполне понятно, что классификации одного и того же предмета исследования не только могут, но и будут различными, если направлены на постижение разных его черт. Поэтому несовпадающие типологические схемы не всегда исключают друг друга.

В последние годы в различных отечественных обществоведческих изданиях (археологических, этнографических, лингвистических, фольклороведческих и т. п.) заметно оживилось обсуждение формы и сути погребального обряда. С середины 60-х годов мы в сущности располагали единственной цельной схемой, представляющей многообразие форм погребений. Вслед за Ж. Монтандоном, в книге С. А. Токарева была указана первичная основа погребальных обычаев, выявляемая в общественной природе человека. Любой формой действий людей с телами умерших в конечном итоге руководят два мотива — «стремление удалить их из круга живых, но в то же время и привязанность, уважение к их памяти». «Происхождение этих мотивов относится к эпохе, неизмеримо более древней, чем появление религии: точнее говоря, мы унаследовали их от наших животных предков» [1, с. 212]. Речь шла о двух противоположных инстинктах, присущих стадным животным и выражающихся в стремлении или избавиться, или сохранить близ себя павшую особь. Согласно этим первичным мотивам, наиболее распространенные способы погребения выстраивались С. А. Токаревым в две условные колонки (стремление избавиться: оставление и выбрасывание трупа, кремация и др.; стремление сохранить: эндоканнибализм, мумификация и т. д.), которые соединены не только общим основанием, но и некоторыми ветвями вершины. «При всем многообразии этих обычаев в основе их лежат, в более или менее видоизмененной форме, либо тот, либо другой из этих противоположных мотивов, либо, еще чаще, комбинация их обоих» [1, с. 166, 170, 171].

Ныне сформировались иные взгляды на возможности и принципы систематизации форм обращения с мертвыми. Наиболее цельно и аргументированно они, пожалуй, представлены в серии работ Ю. А. Смирнова и некоторых его коллег [2—6], закладывающей основы особой исследовательской области — тафологии. Сопоставляя археологические данные всего периода бытования захоронений, Ю. А. Смирнов оправданно заключает, что в этой специфической сфере деятельности «практически не наблюдается равномерного (линейного) развития от простых форм к сложным» [6, с. 18]. Отказ от классификации материалов по эволюционному принципу приводит исследователя не только к необходимой критике предшествующих построений, но и к созданию весьма строгой и логически завершенной описательной и графической схемы, учитывающей известные формы обращения с телом умершего [5; 6]. Сознательно направляя свой исследовательский интерес на осознание того, «*как*... человек хоронил умерших» [6. с. 223], Ю. А. Смирнов, несомненно, добился в этом серьезных успехов, имеющих весьма важное общенаучное значение. Однако следует заметить, что начало поисков Ю. А. Смирнова определялось стремлением разрешить вопрос о том, были ли

© И. Л. Кызласов, 1993 г.

в мустьерскую эпоху настоящие, намеренно устраиваемые погребения, поэтому основные его разработки и выводы касаются области устройства погребений и составляющих их частей. С. А. Токарев решал иную проблему. Создание же новой системы анализа способно заменить лишь те старые подходы, которые формировались в той же сфере исследования. Не нарушая объема понятия, следует сохранять и представление об объеме и многогранности анализируемого явления.

Современная культура, в том числе и наука, все больше уделяет внимание форме, а не сути явления. Между тем всю предшествующую историю общественные деяния человечества были подчинены смыслу жизни. Какова же суть погребений и погребальных обрядов, действительно составляющих особую сферу забот человека? Стоит поставить вопрос не «как?», а «почему?», и станет очевидно, что классификационные основы погребальных форм будут иными, чем те, что предложил Ю. А. Смирнов.

С этих, отличных от предложенных Ю. А. Смирновым позиций пропадут многие классификационные разграничения его схемы. Прежде всего — различие предваряющих и завершающих обрядов, ибо, как отмечено и самим исследователем, внешние проявления тех и других часто бывают тождественны. С иной точки зрения обе формы воздействия на тело могут оказаться конечными, ибо в результате само тело будет уничтожено и дальнейшие культовые действия окажутся направленными уже на останки умершего. Именно в этой конечности обряда по отношению к телу и заложена специально отмечаемая Ю. А. Смирновым возможность остановки процесса предваряющего или завершающего действия и замены его на противоположное [5, с. 217, 218; 6, с. 24].

С точки зрения самого общества, нет и, судя по всему, не было различия в сути того, что Ю. А. Смирнов именует погребением и выставлением. Чтобы понять это, достаточно почувствовать то сопротивление, которое оказывает исследователю русский язык (т. е. одна из наиболее цельных первосистематизаций, выражение народной классификации явлений). Нет в живой речи «выставления» умершего, есть «погребение», «захоронение». «Хоронить» или «с(по,за)хоронить» означает «спрятать, скрыть» (а первоначально — «сберечь» для возрождения) — будь то в земле, на помосте или дереве, в морской пучине и где-либо еще — равнозначно! Таким образом, живая речь указывает на необходимость убрать умершего из сферы прямой бытовой досягаемости в область *культовой* недосягаемости (но не физической недосягаемости, ибо чем физическая изоляция достигается, тем она и преодолевается — на этом основаны археологические раскопки погребений). Именно поэтому и в обыденности, и в науке «случаи „выставления“... часто... принимаются за „погребения“» [6, с. 28]. И только с формальных позиций Ю. А. Смирнова правомерно упрекнуть исследователей [4], что, описывая помещение трупа на деревьях, помостах или столбах, они пишут по-русски «воздушное погребение». По сути они точны, ибо перед нами все равно упрятывание (сокрытие) тела — контакта с ним у живых уже не будет (ср.: «именно акт искусственного „запирания“ покойника и свидетельствует в конечном итоге о преднамеренном характере процесса погребения» [6, с. 28]). Поэтому, исходя из неформальных позиций, воспринимая явление по существу, неверно называть погребениями лишь одну их разновидность — захоронение в земле. Ради получения строгого понятия достаточно сопровождать слово «погребение» определением (воздушное, скальное, подземное и т. п.).

Ю. А. Смирнов справедливо указывает на сложность соотнесения материального и нематериального в погребальных обрядах и, следовательно, оправданно сомневается в целесообразности привлечения этнографических и письменных данных для осмысления древних захоронений. Этим также противопоставляются возможности понимания формы и сути явления. Понятно, что конкретные свидетельства определенной народной традиции не могут быть прямо перенесены в глубокую древность. Но из этого частного случая вовсе не следует делать вывод о неправомерности любых реконструкций. В науке, в том числе и гума-

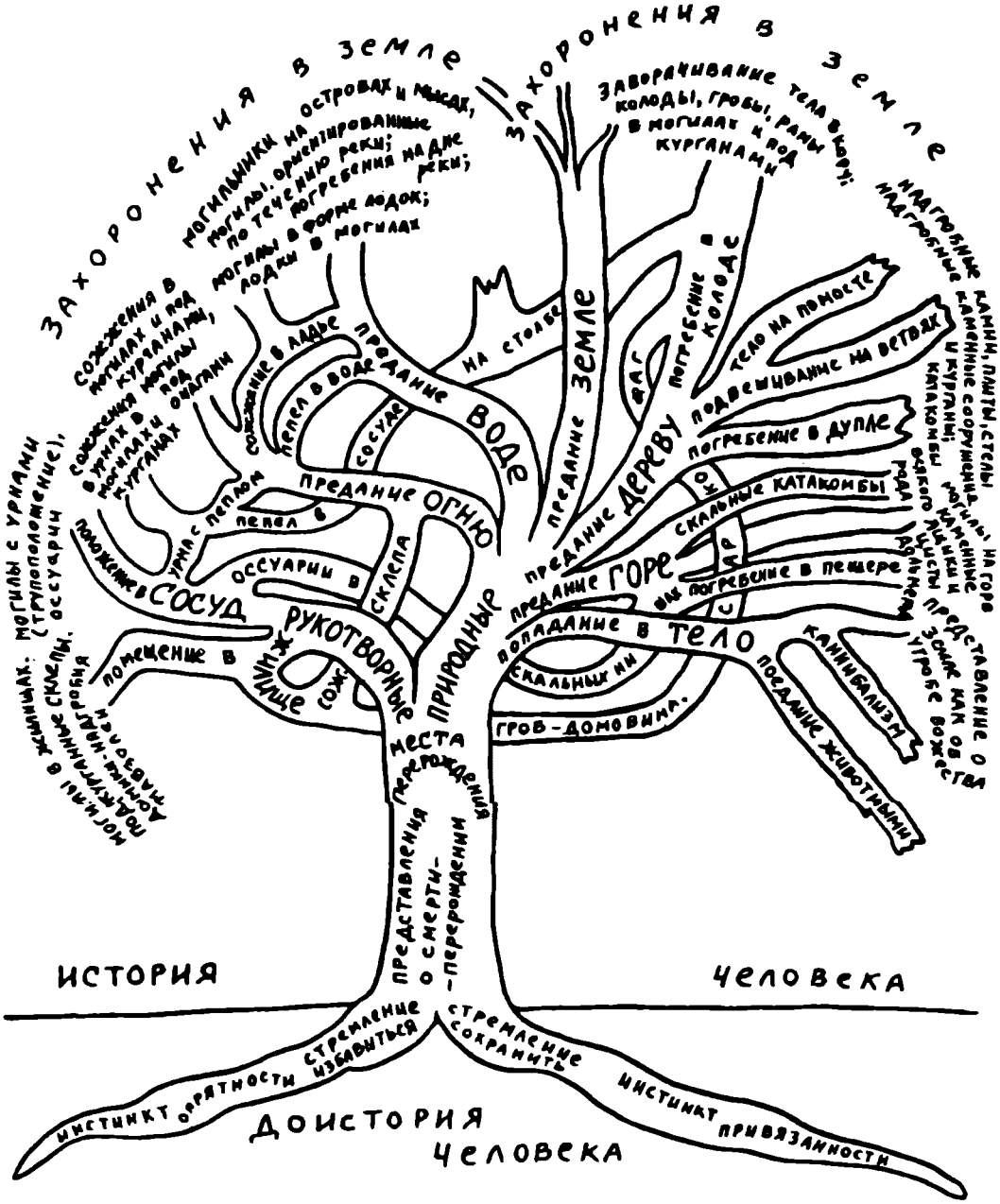


Рис. 1. Развитие форм погребальной обрядности (схема I)

нитарной, нельзя воспроизвести ход мыслей ученого (если он не записан), но можно независимо воссоздать результат размышлений — получаемые выводы. Археологические и этнографические факты — явления одной природы (как данные палеонтологии и биологии). После выявления в живых традициях неких *общих* закономерностей и линий их развития они, при опоре на исторические данные, могут быть ретроспективно реконструированы как стадия *общего* порядка для столь глубокой древности, сколь прослежены их материальные воплощения.

Отнюдь не случайно Ю. А. Смирнов при всей строгости подхода к систематике материальных признаков погребений (не позволяющем анализировать причины явления) помещает и схему членения мотивов отношения к умершему («позитивное» — «негативное»), т. е. проявления нематериальной сферы погребальной практики [5, рис. 10, с. 222].

Сказанное не означает, что автор этих строк не принимает результаты исследований Ю. А. Смирнова. Напротив, знакомство с трудами этого ученого

вызывает лишь глубокое уважение к нему и его аналитическим разысканиям. Другое дело, что, поставив на твердую научную почву систематику внешних проявлений обращения с умершим, Ю. А. Смирнов по сути оставил вне своих разработок «внутренние закономерности погребальной практики, определяющие пути и линии ее развития» [5, с. 216; 6, с. 8].

С. А. Токарев назвал изображение своего членения погребальной обрядности — «схема развития форм погребений» [1, с. 171]. И от попыток понимания этого явления во всем многообразии его проявлений и видоизменений, от поиска ответа на вопрос, откуда взялись погребения как таковые и почему они уже в самой ранней мустьерской своей форме предстают в полностью сложившемся, завершенном виде [6], невозможно уйти. Но для постижения этого следует разработать иную схему систематизации материала. И поскольку она должна отразить развитие и видоизменение погребальной обрядности, то вполне естественно придать ей вид буйно ветвящегося «генеалогического» древа (рис. 1), которое, однако, не может и не должно заменить собой вполне рациональную, «инженерную» конструкцию Ю. А. Смирнова [5, рис. 10].

Как только действия с телами умерших выходят из области животного инстинктивного поведения, они становятся сферой человеческой деятельности и, следовательно, неизбежно возникают определенные формы их осознания, поступки из подсознательных превращаются в осознанные. Каково же содержание наиболее ранних форм осознания указанных естественных мотивов, порождавших погребальные обычаи? Для того чтобы выявить то, что объединяет наиболее распространенные формы погребений с избранной точки зрения, следует прежде всего уяснить, *чему* предают (передают) сородичи *тело* умершего. Отыскивая первородное, уместно двигаться от культурно развитых форм к безыскусным и естественным. Понятно, что возникающее построение покажет не хронологические, а типологические стадии развития, для которых возникновение одного вида не означает вытеснение другого.

При подобном подходе архитектурно оформленный саркофаг или правильный по очертаниям гроб будут низведены до неошкуренной колоды, т. е. до выдолбленной части древесного ствола (раскалываемого так, чтобы при соединении дна и крышки шов оставался незаметным — ствол как бы срастался вновь). Подобные черты подземных захоронений позволяют полагать, что на колоду были перенесены представления, заставлявшие помещать умершего внутрь живого древесного ствола, в естественное или выдолбленное дупло. Кроме этнографических фактов (см., например, обычаи кетов) эти воззрения сохранились в широко известных в мировом фольклоре мотивах превращения персонажа в дерево, о деревьях, говорящих голосом невинной жертвы, о вырастании дерева на могиле и т. п. Избранная логика заставляет признать в могильной колоде помещенное под землю воздушное погребение. Известна и другая разновидность древесных погребений. Ее стадиально более поздними формами являются захоронения на помостах, сооружаемых на ветвях или столбах (отсюда и домики на столбах, типа арангаса). Типологически им предшествует хорошо знакомый обычай оставления умершего на ветвях дерева.

Предание трупа огню не всегда осуществлялось в могиле или в подземном склепе. Чаще трупосожжение происходило на стороне, что также указывает на исходную естественную форму наземной погребальной практики. Самоценность сожжения вытекает из фактов, не связывающих его с последующим погребением, что иной раз проявляется даже для культур, практикующих подкурганные захоронения (например, [7, с. 206]). Закапывание тела в лодке или в ее воспроизведении выглядит производным от наземных водных захоронений. К ним же можно возвести и ямы с умершими, ориентированными по течению рек.

Погребения, устроенные в могилах с каменными ящиками или цистами, вероятно, являются видоизмененной формой захоронений в естественном каменном окружении — в расщелинах скал, пещерах и горных нишах. Очевидно, гору, вобравшую умершего в свое нутро, первоначально символизировал и каменный

курган, и другие погребальные сооружения из камня (например, дольмены, египетские мастаба и пирамиды), гробницы, высеченные в скалах. Полагаем, что к этим воззрениям восходит и обычай каменных надгробий и стел, поминальных монументов (ср. замещение образа горы отдельным камнем в фольклоре: например, [8, группы I, III, VIII, IX]). Как бы в нутро горы проникают вплотную пристроенные к скалам полукруглые курганы и могилы, сооруженные под скальными навесами [9; 10, с. 34; 11, с. 129, 130]. И вновь погребениям в горном нутре соответствуют формы нагорных захоронений.

Все сказанное позволяет предположить, что закапывание умершего в землю является одной из типологически поздних форм погребений, вобравших в себя все основные разновидности наземной похоронной практики. Такой вывод не означает, конечно, что предание земле само не стояло некогда в одном ряду с традициями помещения покойника в уже названные иные природные объекты или стихии. Просто на одном из этапов развития общества эта разновидность погребений могла получить дополнительные существенные причины для широкого распространения (которые будут показаны далее).

Намеченную обрядовую параллельность развития подземных и наземных погребений можно проследить и для рукотворных форм вместилищ умерших. Оставлению трупа в забрасываемом жилище противостоит, например, закапывание тела вместе с ним, создавшее многие разновидности могил и склепов — подземных моделей реальных домов, воспроизводивших не только их конструкцию, но часто и интерьер.

Вполне понятно, что соединение в известных случаях зарывания умерших типологически самостоятельных форм захоронений — подземных и наземных — не является единственным видом совмещения разнородных черт погребальной практики. Своеобразной комбинацией первичных форм погребений (водного и огненного) служит пускание в воду пепла. Подкурганные захоронения кремированных останков в ладьях соединили три самостоятельные обрядовые черты, присущие водному, огненному и подземному погребениям, и т. д., и т. п.

Предложенный здесь способ членения материалов по «естественно-упрощающему» принципу является умозрительным. В повседневной научной работе археолог и этнограф встречают погребения (как результат или процесс), представляющие собою сложнейшие соединения самых разнообразных и видоизмененных, древних и поздних обрядовых черт. Следовательно, предстоит обосновать правомерность предлагаемого типологического подхода. Сделать это удастся, если мы сможем понять причины наблюдаемого деления погребений, объясним черты обрядовых действий, которые иначе не понять, и обозначим закономерности развития погребальных форм.

Итак, построенная схема позволяет заключить, что люди наиболее часто предавали и предают умерших земле, воде, дереву, горе (скальным пустотам), огню и воздействию открытого воздуха (солнца, дождя). Наконец, оставляют тело на съедение животным или сами поедают его. Почему для свершения погребальных обычаев избраны именно эти природные стихии и объекты, какую цель стремились достичь люди такими действиями?

Согласно традиционным воззрениям, с каждым из указанных природных объектов и стихий связаны представления о смерти. В фольклоре они либо предстают в виде центров потустороннего мира, либо воспринимаются как начало пути в загробное царство. Проиллюстрируем сказанное общеизвестными примерами повествований о пещере — входе в преисподнюю, об обитании душ погибших внутри деревьев, о воспарении душ на небо вместе с дымом костра, о реках, струящихся в потусторонний мир, и т. д. Менее известны древние представления об обиталище мертвых в чреве божества, куда души попадают через пасть или (на это важно обратить внимание ради дальнейшего изложения) через детородный орган [12, с. 330]. Однако не эту особенность народных воззрений на названные места и стихии, на первый взгляд кажущуюся производной от погребальной практики и потому, якобы, вполне понятной, следует здесь осмыслить. Обратим

внимание на другое — именно эти объекты и стихии люди первоначально расценивали и как производящие центры своих общин.

О горе, исконно воспринимаемой как плодоносящая утроба с детородным органом — пещерой, нам уже приходилось писать, анализируя материалы хакасского фольклора [8] (см. также [13, с. 311]). Вера в происхождение от гор и скал сохранилась у многих современных народов. Так, «почитаемые родовые горы обозначаются у алтайцев характерным словом «тӧс-тау» (тӧс-таг, тӧс-тайга). Слово «тӧс» означает по-алтайски основу, корень, происхождение» [14, с. 153]. «По словам дюрбютов, тангну-урянхайцы (тувинцы.— *И. К.*) происходят от камня» [15, с. 150]. Священные скалы (багуда) — места происхождения эвенкийских родов [16, с. 314—316]. Нанайский «род Мулинка предполагает, что когда-то, в незапамятные времена, он произошел от скалы на речке Мулин... Род Тыктемка, по убеждению сородичей, произошел также из скалы. Это было на реке Тыктемка. Там сейчас еще видны в скалах углубления в виде дыры. Из этих дыр вышли первые люди Тыктемки» [17, с. 21]. Эти сибирские и дальневосточные примеры можно легко умножить за счет подобных представлений народов Африки, Америки, Азии, Европы [18, с. 314; 19, с. 88; 20, с. 174; 21, с. 60, примеч. 2]. Сходные воззрения отмечают древнейшие письменные памятники. Так, анализ иероглифических надписей на гадательных костях выявил сочетание графемы «гора» с символами женского плодородия, родства, знаком «ребенок» [22, с. 35, 47, 49, 53, 54, 60, 61]. По древнегреческой мифологии, после потопа новые люди произошли из камней, бросаемых прародителями Девкалионом и Пиррой [23, с. 361], и т. п.

В условиях дальнейшего социального развития на базе подобных воззрений возникли мифы о зарождении в горном нутре прародителя народа, основателя государства (известные, например, в Бурятии и в Корее [24, с. 109, 110; 25, с. 668]), наречении героя по имени горы и т. п. Согласно преданию, записанному ал-Бируни, в горной пещере «как бы рождается из чрева матери» основатель тюркской династии Кабулистана [26, с. 158, 160]. Вспомним сообщения восточных хроник о том, что от названий гор получили свои имена ухуани и сяньбийцы [27, с. 56—60, 73, 80]. Очень показательны обычаи обращения с мольбою о детях к горе, совершение обряда избавления от бесплодия в пещере, пролезание ради этого в отверстие в камне и т. п. (корейцы, киргизы, армяне [18, с. 314; 28, с. 91; 29, с. 725]). Согласно мифам, родоначальник может родиться от соединения женщины с горным духом (айны, тибетцы [30, с. 53; 31, с. 298]). Горные божества часто бывают чадоподателями (китайцы [32, с. 172; 33, с. 658—660]).

Первобытные представления об огне как порождающей, плодоносной стихии (равно как и всю сложность связанных с этим и производных воззрений) блестяще выявил Т. А. Бертагаев на основании анализа семантического поля ut//od; ot/öt (огонь) монголоязычной лексики [34] (см. также [35, с. 95 и сл.]). Приведенные ученым материалы позволяют выделить не менее восьми понятийных групп, связанных с единой основой «огонь». Здесь важно указать следующий комплекс значений: «женский детородный орган, орган плодородия», «размножаться, плодиться», «происхождение, начало, наследственность», «старость, стариться», «бабушка, дедушка; старшинство». Огонь являлся жизненной силой всего живущего и по представлениям древних иранцев. По зороастрийским мифам, семя животных и людей происходит от огня [36, с. 41, 42]. Согласно древнегреческой мифологии, люди происходят от золы испепеленных Зевсом титанов [37, с. 326]. Огонь как плодоносящая и возрождающая сила известен восточнославянскому фольклору [38, с. 190, 191; № — 756C**,— 756F**]. У многих народов бытовали обычаи поклонения огню при создании семьи, ради плодородия молодой (например, у хакасов «считалось, что дух огня может предотвращать болезни груди, содействовать достаточному накоплению молока в груди для кормления ребенка» [39, с. 81, 95]).

Древние представления, связывающие идею плодородия и происхождения людей с деревом, пожалуй, подверглись изучению и описанию более, чем подобные воззрения о горе или огне. Ограничимся примерами из собранных Д. К. Зелениным

западноевропейских материалов [40, разделы 7, 8] (см. также [19, с. 88; 41, с. 396, 397]). Так, древние греки называли дубы «первыми матерями». По одному из мифов, Зевс создал третье поколение людей из дерева. С ясенем и вязом связывали появление людей древние германцы, некоторые выводили свой род из определенных священных рощ. Родственные шведские фамилии Линнеев, Линдемусов и Гилиандеров вели происхождение от одной и той же липы с разделившимся на три отростка стволом, Альмены — от ольхи и т. д. К подобным воззрениям, несомненно, восходит известная традиция представлять фамильную генеалогию в виде родового древа.

Связанные с рекой воззрения о плодоносящем, порождающем начале также прослеживаются у разных народов мира (см., например, название духа, обозначавшееся в древнекитайских надписях соединением пиктограмм «река» и «женщина-мать», а также этимологию названия Днепра, возводимую к иранским и индоевропейским основам «вода, река» и «соитие, происхождение» [22, с. 56, 60, сл.; 42]). Эти представления, вероятно, являются частным случаем восприятия воды в качестве всеобщего первоначала. В самых различных мифологических традициях вода выступает не только в роли женского, но и оплодотворяющего мужского естества. Именно с водой связаны божества плодородия, богини любви. Столь распространенное в мировой ритуальной практике омовение исконно символизирует очищение в смысле нового (повторного) рождения [43, с. 240].

Общеизвестны характерные для всего человечества представления о плодородии земли, мифы о создании людей из глины или праха, о рождении из земли богов, героев, первопредков и т. п. Нет нужды обосновывать также древнейшие воззрения на женщину (а шире — человека и животное) как на олицетворение производящей силы.

Поставленные в единый ряд факты, известные этнографии, фольклористике, языкознанию и истории (число которых легко увеличить), свидетельствуют: общечеловеческой особенностью были представления о существовании своеобразных жизненных центров и плодородных сил, обеспечивающих существование первобытного коллектива. Наиболее древние представления связывают места нахождения такой производящей силы (ср. значение древнеиранского «фарн» и древнетюркского «кут») как раз с теми природными объектами и стихиями, которым предавались тела умерших. Горы и деревья, земля, огонь и вода потому первоначально и являлись «могилами» членов первобытных групп, что воспринимались как производящие и воспроизводящие центры древних коллективов. Совершенные в них погребения можно расценивать как ритуальное и материализованное проявление существовавших представлений о смерти-перерождении. Умерших сородичей захоранивали внутри таких центров или отдавали во власть стихий, так как стремились этим обеспечить воспроизводство общины. Следовательно, эти различные по форме погребения есть выражения единого по сути комплекса древних представлений. Такие погребения есть намеренное и обрядово осознанное удаление умершего ради его сохранения в общинном коллективе, выражение заботы о том, чтобы его самого или заключенную в нем часть общей жизненной силы коллектива, постоянно пребывающей в священном родовом центре и выходящей в мир в облике новорожденных, не потерять, сохранить внутри конкретной общины.

В этих представлениях и состоит, по нашему мнению, идеологическая первооснова всех погребальных обычаев далекого прошлого. Вполне естественно, она явилась формой осознания людьми тех противоречивых мотивов обращения с умершим, биологические корни которых показаны С. А. Токаревым. Нельзя не заметить, что в описанных представлениях отразилась не только животная, но и социальная природа человека. Погребения умерших возникают и существуют всю дальнейшую историю людей прежде всего в качестве своеобразной формы осознания и выражения кровного и производственного единства человеческих коллективов.

Таким образом, уже древнейшие погребения, совершенные по определенному обряду, отражают не какой-либо отдельно взятый мотив из указанных С. А. Токаревым, а являются формой осознания и выражения заключенного в них

единства противоположностей. Следовательно, предложенную С. А. Токаревым схему развития форм погребений можно заменить иной, естественно, тоже весьма приблизительной и условной, но все же, вероятно, более приближенной к действительности.

В ней уже не будет двух колонок. Полагаем, что наука еще не располагает фактическими материалами «погребений», совершенных на дорелигиозной стадии истории. Следы подобных инстинктивных или полуинстинктивных действий определенно [6] следует искать в материалах никак не моложе нижнепалеолитического возраста, скорее среди представляющих донеандертальские ступени антропогенеза. Однако подобные останки не следует называть погребениями. Хотя результат неосознанных действий и будет иметь черты известной упорядоченности (скорее наследственно заданной, но, возможно, и благоприобретенной, как это бывает, например, при забрасывании умершей особи листьями и ветками у некоторых видов обезьян), все же он по природе своей не может иметь вид биологически неоправданного, привнесенного культурой канона в таких проявлениях, как выбор специального места захоронения, особая его подготовка до и оформление после помещения трупа, определенные воздействия на тело до погребения. Настоящие погребения, свидетельствующие об осознанных действиях с покойником, закрепленных в обычаях и обрядах, присущи уже мустьерской эпохе [6] и вполне соответствуют тому уровню производственного и духовного развития, который отмечается для неандертальцев [44, с. 141—148; 45]).

«Древо» развития погребальной обрядности (рис. 1) действительно начинается от двух корней-основ: инстинктивных и неосознанных действий с покойником. Но оно скрывает свои корни в недоступных глазу археолога глубинных пластах доистории людей. На видимую поверхность человеческой истории выходит уже единый ствол. Под его корой можно различить два главных перевившихся между собой канала, каждый из которых питается от своего корня. Сок одного рождает стремление избавиться от мертвого тела, сок второго — противоположное побуждение. Но кора, скрывающая эту двуединость древесной ткани, образована волокнами, питаемыми осознанием природных стремлений в единой форме общественных представлений о смерти-перерождении. Возникающие на этом едином и мощном стволе основные ветви различаются теми объектами или стихиями, которые мыслились священными центрами, порождающими и воспроизводящими общину, содержащими всю ее жизненную силу, олицетворяющуюся в новорожденных и вбирающуюся обратно после смерти сородича ради восполнения производящей потенции и переработки ее для последующих рождений. Такими центрами первоначально являлись природные элементы: земля, гора, вода, огонь, дерево, человек (зверь). И уже от этих ветвей «древа» отходят многочисленные, причудливо срастающиеся побеги конкретных форм захоронений и особенностей погребальных сооружений, возникающих как воплощения и видоизменения первоначальных воззрений в определенных исторических условиях. Почти все это покрывает густая листва погребений в земле (под землей), вобравших в себя многие наземные формы, восходящие к первоэлементам.

Созданная схема, которая графически может быть представлена различно (например, в виде табл.), отражает не хронологические этапы, а преемственные связи конкретных разновидностей с более общими явлениями погребального обряда, с теми общими представлениями, частными, видоизмененными и опосредованными воплощениями которых они являются. Именно длительное, вплоть до современности, сосуществование древнейших, ранних и более поздних производных от мировоззренческих первооснов погребального обряда позволяет отыскивать сами первоначала и следить за развитием их порождений. Причины возникновения определенных погребальных форм, их соответствия тем или иным временным пределам, условий сосуществования с иными обрядовыми действиями — все это предмет исследования, проводимого в рамках конкретных археологических или этнографических культур, традиций и районов.

Таблица

Развитие форм погребальной обрядности (схема II)

8	Их надробные символы		Огонь (свеча) над могилой	Ладьевидная выкладка над могилой	Дерево (столб, крест над могилой)	Камень, плита, стела			Домики (оградки) над могилой
7	Производные формы	Курганы (захоронения) с надмогильными сооружениями	Погребения под очагами, угли в погребениях	Ладьевидные обкладки в могилах	Колоды, гробы, рамы, заворачивание в кору	Могилы на вершинах, под навесами скал, примыкающие к скалам		Урновые захоронения	Гробы-домовины, саркофаги архитектурной формы
6	Их воспроизведения	Грунтовые захоронения	Сожжения на стороне или на месте (оставление под лучами солнца?)	Лодки и корабли в могилах, могилы на берегу, мысу, острове, на дне реки	Неошкуренные колоды, помосты на столбах, столбы	Каменные курганы и другие изображения гор	Восприятие земли как утробы божества		Камеры и склепы в могилах и курганах
5	Их прямое использование	Закапывание в землю	Предание огню на поверхности	Бросание в воду, утопление, пускание в лодке, на плоту	Помещение в дупло, выдолбленный ствол, на ветви, на помост на дереве	Погребение в скальных гробницах и катакомбах, пещерах, нишах, гротах, расщелинах	Поедание людьми и животными		Погребения в жилищах и их моделях (на поверхности)
4	Места перерождения	Земля	Огонь	Вода	Дерево	Гора	Тело	Сосуд	Жилище
		(естественные)						(рукотворные)	
3	Форма осознания	Представления о смерти-перерождении							
2	Мотив	Стремление избавиться — стремление сохранить							
1	Инстинкт	Опрятности — привязанности							

Часть явлений, указанных С. А. Токаревым в качестве самостоятельных форм погребений, здесь не рассматривается. Одни из них не существуют обособленно, служа этапом подготовки тела к погребению. Так, мумии проходят тот же путь, что и необработанное тело: их предают огню и воде, скальным пустотам, закапывают и т. п.; то же самое происходит и с отдельными костями, расчлененными трупами и т. д. (ср. мнение Ю. А. Смирнова [5, с. 219, 220]). Представления (и стадия их формирования), стоящие за другими формами обращения с трупом, остаются не вполне ясными (например, оставление тела на воздухе).

Особое место занимает традиция помещать тело (кости, прах) в сосуды (оссуарии, урны). Такие сосуды бывают зарыты под землю или курган, установлены на деревья или столбы, поставлены в скальные пустоты или рукотворные ниши. Ясно, что эта форма захоронения вторична (учтем историю появления керамики) по отношению к природным объектам и стихиям. Однако и здесь мы встречаем реализацию все той же мировоззренческой первоосновы погребального обряда. Различие в том, что объектом приложения здесь служит не природный, а искусственный, целиком порожденный человеческим трудом объект.

Воззрения на сосуд как на воплощение вместилища жизненных сил коллектива или отдельного человека, центр их возрождения содержатся, например, в письменных памятниках древних иранцев. В «Атхарваведе» описан ритуал культового возрождения царя, при котором он садился в золотой сосуд и выходил из него. Другой обряд требовал от долго отсутствовавшего в общине человека, считавшегося умершим, совершить ритуал возрождения в золотом или глиняном сосуде, наполненном жидким маслом и водой. С этими воззрениями связан и атрибут поминовения зороастрийцев — бронзовая чаша с нанесенным внутри именем покойного [36, с. 42]. Память о сходных представлениях сохранена восточнославянским фольклором. Благодаря П. П. Ершову общеизвестен сюжет «Конька-Горбунка» об омолаживающем и преображающем (т. е. перерождающем) купании в трех кипящих котлах [38, с. 152, № 531]. Близкие воззрения формируют сюжет о происхождении Бабы-яги, вываривaемой чертом из 12 злых женщин в котле [38, № — 1169*]. Видоизмененный мотив встречаем в повествованиях о лечении сажанием в котел [38, № 332]. Благая жизненная сила, воплощенная в сосуде, обрела в народных глазах антропоморфный облик духа-благодетеля (позднее ставшего злой стихией), закупоренного в кувшине или бутылке [38, № 331, — 735 А*, 862], и т. д. Широкое распространение указанных представлений проиллюстрируем китайской легендой о рождении бога богатства и войны Гуань-ди из крови дракона, набранной в чашу [46, с. 337]. В мифологии кельтов Ирландии встречаем иное проявление выявляемых взглядов — образ котла изобилия владыки загробного царства, «Отца всех», бога Дагде [47, с. 346; 48, с. 635, 636] (ср. русское определение: «жизнь — полная чаша»). Напомним здесь о небесной чаше — чудесном талисмане переданного Геродотом скифского предания. С приобщением к общему сосуду связан известный обряд побратимства. Кровное родство участников (а не антисанитарные нормы или бедность) демонстрирует русский обычай есть из одного сосуда. Символикой приобщения и духовного перерождения наполнен христианский обряд крещения в купели и т. п.

Сказанное убеждает в необходимости разделения «ствола» предлагаемой схемы развития мировоззренческих основ и форм погребальной обрядности на два крупных ответвления. Представления о смерти-перерождении и о проистекающей из этого необходимости помещать умерших в производящие центры и стихии на определенной стадии развития общества относились уже не только к естественным воплощениям таких вместилищ и сред, но и были перенесены на некоторые рукотворные объекты. Помимо сосуда подобной символикой, вероятно, обладало и жилище (исторически известное много раньше керамики). И хотя данный аспект его семантики изучен пока недостаточно, укажем, во-первых, на обычаи оставлять труп в жилище умершего и сооружение домов мертвых (наземных и подземных), а во-вторых, на обозначение словом «дом» рода и семьи

(например, у индоевропейцев [49, с. 741, 742]). Перенос мировоззренческих основ с природных объектов и стихий на рукотворные (а к ним в известной степени можно отнести и разжигаемый огонь) ознаменовал объективное отличие человека от окружающей среды: присущую ему производственную деятельность, создающую культуру.

Итак, правомерность избранной системы членения многообразных форм обращения с умершим в соответствии с теми объектами и стихиями, которым предается людьми его тело, видится в том, что получаемые ретроспективно-умозрительно основные классификационные единицы в равной мере находят объяснение в единых и общих древнейших представлениях человечества. Такая систематика по сути типологизирует различные средства достижения одной и той же цели (обеспечения возрождения, первоначально — перерождения). Избранный подход предоставляет не только возможность анализа причин появления основных черт погребального обряда, но и их развития и видоизменения. Для получения вполне определенных результатов следить за этой эволюцией необходимо в рамках каждого класса погребального обряда, определяемого указанными стихиями или объектами, соотнося с подобными наблюдениями над иными ветвями «древа». Предлагаемый систематизационный принцип позволяет сопоставлять конкретные проявления погребальной практики с определенными этапами видоизменения духовной сферы, отмечаемыми благодаря фольклорным и письменным источникам. С общих позиций находят объяснения и главные формы исторически поздних обрядовых действий, имеющих всеобщее распространение (помещение умерших и их останков в сосуды и воспроизведения жилищ). Однако следует привести и другие подтверждения продуктивности нашего подхода, состоящие в уяснении основных стадий развития погребальной практики.

Находя в воззрениях о смерти-перерождении мировоззренческую первооснову всех разновидностей погребальных обрядов, следует сказать, что, согласно древним представлениям, восстанавливаемым по фольклорным и этнографическим данным, это перерождение осуществлялось внутри священного производящего центра первобытной общины. В нем пребывала, из него выходила и в него возвращалась вся жизненная сила коллектива, величина которой, по-видимому, считалась заданной (у якутов «все мертвые снова рождаются» [16, с. 339—341]) или по крайней мере конечной. Поэтому основная цель погребального обряда состояла в возврате такому центру самого тела умершего как воплощенной части единой жизненной силы коллектива (именно к этим воззрениям восходит мнение о возможности умершего влиять на благосостояние сородичей). Дальнейшее видоизменение таких представлений создает идею совместных кладбищ, обычай доставки на родину умершего на чужбине, установление хоронить родственника на фамильном кладбище или участке и т. п., формирует такой тип памятников, как кенотафы. Подобные воззрения о возврате умершего (его жизненной силы — души) к породившей его основе в поздних конкретных условиях вылились в известную русскую скорбную формулу: «Бог дал — Бог и взял».

Формирование и осуществление представлений о необходимости возврата умершего в священный производящий центр или стихию видится нам первой стадией в развитии погребальных обрядов. Реализация реконструируемых воззрений не требовала создания погребальных сооружений, снаряжения умершего сопутствующим инвентарем и пищей. Вещественный мир не имел ценности и значимости для свершения таких обрядов. На этой стадии попросту не существовало еще представлений о загробном мире, подобном белому свету, о пути на тот свет и т. п. Выходит, погребения той эпохи должны быть археологически неуловимы.

Однако это не означает, что сказанное недоказуемо. Если традиция безынвентарных погребений, совершаемых целыми обществами уже на этапе создания погребальных сооружений, не может безусловно считаться пережитком выделяемой I стадии погребальных обычаев, то другая широко известная группа фактов находит объяснение именно в былом существовании указанного этапа развития

общества. Речь идет о ритуалах так называемой добровольной смерти. Старики, живыми уходящие или уносимые детьми на священную вершину, в заповедную рощу, сталкиваемые в овраг или пропасть, топимые в водах или оставляемые в жилищах без средств к существованию и еды, считающие недостойной кончину в других условиях,— ярчайший и наиболее стойкий пережиток описанных воззрений и обычаев глубочайшей древности. Сюда относится и эндоканнибализм, и ныне явления совершенно иной сферы жизни, некогда полностью принадлежавшей к области погребальной практики,— соответствующие способы смертной казни. У всех этих чрезвычайно архаичных, но вполне явных и цельных погребальных обрядов отсутствуют черты, уловимые археологически. В них нет даже действий с покойником, ритуал вершится над живыми. Остается отметить, что мустьерские погребения, фиксирующие уже полный набор признаков подземных захоронений, позволяют относить эпоху господства погребальных обрядов I стадии ко времени нижнего палеолита. Однако ряд серьезных особенностей захоронений среднего палеолита (относительно одновременное появление у антропологически различных групп, незначительное число местонахождений, узкие районы их концентрации, весьма удаленные друг от друга, специфически половозрастной состав погребенных для отдельных территорий) свидетельствует не об обыденности, а о явной избирательности применения такого погребального обряда в ту эпоху [6, с. 190—195, 216, 217]. Можно полагать, что основным в мустьерское время был именно обряд добровольной смерти, а также различные способы наземных погребений, сложившихся уже на II стадии существования погребальной обрядности. Думается, что к обычаям добровольной смерти восходят в конце концов формы воздушных погребений.

Сказанное позволяет полагать, что представления о существовании особого потустороннего мира мертвых, внешне сходного (или противоположного) с миром живых, не были изначальными. Их сложение знаменует II стадию в развитии форм погребений. На ней стало необходимым обеспечение умершего сопроводительным инвентарем и пищей для существования в загробном мире и преодоления пути туда. Все это уже соответствует анимистическим формам религиозных воззрений. Размещение погребений этой стадии, по-видимому, первоначально тяготело к природным объектам. Именно к таким формам восходят погребальные сооружения, в той или иной степени воспроизводящие облик природных прототипов (гору [50, с. 201—207], дерево, водную стихию и т. п.) или традиции связи погребения с такими объектами и стихиями (размещение в пещерах и на горах, дне реки, древесных ветвях, предание сооружения огню и т. д.). Думается, что именно к этой стадии восходят все разновидности наземных погребений, а также ранние грунтовые захоронения, первоначально порожденные представлением о земле как о производящем чреве. Выделяемая мировоззренческая стадия находит соответствия в известных воззрениях «некоторых наиболее отсталых племен (австралийцы, бушмены, папуасы)», у которых «не сложилось дифференцированных мифологических представлений о загробном мире: умершие могли населять пустынные местности, лес или кустарники, оказывались в море или на небе; иногда известно было лишь направление, в котором уходили умершие» [51, с. 452]. В фольклоре выделяемая нами стадия ярко проявляется в группе сюжетов о потустороннем мире, также размещенном не под землей, а внутри былых производящих центров (например, в горе [8]). В археологических памятниках к подобным представлениям восходит традиция росписей стен египетских гробниц изображением полей и лугов, зарослей и рек, на которых идет работа, охота или отдых, т. е. росписей, помещающих весь мир внутри погребального объекта. Ради прояснения эпохи появления II мировоззренческой стадии следует сказать, что, по-видимому, именно к ней могут быть отнесены известные мустьерские погребения, хотя для них и отмечаются черты, свойственные следующей, III стадии (прежде всего ямы и насыпи). Появление неандертальских могил уже в полностью сформировавшемся виде говорит о том, что они

сложились вне пещерных комплексов, т. е. в форме наземных (воздушных) погребений.

III стадия воззрений, фиксируемая на материалах погребальных памятников, связана со сложением вертикальной трехчленной модели мироздания. Восприятие ряда природных объектов в качестве вместилищ жизненных и производящих сил человеческих коллективов влечет за собой представления о размещении их в центре обитаемого мира. Формирование же взглядов о трехчленности Вселенной (вероятно, ранее она казалась двухъярусной: земля и небо) привело к появлению хорошо известных сложных образов типа мирового древа (древа жизни), мировой горы, реки, текущей через все три яруса мира, и, возможно, тех зооморфных или человекоподобных гигантов, из частей тела которых возникают небо, земля и подземный мир. На этой, III стадии и попадает потусторонний мир на нижний ярус, превращается в мир подземный. Такие воззрения становятся основой распространения всех многообразных форм подземных погребений, закапывания покойника в яму и возведения над ним насыпи, иных надмогильных сооружений и надгробий. Опускаются под землю, заключаются в могилу и те виды погребений, которые ранее создавались на поверхности. Наступление III стадии может быть уверенно отнесено к верхнему палеолиту.

Хотя три выделяемых стадии в развитии мировоззренческих основ погребальных обычаев и форм захоронений представляются последовательными этапами, они не могут быть расценены в качестве хронологических показателей. Как и в иных областях духовной сферы, появление новых воззрений, связанных с погребальными обычаями, не полностью вытесняло из жизни старые, а срасталось с ними, переплеталось в сложнейших соединениях, производило многозначные проявления и смешанные формы (скажем, лодки с мертвыми не спускаются больше на воду, а закапываются; пещера — вход внутрь горы, вбиравшей покойника,— становится дверями в подземелье и т. п.). Рассматривая совокупность определенных погребальных обычаев, приходится зачастую наблюдать обрядовые проявления представлений всех трех стадий или двух из них (к тому же не в подобной схематической форме, как они изложены здесь нами, а в различных видоизмененных образах, осложненных иными воззрениями). Поэтому, вероятно, выделенные стадии следует расценивать в качестве мировоззренческих и морфологических слоев. И археологу, раскапывающему и осмысляющему древнее погребение, приходится обдумывать не только стратиграфию перекрывающего его грунта, но и те напластования духовной культуры, которые зафиксированы самими материальными остатками погребального обряда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Токарев С. А.* Ранние формы религии и их развитие. М., 1964.
2. *Леонова Н. Б., Смирнов Ю. А.* Погребение как объект формального анализа//КСИА. 1977. № 148.
3. *Смирнов Ю. А.* Тафология. Попытка системного подхода//Человек и окружающая среда в древности и средневековье. М., 1985.
4. *Смирнов Ю. А., Тендрякова М. В.* О роли обыденного сознания в археологической реконструкции: погребальный обряд//КСИА. 1990. № 201.
5. *Смирнов Ю. А.* Морфология погребения. Опыт создания базовой модели//Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. М., 1990.
6. *Смирнов Ю. А.* Мустьерские погребения Евразии. Возникновение погребальной практики и основы тафологии. М., 1991.
7. *Кызласов Л. Р.* Курганы средневековых хакасов. Аскизская культура//Первобытная археология Сибири. Л., 1975.
8. *Кызласов И. Л.* Гора-прародительница в фольклоре хакасов//СЭ. 1982. № 2.
9. *Кызласов Л. Р.* Курганы тувинцев//Вестн. МГУ. История. 1964. № 5.
10. *Луценко Е. И.* Поездка к алтайским телентетам//Землеведение. 1898. Т. V. М., 1899.
11. *Тощакова Е. М.* Традиционные черты народной культуры алтайцев. XIX — начало XX в. Новосибирск, 1978.

12. *Окладников А. П.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч. III. Глазковское время//МИА. 1955. № 43.
13. *Топоров В. Н.* Пещера//МНМ. 1982. Т. 2.
14. *Токарев С. А.* Пережитки родового культа у алтайцев//Сб. тр. Ин-та этнографии АН СССР. М.; Л., 1947. Т. 1.
15. *Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. СПб., 1881. Вып. II.
16. *Окладников А. П.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч. I и II//МИА. 1950. № 18.
17. *Золотарев А.* Пережитки тотемизма у народов Сибири. Л., 1934.
18. *Топоров В. Н.* Гора//МНМ. 1980. Т. 1.
19. *Иванов В. В.* Антропогонические мифы// МНМ. 1980. Т. 1.
20. *Иванов В. В.* Близнечные мифы//МНМ. 1980. Т. 1.
21. *Вейлэ К.* Механическая технология первобытных народов. М.; Л., 1925.
22. *Серкина А. А.* Опыт дешифровки древнейшего китайского письма. Надписи на гадательных костях. М., 1973.
23. *Ботвинник М. Н.* Девкалион//МНМ. 1980. Т. 1.
24. *Михайлов Т. М.* Из истории бурятского шаманизма. С древнейших времен до XVIII в. Новосибирск, 1980.
25. *Концевич Л. Р.* Корейская мифология//МНМ. 1980. Т. 1.
26. *Кляшторный С. Г.* Версия древнетюркской генеалогической легенды у ал-Бируни//Средневековый Восток. История, культура, источниковедение. М., 1980.
27. *Таскин В. С.* Материалы по истории ухуаней и сяньби//Дальний Восток и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1980.
28. *Конкобаев К.* Топонимия Южной Киргизии. Фрунзе, 1980.
29. *Зеленин Д. К.* Магическая функция примитивных орудий//Изв. АН СССР. 1931. № 6.
30. *Симонова-Гудзенко Е. К.* Айнов мифология//МНМ. 1980. Т. 1.
31. *Неклюдов С. Ю.* Гесер//МНМ. 1980. Т. 1.
32. *Рифтин Б. Л* Бися Юаньцзюнь//МНМ. 1980. Т. 1.
33. *Рифтин Б. Л.* Китайская мифология//МНМ. 1980. Т. 1.
34. *Бертагаев Т. А.* Культ богини-матери и огня у монгольских племен// СЭ. 1973. № 6.
35. *Галданова Г. Р.* Культ огня у монголоязычных народов и его отражение в ламаизме//СЭ. 1980. № 3.
36. *Литвинский Б. А.* «Золотые люди» в древних погребениях Центральной Азии. Опыт истолкования в свете истории религии//СЭ. 1982. № 4.
37. *Лосев А. Ф.* Греческая мифология//МНМ. 1980. Т. 1.
38. Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка/Сост. Л. А. Барг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979.
39. *Патачаков К. М.* Культура и быт хакасов в свете исторических связей с русским народом. XVIII—XIX вв. Абакан, 1958.
40. *Зеленин Д. К.* Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов//Тр. Ин-та антропологии, археологии, этнографии. М.; Л., 1937. Т. XV. Вып. 2. Этнографическая серия. 5.
41. *Топоров В. Н.* Древо жизни//МНМ. 1980. Т. 1.
42. *Топоров В. Н.* Река//МНМ. 1982. Т. 2.
43. *Аверинцев С. С.* Вода//МНМ. 1980. Т. 1.
44. *Григорьев Г. П.* Начало верхнего палеолита и происхождение Homo sapiens. Л., 1968.
45. *Столяр А. Д.* Происхождение изобразительного искусства. М., 1985.
46. *Рифтин Б. Л.* Гуань-ди//МНМ. 1980. Т. 1.
47. *Шкунаев С. В.* Дагда//МНМ. 1980. Т. 1.
48. *Шкунаев С. В.* Кельтская мифология//МНМ. 1980. Т. 1.
49. *Гамкрелидзе Т. А., Иванов В. В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984.
50. *Кызласов И. Л.* Воплощения Вселенной. Археологические памятники как объект палеоастрономии//Историко-астрономические исследования. 1989. Вып. XXI.
51. *Петрухин В. Я.* Загробный мир//НМН. 1980. Т. 1.

Институт археологии РАН,
Москва

KIZLASOV L. L.

THE IDEOLOGICAL FOUNDATION OF FUNERAL RITE

Summary

The diversity of the burial practice may be systematized from the different positions. The author pays attention to the fact that all known containers of the deads can be perceived as modification and complication of some natural objects and elements. Such natural objects are mountain, earth, water, fire, body, the artificial ones are vessels and dwelling. Basing on folklore and early written sources we can reconstruct the ancient ideas of the people about these objects as the birthplaces of the community members contained

all the goods things of life necessary for them. The bodies and after that the souls of deads had to return in this centre of the ancestral vitality. The author supposes that all forms of treatment of the dead body were aimed at first for the returning of the dead to the fruitbearing ancestral centre for his regeneration in future, secured according to existed ideas the community reproduction. The modification in the views and their concrete evidences can be good foundations for reconstructing of the main stages and forms of the funeral rites developments in different societies (Pic. I, II). At the first stage when the dead was returned to acestral centre there were no burial constructions, grave goods and offerings. The custom of voluntary death goes back to this stage. The conception of the next world on the earth inside the acestral centre was created on the II stage. The burials on the earth surface with funeral goods and food appeared. The myth about three-strata universe, subterranean kingdom of deads was appeared on the III stage: the burials in the earth, in pits and under the tumulus were prevailed on this stage.

Публикации

В. С. ДОЛГОРУКОВ, А. Б. КОЛЕСНИКОВ

НОВЫЙ ТИП СТРОИТЕЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ ФАНАГОРИИ

Раскопками последних лет в Фанагории обнаружены остатки зданий VI—V вв. до н. э. Среди них большой интерес представляют постройки с глиноплетневыми стенами на деревянных столбах. Впервые следы подобного сооружения зафиксированы в 1972 г. (рис. 1, *б*) [1, с. 51, 59, 60]. Согласно М. М. Кобылиной, это сооружение, как и перекрывшее его здание V в. до н. э. с каменным фундаментом, являются остатками святилища. Однако отсутствие культовых находок и более сложная, как показали дальнейшие раскопки, планировка сооружения V в. до н. э. заставляют отказаться от предложенной М. М. Кобылиной интерпретации. Поскольку остатков древесного тлена найдено не было, многие вопросы конструкции постройки конца VI в. до н. э. остались гипотетичными. В 1981—1987 гг. на раскопе «Южный город» открыты остатки 11 глиноплетневых построек, из которых семь (1—7) возведены на материке, а четыре (8—11) относятся к последующему времени. Сохранившиеся отпечатки плетня наиболее часто имеют диаметр 1,2—1,5 см, в целом же он варьирует от 0,9 до 1,7 см.

От дома 1 сохранились только две канавки шириной 0,3 и глубиной 0,4 м, по внутреннему борту которых выявлены четкие отпечатки вертикальных прутьев (рис. 2, *1*). Между линиями плетней, прослеженных на длину 3,3 и 0,8 м, образуется угол 102°. На западной линии плетня обнаружены отстоящие друг от друга на 0,7 м два столбика диаметром 0,07 и 0,08 м, один из которых был вбит в материк на 0,12 м ниже дна канавы. Фрагментарность открытых остатков не позволяет выяснить планировку и функциональное назначение сооружения. Немногочисленный амфорный материал (Хиос, Лесбос, «протофасос» и пр.), происходящий из слоя, перекрывавшего остатки глиноплетневых конструкций, датируется в пределах конца VI — первой половины V в. до н. э.

Из открытых на раскопе «Южный город» глиноплетневых зданий лучше всего сохранился дом 2, состоявший из примыкавших друг к другу четырех помещений (А, Б, В, Г), к югу от которых находились огороженные дворы (рис. 3, *1* ; рис. 4). За исключением восточной стены помещения Г, стены помещений дома расположены в целом под прямыми углами друг к другу. Северная стена дома 2 вскрыта на протяжении 18,8 м; первоначальная же ее длина составляла ~21 м. Длина помещений А, Б, В, Г около 4,2; 3,9; 5,9; 5,9 м, ширина 4,7—4,8 м. Перед строительством дома дневная поверхность была выровнена, а имевшиеся в нескольких случаях углубления засыпаны светлым песком. Затем в прокопанных в материковой глине на глубину 0,36—0,45 м траншеях шириной 0,20/0,25 м были вбиты, в среднем на 0,15—0,30 м ниже уровня их дна, деревянные столбы диаметром от 8 до 13 см. Столбы четко прослеживались в виде ямок, заполненных ярко-коричневой трухой, иногда с сохранившимися волокнами древесины (рис. 5, *4*). По северной стене здания открыто 11 ямок от столбов. При учете же нераскопанного участка их число должно достигать 14—15. Расстояния между столбами варьируют от 0,9 до 1,7 м. В западной стене помещения А и в смежных

© В. С. Долгоруков, А. Б. Колесников, 1993 г.

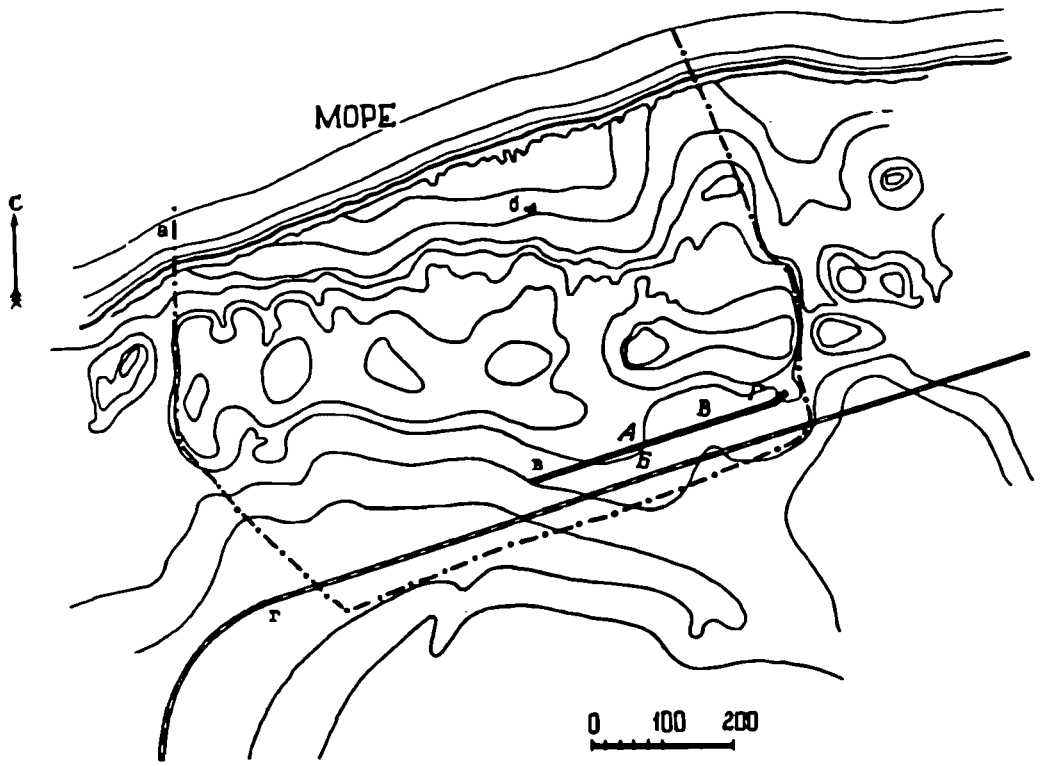


Рис. 1. Схематический план городища Фанагории. *а* — границы города; *б* — «Центральный раскоп»; *в* — раскоп «Южный город» (А—Б — кв. XV, XVI; Б—В — кв. XIX—XXXIII; В—Г — кв. XXXVIII—LXIV); *г* — железная дорога

стенах помещений А, Б, В, Г зафиксировано по одному столбу, которые находятся на одной линии, проходящей почти посередине. В смежной стене помещений Б и В к югу от центрального столба выявлен еще один столб, уровень основания которого на 0,25—0,35 м выше уровня оснований других столбов помещения Б. Вероятно, такие же столбы, крепившие плетень, имелись и в других стенах, но были лишь слегка заглублены в грунт и поэтому полностью вывернулись при разрушении дома. Диаметр центральных столбов на 3—3,5 см больше диаметра других столбов здания. Очевидно, они несли основную нагрузку перекрытия, что позволяет предполагать двускатную форму крыши северного ряда помещений (рис. 4). Вбитые в траншеи столбы образовали каркас, на котором держался плетень. Установлено, что прутья углублялись в дно канав на 0,1—0,2 м, вероятно, в сделанную лопатой щель. После установки плетней траншеи были забутованы глиной. В наземной же части плетень был обмазан с двух сторон глиной разных цветовых оттенков. Местами сохранилась внутренняя обмазка стен белой глиной толщиной 1—3 см (рис. 3, *1*; 6, *1*, *2*; 7, *1*, *2*). Как можно судить по некоторым остаткам стен, сохранившимся in situ, их толщина на высоте 10—15 см от пола составляла 16—18 см. Во всех четырех помещениях зафиксированы полы в виде плотных намазок толщиной 1—3 см из чередующихся микрослоев железистого песка и глины. В помещениях А, Б, В прослежено два уровня полов, в помещении Г — один уровень.

Наиболее хорошо сохранились остатки помещения А. Под его полом на площади около 1,2×1,2 м выявлено 20 ямок от деревянных столбиков со средним диаметром 3—5 см (рис. 3, *1*; рис. *5*, *5*). Помимо мелких угольков и древесной трухи в нескольких ямках обнаружены окислы и фрагменты бронзовых панцирных пластинок. Дно ямок находится на 0,2—0,3 м ниже пола помещения А. Эти ямки образовались от столбовой конструкции, существовавшей еще до строительства дома 2. Однако назначение ее остается непонятным. В канавах, прокопанных для установки стен помещения А, выявлены только отпечатки вертикальных прутьев (рис. *5*, *3*). В наземной же части завала западной и северной

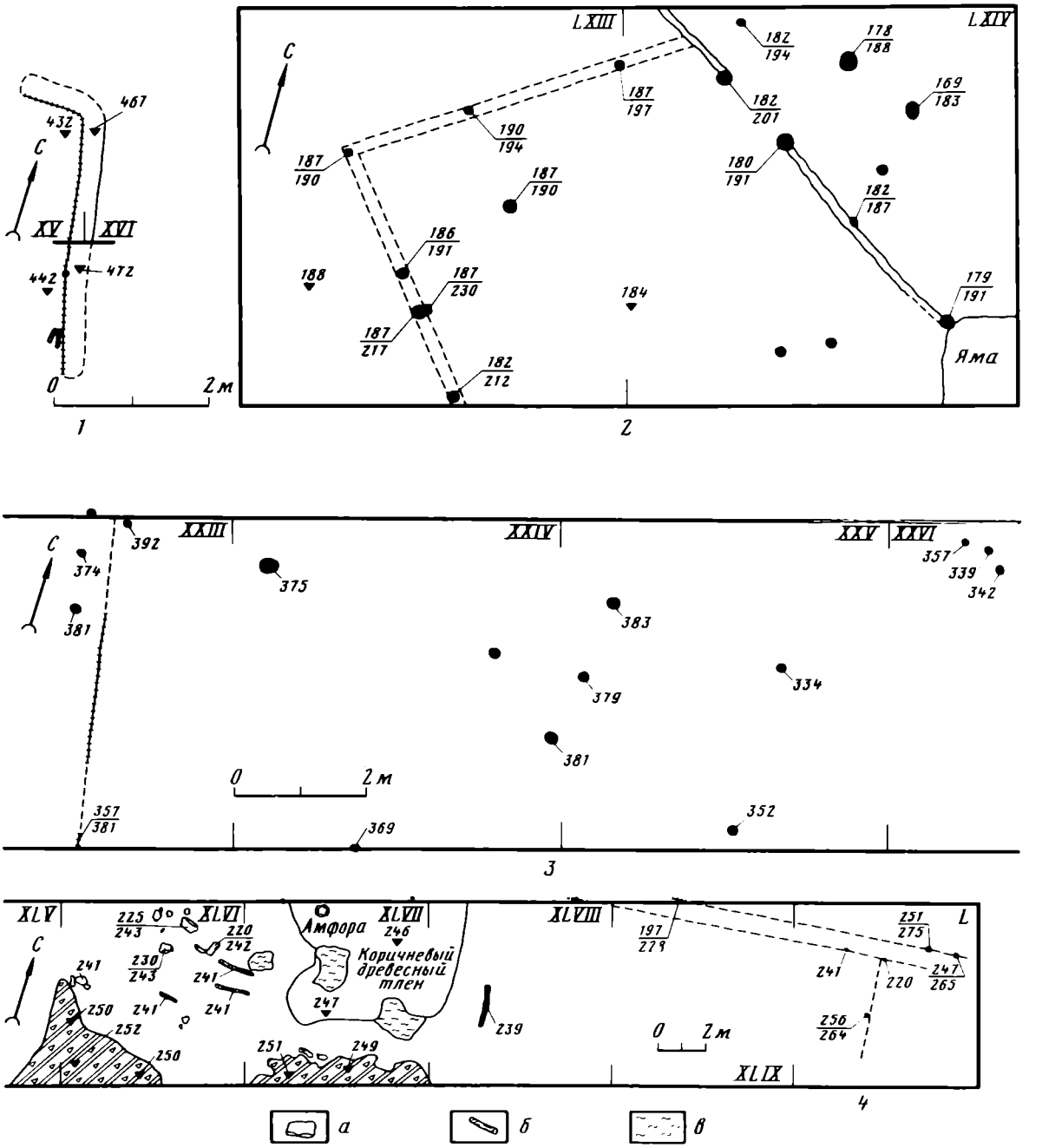


Рис. 2. Планы глиноплетневых домов. *1* — дом 1; *2* — 7; *3* — 8; *4* — 9; *а* — камни; *б* — следы деревянных плах; *в* — зольные пятна (другие условные обозначения к рис. 2 см. на рис. 3)

стен помещения А удалось обнаружить переплетения горизонтальных и вертикальных прутьев. Кроме того, на небольшом участке над полом также хорошо сохранились отпечатки завала плетня в виде перекрещивающихся полос темно-коричневого цвета с отчетливо различимыми продольными волокнами (рис. 3, *1*, *з*; рис. 5, *1*). В плетнях восточной и западной стен приблизительно на уровне пола на некоторых вертикальных отпечатках примерно через 2,5—2,8 см имеются вмятины от горизонтальных прутьев, расположение которых позволяет в данном случае предполагать плетение горизонтальных прутьев через пары вертикальных. Приведенные данные свидетельствуют о том, что горизонтальные прутья вплетались в конструкции после установки вертикальных прутьев и забутовки канавок глиной.

Перекрывающие друг друга завалы стен позволили проследить последовательность их падения внутрь помещения А: восточная, западная, северная. На

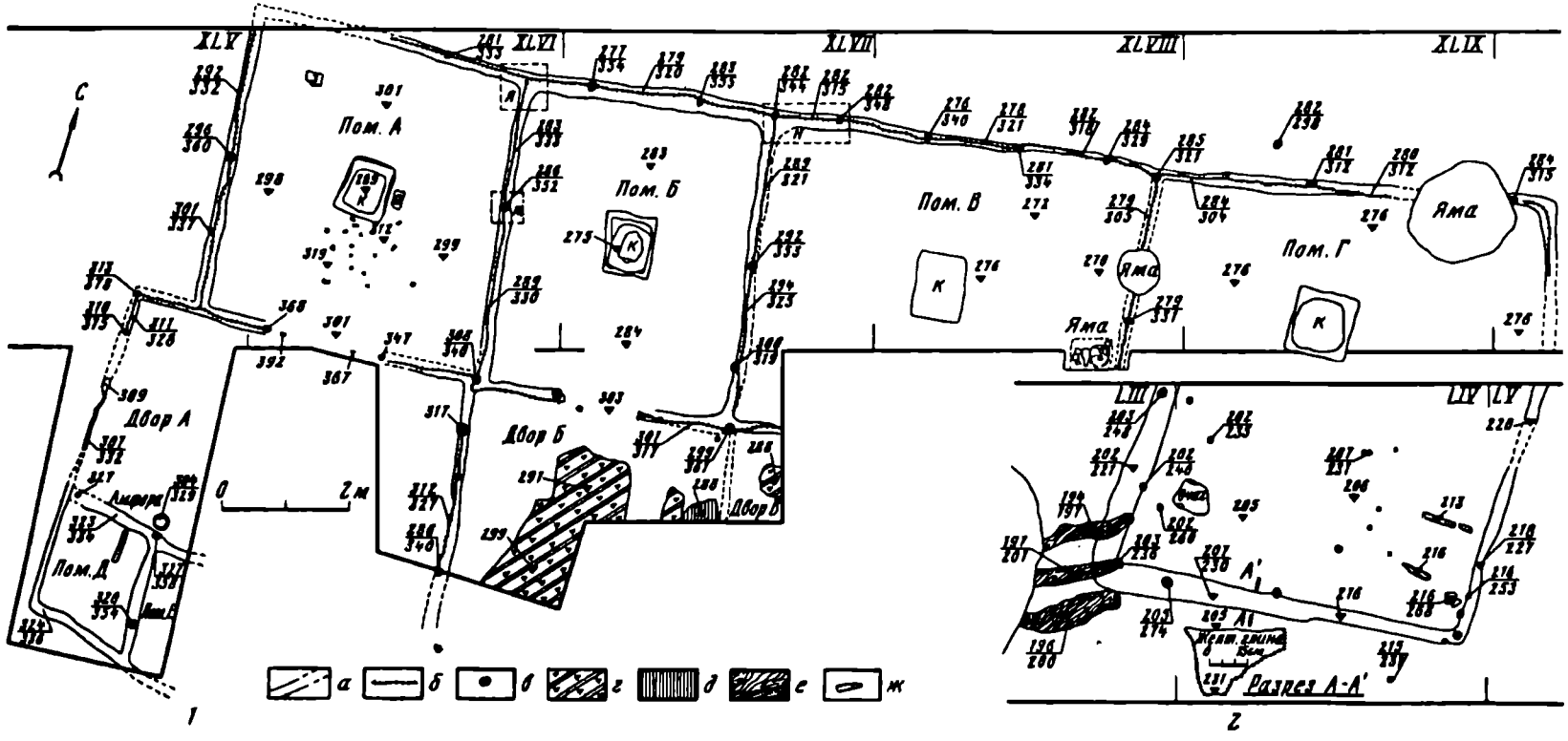


Рис. 3. Планы глиноплетневых домов. *1* — дом 2; *2* — 11. *а* — следы глиноплетневых стен и их предполагаемые продолжения; *б* — отпечатки прутьев плетня; *в* — ямки от деревянных столбов; *г* — черепянные вымостки; *д* — железняковая вымостка; *е* — следы завала столбов дома 8; *з* — отпечатки завала западной стены помещения А (объект 46.16); *и* — отпечатки циновки в помещении А (объект 46.8); *к* — очаги в помещениях А, Б, В, Г (А — объект 46.7; Б — объект 47.14; В — объект 48.12; Г — объект 49.19); *л*, *м*, *н* — участки глиноплетневых стен

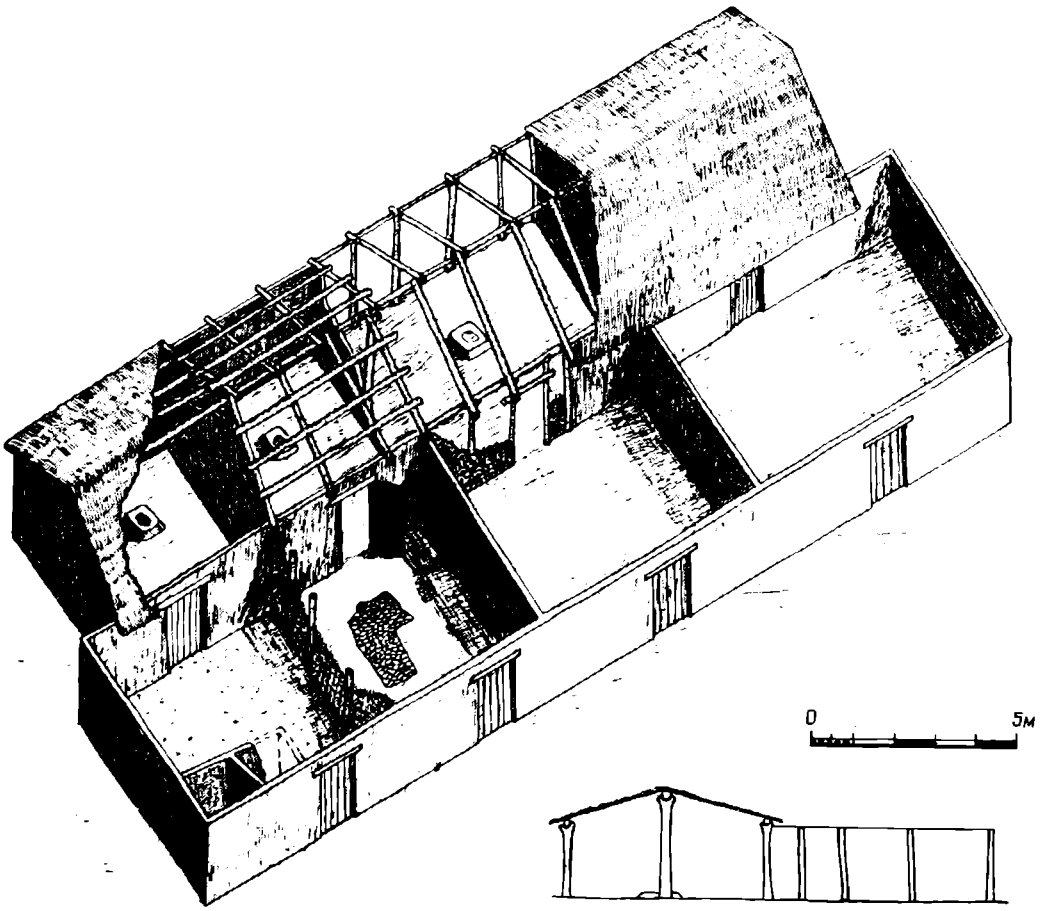


Рис. 4. Реконструкция дома 2

основании стратиграфии установлено, что первоначальная высота стен помещения А и, очевидно, других помещений дома 2 составляла ~2 м. Вход в помещение А шириной 1,1 м находился посредине его южной стены, где выявлены отстоящие друг от друга на 1,9 м две ямки от опорных столбов (диаметром 8 см) и две ямки (4×3 см) от деревянных плах прямоугольной формы, связанных, очевидно, с устройством дверных косяков. Аналогичный вход шириной ~1 м обнаружен и в помещении Б (рис. 3, *1*).

В центре каждого помещения располагались прямоугольные в плане очаги (А, Б, В, Г), поды которых были сложены из серой или светло-желтой глины с песком (рис. 3, *1*; рис. 6, *4—6*). Горелые уровни и подмазки фиксируют четыре периода существования очагов А и Г и два — очагов Б и В. Частые ремонты очагов А и Г, возможно, связаны с более активным их использованием, что требовалось для обогрева угловых помещений. В этих же помещениях под подами очагов найдены обожженные округлые площадки диаметром ~0,5 м, являющиеся остатками самых ранних очагов, просуществовавших, судя по малой толщине прокалившегося слоя (1—3 см), относительно недолго. Наиболее хорошо сохранившиеся поды очагов А и Б имеют скошенные края, возвышающиеся над полами соответственно на 12 и 8 см. Размеры подов по верху 0,65×0,85 м, по низу 0,80×1,05 м. В поде очага А был один уложенный плашмя слой черепков, в поде очага Г — два таких слоя, под очага Б был полностью обложен фрагментами амфор. Около очага А найдена циновка в виде переплетающихся рядов по шесть — девять соломин, каждая шириной 0,5 см (рис. 3, *1*, *и*; рис. 7, *5*).

Помещения А, Б, В, Г были жилыми, о чем помимо очагов говорит их расположение в северной части дома, что типично для греческого домостроительства. С юга к этим помещениям примыкали огороженные дворы. Между западной и южной стенами двора А образуется угол в 105°. Размеры двора А по линии 3 — В в его северной части ~5,3 м, а в центральной ~5,75 м. Размеры

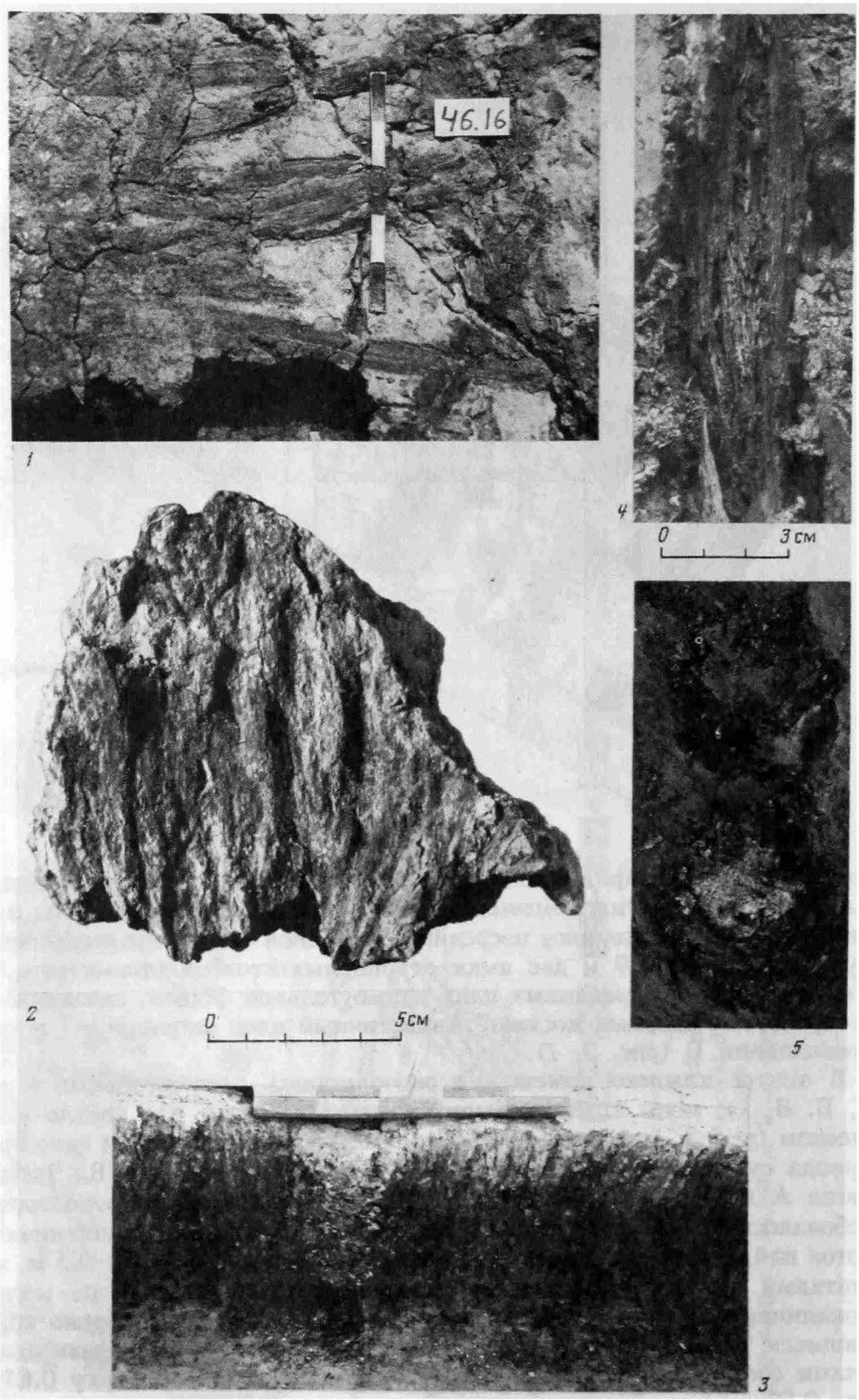


Рис. 5. Глиноплетневый дом 2. *1* — отпечатки завала плетня (*з* — на рис. 3, *1*); *2* — отпечатки плетня восточной стены помещения В; *3* — отпечатки плетня западной стены помещения А; *4* — столб (объект 46.85) в южном борту южной прирезки к кв. XLVI; *5* — ямки от деревянных столбов под полом помещения А

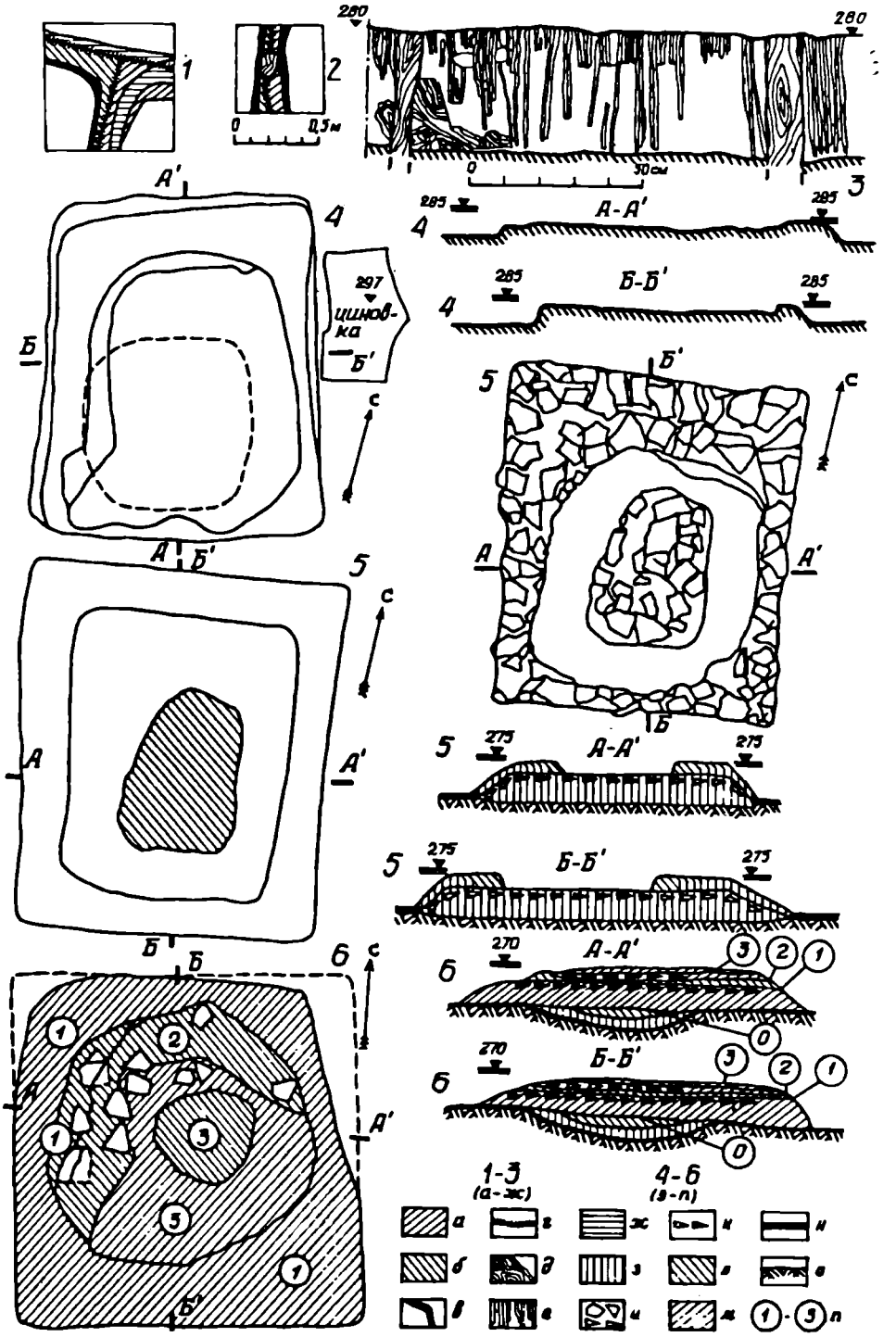


Рис. 6. Глиноплетневый дом 2. *1*, *2* — планы участков стен (*л*, *м* на рис. 3, *1*); *3* — отпечатки вертикальных прутьев плетня (*н* на рис. 3, *1*); *4*, *5*, *6* — планы и разрезы очагов А, Б, Г. *а* — серая глина; *б* — желто-коричневая глина; *в* — обмазка белой или светло-желтой глиной; *г* — прутья плетня; *д* — следы деревянных столбов; *е* — отпечатки прутьев плетня; *ж* — желтая глина; *з* — серая глина с песком; *и* — непрокалившиеся стенки амфор; *к* — прокалившиеся стенки амфор; *л* — прокалившаяся глина; *м* — светло-желтая глина с песком; *н* — плотная железистая прослойка; *о* — материк; *п* — периоды существования очага Г

его по линии С — Ю увеличиваются на раскопанном участке с запада на восток от 5,05 до 5,55 м. Размеры двора Б по линии З — В ~4,15 м. Общая реконструируемая площадь дома 2 по внешнему обводу стен составляет ~220—230 м², причем на жилые помещения приходится ~105 м² (47%). Большую часть двора А покрывала засыпка из железняка с примесью песка толщиной 0,5—0,15 м, а

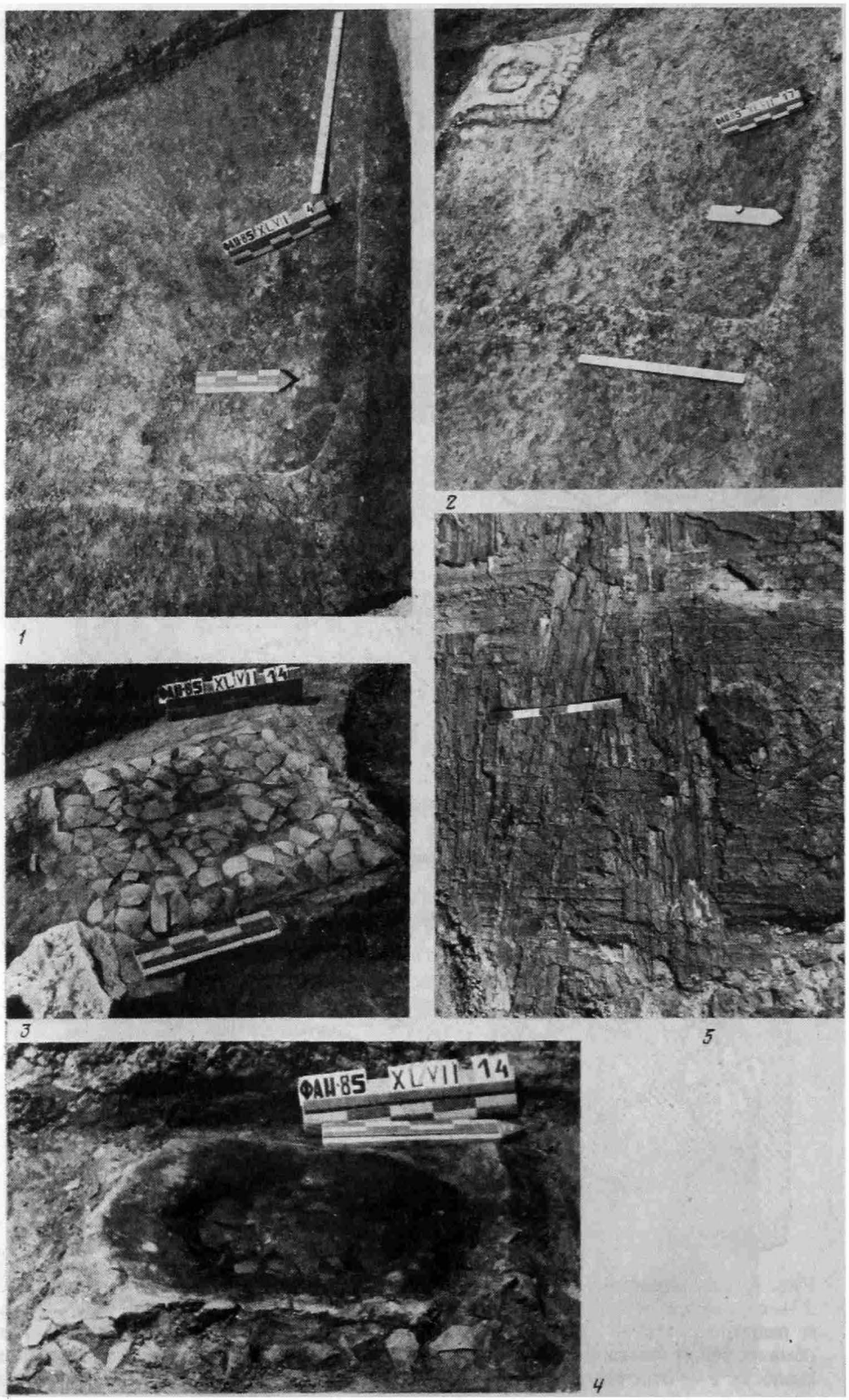


Рис. 7. Глиноплетневый дом 2. *1* **— северная и восточная стены помещения А;** *2* **— северная и восточная стены помещения Б;** *3*, *4* **— очаг Б;** *5* **— отпечатки циновки в помещении А (***и* **— на рис. 3,** *1*)

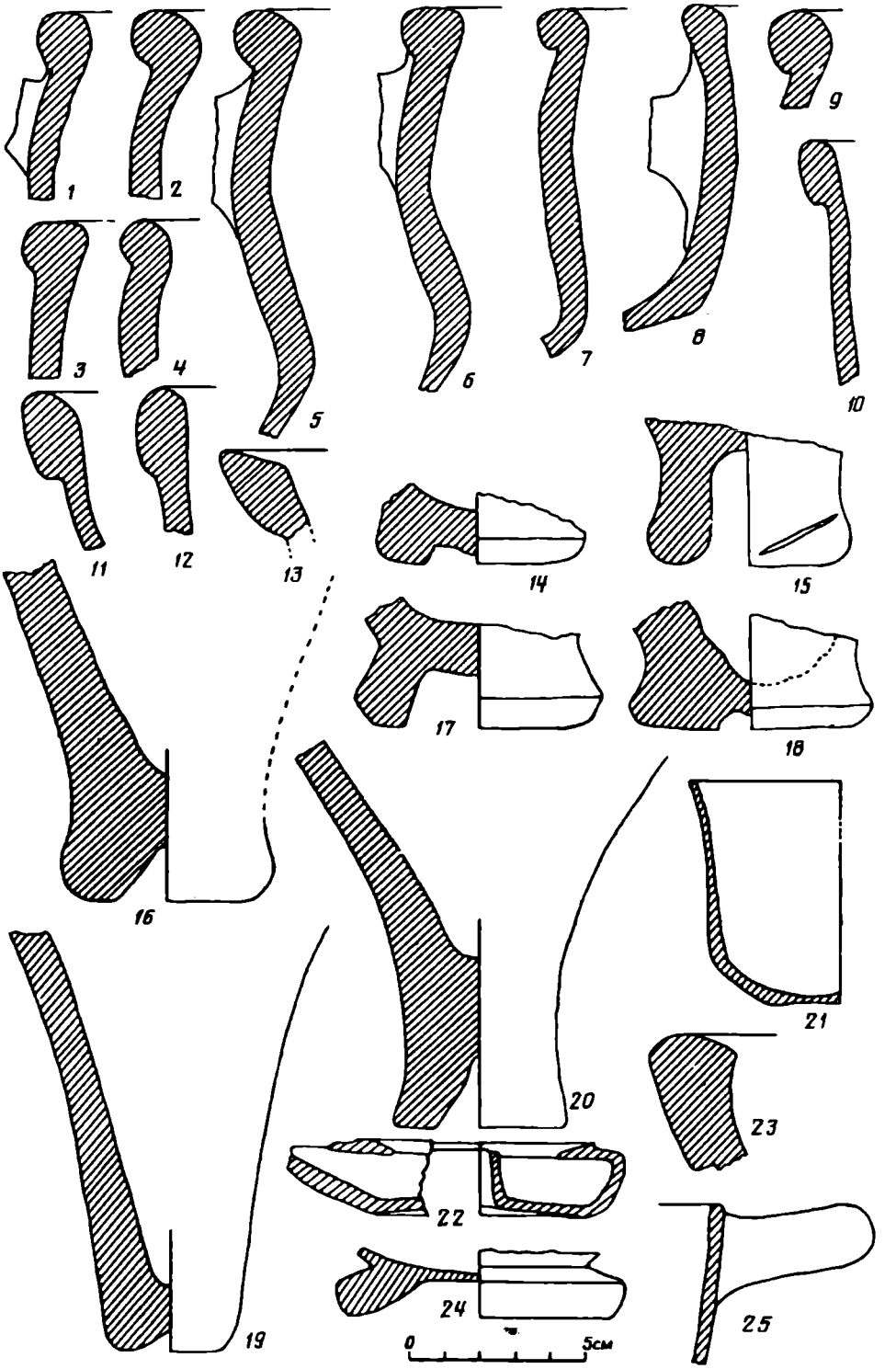


Рис. 8. Керамика из раскопок дома 2 (*1*, *3*, *4*, *6*, *10*, *15—17*, *20—22*, *24*, *25*) и дома *5* (*2*, *5*, *7—9*, *11—14*, *18*, *19*, *23*). *1*, *3* — очаг А; *2*, *9*, *12*, *19* — нижняя часть канавы (объект 54.43) к востоку от дома *5*; *5*, *7*, *13*, *14*, *18* — верхняя часть канавы 54.43; *4* — кв. XLVIII/шт. 13; *6*, *15*, *17*, *25* — XLV/13; *8*, *11* — LIII/13; *10* — очаг Б; *16* — канавка от западной стены (объект 46.73) двора Б; *20* — XLV/14; *21* — XLVI/13; *22* — XLVII/11; *23* — у плетня (объект 54.44) южной стены дома *5*; *24* — XLVI/12. *1—7*, *9*, *15*, *16* — Хиос; *8*, *20* — неопределенные центры; *10*, *11*, *17* — Самос; *12*, *19* — «стаканообразные»; *13* — Коринф; *14*, *18* — тип 18 (по И. Б. Зеест); *21* — красноглиняный кубок; *22*, *24*, *25* — черный лак; *23* — Коринф

двора Б — вымостка из фрагментов керамики и единичных камней. Остатки глиноплетневых стен позволяют говорить о существовании двух небольших помещений (Д, Е) во дворе А. В помещении Д обнаружено углубление в материке на 0,2—0,3 м (рис. 3, *1*), заполненное золистым грунтом с включениями угольков, кусочков печин и нескольких фрагментов бронзовых пластинок, а также бронзолитейных шлаков. Возможно, углубление связано с остатками полностью разрушенной бронзоплавильной печи.

Переходя к вопросу о хронологии дома 2, прежде всего отметим, что под ним обнаружено семь погребений последней четверти VI — самого начала V в. до н. э. Ко времени сооружения дома 2 относятся находки, обнаруженные в подах его очагов, в заполнении канавок для устройства стен, а также находки под полами помещений. Из этого материала наиболее выразительны фрагменты амфор [2]: хиосские, «протофасосские», с стаканообразными донышками, лесбосские. Хиосские амфоры (рис. 8, *1, 3, 4, 6, 15, 16*) сопоставимы с типами IIIB и IV (490—470 гг. до н. э.) по классификации В. В. Рубана [3, с. 103—107]. Одна ножка самосской (или «протофасосской»?) амфоры (рис. 8, *17*) характерна для сосудов второй половины VI — начала V в. до н. э. [4, с. 69, табл. IV, *43*]. Несколько обломков венчиков и ручек амфор со стаканообразными донышками, вероятно, следует отнести ко времени не позднее первой четверти V в. до н. э. [5]. Ко времени строительства дома 2, очевидно, относится вкопанная во дворе А нижняя часть амфоры неизвестного центра производства (рис. 8, *20*).

Из других видов керамических сосудов отметим стенку чернофигурного лекифа с процарапанными линиями (очевидно, в манере мастера Хаймона), фрагмент венчика чернофигурной леканы с орнаментом в виде косых волнистых линий и фрагмент горла чернолакового лекифа, форма которого наиболее типична для сосудов 500—480 гг. до н. э. [6, № 109, 110, 120].

В слоях разрушения здания 2 керамический материал представлен более полно. Среди амфор преобладают фрагменты хиосских сосудов, которые аналогичны фрагментам времени строительства дома. Встречены также обломки амфор Самоса, Лесбоса, Эгины (?), «протофасосских», «с полыми донышками» и пр. Наиболее близкой аналогией для фрагментов лесбосских амфор является сосуд 470—460 гг. до н. э. из раскопок некрополя Керамика в Афинах [7, с. 265, табл. 71, *5*]. Обломки самосских амфор, по-видимому, следует датировать второй четвертью V в. до н. э. (ср. [8, рис. 2)]. К концу VI — началу V в. до н. э., очевидно, относится одна полая ножка амфоры (ср. [2, табл. I, *4а*]) и венчик амфоры со стаканообразным дном. Найденные при раскопках дома обломки чернофигурных лекифов и киликов (рис. 9, *8, 11, 15*) по характеру росписи следует отнести к изделиям мастера Хаймона или группы Хаймона первой половины V в. до н. э. Среди других чернофигурных обломков имеется фрагмент леканы с орнаментом в виде косых волнистых полос, два фрагмента донышек киликов или чаш с лучевым орнаментом, а также фрагмент венчика кратера (рис. 9, *1, 20*).

Другая группа столовой посуды представлена несколькими обломками так называемой родосско-ионийской посуды, покрытой обмазкой светлых тонов. Судя по характеру росписи и деталям профилировки, подобные сосуды, очевидно, являются самыми поздними среди родосско-ионийской группы и датируются, вероятно, концом VI — началом V в. до н. э. Интересны два фрагмента венчиков киликов с орнаментом из точки в концентрических кругах (рис. 9, *13*) и в виде узких вертикальных полос, что характерно для сосудов, датирующихся еще VI в. до н. э. [4, с. 77, табл. XV, XVI, № 136, 137]. Обнаружены обломки киликов и закрытых сосудов, возможно местного производства, с простым орнаментом в виде горизонтальных и волнистых полос, цвет которых варьирует от красного до коричневого и черного. Среди восточноионийской керамики представлено несколько обломков от кубков, покрытых снаружи белой или желтой обмазкой, поверх которой нанесены полосы черного лака (рис. 9, *5, 6*). Внутренняя часть их покрыта той же облицовкой и черным лаком. Подобные сосуды, происходящие с Хиоса или

Рис. 9. Находки. *1* — кв. XLVI/11; *5*, *6*, *8*, *12*, *22* — кв. XLVIII/11; *13*, *23* — XLVII/11; *11* — помещение Г дома 2; *15* — XLV/12; *9*, *19* — XLIX/11; *2*, *10*, *16*, *17* — заполнение верхней части канавы (объект 54.43) у дома *5*; *20* — L/12; помещение 50.10; *3* — канавка от южной стены (объект 54.44) двора дома *5*; *16* — LIII, на полу дома 10; *14* — LXIII/14; *7* — канавка от западной стены (объект 53.30) восточного двора дома *5*; *18* — L/10б, помещение 50.10.

Навкратиса, вероятно, относятся ко второй половине VI — началу V в. до н. э. [9, с. 235, 236, рис. 6]. Отметим также находку аска с орнаментацией, выполненной красно-коричневым лаком (рис. 9, *23*). По форме близкой аналогией ему является клазоменский аск третьей четверти VI в. до н. э. из Ольвии [10, с. 17, рис. 15]. Большинство чернолаковых сосудов, среди которых преобладают фрагменты киликов и скифосов, но имеются и обломки светильников, кратеров, солонок и пр., по аналогиям Афинской агоры датируются 480—460 гг. до н. э. [6, № 54, 58, 342, 413, 432, 437, 440, 456].

Простая керамика представлена фрагментами кухонных горшков, серо- и красноглиняной посудой. На некоторых красноглиняных обломках имеется орнамент белой и красной краской. Отметим также фрагмент венчика коринфского лутерия, близкого по форме венчику с остраконом 482 г. до н. э. с Афинской агоры [6, № 1902].

Совокупность рассмотренного выше материала позволяет предположить, что дом 2 был построен около 490—480-х годов до н. э. Его разрушение, сопровождающееся пожаром, произошло, очевидно, в конце первой — начале второй четверти V в. до н. э., что подтверждается и хронологией последующих строительных остатков.

Из находок, характеризующих занятия жителей дома 2, большой интерес представляет фрагмент тигля[1] (рис. 9, *22*) с прикипевшими каплями бронзы, обилие бронзовых шлаков в свалке к западу от помещения А и отдельные кусочки того же шлака к востоку от помещения Г. Все это, несомненно, свидетельствует о бронзолитейном производстве, с которым, вероятно, связаны и остатки печи (?) в помещении Д. К его продукции, возможно, относятся различные мелкие бронзовые предметы (куски проволоки, гвозди, стержни) и серия бронзовых панцирных пластинок, найденных в помещениях А и Б, во дворе А и заполнении нескольких ямок под полом помещения А. Размеры пластинок 2,7×1,0 и 3,5×1,3 см. Одна их короткая сторона имеет округлое очертание, на другой находятся отверстия для крепления к основе панциря. Подобные пластинки широко распространены в различных областях скифского мира и других регионах [12, с. 27, рис. 7], но особый интерес представляет находка таких пластинок в мастерской оружейника конца VI — начала V в. до н. э. в Пантикапее [11, с. 150, рис. 2, *11*]. Занятие жителей дома 2 обработкой сельскохозяйственных продуктов и, очевидно, земледелием документируется находкой каменной зернотерки и обуглившихся зерен злаковых растений. Из других находок отметим свинцовую гирьку квадратной формы (вес 61,4 г) и свинцовый кружочек (диаметр 12 мм, вес 1,27 г), являющийся, возможно, разновесом или монетой (?).

Строительные остатки дома 3 представлены примыкающими друг к другу под прямым углом двумя полосами-канавками (ширина 0,15 м), выделяющимися на фоне материка темно-серым цветом и включениями мелких угольков и кусочков коричневой глины (рис. 10). Южная полоса, выявленная на протяжении ~4,7 м (по линии 3 — В), находится приблизительно в 2,5 м к северу от северной стены дома 2. Сохранившаяся длина восточной полосы составляет ~0,6 м. Отпечатков плетней и ямок от столбов не обнаружено, но по аналогии с некоторыми частями дома 2 эти канавки уверенно интерпретируются как остатки глиноплетневых конструкций, которые, очевидно, ограждали двор восточного помещения дома 3. Данные стратиграфии позволили установить, что южная стена рухнула на юг. В слое, перекрывающем дом 3, обнаружена немногочисленная керамика первой половины V в. до н. э. Скорее всего дом 3 синхронен дому 2.

Обнаруженные к востоку от дома 2 и к югу от дома 3 остатки нижних частей глиноплетневых стен постройки 4 по своей структуре идентичны остаткам стен дома 3. Исключение составляет восточная стена постройки 4, выделявшаяся на материке в виде полосы желто-коричневой глины, по внешней стороне которой прослежены отпечатки вертикальных прутьев плетня. Ширина канавок постройки

[1] Аналогичный тигель обнаружен в Пантикапее (см. [11, рис. 1, *1*]).

4 — 0,08—0,12 м. В плане они образуют сооружение в виде неправильного овала (4,2×2,7 м), от которого к югу отходят два длинных отсека, шириной ~0,8 и 1,3 м, причем восточный отсек соединяется с овальным сооружением, а западный отделен от него стеной. В прослеженных в южном борту кв. LI завалах стен постройки 4 удалось установить, что их первоначальная высота составляла ~1,2 м. Данное сооружение, по-видимому, имело хозяйственный характер и предназначалось для содержания скота. Считается, что длинные отсеки характерны для построек, в которых содержали животных [13, с. 85—86, рис. 40]. Интересно, что у Аристофана (Aristoph., Lys., 1072, 1073) имеется упоминание о плетне поросячьего хлева, с которым сравниваются спускающиеся до бедер бороды спартанских послов. Найденные в постройке 4 единичные обломки амфор, среди которых отметим фрагмент венчика «стаканообразной» амфоры, хронологически не отличаются от аналогичного материала из домов 2 и 3.

От дома 5, находившегося восточнее здания 4, сохранились только остатки его восточной части (рис. 10). Структура и характер расположения отпечатков плетней позволяют считать, что основу стен дома 5 составляли два, местами три ряда вертикально стоящих стеблей тростника, пространство между которыми (1—3 см) заполнялось глиной. Этой же глиной тростник обмазывался с внешних сторон. На отдельных участках прослежены отпечатки горизонтальных стеблей, которыми переплетались пучки вертикальных. Диаметр тростника 1,0—1,2 см. Обнаружены также ямки от четырех опорных столбов. Большая часть выявленных стен, очевидно, ограждала дворы дома 5; в северо-западной же части кв. LIV, вероятно, раскопана юго-восточная часть самого восточного помещения дома 5. Остатки стен позволяют установить, что восточный двор дома 5 (протяженностью ~3,7 м по линии Ю—С) сужался по направлению к северу от 3,0 до 2,6 м. Вероятно, приблизительно такие же размеры были и у других дворов дома 5. В таком случае, учитывая пространство до постройки 4, дом 5 скорее всего подобно дому 2 состоял из четырех жилых помещений, к каждому из которых с юга примыкал отдельный дворик. Вблизи дома 5, параллельно его восточной стене, проходила с уклоном к югу сточная канава шириной ~2,1 м. Заполнение нижней части канавы, состоящее из перемежающихся натеков грязи и песка, образовалось в начальный период существования дома 5, заполнение же ее верхней части, содержавшее помимо натеков большое количество мусора, очевидно, соответствует последним этапам жизни дома.

Обнаруженная в нижней части канавы керамика представлена обломками амфор следующих центров и типов (рис. 8, *2, 9, 12, 19*): Хиос пухлогорлый, Коринф, «стаканообразные», с «полыми донышами» [2, тип 4г] и неопределенные. Более многочислен и разнообразен амфорный материал из верхней части канавы (рис. 8, *5, 7, 13, 14, 18*): Хиос пухлогорлый, Коринф, Самос, «протофасос», круг Фасоса, тип 18а, б и неопределенные. Здесь же найдены фрагменты черно- и краснофигурной посуды (рис. 9, *2, 10, 16, 17*). Среди последней интересен фрагмент килика с орнаментом, характерным для мастеров, работавших в 460-х годах до н. э., чему не противоречит и имеющаяся на нем надпись *καλός* [см. 14, с. 195, рис. 368, 374, с. 213]. Итак, материал из канавы, а также хронологически соответствующая ему керамика из раскопок дома 5 (рис. 8, *8, 11, 23*; рис. 9, *3*) позволяют считать, что дом 5 синхронен домам 2, 3 и постройке 4.

От стен дома 6 (рис. 10) сохранились лишь нижние части канавок, выделяющихся на материковой глине светлым цветом и редкими вкраплениями древесного тлена. Отпечатки плетня выявлены только в одном месте — там, где южная стена уходит на западе в северный борт раскопа. Южная стена, прослеженная на протяжении ~11 м, и примыкавшие к ней с севера под прямым углом четыре или пять поперечных стен, вероятнее всего, ограждали четыре дворика, каждый из которых, как это можно предполагать по аналогии с домом 2, соответствовал жилому помещению. Ориентация стен дома 6 несколько отличается от ориентации стен домов 2 и 5. Размеры дворов по линии С — Ю

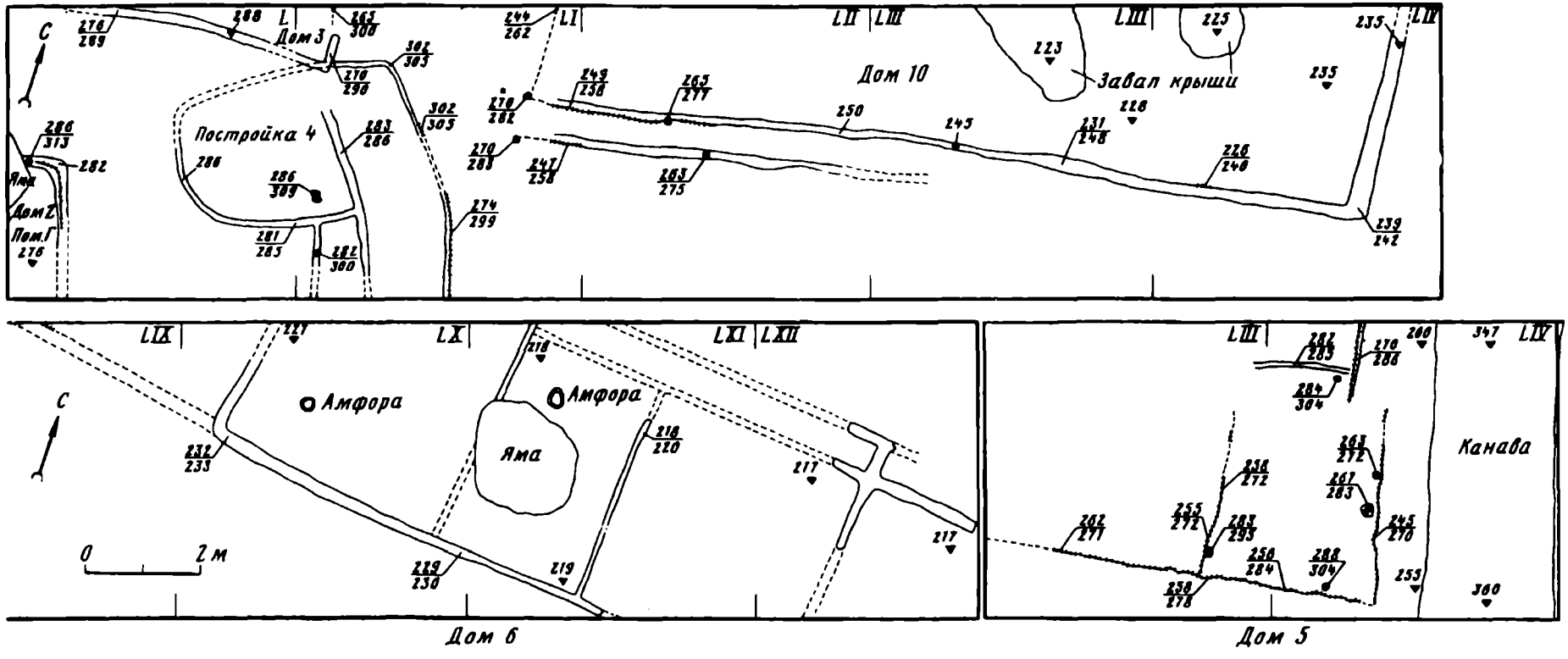


Рис. 10. Планы глиноплетневых домов 3, 10, 6,5 и постройки 4 (условные обозначения см. на рис. 3)

составляли ~3,9 м, а по линии В — З — 4,0; 2,7; 3,8 м. Ширина канавки от южной стены 14—20 см, от поперечных стен 10—18 см.

Находок в доме 6 обнаружено мало. Вкопанная в одном из дворов нижняя часть хиосской амфоры близка типу IIIB или IV по классификации В. В. Рубана [3, с. 103—107]. Найденные в слое, перекрывшем дом, обломки хиосских амфор, ножка стаканообразной амфоры, фрагменты чернолакового светильника и килико в первой половины V в. до н. э. и фрагменты чернофигурного килика с изображением пальметты позволяют считать, что дом 6 существовал в первой половине V в. до н. э., по-видимому, одновременно с домами 2, 3, 5.

Глиноплетневый дом 7 расположен к востоку от дома 6 (рис. 2). Выявлены ямки от опорных столбов (диаметром 10—11 см), между которыми на некоторых участках прослежены остатки нижних частей канавок от глиноплетневых стен в виде темно-серых полос шириной ~15 см с включениями мелких угольков. Расположение столбов позволяет установить их принадлежность к одному помещению. Северная и южная стены этого помещения расположены приблизительно под прямым углом к западной стене.

В слое, перекрывающем дом 7, обнаружены фрагменты хиосских, лесбосских и «протофасосских» амфор, датирующихся первой и второй четвертью V в. до н. э., две стенки чернофигурных сосудов первой четверти V в. до н. э., на одной из которых в беглом стиле росписи изображена пальметта. Самые же ранние находки, относящиеся еще к VI в. до н. э., представлены венчиком клазоменской амфоры и венчиком ионийского килика с орнаментом в виде пяти вертикальных полос (рис. 9, *14*). Из этого же слоя происходит несколько фрагментов бронзовых шлаков, являющихся еще одним свидетельством существования в первой половине V в. до н. э. на южной окраине Фанагории бронзолитейного производства. Керамический же материал из дома 7 позволяет думать о его одновременности домам 2, 3, 5, 6.

Все рассмотренные выше глиноплетневые сооружения возведены на материке в первой четверти V в. до н. э. Подобные конструкции строились в Фанагории и в более позднее время. Хотя зафиксированы остатки только четырех домов (8—11), есть основание думать, что аналогичные постройки были распространены более широко. Поскольку они находятся уже в культурном слое, значительная часть их, видимо, не сохранилась совсем, обнаруженные же во многих случаях в слоях VI—IV вв. до н. э. ямки от столбов при отсутствии в окружающем контексте явных следов каменного или сырцового строительства свидетельствуют о широком распространении глиноплетневой техники строительства в Фанагории.

От дома 8, сооруженного поверх распланированных остатков сырцового дома V в. до н. э., осталось 15 ямок от столбов диаметром 0,10—0,28 м и два участка проходивших по западной стене плетней длиной 0,18 и 2,25 м (рис. 2, *3*). Отпечатки прутьев плетней прослежены на высоту 0,28—0,40 м. Судя по расположению ямок от столбов, простирающихся с запада на восток на длину 13,0 м, здание состояло из двух рядов смежных помещений, по крайней мере по три помещения в каждом. Плохая сохранность остатков не позволяет сделать более детальную реконструкцию плана дома и установить количество помещений в нем. Однако по аналогии с домом 2 можно предполагать, что каждому жилому помещению, расположенному в северной части, соответствовал лежащий южнее дворик.

После разрушения дома 2 на его месте возводится глиноплетневый дом 9, сохранившиеся остатки которого представлены ямками от деревянных опорных столбов, полами-намазками с участками древесного тлена, в том числе и с полосами от рухнувших столбов, а также выявленными на участке ~0,3 м отпечатками плетня (рис. 2, *4*). Указанные строительные остатки несомненно свидетельствуют о существовании в этот период глиноплетневых конструкций, одновременно с которыми на соседних участках возводятся и полностью сырцовые дома. Характер расположения столбов дома 9 позволяет наметить две проходящие через них линии, которые в свою очередь почти перпендикулярны друг другу.

Одна из этих линий проходит через участок с плетнем, что позволяет определить направление стен дома 9 — приблизительно по сторонам света. Интересно отметить, что эти линии совпадают с расположением стен более поздних каменно-сырцовых строений второй половины V в. до н. э. В слое разрушения дома 9 обнаружены фрагменты амфор, значительная часть которых аналогична амфорам дома 2, а также обломки амфор второй четверти — середины V в. до н. э. Среди них упомянем вкопанную нижнюю часть самосской амфоры. Чернолаковая посуда, в том числе и расписная чернофигурная, хронологически мало отличается от посуды из нижнего слоя. Следует отметить отсутствие на ней штампованного орнамента, появляющегося незадолго до середины V в. до н. э. [6, с. 22]. В доме 9 обнаружены также обломки керамики с горизонтальным и волнистым орнаментом, вероятно местного производства (рис. 9, 18, 19), и фрагменты хиосских кубков с белой и светло-желтой облицовкой.

Строительные остатки дома 10 находятся примерно на том же месте, где раньше располагался дом 5 (рис. 10). Полностью выявлена южная (длина ~14,6 м) и частично восточная стена дома. Направление западной стены определяется отпечатком плетня, обнаруженным в северном борте кв. LI. Указанные стены, между которыми образуются углы в 80 и 100°, очевидно, ограждали двор дома 10, причем стен, которые могли бы делить его на отсеки, характерные для ранних глинобитневых домов, не обнаружено. Это обстоятельство позволяет думать о том, что в это время в строительно-планировочных принципах происходят определенные изменения. Стены дома 10 выделялись (местами очень слабо) на окружающем фоне в виде серо-желтых полос шириной 0,15—0,25 см. Как по внешнему, так и по внутреннему краю южной полосы обнаружены фрагменты слабых отпечатков лозы или тростника, свидетельствующие о том, что основу стены составляли два параллельных ряда прутьев, промежуток между которыми забутовывался глиной. На площади кв. LII в 0,6 м к югу от этой стены и параллельно ей на протяжении ~6 м выявлены остатки еще одной стены с двумя ямками от столбов диаметром 10—11 см. Основания плетней обеих стен находятся на одном уровне. Место второй стены в системе строительных остатков раскопа определить не удалось. Находки, обнаруженные при раскопках дома 10, а также стратиграфия и хронология строительных горизонтов раскопа позволяют датировать время его существования второй третью V в. до н. э.

Дом 11 перекрыл слой разрушения постройки, имевшей сырцовые стены на черепяных основаниях, и находящиеся ниже остатки восточной части дома 10. Полностью открыта южная (длина ~6 м) и частично западная и восточная стены дома 11, возведенные в той же технике, что и стены дома 10. Основу их составляли укрепленные на деревянных опорных столбах два параллельных ряда плетней (или тростниковых стеблей), пространство между которыми шириной 0,3 м было забутовано желтой глиной (рис. 3, *2*). Характер расслоения этой глины позволяет полагать, что в некоторых местах для упрочения конструкции оба параллельных ряда плетней связывались поперечными прутьями. На фоне завала западной стены постройки выявлены четкие темно-серые полосы — следы упавших на северо-запад — запад трех столбов. Полосы прослежены на длину 1,5—1,6 м. Западные окончания их оборваны поздним перекопом. Внутри помещения выявлен глинобитный пол толщиной 1,5—2,5 см, сильно разрушившийся очаг и несколько ямок от столбов, часть которых, вероятно, поддерживало кровлю. Дно канавок от стен находится на 0,2—0,25 м ниже уровня пола, а столбы вбиты в среднем на 0,3—0,5 м ниже этого же уровня. В нескольких случаях вокруг ямок для столбов прослежена плотная забутовка из мелких камней, обломков керамики и печин. Обнаруженный в доме 11 керамический материал и общая стратиграфия раскопа датируют время его существования концом V — началом IV в. до н. э.

Сооружения, основу конструкций которых составлял обмазанный глиной плетень на столбах, были широко распространены в скифское время на многих

варварских поселениях Северного Причерноморья [15, 16 и др.], на греческих же памятчиках они встречаются достаточно редко.

Н. И. Сокольский, допуская использование плетения из камыша или ветвей в античном строительном деле для перегородок или крыши, связывал его с традициями местных племен [17, с. 254]. Сооружения с глиноплетневыми стенами обнаружены на некоторых поселениях ольвийской хоры и на поселении на о. Березань [18, с. 6, сл.; 19, с. 20]. Но детали устройства, планировка этих построек и истоки их происхождения не получили должного освещения. Отмечая наличие в полах многих землянок ямок для установки столбов, С. Д. Крыжицкий осторожно предположил, что по периметру землянок и полуземлянок могла находиться деревянная обвязка [18, с. 11; 19, с. 13, 14]. Но плетни, обмазанные глиной, он считает типичными для негреческого населения [20, с. 202].

Интересно обнаруженное в Ольвии здание конца IV в. до н. э., состоящее из двух помещений,— основу стен одного из них составляли столбы, на которых держался плетень [21, с. 42]. По мнению Н. А. Лейпунской, помещение, возможно, являлось хозяйственным сараем, однако наличие очага, четырех уровней полов и располагавшийся в южной стене вход, на наш взгляд, скорее свидетельствуют о его жилом назначении. Отметим, что такие же признаки характерны для жилых помещений фанагорийского дома 2.

Важным вопросом является попытка установить истоки происхождения данного строительного приема. Выше уже отмечалось, что многие исследователи склонны связывать применение глиноплетневых конструкций с традициями строительной практики местных племен. В научной литературе распространено мнение, что основными строительными материалами для возведения построек в античном мире были камень и сырцовый кирпич [22]. Дерево, тростник или плетение из ветвей использовались для перекрытий и крыш. Но сооружения, полностью возведенные из дерева и плетней, не были чуждыми эллинскому и римскому строительному делу. Уже в «Илиаде» дается описание дома Ахилла, сооруженного из бревен, с крышей из камыша и двором, окруженным частоколом (Il., XXIV, 450—454). Афинский акрополь, по Геродоту (Herod., VII, 142), издавна был укреплен терновым плетнем. Остатки подобного укрепления в виде палисада прослежены на поселении субмикенского и протогеометрического времени Карфи на Крите [23, с. 92, 96, 135]. Конструкции с использованием дерева и плетней широко применялись древними греками при осадных и оборонительных работах (см., например, Paus., I, XIII, *5*; Plin., N. H., XVIII; Thuc., II, *75*; IV, *90*; Xen. Hell., VII, *4*, *21*, *22*). Краткое упоминание о каких-то деревянных жилищах в хоре Афин имеется у Фукидида (Thuc., II, 16). Раскопками в Эретрии найден храм Аполлона VIII в. до н. э., стены и крыша которого по реконструкции его раскопщиков были возведены из плетней [24, с. 322]. И наконец, Витрувий, говоря о возникновении и развитии человеческого жилища после пещер и шалашей, отмечает, что следующим эволюционным типом были дома из плетней, обмазанные глиной (Vitr., II, *1*, *3*). Древний архитектор, повествуя о широком распространении подобных построек в Галлии, Испании, Лузитании, Аквитании, сообщает об одинаковом способе сооружения хижин у всех прочих племен, включая эллинов и римлян (Vitr., II, *1*, *4*, *5*). Для последних двух народов он приводит в качестве примеров глинобитную кровлю на Ареопаге в Афинах и хижину Ромула на Капитолийском холме в Риме, сохранившиеся еще в его время. Плиний совершенно определенно указывает на повсеместное распространение плетневых стен, обмазанных глиной (Plin., N. H., XXXV, *14*, *48*). Таким образом, можно определенно говорить о широком использовании глиноплетневых конструкций в строительном деле древней Эллады и Рима, и нет никакой необходимости искать истоки их происхождения у окружавших античный мир местных племен. Данная строительная техника, обусловленная в первую очередь необходимостью быстрого возведения жилищ при невысоком материальном достатке обитателей, а также доступностью определенных видов строительных материалов возникает и используется у многих древних народов независимо друг

от друга и от той стадии организации общества, на которой они находились. В этой связи представляется закономерным появление глиноплетневых построек в различных регионах античного мира, в частности в бедной камнем Фанагории. Итак, приведенные выше данные свидетельствуют о том, что фанагорийские глиноплетневые дома являются бесспорно греческими. Еще одним подтверждением данного вывода может служить происходящий из описываемых домов керамический материал, среди которого нет ни одного фрагмента, относящегося к материальной культуре туземного населения.

Фанагорийские дома 1—7 возведены на материке и, несомненно, связаны с первоначальной застройкой в первой четверти V в. до н. э. новой территории к югу и юго-востоку от месторасположения ранней Фанагории. Весь облик этих домов, использование имевшихся под рукой материалов свидетельствует о поспешности их сооружения. Еще Витрувий (Vitr., II, *8*, *10*) отмечал, что сооружения из хворостяных стен, обмазанных глиной, представляют значительную выгоду в смысле ускорения стройки. Такое же преимущество во времени и затратах материалов дает соединение жилищ в блоки. Характер расположения глиноплетневых домов говорит о том, что они занимали значительную по размерам площадь и располагались достаточно компактным массивом. Вместе с тем одновременное строительство на большей площади столь недолговечных и непрочных строений свидетельствует о возникшей острой необходимости быстрого расселения значительного контингента людей. Отметим и то обстоятельство, что, как можно судить на основании дома 2, хронологический разрыв между появлением глиноплетневых домов и самыми поздними погребениями раннего фанагорийского некрополя, лежащими ниже жилищ, невелик и, возможно, не превышал 10—20 лет. Все эти данные приводят нас к мысли о том, что массовая застройка южной части Фанагории связана с притоком нового населения — с новой волной греческих переселенцев — и происходила, вероятно, в новых, изменившихся социально-политических условиях, поскольку вряд ли второе или третье поколение фанагорийцев дало бы возможность возводить новые дома на могилах своих предков или позволило бы новым переселенцам сделать это в обычное время. Не безынтересно также сравнение планировки дома 2 с каменно-сырцовым зданием конца VI в. до н. э. в Киммерике, которое в свою очередь убедительно связывается с первыми греческими поселенцами [25, с. 235].

Раскопки разных участков городища показывают, что в первой половине V в. до н. э. территория Фанагории увеличивается приблизительно в два раза и достигает с учетом затопленной части города более 50 га. Несомненно, резкое расширение площади города связано со стремительным ростом численности его населения, что вряд ли можно объяснить естественным приростом. Все это свидетельствует о прибытии в Фанагорию дополнительных многочисленных переселенцев, чему имеются многочисленные аналогии в греческой колонизационной практике [26, с. 61]. Но откуда же могли прибыть эти переселенцы? В. П. Яйленко достаточно аргументированно установил три этапа в колонизации Северного Причерноморья, связанные с исторической ситуацией в Ионии с середины VII по рубеж VI—V вв. до н. э. [27, с. 140]. Появление новых колонистов в Фанагории также, по-видимому, можно объяснить событиями в указанном регионе. Как известно, начало V в. до н. э. ознаменовалось восстанием ионийских городов против персидского владычества (Herod., V, *98—126*). После разгрома восстания жители некоторых городов, спасаясь от жестокостей персов, бежали в различные районы эллинского мира. Например, часть самоссцев и беглецов из Милета отплыла в Занклу (Herod., VI, *22*), а жители Византия и Калхедона переселились в Мессембрию (Herod., VI, *32*). Не исключено, что какая-то часть беженцев из упомянутых и не перечисленных древним историком городов Ионии могла оказаться в колониях, расположенных на побережье Северного Причерноморья, в том числе и в Фанагории.

Как видно из описания, характерной чертой фанагорийских домов является объединение в блоки жилых помещений, каждому из которых соответствовал

изолированный дворик с хозяйственными постройками. Наличие отдельных двориков и очагов посередине каждого помещения указывает на их принадлежность отдельным семьям. Примерная стандартизация жилых и хозяйственных помещений говорит о принципах равенства обитателей домов, более свойственных первым этапам жизни переселенцев. Размещение домов в направлении с востока на запад может свидетельствовать об определенной регламентации застройки юго-восточного района Фанагории. Такая ориентация жилищ интересна еще по одной причине. Витрувий (Vitr., I, *6*, *8*) советовал планировать улицы города так, чтобы господствующие в данной местности ветры, разбиваясь об углы зданий, рассеивались. На Таманском полуострове преобладают северо-восточные и юго-западные ветры. Расположение домов, выдержанное в целом по странам света, полностью отвечает данному требованию. Все перечисленные соображения позволяют с большей долей вероятности считать глиноплетневые дома Фанагории временными жилищами прибывших новых переселенцев. Их строительство производилось, несмотря на поспешность, в соответствии с достижениями греческого градостроительного искусства, на основе единой планировочной схемы застройки и принципа равенства колонистов. Появление нового контингента переселенцев тесно связано с общеисторическими событиями в эллинском мире. Исследуемые дома открывают новые страницы истории и строительного дела не только в Фанагории, но и в античном мире в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кобылина М. М.* Страницы ранней истории Фанагории//СА. 1983. № 2.
2. *Зеест И. Б.* Керамическая тара Боспора//МИА. 1963. № 83.
3. *Рубан В. В.* О хронологии раннеантичных поселений Бугского лимана (По материалам хиосских амфор)//Материалы по хронологии археологических памятников Украины. Киев: Наук. думка, 1982.
4. *Онайко Н. А.* Архаический Торик. Античный город на северо-востоке Понта. М.: Наука, 1980.
5. *Roberts S. R.* The Stoa Gutter Well. A Late Archaic Deposit in the Athenian Agora//Hesperia. 1986. V. 55.
6. *Sparkes B. A., Talcott L.* Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries B. C.//The Athenian Agora. V. XII. Princeton, New Jersey, 1970.
7. *Clinkenbeard B. G.* Lesbian Wine and Storage Amphoras. A Progress Report on Identification//Hesperia. 1982. V. 51.
8. *Брашинский И. Б.* Новые данные о торговле Ольвии с Самосом//КСИА. 1967. Вып. 109.
9. *Шмидт Р. В.* Греческая архаическая керамика Мирмекия и Тиритаки//МИА. 1952. № 25.
10. *Копейкина Л. В.* Развитие чернофигурного стиля в клазоменской керамике//Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху. Л.: Аврора, 1979.
11. *Марченко И. Д.* Позднеархаическая мастерская оружейника в Пантикапее//СА. 1971. № 2.
12. *Черненко Е. В.* Скифский доспех. Киев: Наук. думка, 1968.
13. *Кругликова И. Т.* Сельское хозяйство Боспора. М.: Наука, 1975.
14. *Boardman J.* Athenian Red Figure Vases. The Archaic Period. L., 1975.
15. *Граков Б. Н.* Каменское городище на Днепре//МИА. 1954. № 36.
16. *Житников В. Г., Марченко К. К.* Новые данные о строительных комплексах Елизаветовского городища на Дону//СА. 1984. № 3.
17. *Сокольский Н. И.* Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. М.: Наука, 1971.
18. Культура населения Ольвии и ее округи в архаическое время. Киев: Наук. думка, 1987.
19. *Крыжицкий С. Д.* Жилые дома античных городов Северного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1982.
20. *Крыжицкий С. Д.* Строительная техника//Античные государства Северного Причерноморья. М.: Наука, 1984.
21. *Лейпунская Н. А.* Жилой район Ольвии к юго-западу от агоры (1972—1977)//Ольвия и ее округа. Киев: Наук. думка, 1986.
22. *Scranton R.* Greek Walls. Cambridge, 1941.
23. *Pendlebery J. D., Money Coults M.* Excavations in the Plain of Lasithi III. Karphi//Annual of the British School at Athens. 1937—1938. № 38.
24. *Coldstream J. N.* Geometric Greece. L., 1979.
25. *Кругликова И. Т.* Киммерик в свете археологических исследований 1947—1951 гг.//МИА. 1958. № 85.
26. *Яйленко В. П.* Греческая колонизация VII—III вв. до н. э. М.: Наука, 1982.
27. *Яйленко В. П.* Архаическая Греция//Античная Греция. Т. I. М.: Наука, 1983.

Институт археологии РАН,
Москва

DOLGORUKOV V. S., KOLESNIKOV A. B.

NEW TYPE OF BUILDING COMPLEXES IN PHANAGORIA

Summary

In 1981—1987 the remnants of 11 buildings were found in the southern part of Phanagoria. The main parts of constructions were clay-wattle-fance on the wooden poles. The analyses of written and archaeological data give a chance to suppose the spread using of clay-wattle-fance technique in appointed cases in Hellenic world. The absence of things of native population permits to consider the Phanagorian clay-wattle-fance buildings undoubtedly as Grecian. Seven buildings of the beginning and the second quarter of V cen. B. C. are connected to the initial building of the southern part of Phanagoria. The rise of this compact housing unit estate, covering the earliest Phanagorian necropolis, was necessitated of settling of large group of people. The available materials permit to think that it was connected with new wave of Ionic Greeks, escaped after defeat of revolt in Ionic cities against Persian empire in the beginning of V cen. B. C. The finds of more late clay-wattle-fance buildings of Phanagoria evidence about existence of such technique to the beginning of IV cen. B. C. and may be later.

Э. В. РТВЕЛАДЗЕ, Ш. Р. ПИДАЕВ

ДРЕВНЕБАКТРИЙСКАЯ КРЕПОСТЬ ТАЛАШКАН-ТЕПЕ I

При рекогносцировочных работах отряда Узбекистанской Искусствоведческой экспедиции Института искусствознания им. Хамзы летом 1972 г. в Шерабадской степи у заброшенного кишлака Талашкан, в 15 км к юго-западу от г. Шерабада была обнаружена группа археологических памятников, состоящих из трех тепе, находящихся на небольшом расстоянии друг от друга. Самое южное из них, обозначенное как Талашкан-тепе I, представляет собой округлое в плане поселение диаметром около 130 м, площадью более 1,6 га, ориентированное по сторонам света (рис. 1). Высота вала былых стен сохранилась от 0,5 м в южной части, до 2,5 м в северной и северо-западной. Микрорельеф внутреннего пространства нарушен и, по-видимому, спланирован при сельскохозяйственных работах. При рекогносцировке был собран подъемный материал, состоящий из фрагментов керамики цилиндро-конических форм с подкосом в придонной части, анализ которой позволил предварительно отнести основной период обживания этого поселения к V—IV вв. до н. э. [1, с. 469].

Осенью 1973 г. был произведен частичный разрез северного фаса крепостной стены, определивший структуру стен и стратиграфию прилегающего к ней участка поселения [2, с. 19—24].

В весеннем полевом сезоне 1977 г. совместным отрядом Института археологии АН УзССР и Института искусствознания им. Хамзы Министерства культуры УзССР раскопки были продолжены, однако результаты этих исследований опубликованы пока лишь частично [3, с. 533].

В данной статье подводятся основные итоги археологических раскопок на Талашкан-тепе I.

Структура стены. Верхние слои крепостной стены до середины конца первого яруса представлены остатками сильно разрушенной кладки. В конце I яруса и до 20 см VII яруса прослежена монолитная кладка из сырцового кирпича (62×34×10; 62×31×10; 58×29×10 см) плотной структуры с небольшой примесью самана, при ширине швов между кирпичами 1—2 см. Стенка была возведена на плотном материковом слое темно-коричневого цвета, ширина ее у основания равна 5 м, сохранившаяся высота — 3,2 м. С внешней стороны стена имеет незначительный уклон, с внутренней — ступенеобразный выступ. На некоторых ее участках сохранилась глино-саманная штукатурка толщиной 2 см. Стену прорезают два ряда бойниц: первый из них находится на высоте 0,8 м от подошвы, второй — на 0,7 м выше. Бойницы (50×25 см) прямоугольные и со стрельчатым завершением; они расположены на расстоянии 1,7—2 м друг от друга.

Исходя из ширины стены, можно предположить, что данные бойницы не отвечали прямому их функциональному назначению, а являлись, вероятно, световыми отверстиями или играли роль своего рода психологического воздействия на противника. Были также выявлены две округлые в плане башни диаметром по внешнему обмеру 9,4 и 9,6 м с внутрибашенными помещениями (4×2,6 м); толщина стен 2,6—2,8 м. В юго-восточных углах башень имеются проходы длиной 4,1—4 м, шириной 0,6 м. В стенах башень — бойницы, расположенные в два ряда в шахматном порядке, нижние — на высоте 0,6 м от подошвы, верхние — 1,1 м.

© Э. В. Ртвеладзе, Ш. Р. Пидаев, 1993 г.

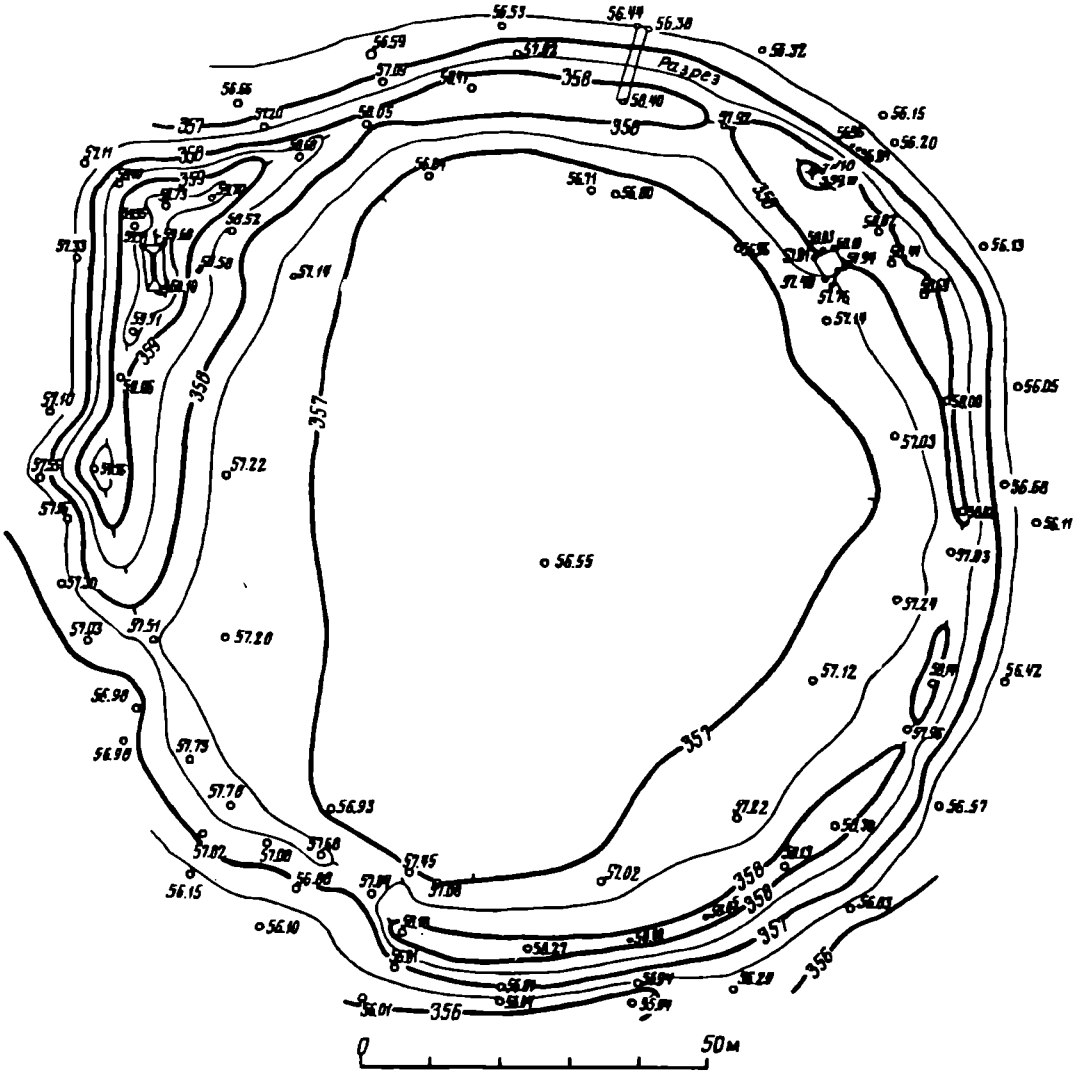


Рис. 1. План Талашкан-тепе I

По форме и размерам они аналогичны бойницам в крепостной стене. Башни выступают от нее на 5—5,2 м, расстояние между ними 15 м (рис. 2).

Судя по микрорельефу, аналогичного типа башни размещались по периметру всей стены, общее их количество 14 или 15.

Стратиграфия. Культурные слои с внутренней стороны поселения представлены хозяйственно-бытовыми отложениями. От II до V яруса прослеживается рыхлая земля сероватого цвета с большим количеством фрагментов керамики, костей животных, угольков, зеленоватыми органическими прослойками, зольниками и уплотненными линзами разрушенной стены. На уровне начала VI яруса отмечен мощный органический слой от 0,2—0,3 до 0,7 м толщины. Под ним залегает слой земли коричневатого цвета с керамикой, костями животных, сменяющийся на уровне начала VII яруса материком. В начале VII яруса прослежена яма шириной 1,5, глубиной 0,5 м, вырытая в материке около стены, в которой оказался разнообразный археологический материал, состоящий из фрагментов керамики и керамических «фишек». Непосредственно у стены на уровне конца V яруса отмечено скопление глиняных ядер в количестве более 30 экз. и зернотерок.

Верхние горизонты участка (I—III ярус) с внешней стороны стены слагались из слоев натечно-надувного характера, переотложенных заполнений поздних мусульманских погребений, зольника и комковатого компонента, представляю-

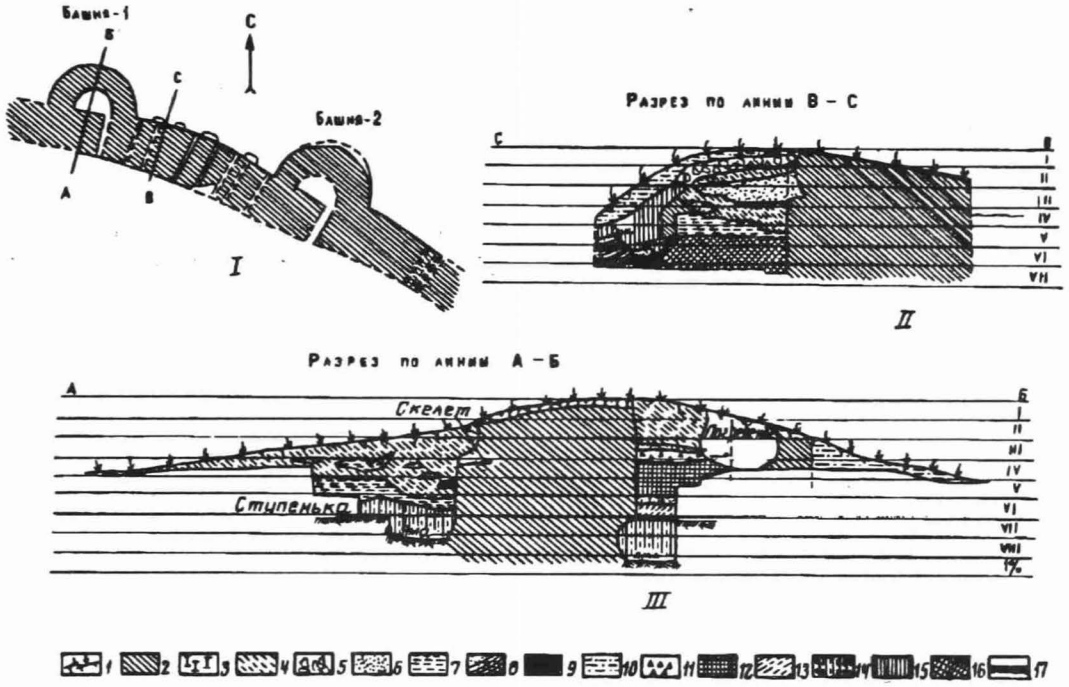


Рис. 2. План раскопанного участка крепостной стены, разрезы по оси АБ, ВС: *1* — дерновый слой; *2* — стена из прямоугольного сырцового кирпича; *3* — разрушенная кладка стены; *4* — рыхлый слой, заполненный фрагментами керамики, костей животных, угольков; *5* — разрушенная пахса; *6* — зольник; *7* — зеленоватый органический слой; *8* — зольник с прослойками земли; *9* — плотный слой; *10* — натечно-надувной слой; *11* — слой рыхлой комковатой земли; *12* — плотный слой земли с малым количеством керамики; *13* — обгорелая глина; *14* — мягкий слой коричневатого цвета с керамикой, угольками, костями животных; *15* — коричневая земля; *16* — чередующиеся прослойки органики и рыхлой земли с известковыми вкраплениями; *17* — материк

щего собой завал былой оборонительной стены. Ниже, на уровне начала IV яруса, прослеживается слой плотной земли с малым количеством керамики, который подстилают прослойки золы и обгоревшей земли, идущие до уровня материка, начавшегося на верхнем уровне VII яруса. В материке вырыта яма шириной 1,5 и глубиной 1,0 м, уходящая под стену, заполненная рыхлой землей с большим количеством керамики и костей животных. Еще четыре аналогичные ямы, обнаруженные в пространстве между башнями с внешней стороны стены, уходят частично под ее основание (рис. 2, *3*).

Стратиграфия культурных отложений здесь несколько иная: с внешней стороны, к востоку от башни 1, общая их толщина — 3,1 м, слои идут наклонно с юга на север (рис. 2, *2*). Нижний слой (середина V—VI яруса), залегающий на материке, представляет собой чередующиеся прослойки органики и рыхлой земли с известковыми вкраплениями, фрагментами керамики и костями животных. Выше (середина V — середина IV яруса) залегает слой органики зеленоватого цвета. На уровне начала этого слоя, на расстоянии 1,9 м от крепостной стены, начинается пахсовая стенка шириной 0,6 м, сохранившаяся на высоту более 1 метра (до конца III яруса). Над слоем органики и стеной залегает рыхлый слой земли с керамикой и угольками, идущий наклонно с севера на юг, толщиной 0,5—0,7 м. Над ним прослежен мощный зольный слой восьмидесятисантиметровой толщины, а выше (конец II — середина I яруса) — слой, представляющий собой разрушенный кирпич упавшей крепостной стены, который перекрывает натечно-надувной слой, выходящий на дневную поверхность (рис. 2).

Таким образом, стратиграфия пристенного участка позволяет сделать следующее заключение:

1. Ямы, выкопанные в материке и симметрично расположенные вдоль стен, могли быть своего рода «ловушками», затруднявшими доступ противнику при штурме стены.

2. На завершающем этапе существования Талашкан-тепе I пристенные участки вдоль стен используются для обживания — об этом свидетельствуют характерные культурные отложения и остатки стен помещений.

3. Эти помещения затем забрасываются, а поверх них накапливаются сбросовые мусорные слои.

4. После полного прекращения жизни на поселении стены постепенно разрушаются.

5. В обживании поселения намечаются два основных периода. В первый период возводится круглая в плане крепость с мощными стенами из крупноформатного прямоугольного сырцового кирпича, защищенными четырнадцатью или пятнадцатью вынесенными вперед башнями. Вход в крепость находился в северо-западном участке стены и, видимо, был также защищен с обоих сторон башнями. Ров вокруг крепости сейчас не прослеживается, однако наличие его, судя по впадине перед стеной, прослеживаемой с северной стороны, не исключено. Обживание внутри крепости было достаточно интенсивным, особенно в пристенных участках.

Во второй период поселение утрачивает функции крепости. С внешней стороны участки, прилегающие к стене, используются под жилые помещения, которые функционируют, видимо, непродолжительное время, а затем забрасываются. Затем поселение окончательно прекращает свое существование.

Находки. Среди находок из Талашкан-тепе I преобладает керамика, которая по своим технологическим признакам и формам предстает в основном как синхронный комплекс. Вся она, так же как и остальной археологический материал, найдена в пристенных участках. По технике изготовления ее можно подразделить на станковую и лепную. В первой группе подавляющее большинство составляет посуда цилиндроконической формы с подкосом в придонной части, изготовленная из хорошо отмученной глины. Снаружи до перегиба почти все сосуды покрыты светло-желтоватым ангобом, но в придонной части внешняя поверхность обычно красноватого цвета, так же как и изнутри. Обжиг чаще всего равномерный.

По форме и технологическим признакам все цилиндроконические сосуды близки между собой и различаются лишь формой венчика и размерами, что соответствует, вероятнее всего, определенному их функциональному назначению. По этому признаку можно выделить тарную и столовую посуду.

К тарной посуде относятся хумы и хумчи аналогичной формы с уплощенным, округлым или подтреугольным венчиком; стенки в верхней части иногда гофрированы, дно плоское. Основные размеры: Д — 29—42 см; Д венчика 26—40 см; Д донца 7—14 см. Соотношение придонной и верхней частей 1 : 3 (рис. 3).

На стенке одного сосуда имеется выполненный черной краской знак, близкий по очертаниям знаку на керамике из комплекса ЯЗ II [4, табл. XXXIX].

Столовая посуда этой группы представлена многочисленными фрагментами и целыми сосудами аналогичной цилиндроконической формы, отличающейся от предыдущего типа размерами, прямым венчиком, более вогнутыми стенками верхней части, резким перегибом в придонной части и более высоким качеством выделки (рис. 4—6).

Основные размеры: Н — 12—21 см; Д венчика — 12—15 см; Д донца — 5,5—6,5 см, встречаются сосуды и более мелких размеров, но только в фрагментах.

Лепная керамика представлена фрагментами котлов с прямым невысоким венчиком, шаровидным туловом и дужкообразными ручками на шейке, имеющими, вероятно, декоративное назначение, а также плоскими, дисковидными с небольшими бортиками жаровнями.

Рассмотренный керамический комплекс из пристенных участков Талашкан-тепе I обнаруживает близкое сходство с керамикой многих памятников Средней Азии VI—V вв. до н. э. Так, цилиндроконические сосуды больших и малых форм в определенной мере аналогичны керамике из слоев ЯЗ III [4, с. 41, табл. XIII], Афрасиаба I [5; 6, с. 159—162], Ер-Кургана [7, с. 25—31], но особенно синхронных памятников Северной Бактрии: Нижний Болдай [8, с. 87—91], Кобадиан I

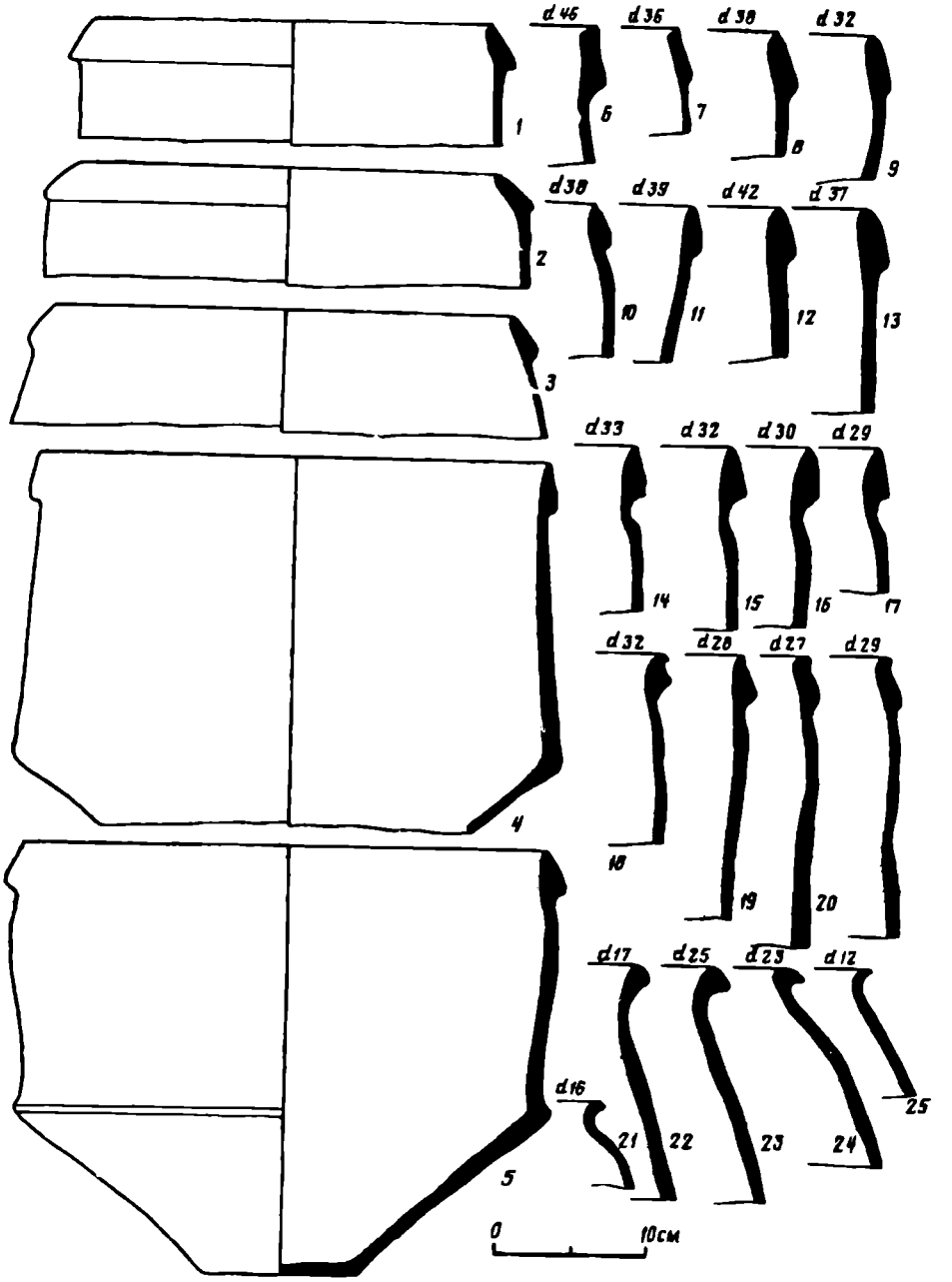


Рис. 3. Станковая керамика. Хумы и хумчи

[9, с. 121—140], Кучук III—IV [10, с. 106, табл. 16], Кызыл III [11, с. 27, рис. 2]. Согласно этим аналогиям, можно отнести время возведения и функционирования оборонительной стены Талашкан-тепе I к VI—V вв. до н. э.

Другой археологический материал, найденный здесь, составляют керамические кобуры, «фишки», ядра, каменные орудия, наконечники стрел, украшения.

Глиняные трубы-кобуры представлены несколькими фрагментами с прямыми стенками, плавно расширяющимися к одному из концов, диаметром от 9 до 15 см в средних и нижних частях. Аналогичные кобуры найдены нами на поселении V—VI вв. до н. э. Гази-Мулла у кишлака Бандыхан в Ургульском оазисе, где они прослежены на расстоянии 30 м.

Керамические фишки — более 100 экз. Они имеют округлую или многогранную форму и, по всей вероятности, были выточены из отдельных фрагментов керамики. По размерам выделяются две группы: 1) Д — 2—3 см; 2) Д — 5—6 см. Идентичные предметы обнаружены на ряде северобактрийских памятников

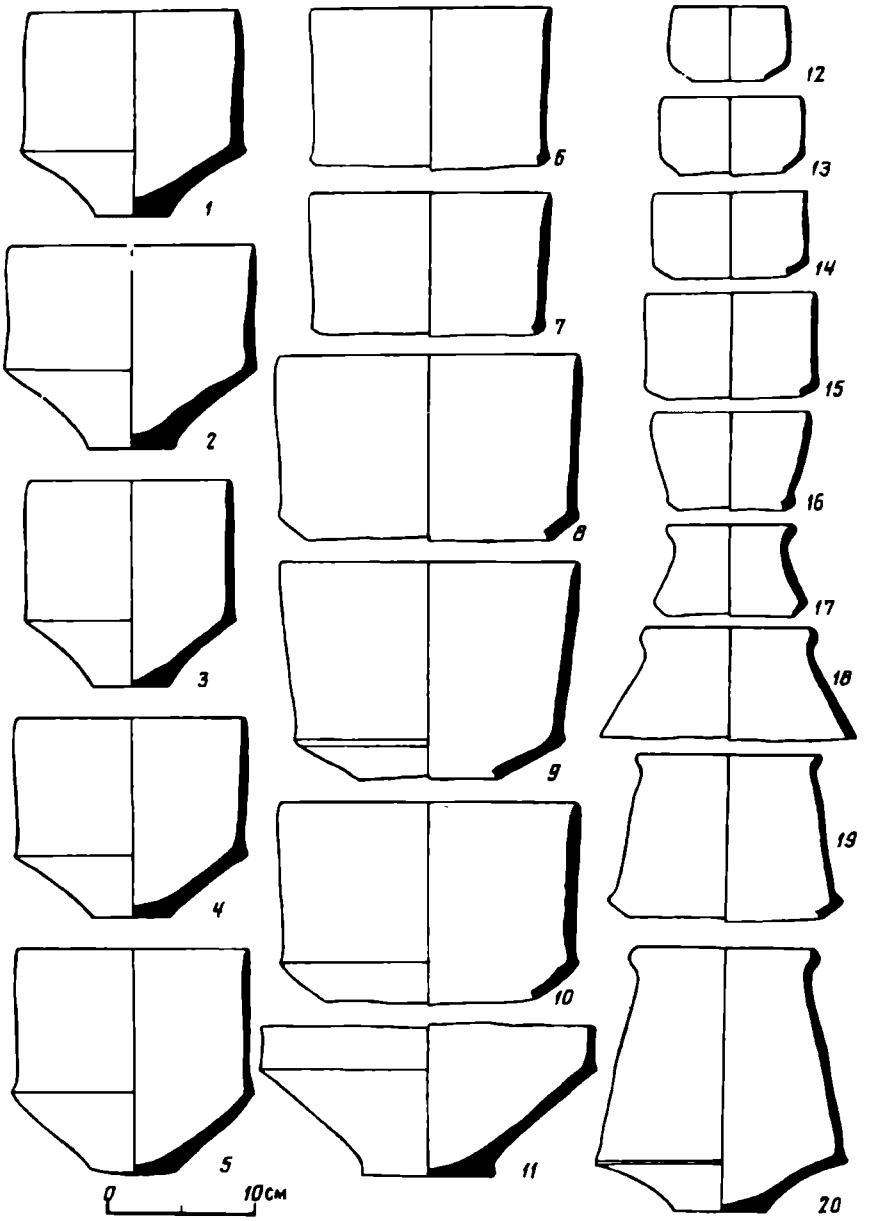


Рис. 4. Станковая керамика

ахеменидского времени (Кобадиан I, Кучук-тепе). Единого мнения об их назначении не существует. Находки из Кобадиана были отнесены к возможным атрибутам какой-либо из древних игр [8, с. 275]. «Фишки» с Кучук-тепе считались предметами, служившими для прикрывания отверстия на дне сосуда [12, с. 73], что маловероятно, учитывая многочисленность этих предметов. Не исключено, что они выполняли функции счетных единиц.

Глиняные ядра — около 70 экз. Они изготовлены из необожженной глины, представляют два типа. 1. Биконические размером 3,5×6,5 см с четкой гранью по центру или же яйцевидной формы (рис. 7, *9*, *10*). Подобного типа ядра предназначались, по всей вероятности, для стрельбы из ручной пращи [2, с. 23; 4, с. 38]. 2. Крупные ядра округлой формы диаметром 10—12 см. Довольно значительные размеры и вес данной группы дают возможность предположить, что они предназначались для стрельбы из специальных приспособлений наподобие катапульт (рис. 3, *8*).

Зернотерки — более 25 экз. Изготовлены из гранита и грандиорита серого и темного цветов. Форма овальная, рабочая поверхность плоская, изредка вогнутая. Размеры: ширина 7—15 см, длина 30—35 см (рис. 3, *1—3*).

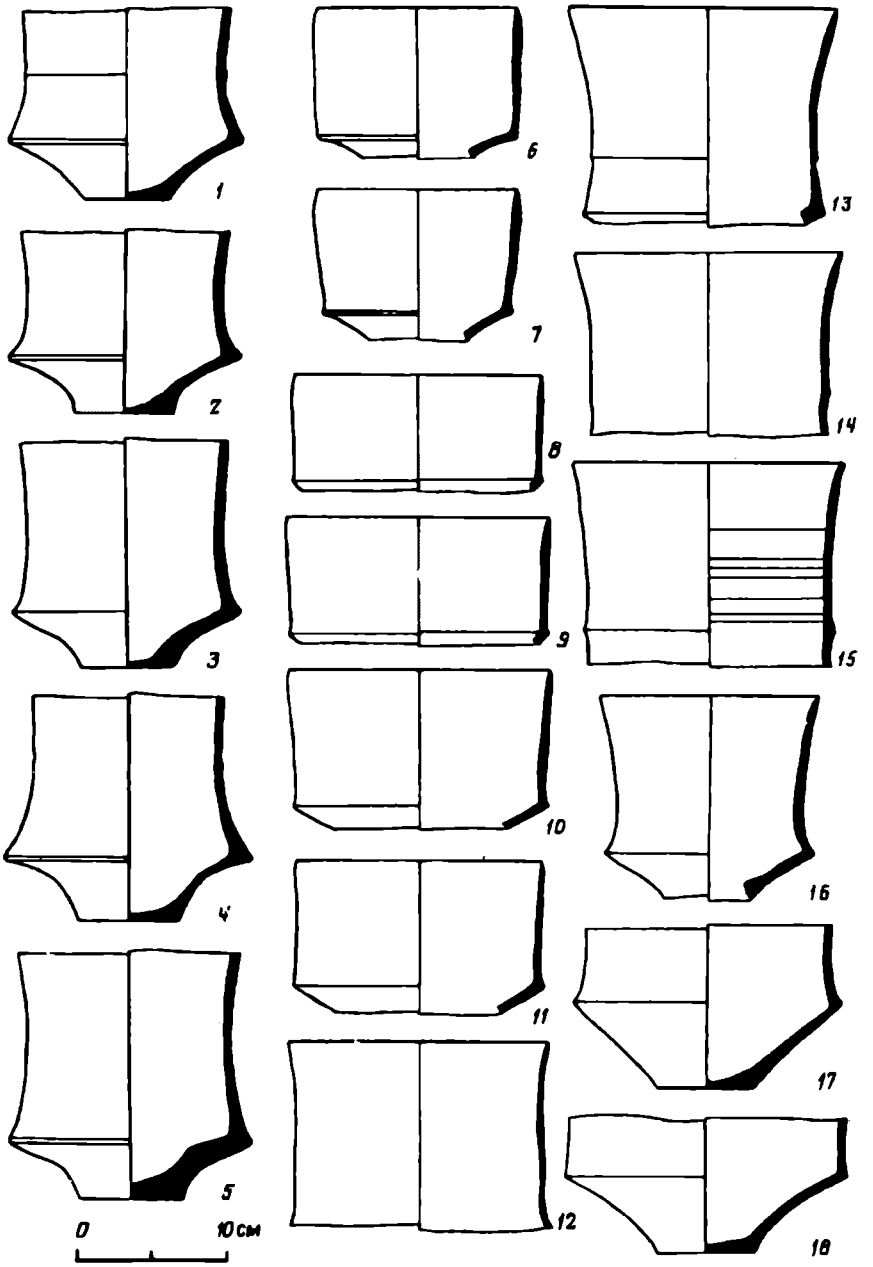


Рис. 5. Станковая керамика

Пестики — 3 экз. Изготовлены из удлиненных галек серого цвета. В сечении круглые, диаметром 5,5—6 м. Рабочая концевая часть сильно стерта (рис. 7, *5*).

Терочники — 2 экз. Изготовлены из гранитных пород серого цвета. Все они округлой формы, диаметром до 6 см. На ряде сторон у них имеется плоская площадка со следами шлифовки (рис. 8, *6*). Аналогичные предметы найдены на Сепалли-тепе, но А. Аскаров предпочитает именовать их отбойниками [13, с. 89, 90].

Точило — 2 экз. Они прямоугольной формы, изготовлены из песчаника. Длина 11, ширина 3 см (рис. 7, *7*).

В целом многие каменные орудия из Талашкан-тепе I весьма близки аналогичным предметам из памятников эпохи бронзы Сапалли-тепе [13, с. 88—91] и раннего железа (Бандыхан I), что, с одной стороны, говорит о преемственности культур, а с другой — об известном консерватизме и отсутствии заметного прогресса в поисках более совершенных форм орудий труда.

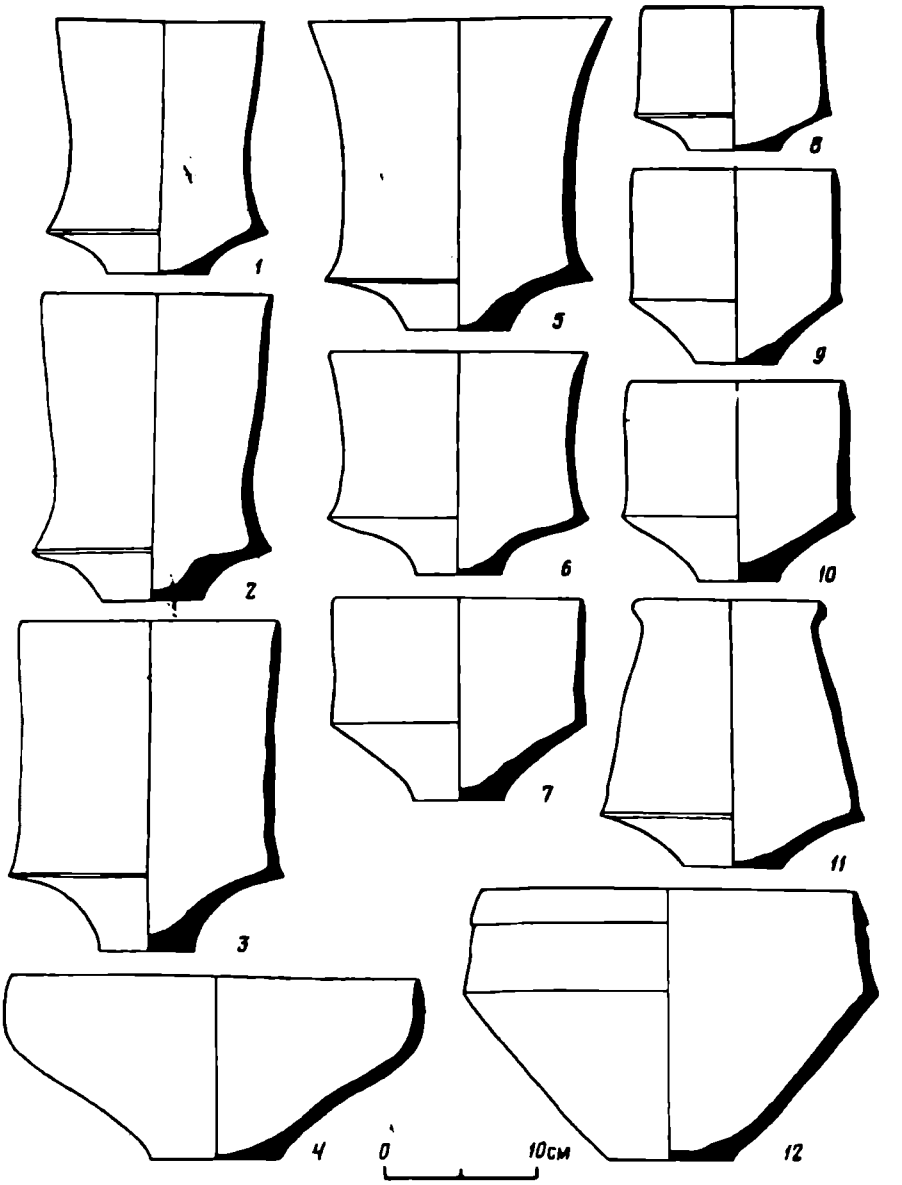


Рис. 6. Станковая керамика

Наконечники стрел — 3 экз. Один из них изготовлен из кремня зеленого цвета. Форма его лавролистная. Длина 5 см, наибольшая ширина 2 см. На обоих продольных боковых частях наконечника отчетливо прослеживается следы двухсторонней обработки техникой отжимной ретуши (рис. 8, *1*). Трассологический анализ, осуществленный Т. Мирсаатовым, показал, что на боковых его частях имеются следы в виде заполировки, характерной для орудий типа скребков. Т. Мирсаатов полагает, что этим орудием в качестве скребка для обработки шкур животных пользовались недолго, так как у него отсутствуют поперечные линейные следы. Вероятно, данный наконечник стрелы, после того как он пришел в негодность, стал использоваться в качестве скребка.

Второй наконечник изготовлен из высококачественного кремня коричневого цвета. Длина его 10 см, наибольшая ширина 2,2 см. Форма наконечника лавролистная, со слегка выраженным черешком на основании. С двух сторон он тщательно обработан техникой отжимной ретуши (рис. 8,*1*).

Оба кремневых наконечника стрел находят прямые аналогии по форме и по технике изготовления в памятниках эпохи бронзы. В частности, аналогичные

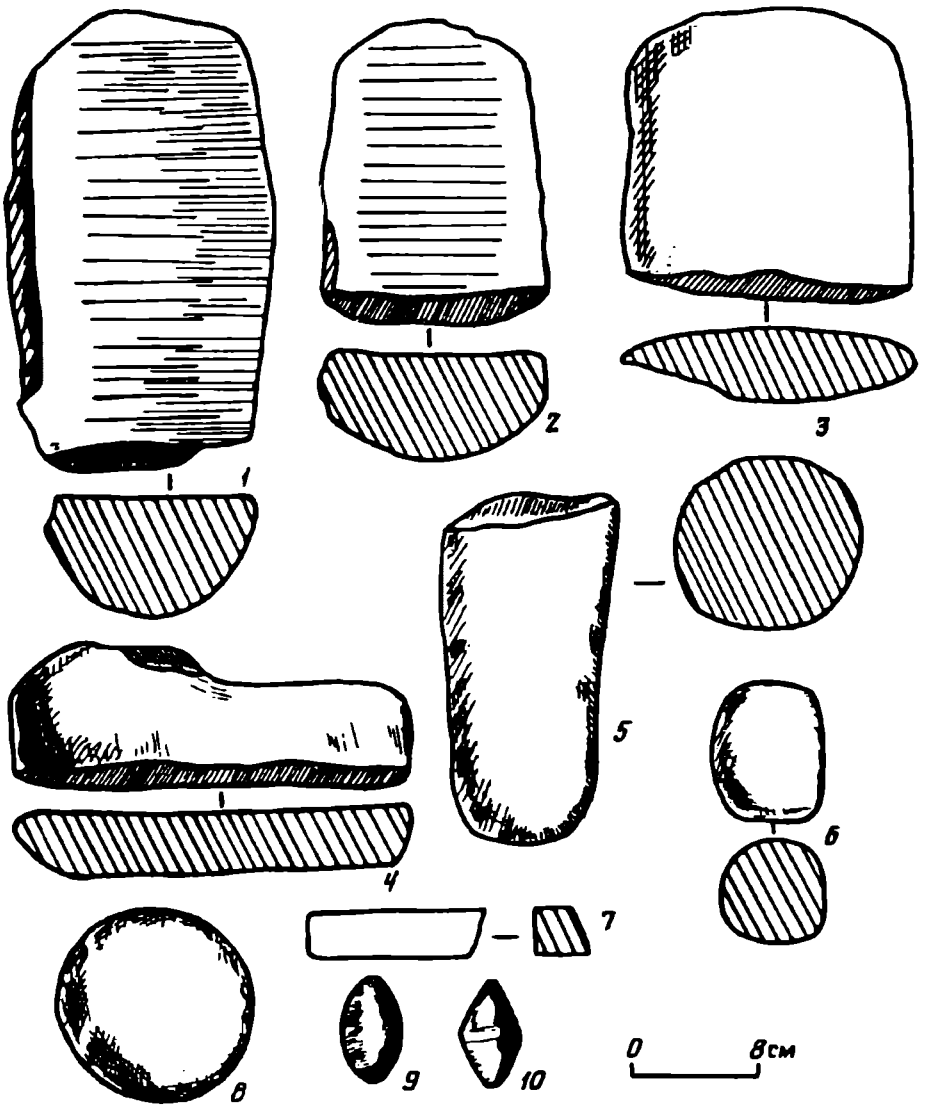


Рис. 7. Каменные орудия труда и глиняные ядра

наконечники представлены на Сапалли-тепе [13, с. 86—88, табл. 28], Джаркутане [14, с. 193, табл. XXIX], в Мургабском оазисе [4, табл. XIII] и в раннетулхарском могильнике [15, табл. IX].

Бронзовый трехлопастной черешковый наконечник стрелы имеет слегка опущенные жальцы. Черешок в верхней части овальный в сечении, внизу прямоугольный (рис. 9,*11*). Ранее аналогичные наконечники стрел были найдены при раскопках Карамурунского могильника в центральном Казахстане, датируемого VII—VI вв. до н. э. [16, с. 378] и в могильнике Бегаза VIII—VII вв. до н. э. [17, с. 117]. Их находки известны в Восточном Казахстане и датируются VI—V вв. до н. э. [18, с. 83], а также в низовьях Сырдарьи и в могильнике Уйгарак VII—V вв. до н. э. [19, с. 92—95]. Данный наконечник стрелы более близок наконечникам стрел из Кучук-тепе, расположенном в 10 км к юго-западу от Талышкан-тепе I. Они были обнаружены в верхних слоях шурфов и в захоронении и датируются Л. И. Альбаумом, полагающим, что они имеют сакское происхождение [12, с. 79, рис. 3], первой четвертью IV в. до н. э. По мнению Б. А. Литвинского, исходной формой наконечников стрел данного типа являются наконечники стрел типа найденных в могильнике Бегаза [20, с. 99].

Таким образом, на основании аналогии, наконечник стрелы из Талашкан-тепе

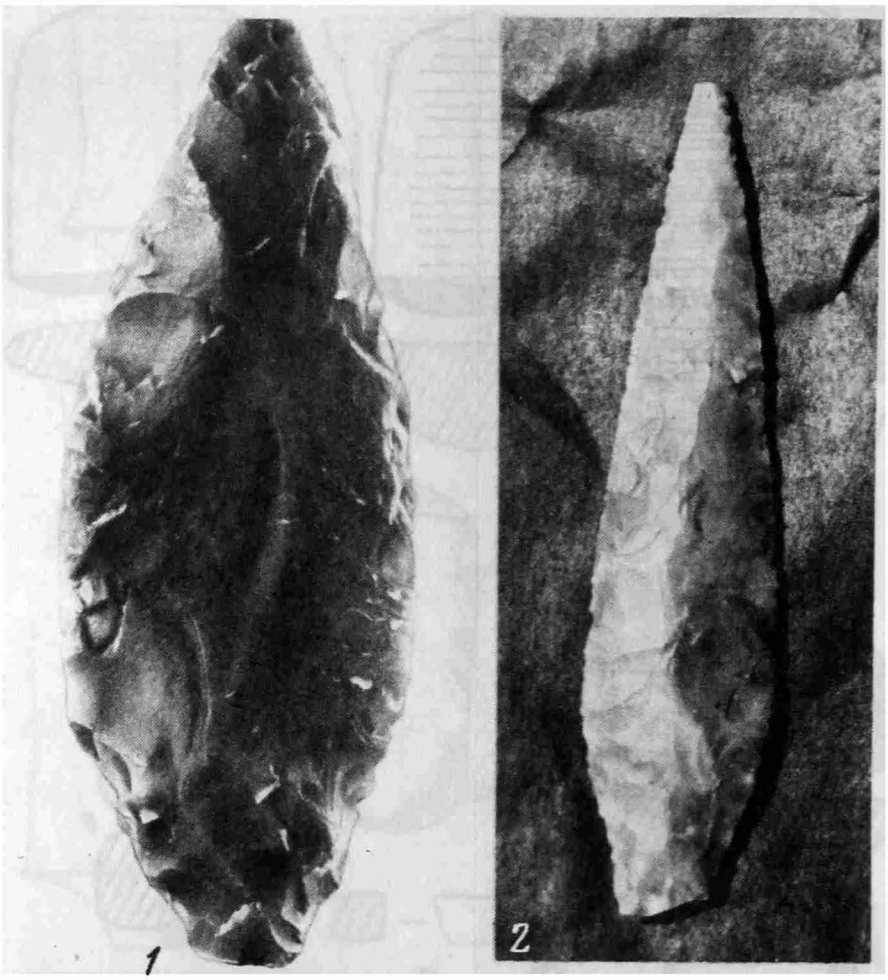


Рис. 8. Кремневые наконечники стрел

I может быть датирован в пределах VIII—IV вв. до н. э., хотя для этого времени более характерны трехгранные и двухлопастные втульчатые наконечники стрел.

Украшения. Среди них — костяные и каменные бусы (рис. 9, *1—10*). Костяные бусы цилиндрической формы, шлифованные, Д — 0,9—1,1 см. Каменная бусина эллипсоидной формы изготовлена из серовато-черного камня с желтой полосой. Длина 3,3 см, наибольшая ширина 1,2 см. Сверление одностороннее.

Найдено также 927 костей, принадлежавших 78 особям. Преобладают кости домашних животных — 78,2% (крупный и мелкий рогатый скот, свиньи, лошадь, осел, верблюд). Дикие животные представлены костями лисицы, кулана, джейрана [21, с. 49—55].

Следует отметить находки рогов оленей, концевая часть которых, отполированная до блеска, сохранила следы длительного их использования, однако, функциональное назначение этих предметов остается неясным (рис. 10). Подобные предметы найдены на поселениях эпохи бронзы: Дашлы 3, Сапалли-тепе, Джаркутан [14, с. 200, табл. XXXVI, рис. 10; 22, с. 103].

Рассмотренные материалы позволяют говорить о том, что Талашкан-тепе I является своеобразным археологическим памятником Северной Бактрии ахеменидского времени. Обращает на себя внимание его планировка в виде круга, напоминающая план Эрк-калы в Маргиане и ряда памятников Южной Бактрии [22, с. 34, 118; 23, с. 7—95], что может свидетельствовать о единых градостроительных приемах в этих областях. Наличие вокруг Талашкан-тепе I мощной оборонительной стены — показатель достаточно серьезного значения, которое придавалось этому поселению, по площади довольно незначительному. Учитывая эти данные, можно предположить, что Талашкан-тепе I является крепостью или

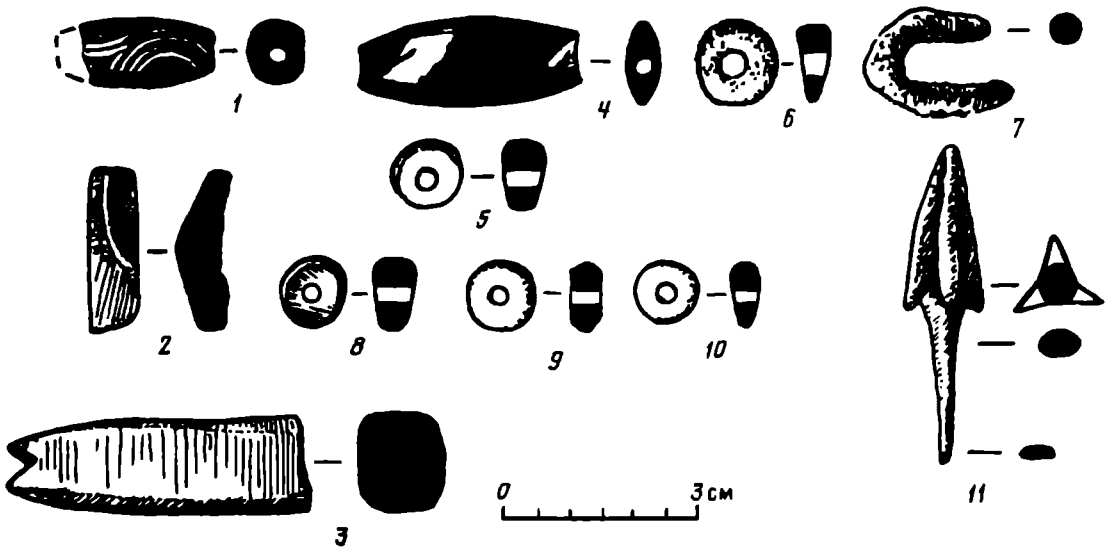


Рис. 9. Украшения

цитаделью большого поселения, так как за пределами стены отмечены следы обживания некоторых участков.

Обратимся к фортификации Талашкан-тепе I. Первые фортификационные сооружения в Бактрии и, в частности, в правобережье Амударьи, возникают во второй четверти II тыс. до н. э., когда сюда мигрируют оседлоземледельческие племена из долины Мургаба и Прикопетдагской равнины. Во всяком случае, на поселениях гиссарского неолита (IV—III тыс. до н. э.) и на синхронных памятниках левобережья Амударьи оборонительных сооружений пока еще не обнаружено. В то же время совершенство фортификационных систем крепостей эпохи бронзы уже в начальной стадии их развития говорит о прочных традициях и навыках, каковые отсутствовали у местного населения Бактрии. Тип «крепость — неукрепленное поселение» широко распространяется здесь в данное время, хотя в структуре фортификационных систем наблюдаются определенные различия.

Крепости Южной Бактрии (Дашлы 1 и Дашлы 3) демонстрируют зрелую фортификацию: первая — прямоугольник плана, охваченный кирпичной стеной толщиной 4 м, фланкированной по углам и периметру округлыми в плане башнями; вторая круглая в плане, защищена двумя рядами стен с обводной галереей, а по внешнему кольцу стен — девятью прямоугольными башнями [22, с. 30—40].

Несколько иная фортификационная система в крепости Сапалли в правобережье Амударьи, где как будто бы отсутствуют башни, хотя угловые, судя по первоначальному микрорельефу, могли быть, но система обороны крепости тем не менее достаточно эффективная — она осуществлялась тремя рядами стен и лабиринтообразными коридорами.

Тип «крепость — неукрепленное поселение» сохраняется здесь и в переходный период от эпохи бронзы к раннему железу. В это время на юге Средней Азии повсеместно возникают цитадели на мощных искусственных платформах из пахсы и сырцового кирпича, но в Северной Бактрии этот процесс, по-видимому, несколько запоздал. На поселении Бандыхан I (X—VIII вв. до н. э.), основанном на естественном лёссовом останце высотой около 1,5 м, только на самом последнем этапе существования, на накопившемся культурном слое предшествующего времени мощностью 5,5 м, была возведена двухметровая сырцовая платформа под какое-то монументальное здание [24, с. 32].

Следующий этап развития искусства фортификации в правобережье Амударьи характеризует поселение Бандыхан II (VII—VI вв. до н. э.), где впервые в бактрийской фортификации фиксируется применение бойниц в башнях. Поселение

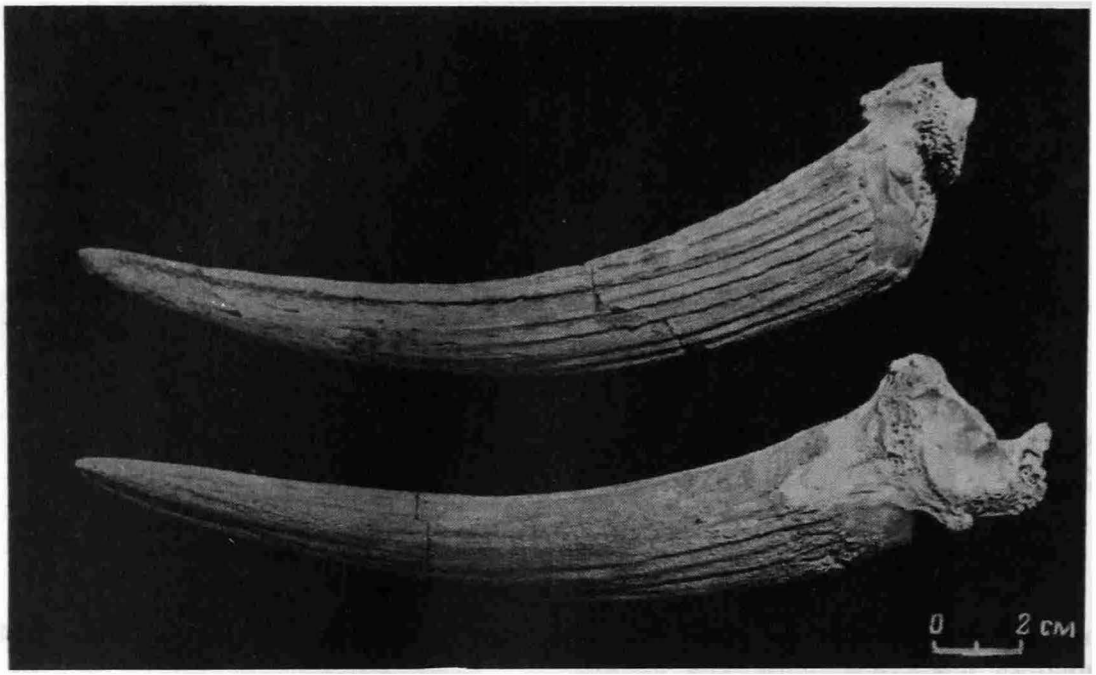


Рис. 10. Рога оленей

состоит из крепости площадью 1 га и неукрепленной части около 13 га, причем крепость основана не на искусственной платформе, а на невысоком лёссовом останце. Она расположена в углу поселения, с двух сторон — западной и южной — обведена естественным протоком, с восточной и северной — специально вырытым рвом; крепость обнесена стеной из пахсы толщиной 2 м, защищенной овальными в плане башнями диаметром 7—7,8 м с бойницами клиновидной формы, расположенными по углам крепости и на фронтальных участках стен. Собственно поселение хотя еще и не имеет оборонительных стен, но располагается таким образом, что со всех сторон его защищали естественные рвы — широкие русла протоков, заполненных, надо полагать, в древности водой. В этих естественных протоках, ограждающих собственно поселение, можно видеть истоки второго водного искусственного защитного рубежа (ров у цитадели, ров у города), который возникает в бактрийско-ахеменидский период и становится обязательным элементом фортификации бактрийских городов кушанского времени.

Таким образом, в период, непосредственно предшествующий завоеванию Бактрии Ахеменидами, фортификация ее поселений являла собой довольно сложную систему, включающую целый комплекс оборонительных сооружений: крепость на естественном лёссовом останце или на искусственной платформе, усиленная башнями с бойницами для стрельбы и обведенная рвом, огорождение собственно поселения системой естественных протоков, выполняющих функции рва.

Значительный прогресс фортификации по сравнению с предшествующим периодом, по-видимому, означает не только дальнейшее совершенствование военно-оборонительного искусства, но, вероятно, кардинальное изменение в социальной структуре общества, связанное с распадом первобытнообщинных и становлением классовых отношений.

С вхождением Бактрии в состав Ахеменидского государства в 539 или 530 гг. до н. э. фортификация ее городов получает дальнейшее развитие.

В правобережье Амударьи в этот период возникают или получают дальнейшее развитие разнообразные типы поселений, имеющих достаточно сложную систему оборонительных сооружений, в частности Кызыл-тепе и Талашкан-тепе I.

Кызыл-тепе и Талашкан-тепе I — два разных типа памятников: первый — формирующийся город, второй — тип позднейших римских refugium, по этой причине и система их крепостных сооружений различна.

В Кызыл-тепе четко выделяются три части: крепость, собственно город и «пригород». Две первые части имели свою систему оборонительных сооружений.

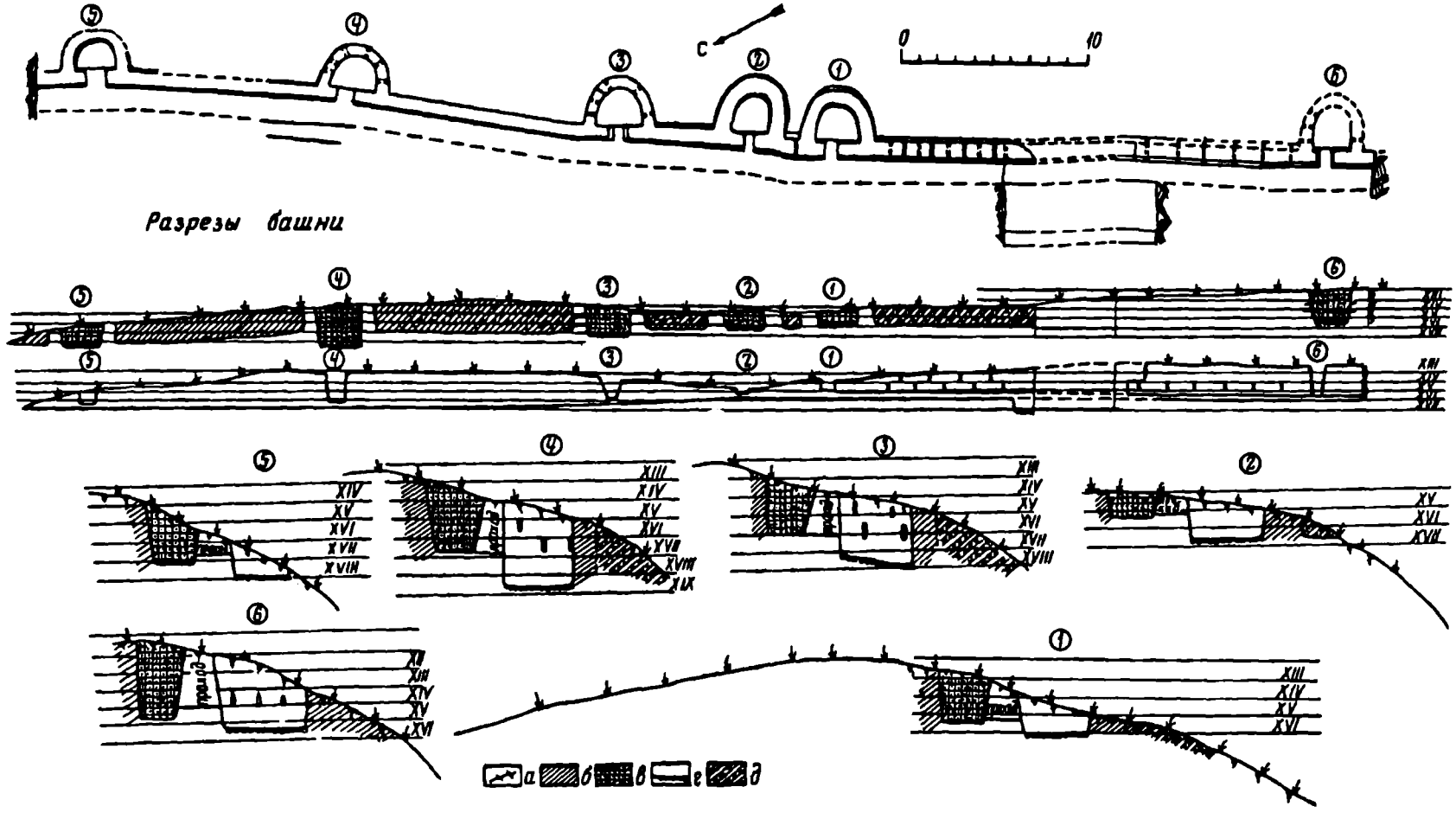


Рис. 11. Кызыл-тепе. План и разрезы восточного фаса крепостной стены по З. А. Хакимову. *а* — дерновый слой; *б* — стена; *в* — глинобитная забутовка; *г* — гальки; *д* — завал из пахсы

Крепость расположена в юго-западном углу и включала монументальное сооружение с мощными стенами, а к северу от него, на более пониженном участке, находился хозяйственно-жилой комплекс.

Она была возведена на высоком лёссовом останце, на котором покоилась искусственная платформа (или специально забутованное нижнее здание), а уже на ней было сооружено монументальное здание. Даже сейчас общая высота холма достигает около 20 метров. Крепость окружает широкий и глубокий ров. Собственно город четкого подквадратного плана обведен мощной стеной из пасховых блоков и сырцового кирпича, достигающих у подошвы десятиметровой толщины.

Стена состоит из стрелковой галереи, широкой задней и узкой передней стенок, в которой имеются два ряда прямоугольных и стрельчатых бойниц. По фронту она усилена равномерно расположенными округлыми в плане башнями с аналогичными бойницами (рис. 11, *4*). Перед стеной, возведенной на высоком лёссовом останце, образующем выдвинутую вперед площадку, находился глубокий и широкий ров, общий для города и цитадели, [25, с. 63; 26, с. 326].

Иная фортификационная система была свойственна Талашкан-тепе I, Кызыл-тепе и Талашкан-тепе I демонстрируют не только различие фортификационных систем, но и различие приемов защиты. В Кызыл-тепе защита осуществлялась из-за стен стрельбой из лука через бойницы, тонкие передние стенки не могли бы противостоять стенобитным машинам. В Талашкан-тепе I стены монолитные, без стрелковой галереи, стрельба через бойницы в стенах пятиметровой толщины вряд ли возможна. Защита здесь осуществлялась радиальным обстрелом из мощных, далеко вынесенных вперед башен, а также с верхних участков стен, защищенных, возможно, парапетом. Кроме того, раскопки на Талашкан-тепе I зафиксировали возможность применения уже в VI—V вв. до н. э. стенобитных машин, о чем свидетельствуют находки крупных глиняных ядер диаметром 10—12 см и пролом в передней стенке башни. Значительная мощь стен и их монолитность — показатель того, что они создавались с учетом применения при осаде стенобитных машин.

Таким образом, уже в VI—IV вв. до н. э. бактрийская фортификация предстает как сложившаяся система, обладающая разнообразным комплексом оборонительных сооружений, свойственных фортификационным системам развитых обществ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ртвеладзе Э. В.* К обследованию городищ в Северной Бактрии//АО-1972. М., 1973.
2. *Запаров Ш. Х., Ртвеладзе Э. В.* Раскопки древнебактрийского поселения Талашкан-тепе I//Бактрийские древности. Л.: Наука, 1976.
3. *Пидаев Ш. Р., Ртвеладзе Э. В.* Исследование Талашкан-тепе I//АО-1977. М., 1977.
4. *Массон В. М.* Древнеземледельческая культура Маргианы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959.
5. *Тереножкин А. И.* Согд и Чач//КСИИМК. 1940. Вып. 33.
6. *Немцева Н. Б.* Стратиграфия южной окраины городища Афрасиаб//Афрасиаб. Вып. 1. Ташкент: Фан, 1969.
7. *Исамеддинов М. Х., Сулейманов Р. Х.* Ер-Курган (Стратиграфия и периодизация). Ташкент: Фан, 1984.
8. *Зеймаль Т. И.* Древнеземледельческое поселение Болдай-тепе//Материальная культура Таджикистана. Вып. 2. Душанбе, 1971.
9. *Дьяконов М. М.* Сложение классового общества в Северной Бактрии//СА. 1954. Т. XIX.
10. *Аскаров А. А., Альбаум Л. И.* Поселение Кучук-тепе. Ташкент: Фан, 1979.
11. *Беляева Т. В., Хакимов З. А.* Древнебактрийские памятники Миршаде//Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент: Изд-во им. Гафура Гуляма, 1973.
12. *Альбаум Л. И.* К датировке верхнего слоя Кучук-тепе//ИМКУз., 1969. № 8.
13. *Аскаров А. А.* Сапалли-тепе. Ташкент: Фан, 1973.
14. *Аскаров А. А.* Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент: Фан, 1977.
15. *Мандельштам А. М.* Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане//МИА. 1959. Вып. 145.
16. *Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. Е., Оразбаев А. М.* Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966.
17. *Акишев К. А., Кушаев Г. А.* Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963.

18. *Черников С. С.* Восточный Казахстан в эпоху бронзы//МИА. 1960. Вып. 88.
19. *Вишневская О. А.* Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э.//Труды ХАЭЭ. 1973. Т. VIII.
20. *Литвинский Б. А.* Древние кочевники на крыше мира. М.: Наука, ГРВЛ. 1972.
21. *Батыров А. Р.* Фауна диких и домашних животных из памятников эпохи бронзы и раннего железа на юге Узбекистана//ИМКУз. 1983. № 18.
22. *Сариниди В. И.* Древние земледельцы Афганистана. М.: Наука, 1978.
23. *Усманова З. И.* Эрк-кала//Труды ЮТАКЭ. 1963. Т. XII.
24. *Сагдуллаев А. С.* К эволюции древних поселений Южного Узбекистана//САУ. 1976. 9
25. *Pougatchenkova G. A.* Caractéres de l'architecture défeusive antique en Asie Centrale//La fortifications dans l'Hi:toire du Monde Grec. Paris, 1986.
26. *Rtveladze E.* Bactrian fortification: genesis and evolution in their social and cultural aspect//La fortifications dans l'Histoire du Monde Grec. Paris, 1986.

E. V. RTVELADZE, SH. R. PIDAEV

THE FORTRESS TALASHKANTEPE I IN ANCIENT BACTRIA

Summary

The article is devoted the results of study of Talashkantepe I settlement in Southern Uzbekistan which is dated to the middle of the I mil. B. C. The settlement is round and has a defencive wall with projecting semicircular towers and lancet loop-holes. The fortress has two building periods. The article is considered the question about the evolution of round fortress, formation and development of the Ancient Bactrian fortification. The authors note the high level of culture of the Ancient Bactrian population in the middle of the I mil. B. C.

Н. П. МАТВЕЕВА

РАФАЙЛОВСКОЕ ГОРОДИЩЕ — ПАМЯТНИК САРГАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕГО ПРИТОБОЛЬЯ

Рафайловское городище расположено в Исетском р-не Тюменской обл. на правом берегу р. Исети в 9 км к западу от с. Рафайлово. Оно занимает останец первой надпойменной террасы р. Исети, поросший смешанным лесом и окруженный старицами. Памятник представляет собой комплекс, состоящий из двух укрепленных прямоугольных площадок размером 65×80 и 90×100 м, обширного селища и насыпанного на его площади курганного могильника (рис. 1). Площадь его составляет более 60 тыс. м^2.

Городище открыто в 1982 г. и исследовалось в 1983—1987 гг. автором как одна из составляющих Рафайловского археологического комплекса памятников раннего железного века [1], изучение которого ведется Тюменской археологической экспедицией. В течение четырех полевых сезонов на городище и селище вскрыто 2320 м^2, исследованы 21 жилище, 7 хозяйственных построек, оборонительные сооружения обоих площадок и курган.

Из западносибирских памятников это первый, отличающийся наличием нескольких строительных горизонтов в рамках обитания населения одной культуры. Раскопки всех без исключения участков городища и селища были в значительной степени осложнены необычайно плотной застройкой и сложной конфигурацией жилищ. Участки межжилищного пространства настолько малы (до 1—2 м), что закладка раскопа любой площади практически всегда приводит к вскрытию в нем остатков сразу нескольких, зачастую разновременных жилищ или камер одного жилища. Ориентироваться при разбивке раскопов на видимые в рельефе западины также нецелесообразно, поскольку они во всех случаях соответствуют только самым поздним постройкам, тогда как более ранние на дневной поверхности сейчас не заметны. Кроме того, установлено, что западины нередко фиксируются не просто на месте отдельных котлованов полуземляночных построек, а образуются поверх нескольких соседних камер. Таким образом, полное исследование всех открытых жилищ при такой плотности и многократности застройки оказывается невозможным. Приходится руководствоваться задачей раскопок сооружений либо раннего, либо позднего периода застройки [2].

Стратиграфия не является единообразной на всей площади памятника. Мощность культурного слоя и количество прослоек различны в разных его частях. Наиболее мощный слой (до 1,5 м) наблюдался на второй (меньшей) площадке городища; около 0,8—1,2 м — на первой площадке и на селище; на северо-восточной окраине он выклинивается до 0,4 м. Характер напластований зависит от степени плотности застройки, принадлежности объектов к одному или разным ее периодам, функционального назначения сооружений (жилые, хозяйственные, вал, ров и т. д.). Культурный слой состоит из разноцветных прослоек черной, серой, коричневой, золистой или другой супеси, материк — желтый песок.

[1] Рафайловский археологический комплекс включает: городище, поселение Рафайловский остров, поселения Рафайлово 1 и 2, Рафайловские курганные могильники 1 и 2.

[2] Частичный выход найден в использовании фронтально-стратиграфического метода раскопок.

© Н. П. Матвеева, 1993 г.

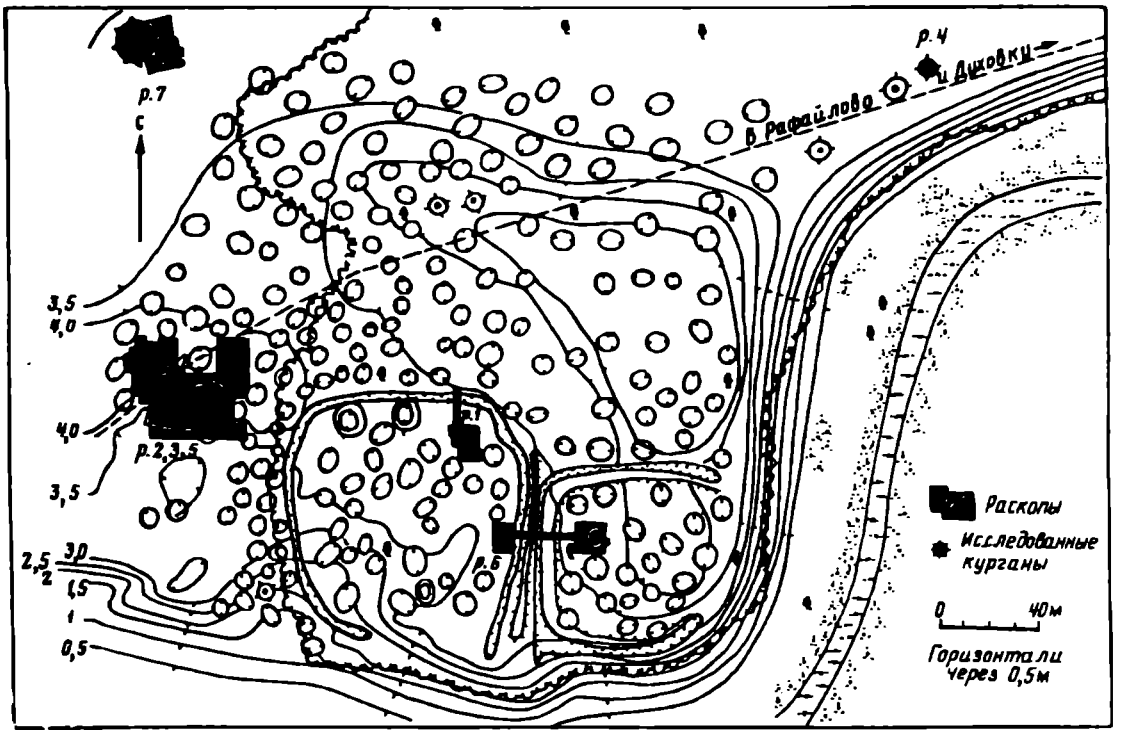


Рис. 1. Рафайловское городище. Ситуационный план

Жилища в укрепленной части

Жилище 1 находилось в раскопе 1, заложенном на первой площадке городища. Оно представляет собой двухкамерную полуземлянку, углубленную на 0,4 м от уровня материка, ориентированную по линии СЗ—ЮВ. Камера 1 (6,5×5,3 м) прямоугольной формы. В юго-западной стенке выход в виде узкого коридора. Очаг несколько смещен вправо от центральной оси, сооружен в простой яме (1,1×1,0 м). Камера 2 (4×7 м) ориентирована по линии СВ—ЮЗ, через центр северо-западной стенки соединяется с камерой 1 коротким переходом. В юго-западной стенке имеется выступ-пристройка площадью 6 м^2, от пристройки на северо-запад отходит выход, размеры его 0,7—0,8 м. В северо-западном углу находился овальный очаг, окруженный хозяйственными ямами. Местами прослежены канавки от горизонтально лежавших бревен-лаг, ямки от столбов.

Жилища 2, 4 вскрыты лишь частично, сильная залесенность участка помешала их доследованию. Они также полуземляночные, близкие, видимо, по форме и площади жилищу 1. Жилище 4 сооружено позднее, чем жилище 1, так как угол его перекрывал часть выхода из последнего.

Жилище 3 (7,5×5,3 м) подпрямоугольной формы, углублено на 0,3 м в культурный слой. Оно перекрывает жилище 1, ориентировано по линии СЗ—ЮВ. Коридорообразный выход направлен на северо-восток. Внутри жилища обнаружены линзы прокала мощностью 10—15 см.

Жилища 5, 6, 7 раскопаны на второй (меньшей) площадке городища, в раскопе 6. Они были сооружены последовательно на одном и том же месте. Поэтому при раскопках выявился сложный рельеф котлована, понижавшегося к центру тремя ступенями, отражавшими существование трех самостоятельных котлованов. Весь пол его оказался испещрен ямами хозяйственными и от столбов, а также канавками. Опираясь на стратиграфические наблюдения, учитывая расположение канавок, являющихся следами горизонтально лежавших бревен от конструкций стен, мы выделили объекты, относящиеся к трем разновременным жилищам (рис. 2, *2—4*). С наибольшей вероятностью реконструируется позднее, с несколько меньшей —

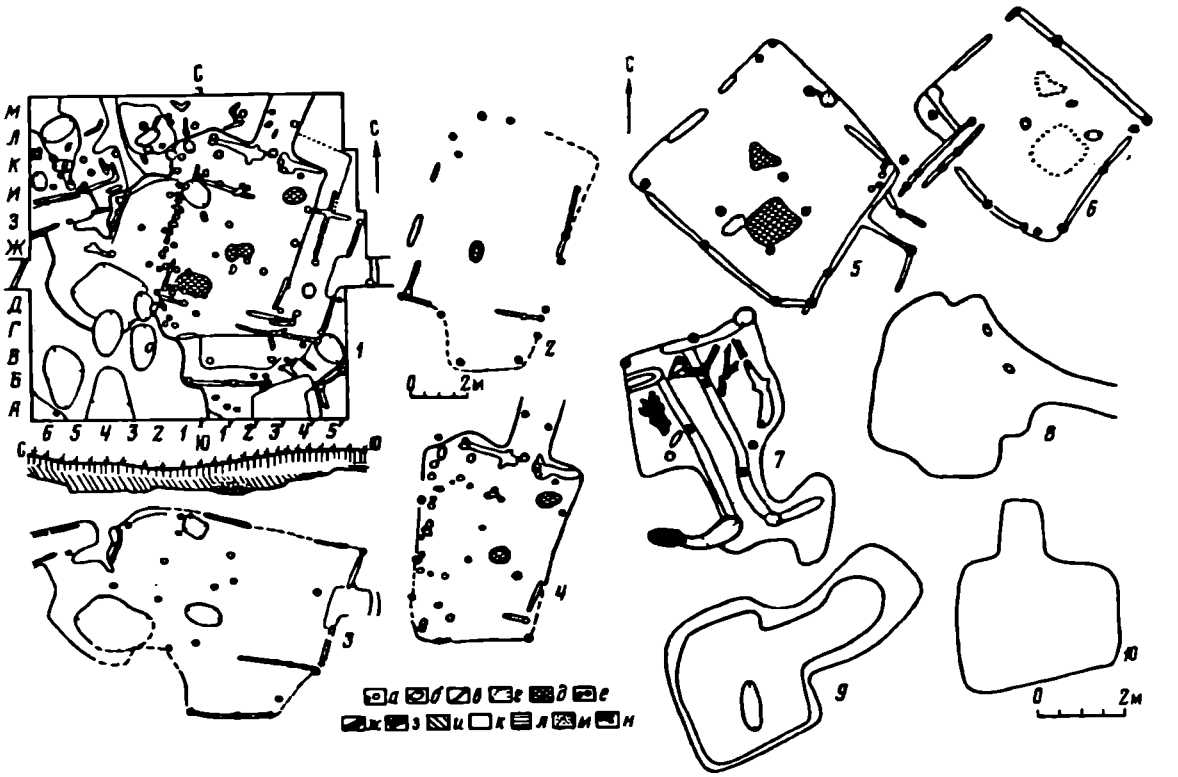


Рис. 2. Рафайловское городище. Жилища второй площадки и хозяйственные сооружения на селище. *1* — план и разрез раскопа 6 на второй площадке городища; *2* — реконструкция плана жилища 6; *3* — реконструкция плана жилища 5; *4* — реконструкция плана жилища 7; *5* — сооружение 6; *6* — сооружение 5; *7* — сооружение 1; *8* — сооружение 3; *9* — сооружение 2; *10* — сооружение 4. *а* — ямки от столбов; *б* — хозяйственные ямы; *в* — канавки; *г* — предполагаемые границы; *д* — очаг; *е* — ямки от столбов данной конструкции; *ж* — уголь; *з* — дерн; *и* — серо-коричневая супесь; *к* — желто-коричневая супесь; *л* — серая золистая супесь; *м* — зола; *н* — выкладка из глиняных кирпичиков

наиболее раннее, с еще меньшей достоверностью можно представить промежуточную постройку ввиду наибольшей разрушенности ее остатков.

Жилище 5 (раннее) состояло из двух камер — жилой (8,2×4,6 м), ориентированной по линии ЗСЗ—ВЮВ, и хозяйственной (3,5×2,8 м), ориентированной по линии СЗ—ЮВ. Между собой они, очевидно, были соединены широким проходом. Полуземлянка была углублена на 0,6 м в южной и западной частях и примерно на 1 м в центральной части жилого помещения. Выход в виде прямоугольного тамбура располагался в северо-западной стенке малой камеры. К жилому помещению была сделана пристройка трапециевидной формы площадью 8 м^2.

Жилище 6 полуземляночное, прямоугольной формы, ориентировано по линии СЗ—ЮВ. Площадь пола 6,7×5 м. К юго-юго-западной стенке была сделана пристройка — выступ размером 2×3 м. Несколько южнее центра располагался очаг диаметром 0,55 м и мощностью 6 см.

Жилище 7 (позднее) однокамерное (7,2×4,7 м), ориентировано по линии СВ—ЮЗ, имеет трапециевидную форму. Глубина котлована ~0,8 м от древней поверхности. Широкий коридор (1,4 м) длиной 4,2 м отходит из центра северо-восточной стенки. Зафиксированы два очага: один в центре (диаметр 0,6 м, мощность 10 см), второй в северо-восточном (0,85×0,65 м, толщина прокала 5 см). Возможно, с конструкцией раздвижных дверей были связаны широкие, прерывающиеся у выхода канавки (0,2×2,0 м, глубина 12 см) вдоль северо-восточной стенки.

Жилые постройки на селище

Большой участок поселения исследован в западной, незалесенной его части раскопами 2, 3, 5 и под курганом на северо-западной окраине (раскоп 7). Общая площадь вскрытого участка 1920 м^2 (рис. 3).

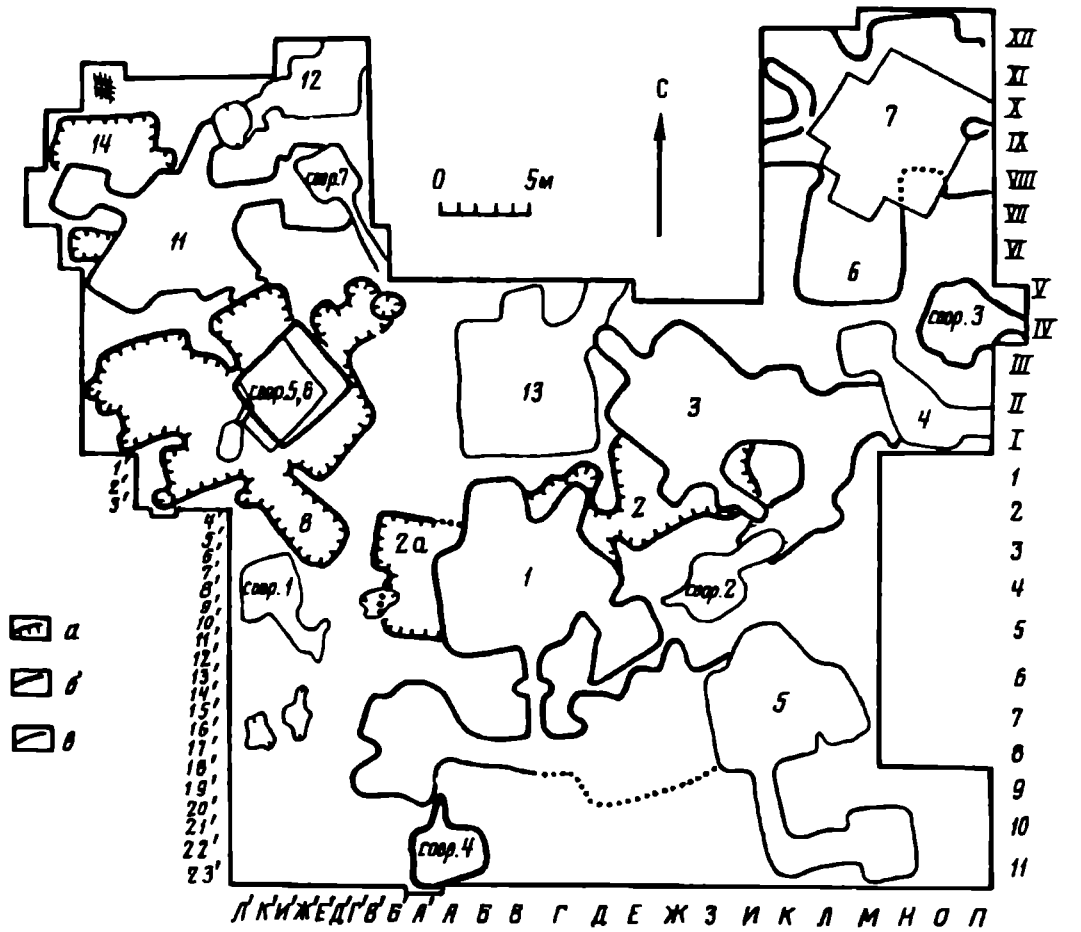


Рис. 3. Рафайловское городище. План раскопов 1983—1987 гг. на селище. *а* — сооружения первого строительного горизонта; *б* — сооружения второго строительного горизонта; *в* — сооружения третьего строительного горизонта

Жилища в этой части памятника располагались полукругом, причем жилые камеры их были обращены к центру, а вспомогательные построены позади них. Поодаль размещались отдельные хозяйственные сооружения. Все постройки окружены хозяйственными ямами и ямами от столбов. Относятся они не менее чем к трем «строительным горизонтам». К самому раннему относятся жилища 2 и 13, перекрытые соответственно жилищами 1 и 3, а также 8, и, видимо, жилища 9 и 10, обнаруженные под насыпью кургана 1. Ко второму периоду застройки относятся жилища 1, 3, 6, 11, 12, синхронность первых определяется анализом керамики по методу связей. Самые поздние — жилища 4, 5, 7, 14. Относительная хронология построек установлена по фактам их взаимного перекрывания, особенностям стратиграфии и планиграфическим наблюдениям.

Жилище 1 — сложной конфигурации четырехкамерная полуземлянка (рис. 4, *2*). Камера 1 (9,3×9,3 м) подквадратной формы, ориентирована по линии С—Ю, углублена на 0,6 м. В жилище вел коридорообразный вход (1,25×2 м) с северо-восточной стороны, при спуске в камеру отмечена широкая ступенька. В центре северной стенки имеется прямоугольный выступ площадью 14 м^2. Половину его занимало материковое возвышение (для нар?). Такое же возвышение располагалось и в юго-западном углу помещения. Очаг, расположенный в простой яме, находился близ выхода. Площадь пола пересечена канавками от бревен, лежавших в основании стен и являвшихся также лагами для настилки пола. В ряде случаев в канавках зафиксированы ямки от столбов каркаса. Камера 2 (2,3×3,0 м) соединяется с первой через юго-восточный угол коридором длиной 2,5 и шириной 1,5 м, она углублена чуть меньше. Форма камеры прямоугольная, юго-западный угол нарушен поздней ямой. Самостоятельного выхода камера 2

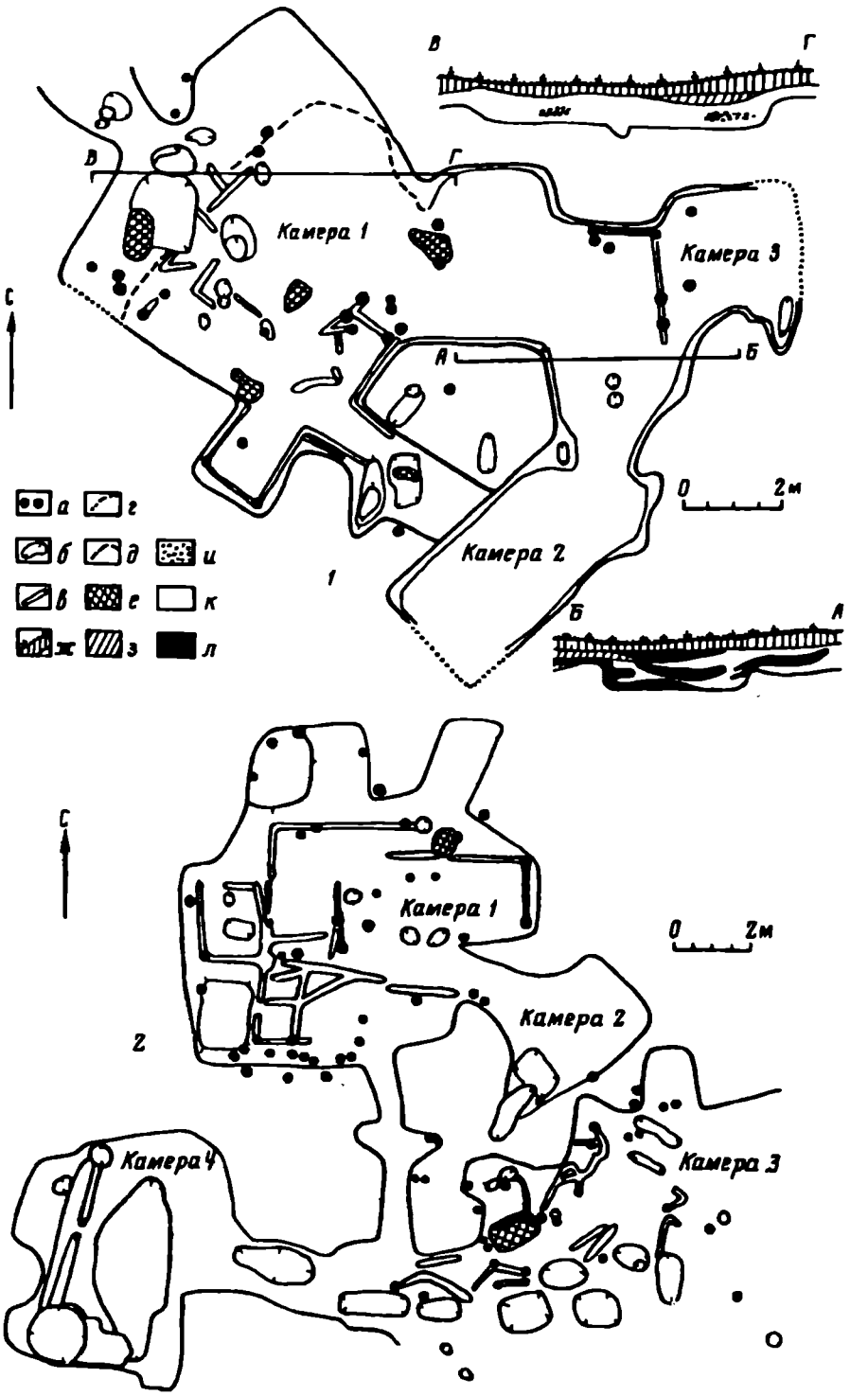


Рис. 4. Рафайловское городище. Раскоп на селище. Жилища 1(2) и 3(1). *а*—*ж*, *и* — см. обозначения на рис. 2; *з* — серая супесь; *к* — серо-коричневая супесь; *л* — черная супесь

не имеет. Очага и ям нет. Камера 3 была соединена с первой и четвертой коридором 1,2×7 м, отходившим от середины южной стенки жилого помещения сначала на юг, затем под прямым углом соединявшимся с другим, более широким, длиной ~6,5 м. Размеры камеры 3 установить трудно, так как южная стенка ее была наземной (из-за наклона местности) и не фиксировалась, восточная нарушена более поздним жилищем 5. Видимо, это было жилое помещение площадью ~42 м^2. Очаг в прямоугольной деревянной раме располагался слева

от входа. На полу множество ям и канавок. Камера 4 — хозяйственная, четырехугольной формы, с двумя трапециевидными выступами (2,5×1,0 и 1,3×0,6 м) в западной стенке и одним полукруглым (0,6×0,8 м) в юго-восточной. Площадь ее ~24 м², ориентирована по линии С—Ю. Вся центральная часть постройки занята большими хозяйственными ямами, очага нет.

Жилище 2 (рис. 3) сильно нарушено поздними котлованами. От него сохранились небольшие участки стен на стыке двух соседних камер. Жилище было полуземляночным, двухкамерным, ориентировано по линии СВ—ЮЗ. Примерная площадь его ~90 м² (с учетом котлована 2 а, видимо, также относящегося к этому жилищу).

Жилище 3 имело сложную причудливую форму, образовавшуюся, видимо, в результате постоянных пристроек (рис. 4, *1*). Камера 1 жилая. Первоначально она имела размеры около 5,0×6,2 м и самостоятельный выход в виде длинного и широкого коридора (4,0×1,2 м) на юго-восток. К южному углу была сделана пристройка площадью 7 м². Затем северо-западная стенка была перенесена на 1,5 м дальше, в ней сделан выход, а к восточному углу пристроены дополнительные помещения Т-образной формы, обозначенные как камера 2. Вместе с камерой 1 они создавали замкнутую в единый комплекс группу построек с внутренним двориком. Северо-восточный угол жилища 3 срыт поздним жилищем 4, а южный угол камеры 2 — выходом из хозяйственного сооружения 2. Ям от столбов на большей части камеры 2 не обнаружено, конструкция ее, видимо, была срубной.

Жилище 4 исследовано лишь частично, вскрыты хозяйственная камера и длинный Г-образный коридор. Камера 1 (2,5×3,0 м) подквадратной формы, ориентирована по линии С—Ю, углублена на 0,3 м. Вдоль южной стенки фиксировались следы горелого бревна шириной 15—18 см и длиной 1,4 м. Коридор шириной 1,5—1,8 м отходит от юго-восточного угла постройки, затем под углом 45° поворачивает на восток, общая длина его более 7,5 м.

Жилище 5 (рис. 5, *2*) двухкамерное, полуземляночное. Камера 1 (5,4×8,0 м) имела подпрямоугольную форму, ориентирована по линии СВВ—ЮЗЗ. Глубина котлована от уровня материка 0,8 м в северной части, 0,5 м в южной. В центре северной стенки отмечается выступ — пристройка полукруглой формы (4,0×1,8 м). В середине располагался очаг в обширной яме (1,1×1,6 м). От южной стенки камеры 1 жилища 5 начинается Г-образный коридор. На юго-юго-западном участке ширина его 1,1 и длина 5 м; на участке, ориентированном на восток, длина коридора 4, ширина его ~2 м. В восточном отрезке коридора вдоль стен сохранились следы канавок — отпечатки горизонтально лежавших бревен — и ямы от столбов. Камера 2 расположена на конце Г-образного коридора, в 4 м от южной стенки камеры 1. Камеры построены таким образом, что между ними образуется внутренний дворик площадью 22 м². Камера 2 (3,6×3,3 м) ориентирована по линии С—Ю, имеет прямоугольную форму. Вдоль границ котлована продолжаются канавки и расположенные на них ямки от столбов.

Жилище 6 является четырехкамерным (возможно, камер было больше). На его площади было построено позднее жилище 7 (рис. 5, *1*). Камера 1 (5,5×5,0 м) целиком расположена под камерой 1 жилища 7, но очертания ее удалось выявить благодаря сохранившимся канавкам и ямкам от конструкции стен, перегородок и лаг. Она была ориентирована по странам света, углублена в материк на 0,5—0,6 м. К юго-западному углу ее пристроена подпрямоугольная камера 2 (5,5×6,7 м, глубина 0,5×0,6 м), ориентированная аналогично. Она сохранилась почти полностью, только северная стенка ее и переход срыты пристройкой к жилищу 7. Около четверти площади пола камеры 2 занимает обширная яма. Камера 3 является пристройкой к камере 1 и сооружена, очевидно, для расширения жилища к северу. От нее сохранились ямки от столбов, канавки-лаги, очерчивающие прямоугольник размером 3,5×6,2 м. Своего выхода эта постройка, вероятно, не имела. Камера 4 примыкала к юго-восточному углу камеры 1, ориентирована также по линии С—Ю. Западная ее стенка разрушена жи-

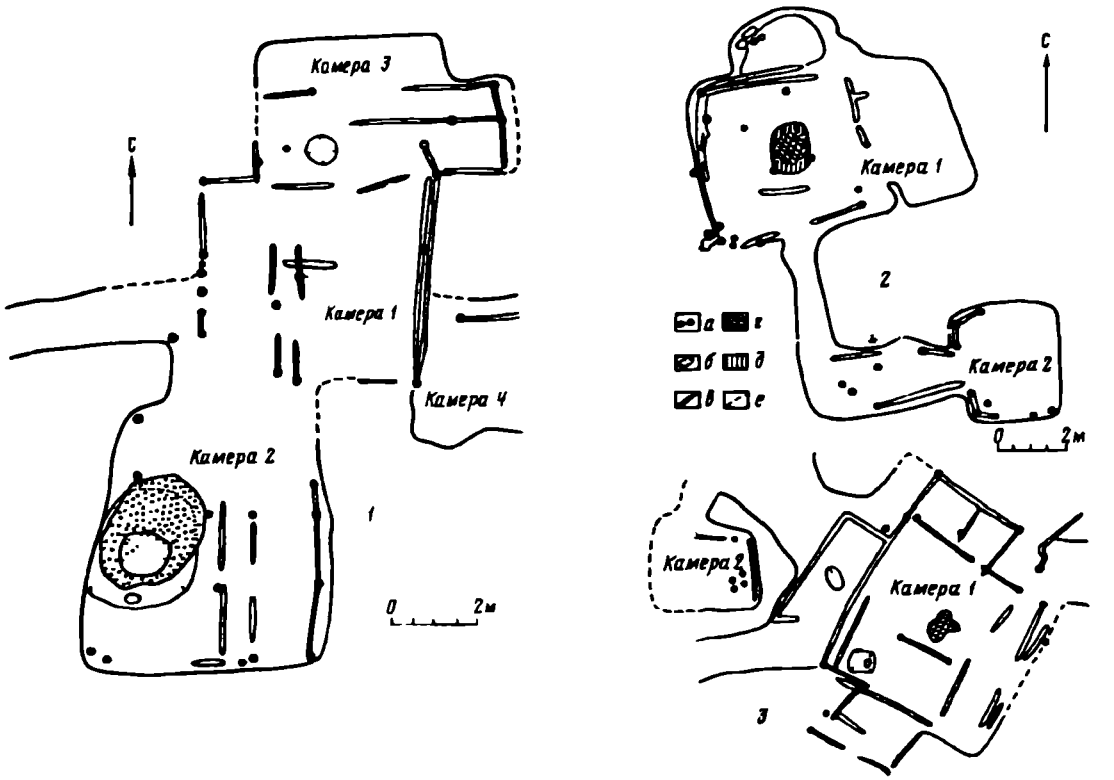


Рис. 5. Рафайловское городище. Жилища 5(2), 6(1) и 7(3) из раскопа на селище. Условные обозначения — см. рис. 2; *г* — очаг, *д* — прокал, *е* — предполагаемые границы сооружений

лищем 7, северная и южная зафиксированы в материке на высоту 0,4—0,6 м. Восточная часть не доследована. Очагов, достоверно относящихся к жилищу 6, не обнаружено. Они либо разрушены, либо использовались обитателями жилища 7.

Жилище 7 является многокамерным. Исследована камера 1 с пристройками и отходящими в трех направлениях коридорами и частично камера 2. Границы камеры 1 определены по четко фиксировавшимся канавкам на уровне пола и ямам от столбов на глубине 0,6 м от уровня материка. Очаг находится в центре, в яме глубиной 12 см и размером 0,8×0,6 м. Центральная часть камеры имеет площадь 31,4 м². Со всех четырех сторон к стенам ее сделаны пристройки: с северо-запада — 4,1×1,7 м; с северо-востока — 3,0×1,9 м; с юго-запада — 2,5×2,0 м; с юго-востока — 4,5×1,5 м. На углах между основным помещением и пристройками находятся переходы в соседние камеры. В западном углу ко ридор длиной более 4, шириной 1,2 м; в северном углу коридор шириной 2,2—3,0, длиной 3,5 м; в восточном — шириной 2 м. Камера 2 (не менее чем 2,3×4,0 м, глубина 0,3—0,4 м) расположена к северо-западу от камеры 1 под углом 45° к ней и отходящему от нее коридору. Она ориентирована по странам света. Пол ровный, вдоль стен канавки и ямки от столбов (рис. 5, *3*).

Жилище 8 имеет сложную конфигурацию, условно выделены пять камер. Камера 1 не раз, видимо, перестраивалась, поэтому котлован ее имеет не вполне правильную форму. Очевидно, он первоначально был прямоугольным (около 4×9 м), затем возникли выступ-пристройка трапециевидной формы (2,0×3,0 м) с юго-западной стороны, с выходом, и выступ-пристройка площадью 5 м² с юго-восточной стороны. Дно котлована неровное, испещрено ямами и канавками, глубина 0,3—0,5 м. Центральная часть камеры нарушена более поздними постройками 5 и 6. Камера 2 (6,2×2,5 м, глубина 0,2—0,3 м) примыкает к камере 1 с юга и ориентирована в направлении СЗ—ЮВ. Она имеет подпрямоугольную форму. Пол ее повышается к юго-востоку, и выход мог быть в том месте, где камера сужается. В юго-западной стенке имеется выступ (1,2×0,9 м), который также

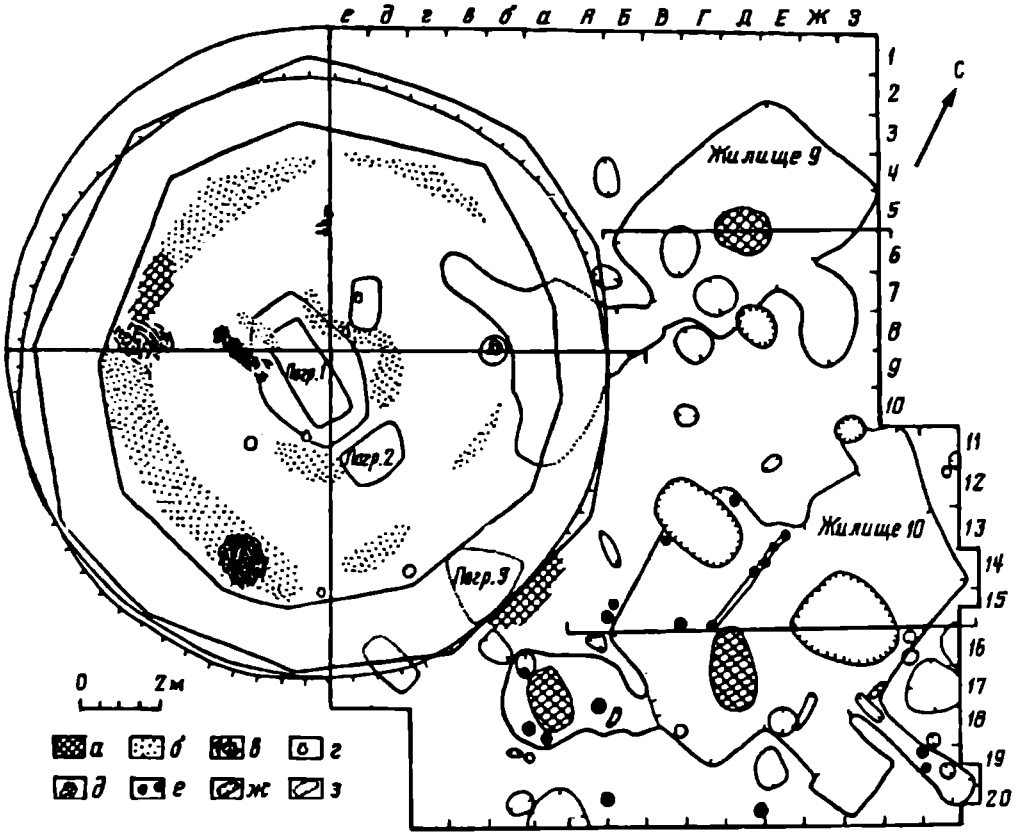


Рис. 6. Рафайловское городище. Жилища 9, 10 и курган. *а* — прокал, *б* — выкид из рва, *в* — скопление костей, *г* — сосуд, *д* — каменные плиты, *е* — ямки от столбов, *ж* — хозяйственные ямы, *з* — предполагаемые границы

мог служить выходом. Очага и хозяйственных ям на полу нет, видимо, камера 2 являлась предвходовым помещением (сенями). Камера 3 (около 5,2×5,0 м) подквадратной формы, широким проходом соединяется с северо-западным углом камеры 1. На полу ее множество ям и канавок. Камера 4 (3,7×2,7 м) трапециевидной формы, пристроена к северо-восточному углу камеры 1. Пол ее ровный, без ям и очагов. Очевидно, это помещение было вспомогательным. Камера 5 имеет нечёткую форму, что может объясняться поздними нарушениями. Она пристроена к северо-восточной стенке камеры 1 рядом с камерой 4 и представляет собой нечто вроде коридора с тамбуром (4,5×2,8 м).

Жилище 9 (рис. 6) находилось в раскопе 7 на северо-западной окраине селища. Оно было двухкамерным. Камера 1 (5,7×4,2 м) прямоугольная со скругленными углами, ориентирована по линии С—Ю. Котлован ее углублен в материк на 0,2 м. Выход Г-образной формы находится в центре юго-восточной стенки, ширина его 1,1, длина 2,5 м. В середине — очаг (1,4×1,2×0,25 м) в яме. Камера 2 в значительной мере разрушена рвом кургана. Сохранились аморфные очертания котлована с выступом (выходом?) на запад, глубина его 0,3 м, размеры около 4,7×2,5 м. Камеры 1 и 2 соединяются коридором.

Жилище 10 (рис. 6) представляет собой двухкамерную полуземлянку глубиной 0,2—0,4 м. Камера 1 ориентирована по линии С—Ю, имеет размеры основной части около 5×9 м. Форма котлована неправильная, в западной половине к северо-западной стенке пристроено помещение (5×2 м) прямоугольной формы. Оно было отгорожено бревенчатой стенкой от основного, что документируется канавкой и ямами от столбов. К южному углу пристроено квадратное помещение (1,8×1,7 м), всю площадь которого занимала большая яма глубиной 95 см, очевидно, оно служило кладовой. Выход в виде длинной и узкой канавки — 3,6×(0,4—0,6) м — обращен на юго-восток. В северном углу также имеется

деформированный поздней ямой выступ, который мог быть выходом из камеры 1. В середине помещения находился очаг (2,2×1,2 м) глубиной 20 см. Из камеры 1 через середину юго-западной стенки ведет проход в камеру 2 (3×2 м), ориентированную по странам света. Большую часть площади занимает очажная линза (1,5×1 м).

Жилище 11 — трехкамерная полуземлянка, помещения которой ориентированы по линии З—В. Камера 1 (4,5×5,0 м) основная жилая, прямоугольной формы, с канавками по периметру, ориентирована по линии СЗ—ЮВ. В центре прокал от кострища (1,2×0,8 м), окруженный хозяйственными ямами. Вдоль западной стенки сооружена пристройка трапециевидной формы, несколько менее углубленная, площадью 14,5 м². К юго-восточной стенке примыкает тамбур длиной 2,6 и шириной 3,6 м с переходом шириной 1,2 м в какую-то другую камеру, разрушенную камерой 4 жилища 8. От северо-восточного угла жилого помещения отходит коридор (3,5×1,2 м) к камере 2 (3,5×4,8 м, глубина 0,2 м), ориентированной по линии С—Ю. Трудно судить, была она жилой или хозяйственной, так как в центр ее котлована впущена более поздняя постройка 7. От середины северо-восточной стенки также отходит коридор шириной 1,2 м в направлении на север, через 3,5 м он поворачивает под углом 45° на северо-восток. Камера 3 (2,5×2,7 м, глубина 0,6 м) жилища 11 расположена в 1,5 м к западу-северо-западу от первой. Их соединяет короткий (13 м) коридор шириной 1 м. Камера подквадратная, пол ее ровный, без очагов и ям. Видимо, это помещение хозяйственного назначения.

Жилище 12 также многокамерное. Исследовано лишь одно помещение — камера 1. Она имеет подквадратную форму (3,1×3,5 м), ориентирована по линии С—Ю. Выход в виде широкого коридора (1,4 м) длиной ~4,5 м обращен на юго-запад. На полу мелкие ямки от столбов.

Жилище 13 ориентировано по линии С—Ю, глубина котлована 0,3—0,5 м. Исследована одна обширная жилая камера (7,0×7,5 м). Выход находится в северо-западном углу и представляет собой коридор длиной не менее 3 и шириной 1,3 м. Возможно, что он соединяет эту камеру с другими. В северной стенке имеется трапециевидный выступ (2,0×1,7 м). Вдоль западной стенки расположено два материковых возвышения (3,1×1,5 и 2,7×1,5 м), нарушенных поздними ямами. В центре также имеется подобное возвышение (1,3×1,3 м) трапециевидной формы. Пол испещрен канавками и ямами, явно разновременными. Один очаг в овальной яме располагается в центре, напротив выхода, другой — в юго-западном углу жилища.

Жилище 14 располагалось на той же площади, что и жилище 11, но перекрывало его. Оно ориентировано по странам света, углублено несколько меньше — на 0,3 м. Сохранились частично две его камеры. Камера 1 (5,5×4—5 м) прямоугольной формы, южная стенка разрушена котлованами камер 1 и 3 жилища 11. В восточной стенке выступ площадью ~1 м², в нем большая хозяйственная яма. Вдоль стен сохранилась часть ям от столбов и канавок. Видимо, камере 2 принадлежат остатки небольшого котлована (2,0×1,8 м).

Хозяйственные постройки обнаружены только на селище.

Сооружение 1 (рис. 2, *7*) имело прямоугольную форму (3,5×3,0 м, глубина 0,15 м от уровня материка). Широкий и длинный коридор (1,3×5,0 м) Г-образной формы ведет от середины южной стенки на юго-восток. Вдоль стен, по центру камеры и коридору располагаются канавки от горизонтально лежавших бревен в основании стен и от переводин. Сооружение 1 погибло от пожара, о чем говорят углистые полосы, остатки обгоревших бревен, зола. Толщина обгоревшего дерева 12—16 см, оно лежало в направлении С—Ю и СЗ—ЮВ, что позволяет предполагать существование плоской или односкатной кровли. Очага и хозяйственных ям нет. Зола от этого пожара перекрывает все слои в западной части раскопа на селище и свидетельствует о том, что сооружение 1 является самой поздней постройкой на селище.

Сооружение 2 (рис. 2, *9*) представляет собой полуземлянку подпрямоугольной формы (3,7×3,0 м), ориентированную по линии СЗ—ЮВ с длинным и широким

(3,5×1,8 м) выходом-тамбуром, обращенным на северо-восток. Углублена она на 0,4 м. На выходе имеется ступенька шириной 0,7 и высотой 0,2 м. В северо-западном углу отмечен выступ, очевидно являющийся вторым выходом из сооружения. Северо-восточный тамбур прорезает юго-западную стенку камеры 2 жилища 3, что говорит о позднем возрасте постройки. Это подтверждается и распределением находок.

Сооружение 3 (рис. 2, *8*) (3,7×4,0 м, глубина 0,5 м) ориентировано по странам света. Котлован его довольно аморфный, но близок к четырехугольному со скругленными углами. На полу обнаружены лишь две небольшие ямки. Преобладают находки в первичном заполнении, что может свидетельствовать в пользу относительно позднего возраста постройки.

Сооружение 4 (рис. 2, *10*) — полуземлянка подпрямоугольной формы (3,8×3,0 м, глубина 0,6—0,7 м), ориентированная по странам света. Выход в виде прямоугольного выступа шириной 1 м и длиной 1,4 м обращен на север. Пол ровный, ям, очага не обнаружено. Преобладание находок во вторичном заполнении над первичным указывает на сравнительно ранний характер постройки.

Сооружение 5 (рис. 2, *6*) располагалось в котловане более раннего жилища 8. Фиксировалось в плане лишь на уровне материка по остаткам конструкции стен — ямам от столбов и канавкам, образующим правильные прямоугольные очертания. Оно представляло собой квадратную полуземлянку (4,2×4,2 м), углубленную на 0,6 м от древней поверхности, ориентированную по линии СЗ—ЮВ. Выделить хозяйственные ямы сооружения 5 чрезвычайно трудно, так как на этом месте позднее существовало сооружение 6. Сооружение 5, видимо, горело, поскольку у юго-западной стены и южного угла пол прокален, встречались угли. После пожара его перестроили.

Сооружение 6 (рис. 2, *5*) построено на месте сооружения 5. Оно было ориентировано так же, как и сооружение 5, но несколько больше по площади — 4,7×4,7 м. На полу выявилось обилие ям, относящихся к нему и более ранним постройкам, и два очага, функционировавших одновременно. В сооружениях 5 и 6 найдены керамика, кости животных, железные шлаки и ошлакованные куски глиняной обмазки печи. Можно предполагать, что здесь проводилась выплавка железа, а очаги были горнами, разрушенными к моменту раскопок.

Сооружение 7 (рис. 3) — полуземлянка трапециевидной формы площадью 9 м², глубиной 0,35 м от уровня материка. Она прорезает котлован камеры 2 жилища 11, имеет иную, чем котлован, ориентировку — по линии СЗ—ЮВ. Длинный коридор (3,5 м) отходит от середины юго-восточной стенки, вдоль стен его расположены ямки от столбов каркаса, а в котловане самой постройки ям нет, возможно, она была срубной. Пол ее ровный, находок мало.

Участки межжилищного пространства невелики. Наибольшее расстояние наблюдается между жилищами 3 и 6 — около 4 м и между жилищами 1 и 8 — около 5 м. В ряде случаев постройки вплотную примыкают друг к другу, например выход из жилища 8 и сооружение 1, выход из жилища 3 и жилище 13 (рис. 3), что свидетельствует об их разновременности. В пространстве между жилищами обнаружены большие и мелкие ямы, зачастую нарушающие друг друга, много находок. Сравнительно большой участок незастроенной площади отмечается в юго-западной части раскопа на селище — более 70 м², что объясняется, видимо, существенным наклоном дневной поверхности. Кроме хозяйственных ям здесь обнаружены были ямки от столбов каких-то наземных построек и открытые очаги. Близ сооружения 1 обнаружена глиняная выкладка из небольших аморфных кирпичиков и спекшейся земли.

Оборонительные сооружения Рафайловского городища состоят из двух площадок подпрямоугольной формы, окруженных одним валом и рвом. На большей прослеживаются въезды с противоположных сторон. Как показали раскопки, фактически защитных линий было построено несколько, но существовали они в разное время. Самый ранний ров был сооружен, видимо, еще тогда, когда здесь существовало поселение баитовской культуры, впоследствии полностью

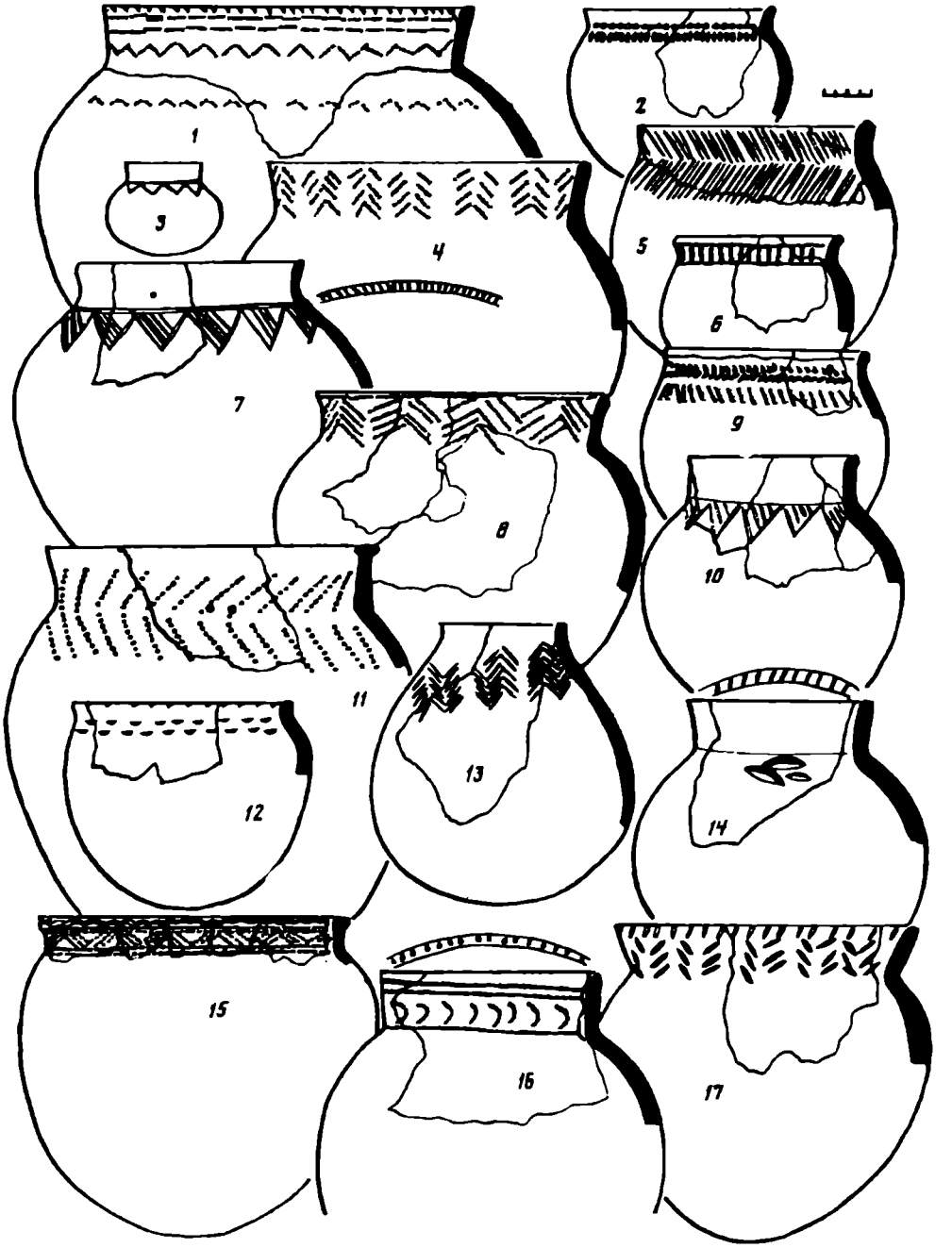


Рис. 7. Рафайловское городище. Керамика

разрушенное саргатцами. С северной стороны первой площадки ров был углублен новыми обитателями до 1,7 м и расширен до 3 м (ров 3). Некоторое возвышение с внутренней стороны («вал») над площадкой городища образовалось за счет выкида из рва. Этот же ров обнаружен с восточной стороны большой площадки. Внутри первой площадки раскопом 6 был зафиксирован полукольцевой ров (ров 4 глубиной 0,8 и шириной около 1,5—2,0 м), окружавший часть жилищ в виде цитадели, сооруженной в саргатское время. Затем он был углублен до 1,5 м и расширен до 3 м (ров 5). Потом эта внутренняя линия перестала существовать, почти полностью заплыла. Очевидно, в это время строились фортификации на второй площадке. Впоследствии обитатели вернулись к укреплению цитадели и на месте рва 5 вырыли новый (ров 6), теперь уже в его заполнении размером 1,5×(1,0—1,3) м.

Вторая, меньшая площадка, видимо, первоначально была окружена рвом, проходившим с двух сторон по склонам террасы, с третьей (западной) — по

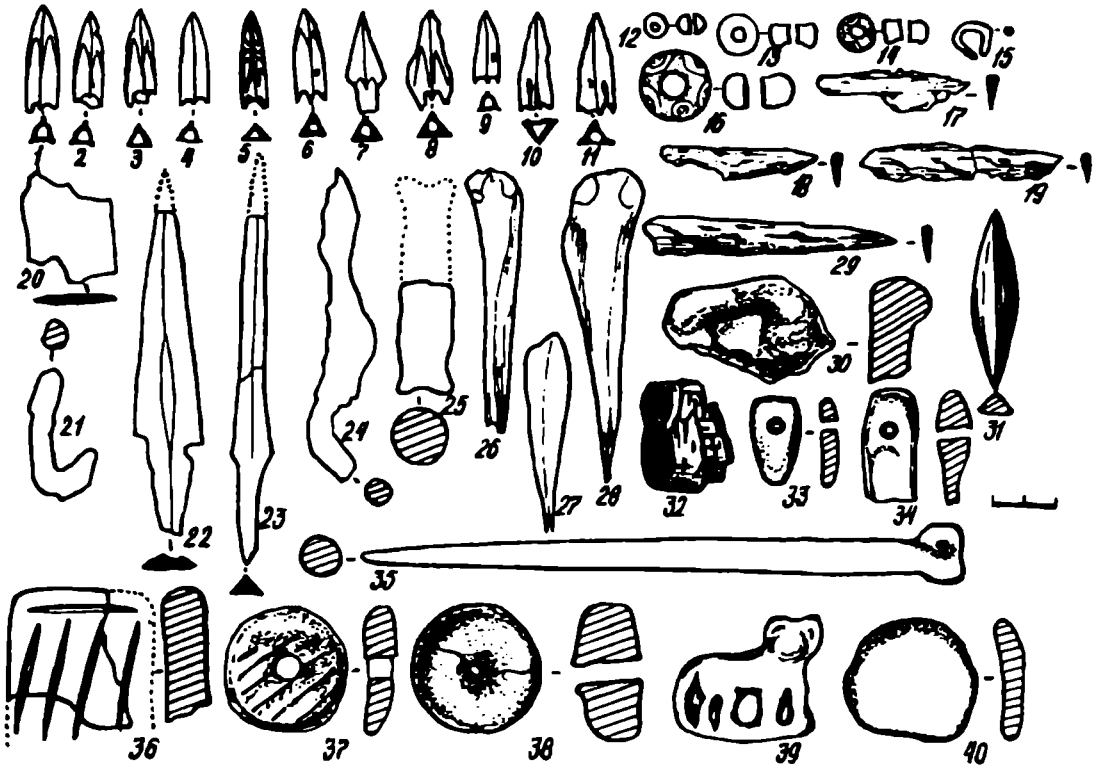


Рис. 8. Рафайловское городище. Инвентарь. *1—11, 15, 39* — бронза; *12—14, 16* — стекло; *17—21, 24* — железо; *22, 23, 26—28, 31, 35* — кость; *32* — береста; *36* — камень; остальные — глина

естественному склону ложбины в сторону первой площадки и лишь с четвертой — по напольной стороне. Этот ров (ров 1), вероятно, был конический в разрезе, глубиной 1 и шириной ~5 м. Вала с большой земляной насыпью не существовало. Ров 1 был синхронен раннему жилищу 5, сооруженному на краю второй площадки. Позднее были построены новые жилища — 6, 7 и вырыт новый ров (ров 2), более глубокий (до 1,5 м) и широкий (~4,5 м). Он располагался на 2,5 м западнее предыдущего, ближе к первой площадке. Одновременно насыпался вал из отдельных линз песка, золистых масс, хозяйственного мусора, закрепленный мощным выбросом материкового грунта из нового рва (ров 2) с внешней стороны и бревенчатыми конструкциями — с внутренней. Он перекрыл выход из жилища 5. Развал вала впоследствии составил 7,5 м, а высота со дна рва — 3,2 м (современная высота со дна рва 1,8 м).

Таким образом, за время жизни на городище произошло не менее трех перестроек фортификаций в зависимости от нужд обороны и роста численности населения. Причем обе площадки функционировали одновременно. Население создавало укрепления, используя рельефы местности — наличие ложбин, склонов и поворотов террасы.

Инвентарь Рафайловского городища богат и разнообразен. Основную массу находок составляет саргатская и гороховская керамика — фрагменты более 1000 сосудов, а также 58 целых сосудов и развалов (рис. 7), всего насчитывается 20 184 фрагмента. Гороховская керамика распределяется довольно равномерно по площади памятника, а также по слоям и горизонтам, составляя ~15% всего керамического комплекса [3].

Орудия труда представлены ножами, пряслицами, керамическими скребками, точилами, оселками, рукоятями, проколками, тиглями и др.

Ножи (7 экз.) железные, относятся к двум характерным для раннего железного века типам: 1 — с прямой утолщенной спинкой (рис. 8, *18*, *19*, *29*) и уступчиками на переходе к черешку со стороны лезвия (6 экз.); 2 — с дуговидной спинкой

[3] Подробный анализ керамики с распределением по объектам и слоям будет дан в отдельной статье.

(рис. 8, *17*) и плавным переходом к черешку (1 экз.). Они находят широкие аналогии в памятниках ананьинской, савроматской, прохоровской, скифской и других культур лесостепной зоны Евразии [1, табл. X, *13*, *15*, XII, *5*, *7*; 2, табл. 18, *16*, *20*; 3, с. 10, 12].

Пряслица (161 экз.), в основном выточенные из стенок сосудов (рис. 8, *37*, *38*), встречаются лепные цилиндрические, биконические, линзовидные, усеченно-конические, цилиндрические с перетяжкой по ребру, с орнаментом и без, а также каменные (2 экз.).

Тигель конусовидной формы, диаметром 4,5, высотой 3 см.

Проколки (4 экз.) изготовлены из грифельных костей животных (рис. 8, *26—28*).

Скребки керамические (69 экз.) представляют собой обломки сосудов со следами сработанности перпендикулярно кромке вдоль одного или нескольких краев черепка (рис. 8, *40*).

Сопла (2 экз.) — фрагменты керамических трубок. Известны в памятниках со следами железоделательного производства.

Поплавки (2 экз.) для сетей сделаны из мотков бересты размером 10×2 см (рис. 8, *32*).

Точила (30 экз.) представляют собой плитки кремнистого сланца, мелкозернистого песчаника, гранита и других пород камня, а также абразивы больших размеров.

Оселки найдены в количестве 3 экз. (рис. 8, *34*).

Рукояти (2 экз.) изготовлены из лосиного рога, имеют заполированность на поверхности и прямоугольные пазы для крепления рабочих частей сложносоставного орудия [4].

Отбойник каменный — 1 экз.

Оружие представлено кинжалом и наконечниками стрел. Железный кинжал был сильно коррозирован, удовлетворительно сохранилась лишь рукоять с небольшими остатками навершия и перекрестия, которые позволяют предполагать, что навершие было серповидным, а перекрестие — угловатым, раннепрохоровского типа, IV—III вв. до н. э. [4, с. 24, 26]. Наконечники стрел (рис. 8, *4—11*) бронзовые (8 экз.) и костяные (3 экз.). Первые делятся на четыре типа: 1 — трехгранный втульчатый с треугольной головкой и выступающей втулкой VI—III вв. до н. э. [4, с. 52] — 1 экз.; 2 — трехгранные с внутренней трехгранной втулкой, опущенными ниже втулки шипами, со сводчатой головкой и дуговидным или прямоугольным вырезом базы, наиболее распространенные в IV в. до н. э.— 1 экз.; 3 — трехгранные с внутренней трехгранной втулкой, опущенными ниже втулки шипами и треугольной головкой, бытовавшие в V—II вв. до н. э. [4, с. 58],— 5 экз.; 4 — трехгранный с треугольной головкой, украшенный рельефным крестообразным узором на гранях, со скрытой втулкой и трапециевидным вырезом базы VI—II вв. до н. э. [4, с. 58]. Костяные наконечники разнотипны: 1 — ромбической формы черешковый, треугольный в сечении — 1 экз. (рис. 8, *31*); 2 — ромбической формы черешковые, ромбические в сечении — 1 экз.; 3 — трехгранный — 1 экз. (рис. 8, *23*). Они находят аналогии в тагарских, большереченских, кулайских памятниках [5, табл. 45, *5*, *6*, *17*, 51, *8*, *9*; 6, рис. 27, *7*, *9*; 7, с. 168; 8, с. 10; 9, с. 36].

Бусы (3 экз.): одна бочковидная стеклянная с внутренней позолотой (рис. 8, *13*), III в. до н. э.— III в. н. э. [10, с. 30]; одна синяя цилиндрическая малая глазчатая (рис. 8, *14*) с 9 глазками в белых ободках, V—III вв. до н. э.; одна крупная бочковидная с 6 глазками (рис. 8, *16*), IV—III вв. до н. э. [11, с. 65].

Подвесок найдено две: в виде сурьматаша [3, с. 133] и подтреугольной формы из талька (рис. 8, *33*). Пряжка бронзовая литая в виде фигурки стоящего ушастого зверя, с двумя петлями на обороте (рис. 8, *39*) аналогична найденным на Среднем Урале [12, рис. 19, *16*] и в Прииртышье [13, с. 194] в памятниках VII—IV вв. до н. э.

[4] Трасологическое определение Е. А. Сидорова.

Из предметов культа найдены обломок каменного четырехугольного блюда на ножках, аналогичного савроматским [2, табл. 30—35] и сакским [14, рис. 2, 3], а также курильница из камня чашевидной формы, с низким бортиком, подобные ей встречаются у сарматов [15, табл. 11, *35*].

Особо следует отметить находки обломков среднеазиатской станковой посуды (стенки, плоские днища, венчики, ручки, всего 12 экз.), а также пряслиц и скребков, изготовленных из них (7 экз.).

Обнаружены две глиняные фигурки — скульптурные изображения мужчины и женщины.

Находки датирующих предметов позволяют отнести время существования Рафайловского городища к V—III вв. до н. э. Причем в одном из ранних жилищ (№ 1) обнаружены бронзовые наконечники стрел довольно ранних типов: трехгранный с выступающей втулкой и сводчатой головкой и скрытой втулкой, характерные преимущественно для V—IV вв. до н. э. (рис. 8, *1*, *7*). Видимо, саргатское население появилось здесь в конце V — начале IV в. до н. э. и существовало до III в. до н. э. включительно. К концу периода относится возникновение кургана на заброшенной к тому времени части селища.

Курган 1 располагался на северо-западной окраине селища. Насыпь его высотой 0,7 м была сложена из культурного слоя существовавшего ранее поселения. В ней встречены 156 фрагментов саргатских сосудов, 29 — гороховских, 4 — баитовских, 2 — гамаюнских, 2 — эпохи бронзы, обломок пряслица, грузило, скребок. Под насыпью находились две могильные ямы, окруженные замкнутым многоугольным рвом. Диаметр описанной окружности вокруг рва 15 м, ширина рва 1,3—1,7 м, глубина колеблется от 0,75 до 1,2 м от уровня погребенной почвы. В разрезе он конический. Выкид из рва хорошо фиксировался с запада на древней поверхности в виде валика желтого песка высотой 0,2—0,3, шириной ~1 м, уложенного с внутренней стороны. С востока он едва заметен, так как здесь ров был вырыт в серой супеси заполнения жилищ и культурном слое поселения.

Погребение 1 располагалось в центре кургана. Могильная яма (3,8×2,8 м, глубина 1,1 м, у дна сужается до 2,7×1,0 м) прямоугольной формы, ориентирована по линии СЗ—ЮВ. На высоте 0,5 м сделаны заплечики. Погребение ограблено, кости скелета и керамика выброшены в восточный угол на заплечики, только в юго-восточном углу стоял горшок, украшенный фестонами. Здесь же найдены три бронзовых втульчатых наконечника стрел типа 18, по К. Ф. Смирнову [4, с. 58], обломки железных удил и псалиев, фрагмент железного колчанного крючка (рис. 8, *1—31*, *21*, *29*).

Погребение 2 располагалось к ЮВ от погребения 1, почти вплотную к нему. Яма его (около 1,7×1,25 м) имела подчетырехугольную форму. В нем находилось ограбленное детское захоронение, ориентированное по линии СВ—ЮЗ. Череп лежал у северо-восточной стенки могилы, остальные кости истлели почти полностью. Найдена одна бусина из глухого красного стекла округлой формы (рис. 8, *12*), датирующаяся в рамках IV в. до н. э.— III в. н. э. [11, с. 63].

Погребение 3 обнаружено в заполнении рва. Скелет находился в скорченном положении на спине, с согнутыми в локтях руками, головой на запад, кисти были у подбородка. Ноги также согнуты, но нижняя часть туловища лежит боком. Поза покойника свидетельствует о том, что определенного положения покойнику не придавалось, а плотно сложенные кости рук у подбородка позволяют предположить, что они были связаны. Видимо, человек был брошен на дно рва спустя непродолжительное время после совершения захоронения под курганом, еще до оплывания насыпи. С внешней стороны рва в этом месте был прослежен прокал (0,5×1,8 м) мощностью 4 см.

На древней поверхности под насыпью в северо-западном и юго-западном секторах обнаружены скопления костей и пятно от кострища (0,7×1,7 м), раздавленный сосуд. Рядом с погребением 1 находилось сопроводительное захоронение лошади, три маленьких горшка, два костяных черешковых наконечника

Видовой состав млекопитающих Рафайловского городища

Вид	Количество	%*	Вид	Количество	%
Крупный рогатый скот	1744/10	37,02/35,0	Благородный олень	2/1	0,3/0,04
Мелкий рогатый скот	213/35	4,52/12,2	Северный олень	2/1	0,3/0,04
Лошадь	2401/91	50,98/32,6	Волк	3/2	0,7/0,06
Верблюд	47/8	1,0/2,8	Лисица	8/4	1,4/0,17
Лось	191/15	5,2/4,06	Бобр	69/12	4,2/1,47
Косуля	7/3	1,0/0,15	Барсук	1/1	0,3/0,02
Медведь	1/1	0,3/0,02	Выдра	1/1	0,3/0,02
Кабан	4/2	0,7/0,09	Сурок	3/1	0,3/0,06
			Собака	13/7	2,4/0,28

* От общего количества животных: в числителе — по костям, в знаменателе — по особям.

стрелы (рис. 8, *22*, *29*), в 2 м севернее — остатки туши барана. В яме с другой стороны могилы найдены целая каменная схематичная плита в виде головы барана и обломок такой плиты [16, с. 89].

Курган относится к саргатской культуре и может датироваться IV—III вв. до н. э., так как именно в это время наиболее распространены бронзовые наконечники 18 типа, по К. Ф. Смирнову, что не противоречит датировке и других находок. Но, видимо, дату кургана следует ограничить III в. до н. э., принимая во внимание длительное существование селища, подтверждаемое многочисленными перестройками, происходившими в течение одного — полутора веков.

Прочная оседлость саргатского населения севера лесостепи, отразившаяся в долговременности Рафайловского городища, сложности архитектурных решений домов и наличии таких следов благоустройства, как дощатый или жердевой пол (остатки лаг на полу жилищ), хорошо согласуется с особенностями хозяйства. Анализ инвентаря и богатой остеологической коллекции [5] показывает, что хозяйство обитателей Рафайловского городища было комплексным, многоотраслевым, сочетавшим охоту, рыболовство, собирательство со скотоводством, земледелием и домашними промыслами. Ведущую роль играло скотоводство (таблица). В составе стада преобладали крупный рогатый скот — 42,4% (по особям) и лошадь — 39,5%, имелись овцы и козы — 14,7%, а также верблюд — 3,4%. Вряд ли саргатцы практиковали верблюдоводство как отрасль хозяйства, скорее всего это количество костей могла дать интенсивная караванная торговля со Средней Азией [17, с. 51; 18, с. 22].

Основные особенности Рафайловского городища как археологического памятника заключаются в следующем. Во-первых, это поселение, существовавшее очень длительное время, причем отдельные участки памятника обживались в различные периоды, а иногда и неоднократно. Во-вторых, для всех участков памятника характерна очень плотная застройка, отчасти объясняющаяся сооружением на месте пришедших в негодность жилищ или в непосредственной близости с ними новых построек. В-третьих, это разнообразие планировочных решений и большая сложность конструкций сооружений, в первую очередь многокамерность.

Среди других поселений саргатской культуры [19, с. 70] Рафайловское городище выделяется большой площадью, мощностью культурного слоя, насыщенностью

[5] Остеологические определения произведены П. А. Косинцевым (Институт экологии животных и растений УО АН СССР).

находками. Все это, учитывая отчетливые следы караванной торговли со Средней Азией, позволяет считать его одним из центров крупного племенного объединения саргатского населения Среднего Притоболья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Збруева А. В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху//МИА. 1952. № 30.
2. *Смирнов К. Ф., Петренко В. Г.* Савроматы Поволжья и Южного Приуралья//САИ. 1963. Вып. Д. 1—9.
3. *Литвинский Б. А.* Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. М.: Наука, 1978.
4. *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов//МИА. 1961. № 101.
5. *Грязнов М. П.* История древних племен Верхней Оби//МИА. 1956. № 48.
6. *Чиндина Л. А.* Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск: Изд-во ТГУ, 1984.
7. *Киселев С. В.* Тагарская культура//ТСА РАНИОН. 1928. Т. 4.
8. *Троицкая Т. Н.* Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Наука, 1979.
9. *Кулемзин А. М.* Тагарские костяные наконечники стрел//ИЛАИ. 1976. Вып. 7.
10. *Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья. Ч. 2. М.: Наука, 1978.
11. *Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья. Ч. 1. М.: Наука, 1975.
12. *Берс Е. М.* Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. Свердловск: Свердл. кн. изд-во, 1963.
13. *Корякова Л. Н., Стефанов В. И.* Городище Инберень IV на Иртыше//СА. 1981. № 2.
14. *Кадырбаев М. К.* Курганные некрополи верховьев р. Илек//Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1984.
15. *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры//САИ. 1963. Вып. Д1—19.
16. *Матвеева Н. П.* О жертвенных камнях скифского времени из Зауралья//Скифская эпоха Алтая. Барнаул, 1986.
17. *Матвеева Н. П.* О скотоводстве саргатских племен лесостепного Притоболья//Проблемы археологии Степной Евразии. Кемерово, 1987.
18. *Матвеева Н. П.* Об особенностях развития саргатской культуры в Среднем Притоболье//Роль Тобольска в освоении Сибири. Тезисы докладов областной науч. конф. Тобольск, 1987.
19. *Корякова Л. Н.* Поселения саргатской культуры//ВАУ. 1984. Вып. 17.

Институт проблем освоения Севера
Сибирского отделения РАН, Тюмень

MATVEEVA N. P.

RAFAILOVSKOYE SETTLEMENT — THE MONUMENT OF SARGATSKAYA CULTURE IN THE MIDDLE TOBOL BASIN

Summary

The article is published the materials from the settlement near Rafailovo village in the middle Tobol basin. The monument is dated to the V—III centuries B. C. and regards to Sargatskaya culture. On two grounds and on the rural area of this monument were investigated 28 dwellings and household constructions, fortification and curgan. The cultural layer is saturated with ceramics, bones, articles and waste products. The finds include weapon, spinning tools, agricultural, pottery, tenning, hunting, metallurgical tools, fishing-tackle, article of life, ornaments, incense-burner, sculptural human images. The settlement belonged to settled population, kept the complex house with prevalence of cattle-breeding. The peculiarities of the monument are very compact building, repeated new building and fortification on destroyed buildings, the diversity of planning the bones of camels, the Central Asian import as evidence of extensive trade. All these finds allow to consider Rafailovskoye settlement as big tribal centre.

В. П. БЫЛКОВА

КОМПЛЕКС САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ С. СОЛОНЦЫ ХЕРСОНСКОЙ ОБЛ.

В 1985 г. в Херсонский краеведческий музей от жителя с. Солонцы Цюрупинского р-на (левобережье Днепра) Л. П. Комлева поступили шесть золотых изделий (два браслета, кольцо, серьга, фибула, «застежка» неясного назначения), сердоликовая бусина-амулет в золотой оправе и бронзовая фибула — случайные находки на распаханной песчаной поверхности в 1,5 км к северо-западу от села. При обследовании места находки сотрудниками музея в 200 м западнее в песке были обнаружены вторая золотая «застежка», сердоликовая бусина в золотой оправе, серебряное зеркало и 52 бусины из сердолика, гагата, мела и янтаря. Однотипность обнаруженных вещей позволяет предположить, что они входили в один комплекс.

Наибольший интерес представляет золотая серьга с круглой дужкой, оканчивающейся головкой льва, с подвеской — «цилиндриком» (рис. 1, *1*). Дужка серьги свита из четырех круглых в сечении проволочек, переходящих в заостренный гладкий стержень. Конец стержня вставлен в круглое отверстие пасти льва. Головка льва изготовлена методом штамповки из тонкого листа золота. Грива орнаментирована тремя рядами конических выступов, разделенных накладными нитями с насечками. Конические выступы образованы спиралями из тонкой золотой проволочки, их вершины украшены крупными шариками зерни (рис. 2, *2*). Подвеска согнута из тонкой золотой полоски. К ее закрытому верхнему основанию припаяна плоская каннелированная петелька. Поверхность цилиндрика украшена накладным филигранным орнаментом: полоской с насечками, «бегущей спиралью» и овами на зубчатых краях цилиндра. По словам Л. П. Комлева, из подвески выпал камень. Диаметр серьги 2,7 см, высота подвески с петелькой 1,3 см, диаметр подвески 0,7 см. Вес серьги с подвеской 10,89 г.

По общим признакам серьга относится к типу кольцевидных, оканчивающихся головками животных, — одному из самых распространенных в эллинистический и позднеэллинистический периоды [1, с. 184—193, 287, 288, № 1728—1735, 1772—1782, 2444, 2445; 2, с. 106, № 26], их появление в античном ювелирном деле связывают с ахеменидским влиянием [3, с. 77—84, № 26—29]. В Северном Причерноморье серьги в виде кольца, оканчивающегося головкой льва, найдены в Херсонесе [4, с. 19, табл. VIII, *3*], в погребении 180 некрополя Танаиса II—I вв. до н. э. [5, с. 21, табл. XXIX, *2, 3*], в могиле 21 Восточного некрополя Неаполя Скифского в погребении девочки, сопровождающемся сходным инвентарем, датированном I в. до н. э. — началом I в. н. э. [6, с. 62, 63, табл. XXXI, *8, 15*]. Главное отличие серьги из Солонцов составляет орнаментация гривы льва. В Северном Причерноморье аналогию ей находим лишь в орнаментации фибулы из Дебальцево [7, с. 55—60], отнесенную А. К. Амброзом к I варианту «лебяжьинской» серии (I в. до н. э.), однако существование подобного орнамента не ограничено узкими хронологическими рамками, он известен в памятниках гальштата и латена, в комплексах III—V вв. н. э. [8, с. 56; 9; 10, табл. 4—7]. Наиболее близкими аналогиями серьге из Солонцов являются серьги, найденные в Болгарии. Одна обнаружена в погребении в районе Варны [11,

© В. П. Былкова, 1993 г.

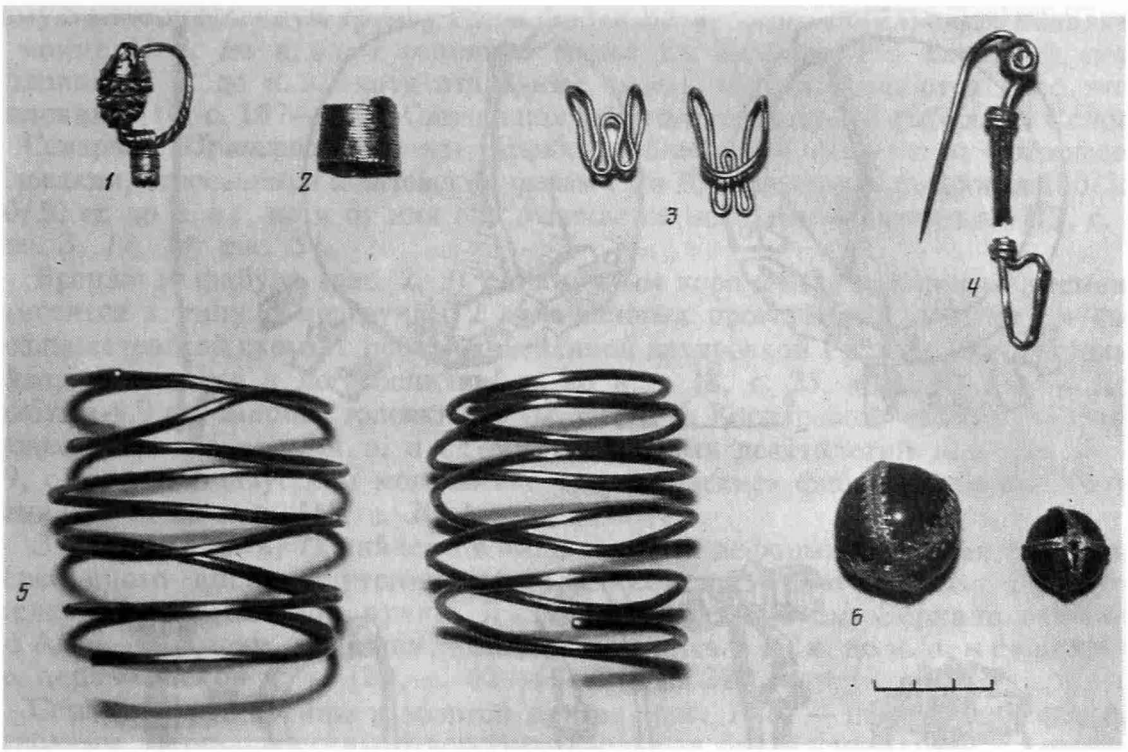


Рис. 1. Золотые изделия из комплекса

с. 235—243, рис. 1]. М. Иванова датирует это захоронение II—I вв. до н. э.[1] Две серьги, найденные в Северной Болгарии, не опубликованы. Одна из них найдена в культовой яме с греческой керамикой III в. до н. э., другая является случайной находкой. Миниатюрные амулеты-цилиндрики, или «ведерки», в том числе и золотые орнаментированные, были широко распространены в Северном Причерноморье на рубеже — в первых вв. н. э., однако отмечена находка золотого «ведерка» в погребении I в. до н. э. [12, с. 153—155 и примеч. 165; 13, с. 50].

Многовитковые круглопроволочные браслеты (рис. 1, *5*), как и все золотые предметы рассматриваемого комплекса, изготовлены из высокопробного металла. Между браслетами имеется разница в один виток. Концы их обрублены. Диаметр витка в среднем 6,5 см, диаметр проволоки 3 мм. Вес браслетов 131,15 и 130,18 г. Металлические многовитковые браслеты имеют широкий ареал и хронологические рамки распространения, их изображения имеются на античных вазах [1, с. 324, рис. 89, № 2775; 2, с. 176, № 66]. Золотые браслеты найдены в погребении прохоровской культуры в Прикубанье [14, с. 218, рис. 2, *1, 2*], в погребении I в. до н. э. — I в. н. э. Калиновского могильника [15, с. 403, 463, 464, рис. 51]. Наиболее близкой аналогией находке из Солонцов являются два золотых браслета с неоформленными концами из сарматского погребения I в. до н. э. — I в. н. э. Ногайчинского кургана в Крыму[2], они лишь немного короче.

Золотое кольцо (рис. 1, *2*) составлено из 14 витков уплощенной проволоки, соединенных вместе. Каждый конец завершается головкой змеи; верхний и нижний витки орнаментированы косыми насечками. Кольцо расширяется в диаметре от 1,9 до 2,2 см, высота его 1,7 см, вес 14,98 г. Находки колец этого типа на территории Северного Причерноморья автору не известны. Аналогичной формы кольцо, отличающееся в деталях, найдено в Таренте, датируется концом IV—III вв. до н. э., имеется ссылка на подобное кольцо, также датирующееся III в. до н. э. [2, с. 277, № 129].

---

[1] Возможность ознакомиться с материалом и консультация любезно предоставлены Миленой Ивановой (Археологический институт БАН, София).

[2] Раскопки А. А. Щепинского 1974 г. находятся в экспозиции музея исторических драгоценностей УССР (г. Киев), зал 3, витрина 12.

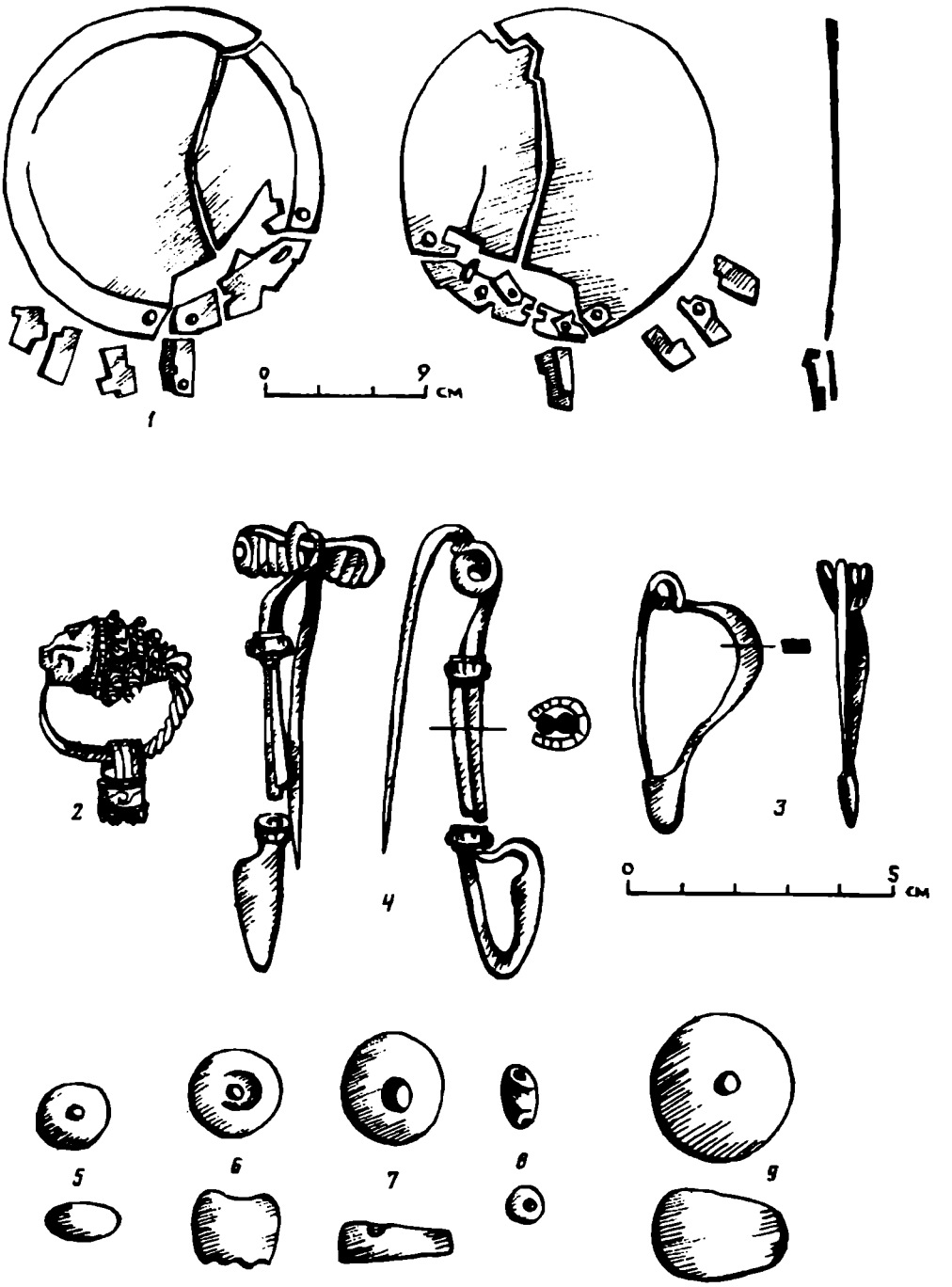


Рис. 2. *1* — зеркало (серебро, железо); *2* — серьга (золото); *3* — фибула (бронза); *4* — фибула (золото); *5—9* — бусы (*5* — сердолик, *6* — гагат, *7* — янтарь, *8*, *9* — мел)

Назначение двух золотых предметов, условно именуемых застежками (рис. 1, *3*), не определено. Они изготовлены из круглой в сечении проволоки, концы которой спаяны; изогнуты в виде фигурной скобки. Ширина каждого изделия 2,1 см, длина 3,5 и 2,2 см, высота 2,5 и 1,3 см, вес 9,31 и 7,75 г.

Золотая фибула (рис. 1, *4*; 2, *4*) найдена в двух деформированных фрагментах, с отогнутой иглой. Проволочная одночленная среднелатенской схемы. Пружина многовитковая двусторонняя на оси, с наружной тетивой. Ножка довольно высоко крепится к дужке двумя отдельными кольцевыми скрепками-муфтами, «гофрированными», с выступающей орнаментированной средней частью. Длина фибулы 7,7 см, длина пружины 2,5 см, вес 33,87 г. А. К. Амброз датировал гладкие проволочные среднелатенские фибулы преимущественно I в. до н. э. [8, с. 19, 20]. По данным Б. Ю. Михлина, проволочные среднелатенские фибулы со скрепкой, составляющие

самую многочисленную группу среди фибул Беляусского могильника, появляются в конце II в. до н. э., а основное время их бытования — начало и первая половина I в. до н. э., хотя отдельные экземпляры встречаются и во второй половине [16, с. 197—199]. Однако полной аналогии золотой фибуле из Солонцов в Северном Причерноморье нет. Наиболее близки ей фибулы из Югославии и Словакии, относящиеся к латенским фазам C_2 и $Д_1$ (примерная датировка 180/150—60/50 гг. до н. э.), но и от них она отличается некоторыми деталями [17, с. 109, рис. 3, *11*, *14*, рис. 5].

Бронзовая фибула (рис. 2, *3*) с прогнутым корпусом и коротким приемником относится к типу 5 подгруппы 2 одночленных проволочных «воинских» фибул позднелатенской схемы с преимущественной датировкой I в. н. э., хотя отдельные находки имеются в погребениях I в. до н. э. [8, с. 25, табл. 4, *6—8*]. Длина фибулы 4,9 см, ширина головки 0,8 см. По К. В. Каспаровой, «воинские» фибулы существуют в I в. до н. э. и не позднее первых десятилетий н. э. [18, с. 138; 19, с. 75]. В Беляусском могильнике три «воинские» фибулы найдены в погребениях I в. до н. э. [16, с. 205].

Зеркало (рис. 2, *1*) найдено в виде четырех деформированных фрагментов серебряного диска с утолщенным валиком по краю и пяти фрагментов железной петлевидной ручки. Диаметр диска 18,3 см. Зеркало относится, по А. М. Хазанову, к V типу, который появился в III в. до н. э. и существовал до первых веков н. э. [20, с. 62—64; 21, с. 22].

Сердоликовые бусины в золотой оправе (рис. 1, *6*) — шаровидной формы со сквозным цилиндрическим отверстием. Большая оправлена двумя золотыми полосками, по центру которых — накладной орнамент в виде «плетенки» из двух «веревочек», расположенных параллельно, по краям — треугольные зубцы с напаянной по краю гладкой золотой проволочкой. Меньшая оправлена двумя полосками, на которые напаяны «плетенки» из двух «веревочек». В местах отверстий полоски расклепаны. Диаметры бусин 3,5 и 2 см, ширина полосок 1 и 0,3 см. Бусины в металлической оправе — амулеты — встречаются в погребальных комплексах Северного Причерноморья с V в. до н. э. до начала н. э. [22, с. 226—230; 23, с. 87, 88, табл. V, 28; 24, с. 114—116, рис. 5, *в*; 25, с. 7, табл. 35, *26*, с. 15, табл. 38, *46*], имеется подобная находка в сарматском погребении на территории Венгрии [26, рис. 14, *8*].

Округлые сердоликовые (рис. 2, *5*) и гагатовые короткоцилиндрические и бочковидные неорнаментированные бусы (рис. 2, *6*) были распространены в Северном Причерноморье в эллинистическое и римское время [25, с. 15, тип. 2; 27, с. 11, 12, 14, 15]. Янтарные бусы (рис. 2, *7*) датируются в основном I—II вв. н. э., но встречаются и в предыдущие века [27, с. 22, 23]. Из меловых бусин одна крупная округлая поперечно сжатая (рис. 2, *9*) имеет широкую датировку, три бочковидные продольно вытянутые (рис. 2, *8*) датируются от II—I вв. до н. э. до первых вв. н. э. [25, с. 29].

Своеобразие рассмотренного комплекса состоит в объединении в нем вещей, различных по стилю и месту изготовления. Многие предметы имеют широкие хронологические рамки и ареал существования. В целом комплекс может быть датирован I в. до н. э. Условия находки не позволяют определить, было ли это разрушенное погребение или клад. В песке были обнаружены несколько очень мелких обломков человеческих костей, окрашенных окислами бронзы, но связаны ли они с данным комплексом, выявить невозможно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Marshall F.* Catalogue of the Jewellery, Greek, Etruscan and Roman, in the Departments of Antiquities British Museum. Oxford, 1969.
2. *Hoffmann H., Davidson P.* Greek Gold. Jewellery form the age of Alexander. Mainz, 1965.
3. *Hackens T.* Catalogue of the Classical Collection. Classical Jewellery. Rhode Island, 1976.
4. *Пятышева Н. В.* Ювелирные изделия Херсонеса // Тр. ГИМ. 1956. Вып. XVIII.
5. *Арсеньева Т. Н.* Некрополь Танаиса. М.: Наука, 1977.

6. *Сымонович* Э. А. Население столицы позднескифского царства. Киев: Наук. думка, 1983.
7. *Скалон К. М.* Золотая фибула из г. Дебальцево // АСГЭ. 1971. Вып. 13.
8. *Амброз А. К.* Фибулы юга европейской части СССР // САИ. 1966. Вып. Д1-30.
9. *Bichir Gh.* Cultura carpica. Bucuresti, 1973.
10. *Behm-Blanche G.* Gesellschaft und Kunst der Germanen. Dresden, 1973.
11. *Мирчев М.* Две ценни находки от Варна // Известия на камарата на народната култура (сер. хуманитарни науки). Т. I. София, 1947.
12. *Вязьмитина М. И.* Золотобалковский могильник. Киев: Наук. думка, 1972.
13. *Галанина Л. К.* Впускное погребение I в. н. э. Курджипского кургана // СА. 1973. № 2.
14. *Скрипкин А. С.* Два погребения раннего железного века из Прикубанья // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1984.
15. *Шилов В. П.* Калиновский курганный могильник // МИА. 1959. № 60.
16. *Михлин Б. Ю.* Фибулы Беляусского могильника // СА. 1980. № 3.
17. *Каспарова К. В.* Зарубинецкая культура в хронологической системе культур эпохи латена // АСГЭ. 1984. Вып. 25.
18. *Каспарова К. В.* О верхней хронологической границе зарубинецкой культуры Припятского Полесья // СА. 1976. № 3.
19. *Каспарова К. В.* О фибулах зарубинецкого типа // АСГЭ. 1977. Вып. 18.
20. *Хазанов А. М.* Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. 1963. № 4.
21. *Мошкова М. Г., Рындина Н. В.* Сарматские зеркала Поволжья и Приуралья // Очерки технологии древнейших производств. М.: Наука, 1975.
22. *Максимова М. И.* Амулет из Горгиппии и так называемые «шарики-подвески» // СА. 1962. № 2.
23. *Галанина Л. К.* Курджипский курган. Л.: Искусство, 1980.
24. *Бабенчиков В.* Новый участок некрополя Неаполя Скифского // ВДИ. 1949. № 1.
25. *Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. 1982. Вып. Г1-12.
26. *Vaday A.* Sarmatisches Gräberfeld in Törökszentmiklós-Surján Ujtelep // AA. 1985. T. XXXVII. F. 3—4.
27. *Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. 1978. Вып. Г1-12.

Херсонский краеведческий музей

V. P. BYLKOVA

COMPLEX OF SARMATIAN TIMES FROM SOLONTSY

Summary

The author publishs the finds discovered by chance near village of Solontsy (Cherson Region, the left bank of the lower Dnieper). There are a gold ring-type earring with lion head as finial; two gold armlets, composed of a rod bend into a spiral; a gold ring with many turns, terminating at each end in the head of a serpent; a gold fibula of the middle La Téne type; two gold objects of uncertain purpose; a silver mirror; a bronze fibula of the late La Téne type; beads made of cornelian, jet, chalk, amber in this complex. It may be dated to the second half of the I st century B. C.

С. И. БЕЗУГЛОВ, И. В. ГУДИМЕНКО

ПОДВЕСКА С ВЫЕМЧАТОЙ ЭМАЛЬЮ ИЗ ДЕЛЬТЫ ДОНА

В марте 1989 г. на территории хут. Рогожкино, расположенного в островной части дельты Дона, местным краеведом А. М. Завгородним была найдена бронзовая подвеска, относящаяся к кругу вещей с выемчатой эмалью (рис. 1, 2). Она обнаружена в низком обрезе правого берега одного из крупнейших гирл дельты — Большой Кутерьмы, в пределах поселения позднеримского времени Рогожкина XII.

Подвеска отлита из бронзы красноватого оттенка. Центральная часть предмета представляет собой высокое и глубокое круглое гнездо на дисковидном основании, украшенное в нижней части рельефным насеченным пояском, имитирующим зернь. С оборотной стороны по периметру гнезда сделано углубление. Основание, на котором находится гнездо, имеет в нижней части маленький выступ с отверстием, в которое вставлен короткий штифт со следами потертости. Прилегающая к выступу часть гнезда подрезана в горизонтальной плоскости. Возможно, в этом месте к подвеске крепилась несохранившаяся дополнительная декоративная деталь. Вертикально вверх от центральной части подвески отходит массивный, прямоугольный в сечении стержень, имеющий в верхней части отверстие для подвешивания. Лицевая грань стержня украшена двумя рядами пунсонных точек. От центрального гнезда в стороны в горизонтальной плоскости отходят крупные и массивные боковые щитки треугольных очертаний; каждый из их углов увенчан небольшим округлым высоким гнездом. На лицевой плоскости щитков сделаны глубокие, хорошо проработанные зеркально-симметричные фигурные выемки для эмали. Эмаль красного цвета сохранилась в центральном, боковых и одном маленьком гнезцах-выемках.

Предметы, аналогичные рогожкинской подвеске, нам неизвестны. Представляется возможным ее соотнесение с подвесками-лунницами круга выемчатых эмалей. Они также состоят из центральной части, боковых щитков и головки-ушка для подвешивания [1, с. 111]. В подвеске из Рогожкино все эти элементы модифицированы: центральная часть уменьшена, ей придана круглая форма; боковые щитки увеличены, а ушко превращено в длинный стержень с отверстием. Эти признаки сближают нашу подвеску с так называемыми лунницами «расцветшего» стиля. Для них также характерны гипертрофированные боковые щитки и уменьшенная в соотношении с ними средняя часть. Иногда это изменение пропорций сказывалось и на размерах ушка — чтобы привести его в соответствие с разросшимися щитками, мастер или вытягивал по вертикали треугольную среднюю часть подвески (Демидовка [2, с. 75, рис. 5, *5*]; Кагарлык [3, табл. 9, *6*] — она же воспроизведена как подвеска из Колоберды [2, рис. 5, *9*] или Среднего Поднепровья [1, рис. 3, *13*]), или удлинял ушко (Игнатовка, Новые Безрадичи [2, с. 75, рис. 5, *6*, *10*]; Ножа-Вар [3, табл. 22, *9*]). Важно отметить, что при сходстве пропорций с «расцветшими» лунницами, подвеска из Рогожкино не связана с ними стилистически — ее декор строг и лаконичен. Форма гнезд на щитках имеет параллели на различных вещах круга выемчатых эмалей — фибулах [3, табл. 14, *11*], «треугольных» подвесках [3, табл. 8, *2*], звеньях цепей [3, табл. 30, *1*]. Отличительная деталь подвески — наличие поднятых над

© С. И. Безуглов, И. В. Гудименко, 1993 г.

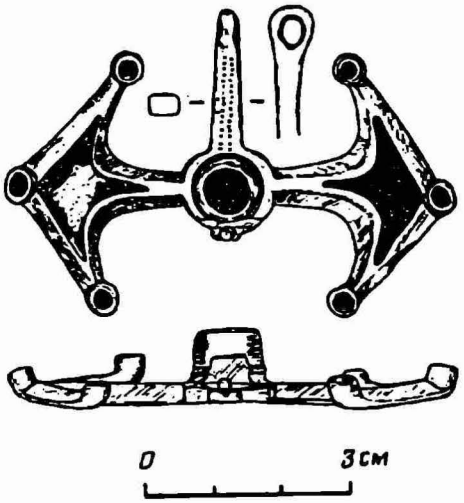


Рис. 1. Подвеска с выемчатой эмалью. Прорисовка

Рис. 2. Рогожкино XII, подвеска с эмалью. Фото

поверхностью гнезд с эмалью. К сожалению, в публикациях редко приводятся профильные прорисовки вещей с эмалью, но, судя по всему, высокие гнезда единичны в их среднеднепровской группе [3, с. 70, № 66]. В прибалтийском ареале эмалевыми вставками в маленьких высоких гнездах украшались локальные эстонские фибулы типа Тюрсамяэ, относимые к IV в. [4, с. 94, 95, 97, рис. 23, *3*, с. 158, рис. 42, *1*]. В целом рогожкинская подвеска не вписывается в крупные типологические группы лунниц с эмалью.

Вопрос о датировке и происхождении подвески достаточно сложен. В новейшей литературе существует несколько точек зрения на проблему хронологии предметов с выемчатой эмалью [1, с. 111—124; 3, с. 53—57, 59, 62; 5, с. 142; 6, с. 130, 136; 7, с. 32; 8, с. 202]. В своеобразной стилистике выемчатых эмалей видоизменялись известные типы провинциально-римских, а также варварских центрально- и североевропейских вещей (в первую очередь фибул). Этот факт важен для установления опорных дат предметов круга эмалей [3, с. 21, 28, 51, 52; 5, с. 133—142; 7, с. 34].

Предложенная Г. Ф. Корзухиной датировка среднеднепровской группы эмалевых вещей V — первой половины VI в. (при наличии в ней более ранних предметов) основана на умозрительных посылках [3, с. 58—62; 5, с. 116, 117] и плохо соотносится с современной археологической реальностью. Как справедливо отметил Е. Л. Гороховский, недостаточно полно аргументированы хронологические позиции И. К. Фролова [6, с. 131—134]. Серия статей Е. Л. Гороховского по хронологии выемчатых эмалей Среднего Поднепровья [5—7] объединена одной идеей — доказать их принадлежность позднеримскому времени (от конца II до конца IV в., с возможным заходом в начало V в.). Сильным звеном аргументации Гороховского является анализ конкретных комплексов. Сложности в определении верхней хронологической границы эмалей связаны с тем, что большинство их обнаружено вне датированных комплексов. Новые находки должны прояснить вопрос об отношении эмалей к киевской культуре [5, с. 117; 6, с. 130; 9, с. 109 и др.], что позволит уточнить период их бытования.

Все исследователи, специально занимавшиеся выемчатыми эмалями, сходятся в том, что лунницы «расцветшего» стиля представляют в своей категории позднее эволюционно-типологическое звено с тенденцией роста боковых щитков и уменьшения центральной части (например [1, с. 120; 2, с. 76]. Учитывая отмеченные выше черты сходства нашей подвески этими лунницами, мы предположительно можем датировать ее поздним III—IV в. н. э.

Дополнительные данные к датировке вещи дают обстоятельства находки. Поселение Рогожкино XII, на территории которого обнаружено украшение, входит

в группу небольших неукрепленных поселков позднеримского времени, расположенных в дельте Дона, у хут. Рогожкино и, возможно, Дугино. В 1983 г. небольшие раскопки на поселении Рогожкино XII провел В. В. Чалый [10, с. 10, 11]. Им были обнаружены фрагменты амфор типа Д по классификации Д. Б. Шелова [11, с. 18, 19]; другие фрагменты могут быть отнесены к типу амфоры, найденной в комплексе у ст-цы Воронежской в Прикубанье [12, с. 205—218, рис. 7]. Эти амфоры (известны целые формы из Рогожкино), видимо, в целом древнее классических «инкерманских» [11, с. 19], неоднократно находимых в датированных комплексах IV в. Массивные, утолщенные в верхней части ручки и некоторые фрагменты горлышек, происходящие из Рогожкино XII, могут принадлежать амфорам IV в.

Кроме того, на поселении в разные годы обнаружено 10 бронзовых боспорских монет, чеканенных в хронологическом интервале от Савромата II (174—210 гг.) до Ининфимея (234—239 гг.) [1].

Таким образом, поселение Рогожкино XII существовало весь III и IV в. [2], причем IV век документирован слабее. В целом датировки амфорной тары и подвески с эмалью можно считать согласованными.

На наш взгляд, южнорусские находки вещей круга эмалей можно рассматривать как частный эпизод сложнейшей историко-археологической ситуации, возникшей здесь в позднеримское время. Для Юга России выемчатые эмали навсегда остались экзотикой — находки их здесь редки, разрозненны и плохо увязаны с конкретными, узко датированными комплексами, что резко снижает возможности их культурно-исторической оценки. Несомненно, что для Кавказа, Подонья и Причерноморья эти вещи были чужеземной диковиной, оторванной от своей изначальной культурной структуры. Их причудливый стиль не оказал никакого влияния на традиции цветной металлообработки Кавказа и северопонтийской зоны. Поэтому вопрос о том, какому из центров — среднеднепровскому или прибалтийскому — принадлежит подвеска из Рогожкино, в данном случае не принципиален и вряд ли может быть решен однозначно из-за отсутствия прямых аналогий.

Донские находки предметов круга эмалей малочисленны — это треугольная и обломок перекладчатой фибулы (обе без эмали), происходящие с правобережного Цимлянского городища [3, с. 77, табл. 22, *4*; 13, рис. на с. 322], а также упомянутая, но не описанная А. К. Амброзом находка у ст. Вешенской [14, с. 13]. Принципиальное значение имеет находка вещей с эмалью в богатом позднесарматском кургане (№ 33), раскопанном Е. И. Беспалым на могильнике Валовый близ Танаиса в 1987 г. [15]. Этот комплекс особенно интересен тем, что позволяет говорить о спорадическом попадании выемчатых эмалей на юг уже во второй половине II — первой половине III в. н. э.

Определение хронологических позиций других южных находок эмалей сопряжено с трудностями. Нет узкой даты у треугольных фибул из Херсонеса [3, с. 18, прим. 1; 16, с. 136, 137], у детали цепи от рога из Лезгура [14, с. 13—16], нет аргументированных дат у других кавказских находок [3, с. 77, № 122—126], исключая комплекс погребения 11 в Клин-Яре, где была найдена лунница с эмалью [17, с. 120—122, рис. 17, *110*]. Он, очевидно, датируется второй половиной III—IV в. (в том случае, если в нем найдена фибула, изображенная там же, на рис. 17, *111* — из текста публикации это неясно). Не бесспорна дата погребения в Кепах, где найден обломок эмалевой фибулы [5, с. 144; 18, с. 207—209]. В числе южных находок вещей круга эмалей надо упомянуть и перекладчатую фибулу из кургана 3 у Бородаевки в Поволжье ([19, с. 32, 33, рис. 3, А] без других датирующих вещей).

Вопрос о проникновении выемчатых эмалей в Подонье, может быть сопряжен с более общей проблемой северо-западных импортов на Дону в позднеримское

[1] Сведения были любезно предоставлены А. И. Анисимовым.

[2] Помимо позднеримских, в Рогожкино XII встречены раннесредневековые и позднейшие культурные остатки.

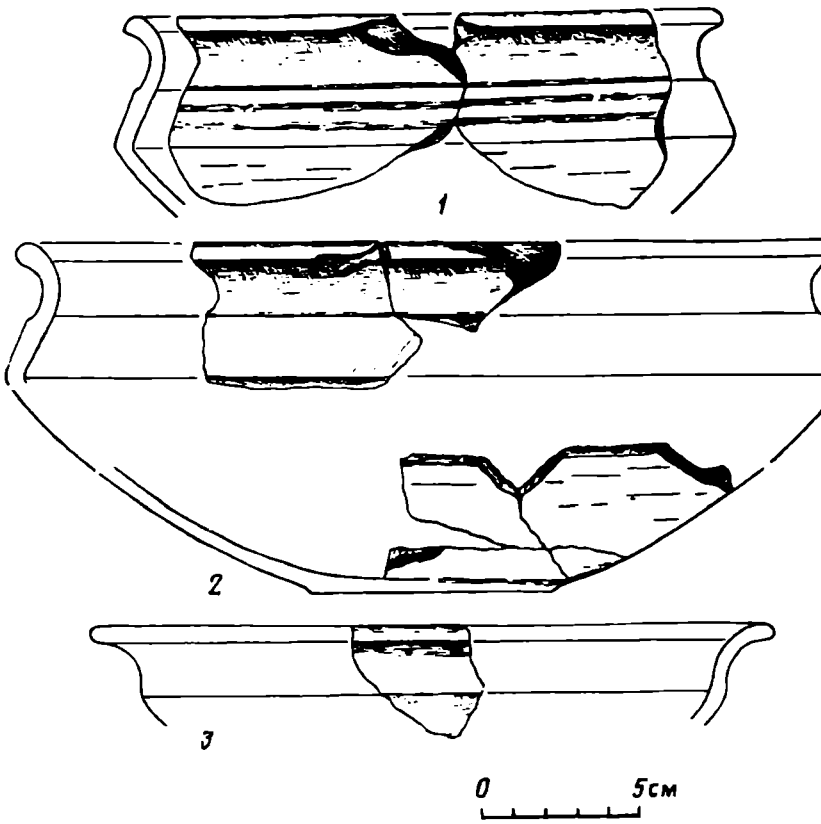


Рис. 3. Рогожкино XIII. Керамика. *1*, *2* — гончарная; *3* — лепная

время. Для второй половины III—IV в. нужно различать западные культурные элементы в подкурганных кочевнических погребениях [20, с. 25, 26] и на памятниках оседлого населения (Танаис, поселения дельты). На последних следы северо-западных культурных влияний фиксируются после середины III в. и не имеют прецедента. Западные вещи из низовий Дона разнородны. В Танаисе помимо западных фибул, редких для Юга типов ([21, с. 261—263] есть новые находки), известны черняховские костяные трехслойные гребни, образцы типичной черняховской гончарной посуды, очень странная серия «черняхоидных» лепных мисок [22, с. 180—185] и биконических лапных горшков [23, с. 194, табл. V, *10*], более сходных не с черняховскими [24, с. 118], а с необычными для Дона киевскими или пеньковскими формами [25, с. 22, рис. 13, вид IV; 26, с. 72, рис. 24, I, *1*] — в зависимости от того, как определятся их даты. Кроме того, здесь найдены костяная пирамидальная подвеска с циркульным орнаментом и несколько железных умбонов от щитов, принадлежащих центральноевропейским типам [27, с. 135, табл. XV, *6*, 28, с. 79, рис. 3, *4*, *5*]. Объединяет эти предметы западное и северо-западное происхождение, линия передвижения на юго-восток, собравшая разнородные вещи в пределах одного памятника.

Близкая ситуация складывается и в дельте Дона. Обильные находки амфор III—IV вв., обломков краснолаковой посуды и некоторых типов гончарной лощеной керамики маркируют традиционные для Нижнего Дона направления связей с Причерноморьем и Центральным Предкавказьем. Но в последние годы наметилась группа вещей, характеризующая западный культурный компонент на поселениях дельты. Это, прежде всего, фрагменты специфической гончарной черняховской керамики (рис. 3, *1*, *2*), в также лепной «черняхоидной» (рис. 3, *3*), совершенно аналогичной обнаруженной в Танаисе. Они происходят с поселения Рогожкино XIII, находящегося всего в нескольких сотнях метров к востоку от Рогожкино XII. К западным типам относятся и некоторые фибулы («воинская»,

прогнутая подвязная и местное подражание прогнутой), происходящие из района Рогожкино — Дугино. На более отдаленные связи с миром лесных и лесостепных культур указывает находка эмалевой подвески.

Таким образом, и в Танаисе, и в дельте западная культурная волна представлена преобладающими общечерняховскими элементами (посуда, фибулы, костяные изделия) при наличии вещей-индикаторов более северных и западных по отношению к Черняхову культур (фибулы с декоративными кольцами и кнопками, железные умбоны, возможно, некоторые формы лепной посуды Танаиса; в степи известны фибулы и янтарные украшения балтийских и центральноевропейских типов).

Очевидно, такая ситуация может соответствовать какому-то факту исторической реальности. На примере фибул А. К. Амброз прокомментировал процесс оседания северных вещей на черняховской периферии. Своеобразные западные фибулы из Танаиса он предположительно связал с соседством приазовских герулов, известных по письменным источникам [21, с. 261—263; 29, с. 89, § 117, 118]. Важно отметить, что в середине III в. район Меотиды становится одним из крайних пунктов готской экспансии [30, с. 159, прим. 13], а территории, прилегающие к устьям Дона, служат отправной точкой знаменитых морских походов второй половины III в. вдоль восточного и южного берегов Понта. Участниками этих походов были и остготы [30, с. 168]. Видимо, концентрация разнородных западных вещей в нижнем Подонье является археологическим отражением присутствия здесь или неподалеку пришельцев с далекого северо-запада, собравших в своем движении элементы различных культур лесной и лесостепной зоны. Ими могли быть племена готского союза или приазовские герулы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Фролов И. К.* Лунницы с выемчатой эмалью//Из древнейшей истории балтских народов по данным археологии и антропологии. Рига: Зинатне, 1980.
2. *Кухарская Е. М., Терпиловский Р. В.* Некоторые типы лунниц III—V вв. в Среднем Поднепровье//Древности Среднего Поднепровья. Киев: Наук. думка, 1981.
3. *Корзухина Г. Ф.* Предметы убора с выемчатыми эмалями V — первой половины VI в. в Среднем Поднепровье//САИ. 1978. Вып. Е1-43.
4. *Шмидехельм М. Х.* Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии. Таллин, 1955.
5. *Гороховский Е. Л.* О группе фибул с выемчатой эмалью из Среднего Поднепровья//Новые памятники древней и средневековой художественной культуры. Киев: Наук. думка, 1982.
6. *Гороховский Е. Л.* Хронология украшений с выемчатой эмалью Среднего Поднепровья//Материалы по хронологии археологических памятников Украины. Киев: Наук. думка, 1982.
7. *Гороховський Е. Л.* Підковоподібні фібули Середнього Подніпров'я с виімчастою емаллю//Археологія. 1982. Вып. 32.
8. *Слонов В. Н.* К проблеме хронологии и локализации места производства эмалевых подвесок-лунниц//СА. 1989. № 1.
9. *Кравченко Н. М., Терпиловский Р. В.* Киевская культура//Археология Украинской ССР. Т. 3. Киев: Наук. думка, 1986.
10. *Чалый В. В., Завгородний А. М.* Археологические исследования в дельте Дона//Исследования Азово-Донецкой археологической экспедиции в 1983 г. (материалы к семинару). Азов, 1983.
11. *Шелов Д. Б.* Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология//КСИА. 1978. Вып. 156.
12. *Анфимов Н. В.* Позднесарматское погребение из Прикубанья//Археология и история Боспора. Симферополь, 1952.
13. *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962.
14. *Амброз А. К.* Деталь восточнобалтийского питьевого рога из сел. Лезгур Северо-Осетинской АССР//Славяне и Русь. М.: Наука, 1968.
15. *Беспалый Е. И., Парусимов И. Н.* Отчет о работах Приморского археологического отряда в 1987 г.// Архив Азовского краеведческого музея. КВФ 10691, ОА-2.
16. *Щукин М. Б.* Ажурные эмалевые фибулы из некрополя Херсонеса и некоторые вопросы балто-черноморских связей//Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса 1888—1988. Тезисы докладов. Севастополь, 1988.
17. *Виноградов В. Б., Рунич А. П.* Новые данные по археологии Северного Кавказа//Археолого-этнографический сборник. Грозный, 1969. Т. III.
18. *Сокольский Н. И.* Погребение V в. в Кепах//СА. 1964. № 4.
19. *Синицын И. В.* Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов, 1947.

20. *Безуглов С. И., Захаров А. В.* Могильник Журавка и финал позднесарматской эпохи в правобережном Подонье//Изв. РОМК. 1988. Вып. 5.
21. *Амброз А. К.* Фибулы из раскопок Танаиса//Античные древности Подонья — Приазовья. М.: Наука, 1969.
22. *Арсеньева Т. М.* Лепная керамика Танаиса I//Древности Нижнего Дона. М.: Наука, 1965.
23. *Арсеньева Т. М.* Лепная керамика Танаиса II//Античные древности Подонья — Приазовья. М.: Наука, 1969.
24. *Арсеньева Т. М.* Некрополь Танаиса. М.: Наука, 1977.
25. *Терпиловский Р. В.* Ранние славяне Подесенья III—V вв. Киев, 1984.
26. *Горюнов Е. А.* Ранние этапы истории славян Днепровского левобережья. Л.: Наука, 1981.
27. *Арсеньева Т. М., Шелов Д. Б.* Раскопки юго-западного участка Танаиса (1964—1972)//Археологические памятники Нижнего Подонья. Т. I. М.: Наука, 1974.
28. *Арсеньева Т. М., Науменко С. А.* Раскопки Танаиса в 1981—1984 гг.//КСИА. 1987. Вып. 191.
29. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М.: Изд-во АН СССР, 1960.
30. *Буданова В. П.* Передвижения готов в Северном Причерноморье и на Балканах в III в.//ВДИ. 1982. № 2.

Археологическая лаборатория
Ростовского государственного университета
Азовский краеведческий музей

BEZUGLOV S. L, GUDIMENKO L. V.

THE PENDANT WITH GROOVE ENAMLE FROM DON DELTA

Summary

The pendant was found by the student of local lore on the territory of Rogozhkino village in the limits of late ancient settlement Rogozhkino IX. The pendants was made from bronze. The enamle grooves (the remnant of red colour are preserved) are in the central part on the adjoing to it lateral dashboards. The question about the penetration of enamles with groove to the Don basin are connected with more global problem of import from the North-Western territories to the Don river basin in the late Roman time. The concentration of the various import things from the West is the archaeological reflect of the presentness of the North-West by birth, may be the Gothic tribes or guerillas from Pre-Asov territory.

М. Н. ФЕДОРОВ

СОГДИЙСКАЯ КУРИЛЬНИЦА КОНЦА VII — НАЧАЛА VIII В. С ГОРОДИЩА КОШОЙ-КОРГОН

Окруженная горами долина р. Атбаши расположена в Центральном Тянь-Шане на высоте более 2000 м над уровнем моря. Относительно суровый климат мало способствовал земледелию. Зато вся долина, отличное пастбище, с древнейших времен была местом обитания кочевников. В центральной ее части, на западе от райцентра Ат-Баши, возвышается городище Кошой-Коргон.

В 1894 г. В. В. Бартольд [1, с. 58, 59] отождествил его с городом Атбаш, упомянутым в середине IX в. Ибн Хордадбехом. Отождествление В. В. Бартольда подтвердил А. Н. Бернштам. По его мнению, «город обязан своим возникновением согдийским мастерам VIII—IX вв. Это город-крепость, ставка тюркских ханов, где стояли шатры... но не центр ремесленного производства и торговли... В XIV в. Атбаш был дополнительно укреплен, быть может, самим Тимуром» [2, с. 100]. Последнее упоминание об Атбаше относится к XVI в. [1, с. 58].

С 1980 г. Кошой-Коргон исследуется Нарынской археолого-этнографической экспедицией. Работы позволили уточнить датировку возникновения Атбаша: VIII, возможно, конец VII в. [3, с. 20, 21].

Атбаш возник как «ордо» — укрепленная ставка правителя кочевников Атбашинской долины. В плане это почти квадрат (250×245 м), ориентированный так, что стена, которую А. Н. Бернштам условно называл восточной, шла с отклонением ~30° к западу от линии С — Ю. Единственный вход находился в южной стене. Его защищало Г-образное ответвление крепостной стены с башней напротив ворот, создававшее узкий, хорошо простреливаемый коридор на подступах к воротам. Стены крепости усилены высокими фланкирующими башнями. Перед стенами ров. Количество башен установить затруднительно ввиду их плохой сохранности и последующих перестроек. Похоже, что, не считая угловых, на северной и южной стенах было по пять, на западной и восточной по семь башен. Позже, в результате ремонтных и восстановительных работ, в плане крепости произошли изменения [3, с. 5—27].

Внутри площадь «ордо» была почти не застроена. Здесь стояли юрты воинов-дружинников. Сюда при нападении врагов прятались женщины, дети и загонялся скот, основное богатство кочевника. Единственным крупным зданием был дворец правителя Атбашинской долины, раскинувшийся возле юго-западного угла крепости на площади ~900 м^2. Он состоял из двух примерно равных по площади изолированных частей — парадной и жилой. Первая включала «тронный», или «южный» зал (площадью в 101 м^2), северный зал (~91 м^2) и большой айван (~187 м^2). Айван имел две стены и был открыт на север и восток. Перекрытия держались на деревянных столбах или колоннах. С запада к парадной примыкала жилая часть дворца: два ряда небольших помещений площадью от 35,7 до 12,2 м^2 [4, с. 56—62]. Тронный зал пристроен вплотную к крепостной стене. Его западная стена вместе с западной стеной «северного» зала и айвана служила границей между жилой и парадной частью дворца. Толщина стен зала в пределах 0,9—1 м. В северной стене проход шириной 2,25 м, соединявший тронный и «северный» залы. Стены сложены из серовато-желтой пахсы высокого

© М. Н. Федоров, 1993 г.

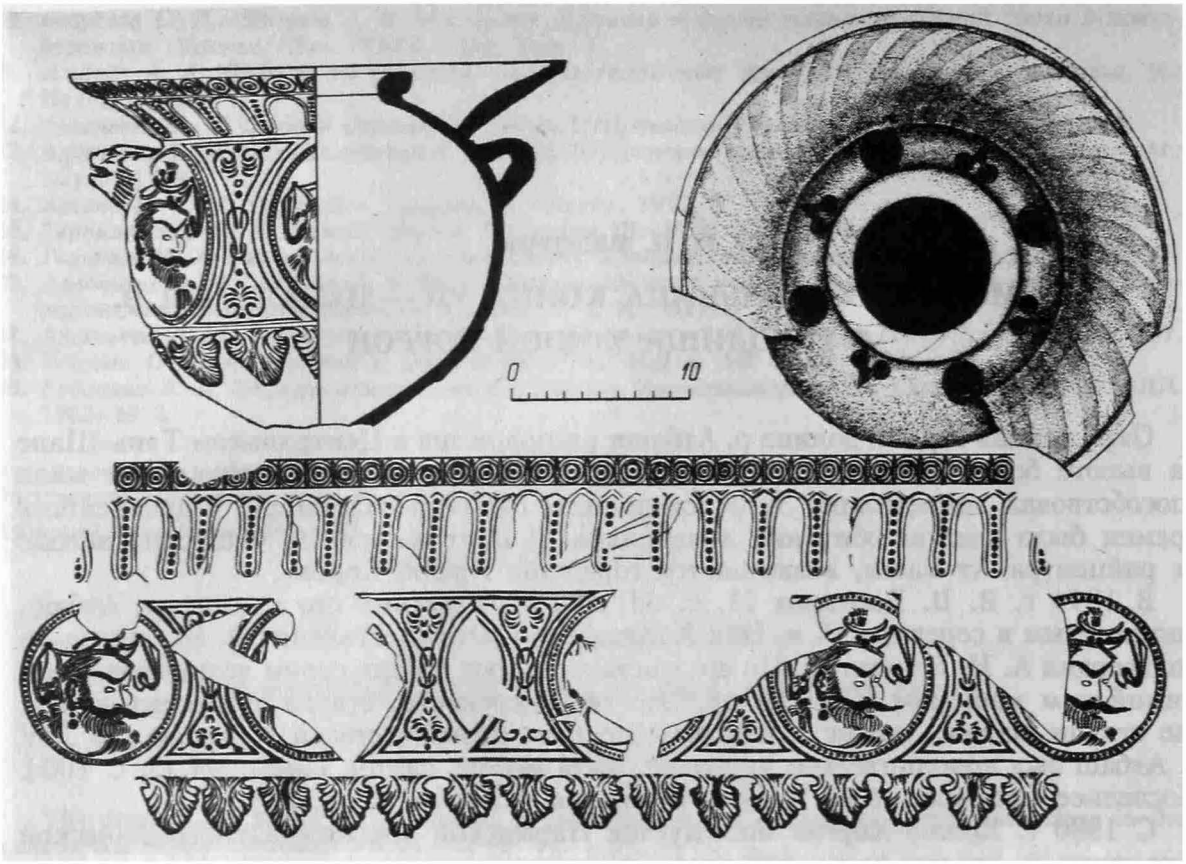


Рис. 1. Согдийская курильница. Разрез. Вид сверху. Развертка декоративных поясов

качества — твердой, плотной, с заглаженной поверхностью. Пол глинобитный. Следов суфы не обнаружено. Нет никакого архитектурного декора: росписей, резной или лепной штукатурки, нет даже простой штукатурки. Видимо, основным украшением зала, как и юрты богатого кочевника, были ковры, цветные кошмы, меха диких животных. В середине крыши, возможно, был световой люк, закрывавшийся на зиму деревянным щитом или циновками.

При раскопках дворца была сделана находка, послужившая предметом данной статьи (рис. 1—3).

Керамическая согдийская курильница обнаружена на полу в северо-восточном углу «тронного», или «южного», зала в сильно фрагментированном состоянии. Несколько десятков обломков было разбросано на площади более 4 м^2.[1]

Сохранившаяся высота курильницы 19,8 см, наибольшая ширина тулова 21,6 см. Тулово курильницы имеет округлую форму, приближаясь к сплюснутому по вертикали шару. Оно расширяется в средней части и плавно сужается к донцу и венчику, причем к донцу больше, чем к венчику. Донце у курильницы отбито. След от скола выглядит как почти правильный круг диаметром 7 см. Это наводит на мысль о том, что между донцем и туловом курильницы была цилиндрическая ножка диаметром 7 см. Донце должно было быть большого диаметра и массивным, в противном случае курильница опрокидывалась бы. Не исключено, впрочем, что донце у курильницы было конусовидным. И тогда существовала специальная подставка. В пользу этого может говорить то, что нижняя часть тулова курильницы (примерно $^1/_5$) не имеет декора. В подставке декор не виден.

Курильница имела два венчика — внутренний и внешний. Диаметр внутреннего 11 см. Он представляет собой отогнутый наружу валик подпрямоугольного сечения. Его высота 1,1, ширина 1,8 см.

---

[1] Пользуюсь случаем выразить благодарность Е. Барановой за помощь в реставрации сосуда и М. Ким за выполнение графических работ.

Рис. 2. Курильница. Общий вид с медальоном 1

Отступя на 3,2 см от внутреннего, на курильницу был насажен отдельно изготовленный внешний венчик в виде невысокого (5 см) усеченного конуса, расширяющегося кверху. Диаметр внешнего венчика 28,2 см. Край его на 0,35 см выше края внутреннего венчика. Внешний венчик сохранился не полностью. На месте скола хорошо видно, что он был приклеен к тулову уже изготовленного сосуда. На том месте, где внешний венчик приклеивался (видимо, жидкой глиной) к тулову, прослежен ряд наклонных насечек шириной и глубиной ~ 0,1 см. Расстояние между ними от 1 до 1,1 см. Они были сделаны для лучшего сцепления внешнего венчика и тулова курильницы при склеивании. Толщина внешнего венчика от 1,1 до 0,6 см (у края венчика). На расстоянии 0,6 см от края венчика на его внутренней поверхности прочерчен круг диаметром 27 см (ширина линии до 0,3 см, глубина до 0,15 см). Часть венчика до этой выемки отогнута наружу и идет почти горизонтально, остальная часть опускается покато к плечикам курильницы. На плечиках сосуда в пространстве между внутренним и внешним венчиком расположен ряд чередующихся отверстий, образующих как бы декоративный пояс. Чередуются отверстия двух очертаний: круглые диаметром 2,15 см и более сложной ножницеобразной формы — равнобедренный угол, поставленный на два несоприкасающихся кружочка. Диаметр кружочков 0,95 см, расстояние между ними от 4 до 3 мм. Как большие, так и малые кружки сделаны специальными трубочками, остальные детали вырезаны от руки, поэтому расстояние между концами равнобедренного угла варьирует от 0,85 до 1 см. Отверстия проделаны для того, чтобы через них выходил дым сжигаемых в курильнице благовоний. Курильница, видимо, имела крышку.

Под внешним венчиком симметрично расположены две ручки в виде головы разъяренного льва с оскаленной пастью (рис. 3, 4). Они сформованы в специальном калыбе. Ручки выступают от тулова на 3,8 см, их высота до 3,5 см. Внутри они полые. Толщина черепка от 1,2 до 0,8 см. В углу львиной пасти скозное отверстие диаметром 4 мм. В него мог быть продет шнур (или кольцо, за которое привязывали шнур) для подвешивания курильницы. Украшение сосудов ручками в виде львиных голов распространено в римском искусстве. Такие предметы римского экспорта попадали в Среднюю Азию. Например, стеклянная чаша римской работы с двумя ручками в виде львиных голов найдена в Киргизии

Рис. 3. Курильница. Общий вид с медальоном 2 и ручкой

[5, с. 175, 176]. Эффектный прием украшения сосудов ручками в виде львиной головы мог быть заимствован среднеазиатскими гончарами с привозных римских сосудов.

Курильница сделана из хорошо отмученной и промешанной глины без примесей. Черепок плотный и относительно тонкий, стенки тулова (0,6—0,65 см) утолщаются к донцу (0,9 см). Обжиг не совсем равномерный — там, где черепок толще, внутри он сероватый, а по краям темно-розовый; где тоньше, неравномерность обжига меньше заметна.

Снаружи курильница покрыта белым с розоватым оттенком ангобом, но неравномерно: нижняя часть полностью, средняя примерно на $^3/_5$, внешний венчик наполовину, так что на нем четко прослеживается граница между розовато-белым и темно-розовым цветом. Внутренний венчик и плечики курильницы между внутренним и внешним венчиком оказались не покрытыми ангобом. Создается впечатление, что курильницу обмакнули в ангоб, придерживая за внешний венчик, положив набок, причем глубина сосуда с ангобом была недостаточной и часть курильницы осталась без покрытия.

На внутренней стороне внешнего венчика по темно-розовому фону черепка сделаны ангобом косые, наклоняющиеся слева направо мазки шириной 0,85—0,9 см. Расстояние между полосками ангоба неодинаковое — от 1,6 до 0,95 см. Такие же полоски нанесены на внешней поверхности внутреннего венчика. Толщина их до 0,6 см, расстояние между ними от 0,2 до 0,5 см.

Снаружи внешний венчик и средняя часть тулова курильницы украшены великолепным штампованным орнаментом. Техника нанесения орнамента состояла в том, что тонко раскатанные листы глины (толщиной от 0,4 до 0,2 см) помещались в специальные калыбы, где на них оттискивалось изображение или же (в одном случае) на глиняной ленте одним штампом оттискивался ряд одинаковых узоров. Затем эти листы или ленты с орнаментом приклеивались к курильнице жидкой глиной. На поверхности курильницы были специальные насечки (шириной и глубиной 0,1 см) для лучшего сцепления декоративного слоя с сосудом.

Высказывалось мнение, что курильница была сформована в калыбе-матрице, что орнамент был нанесен на этот калыб и оттиснут на сосуде весь сразу. Это

Рис. 4. Ручка в виде львиной головы (увеличено)

утверждение не имеет ничего общего с действительностью. Во-первых (и это самый главный контраргумент), сосуд изготовлен на гончарном круге. На его внутренней поверхности четко видны следы вращения. Во-вторых, на внешнем венчике часть декоративного слоя откололась, и ясно видно, что он был приклеен, о чем свидетельствуют косые насечки на венчике, процарапанные для лучшего сцепления декоративного слоя с поверхностью венчика. В-третьих, все медальоны с изображением персонажа в короне оттиснуты в одном и том же калыбе. Об этом говорит повторяющийся во всех медальонах дефект: под правым глазом персонажа параллельно его нижнему веку от скулы к переносице идет полоса — это оттиск трещины в калыбе. К тому же в некоторых местах в изломе черепка, а также и на поверхности сосуда можно проследить следы того, что медальоны приклеивались к тулову. В-четвертых, как это будет видно из приводимого ниже описания декора, штампы и калыбы были изготовлены для сосуда другого диаметра.

Первые два декоративных пояса расположены на наружной части внешнего венчика. Сразу под краем венчика идет узкая лента шириной от 1,2 до 1,75 см. Видимо, она вырезана «на глазок» и ширина ее неодинакова. По ленте штампом выдавлен узор в виде повторяющихся трех концентрических кружков с точкой посередине. Диаметр кружков 1,35; 0,9 и 0,5 см. Они разделены вертикальными насечками, нанесенными от руки. Поэтому расстояние между насечками варьирует от 2 до 1,6 см. В одном месте кружки нанесены так, что частично заходят один на другой и насечки меж ними нет. Видимо, орнамент рассчитан на сосуд большего или меньшего диаметра. Первый и второй декоративные пояса разделены бороздой шириной от 0,5 до 0,15 см.

Второй декоративный пояс состоит из слегка сужающихся книзу арочек. Их высота 4,9 см, ширина в основании от 1,4 до 2 см. Опоры между арочками

имеют ширину 1,1 см. В верхней части они завершены перевернутым вверх острием прямого угла, нижнее завершение опор овальное. Опоры украшены «перлами» диаметром от 0,5 до 0,35 см. Число «перлов» на опорах арочек неодинаковое — девять или восемь.

Видимо, штамп для этого декоративного пояса состоял из двух с половиной арочек и трех опор. Первые две опоры имели по девять, третья — восемь перлов. Этот штамп также был рассчитан на сосуд другого диаметра, поэтому получались «сбои» и орнамент местами подправлялся от руки. Причем «сбои» шли после опоры с восемью перлами.

На сохранившейся части внешнего венчика последовательность нанесения орнамента следующая (описание слева направо): *1.* Две опоры по девять и одна по восемь перлов. После нее полторы арки, причем целая или деформирована, или сделана от руки. Ширина «накладки 3,1 см. *2.* Две опоры по девять и одна по восемь перлов. Ширина «накладки» 2,2 см. *3.* Тот же порядок. Часть узора откололась. В месте скола видны насечки, наносившиеся на венчик для лучшего скрепления с ним декоративного слоя. Ширина «накладки» 2,75 см. Примерно полторы арки. *4.* Тот же порядок. Ширина «накладки» 2,1 см. *5.* После четвертой накладки опора с девятью перлами и сразу после нее накладка: на арку наклеена нижняя часть опоры, от которой сохранилось четыре перла. *6.* Эта опора относится к шестому фрагменту орнамента. За ней идет арка, потом опора с девятью перлами, арка и опора с восемью перлами. За ней «накладка» шириной 1,45 см: арка, частично заклеенная следующим фрагментом орнамента. *7.* Нижняя часть опоры с пятью перлами, арка, опора с девятью перлами, часть арки и нижняя часть опоры с 2,5 перлами.

Третий декоративный пояс занимает среднюю часть тулова курильницы. Он состоит из чередующихся повторений оттиснутых в двух разных калыбах орнаментов. Один из них — медальон диаметром 9 см. В ободке из двух концентрических кругов, между которыми помещен круг из «перлов», оттиснуто изображение персонажа в короне с гривной на шее и с серьгой в ухе. Ширина обода медальона 0,6 см, диаметр «перлов» 0,2 см. Число «перлов» определить невозможно, так как ни один медальон полностью не сохранился. Всего в третьем орнаментальном поясе пять медальонов. Три из них покрыты розовато-белым ангобом, два без покрытия.

Между медальонами штампованный орнамент, напоминающий по форме двояковогнутую линзу в разрезе. Его высота 9 см. Ширина у вершины и основания 7 см, а в середине 2,4 см. По краям орнамента ободок из двух линий. Толщина ободка 0,6 см, расстояние между линиями 0,2 см. В ободок вписан узор из двух симметрично расположенных вершинами друг к другу фигур, приближающихся по форме к тем, что помещают на картах червонной масти. Удлиненные вершины фигур переплетаются, образуя узор, близкий по форме к цифре 8. Внутри фигуры имеют заполнение в виде растительных побегов и точек. Таких сюжетов шесть.

Медальоны и промежуточные орнаменты рассчитаны на сосуд другого диаметра. Между пятым и шестым промежуточным орнаментом шестой медальон не уместился. На его месте оказалось пространство в виде двояковыпуклой линзы в разрезе. Высота ее 5,7, ширина 2,9 см.

Четвертый декоративный пояс (рис. 5) образован из оттиснутых в калыбе стилизованных изображений листьев (плюща?). Калыбы двух типов: в первом сразу три листа, во втором только один, который отличался тем, что в середине него был валик, а также пропорциями: ширина 2,8, высота 3,6 см. В штампе, где сразу три листа, средний немного шире (3,6 см), чем крайние (3,1 см), а высота у всех одинаковая (3,3 см). Эти штампы также рассчитаны на сосуд другого размера. На сосуде уместилось четыре узора из трех листьев и только три узора из одного листа. Орнамент размещен так: один лист — три листа; один лист — три листа; один лист — три листа — три листа. Для четвертого одиночного листа в промежутке между узорами из трех листьев места не осталось.

Особый интерес в декоре курильницы представляет медальон с высокохудожественным барельефным изображением персонажа в короне (рис. 6). Это муж-

Рис. 5. Курильница. Вид снизу с четвертым декоративным поясом

чина зрелого возраста. Лицо продолговатое, с высоким гладким лбом и слабовыраженной скуластостью. Густые, сросшиеся на переносице брови поднимаются вразлет высоко к вискам. Глаза среднего размера, близко и глубоко посаженные, слегка раскосые. Хотя лицо повернуто на три четверти влево, глаза обращены направо, в упор на смотрящего. Создается впечатление, что человек, служивший моделью, с интересом наблюдал за художником, изготовлявшим штамп. Тонкий, с легкой горбинкой нос придает лицу хищное выражение. Ноздри крупные, широко раздутые, усы густые, длинные, закрученные вверх. Правый ус достигает мочки правого уха. Верхняя губа скрыта усами. Нижняя губа маленькая, мясистая. Рот полуоткрытый, видны три передних зуба нижней челюсти. Такое положение рта весьма характерно для людей, у которых из-за какой-то болезни затруднено дыхание через нос. Эта деталь говорит о том, что изображение портретное и делалось с натуры.

Борода густая, коротко подстриженная, округлой формы. Пышные бакенбарды зачесаны в сторону уха. Ухо крупное, четко моделированное, с большой отвислой мочкой, в которую продета тяжелая серьга из кольцеобразной петли и двух шариков. Нижний шарик по диаметру почти в 2 раза больше верхнего. Волосы на голове длинные, сбегающие волнами на плечи.

Лицо повернуто в три четверти, плечи показаны анфас. На плечах одежда типа рубахи с глубоким вырезом и мелкими складками. Шея невысокая. На шее гривна. Персонаж увенчан сложным головным убором типа короны. Основу его составляет массивный обруч, изображенный двумя параллельными линиями, между которыми помещены мелкие перлы (видно 26 перлов). Над серединой лба в обруче крупный перл, диаметр которого в 5,5 раз больше диаметра мелких перлов. Около $^1/_5$ этого перла возвышается над обручем. Над ним еще два примерно таких же, так что в целом перлы образуют фигуру треугольника. На этот треугольник водружен полумесяц рожками кверху. В середине полумесяца перл, на нем горизонтальный валик. Над ним завивающимися справа налево насечками изображены, видимо, язычки пламени. Примерно так изображались языки пламени над жертвенником на сасанидских монетах [6, с. 152].

Над обручем возвышаются зубцы своеобразной формы. Они как бы составлены из дуг (частей окружности), концы которых, направленные вверх, соединяются,

Рис. 6. Медальон 3

образуя вершину зубцов. Вершина каждого зубца украшена шариком. Позади зубцов верхняя часть прически. Видны три зубца спереди и фрагмент четвертого в задней части короны. По бокам корона украшена двумя свободно свисающими, развевающимися лентами, привязанным каждая к двум соседним зубцам. Обычай украшать одежду и корону лентами бытовал в Сасанидском Иране. Так, по описанию византийца Иоанна Златоуста, сасанидский царь Шапур II выезжал впереди войска «в облаке лент» [7, с. 19]. Из Ирана этот обычай мог распространиться в Среднюю Азию.

Хотя курильница найдена во дворце тюркского правителя, изображен на ней не тюрок: тюрки имели длинные, до пояса косы, тонкие свисающие усы и безбородые лица [5, с. 228, 233]. Поиск аналогий уводит в Согд, причем Согд самаркандский.

Ряд аналогий мы встречаем в живописи на стенах дворца правителей Самарканда VII в. Явное сходство с персонажем, изображенным на курильнице, имеет голова воина [8, табл. LVII]. Те же густые, сросшиеся на переносице брови, вздымающиеся вразлет к вискам, та же форма глубоко и близко посаженных глаз, носа, маленькой нижней губы, усов, бороды. Перед нами облик согдийца, каким его описывали источники того времени: «жители имеют возвышенный нос, впалые глаза, густые брови» [8, с. 106]. Персонажи росписей Афрасиаба имеют такие же округлые, коротко постриженные бороды и пышные, зачесанные к ушам бакенбарды; носят в ушах крупные серьги, а на шее гривны [8, табл. XXIV]. Форма серьги одного из персонажей точно соответствует форме серьги, изображенной на курильнице: петля, маленький шарик, под ним большой шарик [8, табл. XIV]. Одинакова форма бороды, бакенбардов и уха (большое, с длинной мочкой) у персонажей на курильнице и афрасиабской живописи [8, табл. XIII]. Даже рот седовласого голубоглазого старца афрасиабской росписи

[8, табл. XXIV] изображен полуоткрытым, как у персонажа на курильнице. Видимо, оба страдали заболеванием, затруднявшим дыхание через нос. Кстати, сильно выпученные глаза седовласого, возможно, говорят о том, что у него было еще и заболевание щитовидной железы (зоб).

Высказывалось мнение, что поскольку рот у персонажа на курильнице «открыт» (вернее приоткрыт), то это «демон», ибо демоны изображались с открытым ртом. Если следовать такой логике, то седовласый старец с «открытым» ртом на афрасиабской росписи тоже «демон». Однако картина изображает прибытие чаганианских послов в Самарканд [8, с. 56] и ничего «демонического» в ней нет. Далее, демоны, как правило, изображались с клыками на одной или обеих челюстях и, кстати, не всегда с открытым ртом [9, с. 156, 157], иногда с рогами или человеческими черепами на голове [10, с. 24, 25]. У персонажа на курильнице ни клыков, ни рогов, ни черепов на голове нет. К тому же, насколько нам известно, демоны в коронах не изображались.

Своеобразной формы корону с зубцами в виде дуг, соединенных обращенными вверх концами, имеют персонажи на дурментепинском, иштиханском [11, с. 124, 135] и биянайманском [12, с. 220, 224] керамических оссуариях, найденных к западу от Самарканда и датирующихся VI—VII вв. При общей форме (в виде дуг, объединенных концами) зубцы корон несколько отличаются навершием. У кошой-коргонской короны это крупные шарики; у иштиханской, как бы переходной, — крупные шарики и полумесяцы под ними; у дурментепинской — маленькие шарики и большие полумесяцы; у биянайманской — только полумесяцы. У всех персонажей округлые, коротко подстриженные бороды, густые усы и бакенбарды. У дурментепинского в ушах серьги с крупным шариком.

Ф. Грене [11, с. 32] считает, что мужчина с круглой бородой и «лунной короной» (на всех коронах действительно есть полумесяцы) на этих оссуариях — это Вахман, одно из божественных существ, сопровождавших Ахура Мазду. Он ассоциировался с луной, животным миром и дружбой. Его имя переводится как «Благая мысль». Ю. Я. Якубов [12, с. 169] отождествляет этот персонаж с Сорушем, божеством загробного мира. Соруш — ночной бог, сражающийся с демонами, охраняющий землю и людей ночью. Изображение Соруша на оссуариях оправданно. Но изображение загробного божества на курильнице, украшавшей дворец или храм, едва ли уместно.

В любом случае в зороастрийском пантеоне самаркандского Согда был персонаж с установившейся иконографией, атрибуты которой — «лунная» корона с зубцами в виде соединенных концами дуг, круглая борода, пышные бакенбарды и усы. Он-то и изображен на курильнице.

Несколько слов о назначении сосуда. Мы считаем этот сосуд курильницей. Иначе, на наш взгляд, нечем объяснить функциональное назначение сквозных фигурных отверстий под венчиком. Отсутствие копоти внутри сосуда, возможно, объясняется тем, что его тюркские хозяева использовали курильницу не по назначению, а как предмет парадной декоративной утвари.

Вопрос о датировке курильницы труден, ибо прямых аналогий нет. Прослеженные нами аналогии изображения в декоративных медальонах курильницы с афрасиабской живописью второй половины VII в. и согдийскими оссуариями VI—VII вв. позволяют относить ее к VII в. Однако то, что курильница обнаружена во дворце, функционировавшем в VIII в., заставляет внести коррективы и датировать курильницу концом VII — началом VIII в.

Первоначально автор считал [4, с. 47], что курильница служила украшением храма или дворца в Согде. Когда после арабского завоевания началось насаждение ислама с его иконоборческими тенденциями, гонения на местную религию и жрецов, курильница с другой ценной утварью могла быть вывезена на восток, где такие предметы еще пользовались спросом.

Однако не исключено, что из метрополии в согдийскую колонию Семиречья были вывезены высокохудожественные штампы, хранившиеся в семье гончара, эмигрировавшего на восток. О том, что штампы древней курильницы перешли

к гончару от другого хозяина, говорит, на наш взгляд, неумелое их использование. Ни один из них не подходит к размерам курильницы. Гончару, изготовлявшему курильницу, не были известны пропорции сосуда, для которого штампы выполнены, а рассчитать их он не мог.

Попытка найти аналогии среди сосудов другого назначения, известных для Согда и соседних районов того времени, показывает, что форма тулова курильницы приближается к форме кухонных котлов, но полного сходства нет [14, с. 51, 61].

Находка согдийской курильницы во дворце тюркского хана в горах Тянь-Шаня — яркое свидетельство культурных и экономических связей тюрков и согдийцев на территории Киргизии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бартольд В. В.* Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893—1894 гг. Т. IV. М.: Наука, 1966.
2. *Бернштам А. Н.* Историко-археологический очерк Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алтая // МИА. 1952. № 26.
3. *Федоров М. Н.* Крепостная стена Кошой-Коргона // Вопросы истории материальной и духовной культуры Киргизстана. Фрунзе: Изд-во КГУ им. 50-летия СССР, 1987.
4. *Федоров М. Н.* Дворец тюркского правителя VIII в. на городище Кошой-Коргон (Предварительное сообщение) // Изв. АН КиргССР. Обществ. науки. 1989. № 1.
5. История Киргизской ССР // В. Д. Горячева, В. М. Массон, А. П. Окладников и др. Фрунзе: Кыргызстан, 1984.
6. *Луконин В. Г.* Искусство древнего Ирана. М.: Искусство, 1977.
7. *Тревер К. В., Луконин В. Г.* Сасанидское серебро. М.: Искусство, 1987.
8. *Альбаум Л. И.* Живопись Афрасиаба. Ташкент: ФАН, 1975.
9. *Негматов Н. Н.* Божественный и демонический пантеоны Уструшаны и их индоиранские параллели // Древние культуры Средней Азии и Индии. Л.: Наука, 1984.
10. *Беленицкий А. М.* Монументальное искусство Пенджикента. М.: Искусство, 1973.
11. *Пугаченкова Г. А.* Шедевры Средней Азии. Ташкент: Изд-во лит-ры и искусства им. Гафура Гуляма, 1986.
12. *Стависский Б. Я.* Искусство Средней Азии. М.: Искусство, 1974.
13. *Грене Ф.* Интерпретация декора оссуариев из Бия-Наймана и Миankаля // Городская среда и культура Бактрии — Тохаристана и Согда (IV в до н. э. — VIII в. н. э.): Тез. докл. советско-французского коллоквиума. Самарканд, 25—30 августа 1986 г. Ташкент: ФАН, 1986.
14. *Якубов Ю. Я.* Изображение богов на биянайманских оссуариях // Прошлое Средней Азии. Душанбе: Дониш, 1987.
15. *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город Средней Азии. Л.: Наука, 1973.

Киргизский государственный университет,
Бишкек

FEDOROV M. N.

THE SOGDIAN INCENSE-BURNER OF THE END OF VII — THE BEGINNING OF VIII CEN. A. D. FROM KOSHOI-KORGON SETTLEMENT

Summary

The article puts into circulation the Sogdian ceramic incense-burner of the end of VII — the beginning of VIII cen. A. D. which was found in the palace of Turkic ruler on Koshoi-Korgon settlement. This settlement was for the first time identified by V. V. Bartold with medieval town Atbash which was situated on the Great Silk Road and mentioned in written sources of IX—XVI centuries. Highly artistic picture with "lunar crown" on the medallions of incense-burner has analogies with images on Sogdian ossuarii from Samarkand district of VI—VII cen. A. D. and with famous wallpaining from Palace of Samarkand rulers of VII century. The find of highly artistic Sogdian incense-burner in the Palace of Turkic ruler in the Central Tyan-Shan is striking example of cultural and economic links of Turki and the Sogdian in Kirgizia territory.

Р. М. ВАЛЕЕВ, Е. П. КАЗАКОВ

ВЕСОВЫЕ ГИРИ И НЕКОТОРЫЕ ДРУГИЕ ПРЕДМЕТЫ ТОРГОВЛИ С БОЛГАРСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ X—XI вв. В НИЗОВЬЯХ р. АХТАЙ

За последние годы по левобережью р. Камы, при впадении ее в Волгу, изучен ряд сильно разрушаемых Куйбышевским водохранилищем болгарских поселений домонгольского времени. В числе прочих материалов на них зафиксированы следы мастерских, торговый инвентарь, клады монет и их обрезки, слитки серебра, привозные изделия древнерусского, среднеазиатского и прочего происхождения [1, с. 39—64; 2, с. 27—29; 3, с. 82, 83]. Географически удобная локализация этих памятников, расположенных на пересечении крупнейших речных торговых путей Восточной Европы, практически в центральной части Волжской Болгарии, видимо, способствовала тому, что население, оставившее их, помимо земледелия, скотоводства, промыслов активно занималось торгово-ремесленной деятельностью. Время появления таких поселений относится ко второй — третьей четверти X в.

Наиболее значительный по объему торговый инвентарь X—XI вв. происходит с Измерского и I Семеновского селищ, расположенных в низовьях р. Ахтай в приустьевой части Камы на расстоянии всего 3 км друг от друга. На них обнаружено более 10 весов для малых взвешиваний, свыше 100 гирек, многочисленные монеты и их обрезки, слитки серебра и т. д. Часть этих материалов опубликована [2, с. 27, 28].

Коромысла весов представлены двумя основными типами: бронзовыми складными, нередко с орнаментированными плечиками (7 экз.) (рис. 1, *32—35*); железными ⊥-образными образцами (4 экз.) (рис. 1, *36*, *37*).

Длина складывающихся плечиков весов первого типа составляла обычно 4—5 см. Среди них выделяется экземпляр с длиной плечиков свыше 7 см, украшенный 14-гранным напуском (рис. 1, *35*). Последний орнаментирован чеканным ромбом с кружком в центре.

Такие весы появились на Руси в середине X в. [4, с. 7]. Особенно часто встречаются они в памятниках по волжскому торговому пути и его продолжению вплоть до Новгорода и Бирки.

Железные ⊥-образные коромысла в связи с относительной простотой их изготовления, видимо, имели еще большее распространение. Аналогичные по форме изделия, но выполненные из бронзы известны в средневековых памятниках Средней Азии [5, с. 128, рис. 86, *3*].

Большинство гирек (рис. 1, *1—31*) происходит с Измерского селища (табл. 1, 2). Значительно меньше их найдено на I Семеновском селище (табл. 3, 4).

Гири являются одним из лучших способов проверки теоретического расчета величин денежно-весовых систем, применявшихся в товарных операциях. Экземпляры из Измерского и I Семеновского селищ относятся к двум из трех распространенных групп гирек на территории Восточной Европы.

Первая, наиболее многочисленная группа (94 экз.; рис. 1, *1—22*) состоит из кубических, приближенных к кубическим или плоских квадратных образцов, в основном из железа, изредка из бронзы (табл. 1, *12*). В. Л. Янин связывает эту

© Р. М. Валеев, Е. П. Казаков, 1993 г.

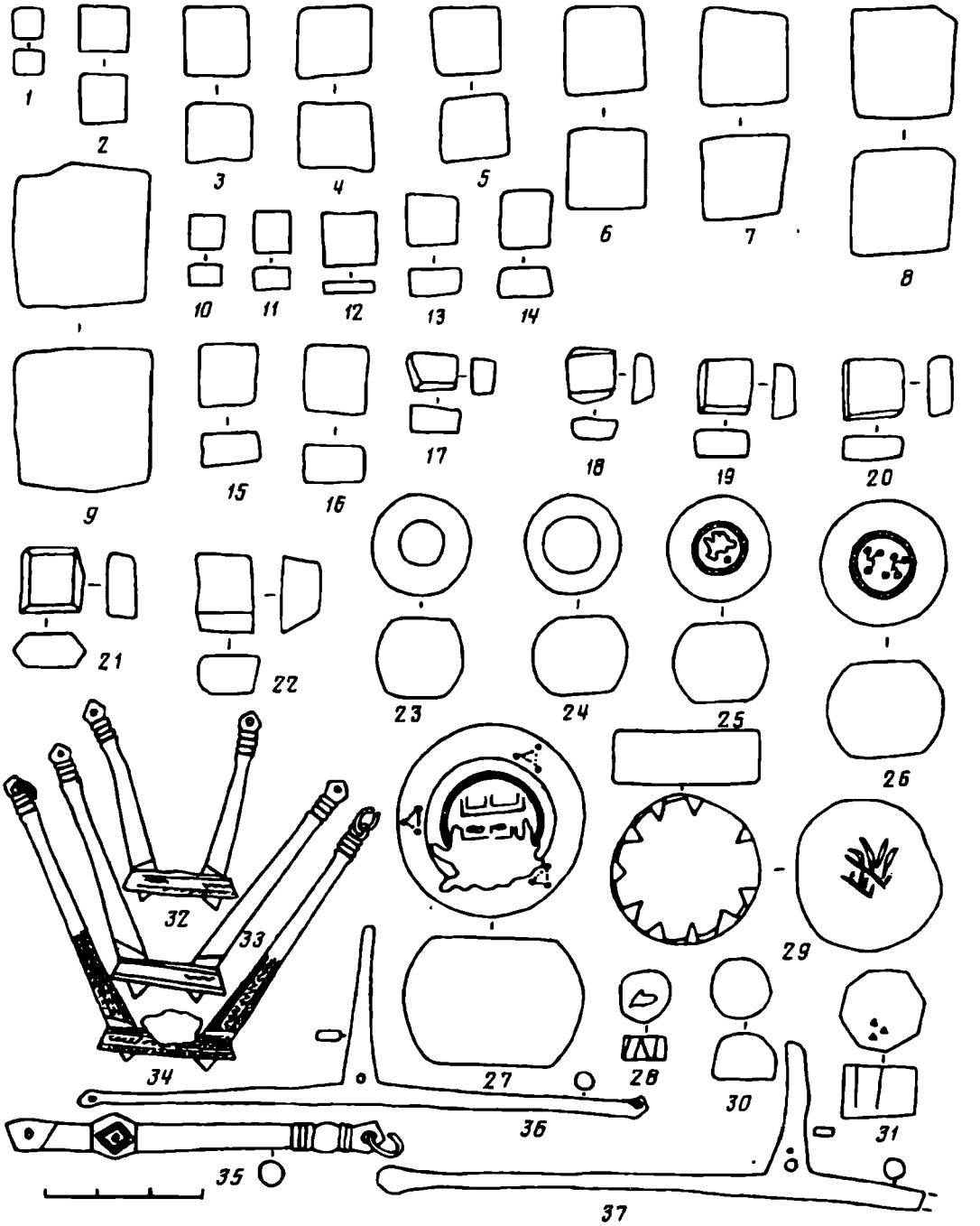


Рис. 1. Гири и весы из болгарских поселений X—XI вв. *1—23, 28, 30—32, 34—37* — Измерское селище; *24—27*, 33 — I Семеновское селище; 29 — IV Старокуйбышевское селище. *1—12, 13—22, 30, 36, 37* — железо; *23—27* — железо и бронза; *12, 28, 29, 31—34, 35* — бронза

группу в первую очередь с болгарской системой [6, с. 174]. По особенностям формы среди них можно выделить следующие подгруппы.

Подгруппа 1 (рис. 1, *1—9*; 26 экз.) — железные в виде куба.

Подгруппа 2 (рис. 1, *10—16*; 49 экз.) — железные, за исключением одного экземпляра из бронзы в виде параллелепипеда.

Подгруппа 3 (рис. 1, *17—22*; 19 экз.) — железные, в виде параллелепипеда со скошенными краями, за исключением одного изделия из бронзы. Эта подгруппа характерна только для Измерского селища.

Гири первой группы по своим весовым показателям делятся на ряд типов, свидетельствующих о распространении тех или иных денежно-весовых норм на

Таблица 1

Весовые гири Измерского селища *. I группа

Под-группа	Тип (весовой)	№ п. п.	Вес, г	Сохранность	Размер, см
1	1	1	129,0	Удовлетвор.	2,5×2,5×2,5
	3	2	58,73	»	1,9×1,9×1,9
	4	3	55,32	»	2,0×2,0×1,8
	1	4	50,74	»	2,0×2,0×1,7
	1	5	38,02	»	1,6×1,6×1,6
	3	6	29,7	Хорошая	1,5×1,5×1,5
	3	7	29,68	»	1,6×1,6×1,5
	3	8	29,5	»	1,6×1,6×1,6
	4	9	28,82	»	1,5×1,5×1,5
	4	10	28,82	»	1,6×1,6×1,5
	4	11	28,8	»	1,6×1,6×1,4
	4	12	27,6	»	1,5×1,5×1,5
	2	13	21,15	»	1,5×1,5×1,4
	2	14	18,61	Удовлетвор.	1,2×1,2×1,1
	3	15	14,67	»	1,3×1,2×1,1
	3	16	14,52	Хорошая	1,3×1,3×1,2
	3	17	14,34	»	1,2×1,2×1,2
	3	18	14,3	»	1,3×1,3×1,2
	1	19	13,7	»	1,2×1,2×1,2
	1	20	13,66	»	1,3×1,3×1,2
	1	21	13,42	»	1,3×1,3×1,2
	6	22	7,08	»	1,1×1,1×1,0
	1	23	3,48	Плохая	1,0×1,0×1,0
2	3	24	11,75	Хорошая	1,5×1,4×0,6
	6	25	7,23	Удовлетвор.	1,1×1,1×0,7
	6	26	7,14	Хорошая	1,1×1,1×0,7
	6	27	7,08	»	1,3×1,3×0,7
	3	28	5,93	»	1,0×0,9×0,7
	3	29	5,86	»	1,2×1,1×0,5
	3	30	5,84	»	1,2×1,2×0,5
	3	31	5,81	»	1,1×1,1×0,5
	3	32	5,77	»	1,2×1,2×0,5
	3	33	5,72	»	1,1×1,1×0,6
	4	34	5,66	»	1,2×1,2×0,5
	4	35	5,66	»	1,2×1,2×0,5
	4	36**	5,62	»	1,1×1,0×0,4
	4	37	5,52	Удовлетвор.	1,2×1,1×0,5
	7	38	5,18	»	1,2×1,2×0,5
	7	39	5,08	»	1,4×1,2×0,5
	2	40	4,81	Хорошая	1,3×1,3×0,5
	2	41	4,26	»	1,0×1,0×0,6
	2	42	4,26	»	1,3×1,1×0,3
	5	43	3,12	»	1,0×1,0×0,5
	5	44	3,12	»	0,8×0,8×0,6
	3	45	2,97	»	0,9×0,9×0,5
	3	46	2,97	»	0,9×0,9×0,6
	3	47	2,97	»	0,9×0,9×0,5
	3	48	2,97	»	0,9×0,9×0,5
	3	49	2,95	»	0,9×0,9×0,5
	3	50	2,93	»	0,9×0,8×0,5
	3	51	2,90	»	0,9×0,9×0,5
2	3	52	2,85	Удовлетвор.	0,9×0,9×0,5
	4	53	2,82	Хорошая	0,9×0,9×0,5
	4	54	2,80	»	0,9×0,8×0,5
	4	55	2,31	»	0,9×0,8×0,4
	7	56	1,68	»	0,8×0,8×0,4

Таблица 1 (продолжение)

Подгруппа	Тип (весовой)	№ п. п.	Вес, г	Сохранность	Размер, см
	7	57	1,58	Удовлетвор.	0,8×0,8×0,4
	8	58	1,53	Хорошая	0,8×0,8×0,4
	8	59	1,53	»	0,9×0,8×0,4
	8	60	1,52	»	0,9×0,8×0,4
	3	61	1,48	»	0,8×0,8×0,4
	3	62	1,48	»	0,9×0,8×0,4
	6	63	1,42	»	0,8×0,8×0,3
	6	64	1,42	»	0,8×0,8×0,3
	1	65	1,34	»	1,0×1,0×0,3
	1	66	1,14	»	0,9×0,9×0,2
	7	67	0,87	»	0,7×0,6×0,3
	6	68	0,78	»	0,5×0,5×0,3
	6	69	0,75	»	0,7×0,7×0,3
	6	70	0,73	»	0,7×0,7×0,3
3	7	71	6,68	Удовлетвор.	1,5×0,9×0,7
	4	72	5,56	Хорошая	1,2×1,2×0,5
	4	73	6,66	»	1,2×1,2×0,5
	4	74	5,74	Удовлетвор.	1,2×1,0×0,5
	2	75	4,66	Хорошая	1,4×1,2×0,4
	2	76	4,53	»	1,0×1,0×0,5
	6	77	3,57	»	1,0×1,0×0,5
	4	78	2,73	Удовлетвор.	1,0×1,0×0,5
	7	79	1,98	Хорошая	0,7×0,7×0,4
	7	80	1,83	Хорошая	1,0×0,7×0,4
	5	81**	1,61	»	0,9×0,7×0,4
	8	82	1,56	»	1,0×0,9×0,4
	8	83	1,54	»	0,7×0,6×0,3
	8	84	1,45	Удовлетвор.	0,7×0,7×0,4
	6	85	1,43	Хорошая	0,7×0,7×0,4
	2	86	0,98	Плохая, край отколот	0,9×0,6×0,3
	7	87	0,81	Хорошая	0,6×0,6×0,4
	6	88	0,71	»	0,6×0,6×0,4
	6	89	0,69	»	0,6×0,6×0,3

* Коллекция гирек находится в лаборатории археологии ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КНЦ РАН.
** Бронзовая.

территории Волжской Болгарии в конце X — первой половине XI в. Как известно, в этот период весовые и денежные единицы совпадали, что объяснялось тем, что весовые единицы применялись для взвешивания драгоценных металлов, чаще всего серебра, которое использовалось в роли средства обращения.

Тип 1. Куфические монеты начали чеканиться из расчета веса иракского ратля в 409,512 г. Широкое распространение этой весовой нормы показывают найденные гири Измерского и I Семеновского селищ. В нашей таблице 1 их 9 экземпляров. Все они составляют фракции ратля в 409,512 г. Гири весом 1,34 г (табл. 1, № 65—66), 3,48 г (табл. 1, № 23, учитывая плохую сохранность), 13,7 г (табл. 1, № 19—21), 38,02 г (табл. 1, № 5), 50,74 г (табл. 1, № 4), 129 г (табл. 1, № 1) составляли соответственно 1/300, 1/100, 1/30, 1/10, $^1/_8$, $^1/_3$ ратля в 409,512 г. При этом наибольшее количество гирек (3 экз.) составляют фракции 1/30 ратля. Существование небольших гирек весом в 1,34 и 3,48 г (с учетом, что небольшая часть гири отколота) позволяет предполагать существование веса в 4,095 г. Исходя из этого веса, чеканились собственно болгарские

Таблица 2

Весовые гирьки Измерского, I Семеновского и IV Старокуйбышевского селищ. II группа

Подгруппа	Тип	№ п. п.	Вес, г	Сохранность	Изображения	Размер, см
1	1	1*	140,97	Удовлетвор.	По сторонам гирьки 3 треугольника	2,6×3,5
	2	2	23,02	»		1,5×2,0
	2	3	22,75	»		1,5×2,0
2	4	4**	54,41	Хорошая	10 насечек с другой стороны	1,0×2,5
	4	5	2,79	»	Изображения с обеих сторон	0,9×0,4
3	4	6	53,5	»		1,9×2,2
	3	7	5,92	Удовлетвор.		Д = 1,2

* Из I Семеновского селища.
** Из IV Старокуйбышевского селища.

Таблица 3

Весовые гирьки I Семеновского селища. I группа

Подгруппа	Тип	№ п. п.	Вес, г	Сохранность	Размер, см
1	3	1	58,25	Хорошая	1,9×1,9×1,9
	3	2	14,47	»	1,3×1,2×1,1
	7	3	11,52	Удовлетвор.	1,3×1,2×1,1
2	3	4	2,90	Хорошая	0,9×0,9×0,9
	4	5	2,62	»	1,0×1,0×0,4

Таблица 4

Весовые гирьки I Семеновского селища. II группа

Подгруппа	Тип	№ п. п.	Вес, г	Сохранность	Изображения	Размер, см
1	5	1	47,1	Удовлетвор.	6 точек на поверхности	2,4×2,8
	2	2	23,75	»	Точки на поверхности, сохранился знак кратности	2,0×2,3
	3	3	12,1	»		1,3×1,5
4	3	4	14,53	Хорошая	Имеются насечки	1,0×1,5

монеты в Булгаре. А средний вес саманидских монет, чеканенных в середине X в., составляет 3,27—3,49 г [6, с. 136—139]. Следовательно, 60 монет чеканилось из расчета 204,756 г, а 120 монет — из расчета 409,512 г. А если вспомнить гирю весом 3,48 г, найденную на Измерском селище, все это позволяет говорить о широком распространении веса иракского ратля в 409,512 г. Среди саманидских монет, найденных на Семеновском селище, встречаются и монеты весом 3,03, 3,34 г (Мансур Ибн Нух, аш-Шаш, 975—976 гг.), 4,06 г (Мансур ибн Нух, Самарканд, 976—977 гг.) и др. В каталоге болгарских монет X в. из собрания Государственного Исторического музея также встречаются монеты весом 3,22 г (ал-Муктадир, Нисабур), 3,16 г (Микаил ибн Джафар, Самарканд, 928—929 гг.), 3,71 г (Табил ибн Ахмед, Сувар, 949—950 гг.), 3,43 г (Талиб ибн Ахмеж, Сувар, 949—950 гг.) и др. [7]. Интересно и то, что из расчета веса в 409,512 г отливались и серебряные «круглые» слитки, которые начали широко распространяться на территории Волжской Болгарии с XI в. Весовая норма этих слитков приближалась к весу 204,756 г [8, с. 18—22] и составляла $^1/_2$ веса иракского ратля в 409,512 г. Так называемые «новгородские» серебряные слитки, широко распространенные не только на территории Волжской Болгарии, но и Северо-Восточной Руси с XI до XIV в., также исходили из веса 204,756 г. Следует

предполагать, что вес в 409,512 г получил в Волжской Болгарии местное название «кадак». Это может подтверждаться источниками для Самарканда [9, с. 83] и оживленными связями Волжской Болгарии со Средней Азией.

Тип 2. 1/96 часть иракского ратля в 409,512 г составляет мискаль в 4,26 г (классически 4,235 г), который был распространен на территории Волжской Болгарии. Интересны две гири из Измерского селища, вес которых равен весу арабского мискаля в 4,26 г (табл. 1, № 41—42). Гири весом 21,15 и 18,61 г (несколько плохой сохранности) составляют 5 мискалей в 4,26 г (табл. 1, № 13—14). Гиря весом 0,98 г (табл. 1, № 86) составляет $^1/_4$ мискаля в 4,26 г. Вес в 4,26 г известен был на территории Поволжья в доболгарский период в виде сасанидских драхм второго периода и латунных слитков Щербетского клада, датируемых V—VIII вв. [10, с. 235; 11, с. 85—87]. Слитки подобного типа продолжали обращаться на территории севернее по Каме — республики Коми, Удмуртии, Пермской обл., Кировской обл. в памятниках X—XI вв. [12, с. 220, 221]. В последние годы они найдены при раскопках ижевских и перских археологов на Тарасовском могильнике в Сарапульском районе Удмуртии (вес 82,1 г), Коктыш II в Арбажском р-не Кировской обл. (состоит из двух частей, вес одной 25,6 г, другой 22,5 г), Бартымском селище в Березовском р-не Пермской обл. (вес 40,3, 19,5 г) [1], Махонинском городище в Частинском р-не Пермской обл. (обломан, вес 38,4), Опутятском городище Пермской обл. (вес в 61,5, 46,2 г) [2].

Вес 4,26 г применялся и при чеканке монет Насир-лид-дина в Поволжье после «безмонетного» периода. Диргемы выбиты по стопе 200 монет на весовой стандарт в 426 г [13, с. 32].

Распространение в этот период получает и мискаль в 4,86 г. В нашей таблице представлены три гири, составляющие один мискаль в 4,68 г (табл. 1, № 40, 75, 76).

Тип 3. 7/10 мискаля в 4,26 г составляет диргем в 2,9645 г. В соответствии с каноническим соотношением 10 : 7 мы отсюда получаем для классического серебряного диргема вес в 2,9645 г [14, с. 12].

В нашей таблице 1 представлено 28 экз. в весе диргема в 2,9645 г. Восемь гирек весом 2,97 г или близких к этому (табл. 1, № 45—52; табл. 3, № 4). Интересно то, что встречены две гири весом 1,48 г, что составляет как раз половину веса диргема в 2,9645 г (табл. 1, № 61—62). Гири весом, приближенным к 5,93 г (табл. 1, № 28—33), 11,75 г (табл. 1, № 24), 14,7 г (табл. 1, № 15—18, табл. 3, № 2), 29,70 г (табл. 1, № 6—8), 58,7 г (табл. 1, № 2; табл. 3, № 1) приравниваются соответственно 2, 4, 5, 10, 20 диргемам. Среди найденных монет на Семеновском селище целый ряд куфических диргемов весит в пределах 2,94—2,97 г (Мансур ибн Нух, аш-Шаш, 975—976, 976—977 гг.) (табл. 5).

Тип 4. При чеканке куфических диргемов часто руководствовались практическим соотношением мискаль + диргем = 3 : 2. Взвешенные П. Казаковым стеклянные гири давали вес 2,82 г [14, с. 12]. В материалах Измерского и Семеновского селищ 17 гирь приравниваются к весу 2,82 г. Гири весом 2,82 г (табл. 1, № 53—55, 78; табл. 3, № 5), 5,66 г (табл. 1, № 34—37; 72—74), 28,8 г (табл. 1, № 9—12), 55,32 г (табл. 1, № 3) приравниваются соответственно 1, 2, 10, 20 диргемам в 2,82 г. Монеты, найденные на селищах, также подтверждают вес с 2,82 г (табл. 5).

Тип 5. Гирьки весом 1,61; 3,12 г составляют так называемый «дирхам-ал-кайл» (табл. 1, № 81, 43—44). Находящаяся в Лувре гиря весом в ратль дает для «дирхама-ал-кайла» значение 3,123 г, который имел чисто товарный вес и применялся как весовой [14, с. 12, 13]. В билярской коллекции гирек первой группы этот тип распространен несколько шире [15, с. 106].

Примечательной особенностью рассматриваемой коллекции с Измерского и I Семеновского селищ является широкое распространение гирек небольшого размера

---

[1] Материалы находятся в лаборатории археологии Удмуртского университета (инв. номера — 1304/72; 1187/333; 1187/334; 1141/1644; 1141/1138). Раскопки Р. Д. Голдиной.

[2] Материалы хранятся в кабинете археологии Пермского университета (инв. номера 230; 230/14). Раскопки Ю. А. Полякова, В. Ф. Генингс.

Таблица 5

Каталог находок монет из Семеновского селища (определение Г. А. Федорова-Давыдова)

№ п. п.	Имя	Место чекана	Год чекана	Вес, г	Размер, см	Сохранность
1	Саманиды. Нух ибн Наср медь (биллон) обозначен в легенде как дирхем (м. б., подражание)	?	331—343 г. х. (942—955)	3,05	Д = 3,1	Один край обломан
2	Саманиды. Мансур ибн Нух	аш-Шаш	359 г. х. (969/970)	2,8	Д = 2,9	Хорошая
3	»	Самарканд	360 г. х. (970/971)	3,21	Д = 3,0	»
4	»	аш-Шаш	360 г. х.? (971/972)	3,3	Д = 3,2	»
5	»	»	361 г. х. (971/972)	2,5	Д = 3,1	»
6	»	?	362 г. х. (972/973)	2,98	Д = 3,1	»
7	»	аш-Шаш	362 г. х. (972/973)	3,7	Д = 3,1	»
8	»	»	362 г. х. (972/973)	3,05	Д = 3,1—3,3	»
9	»	Самарканд.	364 г. х. (974/975)	2,08	Д = 3,1	Края обломаны
10	»	»	365 г. х. (975/976)	3,8	Д = 3,1	Хорошая
11	»	аш-Шаш	365 г. х. (975/976)	3,3	Д = 3,1	»
12	»	»	365 г. х. (975/976)	3,25	Д = 3,0	»
13	»	»	365 г. х. (976/977)	2,94	Д = 3,0—4,4	»
14	»	»	365 г. х. (975/976)	2,54	Д = 3,0—3,1	Края обломаны
15	»	»	365 г. х. (975/976)	3,03	Д = 3,0—3,2	Хорошая
16	»	»	365 г. х. (975/976)	2,82	Д = 3,0—3,2	»
17	»	»	365 г. х. (975/976)?	2,51	Д = 3,2—3,3	»
18	»	»	365 г. х.? (975/976)	3,34	Д = 3,2	»
19	»	?	365 г. х. (975/976)	—	—	Обломок
20	»	аш-Шаш	365 г. х. (975/976)	2,97	Д = 3,3	Один край обломан
21	»	»	365 г. х. (975/976)	2,49	Д = 3,0—3,3	Хорошая
22	»	»	366 г. х. (976/977)	2,7	Д = 3,1—3,5	»
23	»	Самарканд	366 г. х. (976/977)	2,97	Д = 3,1	»
24	»	аш-Шаш	366 г. х. (976/977)	2,96	Д = 3,2	»
25	»	»	366 г. х. (976/977)	2,97	Д = 3,2	»
26	»	»	366 г. х. (976/977)	3,01	Д = 3,2	»
27	»	Самарканд	366 г. х. (976/977)	4,06	Д = 3,2	Края обломаны
28	»	»	366 г. х. (976/977)	3,31	Д = 3,1	»
29	»	»	366 г. х.? (970-е годы)	1,86	Д = 3,1	Один край обломан
30	»	»	?	2,74	Д = 2,9—3,0	»
31	»	аш-Шаш	?	3,2	Д = 3,1	Удовлетвор.

и веса. Так, в билярской коллекции гирек от 4,6 до 1,95 г всего восемь, а в публикуемой коллекции они составляют основную массу. Гиря весом 129 г представлена всего одним экземпляром, выше вес не найден. А в билярской коллекции встречаются гири весом 434, 293 г [15, табл. С]. Широкое распространение гирек небольшого веса является ярким подтверждением весового приема серебра.

Тип 6. В Волжской Болгарии в этот период распространяется и весовая единица даник (данак, данг), который составляет $^1/_6$ мискаля в 4,26 г [14, с. 20]. В нашей коллекции представлено 13 экземпляров, приравнивающихся к данику. Две гири весом 0,71 и 0,69 г составляет 1 даник (табл. 1, № 88, 89). Гири весом 1,42 г (табл. 1, № 63—64, 85), 3,57 г (табл. 1, № 77), 7,14 г (табл. 1, № 22, 25—27) составляют соответственно 2, 5, 10 даников.

О распространении в Волжской Болгарии мискаля в 4,68 г свидетельствуют сохранившиеся гирьки системы этого мискаля, приравниваемого к данику в 0,78 г. Гири весом 0,78 г (табл. 1, № 68—70) представляют 1 даник и составляют $^1/_6$ мискаля в 4,68 г.

Тип 7. 1/24 мискаля в 4,26 г составляет кират в 0,17 г. В нашей коллекции представлено 10 гирек, приравнивающихся кирату. Гирин весом 0,87 г (табл. 1, № 67, 87), 1,68 г (табл. 1, № 56, 57), 5,18 г (табл. 1, № 38, 39), 6,68 г (табл. 1, № 71) составляют 5, 10, 30, 40 киратов в 0,176 г. В этот период был распространен кират в 0,195 г системы мискаля в 4,68 г. Гири весом 1,98 г (табл. 1, № 79—80), 11,52 г (табл. 3, № 3) составляют 10 и 60 киратов в 0,195 г.

Тип 8. Наиболее мелкой, преимущественно монетной мерой веса является хабба («ячменное зерно») [14, с. 41, 42], которая составляет 1/96 часть мискаля в 4,26 г. Гирек, приравнивающихся к весу хаббы, в нашей коллекции 6 экземпляров. Гири весом, приближенным к 1,54 г (табл. 1, № 58—60, 82—84), составляют 35 хабб в 0,044 г.

Первая группа гирек была широко распространена на территории Волжской Болгарии. Они найдены в Билярске, Булгарах и других археологических памятниках. Отсюда они распространились и использовались в торговых операциях болгар с соседями. Вместе с весами они найдены в памятниках родановской культуры [16, с. 51; 17, с. 130—142], В Киеве, Твери, Москве [6, с. 174].

Вторая группа из Измерского и I Семеновского селищ состоит из так называемых сферических гирек (рис. 1, 23—31). Они изготовлены в основном из железа и заключены в бронзовую оболочку. На них нанесены различные знаки — кратности, насечки, точки и др. На одной из гирек сохранилась надпись (рис. 1, *27*, табл. 2, № 1). По сравнению с первой, эта группа гирек представлена всего 11 экземплярами. По особенностям формы вторую группу можно разделить на ряд подгрупп.

Подгруппа 1 (рис. 1, *23—27*; 6 экз.) — бочонковидные гири (табл. 2, № 1—3; табл. 4, № 1—3).

Подгруппа 2 (рис. 1, *28*, *29*; 2 экз.) — шайбовидные гири (табл. 2, № 4, 5).

Подгруппа 3 (рис. 1, *30*; 2 экз.) — полусферические гири (табл. 2, № 6, 7).

Подгруппа 4 (рис. 1, *31*; 1 экз.) — восьмигранная гирька (табл. 4, № 4).

По весовым нормам во второй группе выделяются следующие типы.

Тип 1. Одна гиря весом 140,97 г составляет $^1/_3$ иракского ратля в 409,512 г (табл. 2, № 1).

Тип 2. Три гири весом, приближенным к 23,30 г (табл. 2, № 2—3; табл. 4, № 2), составляют 5 мискалей в 4,26 г.

Тип 3. Три гири составляют фракции диргема в 2,9645 г. Гири весом 5,92 г (табл. 2, № 7), 12,1 и 14,5 г (табл. 4, № 3, 4) составляют 2, 4 и 5 диргемов.

Тип 4. Три гири приравниваются к диргему в 2,82 г. Гири весом 2,79 г (табл. 2, № 5), 54,4 г (табл. 2, № 4, 6) составляют 1 и 20 диргемов.

Тип 5. Одна гиря приравнивается к данику (табл. 4, № 1). Гиря весом 47,1 г с кратностью 6; $47{,}6 : 6 = 7{,}85$; $0{,}71 \times 10 = 7{,}1$ г.

Вторая группа гирек получила широкое распространение не только на территории Волжской Болгарии в районах развитого денежного обращения, но и на всем протяжении волжского торгового пути, на территории Руси и вплоть

до Бирки. Гири подобного типа найдены в Киеве, Старой Рязани, Владимире, Муроме, Твери, Гнездове, Михайловском и Тимеревском могильниках, могильнике у с. Городище, в Новгороде, Березоветском курганном могильнике [18, с. 33].

Торговля требовала большого количества денег как средств обращения. В значительном количестве на рассматриваемых поселениях представлены монеты и их обломки. Сохранившиеся диргемы определены Г. А. Федоровым-Давыдовым. Как видно из табл. 5, монеты из Семеновского селища — саманидского чекана, относящиеся в основном к середине — последней трети X в. Вес этих монет довольно разнообразен. По мнению Е. А. Давидович, большая разница в весе саманидских диргемов подтверждает, то они принимались не штучно, а на вес [19, с. 110].

Особый интерес представляет медная монета Нуха ибн Насра (табл. 5, № 1), обозначенная в легенде как диргем. По предположению Г. А. Федорова-Давыдова, эта монета является подражанием, скорее всего болгарского чекана.

С 70-х годов X в. население Восточной Европы большую часть куфических диргемов превращало в обломки [20, с. 138]. На поселениях обломки встречаются довольно часто, что свидетельствует о состоянии монетного дела в Средней Азии и потребности местного болгарского населения в подобного рода средствах обращения.

Судя по многочисленности находок на поселениях, серебро служило основным эквивалентом обмена в торговых операциях болгар. При этом то, в какой форме подавалось оно, служило хронологическим показателем и одновременно отражало состояние торговли во всем восточноевропейском регионе. Так, в самом начале активной торгово-ремесленной деятельности волжских болгар, в середине X в., хождение имели целые монеты (I Семеновское, V Старокуйбышевское селища и др.). В комплексах конца 70-х годов — первой половины XI в. (Измерское, VI Алексеевское и другие селища) встречаются многочисленные обломки дирхемов и редко западноевропейские монеты. В памятниках второй половины домонгольского времени фиксируются только куски серебра (IV Старокуйбышевское селище).

Следует, однако, отметить, что куски серебра в отличие от монет и их обломков встречаются на протяжении всего домонгольского периода с X по XIII в.

А. В. Фомин подчеркивал, что обломки, обрезки и стертые монеты представляют собой существенную часть кладов в Восточной Европе. Монетный лом вошел в состав обращения в результате развития серебряного кризиса как реакция денежного хозяйства на ухудшение качества выпускаемых монет. В тех случаях, когда серебро принималось исключительно по весу, ломке и обрезанию подвергались все монеты безотносительно к их качеству [20, с. 138]. Подтверждением весового приема диргемов является широкое распространение на Измерском селище гирек и их использование местным населением в торговых операциях.

Возможно, какие-то причины в конце 70-х годов X в. привели к сокращению активной торгово-ремесленной деятельности на I Семеновском селище. Во всяком случае, монет позднее 977 г. здесь не встречено. Прекратилось также изготовление ряда ремесленных изделий, в частности разнообразных по форме ювелирных украшений. Такие изделия часто встречаются в комплексах третьей четверти X в. Марийского Поволжья [21, с. 154, рис. 42, 20; с. 155, рис. 43, 42, 61], куда они попадали, скорее всего, из Волжской Болгарии.

В то же время Измерское селище в конце X — первой половине XI в. переживает расцвет. Здесь нет целых монет, синхронных вышеотмеченным монетам с Семеновского селища, хотя имеется масса обрезков серебряных дирхемов, в том числе бувейгидского чекана 387—412 г. х. (997—1022 гг.). На поселении найдены также западноевропейские монеты 1037—1060 и 1027—1054 гг. (определение А. С. Белякова). Видимо, последней четвертью X — первой половиной XI в. следует датировать весы и большинство гирек и весов Измерского селища (рис. 1, *1—23*, *28*, *30—32*, *34—37*).

Для преодоления недостатка средств обращения и обеспечения удобства торговых сделок на внутреннем рынке местное население стало использовать кусочки серебра (табл. 6). Их появление на поселениях относится к концу X в.

Таблица 6

Серебряные слитки I Измерского селища

№ п. п.	Шифр	Форма	Вес, г
1	Из-76-16	Треугольная, обрубленная	18,01
2	Из-81-111	Круглая	12,98
3	Из-75-21	Неправильная	3,65
4	Из-87-116	»	2,62
5	Из-81-17	»	2,54
6	Из-86-18	Круглая	1,7
7	Из-77-112	Неправильная	1,48

Следует предположить, что использование кусочков серебра заложило основу и подготовило население к последующему широкому использованию в роли средства обращения слитков серебра, так называемого «круглых» и «новгородских». Кусочки серебра на поселениях самых различных форм — треугольной, круглой, неправильной и др. Распространение кусочков серебра характерно для широкого региона Европы вплоть до Скандинавии. В скандинавских кладах наряду с фрагментами монет появляются в большом количестве обломки украшений и кусочки серебряных слитков [20, с. 138].

Материалы археологических исследований Измерского и I Семеновского селищ дают нам возможность показать довольно высокий уровень развития ремесла и торговли в конце X — первой половине XI в. в Волжской Болгарии. Особенно наглядно это прослеживается при рассмотрении материалов, непосредственно свидетельствующих о торговле,— деталей весов, гирек, монет и серебряных слитков.

При работах Раннеболгарской экспедиции на I Семеновском и Измерском селищах, как отмечалось, обнаружено и большое число привозных изделий из Средней Азии, Руси, Прибалтики. Так, на I Семеновском селище встречены стеклянные перстни, браслеты. На Измерском селище кроме стеклянных перстней, браслетов найдены также писаницы с поливой, изделия из янтаря и бронзовые балто-скандинавские поделки [3, с. 80, рис. 4].

Письменные источники также достаточно полно свидетельствуют о широко развитой торговле, особенно посреднической, в Волжской Болгарии в домонгольский период. Известно сообщение Ибн Русте, относящееся еще к началу X в.: «Основное имущество у булгар — меха куницы, у булгар нет золотой или серебряной монеты, а расплачиваются они куньим мехом, один мех равен двум с половиной диргемам; диргемы же белые круглые привозят к ним из мусульманских стран» [22, с. 34]. У Гардизи, автора середины XI в., есть дополнение, отсутствующее у Ибн Русте: «Эти диргемы они ломают, и каждый кусок (употребляют в дело?). Потом они те диргемы отдают русам и славянам, так как те люди не продают товара иначе, как за чеканенные дургемы» [22, с. 34, 35]. Анализ состава кладов на территории Руси позволил В. Л. Янину сделать интересный вывод, что «особенностью состава кладов второй половины X и первой половины XI в. указывают на преобладание в течение этого длительного периода весового приема монеты над счетным. Эти клады изобилуют обломками самого неопределенного вида, оценка которых возможна только при помощи весов и гирь» [6, с. 171].

Подтверждают это и материалы из разбираемых поселений. Они свидетельствуют, что болгарское население южного приустьевого Закамья в X—XI вв. активно участвовало в международном обмене. Учитывая богатство и своеобразие разбираемого материала, можно полагать, что Семеновское и I Измерское поселения играли заметную роль в восточноевропейской торговле. Расположенные на пересечении Камы и Волги — крупнейших торговых путей, данные поселения, видимо, во многом служили торговыми воротами Волжской Болгарии, выступая во второй половине X — первой половине XI в. не только как производители и экспортеры ремесленной продукции, но и как торговые посредники.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Казаков Е. П.* V Старокуйбышевское селище//Археологические памятники Нижнего Прикамья. Казань, 1984.
2. *Казаков Е. П.* О характере связей волжских болгар с финнами и уграми в X—XII вв.//Древние этнические процессы Волго-Камья. Йошкар-Ола, 1985.
3. *Казаков Е. П.* О ранних контактах волжских болгар со славянами и поволжскими финнами по археологическим материалам//Волжская Булгария и Русь. Казань, 1986.
4. *Недошивина Н. Г.* Торговый инвентарь//Ярославское Поволжье X—XI вв. по материалам Тимеревского, Михайловского и Петровского могильников. М.: Тип. № 3 Госстройиздата, 1963.
5. *Распопова В. И.* Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л.: Наука, 1980.
6. *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956.
7. *Янина С. А.* Новые данные о монетном чекане Волжской Болгарии в X веке//МИА. 1962. № 111.
8. *Ильин А. А.* Топография кладов серебряных и золотых слитков//Тр. Нумизматической комиссии. Т. I. Птг., 1921.
9. *Давидович Е. А.* Материалы по метрологии средневековой Средней Азии. М.: Наука, 1970.
10. *Сидоров В. Н., Старостин П. Н.* Остатки раннесредневековых литейных мастерских Щербетского поселка//СА. 1970. № 4.
11. *Валеев Р. М.* К вопросу о товарно-денежных отношениях ранних булгар//Из истории ранних булгар. Казань, 1981.
12. *Мухамадиев А. Г.* Бронзовые слитки — первые металлические деньги Поволжья и Приуралья (I тыс. н. э.)//СА. 1984. № 3.
13. *Мухамадиев А. Г.* Булгаро-татарская монетная система XII—XV вв. М.: Наука, 1983.
14. *Хинц В.* Мусульманские меры веса с переводом в метрическую систему. М.: Наука, 1970.
15. *Валеев Р. М.* Торговый инструментарий Билярского городища//Культура Биляра. М.: Наука, 1985.
16. *Талицкий М. В.* Верхнее Прикамье в X—XIV вв.//МИА. 1951. № 22.
17. *Белавин А. М.* Городищенское городище на р. Усолке//Нижнее Приуралье в древности и средние века. Устинов, 1986.
18. *Валеев Р. М.* Торговые связи Волжской Булгарии и Руси в домонгольский период X—XIII вв.//Волжская Булгария и Русь. Казань, 1986.
19. *Давидович Е. А.* Денежное обращение в Мавераннахре при Саманидах//Нумизматика и эпиграфика. 1977. № 6.
20. *Фомин А. В.* Обращение обломков куфических монет в Восточной Европе//Нумизматика и эпиграфика. 1984. № 14.
21. *Архипов Г. А.* Марийцы IX—XI вв. Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1973.
22. *Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. 2. М.: Наука, 1967.

Управление государственного контроля охраны историко-культурного наследия
Министерства культуры Татарстана ИЯЛИ
им. Г. Ибрагимова
Казанского научного центра РАН, Казань

VALEEV R. M., KAZAKOV E. P.

WEIGHTS AND SOME OTHER TRADE THINGS FROM BOLGAR SETTLEMENTS OF X—XI CENTURIES IN LOWER AKHTAI

Summary

Lately a number of Bolgar settlements of pre-mongolian period, destroyed by Kuibishevskoye reservoir were studied. There are situated on the left bank of Kama river, in the confluence of Kama and Volga. Numerous local handicrafts and Middle Asian, Russian, Pre-Baltic imports testify that the population was occupied with trade and economic activities besides agriculture, cattle-breeding, hunting. The most numerous trade set of X—XI centuries comes from Izmerskoye and the First Semenovskoye settlements. More than 10 balances and over 100 weights, numerous coins and ends of coins, bars of silver, etc. were found there (Pic. 1). The analysis of this material permit to study better trade-money system of Bolgarians. The published materials allow to suppose that the First Semenovskoye and Izmerskoye settlements played an appreciable role in East European trade. The sites may be the trade gates of the country since its were situated practically in the centre of the Volzhskaya Bolgaria, on the crossing of Kama and Volga which were the biggest river trade roads. These settlements in the second part of X — the first part of XI centuries were not only the producers and exporters of production but also the trade mediators.

А. А. ЗАЛИЗНЯК, И. О. КОЛОСОВА, И. К. ЛАБУТИНА

ПСКОВСКИЕ БЕРЕСТЯНЫЕ ГРАМОТЫ 6 И 7

В 1988 г. в Пскове были найдены три берестяные грамоты, что увеличило коллекцию этих памятников до восьми экземпляров. Первая псковская берестяная грамота была обнаружена в 1958 г. при раскопках Государственного Эрмитажа; о ней и последующих находках сообщалось в научной печати [1; 2; 3; 4, с. 74—75; 5, с. 33]. В настоящей статье публикуются грамоты 6 и 7 [1].

Раскоп, в котором были найдены грамоты, начат в 1986 г. и продолжен в 1987—1988 гг. Он располагался в центре Пскова, на ул. Ленина, в границах укреплений 1309 г. Общая площадь раскопа 2355 м^2. Работы, проводимые во второй половине 80-х годов на ул. Ленина, явились продолжением охранных раскопок предшествующих лет, начавшихся в 1968 г. За время изучения этой части посада средневекового Пскова на широкой площади была выявлена дворовая застройка, существовавшая здесь со второй половины XI в. Сотни сооружений, пять улиц, богатые вещевые коллекции позволяют считать эту территорию одним из самых интересных для истории Пскова участков археологических работ. Именно здесь в предшествующие годы были найдены берестяные грамоты 3—5. Находки в культурном слое соседних дворов берестяных грамот 6—8 убеждают в перспективности поисков остатков берестяной письменности в границах укреплений 1309 г. (рис. 1).

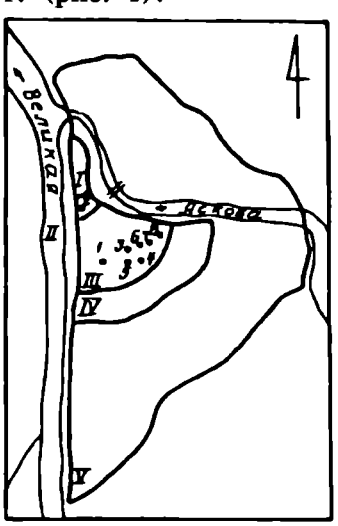


Рис. 1. План г. Пскова с указанием мест находок берестяных грамот 1—8

Грамота 6

Грамота найдена в раскопе XIII (квадрат 581, пласт 14, глубина 277 см, № 11 по полевой описи) 3 июня 1988 г. Л. Силкиной, ученицей школы № 15 г. Пскова. Грамота сохранилась полностью. Текст написан на почти прямоугольном куске бересты длиной 20,5—20,9 см и шириной 4,1—4,4 см. Грамота была

[1] Прориси грамот выполнены И. К. Лабутиной [6] и И. О. Колосовой [7].

© А. А. Зализняк, И. О. Колосова, И. К. Лабутина, 1993 г.

свернута текстом внутрь. Текст шестистрочный, шестая строка неполная. На оборотной стороне грамоты две поперечные зигзагообразные линии (рис. 2).

Текст:

ѿКЮРНКАИ ѿ ГЕРАСНМАКАNОѲ НМОУПРОБЕЛОУОЖЕЄСТЕ
NЕСТОРОГОВАЛЕТОПРНСЛНТЕСОПРОСТАЗАNОДАОУNАСО
КОЛУПЛАЕСТЕБЕЛЕАПРОСЕБЕОЖЕБОУДЬШЕПОРОЖNЕТОБОУ
ДНКNАМОАNАМОКСНNОѲОNОТЕНЗМАКЛЕАПРОСЕNѲЕЛО
ВЕКОМЪ ІЄГОNЕЗNАЄМОАВОТОМОБОЖЕѦ ВОЛАНТВ
ОѦ

Находка залегала в темно-коричневом слое с большим количеством щепы, вне остатков построек. На уровне 11—12-го пластов этот слой перекрывался пятном песка площадью около 14 м^2 и мощностью от 3 до 15 см. Пятно стратиграфически связано с началом существования шестого строительного яруса. Грамота 6, таким образом, не может быть моложе седьмого яруса. Границы бытования седьмого яруса определены для XIII раскопа как 1305—1306—1320 гг.[2] Постройки этого яруса погибли от пожара 1319/20 г. в Застенье [6, с. 10, 11]. Но у нас нет оснований, при отсутствии данных о поврежденности участка находки, столь омолаживать ее. Ближайшие к месту находки остатки восьмого яруса — доски дворового настила — залегали более чем на 20 см выше, чем грамота 6. Сруб 43, расположенный в границах того же двора в 4 м к северо-западу от места находки грамоты и стратиграфически близкий уровню ее залегания, отнесен к девятому ярусу, предварительно датированному серединой XIII в. Дендроопределения пока получены только для двух отнесенных к девятому ярусу бревен (кв. 556) — 1262 и 1261 гг., а также для жерди настила в срубе 54 десятого яруса — 1262 г. Сопровождающие грамоту находки — бытовые (фрагменты кожаных изделий, железный предмет, обрывок веревки), не уточняющие стратиграфических наблюдений. Таким образом, по положению в слое правомерно отнести находку у девятому ярусу; возможны, впрочем, и незначительные перемещения в сторону десятого или восьмого яруса. Итак, стратиграфическая дата грамоты — XIII в., скорее его середина.

Внешние признаки текста позволяют отметить определенную композиционную выдержанность, отражающую культуру письма. С левой стороны текста строго соблюдены поля, за которые выступает лишь начальная буква письма; выдерживается (с небольшими отклонениями) горизонтальность строк. Высота букв несколько различна; это отражает беглость письма.

Грамота содержит 207 основных графем, которые представляют 29 букв. Текст характеризуется наличием нескольких моделей для ряда букв. Из стойких черт отметим срединное положение поперечины в буквах *Є*, *Н* (*И*), *Ѳ*, *Ю*, *Ѧ*; равную высоту верхней и нижней частей букв для таких графем, как *Е*, *Ж*, *К*; передачу *Н* с наклонной линией, соединяющей концы мачт по диагонали; написание *Ж*, *К* с разрывом между вертикальной и боковыми частями; выход наклонной линии, образующей треугольную петлю, к мачте в верхней ее части (для букв *Ы*, *Ь* и части начерков *Б*). Перечисленные стабильные признаки не противоречат стратиграфической дате (XIII в.), хотя ряд из них имеет довольно широкий хронологический диапазон, в том числе и традицию, восходящую к предшествующему времени. Сравнение с другими псковскими грамотами приводит, хотя и на небольшом количестве примеров, к тем же выводам. Дополнительные данные по хронологии грамоты могут быть получены при сравнении ряда палеографических примет с материалом новгородских берестяных грамот.

Р. Модель с углом в правой нижней части петли. Самые ранние примеры — в новгородских берестяных грамотах 6, 454, 685 (последняя четверть XIII в.).

[2] Все дендроопределения для раскопа XIII выполнены А. Ф. Урьевой.

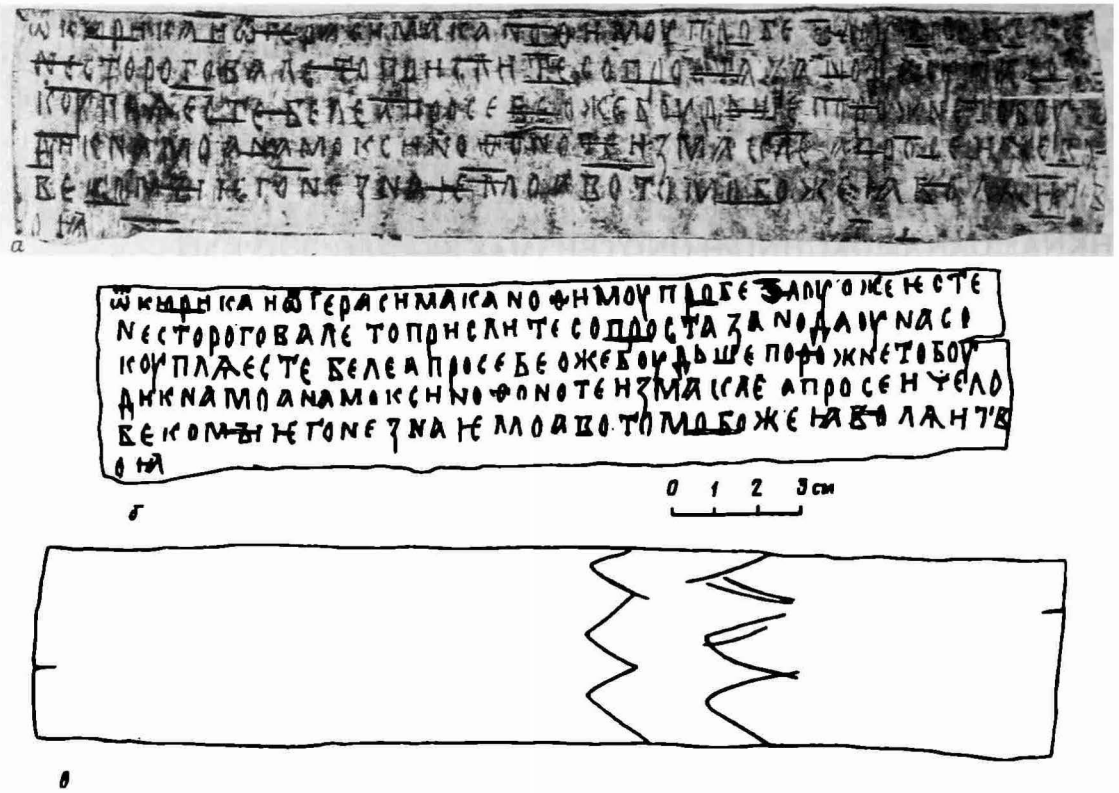


Рис. 2. Берестяная грамота 6. *а* — фотография; *б* — прорись текста; *в* — прорись изображения на оборотной стороне

До конца первой четверти XIII в. эта модель все еще остается крайне редкой. В период ≈ 1200—1265 гг. ее роль возрастает (достигает 36% всех грамот), в период ≈ 1265—1300 гг.— 44%. С начала XIV в. она становится господствующей (1300—1340 гг.— 84%, 1340—1450 гг.— 97% всех грамот).

Ѡ. Два начерка являются вариацией модели, характеризующейся: а) высокой серединой (во втором случае представлен уже переход от высокой середины к средней); б) наличием угла, т. е. излома (или разрыва) в нижней части хотя бы одной из двух дуг. Эта модель зафиксирована со второй четверти XII в. (№ 336, 421, 433, 644). Она достаточно актуальна (около 1/3 всех грамот) примерно до конца XIII в. Сначала XIV в. ее удельный вес заметно падает, но полностью она все же не исчезает; в XIV—XV вв. она отмечена в 11 грамотах; в это время уже господствуют модели со средней серединой (и появляются также модели с низкой серединой).

У. Две модели, характеризующиеся наличием С-образного изгиба в правой части; различаются наличием или отсутствием срединной горизонтальной перемычки. С-образный изгиб выражен не очень ярко; в части экземпляров буквы он усматривается только в верхней половине, а хвост практически прямой (эта особенность ориентирует датировку грамоты к началу периода бытования данных моделей; чем позже, тем изгиб заметнее и тем отчетливее захватывает хвост). Модель со срединной перемычкой впервые появляется в грамоте № 411 (конец XIII в. или рубеж XIII—XIV вв.); она характерна для XIV в. (отмечена также в трех грамотах XV в.). Эта модель представлена в псковских грамотах 4 (второе десятилетие XIV в.) и 7 (см. ниже). Модель без срединной перемычки в единичных случаях отмечена и раньше (№ 105 и 227 в XII в., также несколько неярких примеров в XIII в.). Период ее частого употребления начинается с № 412 (конец XIII в.) и падает на XIV—XV вв. Вторая модель встречена в псковской грамоте 3 (XII в.).

Из палеографических особенностей грамоты 6 эта модель, по-видимому, сильнее всего ориентирует датировку грамоты в позднюю сторону.

В. Представлены три модели: 1) прямоугольный контур, в котором правая вертикаль заменена ломаной линией, не соприкасающейся с левой вертикалью; 2) то же с двумя косыми штрихами вместо ломаной, из которых только нижний достигает левой вертикали; 3) то же с двумя пересекающимися косыми штрихами (оба они достигают вертикали).

Первая модель актуальна с самого начала эпохи берестяных грамот примерно по 30-е годы XIV в.; после 1340 г. она становится исключительной редкостью; после 1400 г. не встречается. Она представлена в псковских грамотах 3, 4, 7. Вторая модель встречается (не очень часто) в интервале 1170—1380 гг. Третья модель возможна в берестяных грамотах всех эпох. Эта особенность (вместе с ѿ) ориентирует датировку грамоты 6 в раннюю сторону.

Ч. Пример всего один, начерк по способу написания не очень ясный, так как в основании чаши проходит чешуйка. Не устанавливается точно, написана ли буква в два взмаха (чаша + ножка) или в три и насколько плавным является контур чаши. Модели с плавным контуром чаши более ранние, но и они доживают в берестяных грамотах до конца XIV в. (№ 166, 314). Пример модели из двух взмахов с плавным контуром чаши — в псковской грамоте 4. Модель с ломаной линией вместо чаши более поздняя (см. о ней ниже).

Прочие буквы почти никаких прочных хронологических привязок не дают. Можно лишь сказать, что нет ярко выраженных поздних вариантов, в частности для букв *З*, *Ж*, *Ѥ*, *Ю*, *В*, *Ѧ*, но это, разумеется, не имеет доказательной силы, а лишь поддерживает остальные палеографические показания.

Грамота может быть разделена на слова так:

ѿ Кюрика и ѿ Герасима к Ано ѳимоу. Про белоу. Ожеѥсте не стороговале, то прислите со проста, занода оу насо коуплѧесте беле. А про себе. Оже боудьше порожне, то боуди к намо. А намо Ксино ѳоноте измакле. А про сеи человеко: мыѥго не знаѥмо; а во томо божеѧ волѧ и твоѧ.

В грамоте 52 слова; по длине текста она может быть отнесена к большим берестяным грамотам и является наибольшей из грамот, найденных в Пскове.

Графическая система грамоты характеризуется следующими основными чертами. Буква ъ последовательно заменяется на *о* (*намо*, *человеко* и т. п.); ь смешивается с *е* (практически господствует замена ь на *е*, например *есте* — «есть»; обратная замена встретилась лишь однажды: *боудьше* — «будешь»); ѣ последовательно заменяется на *е* (*белоу*, *человеко* и т. п.). Все эти особенности широко представлены в новгородских берестяных грамотах начиная примерно с середины XII в. (время их наибольшего распространения — XIII в.).

Замена ѥ на *е* встретилась лишь однажды(*есте*); в трех случаях находимѥ (ѥ*сте*, ѥ*го*, *знаѥмо*). В новгородских берестяных грамотах ранее конца XIII в. буква ѥ встречается редко [7, § 8]. Буква ѧ в грамоте 6 на ѧ не заменяется; она встретилась дважды (*божеѧ*, *твоѧ*). В новгородских берестяных грамотах самое раннее употребление буквы ѧ — слово ѧзъ в грамоте № 400 (конец XII — начало XIII в.); далее буква ѧ появляется лишь в нескольких грамотах рубежа XIII и XIV вв.; активное ее употребление начинается с XIV в.

В начале слова употребляется *о* узкое (*оже*, 2 раза). В новгородских берестяных грамотах такое положение является нормой примерно до конца XIII в.; на протяжении XIV в. положение постепенно меняется, к концу XIV в. начальное *о* узкое уже почти не встречается.

Из букв *ф* и ѳ встретились только ѳ (*Ано*ѳ*имоу*, *Ксино*ѳ*оноте*). Из букв *и* и *і* употребляется только *и*. Для передачи (*у*) во всех позициях последовательно употребляется сочетание *оу*. Все эти особенности в большей степени характерны для периода до конца XIII в., но встречаются, хотя и реже, также и в XIV в.

О смешении букв *ц* и *ч* по материалу грамоты 6 судить нельзя (встретилось лишь одно относящееся к делу слово: *человеко*).

Единственная ошибка в тщательно и с умением написанном тексте грамоты — *а* вместо ѧ в *измакле*. Этот вид ошибки — необозначение мягкости перед (*а*)

и (*у*) — один из наиболее распространенных, особенно в бытовых документах и надписях (новгородские берестяные грамоты 109, 231, 261, 374, 413, 456, 497, 540, 609, 675; берестяная грамота из Мстиславля; из надписей — новогородская деревянная бирка № 3; надписи в новгородском Софийском соборе [8, № 87, 104, 168], запись писца в псковском паремейнике 1313 г. [9, ч. 2, с. 127]).

С точки зрения исторической фонетики исключительный интерес представляет форма *измакле* (вместо *измякле*) из **izmętle* «смутил», «нанес ущерб»; *кл* отражает здесь диалектный древнепсковский рефлекс праславянского **tl*. Псковские кл, гл из **tl*, **dl* давно привлекают внимание славистов. Пример *измакле* в грамоте 6 дает дополнительное подтверждение древности данного явления и его актуальности для живой древнепсковской речи.

Положение с прежними редуцированными гласными в грамоте 6 такое. В следующих случаях в соответствии с прежними редуцированными на письме никакой буквы нет: *не стороговале* (после *с*), *прислите* (после *с*), *Ксиноѳоноте* (после *к*), *к намо* (после *к*), *к Аноѳимоу* (после *к*). Отсутствие гласной между *ж* и *н* в *порожне* недостаточно показательно, поскольку неясно, имелся ли здесь первоначально *ь* перед *н*. С другой стороны, гласная на письме сохранена в случаях: а) *со проста*, *во томо* (т. е. в части предлогов); б) после *н* в *Ано ѳимоу*, *занода*, *Ксиноѳоноте*. Сюда же примыкает сохранение *о* после *р* в *стороговале*. Сохранение на письме гласной буквы в предлоге легко может быть объяснено тенденцией (осуществленной, впрочем, в данной грамоте лишь частично) трактовать конец предлога так же, как конец полнозначной словоформы. Что же касается сохранения гласной буквы после *н* и *р* (т. е. сонантов), то оно требует более подробного анализа; заметим, что и в случае *во томо* сохранению на письме буквы *о* после *в* мог способствовать сонантный характер *в*. Можно ли предполагать на основе описанной картины, что в произношении писца грамоты 6 *ъ* после сонантов еще сохранялся? Такое предположение было бы крайне рискованным. Как известно, в новгородских берестяных документах встречается (преимущественно в XIII и XIV вв.) так называемый «эффект скандирования» [7, § 10], при котором сочетания согласных на письме разделяются (с большей или меньшей основательностью) вставленными между ними согласными (ср., например, грамоты 390, 466, 497, 501). Наиболее вероятным нам представляется предположение, что в псковской грамоте 6 отразился особый вариант «скандирующей» записи, при котором гласная (*о* или *е*) писалась не после каждой конечной или предконсонантной согласной, а только после согласной, заканчивающей слог. В самом деле, сонанты при слогообразовании несомненно отходили к предшествующему, а не к последующему слогу, например *Ан-фи-му* (в отличие от *при-сли*). Такой же или близкий тип записи представлен в некоторых новгородских берестяных грамотах XIV в., например в блоке грамот 134 + 259 + 265, в грамотах 369, 532, 534, 689. Разумеется, во всех этих грамотах (как, впрочем, и в псковской грамоте 6) материал весьма ограничен, поэтому выводы здесь можно делать лишь с большой осторожностью; ясно, однако, что тенденция вставлять на письме «лишние» *о* (или *ъ*) именно после сонантов у части писцов XII—XIV вв. существовала.

Особого внимания заслуживает тот факт, что в грамоте 6 написано *Аноѳимоу* (а не *Ане-*) и *Ксиноѳоноте* (а не *-нете*); ср. иное положение в таких примерах из новгородских берестяных грамот XIV—XV вв., как *ѡ неѳимова* 177, *Оньцифорову* 167, *ѡнедрию* 310. Это значит, что грамота 6 отражает говор, где *н* в этих случаях еще не смягчилось под влиянием последующих мягких (*ф'*), (*т'*), т. е. межслоговая регрессивная ассимиляция по твердости — мягкости еще не произошла.

Остановимся еще на сочетании к *Аноѳимоу*. Утрата *ъ* в предлоге в позиции перед гласной — явление, развивающееся несколько позже, чем утрата *ъ* в других позициях. В новгородских берестяных грамотах самые ранние примеры такого рода — *к Алѳимие* 657 (вероятно, последняя четверть XII в.) и к *Олисьеви* 502 (конец XII в.). Что же касается начального *А* в *Аноѳимоу*, то здесь было бы возможным предполагать церковнокнижный вариант данного имени: *Анфимъ* (в

отличие от народного *Онфимъ*); ср. аналогичное соотношение между вариантами *Андрѣи* и *Ондрѣи* и т. п. Однако церковнокнижные варианты имен встречаются в бытовых берестяных грамотах исключительно редко. Поэтому более правдоподобным представляется другое предположение: перед нами результат свойственного части говоров древней Новгородской земли фонетического развития *ъ* + *+о* → *а*. Наиболее надежными примерами такого рода развития являются: к атцеви «к отцу» 404 (XIII в.), сарати («спахать» 211, 70-е годы XIII в.), в Акосово («в Окосово» 55, начало XIV в.). Сюда же мы должны отнести к *Алѳимие* 657, поскольку для народного *Олфимьѧ* церковнокнижным соответствием является не *Алфимиѧ*, а *Ѥвфимиѧ*. На фоне этих примеров мы может предполагать аналогичное происхождение для *А* в примерах: *к Аврамоу* 550 (последняя четверть XII в.), *Афанаса* 152 (начало XIII в.), *Аврама* 139 (конец XIII в.) и, наконец, *к Аноѳимоу* в псковской грамоте 6.

Из более частных явлений отметим: отвердение конечного (*м*) в *во томо* (это явление фиксируется в берестяных грамотах уже с первой половины XII в.); отпадение конечного (*и*) в *боудьше* «будешь» (самый ранний пример этого явления отмечен в новгородской берестяной грамоте 227, относящейся к последней трети XII в., но основная масса таких примеров появляется лишь с середины XIV в.); в *прислите* выступает еще *сл*, а не *шл* (в берестяных грамотах первые примеры *шл* появляются на рубеже XIII—XIV вв., господство *шл* начинается с середины XIV в.).

Морфология грамоты 6 — последовательно диалектная. В И. ед. муж. выступает окончание *-е*: *Ксиноѳоноте*; в ед. муж. перфекта *-ле*: *измакле*; в мн. муж. перфекта ⟨*-л*⟩: *не стороговале* (*-ле* как графическая замена для *-л*; о том, что это именно множественное число, см. подробнее ниже). Отметим, что в Новгороде формы мн. муж. перфекта на *-лѣ* (вместо прежнего *-ли*) отмечаются начиная с рубежа XIV в. Форма *беле* (*бѣлѣ*) может быть как Д. ед., так и Р. ед. (синтаксическая конструкция здесь двусмысленна). Отметим *-оу* в Д. ед. к *Аноѳимоу*, (*-ъ*) в В. ед. *про сеи человеко*. Неоднозначна в фонологическом отношении словоформа И. ед. муж. *порожне*, поскольку за этим написанием в принципе могут стоять: а) ⟨*порозне*⟩ от *порозныи* (с псковским диалектным смешением *з* и *ж*); б) ⟨*порожнь*⟩ (или, с меньшей вероятностью, ⟨*порожне*⟩ от *порожныи*); в) ⟨*порожне*⟩ от *порожныи* (возникшего в результате смешения прилагательных на *-нии* и на *-ныи*). Разрешить эту неоднозначность в рамках данного текста, при отсутствии других словоформ того же слова, невозможно.

Синтаксис грамоты — собственно древнерусский, некнижный. Используется, в частности, союз *занода* ⟨*занъда*⟩ «потому что». Союз *зандо* (*занда*) имеет два варианта; в новгородских грамотах (берестяных и пергаменных) представлен преимущественно вариант *зандо*, но один раз — в завещании Климента — встретился также вариант *занда* (в самом завещании *занъда* [7, § 69]). Псковская грамота 6 подтвердила реальность того варианта, который отразился в завещании Климента.

Чрезвычайно интересна текстовая структура грамоты. Весь ее текст, за вычетом адресной формулы, отчетливо членится на три раздела; с некоторой долей условности их можно приравнять к современным абзацам. Каждый раздел (абзац) посвящен определенной теме, причем эта тема совершенно четко сформулирована в самом начале раздела: 1) *про белоу* — «о беличьих шкурках»; 2) *а про себе* — «а (теперь) относительно тебя»; 3) *а про сеи человско* — «а относительно этого человека» (Ксинофонта). Выписанные словосочетания по функции совершенно аналогичны современным заголовкам. Заметим, что такой же по существу прием использован, например, в записях «Русской Правды», только народному *про*, представленному в грамоте 6, здесь соответствует книжное *о* (ср. заголовки *о убиистве*, *о татбѣ*, *о послушьстве*, *а се о борти*, *а се о задниц* и т. п.). С синтаксической точки зрения такой заголовок, как и в современном языке, образует законченное целое. Он не сливается с последующим текстом в какое-либо

синтаксическое единство типа сложного предложения; связь здесь чисто смысловая. Только с учетом этого обстоятельства можно понять, что, например, в отрезке *а про сеи человеко*: *мы ѥго не зна ѥ мо* нет никакого асинтаксизма; здесь правильное отношение между заголовком и раскрывающим его текстом.

Прокомментируем теперь текст просто по порядку, останавливаясь на наиболее существенных моментах.

Имена отправителей и адресата христианские; все они известны, в частности и из новгородских или псковских берестяных грамот.

Раздел первый («о беличьих шкурках»). Слово *бѣла* выступает здесь как собирательное наименование беличьих шкурок как товара. *Оже ѥсте не стороговале, то прислите со проста* — «Что (или: если что-нибудь) вы еще не сторговали (т. е. не запродали), то пришлите (сюда) немедленно». С грамматической стороны форма *стороговале*, взятая сама по себе, при данной графической системе двусмысленна: *-ле* в принципе может воплощать ⟨*-ле*⟩ (и тогда это единственное число) или ⟨*-л*⟩ (и тогда это множественное число). К счастью, в данном контексте выбор однозначен: во-первых, глагол-связка здесь *ѥсте* (а не *ѥси*), во-вторых, во множественном числе стоит императив *прислите*. На первый взгляд может показаться странным, почему при наличии всего одного адресата авторы употребляют множественное число. В действительности, однако, здесь нет ничего загадочного: просто Анфим выступает как представитель (или глава) некоторой группы людей; он фактически занимается торговлей беличьими шкурками не один (а может быть, даже и не сам). Подобное «несогласование» в грамматическом числе в берестяных грамотах встречается: например, грамота 69 начинается так: ѿ *Терентеѧ къ Михалю. Пришьлить* («пришлите») *лошакъ съ ѧковцемъ*. Выражение *съ проста* — «сразу же», «немедленно» — хорошо известно по новгородским грамотам.

Занода оу насо коуплѧесте беле — «потому что у нас (здесь) есть спрос на беличьи шкурки». Слово *коуплѧ* само по себе означает просто «торговля», но в данном контексте, когда Кюрик и Герасим требует немедленно прислать товар, речь явно идет о том, что на него имеется спрос. Падеж слова *беле* ⟨*бѣлѣ*⟩ не вполне ясен, поскольку нет других примеров, показывающих, каким падежом управляло слово *коуплѧ* — дательным или родительным (окончание ⟨*-ѣ*⟩ в *беле* при этом выборе нам помочь не может, поскольку в древнепсковских говорах оно несомненно выступало не только в дательном, но также и в родительном падеже). Более вероятным представляется дательный падеж.

Раздел второй («о тебе»). Прежде всего отметим, что *про себе* явно означает здесь «про тебя» (т. е. про Анфима), а не «про себя» в современном смысле (при котором мы должны были бы считать, что речь идет об авторах письма). На этом примере отчетливо видно, что правила употребления возвратного местоимения в XIII в. отличались от современных. *Оже боудьше порожне, то боуди к намо* — «если будешь свободен, то приезжай (буквально: будь) к нам». Ср.: *буди семо* — «будь (прибудь) сюда» в новгородской берестяной грамоте 558. *А намо Ксиноѳоноте измакле*: здесь трудным местом является слово *измакле*. При его анализе необходимо прежде всего учитывать, что приведенный отрезок образует законченную фразу (поскольку он начинается союзом *а* и непосредственно за ним следует уже другая фраза, тоже начинающаяся союзом *а*). Поэтому гипотетические разложения типа *из макле* (с предлогом *из*) необходимо отвергнуть, так как фраза в этом случае не может получить никакого законченного смысла. Совершенно очевидно, что в исследуемой фразе *измакле* должно быть сказуемым, т. е. это либо ед. муж. перфекта (с окончанием *-ле*), либо И. ед. муж. какого-либо прилагательного (или существительного) с окончанием *-ле*. Перебор возможностей убеждает нас, что для *измакле* в его реальной форме решения нет вообще, но зато полностью подошло бы по смыслу и по форме написания *измѧкле* — псковская диалектная форма перфекта от *измѧсти* (*измѧ ту*) — «смутить», «привести в смятение, в беспорядок», «испортить, напортить»,

«учинить помехи, воспрепятствовать» [10, 11]. Псковское *измѧкле* является правильным фонетическим продолжением первоначального **izmętle*; ср. *взмѧкласѧ* (с таким же *кл*!) *земля рускаа* в IV Новгородской летописи под 1335 г. (по Строевскому и Новгороссийскому спискам) — от *възмѧстисѧ* — «прийти в состояние смуты», «поднять мятеж». Поскольку, как уже отмечено, единичное написание *а* вместо *ѧ* — это довольно распространенная ошибка, данное истолкование ясно следует предпочесть всем прочим. Рассматриваемая фраза означает, таким образом: «(дело в том, что) Ксинофонт нам напортил (нанес ущерб, устроил помехи)», т. е. здесь указана причина, по которой Анфим должен приехать лично (очевидно, Ксинофонт был каким-то представителем Анфима; возможно, что он должен был подвезти товар, но не сделал этого). Очень важна аналогия с новгородской берестяной грамотой 540 (сохранившейся, к сожалению, лишь в виде фрагмента). Это челобитная феодалу от крестьян-«дублян» с жалобой на управляющего или ключника: *здесе за насъ... ане* (вероятно, конец имени типа Иване, Степане) *твои доконцалъ в Порховѣ воѥводам трим коробь ми овсаними* (овсяными) *в томъ намъ* (*см*)*ути*(*лъ*)... Существенно не только общее сходство ситуации, но и в особенности употребление формулы *намъ смутилъ*. Глагол *смутити* отражает тот же корень **męt-*, *mǫt-*, что и *измѧсти*, и имеет довольно близкий круг значений. В формулах ⟨*нам измѧкле*⟩ и *намъ смутилъ* совпадает даже управление (наименование пострадавшего стоит в дательном падеже). Это служит подтверждением того, что мы имеем здесь дело с устойчивой формулой, которой обозначалось нанесение какого-либо ущерба беспорядком в управлении. В имени *Ксино҃ѳоноте* интересно *и*, поскольку на основе обычных соотношений с греческим первоисточником ожидалось бы *е*; однако, какова бы ни была причина появления этого *и*, речь идет здесь не об индивидуальной особенности данной грамоты: это имя регулярно выступает именно с *и* также и в новгородских берестяных грамотах, где нет смешения *ѣ* с *и* (например, ѣ *Синофонтова* 264).

Раздел третий («об этом человеке», т. е. о Ксинофонте) гласит: «мы его не знаем; а в том воля Божья и твоя». Здесь изложен мотив протеста против Ксинофонта («мы его не знаем») и с помощью специально предназначенной для подобных случаев почтительной формулы выражена просьба заменить его. Чрезвычайно близким аналогом здесь оказывается новгородская берестяная грамота 311 (челобитная феодалу от крестьян-«черенщан»): *Што ѥси ѡдода* («отдал») *деревенеку Климецу ѡпарину, а мы ѥго не хътимо: не сусѣднеи человѣко. Волено бъ де і ты* (вместо: Волен Богъ да і ты). Здесь перед нами тоже жалоба на конкретное лицо и просьба его устранить. Аналогична и мотивировка («не соседний человек»). Наконец, практически одинаковы, с точностью до синтаксического оформления заключительные формулы: их конечный практический смысл примерно таков: «Это дело, господин, в твоей власти; примени же ее нам на пользу». Подробнее о формулах типа «воленъ Богъ да (и) ты» — в [7, § 86].

Общий перевод грамоты 6 может быть таким: «От Кюрика и от Герасима к Анфиму. О беличьих шкурках. Если вы еще не сторговали, то пришлите сюда немедленно, потому что у нас (здесь) есть спрос на беличьи шкурки. О тебе. Если будешь свободен, то приезжай к нам; (дело в том, что) нам Ксинофонт напортил. Об этом человеке: мы его не знаем; а в том воля Божья и твоя».

По жанру грамота 6 является частным письмом делового характера. Судя по ее содержанию, Кюрика, Герасима и Анфима связывали совместные деловые операции. Причем в лице Анфима — адресата грамоты 6 — мы впервые встречаем в псковских грамотах имя владельца двора или члена его семьи. Кюрик и Герасим нашли покупателя вне Пскова и предлагают срочно прислать товар, если он еще не запродан Анфимом и другими участниками продажи шкурок (*оже ѥсте не сторговале, то пришлите*). Во второй части грамоты следует предложение Анфиму прибыть к Кюрику и Герасиму, поскольку в их общих

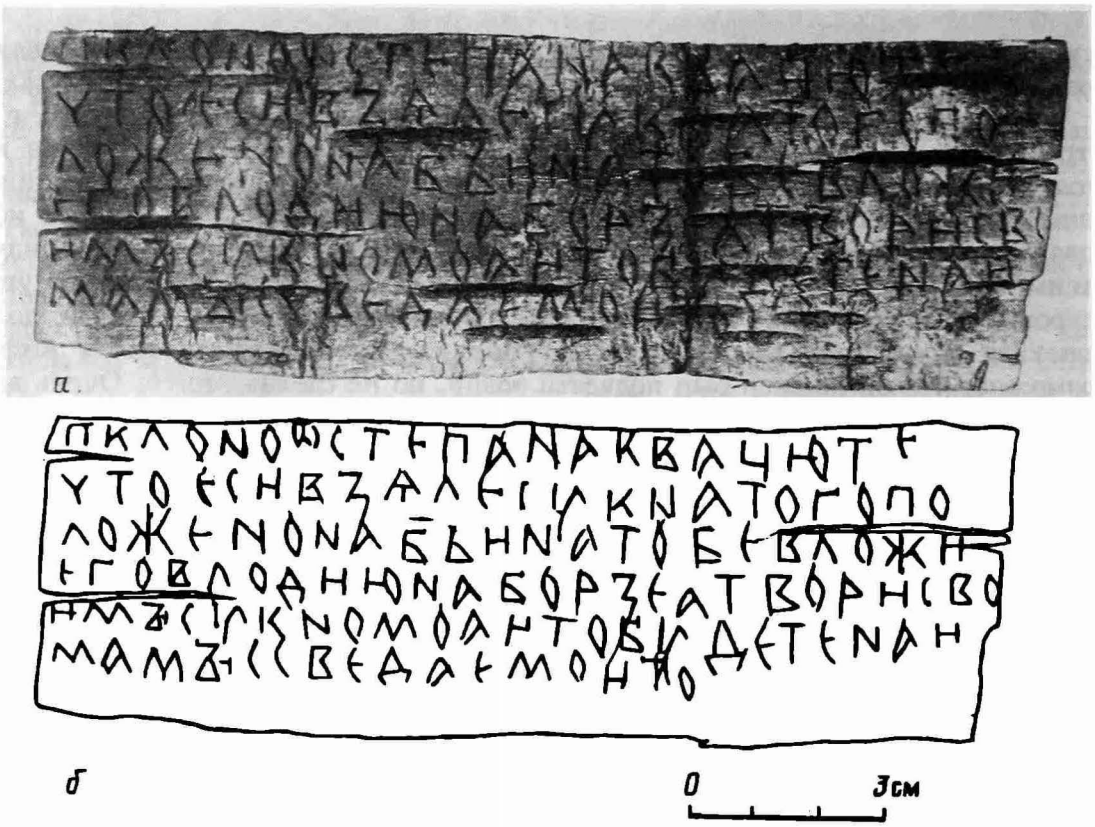


Рис. 3. Берестяная грамота 7. *а* — фотография; *б* — прорись текста

делах им помешал Ксинофонт. Отправители оставляют решение вопроса за Анфимом, возможно, являющимся старшим в их торговых операциях.

При многих упоминаниях «белы» (*«бѣлы»*) в значении «беличья шкурка» в берестяных грамотах, здесь впервые встречен сюжет, отразивший торговлю этим товаром. Торговля Руси пушниной с Западной Европой в XIII в. известна по другим источникам. А. Л. Хорошкевич отмечает, что первое место в потреблении русских мехов тогда занимала Англия [12, с. 76, 119]. Организация пушной торговли Новгорода XIV—XV вв. с Западной Европой (продажа шкурок белки большими партиями, развитая номенклатура меховой продукции, в частности меха белки) позволяет говорить о том, что она имела уже давнюю традицию и была сосредоточена в руках крупных купцов [12, с. 70, 71, 73—85]. Есть основания считать, что направления сбыта пушнины и условия торговли ее в Пскове были сходны в новгородскими. В Скре IV редакции (XIV в.) Псков назван среди городов, где действует право немецких купцов, в том числе предусматривается та же регламентация в торговле пушниной, что и для Новгорода [13, с. 156, ст. 89, с. 163, 164, ст. 107]. Традиция торговли белкой в Пскове нашла отражение в богатой номенклатуре соответствующей части словаря Тонни Фенне 1607 г., составленного в Пскове [14, с. 76, 77].

Место, где была написана псковская грамота 6, где Кюрик и Герасим нашли спрос на свой товар, не устанавливается. Но некоторые предположения на этот счет могут быть высказаны. Е. А. Рыбина обратила внимание на то, что, несмотря на тяжелую внешнеполитическую обстановку в Прибалтике, западноевропейские товары продолжали в XIII в. поступать в Новгород; объяснение этому надо искать в независимости основных торговых партнеров Новгорода (Готланд, Любек, Ганзейский союз) от Ордена [15, с. 155, 156]. Кюрик и Герасим, вероятно, должны были находится на торговом пути к Балтике, Готланду — в каком-нибудь из традиционных мест торговли. Не исключено, что таким местом мог быть и Новгород.

Грамота 7

Грамота найдена в раскопе XIII (квадрат 574, пласт 14, глубина 271 см, № 91 по полевой описи) 7 июня 1988 г. Е. Михайловой, ученицей школы № 15 г. Пскова. Грамота сохранилась полностью. Кусок бересты почти прямоугольный, довольно толстый; он был слегка свернут текстом наружу. Длина куска бересты 14,5—14,9 см, ширина 4,6—5,1 см. Текст шестистрочный (рис. 3).

Текст:

ПКЛОNOѿСТЕПАNАКВАЦЮТЕ
ЧТОЕСНВЗАЛЕСУКNАТОГОПО
ЛОЖЕNОNАБЬИNАТОБЕВЛОЖН
ЕГОВЛОДНЮNАБОРЗЕАТВОРНСВО
НМЪСУКNОМОФЦТОБУДЕТЕNАН
МАМЪЫСЕВЕДАЕМОЦТО

Грамота найдена в слое темно-коричневой земли со щепой. Верхняя часть этого слоя на уровне пласта 12 может быть связана с периодом строительства седьмого яруса, а нижняя заглубляется до отметок пластов 16—17. Грамота залегала на 6—7 см выше южной стены сруба 54 (ярус десятый); это небольшая хозяйственная постройка. Не исключено, что сруб 54 продолжал существовать и в девятом ярусе. Дендродата получена, как уже отмечалось, только для жерди настила внутри сруба — 1262 г. Очевидно, что грамота 7 попала в слой спустя некоторое время после разборки сруба 54 (на месте сруба образовался слой мощностью около 10 см), но не позднее 1319/20 г.— времени гибели в пожаре построек Застенья. Наиболее вероятная стратиграфическая дата грамоты — последняя треть XIII в.

В грамоте 7 — 130 основных графем, которые представляют 27 букв. Приведем некоторые палеографические примеры (в сравнении с новгородскими берестяными грамотами).

Р. Два примера, представляющие разновидность той же модели, что и в грамоте 6.

ѿ . Один пример, представляющий модель со средней серединой и угловатыми низами. Первые ее примеры относятся к концу XII в. В течение XIII в. она постепенно распространяется и с начала XIV в. становится господствующей.

У. Начертания, сходные с грамотой 6 (изгиб тоже выражен неярко).

В. Практически те же модели, что в грамоте 6.

Ч. Фигура с ломаной линией вместо чаши. Это поздняя модель: самые ранние примеры — в новгородских грамотах 138 и 142 (обе стратиграфически датируются 1299—1313 гг.); характерна для XIV—XV вв. Прочие буквы ничего надежного не дают: но явно поздних вариантов нет.

В целом палеографические характеристики грамот 6 и 7 оказываются довольно сходными (буквы ѿ , *ч*, *р* в грамоте 7 «тянут» к более позднему времени, чем в грамоте 7). По меркам новгородских берестяных грамот для обеих этих грамот палеография как будто бы «тянет» к интервалу (примерно!) «последняя четверть XIII — начало XIV в.». Но настоящий жесткости здесь, конечно, нет; интервал может быть и шире.

Грамота 7 может быть разделена на слова так:

Пклоно ѿ Степана к Вацюте. Что еси взѣле сукна того, положено на бь и на тобе. Вложи его в лодию на борзе. А твори своимъ сукномо. А цто будете наима, мы се ведаемо, цто.

В грамоте, таким образом, 34 слова.

Графическая система: ъ обычно заменяется на *о* (*сукномо*, *ведаемо* и пр.), но один раз сохранено (*своимъ*; возможно, впрочем, что автор смешал ъ и ы, т. е. написал ы); ь заменен на *е* (*будете* — «будет»); ѣ обычно заменяется на *е*

(*Вацюте, на тобе* и т. д.), но один раз заменен на *ь* (*на бѣ* — «на боге»). Буква *е* не используется (представлено только *е: еси, его, ведаемо*). Для передачи (у) употребляется простое у (встретилось только в позиции после согласной). Буква *і* не используется. Буквы *ц* и *ч* смешиваются; ср. *что* (1 раз) и *цто* (2 раза). В слове *пклоно* пропущено *о* (описка или сокращение); относительно возможного смешения *ъ* с *ы* в *своимъ* см. выше.

В отношении редуцированных гласных грамота 7 может служить идеальным образцом позднедревнерусского состояния: не сохранена на письме ни одна из прежних слабых редуцированных (неконечных); ср. *к Вацюте, что взѧле, сукна, вложи, в лодию, на борзе, сукномо, цто* (2 раза). Самая ранняя из новгородских берестяных грамот (не слишком коротких), отражающих столь же безупречную картину позднедревнерусского состояния (№ 600), относится к 20—40-м годам XIII в.

Из более частных явлений отметим отвердение (*м*) в *своимъ, сукномо*. Интересно что *в лодию* написано через *и* (не через *е* или *ь*); ср. *божеѥ* (с *е*) в грамоте 6.

Для морфологических наблюдений мало материала. Существенно, однако, что перфект *взѧле* выступает с диалектным окончанием *-ле*. В презенсе *будете* конечное ⟨*-ть*⟩ сохранено. Отметим еще М. ед. *на тобе* (с *о*), Р. ед. *наима* (с окончанием *-а*, не *-у*).

Синтаксис — собственно древнерусский, некнижный. Дважды использована характерная для берестяных грамот конструкция, начинающаяся с относительного *что*. Рассмотрим важнейшие элементы текста по порядку.

В адресной формуле помимо распространенного имени *Степанъ* выступает редкое имя *Вацюта*. Это гипокористическое образование с исходным элементом *Ва* (от *Василии*, может быть, и от *Иванъ*) и двумя суффиксами *-ц-* (или *-ч-*) и *-ут-а* [7, § 60, с. 149, 150]. Имя *Вацюта* один раз встретилось в староукраинской (луцкой) грамоте 1461 г. [17, т. 1, с. 156].

Что еси взѧле сукна того, положено на бѣ и на тобе — «что ты взял из того сукна, (в этом) я полагаюсь на бога и на тебя». Вторая часть предложения есть готовая формула из того же круга, что и *волѧ божеѥ и твоѥ* (см. выше). С практической точки зрения эта формула означает примерно «полагаюсь на твою совесть»; ср. в новгородской грамоте 414 *на бозѣ пол(о)жено и на васо.*

Вложи его в лодию на борзѣ — «спешно погрузи его на ладью». Глагол *вложити* явно был устойчивым купеческим термином, которым обозначалась погрузка товара на корабль или на возы. Этот глагол дважды употреблен в новгородской грамоте 439, посвященной купеческим операциям. Интересно местоимение *его*: это может быть Р. ед. (с партитивным значением), т. е. «погрузи того сукна (какое-то количество; может быть, не все)» или новая форма В. ед. (заменившая прежнюю форму *е*), т. е. «погрузи то сукно (все)».

А твори своимъ сукномо — «при этом объяви (или: считай) его своим сукном». О том, что глагол *творити* в собственно русских (некнижных) текстах означал не «делать», «создавать», а «утверждать (что)», «делать вид (что)», см. [7, № 87, с. 196, 197, разбор грамоты 238].

А цто будете наима, мы се ведаемо, цто — «а что касается того, сколько будет за это платы (т. е. комиссионных), то мы это знаем (или: то мы договоримся), сколько». Слово *се* можно интерпретировать двояко: а) *се* — «это»; б) возвратное *сѧ* с ранней диалектной заменой конечной гласной на *е*. В Новгороде такая замена отмечается лишь начиная с грамоты 318, относящейся к середине XIV в.; но общее число примеров весьма невелико, поэтому для серьезной хронологической статистики здесь нет базиса. В первом случае получается перевод «мы это знаем», во втором — «мы договоримся» (*вѣдатисѧ, увѣдатисѧ* — «договориться о плате», «рассчитаться»).

Общий перевод грамоты 7: «Поклон от Степана к Вацюте. Что ты взял из того сукна, (в этом) я полагаюсь на Бога и на тебя. Спешно погрузи его на

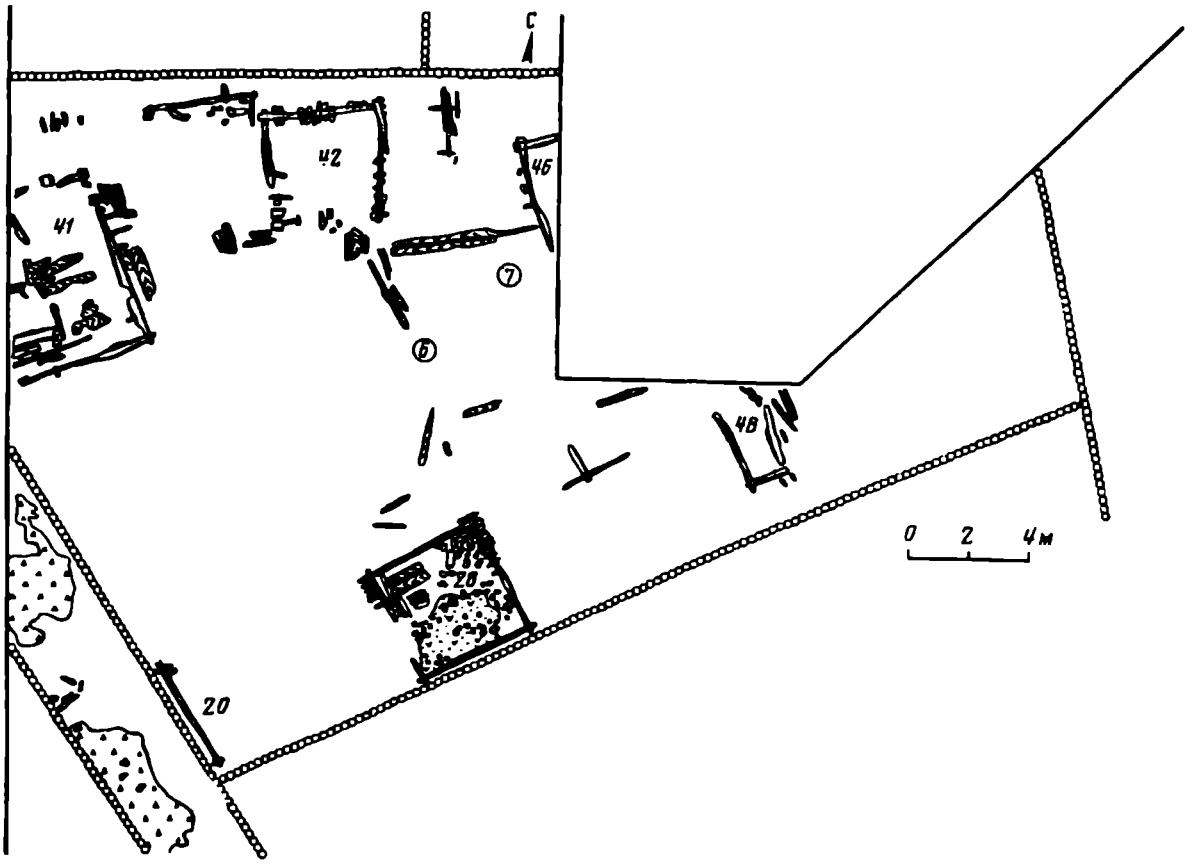


Рис. 4. Псков, ул. Ленина, 1987 г. Двор, в котором найдены грамоты. Раскопы XI—XIII. 8-й строительный ярус (конец XIII — начало XIV в.). *28*, *41*, *42*, *46—48* — срубы. *6* — место находки грамоты № 6; *7* — место находки грамоты № 7

ладью. При этом объяви (или: считай), его своим сукном. А что касается платы (за это, т. е. комиссионных), то мы знаем (или: то мы договоримся), сколько».

В грамоте 7 дважды упоминается сукно. В новгородских берестяных грамотах этим термином обозначается шерстяная ткань, или кусок такой ткани, или одежда из такой ткани (ср. грамоты 366, 511). Исследователи отмечают, что сукна ввозились на Русь из Англии, Фландрии, Германии [12, раздел «Ткани»; 15, с. 79—83; 18]. Сведения о торговле сукнами содержатся в Новгородской скре [13, с. 145, 149, 161—165; 19, с. 31, § 37, 55]. Импорт грубого немецкого сукна на Русь начался еще в период становления торговых связей с Готландом (XI—XII вв.); в XIII в. и позднее ввозились сукна среднего качества из Аахена и Кельна (cappelakene) и другие ткани [12, с. 193, 194]. При раскопках в Новгороде западноевропейские ткани встречались в основном в слоях XII и XIV вв.: в XIII в. их количество сокращалось [15, с. 81]. Производилось, впрочем, и местное грубое сукно.

Почему Вацюта, выступающий в грамоте 7 в качестве наймита, получающего плату за свой труд, должен объявить товар своим, т. е. выдать это сукно за свое, считать его своим? Такое явление, как найм, было хорошо известно в Пскове, по крайней мере в XIV—XV вв. [20, статьи 39—41, с. 10, 11; 21, с. 103, 109]. Найм в качестве платы за перевозку товара упоминается в грамоте первой четверти XVI в., посланной ивангородским наместником князем Александром Андреевичем Ростовским колыванским бургомистрам и ратманам [22, стб. 17, 18, № 9]. Таким образом, срочность и таинственность данного Вацюте поручения может объясняться тем, что Степану угрожала конфискация товара (например, в счет долга). Но в грамоте 7 может идти речь и о поспешном и тайном вывозе сукна, отнятого у иноземных купцов. Случаи захвата товаров новгородцами и псковичами известны по ганзейским источникам [23, т. II,

Рис. 5. Псков, ул. Ленина 1987—1988 гг. Двор, в котором найдены грамоты. Раскопы XI—XIII. 9-й строительный ярус (вторая половина XIII в.). *43*, *49* — срубы. *6* — место находки грамоты № 6; *7* — место находки грамоты № 7

№ 70, 71, с. 156—161; 24, т. II, с. 78, 250, 251, т. III, с. 424, 425]; на них уже обращали внимание исследователи [12, с. 77, 108; 25, с. 108, 109; 26, с. 98, 99; 27, с. 198—202, 234—238]. Потери ганзейских купцов обычно исчисляются в марках серебра, но упоминаются также воск (kaap cere), ткани (viridus panni, linei panni, cappales pannos). В предварительном отчете послов немецких городов об их переговорах в Новгороде (26 марта 1292 г.) также идет речь о партии товаров, незаконно захваченных у купцов на пути из Котлина в Новогород; эти товары были поделены между новгородскими боярами и смердами, захватившими их. По предположению И. Э. Клейненберга, потерянные немецкими купцами товары были очень ценными; возможно, это была партия сукон — их возвращение должно было оправдать расходы посольства [28, с. 121].

Степан — автор грамоты 7 — мог быть участником одного из таких ограблений[3]. Вацюта же мог быть вне подозрений, поэтому ему и поручалось вывезти и, возможно, продать захваченное сукно.

Адресаты грамот 6 и 7, вероятно, жители одного двора, причем в Анфиме скорее можно видеть хозяина двора. Площадь этого двора около 400 м^2 (рис. 4, 5). Границы двора окончательно сформировались во второй половине XIII в. и оставались стабильными вплоть до начала XVI в., когда двор был разделен на две части,— вероятно, в связи с выселением псковичей из Среднего города. Среди находок, происходящих с территории этого двора, отметим денарий последней четверти XIII в., чеканенный в Мюнстере или Герфорде[4], куски янтаря. Среди других дворов, исследованных раскопками в 1986—1988 гг.,

[3] В списке лиц, возможно причастных к одному из ограблений немецких купцов, дважды встречается имя Степан [23, т. II, с. 161]. Но датировка этого ограбления (между 1288 и 1335 гг.) не позволяет достаточно уверенно отождествлять автора грамоты 7 с одним из них.

[4] Определение В. М. Потина.

этот двор выделялся довольно значительными размерами, большими по площади (до 36 м²) жилыми срубами, в том числе двукамерными, мощным дворовым замощением на уровне второй половины XVI и XV в. Здесь найдены три вислые свинцовые печати: вечевая «печать св. Троицы», «печать псковская» 1424 г. и печать Афанасия Константиновича, близкая по типу новгородским наместничьим печатям [29, с. 103]. В слое второй половины XIV в. найдена заготовка свинцовой печати, что указывает на проживание во дворе какого-то должностного лица высокого ранга. Судя по находкам печатей, эта городская усадьба в XIV—XV вв. могла принадлежать семье землевладельцев. Феодалу, получавшему оброк (или какую-то его часть) мехами, могла быть адресована берестяная грамота 6. Таким образом, вполне правомерно предположение о том, что социальный статус владельцев двора не претерпел существенных изменений на протяжении второй половины XIII — начала XVI в. Напомним в связи с этим о гипотезе М. Х. Алешковского, согласно которой ко времени битвы Довмонта с немцами «*у святого Петра и Павла на бѣрезѣ*» (1299 г.) могла существовать деревянная стена — предшественница каменных укреплений 1309 г. [30, с. 120]. Поэтому территория, на которой были найдены грамоты, могла иметь статус городской, а не посадской уже к концу XIII в.

Значение последних находок берестяных грамот в Пскове определяется тем, что это один из древнейших памятников псковской письменности и — благодаря сохранности — важные источники по истории и языку средневекового Пскова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гроздилов Г. П.* Раскопки древнего Пскова (1956; 1958—1960) // СГЭ. 1962. Вып. XXIII.
2. *Белецкий В. Д.* Древний Псков по материалам археологических раскопок экспедиции Государственного Эрмитажа // СГЭ. 1968. Вып. XXIX.
3. *Лабутина И. К., Костючук Л. Я.* Псковские берестяные грамоты № 3 и 4 // СА. 1981. № 1.
4. *Волочкова О. К., Кильдюшевский В. И., Колосова И. О. и др.* Раскопки на ул. Ленина // Археология и история Пскова и Псковской земли: Тез. докл. предстоящей науч.-практ. конф. Псков, 1986.
5. *Седов В. В., Белецкий С. В., Волочкова О. К. и др.* Раскопки в Пскове // АО — 1985. М., 1987.
6. *Лабутина И. К.* О датировке ярусов в раскопках на ул. Ленина в Пскове (1976, 1978, 1981—1985 гг.) // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тез. докл. науч.-практ. конф. Псков, 1988.
7. *Зализняк А. А.* Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения // *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977—1983 гг.). М., 1986.
8. *Медынцева А. А.* Древнерусские надписи новгородского Софийского собора XI—XIV вв. М., 1978.
9. Каталог славяно-русских рукописных книг XI—XIV вв., хранящихся в ЦГАДА СССР. Ч. 1—2. М., 1968.
10. *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I—III. Спб., 1893—1903.
11. Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 1—14. М., 1975—1988.
12. *Хорошкевич А. Л.* Торговля Великого Новгорода в XIV—XV вв. М., 1963.
13. *Рыбина Е. А.* Иноземные дворы в Новгороде в XII—XVII вв. М., 1986.
14. Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian. Pskov 1607. V. II. Copenhagen, 1970.
15. *Рыбина Е. А.* Археологические очерки истории новгородской торговли X—XIV вв. М., 1978.
16. *Новикова М. И.* Пожары в средневековом Пскове // Археология и история Пскова и Псковской земли: Тез. докл. науч.-практ. конф. Псков, 1988.
17. Словник староукраїнської мови XIV—XV ст. Т. 1—2. Київ, 1977—1978.
18. *Нахлик А.* Ткани Новгорода // МИА. 1963. № 123.
19. *Таль П.* Третья Новгородская скра / ок. 1325 г. М., 1905.
20. Псковская судная грамота. СПб., 1914.
21. Псковские летописи. Вып. 2. М., 1955.
22. Русская историческая библиотека. Т. 15. СПб., 1894.
23. *Sartorius G. F.* Urkundliche Geschichte des Ursprunges der Deutschen Hanse / Hrsg. Lappenberg S. M. B. I—II. Hamburg, 1830.
24. Hansisches Urkundenbuch. B. II. Halle, 1879; B. III. Halle, 1882—1986.
25. *Андреевский И. Е.* О правах иностранцев в России до вступления Иоанна III Васильевича на престол Великого княжества Московского. СПб., 1854.

26. *Андреевский И. Е.* О договоре Новгорода с немецкими городами и Готландом, заключенном в 1270 г. СПб., 1855.
27. *Бережков М. Н.* О торговле Руси с Ганзой до конца XV в. СПб., 1879.
28. *Клейненберг И. Э.* Договор Новгорода с Готским берегом и немецкими городами 1262—63 гг. (по данным отчетов послов немецкого купечества 1292 г.) // ВИД. 1976. Вып. VII.
29. *Седов В. В., Александров А. А., Белецкий С. В. и др.* Археологические раскопки в Пскове // Археология и история Пскова и Псковской земли: Тез. докл. науч.-практ. предстоящей конф. Псков, 1987.
30. *Алешковский М. Х.* Социальные основы формирования территории Пскова X—XVI вв. (в связи с проблемой археологического исследования древнерусского города) // СА. 1978. № 2.

Институт славяноведения и балканистики РАН,
Москва
Псковский государственный педагогический
институт

ZALIZNYAK A. A., KOLOSOVA I. O., LABUTINA I. K.

BIRCH-BARK SCROLLS N 6, 7 FROM PSKOV

Summary

The article is published the birch-bark scrolls N 6, 7 which were found during the excavations on Lenin street in 1988 in one yard. Both texts are dated to the second part of XIII century A. D. The scroll N 6 was written by Kurick and Gerasim. It was addressed to Anfim and offered to send goods (squirrel) for selling. The authors of the letter report about loss which was caused by certain Ksinofont. The scroll N 7 is also the business letter. It was written by Stepan: the addresser was Vatsuta who was offered to dip into boat and may be to transport the cloth for the pay.

ВЛ. В. СЕДОВ

ПСКОВСКИЕ ХРАМЫ «ГРУППЫ ВЫБУТ»

В псковской архитектурной школе второй половины XV в. выделяется группа храмов, построенных в погостах, на левобережье р. Великой. Они были вычленены нами в «тип Выбут» или «группу Выбут» по следующим признакам: общность размеров (уникальных для псковской школы: 8,5 × 9,8 м), слитые своды (подпружные арки слиты со сводами рукавов креста), одноабсидность [1, с. 35; 2, с, 20, 21] (рис. 1). В данной работе памятники, принадлежащие указанной группе, исследуются подробно, помимо публикации церквей автор ставит себе целью освещение места указанной группы в формировании псковской архитектурной школы, обоснование датировки, описание художественных особенностей отдельных храмов.

Рассмотрение архитектуры указанных памятников следует начинать с наиболее сохранившегося и, может быть, потому наиболее выразительного храма, давшего название всей группе,— церкви Ильи Пророка в погосте Выбуты на левом берегу Великой в 12 км к югу от Пскова. По сообщению «Степенной книги», Выбуты были родиной княгини Ольги [3, с. 6]. В псковских летописях упоминания о Выбутах встречаются с 1393/1394 гг. [4, с. 30, 107] и затем в 1407 г. [4, с. 33], 1480 г. [4, с. 222, 5, с. 78] и в 1503 г. [5, с. 87].

Упоминаются Выбуты и в грамоте Никиты Хова середины XV в. [6, с. 117]. О церкви Ильи впервые сообщает писцовая книга 1580-х годов [7, с. 154, 188], хотя храм существовал и ранее — храмовая икона Ильи с житием датируется XIII в. [8, с. 182, 183].

В литературе церковь Ильи впервые упоминается в работе Н. Богушевского, который высказал мнение о принадлежности ее к «памятникам церковного зодчества XIV и XV столетия» [9, с. 141, 142]. И. И. Васильев относил церковь ко времени «никак не позже XV века» [10, с. 56]. Ю. П. Спегальский датировал храм XVI в. [11, с. 82, 87], а Б. С. Скобельцын — XV в. [12, с. 184, 185]. В 1955—1957 гг. храм был отреставрирован по проекту В. П. Смирнова [12, с. 185].

Церковь Ильи в Выбутах представляет собой небольшой (8,4 × 9,8 м; подкупольный квадрат 2,4 × 2,8 м) четырехстолпный одноглавый храм с одной полукруглой абсидой (рис. 2). Фасады расчленены на три прясла широкими лопатками, стянутыми вверху двухуступчатыми лопастными арками. Покрытие было на восемь скатов, оно восстановлено при реставрации. Порталы храма не сохранились (при реставрации сделаны новые); окна на западном фасаде расположены по одному в каждом прясле, причем среднее более крупное и имеет обрамление в один уступ. На западном фасаде в нижней части боковых прясел расположены две ниши с полуциркульным верхом и уступом в завершении. Отметим, что такие ниши по бокам входа характерны для псковских крылец (церковь Георгия со Взвоза 1494 г., церковь Богоявления с Запсковья 1496 г. и другие, более поздние памятники). На западной стене, прямо на фасаде, такая ниша известна нам лишь в церкви Успения в Мелетове 1461—1462 гг. Это может свидетельствовать о ранней дате церкви в Выбутах.

На западном и южном фасадах вверху средних прясел расположены арочные двухуступчатые ниши. Окна южного и северного фасадов расширены в XVII—XVIII вв. На восточном фасаде сохранились щелевидные окна дьяконника и жертвенника, в низкой абсиде сохранились два щелевидных окна, расположенных

© Вл. В. Седов, 1993 г.

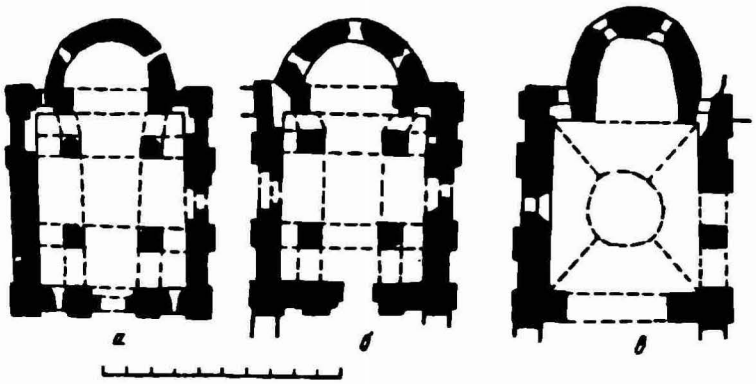


Рис. 1. Планы храмов: *а* — Ильи в Выбутах; *б* — Рождества Богородицы в Новой Уситве; *в* — Георгия в Камно

Рис. 2. Церковь Ильи в Выбутах. Вид с северо-востока. Фото В. М. Рудченко

довольно высоко, в центре абсиды — позднее окно (при реставрации восстановлено щелевидное). По верху абсиды проходит пояс: поребрик — бегунок — поребрик, валиковые разводы отсутствуют.

Окна барабана (четыре щелевидных проема с обрамлением уступом и завершением «домиком») имеют треугольные бровки. По верху барабана — псковский пояс бегунка и поребрика и над ним пояс уступчатых арочных ниш. Барабан имеет кольцевую выдру от конусовидного покрытия, сочетавшегося с восьмискатным (покрытие восстановлено).

В целом храм имеет стройные пропорции, ширина лопаток не снимает вертикальности пропорций, с которой спорит лишь невысокая, массивно круглящаяся

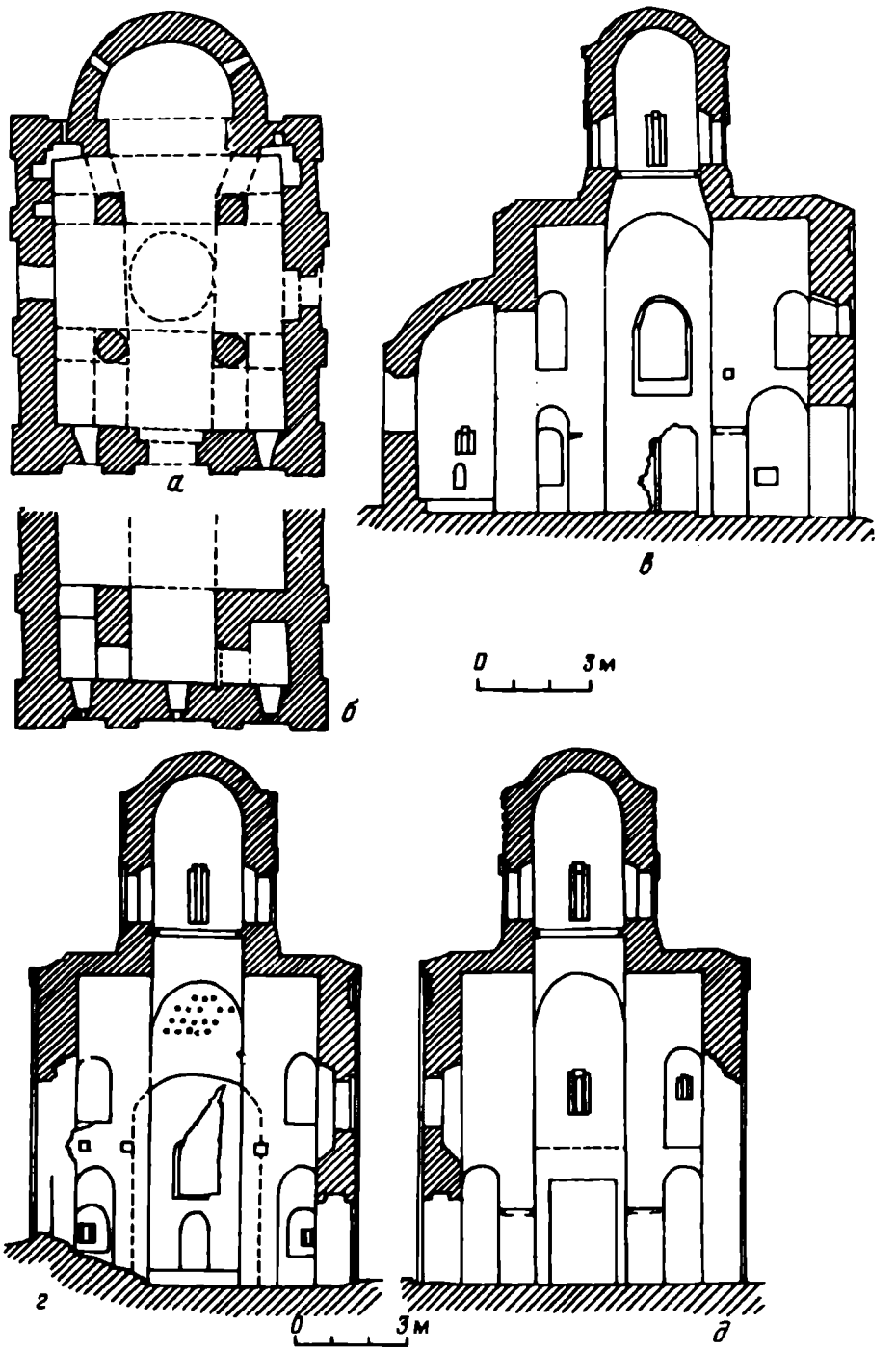


Рис. 3. Церковь Ильи в Выбутах. *а* — план; *б* — план по хорам; *в* — продольный разрез, обмер В. А. Лебедевой (архив АРМ-4); *г* — поперечный разрез, обмер В. А. Лебедевой (архив АРМ-4); *д* — поперечный разрез с видом на запад, обмер Д. А. Петрова и Вл. В. Седова

абсида (сейчас пропорции храма несколько утяжелены крупным куполом в формах XVII в.).

План церкви (рис. 3, *а*, *б*) вытянут по оси восток — запад (восточный рукав креста 1,8 м, северный и южный также 1,8 м, западный 2,6 м). Восточные столбы скруглены к востоку на высоту несколько менее одного модуля (стороны подкупольного квадрата), западные — ровно на высоту модуля (2,4 м). Углы храма имеют два яруса (рис. 3, *в*, *г*, *д*) (и на востоке, и на западе). Западные угловые компартименты решены по-разному: в северо-западном находится вход на хоры, он не имел свода в первом ярусе, две арки (в северный и западный

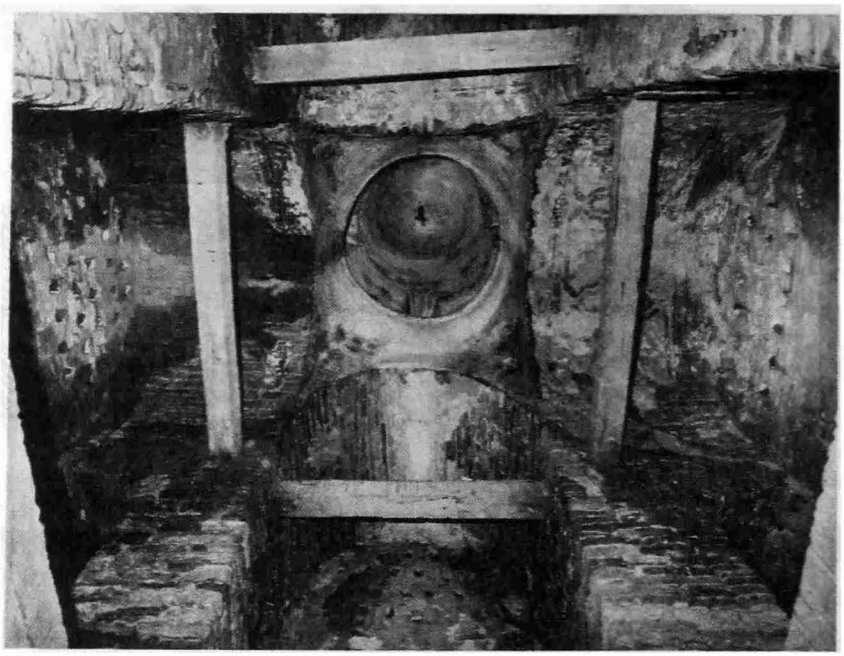


Рис. 4. Церковь Ильи в Выбутах. Вид на своды. Фото В. М. Рудченко

рукава) поддерживали подъем лестницы и настил входа; юго-западный перекрыт в первом ярусе коробовым сводом со щелыгой север — юг, свод поддерживает небольшую палатку-придел, перекрытую, как и северо-западный компартимент, коробовым сводом по оси восток — запад. Во втором ярусе оба помещения соединялись узкими высокими арочными проемами, от которых был переброшен деревянный настил хор. Западный рукав креста освещается крупным щелевидным окном, по одному окну в западной стене освещают и второй ярус угловых компартиментов.

Восточные компартименты, видимо, не имели настилов, но также имеют промежуточные арки. Из-за ширины абсиды в первом ярусе арки в восточный рукав скошены и идут не параллельно рукаву, а расходятся раструбом к краям абсиды. Второй ярус выше триумфальной арки, и арки идут параллельно восточному рукаву. Восточные угловые компартименты перекрыты коробовыми сводами со щелыгой север — юг. В восточной стене в нижнем ярусе расположены арочные ниши дьяконника и жертвенника с щелевидными оконными проемами. Абсида перекрыта конхой, в ней на довольно большой высоте расположены три щелевидных окна с крестовидным обрамлением.

В люнетах рукавов креста расположено по четыре-пять рядов голосников. Сами рукава креста перекрыты коробовыми сводами, слитыми с подпружными арками (с «невыявленными подпружными арками»). Концы сводов в щелыге несколько вдаются в подкупольное пространство, образуя астроид, парусами сводимый к кругу. Выше идет несколько сужающийся конус, отрезанный от барабана валом подкупольного кольца. Высокий барабан прорезан четырьмя высокими щелевидными проемами с крестообразным внутренним обрамлением.

В целом очень высокий (три модуля до пят сводов рукавов креста, четыре — до подкупольного кольца, пять — до пят купола) интерьер храма производит впечатление сосредоточенной энергии, стремления сопоставить высоту и вертикали с мягкими объемами: резкие ребра угловых компартиментов, вдающихся во внутреннее пространство, и круглые столбы, плавное скругление сводов, легко переходящих (без подпружных арок) в высокий колодец барабана. Освещение построено так, что освещенными оказываются лишь рукава креста, окна на угловых компартиментах освещают лишь палатки на хорах. Алтарная преграда была невысокой (сохранились гнезда от балок-тябл на высоте 1,5 м), и окна абсиды освещали восточный рукав. Столб света из барабана концентрировал внимание на подкупольном пространстве (рис. 4).

Интерьер церкви Ильи в Выбутах, как и особенности ее плана, позволяет дать приблизительную датировку храма. Широкая низкая абсида, выходящая в интерьер шире, чем восточный рукав креста, характерна для новгородской архитектуры 60—70-х годов XV в. (церковь Лазаря 1461 г., церковь Симеона в Зверине 1468 г., церковь Николая в Гостинополье около 1475 г. и др.). Как уже говорилось, ширина абсиды в Выбутах вызвала «раструб» арок первого яруса в восточных угловых компартиментах. Это произошло от того, что в новгородской архитектуре этого времени двухъярусные углы уже не применялись и арки от восточных столбов (как и арки второго яруса Выбут) приходились выше триумфальной арки. Применение двухъярусных углов представляет псковскую черту, в данном случае соединенную с новгородским решением алтарной части.

На XV в. в целом, указывает и двухъярусное решение северо-западного углового компартимента — входа на хоры. Своды с невыявленными подпружными арками встречаются впервые (в точно датированном памятнике) в Пскове в 1494 г. Однако они применены и в церкви Ризоположения 1484—1485 гг. в Московском Кремле, построенной псковичами. Причем в этом храме было применено решение, как бы развивающее звездчатую форму («астроид») схождения сводов в Выбутах: в церкви Ризоположения своды продолжили до основания барабана, и в подкупольном квадрате получился крестовый свод, прорезанный барабанным кольцом [13, с. 40—43]. Как видим, уже в 1484 г. прием со сводами без подпружных арок (с невыявленными арками) был известен псковичам. Нам представляется, что Выбуты являются примером более раннего их употребления. Церковь в Выбутах по своему объемно-пространственному решению и системе сводов находится как бы в промежутке между псковскими храмами 60—70-х годов XV в. и памятниками 80—90-х годов того же столетия — храмами круга церкви Георгия со Взвоза [14]. Решение плана (широкая абсида без декорации валиками, круглые высокие столбы, удлиненность плана) объединяет церковь Ильи как с новогородскими памятниками середины XV в., так и с храмами в Мелетове (1461—1462 гг.) и Старой Уситве (около 1471 г.). Ниши на западном фасаде также, как было сказано, указывают на раннюю дату. Высота интерьера и очень высокий барабан также напоминают Новгород 60—70-х годов XV в. С другой стороны, угловые компартименты имеют двухъярусное построение и по-псковски перекрыты коробовыми сводами. Псковской является форма окон, характерны и пояса голосников в люнетах, наконец, чисто пковским представляется перекрытие рукавов креста сводами с невыявленными подпружными арками.

В Выбутах многие характерно псковские черты сочетаются с новгородскими формами, что объединяет этот памятник с уже указанными храмами в Мелетове и Старой Уситве. Перекрытие со «слитыми сводами» здесь еще не сочетается с трехабсидным алтарем. Мы видим в Выбутах псковский храм, не полностью освобожденный от новгородских черт, присутствующих в архитектуре Пскова 60—70-х годов.

Отмеченные черты церкви Ильи позволяют датировать ее в границах 1470—1480-х годов (примерно до 1484 г.— времени строительства церкви Ризоположения, имеющей, кстати, те же пропорции: три модуля до пят сводов, четыре — до низа окон барабана, пять — до основания купола). Такую датировку подтверждает и время начала строительства церкви Рождества Богородицы в Новой Уситве — 1471 г. [4, с. 176, 177], когда закладывается и церковь в Старой Уситве. Церковь Рождества в Новой Уситве является ближайшим к Выбутам памятником, их размеры и формы почти полностью совпадают.

Кроме упоминания в летописи под 1471 г., церковь в Новой Уситве упоминается в «Писцовых книгах» 60-х годов XVI в. [7, с. 123, 151, 190]. В литературе церковь впервые обратила на себя внимание в связи с ремонтами [15, с. 7; 16, с. 11; 17, с. 14]. Н. А. Панов кратко упомянул храм и отметил, что он построен «не позднее конца XV столетия» [18, с. 104, 105]. В 1920-е годы памятник заинтересовал К. К. Романова, датировавшего его 1471 г. [19, л. 13; 20, л. 2]. В альбоме «Земля Псковская» и Б. С. Скобельцын датирует храм XV в. [12, с. 185].

Рис. 5. Церковь Рождества Богородицы в Новой Уситве. Вид с юго-востока. Фото В. М. Рудченко

Церковь Рождества в Новой Уситве (рис. 5) — четырехстолпный храм, объем которого вытянут по оси восток — запад. Церковь имеет одну широкую абсиду без валиковых разводов. Своды рукавов креста коробовые, без подпружных арок (рис. 6), угловые компартименты двухъярусные (рис. 7, *а*, *б*) (восточные в первом ярусе имеют тот же «раструб» арок, что и в Выбутах), перекрыты коробовыми сводами. Западные столбы в нижней части круглые, восточные — скруглены к востоку. В юго-западном компартименте расположена палатка-придел, вход в хоры располагался в северо-западном компартименте. Дьяконник и жертвенник (как и в Выбутах) расположены в нишах.

Фасады храма членятся довольно широкими лопатками, стянутыми лопастными арками. На северном и южном фасадах вверху центрального прясла помещены ниши в один уступ. На абсиде сохранился пояс из бегунка и поребрика. Венчающий барабан с четырьмя проемами (исследование К. К. Романова [20, л. 2]) утрачен в 1940-е годы. Автором статьи найдены чертежи храма 1881 г., на которых видны первоначальные щелевидные боковые окна абсиды (ныне растесаны) и первоначальный крупный высокий барабан [21] (рис. 7, *в*). Верх барабана был украшен поясом небольших арочных ниш, пояс бегунок — поребрик и окна были заложены.

Все перечисленные формы, а также размеры церкви Рождества Богородицы (8,4 × 10,4 м; подкупольный квадрат 2,6 × 2,8 м), полностью совпадающие с размерами храма Ильи в Выбутах, позволяют объединить эти два памятника в группу, обладающую яркими особенностями (одноабсидность в сочетании со «слитыми сводами», малые размеры, ширина абсиды) и характерную только для погостских храмов,— выделенный нами так называемый «тип Выбут».

Отличия названных храмов очень незначительны — в Новой Уситве абсида несколько шире абсиды в Выбутах, несколько по-иному устроены хоры. О полном сходстве вертикальных пропорций следует говорить осторожно, так как современные вертикальные обмеры храма в Новой Уситве не производились, а барабан

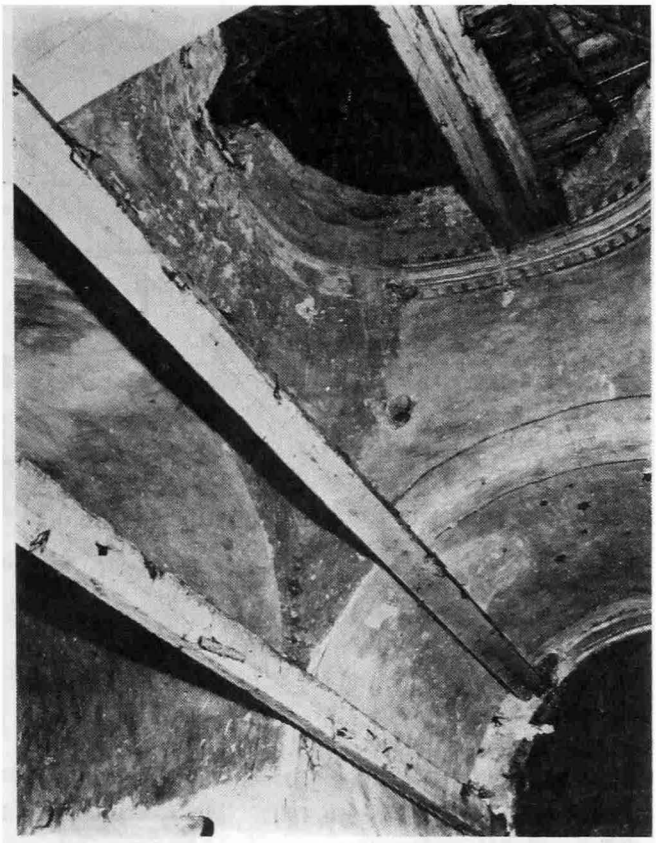


Рис. 6. Церковь Рождества Богородицы в Новой Уситве. Вид на своды. Фото В. М. Рудченко

утрачен и реконструируется лишь по чертежу XIX в. Следует отметить, что Новая Уситва имела более широкую площадку хор (на всю длину западного рукава). В целом храмы производят впечатление произведений одной строительной артели, а небольшие различия лишь придают индивидуальность памятникам одной типологической группы.

К двум описанным памятникам следует добавить церковь Георгия в Камно, размеры которой (9 × 10 м; подкупольный квадрат примерно — гипотетически — 2,6 — 2,8 м) почти совпадают с размерами Выбут и Новой Уситвы, а сильно выдвинутая абсида, устройство дьяконника и жертвенника в нишах и характер членения фасадов (близкие размеры лопаток, арок, ниши в средних пряслах) позволяют говорить об архитектурной близости храма в Камно к «типу Выбут» (рис. 1, *в*). Столбы и своды церкви в Камно утрачены еще в XIX в. [17, с. 58, 59], поэтому можно лишь предполагать в этом храме перекрытие рукавов креста сводами с невыявленными подпружными арками. Однако другие перечисленные черты (характер абсид и размер храма, характерный только для данной группы) позволяют говорить о принадлежности Камно к описанному типу.

К этому же типу, вероятно, относилась церковь Георгия в Печках, которая построена каменной в 1484 г. [4. с. 223, 292; 5, с. 79]. Этот храм изображен на рисунке Мейерберга (рис. 8), проезжавшего Печки в 1661 г. [23, с. 103, рис. 7], в тексте селение названо «Петчи» [24, с. 125, 126]. По сведениям метрики 1881 г., церковь основана в 1483 г. (что может свидетельствовать о постройке ее в 1483—1484 гг.) [22, л. 1об.], построена она без плиты, ко времени составления документа храм уже не имел столбов, потолок был на балках. Такие формы, как кирпичи в кладке у проемов, потолок и бесстолпие, можно отнести к переделке 1871 г. [22, л. 2—6об.]. И. И. Василев отмечал «древность» памятника [10, с. 228]. В настоящее время на месте древнего храма стоит более поздний, сооруженный из кирпича в 1905—1910 гг. Однако размеры северного объема с одной абсидой (8,6 × 8,6 м), в котором помещается Георгиевский престол, близки

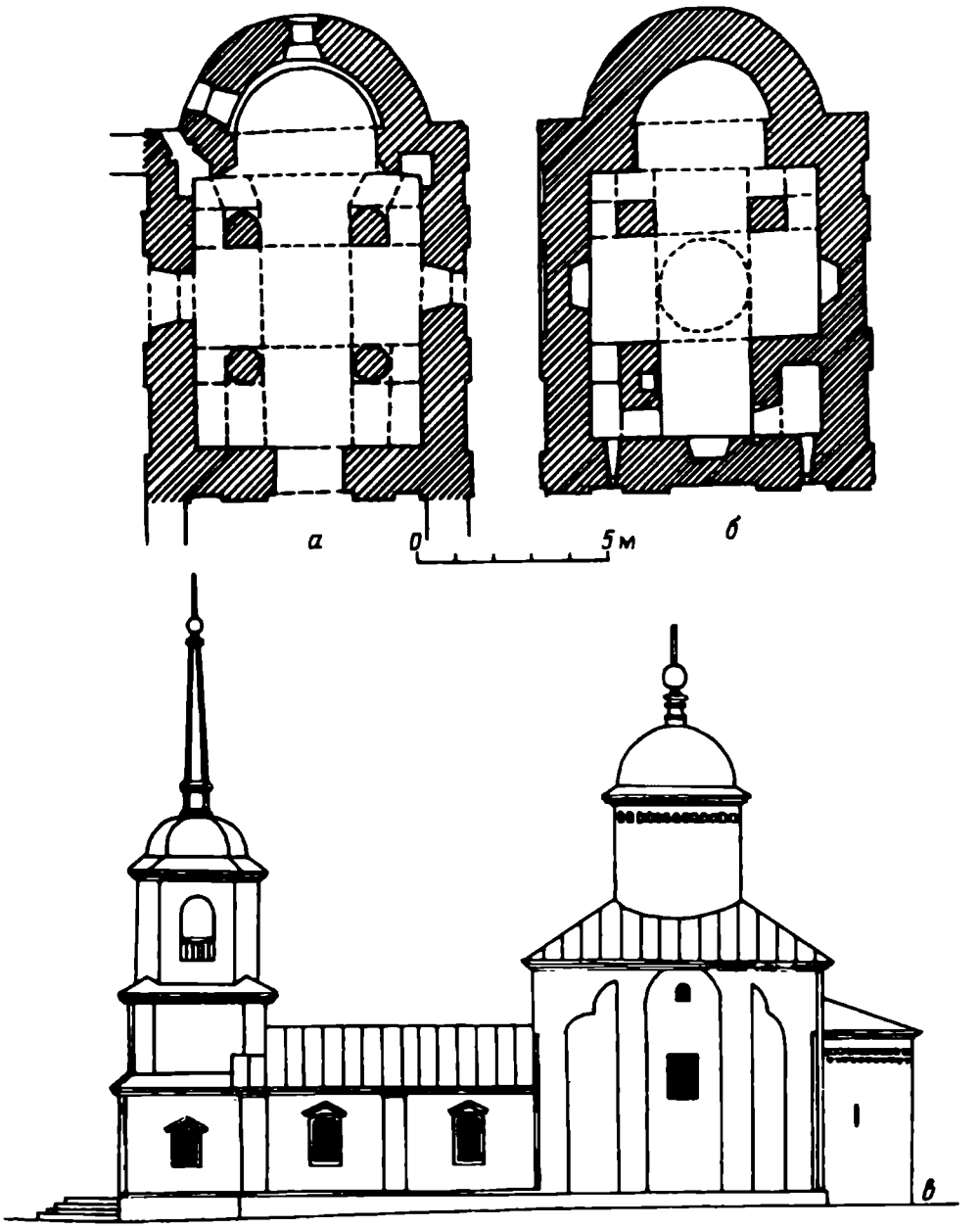


Рис. 7. Церковь Рождества Богородицы в Новой Уситве. *а* — план; *б* — план по хорам (обмеры И. И. Целикова и В. А. Лебедевой — архив АРМ-4); *в* — южный фасад. Чертеж 1881 г.

к размерам храмов «группы Выбут». Сочетание размеров новой церкви, вероятно поставленной на месте прежней, и изображения на рисунке Мейерберга (рис. 8) (где изображен одноабсидный храм с восьмискатным покрытием, одной главой и звонницей под южной стеной) дают основания для причисления Печек к той же группе, так как одноабсидность в сочетании с малыми размерами являются одной из ее отличительных черт. Церковь Георгия в Печках 1483—1484 гг., вероятно, наиболее поздний храм исследуемой группы — 1484 год служит верхней границей развития описываемых форм в Псковской земле. Некоторые черты храмов группы Выбут в 1484—1485 гг., как уже было сказано, используются в церкви Ризоположения в Московском Кремле, построенной псковичами [13].

Описанная группа храмов («тип Выбут») представляет отдельную, «боковую ветвь» псковского зодчества. Хронологически она принадлежит, видимо, 70—80-м годам XV в. и, может быть, заполняет лакуну в летописных сообщениях о строительстве в 1473—1483 гг. Территориально все храмы расположены в долине

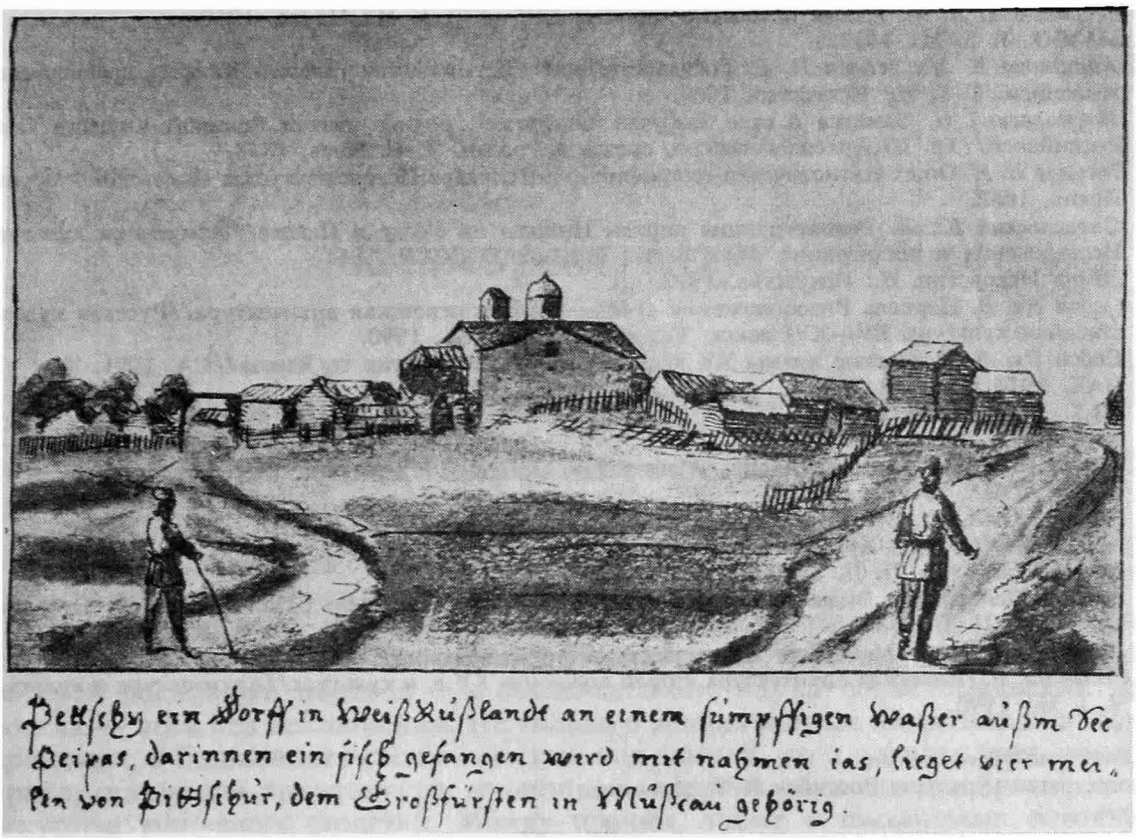


Рис. 8. Церковь Георгия в Печках, 1484 г. Рисунок Мейерберга

или на левобережье Великой в окрестностях Пскова и построены в погостах. Возможно, заказчиками храмов были бояре, одна из групп которых обладала близкими художественными вкусами. «Тип Выбут» в дальнейшем не получил продолжения, а такие его черты, как одноабсидность в сочетании со «слитыми сводами», позднее нигде не встречаются. Уникальной для Пскова является и высота (относительно модуля) храмов этого типа. Происхождение описанных четырех храмов можно реконструировать как процесс сочетания одновременных новгородских черт (описанных выше) и традиционно псковских форм: коробовых сводов в угловых компартиментах, «слитых сводов», восьмискатного покрытия. Хотя сам «тип Выбут» не получает продолжения, его система сводов используется в более поздней по времени группе храмов Георгия со Взвоза (1480—1490-е годы) [14]. Влияние «группы Выбут» на сложение каноничного типа псковского храма не очень велико, хотя именно здесь сформировались многие формы фасадной декорации. Особенность решения алтарной части и своды без подпружных арок создают определенную обособленность типа. Наиболее важным представляется определенный аристократизм интерьеров сохранившихся памятников, тонко прочувствованные соотношения малых физических размеров и вертикализма пространства. Необычная изысканность интерьера храмов в Выбутах и Новой Уситве позволяет говорить об интеллектуальном течении в псковской архитектурной школе второй половины XV в. [25, с. 88—92].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Седов Вл. В.* Типология каменных храмов псковских погостов//Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 1986.
2. *Седов Вл. В.* Происхождение и становление псковской архитектурной традиции: Автореф. дис. ... канд. искусств. наук. М., 1989.
3. ПСРЛ Т. XXI. Ч. 1. СПб., 1889.
4. ПЛ. Вып. 2. М., 1955.
5. ПЛ. Вып. 1. М.; Л., 1941.

6. *Марасинова Л. М.* Новые псковские грамоты XIV—XV вв. М.: Наука, 1960.
7. МАМЮ. Т. 5. М., 1913.
8. *Антонова В. Н., Мнева Н. Е.* Государственная Третьяковская галерея. Каталог древнерусской живописи. Т. I. М.: Искусство, 1963.
9. *Богушевский Н.* Заметка о селе Выбутах (Лыбутах), родине святой Великой Княгини Ольги Российской//Тр. III Археологического съезда в России. Т. II. Киев, 1878.
10. *Василев И. И.* Опыт статистическо-географического словаря Псковского уезда Псковской губернии. Псков, 1882.
11. *Спегальский Ю. П.* Реконструкция церкви Николы на Усохе в Пскове//Памятники культуры. Исследование и реставрация. Вып. 3. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
12. Земля Псковская. Л.: Искусство, 1972.
13. *Седов Вл. В.* Церковь Ризоположения (1484—1485) и псковская архитектура//Русская художественная культура XV—XVI веков. Тезисы докладов. М., 1990.
14. *Седов Вл. В.* Псковские храмы XV века круга церкви Георгия со Взвоза//СА. 1991. № 1.
15. ИАК. 1914. Вып. 48.
16. ИАК. 1914. Вып. 52.
17. ИАК. 1915. Вып. 57.
18. *Панов Н. А.* Летопись г. Острова и его уезда. Остров, 1913.
19. Архив ЛОИА. Ф. 29. Д. 423.
20. Архив ЛОИА. Ф. 29. Д. 102.
21. Архив ЛОИА. Дела Археологической комиссии. 1912. Д. 271.
22. Архив ЛОИА. Р. III. Д. 5470.
23. Альбом Мейерберга. Виды и бытовые картины России XVII века. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1903.
24. *Аделунг Ф.* Барон Мейерберг и путешествие его по России. СПб., 1827.
25. *Седов Вл. В.* Псковская архитектура второй половины XV в. и культура//Архитектура и культура. Ч. I. М., 1990.

Институт искусствознания
Министерства культуры Российской Федерации,
Москва

SEDOV VL. V.

THE TEMPLES OF VIBUT GROUP FROM PSKOV

Summary

The article is devoted to the temples of XV century which the author named «Vibut type». This type is named on the best monument — church of Prophet Iliya in Vibut country church-yard. This temple and the church of Christmas of Virgin in Novaya Usitva are refined in architecture and aristocratic in spirit. These monuments take up a special place in Pskov architectural school. Special attention to interior, the vault without arches, little dimensions, one absida are the peculiarities of these temples. To this type one can refer the churches of St. George in Kamno and the destroyed temple of St. George on Pechki of 1484. The date of Vibut group is between 1471 and 1484. This type influenced on the temples of St. George on Vzvoz church.

История науки

С. П. ЩАВЕЛЕВ

ЭПИЗОДЫ ИСТОРИИ РУССКОЙ АРХЕОЛОГИИ

(К 150-летию со дня рождения Д. Я. Самоквасова)

Археология в архивах

В прошлом веке понятие «археология» использовалось в гораздо более широком значении, нежели сегодня. Тогда этому термину давался в России по сути дословный перевод — «древлеведение», наука об исторических древностях — всех без исключения. Не только о вещественных памятниках далекого прошлого, в большинсте своем скрытых под землей, но и о фольклоре, обычном праве, старинной архитектуре, иконописи и других образцах изобразительного искусства минувших столетий. Между прочим, также о письменных источниках древней истории, в том числе — архивных документах. Так, Н. И. Костомаров в 1875 г. называл «археологическим занятием» «чтение старых бумаг» [1, с. 446]. Археологами в ту пору именовали как тех, кто начинал с научными целями раскапывать городища и курганы, так и собирателей книжных раритетов, знатоков старинных рукописей. Например, «археологом-юристом» звался известный историк права и архивист Н. В. Калачов, единожды в жизни вывезенный учениками по Археологическому институту на раскопки, и то в роли пассивного наблюдателя.

Упомянутый институт в Петербурге, равно как и открытый позже аналогичный в Москве, готовили сначала почти исключительно, а затем по большей части архивных работников. На всероссийских археологических съездах, организовывавшихся А. С. и П. С. Уваровыми на базе Московского археологического общества, как правило, выделялась секция архивоведения или археографии [2]. Одни и те же, столичные ли, провинциальные ли, историко-археологические общества и организации до революции сочетали разработку вещественных и письменных памятников старины.

Закономерный процесс углубления специализации в гуманитарном познании со временем сузил понятие археологии, привел к более строгому разграничению специальных исторических дисциплин. Одни из них сохранили тесные связи с археологией в современном смысле этого слова (науки об ископаемых в основном памятниках человеческой истории). В проведении раскопок и особенно при обработке, интерпретации их результатов активно участвуют ныне представители естествознания и искусствоведения, специалисты по нумизматике, топонимике и многим другим «вспомогательным» отраслям собственно исторического знания.

Что касается архивистов, то их нынешние связи с археологами не столь прочны. Тему «Археология и архивы» впервые проанализировал в специальной статье А. А. Формозов [3]. В этой работе, до сих пор остающейся единственной в своем роде, показано, что роль архивов по отношению к археологии за

© С. П. Щавелев, 1993 г.

последнее время чаще всего сводится к сохранению полевой документации произведенных раскопок и выдаче ее при необходимости для дальнейшего изучения. Остальные интересные для археологов сведения — об уничтоженных еще до методичных раскопок или попросту забытых памятниках, по истории самой археологии как науки — далеко не всегда фиксируются архивистами, весьма выборочно отражаются в каталогах и путеводителях центральных и областных архивов. Архивисты очень редко публикуются в археологических изданиях [4]. Со своей стороны археологи еще реже выходят при своих архивных штудиях за рамки собственных, достаточно специальных сюжетов. Как правило, их интересует историография отдельных памятников. Между тем забвение множества остальных документальных материалов по истории археологии значительно обедняет, а порой искажает наши представления о путях развития отечественной науки и культуры.

Возможности и перспективы архивных разысканий на археологические темы можно продемонстрировать на достаточно показательном примере человека, посвятившего первую половину своей жизни полевой археологии, а вторую — архивному делу. Его творческое наследие, научная биография могут быть адекватно представлены только с обеих этих позиций, к тому же при непременном сочетании печатных источников с архивными документами.

Эпистолярный архив Д. Я. Самоквасова: историографическая и археографическая справка

Дмитрий Яковлевич Самоквасов (15 (27) мая 1843 — 5 (18) августа 1911) — известный ученый и общественный деятель пореформенной и предреволюционной России; историк права, археолог и архивист. Общебиографические сведения о нем вошли во всевозможные энциклопедии. Различные оценки его взглядов и всей личности оставлены целым рядом современников-мемуаристов [5; 6, с. 333; 7, с. 273—275; 8, с. 162, 163, 169]. Напомним только, что перед нами первоисследователь Черной Могилы и прочих черниговских курганов, давших древности, эталонные для восточнославянской цивилизации на исходе язычества, а также множества других археологических памятников разных времен и народов по всей европейской территории нашей страны. Он — один из основоположников научной методики раскопок, инициатор массового учета, картографирования и охраны объектов археологии [9, 10].

Не менее знаменит Д. Я. Самоквасов и как руководитель крупнейшего в свое время хранилища древних актов — Московского архива министерства юстиции (МАМЮ), публикатор и исследователь ценнейшего архивного материала эпохи Московского царства, автор нашумевших проектов реформы архивного дела в России [11, 12]. Хотя эта сторона его энергичной деятельности вызывала и вызывает разноречивые отзывы, от восторженных до острокритических, представить историю русских архивов без столь колоритной фигуры невозможно.

С явным запозданием, но опубликованы или находятся в печати специальные исследования отдельных аспектов его исключительно разносторонней и удивительно плодотворной работы. В довольно активном (для столетней давности публикаций) научном обороте находятся его капитальные труды по истории, археологии и архивному делу. Автор издавал их, как правило, вскоре после написания. Несколько рукописей, найденных в его рабочем столе после кончины, выпустила в свет вдова — Т. В. Самоквасова при помощи учеников и последователей профессора как «посмертные издания». Составленная нами библиография печатных работ этого автора за 1869—1917 гг. включает более 200 наименований и близка, по всей видимости, к исчерпывающей.

Переписка же Д. Я. Самоквасова, за единичным исключением [13, с. 304—305], напротив, никогда не публиковалась. В значительной своей части она осела в различных архивах — всесоюзных, республиканских и областных, разошлась по

фондам отдельных лиц, научно-просветительских организаций и обществ, с которыми ученый длительное время контактировал. Поэтому выражение «архив Д. Я. Самоквасова» используется нами в собирательном, переносном значении. Работая над биографией профессора, мы смогли выявить и скопировать немало писем его и к нему, представляющих, думается, известный, больший или меньший, источниковедческий, историографический интерес сегодня. Их оригиналы хранятся в ЦГАДА (преемнике МАМЮ), ЦГИА России, ЦГИА Санкт-Петербурга и Москвы, рукописном архиве ИИМК РАН, отделах рукописей Российской гос. библиотеки (ранее ГБЛ) и ГПБ, госархивах Черниговской и Курской областей.

Особо нужно сказать о крупнейшей подборке писем ученого (главным образом адресованных ему посланий), находящейся в ОПИ ГИМ. Жертвуя в 1892 г. свою уникальную коллекцию археологических древностей Историческому музею на Красной площади Москвы, профессор заодно передал туда же печатный каталог своих находок [14], оригиналы полевых дневников [15] и иллюстрации к ним — рисунки, фотографии, чертежи [16], а кроме того, всю накопившуюся у него переписку на археологические темы. Однако в нынешнем архивохранилище музея нам удалось обнаружить только писарские копии этой последней документальной коллекции. Судя по оформлению титульного листа соответствующего архивного дела, ее в 1916 г. готовил к публикации (под названием «Археология в переписке Д. Я. Самоквасова») И. Я. Стеллецкий — земляк профессора, а одно время и сотрудник его по архиву на Девичьем поле. Судя по редакторским пометкам и исправлениям, выполненные тогда копии писем были тщательно сверены с оригиналами, которые, скорее всего, уже не сохранились. Задуманное почитателями Самоквасова издание большей части его переписки не состоялось из-за перипетий революции и гражданской войны, от коих Стеллецкий скрывался в родной украинской глубинке [17].

Какая-то, вероятно, уже меньшая часть самоквасовской эпистолярии из других архивов остается нам, а то и кому бы то ни было неизвестной. Это связано, прежде всего, с отсутствием именных указателей к содержимому большинства советских архивохранилищ. А ведь часто само письмо находится в одном фонде или архиве, а ответ на него — в другом.

Круг корреспонденов Д. Я. Самоквасова весьма широк и приближается в общей сложности к 100 персонам. Среди них и заметные фигуры государственной, общественной жизни России конца XIX — начала XX в. (к примеру, целый ряд министров — С. Ю. Витте, В. К. Плеве, Д. С. Сипягин и др.), и множество выдающихся ученых того времени, представителей разных областей гуманитарного знания в нашей стране и за рубежом (кроме упоминаемых в документальной части настоящей публикации, это И. Д. Беляев, М. М. Богословский Н. И. Веселовский, В. И. Герье, И. Е. Забелин [18], Д. И. Иловайский, Адам Киркор, Н. П. Лихачев, Готфрид Оссовский, Йозеф Пич, И. И. Толстой, И. В. и Д. В. Цветаевы. Клим Чермак, Д. И. Яворницкий и мн. др.). По-своему характерны послания и гораздо более скромных особ — краеведов-любителей, начинающих археологов из провинции, искавших совета, моральной и материальной поддержки у маститого профессора и всегда находивших и ту и другую. Перед нами не только историко-научный, но и своего рода историко-социологический срез отношения разных классов, сословий, поколений российского общества, даже краев и областей страны, к зарождению на отечественной почве научной археологии, к вопросам культуры и просвещения вообще.

Весьма примечательно, что в оказавшихся нам доступными письмах Самоквасова и к нему почти не находится места для обсуждения бытовых, вненаучных проблем. Речь в основном идет там об исследовательских замыслах, археологических экспедициях и находках, университетских, архивных и музейных занятиях. Зато и общественно-политический фон того времени фактически не просматривается в этой переписке. Лишь изредка сдержанно посетует графиня П. С. Уварова на «неспокойные времена» в разгар декабрьского вооруженного

восстания 1905 г. в Москве, да еще кто-нибудь из археологов поделится опытом проведения раскопок в крае, охваченном крестьянскими волнениями в тот же период. Что же, каждому — и пушкам, и музам — свое. Революционным событиям и персонажам долго отдавался приоритет в советской историографии.

В историографическом плане особенно ценно, что на страницах частных писем, в том числе самоквасовских, запечатлялись такие стороны научных исследований, те мотивы поведения отдельных ученых и позиции целых исследовательских школ, направлений, которые довольно редко обнаруживались в их печатных трудах и даже в посвященных им мемуарах. Образцом этого могут служить приводимые далее письма председателей Императорской археологической комиссии С. Г. Строганова и А. А. Бобринского. Лет 100 назад было принято письменно уведомлять о многом из того, что ныне доверяют телефону или просто оставляют без особого отклика при межличностном общении.

Неизвестная доселе переписка выдающегося ученого-историка может быть интересна и практически полезна теперешним археологам, архивистам, музейным работникам. Кроме того, нельзя забывать о нашем нравственном долге прислушаться к давным-давно отзвучавшим, но, по счастью, запечатленным на бумаге голосам своих достойных предшественников. В мае 1993 г. исполняется 150 лет со дня рождения Д. Я. Самоквасова. Для русской археологии это знаменательная дата. Вводя в научный оборот еще одну часть творческого наследия ученого-патриота, мы отдаем подобающую ему дань памяти.

По всем высказанным соображениям переписка Д. Я. Самоквасова заслуживает отдельного издания. Настоящая публикация носит предварительный, ознакомительный характер. Для нее отобраны лишь некоторые из представляющих наибольший интерес именно для истории археологии документов. Они сгруппированы здесь в хронологическом порядке и представляют ряд основных, многолетних корреспондентов профессора.

Тексты писем публикуются согласно правилам современной грамматики. В некоторых случаях сохранены стилистические причуды оригинала. Произведенные нами незначительные сокращения касаются только малоинформативных, главным образом этикетно-трафаретных и повторительных фрагментов. Данные купюры обозначены отточием в квадратных скобках — [...]. Они никак не влияют на понимание читателем содержания соответствующего документа. Минимальные разъясняющие добавления составителя взяты в квадратные скобки — [ ]. Замыкающий публикацию комментарий сведен к минимуму, касается в основном фигурирующих в переписке и известных составителю лиц.

При подготовке рукописей к печати целый ряд необходимых разъяснений внес А. А. Формозов, за что мы ему весьма признательны.

Письма

1. Д. Я. Самоквасов — А. С. Уварову. 2 июня 1876 г. Варшава — Москва.

Ваше сиятельство Алексей Сергеевич!

Целую неделю ждал Вас, но, к великому моему сожалению, не дождался. Хотел было сообщить Вам некоторые соображения по поводу моих находок (каменных орудий и языческих могил) в здешнем крае; приходится отложить это сообщение до осени. А. И. Павинский покажет Вам коллекции древностей в Варшаве, из которых наиболее интересны коллекции г-на графа Завиши (он очень желал познакомиться с Вами и просил меня известить его, когда Вы приедете в Варшаву и где остановитесь), Пржиборовского и Подчашинского. Если пожелаете осмотреть мою коллекцию, то потрудитесь обратиться в университет, к заведующему студенческой читальней Петру Ульяновичу Пальцову (которому я оставляю ключи от витрин); но, к сожалению, моя коллекция в настоящее время находится в худом, временном помещении и в большом беспорядке, потому что в прежнем помещении-де идут поправки. Уезжаю в Пол-

тавскую губернию для продолжения исследования курганов и городищ земли северян. Если с Вами семейство Ваше, то покорнейше прошу передать от меня нижайшее почтение.

Всем сердцем преданный Ваш слуга — Д. Самоквасов.

Жена моя передает Вам и семейству Вашему искреннейшие уверения.

ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 351. Л. 57—58. Автограф.

2. А. С. Уваров — С. Г. Строганову. 29 апреля 1877 г. Москва — Петербург.

Раскопки некоторых курганов, произведенные членами [Московского Археологического] общества Самоквасовым и Кибальчичем в губерниях Киевской, Черниговской и Полтавской, уже доставили значительное количество в высшей степени замечательных предметов, раскрывающих своеобразные обряды погребения и бытовые обычаи древнейших насельников этих местностей. Найденные в курганах предметы из бронзы, серебра и даже золота нередко отличаются красотой отделки и отчасти даже напоминают вещи, извлеченные из кургана Перепетиха Киевской губернии. Так как все эти памятники могут пролить новый свет на древнейшие племена, обитавшие в России, и имеют важное значение для разъяснения первых веков нашей истории, то Московское археологическое общество препоручило мне ходатайствовать перед Вашим сиятельством, не благоволит ли Императорская археологическая комиссия назначить какую-либо сумму на снаряжение ученой экспедиции для раскопки курганов в поименованных губерниях. С своей стороны я мог бы указать на некоторых специалистов из числа членов Общества, которые с полной готовностью приняли бы на себя исполнение такого поручения. [...].

Рукописный архив ИИМК. Ф. 1. Оп. 1877 г. Д. 4. Л. 6—6 об. Автограф.

3. С. Г. Строганов — А. С. Уварову. 3 августа 1877 г. Петербург — Москва.

Милостивый государь, граф Алексей Сергеевич!

На письмо Вашего сиятельства от 28 апреля с. г. за № 108 имею честь уведомить, что, не желая отвлекать средств, дарованных Императорской археологической комиссии, от прямой их цели — от раскопок в окрестностях Керчи и на Таманском полуострове, я не считаю возможным принять деятельное участие в предполагаемых Московским археологическим обществом изысканиях в губерниях Киевской, Черниговской и Полтавской.

Примите, милостивый государь, уверение в моем уважении и совершенной преданности. [...].

Там же. Л. 7. Черновой автограф.

4. А. П. Богданов — Д. Я. Самоквасову. Без даты (вскоре после 12 мая 1877 г.). Москва — Варшава.

Милостивый государь Дмитрий Яковлевич!

При свидании нашем в Москве Вы сочувственно отозвались об Антропологической выставке, предполагаемой Обществом [любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете] в 1879 г., и изъявили готовность оказать содействие устройством моделей Ваших раскопок и манекенов в полном одеянии курганных людей. В настоящее время Комитет [по устройству Антропологической выставки] организовался, и на первом же заседании мне было поручено просить Вас приступить к исполнению предположенного. В Варшаве, вероятно, существуют хорошие скульпторы, и потому затруднений в технике быть не может. Модели желательно иметь такой формы, чтобы костяк был около 6 вершков, не менее. Что касается до частностей передачи, то Вы это лучше знаете, чем кто-либо на основании собственного близкого знакомства с раскопками. Желательно только, чтобы модель иллюстрировала вполне все частности и резко отражала всю картину раскопок. Комитет предполагает частью

своего заготовленного материала участвовать на парижской выставке 1878 г., устраиваемой Парижским обществом антропологии. Он желал бы, чтобы и Ваши модели (хотя не все) участвовали в общем собрании Комитета, если Вы изъявите на то свое согласие. [...] Если поставить все, то это отнимает новизну у нашей выставки 1879 г. [...] Изъявите ли Вы желание принять звание уполномоченного для Привислянского края по устройству Антропологической выставки по ее утверждении (окончательном) начальством?

[...] Какую программу Вы считаете достаточной для того, чтобы с полнотой, конечно относительной, обставить на выставке Привислянский край и Белорусский как в доисторическом, так и в антропологическом отношении? [...]

На чье участие можно рассчитывать в Привислянском крае и можно ли надеяться на экспонентов и на обогащение музея вещами по этому краю? [...]

Ваш А. Богданов.

P. S. Севрюгин сделал одну модель кургана для нас и полагает им цену от 15 до 25 рублей за каждую, смотря по сложности. Очень сложные будут, конечно, еще дороже.

ОПИ ГИМ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 26. Л. 71—73. Писарская копия.

5. С. И. Веребрюсов — Д. Я. Самоквасову. 9 октября 1879 г. Керчь — Варшава.

Достойнейший и любезнейший Дмитрий Яковлевич!

Несколько дней, проведенных нами вместе на земле древней Фанагории, земле меотов, скифов, аспургов etc., доставили мне редкое удовольствие узнать в особе Вашей добрейшего истинно русского человека и пользоваться Вашей дельной и умной беседой.

Теперь раскопки наши окончены (14 сентября) на текущий год и, мне кажется, нелишним будет сообщить Вам о результатах наших работ, усилий и ожиданий. [...] Как помните, работы близ станции Сенной были уже в ходу, когда мы вместе прибыли (13 августа) в казенный дом. После отъезда Вашего мы [...] вскрыли три малых и три больших кургана — все оказались опустошенными, досталась нам добыча самая скудная. Облюбованный Вами курганчик оказался также пустым. [...] Одновременно я продолжил исследование в кургане Тизенгаузена, сделал в нем несколько раскопок, несколько минных галерей, преследуя стески строительного камня, нашел две земляных гробницы на восточной стороне с незначительным содержанием: два-три золотых листочка да монетка медная; впрочем, монета Левкона; наконец, принялся испытывать свободные промежутки между раскопками в полах [кургана] посредством буровых скважин и вообразите ... Но позвольте пока остановить полет Вашего воображения ... Припомните ту замечательную каменную гробницу с преддверием, которую Вы срисовали в свою книжечку и измерили; представьте себе, что всего в одной сажени влево от входа в этот склеп мне удалось в сентябре сперва нащупать буром, а потом открыть гробницу, сделанную не сводом, а сложенную из известковых плит (4 вершка толщиной) в виде ящика, 11 четв. аршин длиной и до 5 четв. шириной; прикрытую сверху двумя широкими плитами: она оказалась уцелевшей, а в ней нашли замечательные в археологическом отношении и драгоценные украшения похороненной здесь древней эллинской барыни и, кроме того, разные вещи, так сказать, домашнего обихода. [...] Как только прошел слух о находке, со всей окрестности, от Тамани до Темрюка, пустились визитаторы ... 14 сентября мы возвратились домой, выставили вещи пока в витрине под стеклом, множество посетителей, местных и приезжих, до сих пор осаждают музей. Но вещи на днях будут отправлены в Питер-град. В № 214 «Одесского вестника» некто Керчанка, не рассмотрев хорошо и не справясь откуда и как, тиснула неверное и бестолковое описание находок — надо будет исправить ... Легко можете представить себе, как находки эти меня обрадовали: такая добыча едва ли не в десять лет один раз попадает в руки. По этому поводу я и пишу к Вам при

искреннем желании моем поддерживать хоть перепиской наше знакомство, а может быть, и свидимся когда в Крыму ...

Напишите же и мне, как Вы возвратились к месту, как поживаете, довольны ли покупками [древностей] в Керчи [...]. Я постараюсь попридержать и для Вас что-нибудь новое ...

Вещи, найденные в гробнице 6 сентября 1879 г. близ станции Сенной на Таманском полуострове: золотая диадема с гранатовой инкрустацией, две золотых серьги, золотое шейное кольцо, золотой медальон, золотая булавка, золотые цепочки, два золотых ожерелья, монисто из сердолика, два золотых браслета, три золотых перстня, четыре золотых бляхи от пояса, серебряный сосуд, серебряный подсвечник, серебряные коробочки, солонка, веретено, ложки, бронзовое зеркало + глиняная посуда.

Подробное описание будет помещено в отчете [ИАК] года через два-три!

ОПИ ГИМ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 25. Л. 145—146, 141, 143. Писарская копия.

6. Н. В. Калачов — Д. Я. Самоквасову. 28 июля 1880 г. Петербург — Варшава.

[...] Отправляясь в июле месяце на раскопки в Тверской и Новгородской губерниях со слушателями Археологического института, я, между прочим, узнал, что владелец земли близ деревни Рашина Бежецкого уезда, на которой есть курганы, генерал Георгий Петрович Власов, предоставил Вам раскопку этих курганов, ожидает Вас нынешним летом к себе и потому заявил своему соседу, моему хорошему знакомому, что он желал бы знать, не позволите ли Вы разрыть нам часть этих курганов, ибо без Вашего разрешения он считает себя связанным.

Имея в виду, что наши интересы совершенно тождественны, обращаюсь к Вам, многоуважаемый Дмитрий Яковлевич, с покорнейшей просьбой уведомить меня, когда Вы будете у означенного генерала Власова и не могут ли слушатели Института, если не принимать участие в Ваших раскопках, то быть свидетелями Вашей методики раскопок и видеть при разрытии разные части расположения предметов, какие могут быть найдены в кургане. В научном отношении Вы оказали бы им этим своим дозволением величайшее одолжение. [...]

Со своей стороны я был бы очень рад, если бы Вы нашли возможным принять участие в тех раскопках, которые производить мы имеем или будем иметь надлежащее разрешение. [...]

ОПИ ГИМ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 26. Л. 3—4. Писарская копия.

7. Д. Я. Самоквасов — П. С. Уваровой. 4 мая 1885 г. Варшава — Москва.

Ваше сиятельство, графиня Прасковья Сергеевна!

Давно не встречал я в газетах такого приятного известия, как телеграмма, только что прочитанная мной, гласящая об избрании Вас председателем Московского археологического общества. Теперь я спокоен за дальнейшее движение великого дела, начатого покойным графом Алексеем Сергеевичем. [...]

ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 568. Л. 78. Автограф.

8. П. С. Уварова — Д. Я. Самоквасову. 7 мая 1885 г. Москва — Варшава.

Милостивый государь Дмитрий Яковлевич!

Душевно тронута Вашими поздравлениями и пожеланиями. Я бы, разумеется, никогда не бросила деятельности, с которой сжилась и [которую] полюбила, как самого руководителя, но вместе с тем я не знаю, хорошо ли я сделала, приняв председательство. Ведь мне менее чем кому-либо желательно погубить дело, начатое графом. Я готова работать, но не судья в том, сумею ли работать на пользу всем нам дорогого дела.

Сегодня состоялось распорядительное заседание Общества, в котором Забелин избран председателем Предварительного комитета для устройства Харьковского

съезда. Вы принимали участие во всех бывших съездах, не откажите же в Ваших советах и помощи. [...]

ОПИ ГИМ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 25. Л. 65. Писарская копия.

9. В. Г. фон Тизенгаузен — Д. Я. Самоквасову. 31 мая 1891 г. Петербург — Варшава.

Многоуважаемый Дмитрий Яковлевич!

Об охранении древностей, которые могут быть найдены при постройке Феодосийской железной дороги, Археологическая комиссия официально отнеслась ко всем дистанционным смотрителям этой дороги. Гроссу поручить это дело нельзя, потому что он дышит на ладан, а новый директор Керченского музея отправится туда только в половине июня. Приходится, следовательно, по обыкновению возложить упование на Аллаха.

Ваш саманидский диргем, который я при сем возвращаю, чеканен при Насре, сыне Ахмеда, царствовавшем в 914—943 годах. Места и года чеканки на монете не видно.

Выставку нашу государь осмотрел и, по-видимому, остался ею доволен. Теперь происходит рассылка древностей по музеям.

Председатель наш в настоящее время в Керчи, где усердно копает и уже успел найти на Митридате несколько интересных вещей. Из Керчи хотел отправиться на Кавказ.

К сожалению, должен ограничиться этими немногими строками, потому, что завален казенным делом.

Искренне преданный Вам Вл. Тизенгаузен.

ОПИ ГИМ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 25. Л. 40. Писарская копия.

10. А. А. Спицын — Д. Я. Самоквасову. 24 октября 1894 г. Петербург — Москва.

Многоуважаемый Дмитрий Яковлевич!

Приношу Вам искреннюю благодарность за сведения об интересующем меня Вашем приеме раскопок. Я вполне ими удовлетворен. Нечто подобное практиковал на Кавказе Беренштам: он делал боковые выемки в кургане, куда и переваливал землю из середины его, точно так же оставляя перегородку и срезывая последнюю по мере надобности.

Мне теперь чаще и чаще приходится обращаться к Вашим работам по археологии. Как интересны Ваши раскопки в каменных кругах близ с. Новогригорьевки Екатеринославской губернии! Эта раскопка бесценна, и удивительно, что она так мало оценена. Я, между прочим, серьезно принялся за известное Вам дело Центрального статистического комитета 1873 г. Хочется с Вашего разрешения пустить в ход те сведения из него, которые еще не изданы. Но в делах есть только сведения об Архангельской и Пензенской губерниях, из которых последние даже изданы. Все собираюсь пойти в Комитет и посмотреть, что у них осталось. Вообще я довольно ретиво принялся за археологические дела; не знаю, что из этого выйдет.

Остаюсь с искренним уважением Вашим слугой и почитателем. А. Спицын.

ОПИ ГИМ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 25. Л. 131, 134. Писарская копия.

11. П. С. Уварова — Д. Я. Самоквасову. 21 декабря 1905 г. Москва.

Любезный Дмитрий Яковлевич!

Времена наступили такие неспокойные и тяжелые, что приходится п о к а не собирать Предварительного комитета по Черниговскому съезду. От министра получено разрешение собираться, когда найдем то более удобным. Но вместе с тем не следует, как мне кажется, опускать руки и откладывать работу и потому позволяю себе обратиться к Вам как к человеку, больше других поработавшему

в Черниговской губернии, чтобы просить Вас за время праздников, когда Вы освободитесь от работ по архиву, обдумать план работ будущего съезда и начертать наш план действий и раскопок, которым мог бы руководствоваться как наш московский Предварительный комитет, так и местный черниговский. Указания Ваши необходимы и желательны потому, чтобы направить работы на прямую научную деятельность, а не пускать наших пустозвонов снова в область казацко-малороссийской фантазии.

Очень надеюсь, что Вы, с Вашей обыкновенной отзывчивостью и готовностью поработать на пользу родной науки, не откажете в просимом; я же пока от души шлю Вам и жене Вашей наилучшие пожелания по возможности спокойных и приятных праздников.

Может быть, на свободе все приведя в порядок, и доставите мне для печатания тот археографический материал, который предназначаете для печатания в Трудах Екатеринославского съезда.

ОПИ ГИМ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 25. Л. 109—110. Писарская копия.

12. И. Е. Евсеев — Д. Я. Самоквасову. 23 мая 1906 г. Орел — Москва.

Глубокоуважаемый Дмитрий Яковлевич!

Орловское Церковное историко-археологическое общество и Орловская ученая архивная комиссия свидетельствуют Вам глубокую благодарность за истинно ученую отзывчивость Вашу на просьбы о научной поддержке этим учреждениям по предмету о раскопке курганов в вятичской области. Ваш приезд и Ваше оживленное, обстоятельное и глубоко продуманное слово влили свежую струю в наш провинциальный мирок и он, слава Богу, зашевелился. На следующий день после Вашего отъезда я получил по телеграфу извещение о случайной находке в 13 верстах от города Орла в деревне Черемисинове, о которой говорил Вам 21 мая. Судя по словам ближайших соседей к этой местности, там следует предполагать городище: есть вал, въезд или ворота. Два из слушавших Вас членов комиссии 24 мая поедут в Черемисиново, чтобы проверить сообщение, снять фотографию, произвести обмер. О дальнейшем мы сообщим Вам.

Думаю дело раскопок двинуть с 1 июня, до начала горячих полевых работ. [...]

ОПИ ГИМ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 26. Л. 14—15. Писарская копия.

13. В. А. Городцов — Д. Я. Самоквасову. 15 июня 1906 г. С. Бельск Зиньковецкого уезда Полтавской губ.— Москва.

Глубокоуважаемый Дмитрий Яковлевич!

Окончив исследование Бельского городища, я приступил к раскопкам ближайших курганов.

Я писал Вам, что лучшие курганы раскопаны кладоискателями майданным способом, т. е. посредством удаления земли волокушами, так что приходится поневоле раскапывать курганы малых размеров.

Всего мной раскопано 5 курганов. К несчастью, и эти курганы оказались ограблены еще в древнее время. Несмотря на это, в каждом кургане удалось найти ценные вещи. В одном кургане найден железный меч с электровой или даже золотой (точно не могу определить) рукояткой; в другом найдена массивная золотая серьга хорошей стильной работы, украшенная сканью, 18 золотых бляшек в виде треугольничков, 5 золотых бляшек-пальметок, 6 золотых бляшек-масок с изображением человеческого лица; 13 бляшек-зайчиков, бусы, бронзовые стрелы и другая мелочь. Золотые бляшки, в числе 9, найдены в третьем кургане. Решаюсь продолжать раскопки курганов этой же группы в надежде напасть на целый курган.

Судя по всем вещам, городище и исследуемые курганы принадлежат одному времени и народу.

Раскопки принимают весьма интересный характер. К сожалению, кругом очень неспокойно. У меня была забастовка рабочих с целью увеличить плату.

Я уперся. Распустил всю партию, а на другой день собрал новую, не прибавив ни одной копейки. Крестьяне бойкотируют помещиков. Волнение заметно повсюду. Но, я думаю, что нашего дела гроза не коснется.

Искренне уважающий Вас В. Городцов.

ОПИ ГИМ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 26. Л. 39—40. Писарская копия.

14. А. А. Бобринский — Д. Я. Самоквасову. 9 июля 1906 г. Петербург — Москва.

Спешу откликнуться, глубокоуважаемый Дмитрий Яковлевич, на письмо Ваше от 3 июля. Не буду рассказывать, как рад и польщен был длинным Вашим ответом. Скажу только одно: прошу не оставлять меня и впредь Вашими указаниями. Ежели где viribus unitis res parvae crescunt [1], то это в деле археологии, и ежели Вы, господа опытные исследователи, не станете отказывать в совете и помощи, то можно будет мало-помалу придти к лучшему положению вещей и сплотить археологические силы России в одно систематическое целое. Такова, по крайней мере, искренняя моя надежда. Археологическая комиссия, думаю, может в этом отношении быть полезным орудием.

Обращаюсь затем к Вашему письму. Где находятся предметы византийского искусства, найденные Вами в Александровском уезде? Вероятно, в Эрмитаже, но где именно? При этом позвольте заметить, что я не назначен директором Эрмитажа, но только председателем Археологической комиссии, посему бессилен по отношению к золотым предметам, остающимся в кладовых Эрмитажа. Могу обещать только одно, что на будущее время при распределении добытых раскопками или случайно найденных вещей между музеями России буду очень осторожен, постараюсь не разъединять находок одной и той же местности и (между нами) направлять не в Эрмитаж все то, что рискует попасть в кладовые. Московский Исторический музей еще довольно богат пустыми помещениями, чтобы найти место для новых находок на многие годы.

За последние годы моя Комиссия de facto обратилась как бы в поставщика Эрмитажа. По положению же своему ей эта роль не предписана. По закону государь сам указывает предметы, которые должны поступать в Эрмитаж. Остальные распределяются между музеями России. Как видите, простор большой, и с будущего года думаю уже вступить в этом отношении на несколько иную дорогу. К тому же я лично так пристрастился к камню и бронзе, что могу только опасаться, не придаю ли слишком много значения тому, что, может быть, до сих пор считалось, как Вы говорите, хламом.

Мысль Ваша о поручении одному из членов Комиссии специального изучения, исследования и обнародования древностей центра России (скифо-славянской) хороша бесспорно и очень, но осуществление [ее] затруднительно. Исходатайствовать что-либо новое ох как трудно! Но думаю, что ежели на предстоящем съезде удалось бы выработать нечто в виде соглашения между нашими разными археологическими обществами и учреждениями, то можно было бы в принципе и решить, где сосредоточить собирание сведений и исследование Центральной России и возложить издание этих материалов хотя бы на Археологическую комиссию, открыв широко ее двери всем заинтересованным в деле и желающим сотрудничать в нем. Следовало бы выработать план, поставить более или менее определенные рамки (а то скифы-сарматы-славяне простираются чуть не от Кавказских гор до Финского залива), отметить те вопросы, на которые желательно получить ответы, и затем приступить к делу, издавая это сочинение хотя бы более или менее срочными выпусками. Все это требует, конечно, дружного обсуждения на съезде. Возможно ли это?

Вы пишете, что думаете навестить нашу Смелу. К крайнему сожалению, я не могу там быть до октября месяца, а без меня Вам никто ничего не покажет и не расскажет, так как я один в семье занимаюсь археологией и никто другой

[1] От соединения сил растут и малые дела (лат.).

ничего о моих раскопках не знает и передать не сумеет. К тому же почти все мое собрание в Петербурге, где я собираюсь его издать в виде приложений к отчетам Археологической комиссии. Такие приложения будут первым шагом к новому направлению в трудах Археологической комиссии. Это мое издание явится в свет не ранее будущего года. Ежели Вам нужны подробные сведения о моих раскопках, то я могу Вам выслать мои дневники в грубом виде, хотя и переписанные более или менее начисто, потому удобные для прочтения. Только предупреждаю — это несколько тетрадей. Раскапывал я очень добросовестно, следуя точно Вашей инструкции (печатной), около 60 курганов и нашел много интересного: каменные орудия всякого рода; бронзовые предметы; многие глиняные урны и горшки; железо; костяные вещи; наконец, некоторые предметы греческого искусства (терракотовый сосуд, зеркало, золотые бляшки и т. п.) и, между прочим, костяной набалдашник палки, искусно выделанный в виде львиной головы, и прекрасный цилиндр из халцедона с отлично гравированным на нем конем (при седле), над которым гравирована египетская или ассирийская фигура известного типа [...]. Все это ясные указания на обширные торговые сношения, но какого времени? Кажется, все это древнее монет, находимых крестьянами на полях; из них именно: Антонина, Фаустина и Птолемея (incertum [2] который именно).

Наконец, мной приобретено собрание предметов из курганных раскопок в Полтавской губернии, где также встречаются образчики греческого искусства. Эти раскопки (полтавские) будут предметом другого прибавления к изданиям Археологической комиссии, но и о них могу Вам доставить подробные сведения, ежели пожелаете.

На этом заканчиваю это послание. Ежели оно несколько затянулось, не взыщите. Ежели оно застигнет Вас на раскопках, то позвольте от души пожелать Вам успеха — или вернее — прежнего успеха.

Примите уверения в искреннейшем уважении и преданности — А. Бобринский.

ОПИ ГИМ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 26. Л. 102—106. Писарская копия.

15. Н. Е. Макаренко — Д. Я. Самоквасову. 14 сентября 1908 г. Петербург — Москва.

Глубокоуважаемый Дмитрий Яковлевич!

[...] Заслуженное обвинение Эрмитажа и Исторического музея, на мой взгляд, выражено [в брошюре Д. Я. Самоквасова «Раскопки древних могил и описание, хранение и издание могильных древностей». М., 1908] в слишком деликатной форме. Их столь варварское обращение с материалом-первоисточником, свидетелями которого нам, к большому сожалению, приходится быть, заслуживает возможно резкого и беспощадного обвинения, ибо подобные проступки [...] по отношению к науке не должны проходить без нравственного возмущения. Одно могу сказать об Археологической комиссии, что она менее всего виновата, так как Эрмитажу предоставлено право заниматься выборкой вещей для своих коллекций из вещей, ежегодно доставляемых из различных раскопок в Комиссию. Да, незавидное положение наших первоисточников знаний исторических-археологических... [...]

Глубоко уважающий Вас, Ваш покорный слуга Н. Макаренко.

ЦГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 781. Л. 18—19 об. Автограф.

16. А. А. Спицын — Д. Я. Самоквасову. 2 сентября 1908 г. Петербург — Москва.

Многоуважаемый Дмитрий Яковлевич!

Нижайше прошу не забывать меня Вашими последними археологическими капитальными изданиями.

Ваш покорный слуга и почитатель А. Спицын.

---

[2] Неизвестный (лат.).

ЦГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 782. Л. 48. Автограф.

17. А. А. Спицын — Д. Я. Самоквасову. 28 сентября 1908 г. Петербург — Москва.

Многоуважаемый Дмитрий Яковлевич!

Приношу искреннюю благодарность свою за высланные мне Ваши великолепные издания трудов о Ваших раскопках и другие Ваши издания. Это выдающееся явление в русской археологии последнего времени, один из ее основных камней.

Прошу Вашего разрешения воспользоваться рисунками Вашими для подготавливаемого мной руководства к производству раскопок.

Преданный Вам А. Спицын.

ЦГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 782. Л. 49. Автограф.

18. Л. Нидерле — Д. Я. Самоквасову. 12 января 1909 г. Прага — Москва.

Весьма уважаемый г. Директор!

От имени этнографического и археологического института Чешского университета позволяю себе обращаться к Вам с покорной просьбой,— нельзя ли Вам даром прислать свои новые издания о северянских могилах и [Северянской] земле. Пособие нашего института столь незначительно, что он не может много жертвовать для покупки книг, и все-таки очень желаем иметь все важные издания по славянской археологии.

По этой причине я приношу просьбу свою Вам, весьма уважаемый господин Директор, и прошу принять уверение в моем глубоком уважении и искренней преданности. Л. Нидерле.

ЦГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 781. Л. 2. Автограф.

Комментарии

1

Граф Алексей Сергеевич Уваров (1825—1884) — один из основоположников научной археологии в нашей стране, создателей Русского (в Петербурге) и Московского археологических обществ, инициатор и первый руководитель Исторического музея в Москве и всероссийских археологических съездов.

Станислав-Адольф Иванович Павинский (1840—1897) — профессор всеобщей истории Варшавского университета, археолог и коллекционер древностей.

Граф Ян Казимир Завиша (1820—1887) — варшавский археолог, владелец музея первобытных древностей, участник ряда международных археологических конгрессов.

Болеслав Подчашинский, Иосиф Пржиборовский — варшавские археологи, собиратели древностей, в особенности каменных орудий древнего человека.

О домашнем собрании древностей, демонстрировавшемся семьей Самоквасовых всем желающим, см. [19, 20].

2—3

Граф Сергей Григорьевич Строганов (1794—1882) — председатель Императорской археологической комиссии.

Турвонт Венедиктович Кибальчич (1848—1913) — археолог и коллекционер древностей.

Скифские курганы Перепет, Перепетовка (Перепетиха) и др. на границе Киево-Печерского монастыря найдены по упоминанию в древнерусской грамоте и раскопаны в 1846 г. Н. Д. Иванишевым при участии Т. Г. Шевченко [21, с. 11, 12].

4

Анатолий Петрович Богданов (1834—1896) — основоположник научной антропологии в России, один из основателей Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, инициатор проведения Политехнической, Этнографической и Антропологической выставок в Москве, создания соответствующих музеев, а также Зоологического сада там же. О его вкладе в первобытную археологию см. [22, с. 43—53; 23, с. 133—135]. Упоминаемое в письме организационное заседание ИОЛЕАЭ по Антропологической выставке состоялось 12 мая 1877 г. [24, с. 41].

Степан Иванович Веребрюсов — археолог, директор Керченского музея в 1878—1884 гг. Раскопки, описанные в его письме, произведены, судя по всему, на некрополе эллинского города Нимфея, входившего в Боспорское государство [25, с. 63—65]. Найденные тогда древности опубликованы [26, с. LIII—LXVII].

6

Николай Васильевич Калачов (1819—1885) — историк права, выдающийся архивист, основатель Археологического института в Петербурге и первых губернских ученых архивных комиссий, управляющий Московским архивом министерства юстиции, академик, сенатор.

7—8

Графиня Прасковья Сергеевна Уварова (1840—1924) — председатель Московского археологического общества (с 1885 г.), организатор последних 10 съездов археологов в России, исследовательница древностей Кавказа [27].

9

Барон Эрнст-Вольдемар (Владимир Густавович) фон Тизенгаузен (1825—1902) — видный археолог и нумизмат, член и товарищ председателя Императорской археологической комиссии.

Намечавшаяся командировка Д. Я. Самоквасова в 1891 г. в район прокладки Джанкой-Феодосийской железной дороги представляет собой едва ли не первую для нашей страны попытку осуществить археологический надзор за масштабной новостройкой [28, л. 101, 102 об].

П. И. Гросс — русский археолог, копавший античные памятники Северного Причерноморья в середине прошлого века.

10

Александр Андреевич Спицын (1858—1931) — выдающийся русский археолог, член и товарищ председателя Императорской археологической комиссии, в дальнейшем — член-кор. АН СССР (с 1927 г.).

О совместной работе Д. Я. Самоквасова и А. А. Спицына по подготовке к изданию «Сведений о городищах и курганах» за 1873 г. см. в нашей статье [29].

Виллиам Людвигович Беренштам (1839—1904) — русский археолог [30].

11

Д. Я. Самоквасов выполнил содержащуюся в письме П. С. Уваровой просьбу. См. [31, с. 1—21].

12

Иван Евсеевич Евсеев (1868—?) — археолог-любитель, активист Орловских краеведческих обществ, в дальнейшем профессор С.-Петербургской духовной академии по кафедре русского языка и палеографии.

Д. Я. Самоквасов финансировал экспедицию орловских краеведов и руководил их раскопками [22]. Подобные же деловые отношения наладились у него с Курской, Черниговской, Полтавской, Саратовской ГУАК и другими местными историко-краеведческими объединениями.

13

Василий Алексеевич Городцов (1860—1945) — выдающийся русский археолог, преподаватель Археологического института, а после революции профессор университета в Москве.

На средства Д. Я. Самоквасова и по его плану велся целый ряд раскопок и разведок к XIV Археологическому съезду, в том числе описанные в данном письме [33].

14

Граф Алексей Александрович Бобринский (1852—1927) — видный русский археолог, председатель Императорской археологической комиссии, вице-президент Академии художеств, петербургский предводитель дворянства, сенатор, гофмейстер двора.

Обсуждаемое в письме его собрание древностей представлено в [34].

15

Николай Емельянович Макаренко (1877—1938) — видный археолог, искусствовед, художник. В 1902—1919 гг. сотрудник Эрмитажа, зам. главного хранителя, зав. античным отделом. Его бескомпромиссная позиция в деле охраны исторических памятников на Украине в годы сталинских репрессий привела к аресту и расстрелу по клеветническому обвинению.

18

Любор Нидерле (1865—1944) — выдающийся археолог-славист, профессор археологии и этнологии Чешского университета в Праге.

Полученные им от Д. Я. Самоквасова издания многократно цитируются в его трудах. См., например [35, с. 27, 36, 81, 82, 117, 123, 195].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Костомаров Н. И.* Исторические произв. Автобиография. Киев, 1989.
2. *Бржостовская Н. В.* Вопросы архивного дела на Археологических съездах в России (1869—1911)//Археографический ежегодник — 1971. М., 1972.
3. *Формозов А. А.* Археология и архивы (К вопросу об изучении археологической документации)//Археографический ежегодник — 1977. М., 1978.
4. *Франко О. Е.* Обзор фонда музея древностей при Киевском университете Св. Владимира (Научный архив Института археологии АН УССР)//Археология. 1991. № 1 (на укр. яз.).
5. Памяти Димитрия Яковлевича Самоквасова. М., 1912.
6. *Спицын А. А.* Мои научные работы//Seminarium Kondakovianum. Сб. статей по археологии и византиноведению, издаваемый семинарием имени Н. П. Кондакова. Т. 2. Прага, 1928.
7. *Кизеветтер А. А.* На рубеже двух столетий (воспоминания 1881—1914 гг.). Прага, 1929.
8. *Кареев Н. И.* Прожитое и пережитое. Л., 1990.
9. *Анучин Д. Н.* Д. Я. Самоквасов как археолог//Древности. Тр. ИМАО. 1914. Т. XXIII. Вып. 2.
10. *Щавелев С. П.* Д. Я. Самоквасов: завещание археолога//Археология. Киев, 1991. № 1 (на укр. яз.).
11. *Самошенко В. Н.* Д. Я. Самоквасов как историк-архивист//Историография и источниковедение архивного дела в СССР. М., 1984.
12. *Мазин К. А.* Монография Д. Я. Самоквасова «Архивное дело в России» Как исторический источник//Архивы в СССР. М.,1989.
13. *Покровский А. Е.* Физическое воспитание детей у разных народов, преимущественно России. Материалы для медико-антропологического исследования. М., 1884.
14. Основания хронологической классификации, описание и каталог коллекции и древностей проф. Д. Я. Самоквасова. Варшава, 1892.

15. Могилы русской земли. Описание археологических раскопок и собрания древностей проф. Д. Я. Самоквасова. М., 1908.
16. *Самоквасов Д. Я.* Могильные древности Северянской Черниговщины. Посмертное издание. М., 1917.
17. *Ванцак Б. С.* И. Я. Стеллецкий: археолог, историк, романтик//Охрана и исследование памятников археологии Полтавщины. Полтава, 1989.
18. *Щавелев С. П.* И. Е. Забелин и Д. Я. Самоквасов: моменты сотрудничества//Научные чтения к 170-летию И. Е. Забелина. М., 1990.
19. *Р.* Музей профессора Самоквасова//Варшавский дневник. 1875. № 42.
20. Собрание древностей профессора Д. Я. Самоквасова//Исторический вестник. 1892. № 3.
21. *Формозов А. А.* Очерки по истории русской археологии. М., 1961.
22. *Формозов А. А.* Следопыты земли Московской. М., 1988.
23. *Гладкова Т. Д.* К 100-летию первой Антропологической выставки 1879 г.//Вопросы антропологии. 1979. Вып. 63.
24. Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. 1881. Т. XXXV. Вып. 1.
25. Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984.
26. ОАК за 1878—1879 гг. СПб., 1881.
27. *Храпова Л.* Одна страница сиятельной жизни//Дон. 1989. № 6—7.
28. Рукописный архив ИИМК. Ф. 1. Оп. 1862 г. Д. 26.
29. *Щавелев С. П.* Первый опыт массового учета археологических памятников в России (Анкета Д. Я. Самоквасова 1872—73 гг. и ее результаты)//СА. 1992. № 1.
30. *Береншгам В. Л.* Доисторические времена. Псков, 1880.
31. *Самоквасов Д. Я.* План археологических работ по собиранию и систематизации древностей черниговских для XIV Археологического съезда//Тр. московского Предварительного комитета по устройству XIV Археологического съезда. Вып. 1. М., 1906.
32. *Самоквасов Д. Я.* История культуры населения русской земли по могильным древностям. Лекции 23 ноября 1908 г. в Политехническом музее в пользу фонда Орловской ученой архивной комиссии, предназначенного для местных археологических раскопок. М., 1908.
33. *Городцов В. А.* Дневник археологических исследований в Зиньковецком уезде Полтавской губернии в 1906 г. Исследование Бельского городища//Тр. XIV Археологического съезда. Т. III. М., 1911.
34. *Бобринский А. А.* Курганы и случайные находки близ местечка Смелы. Т. I—III. СПб., 1887—1901.
35. *Нидерле Л.* Быт и культура древних славян. Прага, 1924.

Курский медицинский
институт

Критика и библиография

B. Cunliffe. Greeks, Romans and Barbarians: Spheres of Interaction. London: B. T. Batsford Ltd., 1988. 243 p.

Рецензируемая монография профессора европейской археологии Оксфордского университета Барри Канлиффа принадлежит к немногим пока работам, в которых взаимодействие античного и варварского мира анализируется на системном уровне. Книга состоит из 10 глав, библиографического указателя, указателей имен и географических названий.

Как отмечает автор во вступительной главе, исследования по античной археологии Средиземноморья и варварским обществом Северной и Центральной Европы относятся к практически самостоятельным дисциплинам. Лишь начиная с 1960-х годов происходит конвергенция интересов ученых. По мнению Б. Канлиффа, Европа и Средиземноморье представляют идеальную возможность изучения системы взаимодействия различных социоэкономических систем, имея в основе модель «ядро — периферия» (с. 2—4). Взаимоотношения «ядро — периферия» могут проявляться на разных уровнях. В основе теоретических моделей Б. Канлиффа — выделенные К. Поланьи дефиниции трех основных типов торговли — обмен подарками («gift trade»), административная или договорная торговля («administered or treaty trade») и рыночная торговля («market trade»). Б. Канлифф привлекает также введенное в научный оборот географом К. Хиртом понятие «gateway community», т. е. общества, находящегося на естественных торговых путях, соединяющих территории, богатые минеральными, сельскохозяйственными ресурсами, и определения внутренней структуры таких обществ, хинтерланд которых различным способом связан с периферией (с. 4—6). Далее автор анализирует географическое зонирование Западной Европы, распределение минеральных ресурсов, прежде всего металлов. По его мнению, постоянный отток сырья и рабочей силы из варварской Европы в греко-римский мир уравновешивался соответственным импортом потребительских товаров для использования и перераспределения племенной элитой. Таким образом, создавались и упрочивались социальные системы, а эти процессы гарантировали взаимосвязь и взаимозависимость античных и варварских систем (с. 9, 10).

Во второй главе рассматриваются различные аспекты взаимодействия греческого и варварского общества в период Великой греческой колонизации. К причинам ее автор относит демографические (перенаселение), социальные факторы и торговлю. Автор склоняется к довольно распространенной точке зрения, что причиной колонизации Западного Средиземноморья как финикийцами, так и греками был поиск сырья, в первую очередь металлов [1, с. 17—42]. При этом автором не учтены многие работы, важные для рассмотрения данной темы. Это материалы ряда международных симпозиумов по вопросам финикийской и греческой колонизации [2, 3], монографии, сборники статей и пр. по проблемам древней торговли и колонизации [4—7]. В целом же данный раздел имеет скорее описательный, нежели аналитической характер.

Более подробно автор рассматривает вопрос о причинах основания фокейцами Массалии и контактах полиса с северными варварами. Анализируется античный импорт, представленный амфорами различных средиземноморских центров, аттической посудой, бронзовыми родосскими и этрусскими сосудами. Автор полагает, что в обмен на античный импорт поступали сырье и рабочая сила. Впрочем, Б. Канлифф прекрасно осознает проблематичность обнаружения археологических свидетельств торговли сырьем, в первую очередь металлами. Его осторожное предположение о возможности вывоза олова из Корнуэлла через порт у горы Баттен в Плимутской гавани в VII—III вв. до н. э. находит много контраргументов [1, с. 29; 8, с. 50—80]. Не уникальна и упомянутая автором (с. 28) находка трехлопастного бронзового наконечника стрелы «греко-скифского» типа. Подобные

© Б. А. Раев, М. Ю. Трейстер, 1993 г.

находили на территории Франции и Германии, в том числе в кельтском оппидуме Хойнебург [9, с. 89; 10, с. 146; 11, с. 61]. Проблематично и отнесение Б. Канлиффом находок греческого и этрусского импорта в богатых погребениях вождей западногальштатской зоны на счет посреднической торговли Массалии (с. 24—32). Более тщательный анализ импортов из «княжеских» погребений скорее позволяет прийти к несколько иным выводам, нашедшим отражение в публикациях М. Гра, Б. Булумье, К. Ролле и др. Так, например, по подсчетам Б. Булумье, на 192 предмета этрусского происхождения приходится лишь 12 греческих, причем из 34 сосудов 650—575 гг. до н. э.— 32 находки, т. е. 95%,— этрусские. Массалиотский импорт, включающий амфоры, краснофигурную аттическую керамику, проникает на указанную территорию начиная примерно с 525 г. до н. э. Период контактов с Массалией был достаточно непродолжительным. Так, из 150 сосудов 490—400 гг. до н. э. все имеют этрусское происхождение. Характер контактов, по мнению Б. Булумье, предполагает, что этрусский импорт (вино и бронзовые сосуды) был дипломатическими дарами или просто подношениями; очевидно, что это не были предметы торговли [12, с. 167—178]. Хотя определения Б. Булумье не бесспорны [13, с. 101, 102; 14, с. 345—349; 15, с. 498; 16; 17, с. 387], предложенная Б. Канлиффом модель чрезвычайно упрощена, схематизирована, чтобы объяснить имеющиеся на сегодняшний день данные, а в отдельных положениях неверна.

Экономику гальштатской культуры периода D, на памятниках которой был найден указанный импорт, Б. Канлифф определяет как «экономику престижных товаров» («prestige goods economy»), причем сама варварская периферия имела, по его мнению, следующую структуру «ядра» составляли вожди западной части центральногальштатской зоны, самостоятельно производившие прибавочный продукт для торговли, а «периферию» — так называемые «военные» вожди, которые в обмен на предметы роскоши могли предложить добычу, захваченную в грабительских рейдах на территории современной Северо-Восточной Франции. В середине V в. до н. э. в с вязи с ростом населения в периферийной зоне, смещением торговых осей из-за политических изменений в Средиземноморье эта система пришла в упадок.

Следующая глава посвящена торговым центрам южного побережья Галлии, в том числе дочерним колониям Массалии: Ольвии, Антиполису, Никее, которые выполняли роль своеобразной мембраны между греческим и варварским миром.

Основываясь на подсчетах различных типов керамики из раскопанных поселений, автор делает вывод о постепенной «итализации» Южной Галлии, достигшей апогея в III—II вв. до н. э. Торговая активность местных прибрежных центров основывалась на транспортировке олова из внутренних областей Галлии через оппидумы Ле Пег и Вьен в долине Роны. Одновременно существовал и западный торговый путь к атлантическому побережью по рекам Ауде и Гароне, действовавший более или менее постоянно до конца II в. до н. э.

Далее рассматривается история присоединения Южной Галлии к Риму. Автор в этом процессе выделяет три этапа: 250—125 гг. до н. э., когда Южная Галлия представляла в основном стратегический интерес и со все возрастающей активностью осваивалась колонистами; второй этап — 125—118 гг. до н. э., когда Рим проявляет заинтересованность в безопасности сухопутных сообщений с Испанией, а также в контроле над торговыми путями, идущими на север и запад; третий — после первой серьезной стычки с объединенными отрядами галлов и германцев во время кимврской войны (109—101 гг. до н. э.), когда Трансальпинская Галлия была организована как регулярная провинция (с. 58).

Четвертая глава посвящена проблемам экономики Италии II—I вв. до н. э., без анализа которых трудно понять сложившуюся в дальнейшем систему взаимоотношений как внутри Империи, так и с окружающей варварской периферией. Рассматриваются вопросы сложного и не всегда выдерживавшегося баланса непрекращающейся военной активности и гражданской жизни населения полуострова.

На основании археологических данных (а они, как считает Б. Канлифф, очень мало могут добавить к нашим представлениям об организации структуры землевладения) автор анализирует землевладение в агер Косанус в Тоскане — памятнике, достаточно полно исследованном в последние годы. Раскопанная в регионе вилла с классической планировкой и портовые сооружения, среди которых основные связаны с производством и переработкой рыбы, позволяют говорить о виноделии и рыбном промысле как основных занятиях населения в позднереспубликанский период.

Анализируются автором и находки амфор из затонувших у берегов Галлии кораблей, а на основании этого сделан подсчет вывозимого из агер Косанус в Галлию вина. Подсчет амфор италийских и местных свидетельствует о том, что с рубежа III—II вв. до н. э. в течение 100 лет италийские сосуды постепенно исчезают, и к 100 г. до н. э. можно говорить об абсолютной монополии местных, южногалльских, вин.

Отдельно характеризуются выделяемые автором три типа рынков: собственно римский городской; рынок, образованный колониальными поселениями в Италии; и галльский, которому отведена особая роль в стабилизации экономики позднереспубликанской Италии. Из них первый ограничен, второй мал и только третий без четких границ и уже потому имеющий тенденцию к росту (с. 71—76).

В заключении главы характеризуется модель позднереспубликанской экономики как «ядро — периферия — дальняя периферия», где в качестве «ядра» выступает Италия, «периферии» — римские провинции, а «дальней периферии» — варварские территории за границами провинций (с. 79).

Следующая глава открывается схематичным изложением основной канвы исторических событий, предшествовавших походам Цезаря, и структуре экономических связей после образования провинции Трансальпинская Галлия. В 125—59 гг. до н. э. в Галлии наблюдается оживление и расцвет торговли. Западная торговая система, сложившаяся ранее, совершенствуется. Существовавшие пункты промежуточной торговли — Толоза в верховьях Гароны и Нарбо в устье Ауде — дают аморфный материал рубежа II—I вв. до н. э. (типа Дрессель I A и B), подтверждающий массовый импорт вина в регион. Толоза являлась самым западным эмпорием этой системы, где вина переливались в бочки для дальнейшей транспортировки в глубь Галлии.

Из многих гипотетически возможных систем организации торговли на дальние расстояния автор считает для Галлии основными две, реконструируемые на основе письменных источников и археологических данных: 1) в эмпориях на территории провинций и 2) перераспределение товаров через местные центры, лежащие вне границ провинции (с. 83, 84). В западной торговой системе существовали оба варианта.

Аналогично происходила и торговля на севере, где Вьен — эмпорий в пределах провинции — дополнялся расположенными к северо-западу от ее границ пунктами, которые как бы отделяли римскую провинциальную систему от варваров. Эта часть схемы составлена Б. Канлиффом скорее умозрительно и, в отличие от западной, не базируется на источниках.

Далее автор подробно, опираясь на письменные источники, дает характеристику галльскому обществу, а также тем социальным изменениям, которые происходят в нем под влиянием контактов с Римом (с. 92—97).

Особое внимание уделено торговле на дальней периферии — в Арморике и Британии. В первом районе особо выделяются три торговых укрепления («ports-of-trade») на побережье, которые, по мнению Б. Канлиффа, служили для перегрузки поступавших с материка товаров на корабли и переправки их в Британию — конечную цель атлантической торговой системы. Археологические материалы говорят о том, что центром этой системы в Британии были порты южного побережья, куда с материка поступали вино, стекло, украшения, а в обратном направлении шли олово, железо, золото, зерно, скот и другие товары.

В противоположность описанному, район Северной Галлии, заселенный белгами, плохо документирован археологически. Наиболее интересна появившаяся с юго-запада, из Центральной Галлии, группа захоронений, в которых вновь, после 300-летнего перерыва, фиксируется кельтский обряд погребения с колесницей. Базируясь на различных источниках, можно констатировать в Галлии (вне пределов провинции) наличие двух зон торговых контактов (с. 104, 105): центральную, расположенную в области непосредственной торговли римлян, и периферийные, или зоны посреднической торговли, такие как Арморик и Белгика. Последние функционировали по-разному. В Белгике обмен с племенами центральной зоны породил социальную систему, отдаленно напоминавшую «экономику престижных товаров»; племена Арморика взяли на себя функции посредников в торговле между конечным пунктом атлантической системы торговли (Южной Англией) и ее ядром — областями Центральной и Трансальпинской Галлии.

Глава «Битва за Галлию» посвящена событиям 58—50 гг. до н. э. Автор детально рассматривает галльские кампании Цезаря, подробно останавливаясь на ключевых драматических моментах борьбы, анализирует основанные на данных письменных источников, и прежде всего записках Цезаря, передвижения галльских племен в период завоевания.

Б. Канлифф подробно останавливается на ошибочном проведении границы между кельтами и германцами по Рейну, которое было допущено Цезарем скорее из политических и военных соображений. Реальная граница проходила где-то по долине Липпе, и Рейн был в это время культурным барьером. Действительное отличие существовало между северной группой галльских племен и свевами, которые жили к востоку. Хотя для археологии римского времени этот тезис можно считать хрестоматийным, удивительно, что автор в этой части книги не ссылается на новые исследования.

Седьмая глава посвящена социально-экономической истории и организации провинции в августовскую эпоху. В первые десятилетия после завоевания Галлии создается разветвленная сеть дорог, призванных

обеспечить удобное сообщение между старыми поселениями и новыми колониями. Несколько новых колоний появляется в старой провинции — Трансальпинской Галлии. Переселенцы в них вместе с иммигрантами в старые города провинции способствуют тому, что она превращается к концу I в. до н. э. в урбанизированное «продолжение Италии» (с. 125).

За пределами старой провинции процесс романизации не был таким интенсивным. Только три колонии, обеспечивающие безопасное сообщение с Рейнским лимесом, были основаны в это время: Новиодун, Лугдун и Августа Раврика.

Первые два десятилетия после Галльской войны были относительно спокойными, однако только в начале второго десятилетия до нашей эры Галлия была разделена на три отдельных провинции: Белгику, Аквитанию и Лугдунскую Галлию, а Трансальпинская Галлия преобразована в самостоятельную провинцию Галлию Нарбонскую. Аквитания и Лугдунская Галлия, в отличие от Белгики, были исключительно административными единицами, не связанными с границами расселения каких-либо этносов.

Лишь несколько слов посвящает автор попытке Августа присоединить к Империи Свободную Германию и установить границу между Черным и Балтийским морями по Эльбе и Дунаю. Впрочем, далее (с. 172—174) этим событиям посвящен отдельный раздел.

Возвращаясь к экономическим и социальным изменениям в Галлии, Б. Канлифф разделяет весь период организации провинции на три этапа (с. 129, 130). Первый (с 50 до 39 г.) был периодом очень нерешительных действий, второй (39—27 гг.) — временем организации границ и дорог, третий (27—12 гг.) — интенсивной административной реорганизации, которая позволила Галлии в эпоху германских войн (12 г. до н. э.— 16 г. н. э.) обеспечить надежный тыл Рима.

С 50 г. до н. э. Галлия теряет свое значение как источник пополнения рынка рабов, и свободная рабочая сила способствует развитию традиционных для Галлии ремесел. В это время различные районы Галлии производят свою характерную керамику, а также металлические изделия, чему в немалой степени способствовало размещение римских войск на Рейне в период подготовки германской кампании. Помимо этого рынка развитию ремесел способствовало и распространение торговцами товаров на дальние расстояния.

Близость форм ранней галльской керамики и изделий мастерских Северной Италии позволяет говорить о непосредственном участии, во всяком случае на первых порах, италийских мастеров в производстве [18, с. 30; 19, с. 871].

Рядом с галльскими оппидумами по всей территории провинции возникают римские городские центры. Из таких центров наиболее полно исследованы Бибракте/Августодун, расположенные в центральной части Галлии на расстоянии 20 км друг от друга. Другим примером урбанизации провинций представляются случаи расположения на близком расстоянии от старых оппидумов новых поселений и императорских городских центров (с. 132—137).

Следующая, восьмая глава посвящена анализу торговых связей континента и Британии, а также изучению процессов, происходивших на острове в римское время. Открывает ее экскурс в экономику бронзового века. Сложившаяся торговая система с включением в нее в III—II вв. до н. э. римлян, утвердившихся в Южной Галлии, поддерживалась до 100 г. до н. э., когда она была нарушена вторжением белгов из Галлии. Автор поддерживает нетрадиционную точку зрения тех ученых, которые считают, что белги не проникали до Кента и эстуария Темзы и происходившие там изменения материальной культуры связаны с периодом после Цезаря. Согласно его выводам, зона их расселения на острове находилась в центральной части его южного побережья (с. 148, рис. 56). До середины I в. до н. э. торговые связи этого региона и белгов северной Галлии не входили в систему дальних торговых связей; этим объясняется малочисленность находок предметов римского производства. В то же время атлантическая система обеспечивала поступление престижных товаров из Италии населению Британии.

С середины I в. до н. э. усиливается связь Белгики и юго-восточных областей Британии. Кремации, богатые погребения, сопровождаемые импортными сосудами, с этого времени существуют как в Белгике, так и в нижнем течении Темзы. В последнем регионе в предыдущие десятилетия они неизвестны. Основываясь на сообщениях Цезаря о его политике в Британии во время походов, Б. Канлифф считает, что импортные предметы, в основном североиталийского производства, скорее всего являются дипломатическими дарами. Относительно места изготовления дорогих, в том числе и серебряных, сосудов точка зрения автора не бесспорна. Недавно Э. Кунцл высказал мнение, что часть серебряных сосудов из погребений в Германии, причем значительная, является местной подделкой италийских [20, с. 31—40].

Характеризуя богатые погребения эпохи позднего латена (с. 150, 151), так называемые погребения «велвинского типа», Б. Канлифф весь период их существования разделяет на две фазы: раннюю, велвинскую

(50—10 гг. до н. э.), и позднюю, лексденскую (10 г. до н. э.— 50 г. н. э.). Поскольку автор не останавливается на соотношении предложенных им фаз и принятых ранее периодов позднего латена Британии [21; 22], не совсем понятен смысл его передатировок. Описывая богатый инвентарь погребения первой фазы в Айлесфорде, автор использует устаревшую датировку сковород типа «Айлесфорд» — вторая половина I в. до н. э. Согласно последним исследованиям, время производства сковород относится к 90—50 гг. до н. э. [23, 24]. Инвентарь богатых погребений показывает расцвет торговли с провинциями в первое время через посредников-белгов, а затем прямые контакты с римскими торговцами.

Центральная часть Южной и Восточная Англия составляли ядро торговых связей на острове. Оно характеризовалось наличием поселений городского типа, развитой чеканкой монеты и обилием римских импортов. Вокруг этого «ядра» существовало окружение из четырех периферийных племен со своей чеканкой, осуществляющее посреднические функции в торговле с дальней периферией. К моменту завоевания Британии в 43 г. н. э. страна представляла собой классическую модель «ядро — периферия — дальняя периферия» (с. 157).

Бегло осветив основные этапы завоевания Британии, Б. Канлифф характеризует ранние этапы романизации, которая осуществлялась путем создания на юго-востоке двух полузависимых образований («княжеств»), земли которых вместе с прилегающими территориями, населенными дружественными племенами, отделялись от остальной части острова системой укреплений («military zone»). Римская административная система на этой территории была основана на доримских городских центрах.

К северу от романизованной юго-восточной части Британии лежали земли бригантов, на протяжении 30 лет после завоевания имевших непосредственные контакты с римлянами, что привело к изменению социально-экономической системы северных варваров. В Шотландии автор выделяет две зоны: южную — зону максимальных контактов с Римом, которая во время отдельных кампаний была частично или полностью оккупирована, и северную, которая фактически являлась «Свободной Британией». Археологически фиксируется почти полное отсутствие римских товаров в Северной Шотландии, тогда как в Южной римский импорт представлен бронзовой посудой, монетами, терра сигиллатой, хотя и не в таком количестве, чтобы можно было говорить о развитой «экономике престижных товаров». В Ирландии импорты найдены не в большем количестве, чем в Северной Шотландии.

Девятая глава посвящена германским кампаниям Рима, анализу причин, по которым попытки завоевания земель за Рейном были неудачны. Из них основной автор считает социально-экономические черты германцев, их военную организацию и тактику, наличие укрепленных оппидумов.

После неудавшихся попыток завоевания и организации в итоге лимеса по Рейну и Дунаю соседство Рима дестабилизировало германцев двумя факторами — торговлей и системой патроната. Распространение в Свободной Германии римских импортов, особенно монет и металлической посуды, служит Б. Канлиффу базой для выводов о характере связей. Распространение монетных кладов I в. н. э. в 200-километровой зоне восточнее Рейна подтверждает сообщение Тацита о «близких нам» германцах, использующих римскую монету.

Автор отмечает два региона концентрации таких престижных импортов, как бронзовая и серебряная посуда,— Богемию и Данию с островной частью (с. 181). Первый район связывается с засвидетельствованной активностью Рима; объяснения для второго, по мнению Б. Канлиффа, нет. Впрочем, со ссылкой на Плиния он осторожно и не очень убедительно говорит о поисках в этих местах животных для гладиаторских боев. Существуют попытки объяснения этого феномена особенностями хозяйственной деятельности [25, с. 123] или историческими событиями [26, с. 165], которые представляются нам более обоснованными. Кроме того, вероятен морской, минующий прирейнские области Свободной Германии путь распространения импортов. О существовании его автор пишет несколькими страницами далее, правда уже в другом контексте (с. 189). Концентрация находок престижных импортных вещей, в особенности бронзовой и серебряной посуды, не в промежуточных районах посреднической торговли, а на дальней периферии может быть связана и с тем, что в отдаленных районах варварского мира они имели большую ценность и дольше использовались.

Вторым путем поступления импортов в Свободную Германию Б. Канлифф считает дипломатический, отраженный в письменных источниках. Автор в этом разделе, к сожалению, совсем не анализирует третий путь — военную добычу. Давно было подмечено, что количество импортов в погребениях германцев увеличивается после удачных военных походов [27]. Не учел автор и приток импортов с возвращающимися со службы в римских войсках германцами [28].

Автор намечает и социоэкономическое районирование Свободной Германии (с. 184—189). За пределами упоминавшейся выше 200-километровой зоны («торговой») находится «зона богатых погребений» и далее на север — «зона воинских погребений». Посредническая роль в торговле

принадлежала первой зоне, а в последней продолжала существовать «экономика престижных товаров». Зона «богатых погребений», или погребений так называемого «типа Любзов», включала в себя Ютландию, бассейны Эльбы и Зале и Богемию. Находки здесь дорогой импортной посуды в погребениях автор связывает с получением даров от римских властей. Это не кажется нам бесспорным, если принять во внимание зафиксированную подделку сосудов германцами и недипломатические пути проникновения импортов.

В целом изложенные в главе принципы и схемы достаточно общи и не учитывают некоторые новые работы [29—33].

В заключительной главе, рассматривая в целом период с 600 г. до н. э. по 400 г. н. э., автор выделяет четыре основных периода относительной стабильности экономических связей. В 530—480 гг. до н. э. действовала классическая модель «ядро — периферия», когда торговля осуществлялась в греческих колониях или прилегающих районах средиземноморского побережья. В глубине Галлии находилась зона богатых погребений, которая существовала за счет контроля над распространением средиземноморских товаров, окруженная в свою очередь «зоной поставок», т. е. реальных производителей товаров.

Миграции кельтов нарушили систему «экономики престижных товаров». Нестабильная ситуация существовала до середины II в. до н. э. В 120—60 гг. до н. э., после завоевания Южной Галлии, складывается новая трехчленная модель связей. Пограничные промежуточные пункты — Толоза и Шалон — осуществляли передачу товаров в расположенные на расстоянии около 50 км от границы оппидумы, контролируемые местным населением. Они являлись «внутренним рынком», перераспределявшим товары в глубь варварских территорий. Картина дополнялась наличием прямых «коридоров», посредством которых морским путем товары из метрополии достигали варварской периферии.

После десятилетия нестабильности, связанной с кампаниями Цезаря, в 50—10 гг. до н. э. складывается новая система, действовавшая в рамках римской политической структуры. В Галлии два ядра (возможно, в течениях рек Уазы и Мааса), окруженные зоной интенсивных обменов и расположенной вокруг них «зоной поставок», имели как прямые, так и опосредованные связи с варварами. Аналогичная ситуация сложилась и в Восточной Британии.

К 20 г. н. э. в Свободной Германии складывается своя трехчленная система связей, состоящая из зон: торговой, богатых потреблений, дальней «зоны поставок» или «воинских погребений».

Оценивая работу в целом, отметим, что помимо отмеченных выше отдельных недостатков существенным пробелом является то, что из поля зрения исследователя абсолютно выпали все территории варварской Европы, кроме Галлии и Британии. Не говоря уже о Северном Причерноморье, Б. Кэнлифф не касается ситуации на Балканском полуострове, в Подунавье, Малой Азии и Северной Африке. Учитывая это, книгу скорее следовало бы назвать «Греки, римляне и варвары в Галлии, Германии и Британии».

Б. А. Раев, М. Ю. Трейстер

Музей истории Донского казачества, Новочеркасск
Государственный музей изобразительных искусств
им. А. С. Пушкина, Москва

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Трейстер М. Ю.* Роль металлов в эпоху Великой греческой колонизации//ВДИ. 1988. № 1.
2. Actes du Colloque de Cortone, 24—30 mai 1981. Modes de contacts et processus de transformation dans les Sociétés anciennes. Rome, 1983.
3. Phönizier im Westen//Die Beiträge des Internationale Symposiums über «Die phönizische Expansion im westlichen Mittelmeerraum» (DAI Madrider Beiträge, 8). Mainz, 1982.
4. *Bakhuizen S. C.* Chalcis-in-Euboca. Iron and Chalcidians Abroad. Leiden, 1976.
5. Trade in Ancient Economy. L., 1983.
6. Early Trade and Traders in Mediterranean//Ancient World. 1984. V. X. № 1—2.
7. *Gras M.* Trafics tyrrhéniens archaïques. Rome, 1985.
8. *Roden C.* Montanarchäologische Quellen des ur- und frühgeschichtlichen Zinnerzbergbaus in Europa — Ein Überblick//Der Anschnitt. 1985. Jg. 37. № 2—3.
9. *Kleemann O.* Die dreiflügeligen Pfeilspitzen in Frankreich//Abhandl. Akad. Wiss. und Literatur im Mainz, 1954.
10. Notice sur le commerce grec dans le domaine celtique. Points de flèches hellenistiques trouvées en France//Rev. Arch. Est et Centre-Est. 1955. T. 6.
11. *Zeitler J. P.* Zwei Hallstatt-Frühlatènezeitliche Fremdfunde von der Ehrebhürg, Ldkr. Forchheim, Oberfranken. Bemerkungen zur kulturhistorischen Interpretation des sog. Südimports//Arch. Korrbl. 1990. Jg. 20. H. 1.

12. *Bouloumie B.* Les vases de bronze etrusques et leur diffusion hors d'Italie//Il commercio etrusco arcaico. Atti dell' incontro di studio, 5—7 dicembre 1983. Rome, 1985.
13. *Rolley C.* Les vases de bronze de l'archaïsme récente en Grand Grèce. Naples, 1982.
14. *Rolley C.* Les bronzes grecs: recherches récentes VI. La vaisselle//RA. 1987. № 2.
15. *Morel J.-P.* Le commerce étrusque en France, en Espagne et en Afrique//L'Etruria Mineraria. Atti del XII Convegno di studi etrusci e italici. Firenze, 1981.
16. Répertoire des importations étrusques et italiques en Gaule, 1//Caesarodunum. 1987. Suppl. 57.
17. *Bouzek J., Kästner V.* Der Etruskische Norden und die Auswirkungen der etruskischen Kultur auf Mitteleuropa//Die Welt der Etrusker. Archäologische Denkmäler aus Museen der sozialistischen Länder. B., 1988.
18. *Tassinari S.* La vaisselle de bronze romains et provinciale au Musée des Antiquités Nationales//Gallia. 29 suppl. P., 1975.
19. *Kern J. H.* Zwei römische Bronzekasserollen mit Signatur P. CIPIUS POLIBUS in Leiden//Coll. Latomus. 1962. Fasc. 58.
20. *Künzl E.* Germanische Fürstengräber und römisches Silber//Jahrb. Lauenburgischen Akad. Wiss. und Kultur, 1988.
21. *Stead I. M.* A La Tene III Burial at Welwin Garden City//Archaeologia. 1967. № 101.
22. *Harbison P., Laing L. R.* Some Iron Age Mediterranean Imports in England. Oxford, 1974.
23. *Raev B. A.* Bronze Vessels of the Late La Tène Period from Sarmatia//Akten der 10. Internationalen Tagung über antiker Bronzen (Freiburg, 18—20. Juli 1988). Stuttgart, 1992.
24. *Graue J.* Die Gräberfelder von Ornavasso//Hamburger Beitr. Archäol. 1974. V. 1.
25. *Liversage D.* Material and Interpretation. Copenhagen, 1980.
26. *Ulla Lund Hansen.* Römischer Import im Norden (Nordiske Fortidsminder. Ser. B. Bind 10). Copenhagen, 1987.
27. *Werner J.* Die römischen Bronzegesschirrdepots des 3. Jahrhunderts und die mitteldeutsche Skelettgräbergruppe//Marberger Studien, 1938.
28. *Werner J.* Bemerkungen zur Mitteldeutschen Skelettgräbergruppe Hassleben-Leuna. Zur Herkunft der *ingentia auxilia Germanorum* des gallischen Sonderreiches in den Jahren 259—274 n. Chr.//Festschrift für Walter Schlesinger 1. Köln; Wien, 1973.
29. *Lindeberg I.* Die Einfuhr römischer Bronzegefässe nach Gotland//Saalburg Jahrbuch. 1973. XXX.
30. *Kraskovska L.* Roman bronze vessels from Slovakia (BAR. Intern. Ser. 44). Oxford, 1978.
31. *Kunow J.* Der römische Import in der Germania libera bis zu den Markomannenkriegen. Neumünster, 1983.
32. *Wielowiejski J.* Die spätkeltischen und römischen Bronzegefässe in Polen//Bericht RGK. 1985. № 66.
33. Untersuchungen zu Handel und Verkehr der vor- und frühgeschichtlichen Zeit in Mittel- und Nordeuropa. Teil 1. Göttingen, 1985.

А. П. Деревянко, Д. Дорж, Р. С. Васильевский и др. Каменный век Монголии. Палеолит и неолит Монгольского Алтая. Новосибирск: Наука, 1990. 646 с.

В течение ряда лет специалисты по палеолиту внимательно следили за открытиями совместной Советско-Монгольской экспедиции, активно работающей с 1983 г. под руководством акад. А. П. Деревянко. Экспресс-информация, получаемая в виде ежегодных серий препринтов [1—4], а также статьи в сборниках [5, 6] давали общее представление о размахе полевых исследований и количестве новых материалов по древнейшей истории Центральной Азии, еще недавно выглядевшей крайне туманно. Теперь мы имеем счастливую возможность ознакомиться в полном объеме с памятниками западной части республики — Монгольского Алтая. Сама идея детальной публикации столь обширных коллекций является новой для нашей науки. Ведь рецензируемый том представляет собой лишь первую книгу из серии подготавливаемых к печати трудов, в которых планируется последовательно осветить каменный век всех областей Монголии.

В первой главе работы подробно рассматривается предыстория археологических исследований в Монголии — летопись становления и краха концепции «центральноазиатского очага» происхождения человека (Г. Ф. Осборн, В. Д. Мэтью, А. В. Грабо и др.). Вторая глава знакомит читателя с историей изучения каменного века Монголии, неразрывно связанной с именем акад. А. П. Окладникова. Следующая глава содержит краткое изложение истории исследований каменного века Монгольского Алтая, успешно начатых в 1966 г. А. П. Окладниковым и продолженных в 1983—1984 гг. Четвертая глава — очерк палеогеографии плиоцена — плейстоцена Монголии.

© С. А. Васильев, 1993 г.

Все эти разделы составляют необходимое вступление к основной части работы (глава 5—7), последовательно, по единообразной схеме, описывающей местонахождения каменного века, расположенные в бассейне р. Кобдо, на восточном и западном склонах Монгольского Алтая и вдоль южной оконечности этой горной системы. Текст дополняется великолепно исполненным альбомом из 148 таблиц каменного инвентаря.

В пределах палеолита авторы выделяют три хронологические группы памятников. К древнейшей, предположительно домустьерской, отнесены сборы на местонахождении Уэнч-1 и немногочисленные материалы из других пунктов (Алтан-Цукц, Олон-Нур-2, Манхан-4, Хойт-Цэнкер-Гол-2). Выразительная коллекция Уэнч-1 характеризуется преобладанием леваллуазской техники. Представлены леваллуазские треугольные ядрища, а также одно- и двухплощадочные формы нуклеусов со следами параллельного скалывания. Среди орудий доминируют ретушированные леваллуазские острия, скребла, острия на отщепах, выемчатые орудия.

Гораздо более многочисленны материалы по мустьерской эпохе. Основные памятники, относимые к этому периоду,— Алтан-Цукц, Олон-Нур-1,2, Хойт-Цэнкер-Гол-1,2, Барлагин-Гол-1,2. Наиболее представительна коллекция памятника Барлагин-Гол-1, где имеется прекрасная серия леваллуазских ядрищ, дающая возможность детально реконструировать технику расщепления. Среди орудий имеются леваллуазские острия, конвергентные, продольные и поперечные скребла, скребки, бифасиальные формы. В целом комплекс вписывается в круг леваллуа-мустерских памятников, столь широко распространенных в пределах Средней и Северной Азии. Индустрия расположенного рядом пункта Барлагин-Гол-2 выглядит более развитой, вероятно, за счет примеси позднепалеолитических форм. Очень любопытны упомянутые на с. 440 «статичные нуклеусы» — плиты кремнистой породы со следами сделанных рукой древнего человека сколов. Это специфичное для палеолита Монголии явление, к сожалению, пока не стало объектом детального анализа и фиксации.

Основная масса исследованных памятников отнесена к эпохе позднего палеолита. Выделяются комплексы Кобдо-14, Улан-Хус, Баян-Нур-13, Манхан-5, Бугат-2, Алтай-1 и Барлагин-Гол-3. Изложенные в книге материалы, как кажется, противоречат выводам авторов о единстве эволюционной линии развития каменной индустрии Монгольского Алтая. Памятники действительно разнородны и свидетельствуют о том, что здесь существовали стоянки, относящиеся к различным этапам позднего палеолита и, вероятно, к разным культурам. Впрочем, имея дело с подъемным материалом без привязки к стратифицированным комплексам, можно лишь констатировать различия и наметить определенную группировку стоянок на основании морфологических показателей, а причины таких различий остаются предметом догадок. Наиболее обоснованной представляется версия о раннем в пределах позднего палеолита возрасте памятника Манхан-5. Его пластинчатая индустрия с сохранением леваллуазских приемов имеет аналогии в памятниках типа Кара-Бом. Вероятно, к более позднему времени, судя по выработанным формам микронуклеусов, относятся материалы с пунктов Кобдо-14, Улан-Хус, Бугат-2. Очень специфическая выразительная индустрия получена с местонахождения Баян-Нур-13, где имеются листовидные бифасы, поперечные резцы и пластины с подработкой на брюшке. Вряд ли эту индустрию можно объединять с другими памятниками региона; в данном случае позволительно говорить о разнокультурности.

Характер развития культуры в последующую, раннеголоценовую эпоху остается крайне туманным. Авторы условно объединяют памятники этой поры в группу «мезолит — неолит» и описывают их суммарно. В этой связи вывод о наличии «единой линии развития каменной индустрии с ранней стадией палеолита до мезолита — неолита включительно» (с. 479) кажется преждевременным. Наиболее выразительные коллекции собраны на пунктах Тайшир-1,2, Булган-5, Уэнч-8,9. Сюда же отнесены серии стоянок в бассейне р. Сагсай и оз. Хар-Ус. Для обоснования отнесения памятников к неолиту авторы ссылаются на аналогии в каменном инвентаре между монгольскими местонахождениями и изученными М. А. Дэвлет стоянками Тоджи. Однако, по современным данным [7], по меньшей мере часть керамики из последних памятников относится к окуневскому времени.

Можно высказать несколько критических замечаний относительно используемой авторами классификационной схемы. Наиболее спорным кажется объединение в категорию «преформ» как четко диагностируемых заготовок леваллуазских ядрищ, так и простых грубых одноплощадочных нуклеусов на гальках и их обломках. На вещах последней разновидности, как показывает опыт исследования сибирских памятников, заготовки снимались с естественной площадки без какой-либо стадии специальной подготовки ядрища, и занесение их в «преформы» явно нелогично. Вряд ли целесообразно также объединять ряд чопперов (довольно разнообразных по морфологии), скребел и рубящих орудий на массивных отщепах в группу «струги», как это сделано при описании коллекций с местонахождений

Улан-Хус и Алтай-1, тем более что под этим названием в литературе уже фигурировали вещи совершенно иного типа [8]. Хотелось бы для наиболее представительных памятников иметь и сравнительную статистику типов площадок, метрических параметров сколов и т. д. (в книге эти сведения даны только для коллекции Уэнч-1).

В целом книга дает хорошее представление о характере каменного века обширного региона Центральной Азии в хронологическом диапазоне от домустьерского времени до голоцена включительно. Это тем более важно, поскольку район исследования непосредственно примыкает к территории нашей страны, где в материалах Алтая и Тувы можно найти прямые аналогии изученным в Монголии комплексам. Нет сомнения в том, что активно ведущееся сейчас исследование стратифицированных памятников, как открытого (Орхон-1,7 [9]), так и пещерного (Цаган-Агуй) типа, позволит в ближайшем будущем прояснить многие неясные моменты развития палеолитической культуры Центральной Азии. Остается надеяться, что столь успешно начатое дело ввода в научный оборот материалов Советско-Монгольской экспедиции получит достойное продолжение.

С. А. Васильев

Институт истории материальной
культуры РАН, Санкт-Петербург

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Деревянко А. П., Дорж Д., Ларичев В. Е. и др.* Археологические исследования в Монголии. Новосибирск: ИИФиФ, 1984.
2. *Деревянко А. П., Дорж Д., Васильевский Р. С. и др.* Археологические исследования в Монголии. Новосибирск: ИИФиФ, 1985.
3. *Деревянко А. П., Дорж Д., Васильевский Р. С. и др.* Археологические исследования в Монголии в 1985 г. Новосибирск: ИИФиФ, 1986.
4. *Деревянко А. П., Дорж Д., Васильевский Р. С. и др.* Археологические исследования в Монголии в 1986 г. Новосибирск: ИИФиФ, 1987.
5. Древние культуры Монголии. Новосибирск: Наука, 1985.
6. Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск: Наука, 1987.
7. *Семенов Вл. А.* Периодизация культур неолита и бронзы Тувы: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Л.: ЛОИА, 1988.
8. *Сулейманов Р. Х.* Статистическое изучение культуры грота Оби-Рахмат. Ташкент: Фан, 1972.
9. *Деревянко А. П., Петрин В. Т.* Стратиграфия палеолита Южного Хангая//Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки. Новосибирск: ИИФиФ, 1990.

Cs. Bálint. Südungarn im 10. Jahrhundert. Budapest, 1991. 288 p., ill.

Изданная как XI том серии «Studia Archaeologica» (Институт археологии Академии наук Венгрии) монография известного венгерского археолога-медиевиста Чанада Балинта посвящена южновенгерским древностям X в. Работая одно время в музее г. Шегеда, автор пришел к мысли о создании этой книги, учитывая прежде всего недостаточное включение в научный оборот находок из Южной Венгрии. Действительно, проблемы венгерской археологии эпохи обретения родины невозможно решить, не учитывая материал южной части ранневенгерского ареала.

Во «Введении» автор ставит одну из основных задач своего исследования — выявление динамики становления на племенных или территориально-административных принципах, существовавших в Венгрии в X в., более поздних комитатов эпохи Арпадов. Ч. Балинт определяет в данной части текста территорию своего исследования — венгерские земли к югу от линии Дунай — г. Чонград. Хронологические рамки исследования ограничены вне пределов X в. последним годом правления короля Стефана I (1038 г.). За этим временем следует под влиянием христианства нивелировка погребального обряда и унификация инвентаря, усложняющие исследование. Ограничив свою работу указанными выше пределами, Ч. Балинт не исключает возможности получения результатов, могущих пролить свет на историю освоения венграми всей территории будущего королевства.

© В. И. Кулаков, 1993 г.

В главе I автор представляет каталог памятников Южной Венгрии X в., включающий четыре грунтовых могильника с 57 трупоположениями. Поселения этого времени ввиду их неисследованности в перечне памятников отсутствуют. Большой заслугой автора является высшая степень подробности, с которой составлен каталог. Отдельные уникальные находки, могущие исчерпывающе характеризовать материальную культуру Южной Венгрии X в. (например, седло из погр. 3 могильника Гадорош), проанализированы с привлечением массы аналогий и сопровождены реконструкциями. Заслуживает пристального внимания методика подхода автора к типологии металлических деталей убора погребенных в соответствии с размещением их на костяке в могиле (табл. XX).

В главе II — «Аварские, болгарские и византийские контакты с населением Южной Венгрии в X веке» указывается прежде всего то, что исследуемая территория к концу IX в. находилась под болгарским влиянием. До сих пор нет полной ясности в вопросе наличия аварского населения в междуречье Дуная и Тиссы этого времени: ушло ли оно отсюда или подверглось значительной славянизации. Учитывая результаты исследований Иштвана Боны, автор приходит к выводу: бесспорно, часть славянизированного аварского или принявшего аварские традиции славянского населения существовала в Южной Венгрии к началу X в. Однако точку в данной проблеме могут поставить лишь дальнейшие специальные изыскания. Не лучше дело обстоит и с выявлением здесь болгарского импульса. Его можно видеть в присутствующих на могильниках бассейна р. Тиссы серьгах с гранулированными украшениями, несомкнутых браслетах круглого сечения, бубенчиках и керамике. Данный материал характерен для болгарских погребальных памятников с ориентировкой костяков по линии запад — восток, известных в землях по нижнему течению р. Дуная. Правда, по мнению И. Боны, болгарское население после похода хана Крума на Венгерской равнине вряд ли было многочисленным. В IX в. по письменным источникам здесь известны племена тимочан и ободритов. Земли в бассейне р. Тиссы в IX в. являлись для Болгарского царства плацдармом для совершения походов в богатую солью Моравию. Здесь находились лишь отдельные интернациональные дружинные группировки со снаряжением аварского облика. Следует попутно отметить, что элементы этого снаряжения близки деталям синхронной материальной культуры высшего слоя великоморавского общества. Славянское влияние уменьшилось в Южной Венгрии к концу X в. ввиду стабилизации южных мадьярских границ и массового расселения здесь венгров-земледельцев.

Соседом Византии Венгрия стала с 1018 г. в междуречье Дуная и Савы. Располагавшаяся здесь ранее византийская провинция Сирмиум имела южнославянское (хорватское) население. Ввиду его христианизации материальная культура в погребальных древностях представлена слабо. Тем более ярко маркируют здесь, в ареале так называемой культуры Бело-Брдо, южновенгерскую границу X — начала XI в. сердцевидные бляшки и другие детали раннемадьярских поясов в местных могильниках (табл. XXXIII, XXXIV).

Далее автор разбирает отдельные конкретные случаи находок византийских тканей. пряжек, оружия и украшений в южновенгерских могильниках. Относительно находок византийских монет Ч. Балинт указывает на их мощное скопление в бассейне р. Тиссы. Правда, автор в итоге затрудняется сказать, что превалировало в венгерско-византийских контактах X в.— военные набеги, торговля или миссионерская деятельность. Однако ясно, что особо значительное количество византийских находок приходится в среднем течении р. Тиссы на территорию владений седмиградского князя Дьюлы. Здесь с середины X в. по 1003 г. действовал греческий епископ.

В главе III — «Археологическое исследование градации региональных групп» Ч. Балинт приводит дробную типологию двучастных подвесок к женскому ранневенгерскому головному убору. Разбираются сопутствующие детали костюма, а также случаи трепанации черепа и их символические варианты. При помощи картирования на территории Венгрии выявляются три основные этнокультурные группы X в. (рис. 43). Они представлены землями по среднему течению р. Дуная в северо-западной части Венгрии, ареалами в верховьях р. Тиссы и междуречье Дуная и Тиссы. Все эти регионы характеризуются определенными сочетаниями вариантов признаков погребального инвентаря. Так, например, для Южной Венгрии (третий регион) симптоматичны украшения кафтана с подвесками, ромбические накладки по краю рубахи, четырехугольные поясные бляхи и декорированные розетками конские оголовья. Без полного исследования памятников всей венгерской территории в эпоху обретения родины автор остерегается давать этническое или административное объяснение выделенным им регионам. Тем не менее в результате работы Ч. Балинта процесс выявления характера социальной подосновы формирования комитатов эпохи Арпадов значительно продвинулся. Кроме того, интересен вывод Ч. Балинта о том, что на распределение находок, образовавших упомянутые выше регионы, оказали влияние какие-то ремесленные центры.

Глава IV — «Венгерство и так называемая культура Бело-Брдо», пожалуй, показывает массу сложностей, возникших в работе Ч. Балинта. Соотношение мадьярских и славянских элементов в древностях Венгрии X в. уже 150 лет привлекает внимание специалистов своей проблематикой. До середины XX в. малоинвентарные погребения венгерскими археологами приписывались «бедным», порабощенным славянам, связанным с вышеназванной культурой. Мадьярам же отводились богатые захоронения, зачастую сопровождавшиеся конскими костяками. Эта концепция в законченном виде была разработана Й. Хампелем (1907). По названию югославянского могильника Бело-Брдо была поименована культура, включавшая сходные древности X в. на южных рубежах Венгрии. Автор приводит подробную библиографию изучения этих древностей в XIX—XX вв. Критикуя позиции теории групп А и В по Й. Хампелю («мадьярские» с конями и рядовые, квазиславянские захоронения), Ч. Балинт перечисляет проблемы, возникшие перед данной теорией. 1. Долгое время славянская принадлежность археологической группы Кестхели считалась непререкаемой. Ныне выяснилось, что ее оставило в IX в. население, корни которого уходят в VI в., к позднеантичному населению Паннонии. 2. Ранее было принято считать обнаруженные в Венгрии погребения с диргемами немадьярскими. Однако традиция помещения арабских монет в могилы характерна не только для славянских, но и для других народов раннесредневековой Европы. 3. При анализе арабских письменных источников стало ясно, что разделение землепашец — конник не обязательно соответствует в Подунавье оппозиции славянин — венгр. Приведены Ч. Балинтом и другие доводы, подвергающие гипотезу Й. Хампеля сомнению.

Анализируя составляющие так называемую культуру Бело-Брдо детали, Ч. Балинт приходит к выводу, что славяне Венгрии не имели к ней прямого отношения. Их связи с населением ареала данной культуры осуществлялись лишь на торговом уровне. Инвентарь славян Южной Венгрии, ранее приписывавшийся так называемой культуре Бело-Брдо, имеет в ряде случаев византийское происхождение.

Палеоклиматические аспекты, изложенные в главе V — «Педологические и геоботанические факторы при заселении Венгрии в эпоху обретения родины», позволили Ч. Балинту сделать интересный вывод. Выяснилось, что территориальное распределение погребений групп А и В (по Й. Хампелю) связано прежде всего соответственно с травянистыми степями Дунайско-Тисского междуречья и глинистыми почвами Нижнего Дуная. Последние земли были заняты венгерскими племенными группами, специализировавшимися в своем хозяйстве как на пастбищном скотоводстве, так и на земледелии и на рыболовстве.

Глава VI — «Приложение» включает разделы «Места находок эпохи обретения родины и времени правления короля Стефана I в Южной Венгрии» (341 пункт), подписи к картам и перечень пунктов находок по структуре Й. Хампеля (группы А и В).

В «Послесловии» Ч. Балинт вновь уделяет внимание вопросам библиографии, дискутируя со своими оппонентами. Автор указывает, что данная часть работы представляет собой тезисы его кандидатской диссертации, изданные в 1975 г. Этим, видимо, и объясняется такое довольно необычное построение концовки книги. В завершение автор справедливо отмечает тот факт, что изучение Южной Венгрии X в. в границах Венгерского государства XX в. неправомерно. Требуется привлечение материала с гораздо большей территории.

Рецензируемая монография Чанада Балинта, несомненно, представляет большой интерес для археологов, изучающих раннесредневековое прошлое Центральной и Восточной Европы. При всей дискуссионной направленности книги, ее зачастую нелогичной компоновке (автор в ряде случаев обращает внимание лишь на отдельные элементы культуры, не объясняя подробно их таксономической ценности для типологии и группировки материала) она интересна методологически. Используя материал довольно ограниченного региона, автор, делая его парадигмой, стремится решить проблемы древностей эпохи обретения родины для всего ранневенгерского ареала.

В. И. Кулаков

Институт археологии РАН,
Москва

Хроника

КОЛЛОКВИУМ, ПОСВЯЩЕННЫЙ 100-ЛЕТИЮ ОТКРЫТИЯ ПАЛЕОЛИТА ВЕНГРИИ (МИШКОЛЬЦ, 1991)

Коллоквиум, проходивший с 11 по 14 сентября 1991 г., был организован Музеем им. Отто Хермана и Национальным музеем Венгрии при участии Исторического музея г. Будапешта, Государственного геологического института и Отделения Академии наук Венгрии в Мишкольце. Совещание состояло из двухдневной конференции, на которой было заслушано 38 докладов, и двухдневной экскурсии по палеолитическим памятникам.

Несмотря на приуроченность к столь значительной дате, как 100-летний юбилей изучения палеолита, коллоквиум был организован как рабочее совещание с четкими задачами и проблематикой. Помимо обычного обмена информацией о новейших исследованиях в области палеолита основной практической задачей организаторов симпозиума было знакомство широкой научной общественности (представленной делегациями Бельгии, Венгрии, Германии, Израиля, Польши, Румынии, Чехо-Словакии, Украины, России) с материалами и основаниями выделения новой культурно-хронологической единицы центральноевропейского палеолита — культуры бабони, предложенной А. Рингером [1].

Оценка 100-летнего периода исследования палеолита Венгрии, данная в докладах М. Габори «Рубила Мишкольца» и В. Габори-Чанг «Первые шаги в изучении доистории в XIX в. в Венгрии», характеризовала не только историю собственно палеолитических исследований, но и длительный период формирования научного сознания, позволивший Отто Херману правильно оценить возраст и значение каменных орудий, найденных в 1891 г. в Мишкольце. Все доклады венгерских археологов в той или иной мере касались историографических аспектов, в первую очередь в связи с основной проблемой сегодняшнего уровня развития археологии палеолита — проблемой возможности использования для решения современных задач материалов, полученных на протяжении всего этого периода. Документация раскопок многочисленных, часто эталонных памятников, исследованных за это время, естественно, не может отвечать современным требованиям, а сами материалы, следовательно, не могут использоваться как полноценные источники. Такая ситуация заставляет, с одной стороны, пытаться извлечь максимально возможную информацию из архивных данных, с другой — совершенствовать аналитические возможности археологии. Проблеме переоценки возраста, комплексности и интерпретации материалов стоянок, исследованных в начале — середине XX в., была посвящена большая группа докладов.

В докладе К. Шиман «Грот Селета и селетская цивилизация» констатировалось наличие в нижней части отложений грота раздельного раннеселетского (представленного двумя горизонтами обитания) и ориньякского слоя, а в верхней — слоя с инвентарем граветтского облика и двусторонне-необработанными листовидными формами. Если индустрия нижнего селетского слоя сопоставляется с селетом Моравии, то верхнего — признается не имеющей прямых аналогий, чем отрицается и генетическая связь между ними. На основании оригинальных, представленных в графической форме демографических подсчетов количества населения средиземноморской, перигляциальной и центральной зон, было предложено несколько интересных гипотез о движении носителей традиции двусторонне-обработанных листовидных наконечников в разные периоды времени.

Доклад С. Мештера «Кремневый материал грота Будошпешт 1. Мастерская или переходная индустрия?» был посвящен разбору различных точек зрения и аргументов с привлечением к решению вопроса материалов других палеолитических памятников.

В выступлении В. Добоши «Эгер-Кёпорош: переоценка индустрии с листовидными остриями» индустрия оценивается как среднепалеолитическая, с довольно высоким содержанием верхнепалеолитических типов и возможной примесью орудий архаической традиции.

Эти же проблемы были затронуты в докладах целого ряда западных исследователей. К ним относится доклад П.-И. Демарса (Четвертичный институт Бордо, Франция) «Ложери-От (Перигор): состояние проблемы», в котором на основании новых раскопок была произведена корреляция культурных отложений западной и восточной частей навеса. Инвентарь всех выделяемых культурных слоев представляется относительно гомогенным; этапы развития солютре, установленные по материалам этого памятника Д. Пейрони, подвергаются сомнению, вся последовательность культурных отложений рассматривается как относительно кратковременная, отражающая изменение локализации одного населения в пределах грота.

В докладе М. Ульрикс-Клосе (Университет Льежа, Бельгия) «Каменная индустрия „Тру дель'Абим" в Ковен и позднее мустье с листовидными остриями в Бельгии» также на основании новых исследований проводится анализ добытого ранее материала и обосновывается его связь как с ранним мустье, так и верхним палеолитом.

© З. А. Абрамова, А. А. Синицын, 1993 г.

Доклад большой группы авторов (А. Дебенат, Ф. Дельпеш, Ж.-М. Женест, Ж.-Ф. Риго, Ж.-П. Тексье) (Бордо, Франция) «Новые исследования в Ла Микок, Дордонь, Франция» содержал детальный анализ стратиграфии, фаунистических остатков и археологического материала.

Характерной чертой этих исследований наряду с получением новых данных и увязкой их с ранее добытыми материалами является, во-первых, попытка представления разрозненной, полученной в разное время и разными исследователями информации как системы упорядоченных наблюдений; во-вторых, использование нетрадиционных аналитических методов, в первую очередь корреляционных.

Наибольшее число докладов было посвящено отдельным аспектам анализа индустрий и региональным обобщениям. Можно выделить несколько тематических направлений.

1. Таксономическая позиция и эволюция культур с листовидными остриями в рамках палеолита Европы. Я. К. Козловским (Ягеллонский университет, Краков) в докладе «Листовидные острия в таксономической системе верхнего палеолита» предложена трехчленная модель развития культур бифасиальной традиции. М. Оттом (Университет Льежа, Бельгия) в докладе «Традиции двухсторонней обработки» акцент сделан на рассмотрении культурного контекста и взаимодействия разных культурных традиций мустьерского и верхнепалеолитического времени. В. Н. Гладилиным и В. И. Ситливым (Зоологический музей, Киев) в докладе «Генезис листовидных наконечников Центральной Европы» предложена цикличная концепция генезиса бифасиальных индустрий, во многом перекликающаяся с моделью Я. К. Козловского и подробно проиллюстрированная карпатскими материалами во второй части доклада (В. Н. Гладилин, В. И. Ситливый, В. И. Ткаченко — «Индустрия с листовидными остриями в палеолите Субкарпат».

2. Хронология и экология. В докладах румынских исследователей М. Карчимару (Институт археологии, Бухарест) «Природная среда и хроностратиграфия среднего и верхнего палеолита Румынии» и В. Кирика (Институт археологии, Яссы) «Двустороннеобработанные формы и переход от среднего к верхнему палеолиту на территории Румынии» намечается тенденция к пересмотру ряда старых представлений, в частности в направлении омоложения возраста некоторых мустьерских памятников.

3. Вопросы генезиса культур, в первую очередь селетской. Л. Каминска (Институт археологии АН Словакии, Нитра-Кошице; доклад «Изделия с плоской ретушью в палеолитических культурах Восточной Словакии») техническую основу селетской индустрии видит в местных мустьерских памятниках (ст. Хока-Ондрей). М. Олива (Моравский музей, Антропос, Брно; доклад «Селет Чехо-Словакии, использование территории, ресурсы, типы стоянок») определяющим считает влияние ориньяка. М. Фреерикс (Университет Кёльна; доклад «Переход от среднего к верхнему палеолиту в Германии (на отдельных примерах»») подчеркивает значение постепенной эволюции местных культурных традиций.

4. Проблемы центральноевропейского микока, значение которого для понимания развития европейского палеолита признается все более важным, рассматривались в докладах К. Фаризи (Лаборатория доисторической этнологии, Париж) «Шарантские индустрии с микокским влиянием на примере Восточной Франции»), Л. В. Кулаковской (Зоологический музей, Киев) «Некоторые аспекты типологии микокских индустрий», Д. Клике (Музей Эрвё, Франция) «Мустьерские индустрии с преобладанием мелких бифасов в Верхней Нормандии» (доклад был зачитан А. Рингером).

5. Анализ материалов отдельных памятников и региональные обобщения: Ю. В. Кухарчук (Зоологический музей, Киев) «Индустрии с листовидными остриями нижнего и среднего палеолита Украинского Полесья», Ю. Г. Колосов (ИА АН Украины, Киев) «О двух типах орудий аккайской мустьерской культуры Крыма», Ю. Барта (Институт археологии АН Словакии) «Индустрии с двухсторонней обработкой Западной Словакии», Б. Шмидер (Лаборатория доисторической этнологии, Париж) «Солютре Парижского бассейна», А. А. Кротова (ИА АН Украины, Киев) «Подразделения верхнего палеолита азово-черноморских степей», З. А. Абрамова (ИИМК, Петербург) «Бифасиальные орудия в палеолите Советской Азии и проблема заселения Америки», А. А. Синицын (тот же институт) «Архаический компонент индустрии II культурного слоя Маркиной горы».

6. Технологии индустрий с двустороннеобработанными формами были посвящены следующие доклады: Э. Бойда, К. Валох (Центр археологических исследований, Мёдон, Франция; Моравский музей, Антропос, Брно) «Технологические характеристики оперативных цепей каменной индустрии микокских слоев Кульны», Э. Бойда «Технологический подход к изучению южного ашеля. Трифасиальная концепция обработки», Ю. Э. Демиденко, В. И. Усик (Зоологический музей, Киев) «К вопросу о критериях локализации процесса изготовления листовидных острий на территории палеолитических стоянок».

Представлены были и чисто информационные сообщения о новых открытиях. Сенсационно прозвучало сообщение А. Ронена (Институт археологии Университета в Хайфе, Израиль) о находке в Верхней Галилее несомненно обработанных кремней в слое terra rossa видимой мощности 8 м с прослоями плохосортированного галечника различной толщины. Этот слой перекрыт базальтовым слоем, датированным калий-аргоновым методом 2,47 млн. лет. В докладе К. Крюгера (Институт доистории и протоистории, Нёйвид, Германия) «Инвентарь среднего палеолита вулкана Плэтер Хюмерих» особое внимание было уделено сырьевой базе, используемой древним населением, обитавшим в кратере вулкана на возвышенности Эйфель в Рейнланде примерно 125—100 тыс. лет назад. Л. Банесом (Институт археологии АН Словакии, Братислава) было представлено двустороннеобработанное орудие, найденное в долине р. Торисы; В. Боронеаном (Румыния) рассказано о спасательных работах в Трансильвании (ст. Кладова).

Большой интерес вызвал доклад Л. А. Яковлевой (ИА АН Украины, Киев) «Структура жилищ верхнепалеолитических охотников на мамонта на Украине», включавший анализ произведений искусства из Мезина и Межиричей.

Тезисами были представлены доклады Я. Фридриха (Институт археологии АН Чехо-Словакии, Прага) «Листовидные наконечники в Богемии» и К. Т. Биро (Национальный музей Венгрии) «Проблемы мастерских венгерского каменного века».

Особое место на совещании занимала проблема обоснования выделения индустрии бабони, предложенной А. Рингером как один из этапов эволюционной линии от центральноевропейского микока к селету. Бабони рассматривается как вариант микока с листовидными формами в хронологических рамках от периода «между оптимумом и концом земского межледниковья» до появления селетской традиции типа нижнего слоя грота Селета [2, 3]. Существующие сомнения в достоверности выделения бабони как особой индустрии [4, с. 307] касаются в первую очередь датировки и фациальной специализации относимого к ней материала. При этом вопрос о том, представляет ли бабони автономный технокомплекс или мастерские селетского населения, также упирается в хронологические вопросы, поскольку второй вариант интерпретации подразумевает их одновременность. Обоснованию хронологических различий селета и бабони на совещании был посвящен доклад Л. Кордоша, Э. Кролопа и А. Рингера «Комплекс бабони — селет в его хронопалеоэкологическом контексте» с широким спектром достаточно убедительных естественнонаучных обоснований.

Демонстрация стратиграфической позиции индустрии бабони была одной из основных целей полевых экскурсий. В 1990 г. бабонийский комплекс был обнаружен в карьере кирпичного завода Майи в окрестностях г. Мишкольца, к югу от него. Артефакты располагались в верхней части слоя погребенной почвы мощностью 70—75 см, отнесенной к земскому оптимуму, и в вышележащем суглинистом слое. Всего здесь было собрано более 200 артефактов, 15 из которых имели вторичную обработку.

Дорога, ведущая от г. Мишкольца на север, окаймлена с запада цепью холмов, на которых в настоящее время открыто более 50 стоянок. При слиянии рек Шайо и Бодвы находится Шайбабони — стоянка-эпоним бабонийской индустрии. Раскопки на вершине холма с абсолютной высотой 180 и относительной 70 м производились В. Добоши в 1974 г. и А. Рингером в 1986 и 1991 гг. Линза культурных остатков обнаружена в основании бурой погребенной почвы мощностью 2 м, которая также определена как земская. Прежде всего обращает на себя внимание необычайно высокое положение стоянок, расположенных на самых верхних точках рельефа, доминирующих над местностью. В целом, и это нашло отражение в резолюции коллоквиума, выделение индустрии бабони было оценено положительно, хотя это и не означает решения всех дискуссионных вопросов.

Во время полевых экскурсий были продемонстрированы еще два памятника открытого типа. В небольшом карьере по добыче глины Шайозентпетер в 1989 г. установлено наличие двух палеолитических слоев. Лёссовая стратиграфия общей мощностью 5 м включает серию погребенных почв. Две верхние, отнесенные соответственно к хенгело и денекампу, дали небольшое количество изделий неопределенной индустрии (средний/верхний палеолит) и индустрии, которую можно считать граветтской. В соседнем карьере найден еще один культурный слой.

Исключительный интерес представляет открытие в течение последнего десятилетия в долинах рек Шайо и Бодвы, где различается серия аллювиальных террас, ряда пунктов галечных культур. Участникам экскурсии был продемонстрирован один из самых выразительных разрезов — Эделин с мощными погребенными почвами, которые формировались во время стадий 11-7 Эмилиани. Галечные артефакты находились в отложениях стадии 9 — погребенной почве шоколадного цвета мощностью до 80 см, залегающей значительно ниже слоя, который датируется более древним возрастом, чем эем. В музее г. Мишкольца участники имели возможность ознакомиться с типичными галечными чопперами и унифасами из кварцита и изверженных пород, происходящих из Эделина и других пунктов. Датируются эти галечные культуры в пределах весьма широкого диапазона от 1,5 млн. до 130 тыс. лет назад.

Один день экскурсий был посвящен посещению широко известных пещер Селеты, Ишталлошко и Шубайюк, которые заслуживают особого рассмотрения.

Прекрасная организация и подбор докладов, охватывавших практически все аспекты проблематики, связанной с индустриями с листовидными остриями Центральной Европы, сделали коллоквиум интересным и, можно надеяться, плодотворным.

З. А. Абрамова, А. А. Синицын

Институт истории материальной
культуры РАН, Санкт-Петербург

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ringer A.* Babonylen. Eine mittelpaläolithische Blattwerkzeugindustrie in Nordostungarn//Dissertationes archaelogicae ex Instituto Archaeologico Universitatis de Rolando Eötvös nominatae. Ser. II. № 11. Budapesti, 1983.
2. *Ringer A.* L'origine du Szélétien de Bükk en Hongrie et son évolution vers le Paléolithique supérieur//Anthropologie (Brno). 1989. XXVII/2—3.
3. *Ringer A.* Le Szélétien dans le Bükk en Hongrie. Chronologie, origine et transition vers le Paléolithique supérieur//Paléolithique moyen récent et Paléolithique supérieur ancien en Europe (Colloque international de Nemours, 9—11 mai 1988). Mém. Musée Préhist. d'Ile-de-France. 1990. № 3.
4. *Svoboda J., Siman K.* The Middle-Upper Palaeolithic transition in Southeastern Central Europe (Czechoslovakia and Hungary)//J. World Prehistory. 1989. V. 3. № 3.

О НЕКОТОРЫХ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ ЭПОХИ НЕОЛИТА — РАННЕЙ БРОНЗЫ ЛЕСОСТЕПНОЙ И ЛЕСНОЙ ЗОНЫ УРАЛА.

По материалам V полевого симпозиума (Тюмень, 1991)

В последние годы одной из интереснейших форм обмена результатами научных поисков в области археологической науки стали полевые семинары и симпозиумы. Подобные научные формулы крайне важны и необходимы, поскольку дают возможность специалистам по конкретным проблемам оперативно обмениваться научной информацией, обсуждать дискуссионные вопросы культурной атрибутики и стратиграфии памятников непосредственно в поле, на конкретном «живом» материале с возможностью проверить все спорные вопросы на месте, обменяться опытом работы по методике археологических раскопок. Это особенно актуально в условиях, когда во всех археологических центрах России остро ощущается отсутствие оперативной публикации новых материалов, резкое сокращение и задержка с опубликованием работ обобщающего характера и материалов эталонных памятников с максимальной полнотой информации.

Интерес к полевым семинарам как к одной из активных форм стимулирования научной мысли огромен, но результаты работы таких совещаний, как правило, известны только очень узкому кругу специалистов, поскольку информация о них в подавляющем большинстве не находит отражения в печати.

В этом плане чрезвычайно интересен опыт проведения ряда полевых симпозиумов по теме «Эпоха неолита — ранней бронзы лесной зоны Урала и Поволжья», которые регулярно проводятся начиная с 1987 г.

Выбор подобной проблематики обусловлен активной полевой и исследовательской работой ряда центров Урала и Поволжья — Екатеринбурга, Самары, Ижевска, Казани и др.

В семинарах постоянно принимают участие 15—20 специалистов из Москвы, Санкт-Петербурга, Петрозаводска, Йошкар-Олы, Вятки, Ижевска, Казани, Перми, Самары, Екатеринбурга, Нижнего Тагила, Сыктывкара, Тюмени, Симферополя.

Инициатором и координатором проведения данных проблемных семинаров выступил Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Академии наук.

В августе 1987 г. состоялся I симпозиум на тему «Ранний неолит лесной зоны европейской части СССР» на базе Удмуртской экспедиции в ходе раскопок неолитической стоянки Усть-Шижма I в Вятской обл. (руководитель — Л. А. Наговицын).

Основное внимание в докладах и дискуссиях уделялось рассмотрению ранненеолитических древностей: принципам выделения культур и более крупных культурных образований, вопросам их сложения и датировки, культурно-хронологическим соотношениям стоянок и культур с разными типами керамики в отдельных районах и на более широких территориях. На примере исследуемого поселения Усть-Шижма I обсуждались некоторые вопросы методики раскопок неолитических памятников. Обращалось внимание на необходимость комплексного изучения археологических памятников раннего периода с привлечением специалистов всех смежных наук. Результаты симпозиума нашли отражение в сборнике статей «Проблемы изучения раннего неолита лесной полосы европейской части СССР» (Ижевск, 1988).

II симпозиум на тему «Энеолит лесного Урала и Поволжья» состоялся в августе 1988 г. на базе экспедиции Удмуртского ИИЯЛ УО АН в д. Среднее Шадбегово (Удмуртия). С докладами выступили 14 специалистов. Большинство докладов и дискуссий было посвящено проблемам выделения энеолитических культур, их локальных вариантов, общностей более крупного порядка и периодизации энеолитических памятников в отдельных регионах. Все специалисты согласились с тем, что в энеолите Прикамья и Поволжья существовали две наиболее крупные общности: гаринская и волосовская. Внутри каждой общности можно выделить локальные варианты или культуры, хронология которых может быть различной. Определенное внимание было уделено также вопросам сложения и финала энеолитических древностей, связям населения различных районов. Все доклады симпозиума опубликованы в сборнике «Энеолит лесного Урала и Поволжья» (Ижевск, 1990). Оперативная публикация материалов I и II симпозиумов делает честь его организаторам.

III симпозиум — «Поздний энеолит и сложение культур раннего бронзового века» — проходил в августе 1989 г. на базе Марийской археологической экспедиции в д. Удельная (поселение Галанкина Гора, исследователь — Б. С. Соловьев). В докладах и дискуссиях обсуждались вопросы причин и условий, определивших смену археологических эпох энеолит — бронзовый век в лесной зоне; культур и общностей финального энеолита, их генезис и финал, дальнейшие судьбы; вопросы появления производящих форм хозяйства в лесной полосе в эпоху раннего металла; роль и характер связей в исторических судьбах энеолитического населения. По материалам семинара подготовлен сборник, выход которого ожидается в конце 1991 — начале 1992 г.

IV симпозиум состоялся в августе 1990 г. в урочище Красава под Пермью на тему «Поздний неолит — ранний энеолит лесного Урала и Поволжья». Его организаторы — Пермский университет и Пермский краеведческий музей. Доклады были посвящены таким проблемам, как: история новоильинского населения раннего энеолита — генезис, динамика развития и дальнейшие судьбы; роль и место поздненеолитических памятников с накольчатой керамикой; сохранность археологических памятников в урочище Красава, где находятся памятники от эпохи мезолита до средневековья, в

© Т. М. Потемкина, В. Т. Ковалева, 1993 г.

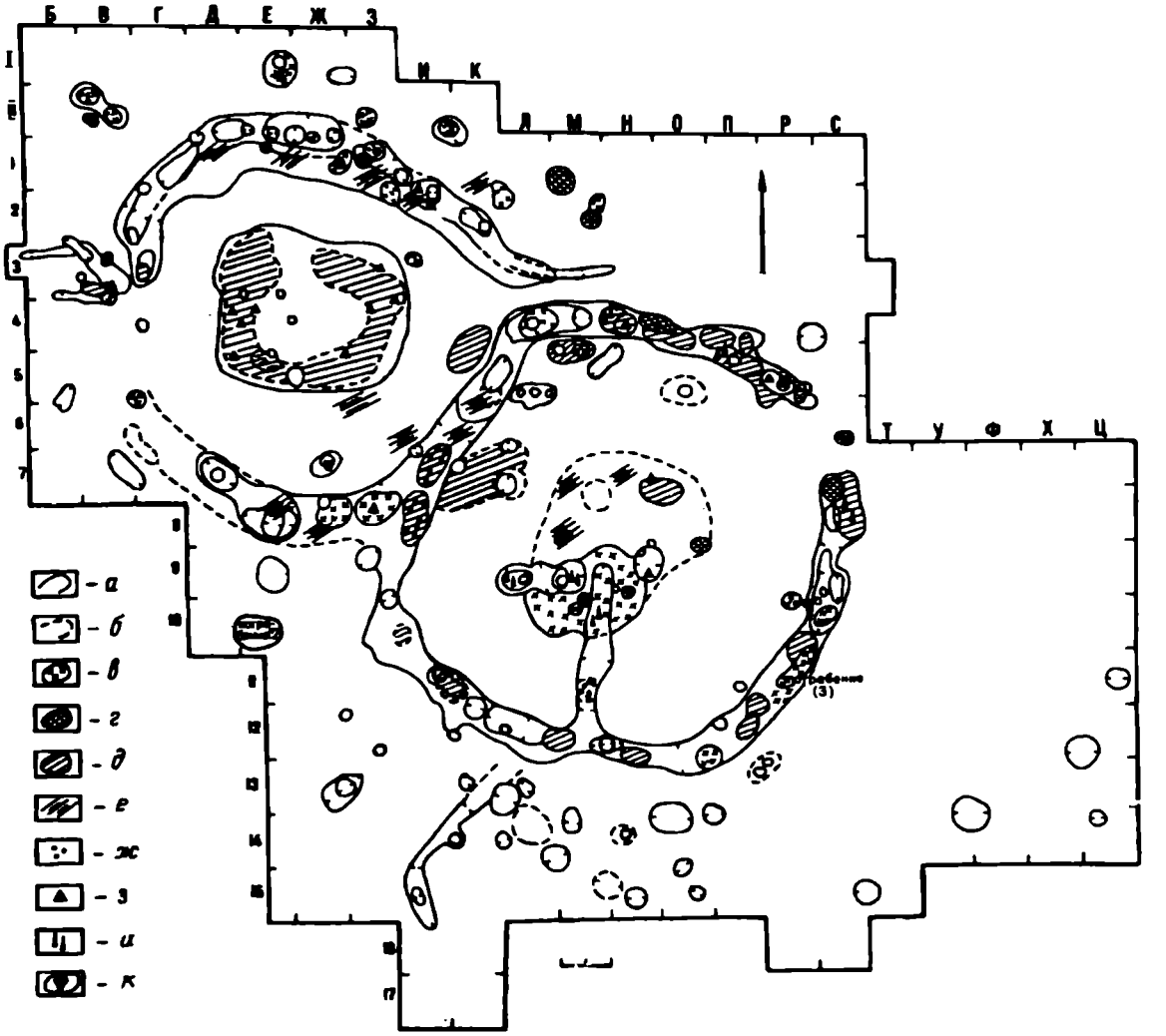


Рис. 1. План святилища Савин.
а — очертания канав и ям; *б* — нечеткие очертания сооружений; *в* — углистый слой с включением углей; *г* — слой прокала кирпичного цвета; *д* — скопление костей животных в ямах; *е* — скопление костей животных на уровне древней поверхности и в канаве; *ж* — пятна и кусочки охры; *з* — развалы сосудов; *и* — скопления керамики; *к* — яма с захоронением черепа ребенка

том числе и известное Гляденовское костище. Участники совещания высказали предложение о необходимости создания в данном месте археологического заповедника и музея археологии Прикамья.

V полевой симпозиум был проведен в июне 1991 г. на Андреевском озере в 20 км от г. Тюмени на базе Уральской археологической экспедиции в процессе раскопок поселения ташковской культуры Южно-Андреевское озеро, участок XIII (в дальнейшем ЮАО XIII). Заслушаны доклады, затрагивающие вопросы изучения социальной организации древних обществ по типам поселений и жилищ эпохи камня и бронзы; семантики жилищ и поселений, методики их раскопок и реконструкции. На содержании докладов этого семинара целесообразно остановиться более подробно, поскольку их публикация хоть и планируется, но ожидается не скоро. В то же время материалы, представленные в докладах, чрезвычайно интересны не только с точки зрения их новизны, но также в силу актуальности и дискуссионности обсуждаемых проблем, далеко выходящих за хронологические и территориальные рамки непосредственной темы семинара.

Симпозиум открылся докладами, посвященными вопросам идеологических представлений населения Зауралья в эпоху энеолита — ранней бронзы (Т. М. Потемкина, В. Т. Ковалева, О. В. Рыжкова).

Т. М. Потемкина (Москва) сделала доклад на тему «Конструкция и функции святилища Савин», где речь шла об уникальном культовом месте эпохи энеолита (середина — вторая половина III тыс. до н. э.), исследованном в пограничье лесостепной и лесной зоны в Зауралье (Т. М. Потемкина, В. П. Вохменцев, 1982—1986 гг.).

Сооружение состоит из двух колец в форме восьмерки с внутренним диаметром 14—16 м, образованных канавой шириной 0,9—1,8 м, глубиной 0,6—0,9 м (рис. 1). Имеющиеся данные раскопок свидетельствуют с неодновременном функционировании двух кругов: северный был сооружен первым и существовал более длительное время; второй (южный) сооружен позже и использовался более короткий срок.

Внутрь первого круга ведут проходы шириной 1—1,2 м с восточной и западной сторон, оформленные входными коридорами длиной около 3 м с внешней стороны кольца. Во втором круге имеется проход в форме разрыва во рву шириной 3 м только с восточной стороны.

По дну рва с интервалом 0,8—2 м прослеживаются ямы округлой и овальной формы, оставленные в большинстве случаев столбами. Ямы от столбовых конструкций обнаружены также в центре площадки каждого круга в пределах углублений с углистым слоем, большим количеством костей животных, керамики, кремневых орудий. Ямы, как столбовые, так и со следами многократного разведения огня, выявлены также по кругу с внешней стороны кольцевых рвов. В пределах рвов, главным образом у края и в заполнении ям, обнаружены мощные скопления костей животных, принадлежащих в основном лошади, реже — косуле и лосю. С костями животных встречены развалы сосудов, фрагменты керамики, орудия, отходы кремневой индустрии. Подавляющая часть кремневых орудий связана с обработкой дерева и шкур животных. Имеются ритуальные человеческие захоронения. В пределах первого круга обнаружена яма с черепом ребенка; во рву второго круга найдены вместе три скелета; двух мужчин зрелого возраста и девушки 16 лет.

Основная часть керамики по своей культурной принадлежности относится к сосновоостровскому типу, но имеются сосуды, сходные с липчинскими, суртандинскими, шапкульскими.

При археологической реконструкции святилища Савин привлечены некоторые данные астрономии, связанные с ориентацией солнца и луны. Конструкция святилища Савин отражает способ измерения времени, основанный на изменении фаз луны (М. Г. Гусаков).

Основная роль святилища — социально-культовая с примитивным астрономическим назначением. К числу функций, которые выполняло святилище, видимо, относились: наблюдение за изменением времени, ведение календаря, измерение смены сезонов, определяющих сроки коллективной сезонной охоты; отправление обрядов-жертвоприношений, связанных с различными церемониями в обществе. Наиболее вероятно предположить связь ритуальных действий с хозяйственным циклом оставивших его групп населения, где выделялись периоды интенсивной весенней и осенней охоты, время оптимальной охоты на отдельные виды животных. Особенно значение циклический хозяйственный календарь приобретал, судя по остеологическим материалам, в связи с охотой на лошадь и возможным ее приручением, что знаменовало собой становление производящего хозяйства.

Значительное число найденных материальных остатков, разнокультурность керамики и расовая разнотипность обнаруженных жертвенных погребений (восточносредиземноморский европеоидный и североазиатский монголоидный расовые типы — определение Г. В. Рыкушиной) свидетельствуют, что значимость культового сооружения Савин выходила за рамки социальных нужд одного хозяйственного коллектива. Это было святилище довольно крупного объединения, охватывающего население обширной прилегающей территории.

Святилище Савин имеет явное сходство с центральноевропейскими ронделами и британскими ранними хенджами (Earth woodhege monuments) эпохи неолита — энеолита, датируемыми в пределах III тыс. до н. э. Их объединяет единая идейная и архитектурная основа и выполнение сходных задач (функций) в пределах хронологического среза. Близость всех этих сооружений показывает, что в сходных по природным условиям и уровню развития производительных сил обществах складываются близкие формы социальной организации и идеологических представлений, хотя нельзя исключить и заимствования.

Изложенная концепция назначения памятников типа Савина получила поддержку в выступлениях участников совещания (Г. М. Бурова, Ю. Б. Серикова, В. Т. Ковалевой) и развернувшейся по этому вопросу дискуссии.

Доклад В. Т. Ковалевой (Екатеринбург) «О структуре и семантике поселений ташковской культуры» был посвящен раскопкам поселений и жилищ ташковской культуры, которые дают возможность обратиться к вопросам изучения и реконструкции социальной организации древних обществ.

Ташковская культура начала бронзового века в Притоболье открыта в последнее десятилетие и привлекла внимание археологов своеобразным типом поселений — с круговой (или овальной) планировкой и одним домом внутри замкнутой площадки, смещенным к одной из сторон поселения. Известен ряд поселений такого типа — полностью раскопанное поселение Ташково II в Курганской обл. (раскопки В. Т. Ковалевой 1982—1987 гг.); ЮАО XIII, где ведутся раскопки с 1990 г. (руководитель — В. Т. Ковалева); два поселения выявлены разведкой у г. Заводоуковска на юге Тюменской обл. (А. С. Сергеев) и на оз. Ипкуль.

Особенность застройки архитектурных ансамблей этих поселений в том, что они состоят из четного количества жилищ (10, 12, 18), но круг включает нечетное их число за счет одного внутреннего жилища (рис. 2, 3). Такая планировка не случайна и позволяет, как считает докладчица, обратиться к изучению структуры и семантики поселений ташковской культуры. Крупные поселения (площадь от 1000 до 3500 м^2) появились в Среднем Зауралье в начале бронзового века в связи прежде всего с переходом к производящей экономике (металлургия, скотоводство), которая повлекла за собой соответствующие социальные изменения. Поселок служил местом проживания членов производственного коллектива — родственников и свойственников, образующих, возможно, эндогамный коллектив с двумя экзогамными половинами.

В планировке поселения можно видеть элемент формального кода, соответствующий определенным представлениям. Архитектура — та же летопись. Круг с вписанным в него квадратом — мандала — образ вселенной и в то же время образ единства мужского и женского начала, отражающий, по-видимому, единство двух фратриальных групп (по условной классификации, мужской и женской).

Выдающийся этнограф А. М. Золотарев в свое время открыл универсальный бинарный принцип ранних знаковых систем, основанных по модели: мужской — женский, чет — нечет, левый — правый, восток — запад и т. д. Исследованный пос. Ташково II состоял из 11 жилищ вокруг одного центрального

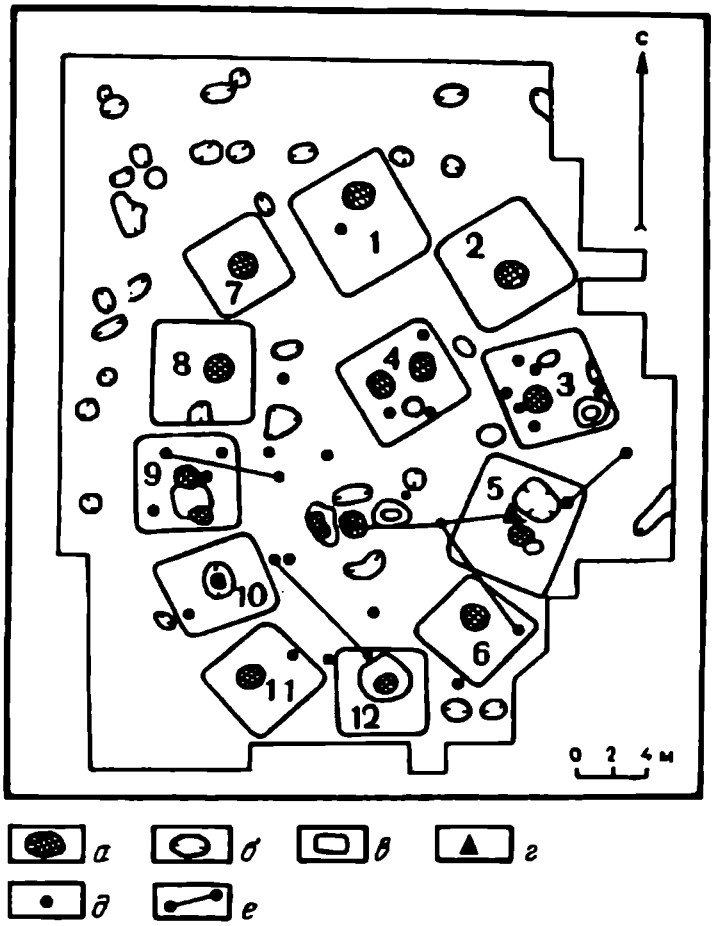


Рис. 2. План поселения Ташково II с данными о разбросе фрагментов от сосуда № 81.
а — очаг; *б* — яма; *в* — очертания жилищ с указанием номера; *г* — основная часть развала; *д* — отдельные фрагменты; *е* — подклеивающиеся фрагменты

помещения. Условной осью оно делится на две половины из шести и пяти жилищ (чет — нечет) и одного дома (возможно, мужской дом), находящегося на восточной стороне поселения. Различия в инвентаре этих половин отмечены наличием наконечников стрел и копий, а также охотничьих ножей на правой стороне и полным их отсутствием на левой. Кроме того, в жилищах, расположенных на правой стороне поселения, найдены сосуды со знаками, выполненными в той же технике и теми же мотивами, что и орнамент на сосуде, но выпадающими из общей композиции и занимающими особое положение (рис. 4). Один из них, по-видимому, был использован в ритуале и символизировал союз двух фратриальных групп.

В заключение докладчик отметил, что изучение социальных структур можно производить различными способами, в том числе и путем анализа застройки самого поселения. В данном случае бинарный код позволяет раскрыть структуру племени, построенного по принципу дуальной экзогамии. Повторяемость застроек на поселениях позволяет говорить о закономерности, особенностях культуры населения именно ташковской культуры.

Выводы по социальной реконструкции на основе планировки поселков ташковской культуры, распределения отдельных типов вещей на его площади, специфической орнаментики некоторых сосудов и т. д. были существенно дополнены результатами работы с массовым керамическим материалом по методу связей. Этому был посвящен доклад О. В. Рыжковой «Применение метода связей при исследовании керамики с поселения Ташково II», вызвавший большой интерес и оживленную дискуссию. Хотя в своей практической деятельности подавляющее большинство археологов постоянно сталкивается с ситуацией разбросанности отдельных частей одних и тех же сосудов и других вещей на разных участках и в различных сооружениях, исследователи обычно ограничивались соединением частей и констатацией их местонахождения. Стремление объяснить эти факты и полученные результаты известны в литературе в основном на материалах изделий из камня эпохи палеолита и мезолита (А. Леруа-Гуран, В. Я. Сергин, Ю. Б. Сериков). Это и послужило толчком к работе по данному методу на керамическом материале пос. Ташково II.

Из 178 целых и фрагментированных сосудов керамического комплекса поселения 40 участвуют в «связях» (т. е. собраны из разных жилищ и участков поселка). Этот метод позволяет конкретизировать вопрос и времени и последовательности сооружения жилищ, что представляет особый интерес для

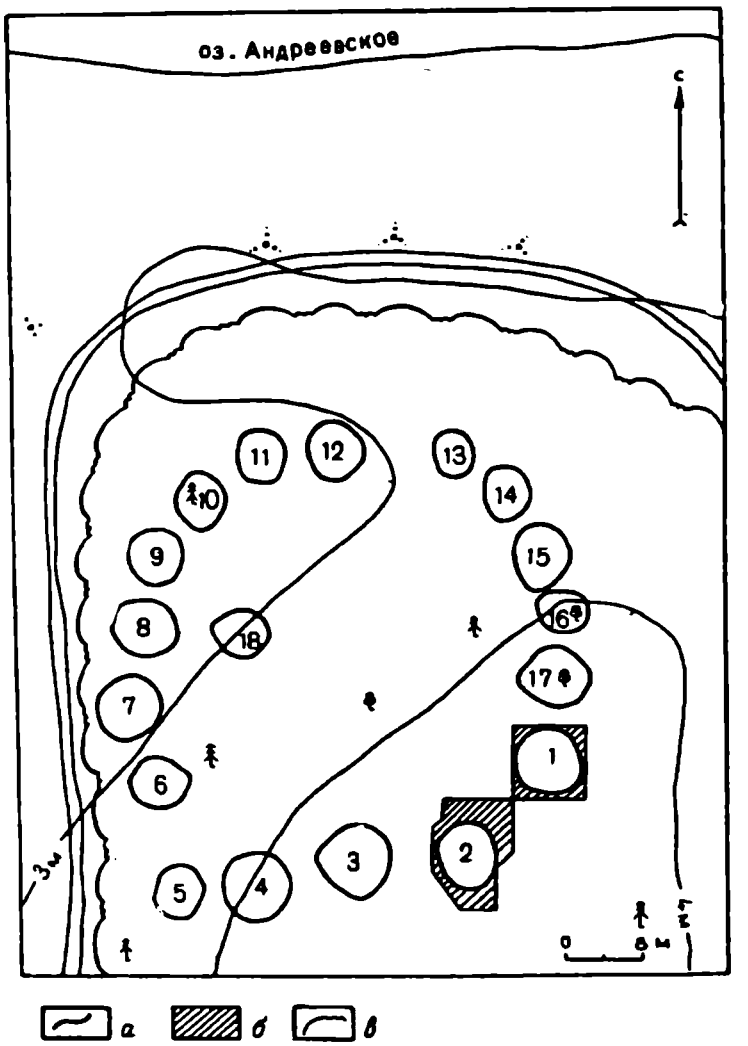


Рис. 3. План расположения поселения Южно-Андреевское озеро XIII.
а — граница леса, *б* — раскопанная часть поселения; *в* — очертания земляночных впадин на поверхности

выявленной круговой планировки, ранее неизвестной на данной территории. Многочисленные связи, установленные между различными жилищами, подтверждают одновременность их существования, а значит, и целенаправленность круговой планировки. Особенно показателен в этой связи сосуд № 81, фрагменты от которого не встречены лишь в трех из 12 жилищ. По мнению докладчицы, механизм передвижения фрагментов битых сосудов по поселению вызван в основном хозяйственными причинами — широким использованием керамического боя при изготовлении бытовых предметов, пряслиц, скобелей, тиглей из крупных толстостенных фрагментов и главным образом дроблением керамики для приготовления отощающей примеси (шамота) при лепке новых сосудов. Возможны и другие, пока не установленные причины передвижения фрагментов.

Наличие в помещении в основном каменных орудий труда, используемых при строительстве, заставляет предполагать достаточный промежуток времени для его сооружения. Более конкретные сроки установить сложно, но благодаря методу связей возможно наметить последовательность сооружения жилищ.

Учитывая направленность, количество связей, можно предполагать, что сначала было поставлено центральное жилище. От него отходили многочисленные пучки «связей» практически во все жилища, и в «связях» задействованы многие сосуды. Далее сооружались жилища восточной половины поселения (3—6), а затем западной (9—12). Последними, вероятнее всего, возводились жилища 2, 7, 8. Очень важным представляется также, что докладчица выявляет характер общения между жителями различных построек. Особенно важен вывод О. В. Рыжковой на основании метода «связей» о неоднородности характера общения между жителями различных домов. Выделяются две группы жилищ, контакты между которыми были наиболее постоянными. Первая группа — жилища 3—6, вторая — 9—12. Эти наблюдения подтверждают выводы, сделанные в докладе В. Т. Ковалевой, о дуально-фратриальном устройстве общества.

Несмотря на достаточную гипотетичность полученных выводов, можно говорить о перспективности описываемого метода. Если при традиционных исследованиях поселения рассматриваются, как правило, в качестве замкнутой системы, то при данном подходе можно проследить процесс их развития.

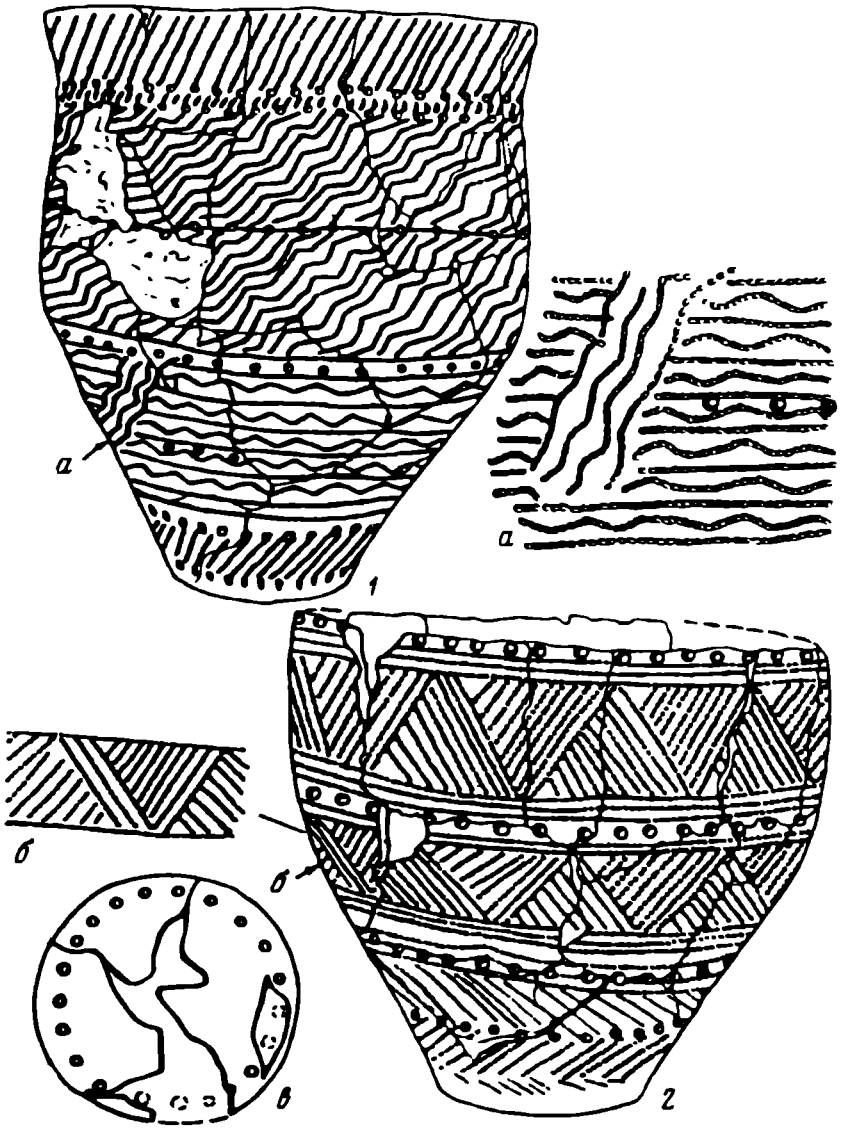


Рис. 4. Керамика поселения Ташково II

Значительная часть докладов была посвящена вопросам социальной организации общества по типам поселений и жилищ (Л. Л. Косинской, Г. М. Бурова, Л. А. Наговицына, В. А. Арефьева).

В докладе Л. Л. Косинской (Екатеринбург) «О типах мезолитических и неолитических поселений бассейна Вычегды в сравнении с одновременными памятниками западносибирской тайги» сделана попытка классифицировать вычегодские памятники по их сезонности и хозяйственной специфике.

Автор воспользовался частью сформулированных Л. В. Кольцовым (1985) принципов определения сезонности мезолитических стоянок и собственными разработками методов статистического анализа массовых коллекций кремня. Расчет численности производственных коллективов производился по методике, применявшейся Л. П. Хлобыстиным (1972) для северных памятников.

Учет всех признаков позволил выделить следующие типы памятников.

I. Довольно крупное (до 500 м^2) поселение круглогодичного обитания с одним двухочажным жилищем, с насыщенным культурным слоем за его пределами. По составу коллекции каменного инвентаря памятник относится к неспециализированным, с полным циклом кремнеобработки. В жилище — фрагменты двух-трех сосудов. Относится к раннему неолиту с накольчатой керамикой.

II. «Летние» поселения, существовавшие в теплое время года.

1. Неспециализированные с полным циклом кремнеобработки, без жилищ или с легким наземным жилищем без очага. Встречаются наружные кострища и хозяйственные ямы. Размеры стоянок от 100—200 до 700—800 м^2. В эту группу входят две позднемезолитические стоянки и одна неолитическая с гребенчатой керамикой камского (хуторского) типа (пять—шесть сосудов).

2. Кратковременные промысловые стоянки площадью до 50 м^2 с одним легким наземным жилищем без очага. Культурный слой вне жилищ не выражен, доля орудий аномально высока (до 25—40% от общего количества кремня), набор их ограничен. Обработка кремня почти не производилась. К этой группе относятся одна позднемезолитическая и одна неолитическая (один сосуд хуторского типа) стоянки.

3. Специализированные стоянки-мастерские (преимущественно по первичной обработке сырья) площадью 50—100 м^2, без жилищ, керамика представлена одним — четырьмя сосудами. Одна стоянка — позднего мезолита, две — неолитические (из них одна с ямочно-гребенчатой керамикой).

III. «Зимние» поселения, существовавшие в холодное время года.

1. Кратковременное зимнее стойбище. От летних отличается более капитальным типом жилища с очагом. Относится к раннему неолиту, керамики нет.

2. Специализированные стоянки с одним жилищем. Число очагов в жилищах различно. Культурный слой за пределами жилищ не выражен. Первичная обработка кремневого сырья почти не проводилась, процесс начинался со стадии подготовленных нуклеусов («домашние мастерские»). Один памятник — позднего мезолита, два — раннего неолита. Керамики нет.

Поселения расположены на краях боровых террас, за исключением двух (стоянка-мастерская в пойме, круглогодичное поселение на гриве посреди болотного массива).

Размеры производственных коллективов на всех типах памятников — от 5—8 до 15—40 человек (одна или несколько малых семей), что характерно для хозяйственно-культурного типа пеших таежных охотников-рыболовов, с преобладающей ролью охоты. Образ жизни реконструируется как полуоседлый с сезонными передвижениями.

В таежных районах Западной Сибири мезолитические и неолитические памятники выглядят более долговременными и оседлыми, отличаясь от вычегодских более капитальными жилищами, более насыщенным культурным слоем, значительным количеством керамики. Анализ их материалов по примененной методике, возможно, позволит выявить различия в организации хозяйства по обе стороны Уральского хребта.

Г. М. Буров (Симферополь) сделал доклад на тему «Неоэнеолитические полуземлянки Крайнего Северо-Востока Европы и социальная организация племен IV—II тыс. до н. э.». Прослежена эволюция жилищ на протяжении рассматриваемой эпохи: в раннем неолите строились прямоугольные помещения с внутренними входами-пандусами на длинной стороне; в позднем неолите длинные прямоугольные полуземлянки с наружными пандусами на коротких сторонах; в финале неолита и энеолите — сходные постройки, но укороченных пропорций; при переходе от энеолита к бронзовому веку — шестиугольные жилища с внутренними пандусами в углах. Полуземлянки реконструируются как срубные постройки.

Площадь домов (одиночных или расположенных группами) колеблется от 10 до 135 м^2. Исходя из усредненных этнографических данных (Л. П. Хлобыстин), согласно которым на одного человека в древности приходилось 3,5 м^2, в одном жилище могло обитать от 3 до 36 человек, а в пос. Галово II (из семи жилищ) — около 100. Каждым из очагов пользовались, как правило, от двух до 10 человек. Места обитания (и Висский могильник) говорят об известной ступенчатости в социальной структуре населения: поселок — группа жилищ — полуземлянка — место у очага. Этнография обских угров и австралийцев — охотников, рыболовов и собирателей, рассеянных на огромных территориях, наводит на мысль, что древнее поселение Северо-Востока принадлежало одной — нескольким большим («расширенным») семьям, состоявшим из малых семей, которые занимали небольшое жилище или место у очага в крупном доме. По площади весьма крупными (обычно 50—100 м^2) были неолитические дома и построенные в позднюю пору медно-бронзовой эпохи (45—135 м^2), а энеолитические жилища, отражающие выраженную дифференциацию общины,— всего 13—70 м^2 (за одиночным исключением).

Подобно обским уграм, древнее население могло быть также разделено на две экзогамные половины (фратрии) разноэтничного происхождения, о чем свидетельствуют «гибридные» культурные типы (вычегодско-вятский, наремский и др.).

С вопросами структуры древних обществ тесно связан доклад Л. А. Наговицына (Ижевск) «Локальные группы в энеолитических культурах Приуралья и Среднего Поволжья».

Основываясь на анализе материалов пяти исследованных поселений вблизи д. Среднее Шадбегово в Чувашии на р. Лоза, относящихся к новоильинской и юртиковской культурам эпохи энеолита, докладчик строит возможные варианты возникновения поселений в данном микрорайоне. По его мнению, все поселения оставлены одной родственной группой населения, которая могла проживать здесь примерно 100—150 лет. Наиболее ранним является Среднее Шадбегово I, датируемое концом новоильинской культуры. За ним в хронологическом плане следуют юртиковские памятники III, II, IV, VI. Автор предполагает, что возможны два варианта объяснения возникновения поселений в этом микрорайоне.

1. Построенный поселок существовал 15—20 лет, но по мере ветшания дома не перестраивались, а рядом выбиралось новое место и сооружался новый поселок.

2. Прожив на одном месте 15—20, может быть, 25 лет, население меняло район проживания, уходя в какой-то соседний район бассейна р. Чепцы, а затем через несколько лет возвращалось обратно, сооружая новое поселение на территории рядом со старым в пределах полукилометра. Материалы поселений практически не различаются между собой, за исключением деталей, что позволяет автору предполагать принадлежность всех указанных комплексов к различным отрезкам времени одного и того же хронологического диапазона (в пределах второй четверти III тыс. до н. э.).

Среднешадбеговские поселения отражают определенные этапы жизни одной и той же родовой группы на отрезке времени 100—150 лет. Близкая картина, как считает докладчик, вырисовывается также на материалах поселений новоильинской культуры Красный Мост II, III на Средней Волге, Сауз I—IV на Нижней Каме, а также в низовьях Чусовой по борским, волосовским и гаринским древностям.

В. А. Арефьев (Нижний Тагил) в докладе «Реконструкция аятского жилища с VI Береговой стоянки Горбуновского торфяника» остановился на характеристике жилища 1 (5×7,4 м), исследованного в 1989—1990 гг.

Реконструируется оно как двухскатное, наземное, с каркасом из жердей и перекрытием из коры.

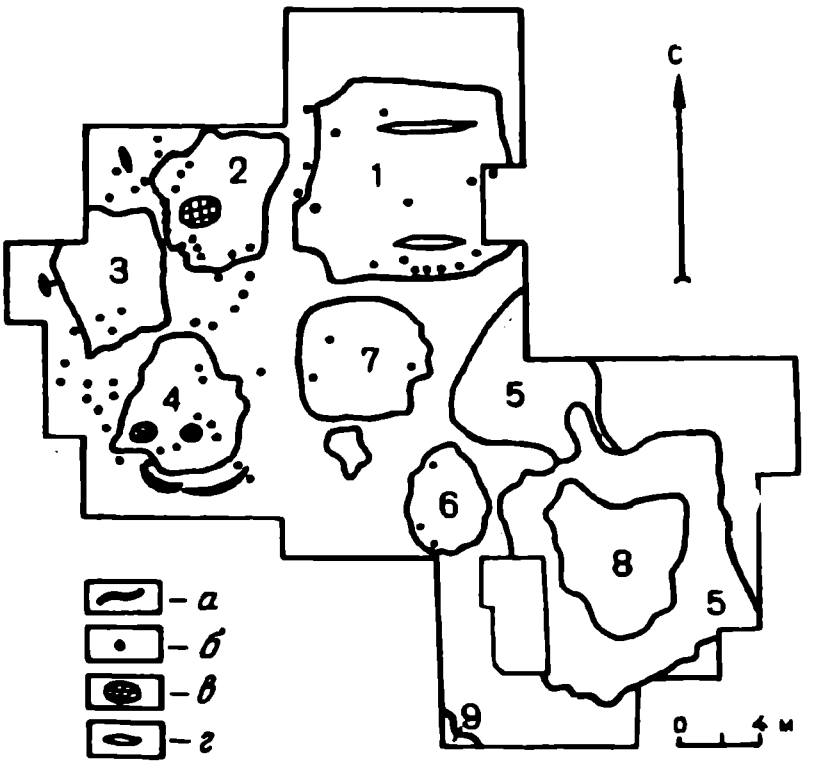


Рис. 5. План поселения Южно-Андреевское озеро XV.
а — очертания жилищ; *б* — столбовые ямы; *в* — прокаленный слой; *г* — канавки

Вход в него располагался с южной стороны. Под восточной длинной стенкой находились две углубленные на 30 см от пола ямы размером 1×1,20 м. При этом наружные половины ям имели перекрытие с земляной засыпкой, а внутренние могли закрываться в жилище плахами или кусками коры. В жилище у входа с правой стороны имелся настил размером 1,7×1,6 м. Основной очаг располагался в центре.

Анализ расположения отщепов и чешуек, попадавших на землю в относительно короткий промежуток времени, позволил определить расположение в жилище некоторых подвижных предметов во время обработки камня. Это — полог, перегораживавший северную половину жилища, и верхняя часть сосуда диаметром ~35 см в виде кольца высотой 8—10 см. Оно было найдено сдвинутым к дальней стенке жилища. Использовалось кольцо для разведения в нем огня. Два прокала от таких временных очагов зафиксированы в отгороженной части.

Дискуссионному вопросу определения хронологических позиций керамических комплексов с гребенчатой орнаментацией посвящен доклад Л. А. Дрябиной и В. А. Асташкина (Тюмень) «Неолитическое поселение ЮАО-XV и проблема хронологического соотношения прочерченно-накольчатых и гребенчатых комплексов в неолите лесостепного Притоболья».

Авторы делают попытку решения вопроса на основе материалов неолитического поселения ЮАО-XV, находящегося в Тюменском Притоболье на оз. Андреевском. Поселение состоит из семи жилищ, расположенных по кругу, вплотную друг к другу (рис. 5). Все жилища, судя по данным планиграфии и стратиграфии, одновременны. В заполнении и на дне всех жилищ находилась ранненеолитическая керамика козловского типа с прочерченно-накольчатой орнаментацией (рис. 6, *4—6*). Вместе с этой керамикой на дне двух жилищ залегали сосуды, орнаментированные только гребенчатым штампом (рис. 6, *1—3*), до сих пор рассматриваемые большинством исследователей как более поздний неолит.

На основании данных фактов авторы делают вывод о сосуществовании в неолите Зауралья на этапе, предшествующем полуденскому (первая половина IV тыс. до н. э.), двух традиций — прочерченно-накольчатой (козловской) и гребенчатой (вторая половина IV тыс. до н. э.), которую следует отличать от поздненеолитических, собственно сосновоостровских комплексов (первая половина III тыс. до н. э.). Ряд исследователей высказали сомнение в одновременности этих жилищ и предложили авторам раскопок еще раз внимательно поработать с материалом, проверить данные стратиграфии.

С большим интересом был заслушан доклад А. П. Журавлева (Петрозаводск) «Определение древних землетрясений в Карелии по археологическим данным», в котором приводятся результаты впервые проведенных сейсмологических исследований комплексной экспедиции Института физики Земли АН, Института геологии ИФ АН, Института зоологии и ботаники АН Эстонии. На Заонежском полуострове в районе д. Пегремы выявлено древнейшее землетрясение 2200 ± 90 г. до н. э., от которого погибли энеолитические поселения Пегрема I, III, VII (рис. 7). Обнаружены палеосейсмодислокации (рис. 8). Возраст некоторых из них совпадает с пегремским катастрофическим землетрясением, после которого Пегрема была оставлена людьми на 900 лет. В докладе подробно харак-

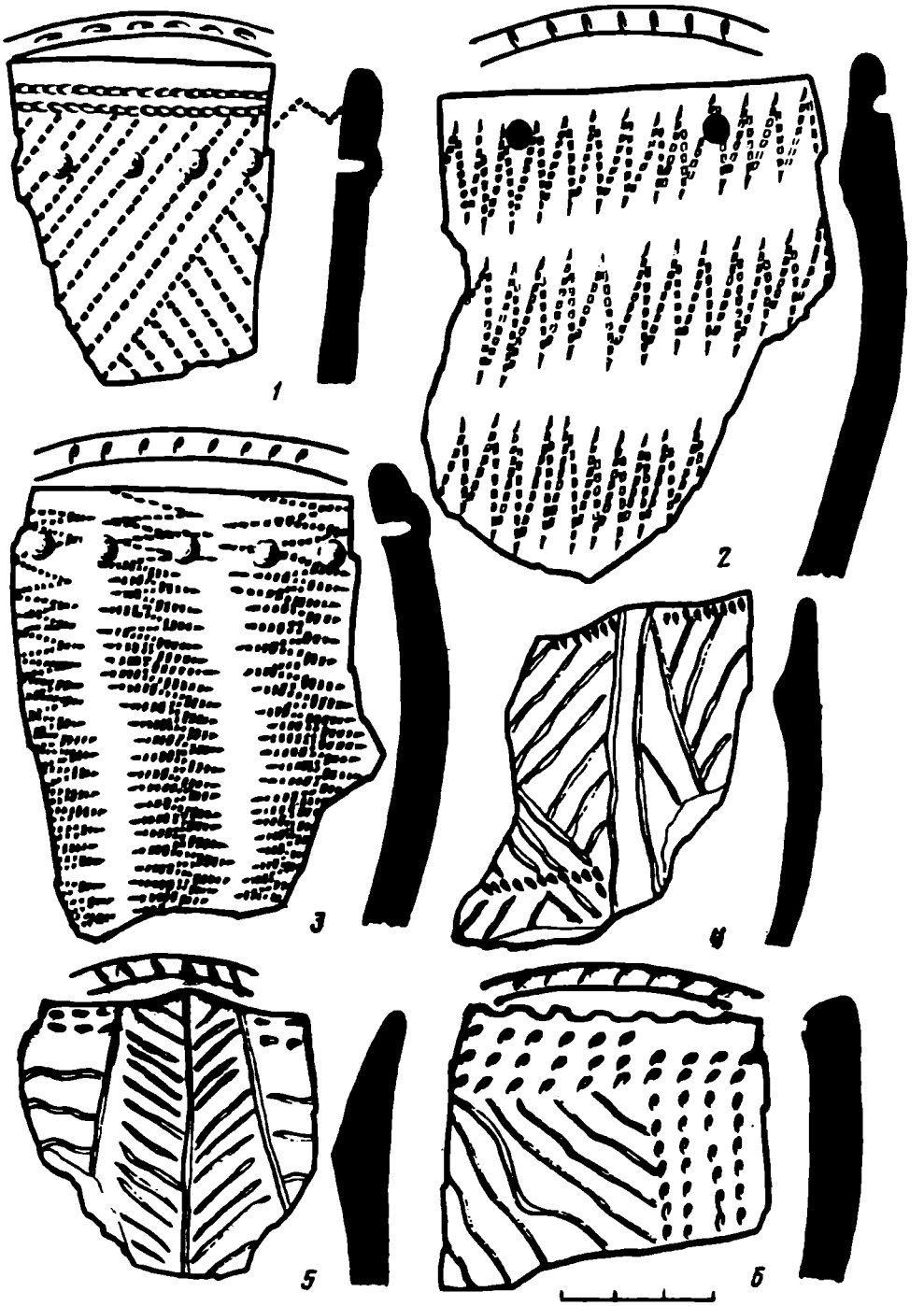


Рис. 6. Керамика поселения Южно-Андреевское озеро XV

еризуется Пегремское землетрясение, выявляются его основные признаки, даются методические рекомендации по выявлению аналогичных катастроф в разных регионах страны.

Участники симпозиума отметили перспективность новых работ в сейсмоархеологическом направлении с участием представителей смежных дисциплин.

Исключительно полезным было посещение участниками совещания ряда интересных памятников, расположенных группой в окрестностях г. Заводоуковска. Благодаря разведкам и раскопкам экспедиций Уральского университета здесь выявлено свыше 30 памятников различных эпох, четыре из них исследованы широкими площадями. Кроме энеолитических поселений Сокольники II и III (Н. К. Стефанова, А. С. Сергеев), алакульских и ирмасовских жилищ на поселении Ук III (Л. Н. Корякова, О. Н. Корочкова, В. И. Стефанов), на последнем и на почти полностью раскопанном поселении Заводоуковское X (А. С. Сергеев) изучены постройки ташковской культуры и собраны обширные коллекции керамики, остатков металлургического производства. Начато и будет продолжено в ближайшие годы изучение ташковского поселения Заводоуковское XIII (Н. К. Стефанова), видимые впадины которого расположены в определенной системе (близкой к овалу), характерной для поселений этой культуры.

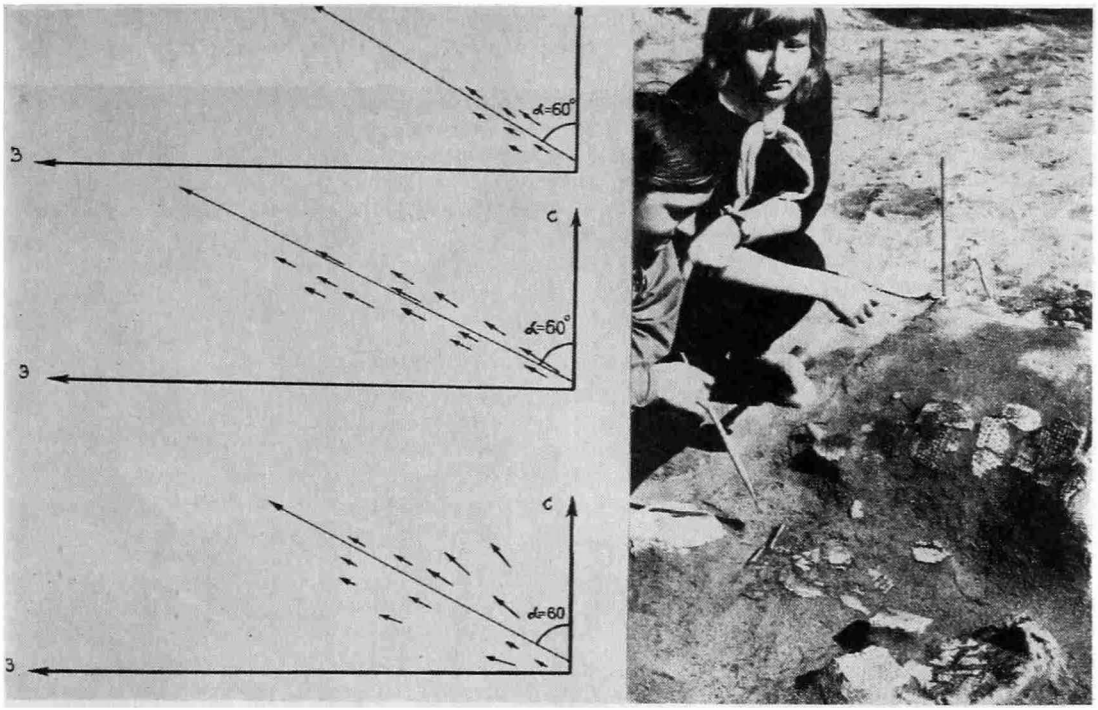


Рис. 7. Направление на северо-запад развалов сосудов в жилище 2 на поселении Петрема I

Параллельно с докладами и дискуссиями по обсуждаемым вопросам на семинаре отрабатывалась методика раскопок жилищ и поселений эпохи энеолита — ранней бронзы непосредственно на примере поселения Андреевское озеро XIII. Предметом споров и проверки на конкретном материале явились вопросы фиксации и интерпретации остатков различных сооружений на песчаных почвах. Были высказаны также интересные соображения по поводу возможных вариантов их реконструкций. Подобный подход к изучению вопросов полевой методики представляется достаточно результативным и предложен участниками совещания в качестве одного из направлений следующих полевых семинаров по рассматриваемой проблеме в других почвенных условиях и на других типах памятников.

Таким образом, на симпозиуме обсуждались проблемы реконструкции различных памятников разных эпох от неолита до раннего бронзового века. Но наиболее острые дискуссии вызвало сообщение по социальной реконструкции поселений ташковской культуры. Эта недавно открытая яркая культура лесного Зауралья представляет исключительный интерес по многим аспектам. Прежде всего она заполнила существующий пробел между эпохой энеолита и развитого бронзового века и тем самым восполнила отсутствие связующего звена в развитии культур лесного Зауралья. Особенно это важно для определения ее места среди культур Уральско-Западносибирского региона и хронологического диапазона. На уровне исследований сегодняшнего дня ташковская культура занимала южную кромку тайги и север лесостепи (в пограничье тайги и лесостепного Зауралья — Притоболья). Поселения выявлены по берегам рек и озер. Культура, видимо, сложилась на основе местных энеолитических культур, но не одной, а ряда смешанных этнических формирований в контактной зоне — аятской, сосновоостровской, андреевской, липчинской. Все эти типы керамики представлены на культовом памятнике Савин, и основные орнаментальные традиции керамического комплекса этого памятника нашли отражение в посуде ташковской культуры. Вместе с тем чувствуется некоторое влияние культуры населения более западных территорий, в частности ранних уральских абашевцев (баланбашцев). В Зауралье, как и в других регионах, переход к бронзовому веку отмечен появлением плоскодонных горшков вытянутых пропорций в отличие от более приземистых южных. Характерной особенностью ташковской керамики являются также валики, как налепные, так и сформованные по шейке сосудов. Наиболее близкие аналогии данному типу посуды в южном и восточном направлениях известны на поселениях одиновского, крохалевского, логиновского типов в лесостепной зоне Западной Сибири, вишневского в Северном Казахстане, что позволяет синхронизировать вышеназванные культуры. По-видимому, в западном направлении эта эпоха представлена памятниками чирковской культуры в лесной зоне и ранними полтавкинцами в лесостепной зоне Поволжья. На севере известны отдельные памятники с близкой плоскодонной посудой и признаками металлообработки в бассейне Конды (раскопки Г. П. Визгалова).

Наиболее вероятное время формирования ташковской и синхронных ей культур — первая четверть — первая треть II тыс. до н. э. Не исключается время ее доживания и сосуществования с памятниками раннеалакульского и раннепетровского и абашевского типов, чему не противоречат находки отдельных фрагментов керамики, сопоставимых с абашевскими и петровскими, на поселениях ташковской культуры.

Ташковская культура наряду с одиновской и крохалевской явилась одним из компонентов формирования раннеалакульских комплексов в лесостепном Притоболье. Особенно это чувствуется в такой орнаментальной традиции, как узоры, выполненные шагающей гребенкой.

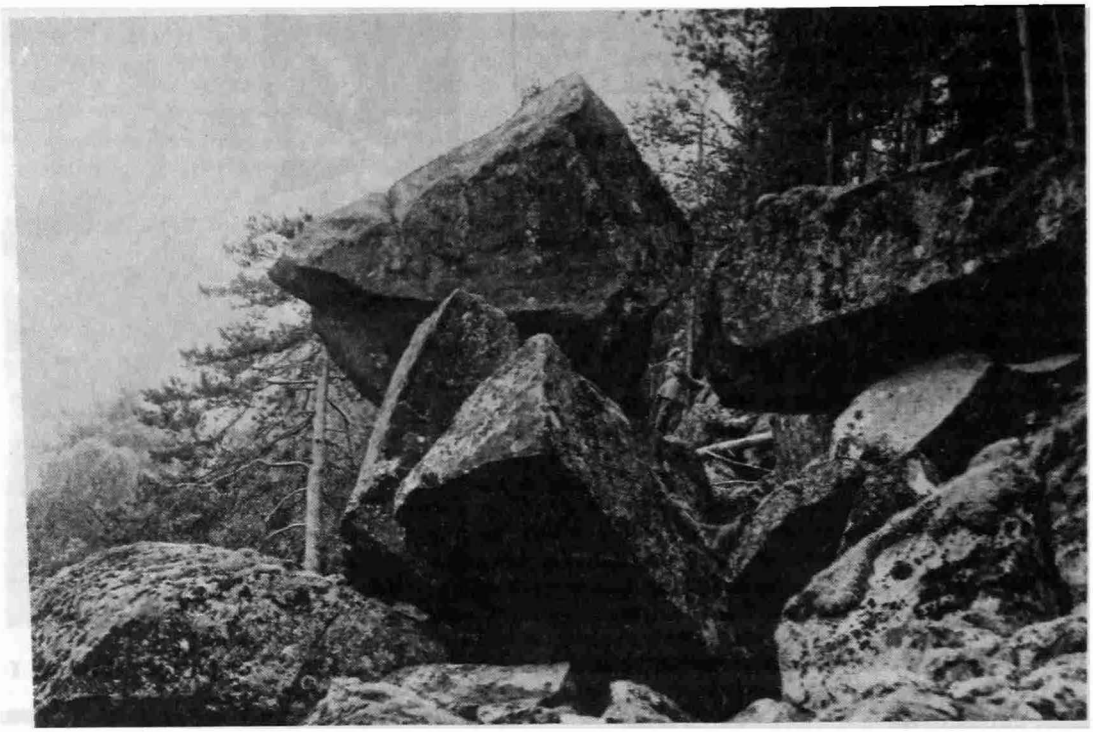


Рис. 8. Сейсмодислокация в Святухе

Традиции круговой планировки, возникнув на идеях круга и связанных с ним представлениях еще в энеолитическую эпоху (культовое место Савин), а также, возможно, в результате восприятия трипольских традиций (в связи со становлением и развитием производящего хозяйства на базе высокоинтенсивного ведения охоты, рыболовства, собирательства), в свою очередь получили дальнейшее продолжение в памятниках средней бронзы на поселениях синташтинского типа (Аркаим) с высокоразвитой металлургией, скотоводством и т. д. Более детальное сопоставление затруднительно в связи с отсутствием публикаций по Аркаиму и Синташте.

Таким образом, в результате работы симпозиума установился круг проблем и конкретных тем по эпохе неолита — ранней бронзы, которые разрабатываются уральской археологией; определились вопросы, в разработке которых наметился определенный прогресс; выявились наиболее актуальные проблемы и уникальные памятники, требующие дальнейших изысканий. Положительные результаты дал взаимный обмен опытом по методике реконструкций и полевых работ, посещение памятников.

Т. М. Потемкина, В. Т. Ковалева

Институт археологии РАН, Москва
Уральский университет, Екатеринбург

IV КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ЭТНОГЕНЕЗУ И ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ БАЛТОВ (Паланга, 1991)

Конференции по этногенезу и этнической истории балтов проводятся с 1977 г. регулярно через каждые 4—5 лет. Очередная конференция состоялась 25—28 сентября 1991 г. в литовском городе Паланге. Ее организатором был Институт истории Литвы Литовской Академии наук. В конференции приняли участие археологи, этнографы, антропологи, лингвисты, историки-медиевисты и искусствоведы из научных учреждений, учебных заведений и музеев Литвы, Латвии, России, Белоруссии, Украины, Польши и США. На обсуждение были вынесены вопросы этногенеза, этнической истории и этнических контактов западных балтов. Всего было прочитано 29 докладов, в том числе 20 археологических. Большая доля последних обусловлена заметно возросшей ролью археологии в изучении проблемы происхождения и ранней истории балтов.

© В. В. Седов, 1993 г.

Дискуссионная тема о зарождении и становлении балтов как отдельного этноязыкового образования индоевропейцев анализировалась в трех докладах. Р. Римантене (Вильнюс) в докладе «Начало земледелия на территории балтов» связала вопросы раннего этногенеза балтов с начальным распространением земледелия в Юго-Восточной Прибалтике. Исследовательница полагает, что становление земледелия в этом регионе вело к сложению более устойчивых коллективов. Древнейшие земледельческие орудия найдены при раскопках Швянтойи-3 (обломок мотыги, а также семена конопли из слоя, датируемого по ^{14}C около 3000 г. до н. э.) и Швянтойи-6 (три ручных рала из поздненарвского слоя, датируемого по ^{14}C около 2600 г. до н. э.). Они сопоставимы с земледельческими орудиями Центральной Европы и Балканского полуострова.

Нарвская и неманская культуры вместе с культурами шаровидных амфор и шнуровой керамики стали компонентами приморской (жуцевской) культуры, когда в Юго-Восточной Прибалтике окончательно утвердилось земледелие и, по всей вероятности, сложилась западнобалтская общность. На поселении жуцевской культуры Нида найдено уже 75 мотыг, обломки зернотерок и лезвия от серпов, а на стоянке Швянтойи-4А — обрядовая модель деревянного ярма. Распространение земледелия, как утверждает докладчица, невозможно путем культурного обмена между соседями. Оно несомненно было привнесено в земли Юго-Восточной Прибалтики сначала племенами культуры шаровидных амфор (одна из групп индоевропейцев), затем племенами культуры шнуровой керамики (другая группа индоевропейцев). Однако основным путем распространения нового типа хозяйственной деятельности была не смена населения в результате нашествия, а длительные экзогамные взаимоотношения.

Доклад И. Лозе (Рига) «О дифференциации культур позднего неолита на территории Восточной Прибалтики» был посвящен древностям культуры боевых топоров и им предшествующим. Исследователь показал сложную культурную ситуацию в Прибалтийском регионе накануне распространения культуры шнуровой керамики. Западная часть балтов, по мнению И. Лозе, сформировалась на основе племен жуцевской культуры, восточная — на базе более восточных группировок культуры шнуровой керамики. Различия между западными и восточными балтами были обусловлены различными неолитическими субстратами — племена неманской культуры стали субстратными при сложении западных балтов, племена марьяновской — днепровских балтов.

В выступлении А. Гирининкаса (Вильнюс) «Предыстория образования восточных и западных балтов» констатировалось, что начало формирования прибалтийских культур восходит к мадленскому и маглемозскому кругу древностей. Одним из существенных компонентов генезиса балтов были племена нарвской культуры, а дифференциация последних на юго-западную и северо-восточную группы послужила началом формирования западных и восточных балтов. Импульсом дальнейшего развития различий между западными и восточными балтами стало распространение в юго-западной части нарвского культурного ареала культуры шнуровой керамики и последующее сложение жуцевской культуры со скотоводческо-земледельческим населением. Завершением формирования западных балтов следует считать культуру западнобалтских курганов раннего железного века. Восточные же балты, по представлениям А. Гирининкаса, сложились на основе населения поздней нарвской культуры со скотоводческим мировоззрением. Их окончательное оформление относится ко времени образования культуры штрихованной керамики.

Доклад А. Васкса (Рига) «О южных связях Балтии в раннебронзовом веке» был посвящен костяным булавкам с плоскими головками, весьма распространенным в древностях Латвии. Исследователь обосновал, что это были подражания бронзовым булавкам Центральной Европы, широко известным, в частности, в памятниках унетицкой культуры. Датируются центральноевропейские бронзовые булавки XVIII—XVI вв. до н. э., а костяные на территории Латвии — второй половиной II тыс. до н. э. Какого-либо хронологического разрыва между ними, как ранее полагали отдельные исследователи, не существует.

С. Е. Рассадин (Минск) в выступлении «Западнобалтские курганы и милоградская культура» сосредоточил внимание на глиняных круглодонных сосудах, характерных для милоградских древностей. Докладчик полагает, что такие сосуды в милоградском ареале, как и в ананьинском Прикамье, имеют независимое местное происхождение. Круглодонная керамика свойственна также синхронным западнобалтским древностям. Подчеркивая некоторые различия милоградской и западнобалтской керамики, он допускает самостоятельное развитие круглодонной посуды в культуре западнобалтских курганов, независимое от милоградской.

В дискуссии по этому докладу В. Новаковский (Варшава) не согласился с последним заключением С. Е. Рассадина, указав на то, что культура западнобалтских курганов с характерной круглодонной глиняной посудой явно неместного происхождения. Для такого утверждения, как показали польские археологи, есть твердые основания. Истоки этой культуры, по всей вероятности, восходят к милоградской, других пока обнаружить никак не удается.

Много внимания было уделено вопросам пограничных и глубинных отношений западных балтов с восточными. А. Лухтанас (Вильнюс) в докладе «Влияние западных балтов на культуру штрихованной керамики» проанализировал могильник этой культуры, исследованный в Кернаве. Среди его захоронений есть глиняные сосуды-урны со штрихованной поверхностью. В их конструкциях отмечено использование камня, что является особенностью, характерной для погребального ритуала западнобалтских племен. Эти погребения, как и известные на пограничье Литвы и Белоруссии, отражают проникновение небольших групп западнобалтского населения в среду племен культуры штрихованной керамики, принадлежащих к восточным балтам.

Л. Вайткунскене (Вильнюс) свой доклад «К вопросу о субстрате культуры западных жемайтов» посвятила погребальным памятникам западного региона Жемайтии. Использование камня в устройстве могил (кольцеобразные и иные сооружения), а также некоторые вещевые находки, сопоставимые с западнобалтскими древностями, послужили основанием для вывода о субстратном

участии западнобалтского населения в этногенезе западных групп жемайтов. Очевидно, ранее эти земли Жемайтии были заселены западнобалтскими племенами.

В докладе В. Ш и м е н а с а (Вильнюс) «Этническая граница между западными и восточными балтами в I тыс. н. э.» говорилось о неоднократных миграциях, имевших место в древности на территорию Литвы, в частности шла речь о проникновении в Литву в середине I тыс. нового населения с далекого юга. Исследователь полагает, что западным балтам в I тыс. принадлежали не только прусско-ятвяжские и куршские регионы, но и более северо-восточные земли. Курганы Северной Жемайтии и Южной Латвии (ареал селов), имеющие кольцевидные сооружения из камней (можно полагать, что среди них есть и бескурганные каменные выкладки из камней, идентичные куршским погребальным памятникам), следует отнести к западным балтам. В пользу этого, по мнению докладчика, говорят и некоторые вещевые находки северножемайтско-селонских курганов, имеющие аналогии в прусско-куршских землях, а также данные языкознания (согласно В. Мажюлису, жемайтские и селонские диалекты в древности относились к западнобалтской языковой группировке).

В дискуссии по докладу В. Шименаса Л. Вайткунскене отрицала серьезные миграционные движения на территории Литвы в I тыс. н. э., подчеркивая земледельческий характер проживавшего здесь населения, не склонного к перемещениям, а изменения в типах и характере вещевых материалов, наблюдаемые археологами, следует объяснять культурными влияниями. Наоборот, А. Лухтанас говорил о том, что миграции населения на территории Литвы в древности безусловно имели место. Примером одной из серьезных миграций является факт прекращения функционирования культуры штрихованной керамики и распространение восточнолитовских курганов. Вместе с тем этот исследователь не согласился с В. Шименасом в том, что население Северной Жемайтии и Селонии было западнобалтским. Те элементы погребальной обрядности, которые были продемонстрированы докладчиком, действительно принадлежат к западнобалтским, но следует иметь в виду, что в тех же жемайтийских и селонских погребальных памятниках присутствуют элементы (например, серпы и другие вещевые находки), которые объединяют их с кругом восточнобалтских древностей. Очевидно, нужно допустить, что между западно- и восточнобалтским ареалами существовали и промежуточные земли. К таким, видимо, принадлежат Жемайтия и Селония.

В докладе А. М я р к я в и ч ю с а (Вильнюс) «Различия особенностей западных и восточных балтов по данным погребальных обрядов» сопоставлялись элементы похоронных ритуалов западно- и восточнобалтских памятников эпохи ранних металлов.

В нескольких докладах исследовались древности отдельных западнобалтских племен в связи с их этнической историей. В. Н о в а к о в с к и й в докладе «Самбия и низовья Немана в римском периоде» на основе типологического сравнения и картографирования фибул, шейных гривен и некоторых иных вещевых находок из погребальных памятников региона нижнего Немана убедительно показал, что эта область по многим параметрам в культурном отношении сопоставима с Самбией. Культуру римского времени низовьев Немана следует считать вариантом самбийских древностей.

В выступлении В. И. К у л а к о в а (Москва) «Истоки прусской культуры (IV—V вв. н. э.)» утверждалось, что основу формирующейся раннесредневековой культуры пруссов составляли как местные западнобалтские древности, так и древности, принесенные группой населения из Подунавья. Докладчик полагает, что около 475 г. в Пруссию возвратилась значительная группа балтоязычного населения, принесшая массу культурных элементов, сопоставимых с синхронными дунайскими древностями. Выступивший по докладу В. Новаковский согласился с В. И. Кулаковым, полагая, что спорной является лишь дата появления в прусских землях южных переселенцев.

А. А с т р а у с к а с (Вильнюс) в докладе «Современное состояние ятвяговедения. Итоги и перспективы» отметил, что имеющая место в научной литературе дискуссия по основным вопросам археологии и истории ятвягов обусловлена трудностями выявления и определения древностей этого племени. Некоторые исследователи склоняются к мысли, высказанной еще Н. П. Авенариусом, о том, что ятвяги были бродягами, не оставившими заметных следов, изучаемых археологией. В последнее время отдельные польские археологи даже каменные курганы римского времени Сувалкии не склонны считать ятвяжскими, предлагая именовать их осовскими или сувалкскими. Докладчик утверждал, что каменные курганы и сменившие их каменные могилы Понеманья следует рассматривать как памятники ятвягов. Это заключение координируется со всеми историческими данными и подкрепляется рядом косвенных материалов.

Технологическому анализу серии западнобалтских украшений раннего средневековья был посвящен доклад Р. В о л к а й т е-К у л и к а у с к е н е (Вильнюс) «Новейшие исследования декора балтских украшений». Рассматривались куршские украшения, плакированные серебром и изготовленные сложной технологией, из могильников в окрестностях Кретинги (Лаздининкай, Генчай и Пришманчяй 1). Это булавки с крестовидной или треугольной головками и привески к ним, арбалетные фибулы, различные головные украшения, которые изучались при помощи растрового электронного микроскопа-микроанализатора и рентгеновской аппаратуры. Установлено использование пяти цветных металлов (серебра, свинца, олова, меди и цинка) и сплавов (бронзы и латуни). Мастера-ювелиры умело и свободно манипулировали различными металлами и сплавами, хорошо зная их свойства, достигая необходимой цветности и совершенства форм декоративных элементов.

Прямоугольные каменные конструкции и стенки, выложенные из камней, были объектами рассмотрения в докладе Ю. У р т а н с а (Рига) «О древних каменных конструкциях в Южной Курземе». Докладчик связывает их с земледельческой деятельностью и сопоставлял с топонимическими материалами.

Я. А с а р и с (Рига) в выступлении «Северная граница куршей в XI—XIII вв. (по материалам могильников)» охарактеризовал погребальные памятники Северной Курземе и проанализировал их в связи с куршско-ливскими взаимоотношениями. Было показано, что курши постепенно продвигались в рассматриваемое время в северном и восточном направлениях, расселяясь в землях ливов.

Доклад А. Цауне (Рига) «Об этнической принадлежности так называемых куршских захоронений XII—XIV вв. в Риге» посвящен трупоположениям с куршскими вещами, исследованными при раскопках в Риге. Докладчик утверждал, что это погребения переселенцев из Курземе и они составляли часть городского населения Риги.

Г. Забела (Вильнюс) в выступлении «Информация о земле Ламата» собрал и проанализировал все немногочисленные данные исторических источников конца XIII—XV вв. об этой литовской земле. Исследователь считает, что использовать археологические материалы более раннего времени для определения земли Ламата неправомерно, также нельзя рассматривать жителей Ламата как отдельное балтское племя. Ламата — историческая территория и была частью Жемайтии.

Балто-славянские взаимоотношения анализировались в двух докладах. Всестороннему исследованию погребальных памятников XI—XIII вв. Среднего Повисленья был посвящен доклад В. В. Седова (Москва) «Влияние западных балтов на культуру соседних славянских племен в раннем средневековье (каменные могильники Мазовии и Подляшья)». По вещевым материалам выделены три хронологические стадии, что позволило говорить об эволюции обрядности от каменных курганов, вполне сопоставимых с ятвяжскими, до могил, обозначенных на поверхности выкладками из камней. Была продемонстрирована взаимовстречаемость восточной ориентировки умерших с ранними погребальными сооружениями Мазовии, а вещевых инвентарей из таких захоронений — с западнобалтским кругом древностей. В итоге устанавливается, что славянское население Мазовии и Подляшья XI—XIII вв. было прямыми потомками местного западнобалтского населения. Его славянизация протекала при незначительной инфильтрации собственно славянского населения, в основном путем постепенного освоения местным населением славянского языка.

В дискуссии по этому докладу В. Новаковский поднял вопрос о населении Среднего Повисленья в I тыс. н. э., полагая, что вельбаргские древности, распространенные здесь еще в первой половине этого тысячелетия, никак не связаны с западными балтами, а памятники последующего времени неизвестны. В ответном выступлении В. В. Седов отметил, что носителями вельбаргской культуры были не только готы, но и иные племена, в том числе и западнобалтские. Ко второй половине I тыс. в регионе правобережья Среднего Повисленья относятся, нужно полагать, каменные курганы с трупосожжениями, явно западнобалтского (ятвяжского) облика, известные по раскопкам, но трудно датируемые из-за полного отсутствия вещевых материалов. Безынвентарность свойственна и синхронным каменным курганам ятвягов Сувалкии и Понеманья.

В докладе О. Петраускаса (Киев) «К вопросу о балто-славянских отношениях по материалам обряда погребения в раннем железном веке и раннем средневековье» сделан сопоставительный обзор отдельных элементов похоронного ритуала на протяжении многих столетий, при этом подчеркивались отличия и сходные явления.

С интересом был выслушан доклад Э. Мугуревича (Рига) «Хроника Генриха Латвийского о народностях Прибалтики в начале XIII в.». Он показал неодинаковое отношение этого христианского миссионера к различным балтским и прибалтийско-финским племенам, а самих племен к христианской религии. В «Хронике» нашло отражение наметившееся территориальное членение племен Юго-Восточной Прибалтики, а также враждебное отношение католичества к русскому православию.

Из неархеологических докладов можно прежде всего назвать выступление историка Ю. Юргиниса (Вильнюс) «Взаимоотношения жемайтов и куршей по историческим источникам XIII века», склоняющегося к мысли о небалтской атрибуции куршей, и лингвиста В. Римши (Каунас) «Западные балты в древности», утверждавшего, что ядром балтов являются литовцы, язык которых стал основой других языковых и диалектных образований рассматриваемой этнической общности.

Этнографы предложили для обсуждения на конференции три доклада: Р. Меркене (Вильнюс) «Календарные обычаи в Западной и Южной Литве: общности и особенности в этнической культуре», А. Чепайтене (Вильнюс) «Еще один аспект в исследованиях этногенетических явлений балтов: типы прялок и пряслиц», Ж. Шакниса (Вильнюс) «Региональные особенности сельской молодежи Западной и Восточной Литвы в начале XX в. в свете этнических контактов».

Выступления антропологов — А. А. Зубова и Н. Халдеевой (Москва) «Одонтологическая классификация прибалтийских народов», Р. Гравере (Рига) «Западнобалтские по происхождению одонтологические компоненты у латышей» и И. Бальчюнене (Вильнюс) «Тип и генезис человека приморской культуры» — касались одонтологической классификации и генезиса отдельных компонентов антропологии балтов.

Интерес вызвало выступление Р. Апанавичюса (Вильнюс) «Западные балты по данным этноинструментологии». В картографическом распределении разных типов духовых и струнных музыкальных инструментов исследователь видит древние границы между различными этническими образованиями.

На заключительном заседании конференции выступили В. В. Седов, Р. Волкайте-Куликаускене и Э. Мугуревич. В. В. Седов остановился на наиболее дискуссионных моментах этногенеза и этнической истории балтов. Этногенез этого этноса все же следует начинать с расселения племен культур шнуровой керамики, поскольку формирование балтов теснейшим образом переплетается с генезисом других индоевропейцев — германцев, славян, кельтов, иллирийцев и италиков. Племена культур шнуровой керамики были одной из группировок древнеевропейцев, следами расселения которых является многочисленная гидронимия, названная Г. Крае древнеевропейской. Более древнее население Северной Европы, в том числе племена нарвской и неманской культур, нужно относить к доиндоевропейскому, проживание которого фиксируется наукой. Индоевропеизация древнего населения Северной Европы протекала не только за счет расселения собственно древнеевропейцев, но и посредством освоения древними местными племенами нового языка. Так, по всей вероятности, произошло с поздненарвским населением, которое не было затронуто миграцией племен культуры боевых топоров и культура которого некоторое время функционировала островками в ареале древнеевропейского населения.

Этногенез западных балтов не следует ограничивать формированием жуцевской культуры и культуры западнобалтских курганов. Этногенетический процесс был более сложным, и в нем, по-видимому, приняло участие и население лужицкой культуры. Без участия последнего генезис западных балтов не может быть понят, невозможно объяснить распространение балтских гидронимов в регионах западнее Вислы.

Отчетливой границы между западными и восточными балтами в древности, по всей вероятности, не было. Их разделяла более или менее широкая полоса промежуточных или переходных говоров, что наблюдается между родственными языками и поныне. Переходная зона от западнобалтского ареала к восточнобалтскому должна выявиться и по археологическим данным.

Из всех племенных образований балтов наименее изученными оказались ятвяги. Некоторые трудности в изучении археологии и истории их обусловлены и тем, что ныне древняя территория ятвягов расчленена государственными границами между Литвой, Польшей и Белоруссией. Представляется целесообразным образование научного центра по изучению ятвягов, который взял бы на себя координацию исследований.

На конференции с докладами выступили представители разных наук. При этом вопросы этногенеза и этнической истории балтов рассматривались исключительно на материалах только одной из научных дисциплин. Это оправдано на первой стадии этногенетических изысканий. Однако в дальнейшем изолированные исследования, покоящиеся на материалах одной из наук и решающие задачи ее, могут стать сдерживающим началом в изучении этногенеза балтов. По-видимому, уже к следующей конференции наряду с археологическими, антропологическими, лингвистическими и этнографическими докладами целесообразно подготовить выступления, созданные в условиях сотрудничества археологии и языкознания, археологии и антропологии и т. п.

Р. Волкайте-Куликаускене, отметив плодотворность работы настоящей конференции, поддержала мысль о необходимости подготовки комплексных докладов по этногенезу балтов. Все доклады, прочитанные на конференции, будут опубликованы Институтом истории Литвы отдельной книгой. Э. Мугуревич от имени участников конференции поблагодарил ее организаторов и объявил, что следующая конференция по этногенезу и этнической истории балтов будет проведена в Латвии.

В. В. Седов

Институт археологии РАН,
Москва

КОНФЕРЕНЦИЯ «АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ И ПРОБЛЕМЫ ИХ ИНТЕГРАЦИИ» (Санкт-Петербург, 1991)

4—5 декабря 1991 г. в Государственном Эрмитаже проходила научная конференция «Археологические культуры Евразии и проблемы их интеграции», посвященная 60-летию Отдела археологии Восточной Европы и Сибири. Были зачитаны доклады, охватывающие тематически значительный хронологический диапазон: от палеолита до X в.

С. А. Демещенко в докладе «Место стоянки Мальта среди позднепалеолитических культур Евразии» сообщила о результатах своего исследования, позволивших сделать вывод, что стоянка Мальта с ее характерным набором инвентаря и предметов искусства является связующим звеном между поселениями типа Игетейский Лог и более молодыми стоянками — Ачинской и Тарачихой.

А. М. Микляев, Б. С. Короткевич и А. Н. Мазуркевич, выступавшие с докладом «Древности каменного — железного веков в Двинско-Ловатском междуречье (опыт археолого-палеогеографической периодизации)», представили схему развития материальной культуры региона от позднего палеолита до раннего средневековья. В основе схемы — комплексный метод анализа разнообразных данных и сочетание археологических датировок с радиоуглеродными, при учете сведений об изменении растительности и климата по результатам спорово-пыльцевого анализа и наблюдений над ходом трансгрессивно-регрессивных явлений в древних водоемах на протяжении конца плейстоцена — голоцена. Они известили также о находке раннепалеолитических предметов в р. Западная Двина близ г. Велижа Смоленской области.

И. В. Калинина в докладе «Об историческом соотношении „плетеных" и „челюстных" орнаментов» пришла к выводу, что противоречия между плектогенной и зоогенной теориями генезиса орнамента на глиняной посуде снимаются признанием единства исторической технологии и семантики.

В докладе Г. И. Смирновой «Миграционные и интеграционные процессы в Прикарпатском Поднестровье в предскифское время» было сообщено, что в регионе, представлявшем собою пограничную зону, происходил процесс смешения разнокультурного населения при глубокой инфильтрации гальштатских компонентов. В результате сложилась позднечернолесская общность, близкая, но не идентичная, гальштатским культурам.

© А. М. Микляев, 1993 г.

А. Ю. Алексеев, прочитавший доклад «Уникальный уздечный набор из Александропольского кургана», считает, что появление в степной Скифии необычного уздечного набора в эпоху Александра Великого отражает контакты европейских скифов со среднеазиатскими и с македонянами, находившимися в среднеазиатском регионе.

Л. Л. Баркова в своем докладе «Изображение человека в искусстве древнего Алтая (по материалам Больших Алтайских курганов)» полагает, что культ солнца, неба, солярная символика, древо жизни — понятия, присущие всей мировой мифологии, в скифосибирском искусстве кочевников Евразии воплощались не только в образе животных, но и человека.

Согласно выводам доклада Е. Ф. Чежиной «Образы верблюдов в искусстве ранних кочевников Евразии (пути распространения и развития)», одним из самых ранних центров распространения образов верблюдов-бактрианов был регион Приуралья и Западного Казахстана, сложившийся в конце VI—IV вв. до н. э. Культурными импульсами из этого региона, обусловленными передвижением каких-то этнических групп, образ был распространен в сопредельные районы.

Н. Г. Горбунова в докладе «Сарматы и скотоводы Средней Азии (состояние проблемы соотношения культур)» предприняла успешную попытку рассмотрения памятников среднеазиатских скотоводов в соответствии с периодизацией и хронологией сарматской культуры. По мнению докладчика, в настоящее время можно лишь подтвердить близость, но не идентичность культуры среднеазиатских скотоводов к сарматской.

Обзор различных точек зрения о территории, хронологии, происхождении и этнической интерпретации зарубинецкой культуры был сделан в докладе К. В. Каспаровой «Некоторые спорные вопросы в изучении зарубинецкой культуры». Она полагает, что для определения этноса культуры данных еще мало и считать ее раннеславянской оснований нет.

В докладе М. Б. Щукина, В. Е. Еременко «К проблеме кимвров, тевтонов и кельто-скифов: три загадки» проводятся мысли, что угроза со стороны северных варваров привела к трансформации Римской республики в империю, что походами варваров был открыт проход через Герцинский лес из Восточной Европы: что эти походы вызвали трансформацию кельтского общества из военно-аристократического в промышленно-торговое, что привело к утрате военного потенциала.

Сопоставление вещей из Сибирской коллекции Петра I, хранящихся в Эрмитаже, и рисунков с предметов из коллекции бургомистра Амстердама Н. Витсена позволило М. П. Завитухиной, выступавшей с докладом «Некоторые вопросы изучения Сибирской коллекции Петра I», сделать вывод, что формирование этой коллекции началось ранее известных указов и законов на основе устных повелений и письменных распоряжений о сборе археологических древностей.

Доклад Е. И. Оятевой «„Дарственные пластины" в художественной металлической пластике Прикамья I — начала II тыс. н. э.» был посвящен выявлению одной из функций «чудских образков» с сюжетом «проводы посланца». Докладчик считает, что «посланец» нес не только жертвы, но и просьбы о благополучии людей, что сами «дарственные пластины» — документ, фиксирующий факт принесения даров Роду.

З. А. Львова выступила с докладом «Перещепинский набор предметов вооружения и снаряжения знатного воина и его владелец». Она полагает, что перещепинские сокровища принадлежали историческому лицу, которое не имело отношения к Куврату Великой Болгарии. Комплекс может быть захоронением государя унно-гундуров, племянника Органы, христианина Куврата, получившего богатые дары от императора Ираклия после заключения с ним мира.

Н. А. Фонякова в докладе «Бронзовый ковш из Кипа» пришла к выводу, что ковш изготовлен алано-болгарскими ремесленниками в мастерских Хазарии, где в конце IX — начале X в. начали изготовлять художественную посуду наряду с мелкими бронзовыми вещами.

Доклад Л. С. Марсадолова «Астрономическая обсерватория в Горном Алтае» не был прочитан.

В последний день конференции имела место небольшая дискуссия. К началу конференции были опубликованы краткие тезисы докладов тиражом 300 экземпляров.

А. М. Микляев

Государственный Эрмитаж,
Санкт-Петербург

КОНФЕРЕНЦИЯ «ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ И ИСТОРИИ БОСПОРА» (Керчь, 1991)

15—19 октября 1991 г. в Керчи проходила юбилейная научная конференция «Проблемы археологии и истории Боспора», приуроченная к 165-летию Керченского историко-археологического музея. В ее работе участвовало более 80 ученых из Керчи, Севастополя, Симферополя, Одессы (Украина), Москвы, Санкт-Петербурга (Россия), Тбилиси (Грузия), Констанца (Германия), Варшавы (Польша),

© Н. Ф. Федосеев, 1993 г.

Вашингтона, Нью-Йорка, Фиарфакса (США), Афин (Греция), Парижа (Франция), а также супруга посла Великобритании леди Брейтвейт. К началу работы конференции были опубликованы тезисы.

Основные задачи конференции были сформулированы во вступительном слове директора Керченского историко-культурного заповедника Э. В. Яковенко, которая отметила необходимость консолидации всех научных сил в изучении истории Боспора и его памятников.

В ходе работы конференции заслушано и обсуждено 17 докладов и сообщений. В докладе Э. В. Яковенко и Н. Н. Симоновой (Керчь) «Керченскому музею древностей 165 лет» основное внимание было обращено на идею «связи времен», ставшую основой в XIX в. для градостроительной концепции города, создания на базе частного собрания П. Дюбрюкса музея древностей и актуальность этой идеи в настоящее время.

Итогам и перспективам «Охранных археологических исследований Керченского заповедника» был посвящен доклад В. Н. Зинько. Созданная в 1989 г. постоянно действующая археологическая экспедиция взяла на себя функции выполнения не только спорадических охранных раскопок, но и целенаправленных крупномасштабных исследований при проведении земляных работ в городе. Совместно с научно-исследовательскими организациями других городов экспедиция провела исследования на более чем 10 объектах. Вместе с тем докладчик отметил наличие трудностей в вопросах финансирования. В перспективе работы экспедиции — разработка программы изучения, сохранения памятников археологии и создание единого Боспорского археологического центра.

В докладе В. Шуллера (Констанц) «Романизация Черного моря» основное внимание уделено латинской надписи из Каллатиса, связанной с взятием Каллатиса Лукулом. Подобные надписи, которых в настоящее время известно 14, свидетельствуют о наличии в городе населения, говорившего на латыни.

А. И. Айбабин (Симферополь) в своем докладе «О датировке раннесредневекового некрополя Боспора» основной упор сделал на анализ пряжек и фибул из захоронений в Крыму. Автор отвергает гипотезу К. П. Засецкой о запустении Боспора в VII в. и приводит данные о существовании города и в VII—IX вв., и в более позднее время.

Попытку выделить «Жанры надгробного рельефа Европейского Боспора» предприняла Т. А. Матковская (Керчь). Автор провела изобразительную типологизацию надгробных стел, разделив все рельефы на сцены бытового жанра (уличные сценки, домашняя обстановка, в том числе кабинет ученого), батальный жанр, портрет, марина, натюрморт (введен в бытовые сцены), анималистические изображения, доказав тем самым, что мастера, несмотря на сложившиеся религиозные представления, находили оригинальные решения для воплощения своих замыслов.

«История комплектования коллекции краснофигурной керамики керченского заповедника», насчитывающей в настоящее время 542 предмета, была рассмотрена в сообщении В. Н. Боровковой (Керчь).

«Предварительные результаты охранных работ на поселении Госпиталь» были представлены в докладе Н. Ф. Федосеева (Керчь). Поселение (середина V — третья четверть IV в. до н. э.) имеет четко выраженную животноводческую специализацию: помимо жилых комплексов здесь открыты стойла для скота со стоками и приемными ямами. Уникальность памятника заключается в том, что все комплексы заглублены в землю. На противоположной стороне холма существовало наземное здание (усадьба) с конца V — первой четверти III в. до н. э.

Недоумение вызвало сообщение А. Ю. Шастеля (Одесса) «Конфигураторы знаний древних цивилизаций», априори заявившего, что многогранники с буквами являются закодированными знаниями древних о космосе.

А. А. Масленников (Москва) в докладе «Эволюция организации обороны хоры Европейского Боспора» выделил несколько этапов в строительстве оборонных сооружений. Автор подчеркнул, что задача общей стратегической обороны решалась в VI—I вв. до н. э. дипломатическими средствами. Лишь при Асандре защита строилась на состоянии фронтальной и очаговой обороны. В начале второй половины III в. н. э. большинство поселений Европейского Боспора гибнет, а в IV—VI вв. н. э. оборона сводится к укреплениям немногих городищ и самим городам.

Проблема романизации Причерноморья была затронута также и в докладе М. Ю. Трейстера (Москва) «Римляне в Пантикапее». Находки римских вещей в Пантикапее автор объясняет либо дипломатическими контактами Боспора и Рима, либо присутствием определенного контингента римских войск в период борьбы за боспорский трон между Динамией и Асандром, либо походом на Боспор Полемона. Часть находок связывается с эпизодами римско-боспорской войны 45—49 гг.

Возможности археологических методов в археологии были представлены в докладе Т. Н. Смекаловой (Санкт-Петербург), написанном в содружестве с А. А. Масленниковым (Москва) и В. Л. Мыцом (Алушта) — «Охранные археофизические исследования». Автор особо обратила внимание на недостаточное использование в полевой археологии геофизических приборов. Сфера применения археофизических методов весьма обширна: выбор места проведения раскопок, экспресс-разведка больших территорий, установление охранных археологических зон, исследование территорий, не подлежащих раскопкам, и др.

В докладе В. А. Хршановского (Санкт-Петербург) «Грунтовые могилы I—II вв. н. э. на некрополе Илурата» анализируется более 30 могил, относящихся к раннему периоду существования города, которые позволили автору сделать вывод об этнической неоднородности населения Илурата.

«Перспективы исследования пантикапейских расписных склепов», по мнению Е. А. Зинько (Керчь), состоят в паспортизации, реставрации и выявлении новых расписных склепов.

«Византийское блюдо из Керчи» с изображением птицы в центре медальона и датируемое не древнее XIII в. стало предметом исследования О. А. Ивановой (Керчь).

Интерес вызвал доклад О. Д. Чевелева (Керчь) «Античный некрополь на г. Хрони у с. Глазовка». Существовавший здесь некрополь V—I вв. до н. э. имеет все черты античного некрополя и принадлежит еще неисследованному городищу, находящемуся в центре с. Глазовка.

Деятельности Ю. Ю. Марти на посту директора Керченского музея был посвящен доклад Р. Г. Синенко (Керчь). С. А. Шестаков (Керчь) в докладе «О локализации боспорского города Гермесия» считает, что этот город располагался на мысе Ак-Бурун, а остров Алопека автор идентифицирует с косой Тузла.

Об истории изучения и новых находках Пантикапея и Нимфея непосредственно на самих памятниках рассказали В. П. Толстиков (Москва) и Н. З. Кунина (Санкт-Петербург).

Участники конференции ознакомились с выставкой, посвященной 165-летию музея, с фондами заповедника, археологическими памятниками Боспора и Тамани.

В заключение конференции был организован «круглый стол». Его участники констатировали наличие в Керчи научных сил, способных решать ряд задач по истории Боспора, и в первую очередь создание каталогов. А. Вонсович (Варшава) выступила с предложением издания корпуса боспорских древностей, хранящихся за рубежом. Зарубежные гости подчеркивали необходимость налаживания международных связей, обмена информацией, организации выставок, публикации статей и каталогов. Заинтересованность вызвало предложение о проведении регулярных осенних семинаров по результатам полевого сезона. Конференция приняла обращение к правительству республики, в котором подчеркивалась необходимость оказания срочной помощи в деле сохранения уникальных боспорских древностей.

Н. Ф. Федосеев

Керченский историко-культурный
заповедник

ПАМЯТИ НОННЫ ЛЕОНИДОВНЫ ГРАЧ

(1929—1991)

6 декабря 1991 г. после продолжительной и тяжелой болезни скончалась Нонна Леонидовна Грач — старший научный сотрудник, зав. сектором Северного Причерноморья Отдела античного мира Государственного Эрмитажа. Не стало талантливого ученого, умной, красивой, обаятельной женщины.

Нонна Леонидовна родилась 22 января 1929 г. в Ленинграде. Она оставалась в Ленинграде и в период Великой Отечественной войны. Будучи школьницей, она участвовала в строительстве оборонительных рубежей в осажденном городе, рыла окопы, перенесла все тяготы блокады. Была награждена медалью «За оборону Ленинграда».

После окончания школы Нонна Леонидовна поступила на исторический факультет Ленинградского университета, который окончила в 1952 г. В 1953 г. она была принята на работу в Отдел античного мира Эрмитажа, а с 1979 г. заняла должность зав. сектором Северного Причерноморья.

Будучи ученицей профессора В. Ф. Гайдукевича, Нонна Леонидовна еще в студенческие годы проявила большую любовь и способности к полевой археологической работе. Участвуя в раскопках боспорских городов Илурата и Мирмекия, она уже тогда становится одним из ведущих сотрудников Боспорской археологической экспедиции.

В Эрмитаже Н. Л. Грач занималась разными видами музейной деятельности: руководила школьными кружками, вела экскурсии, проводила занятия с экскурсоводами, много времени и сил отдавала экспозиционной и хранительской работе, что всегда было связано у нее с пристальным изучением коллекций.

Но едва ли не самой важной для нее была работа археолога. Из сотрудника различных археологических экспедиций (Березанской, Боспорской, Ольвийской) Н. Л. Грач вырастает в руководителя Нимфейской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа, которую она возглавляла с 1966 г. Под руководством Нонны Леонидовны эта экспедиция стала одной из самых значительных на Боспоре. Блестящие организаторские способности и забота о людях сочетались у Н. Л. Грач с умением «видеть землю» на таком многослойном и стратиграфически сложном памятнике, как Нимфей. Поддерживая и развивая традиции В. Ф. Гайдукевича, Н. Л. Грач вела раскопки последовательно, широкими площадями. Такая работа дала свои плоды. Наиболее ярким явилось открытие эллинистического храмового комплекса в южной части Нимфея. В 1982 г. здесь было обнаружено множество фрагментов полихромной стенной штукатурки, поверхность которой была испещрена многочисленными рисунками и надписями. В ряде статей Нонна Леонидовна положила начало изучению этого сложного эпиграфического памятника — важного источника по истории Боспорского царства.

© Н. З. Кунина, 1993 г.

Под руководством Н. Л. Грач велись раскопки не только городища Нимфея, но и его некрополя (1966, 1973—1978 гг.). Большая монографическая работа Нонны Леонидовны, посвященная нимфейскому некрополю, осталась незавершенной. Комплексное изучение городища и некрополя дало возможность Н. Л. Грач создать свою концепцию истории Нимфея, что отразилось в ее полевых отчетах и статьях.

Круг научных интересов Нонны Леонидовны был разнообразен и широк: он отражал как ее археологическую деятельность, так и изучение музейных коллекций. Ею были написаны статьи, посвященные кургану Куль-Оба, памятникам скифского искусства, античным ювелирным изделиям, бронзовым зеркалам, греческой и местной боспорской скульптуре, античным терракотам, боспорским весовым системам, боспорскому виноделию, боспорским культам, политической истории Боспора.

Н. Л. Грач была активным участником отечественных и международных научных съездов, конференций и симпозиумов, неоднократно выезжала за рубеж с Эрмитажными выставками, и ее научные заслуги получили широкое признание как в нашей стране, так и за рубежом.

В лице Нонны Леонидовны Грач мы потеряли не только талантливого ученого и музейного работника, но и прекрасного человека. Ее ум, широта, доброта, мужество в трудных ситуациях, замечательное чувство юмора и обаяние всегда привлекали к ней людей. И такой она навсегда останется в наших сердцах.

Н. З. Кунина

Государственный Эрмитаж
Санкт-Петербург

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО — Археологические открытия
АСГЭ — Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Санкт-Петербург
ВА — Вопросы антропологии
ВАНУРСР — Вісник Академії наук України. Київ
ВДИ — Вестник древней истории
ВИ — Вопросы истории
ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины. Санкт-Петербург
ГАИМК — Гос. академия истории материальной культуры
ГИМ — Гос. исторический музей, Москва
ГМИИ — Гос. музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Москва
ГЭ — Гос. Эрмитаж. Санкт-Петербург
ЗОАО — Записки Одесского археологического общества
ЗОРСА — Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. СПб.— Пг.
ЗРАО — Записки русского археологического общества. СПб.— Пг.
ИА — Институт археологии РАН
ИАК — Известия Гос. Российской археологической комиссии. СПб.— Пг.
ИСОАН — Известия Сибирского отделения РАН
ИЭА — Институт этнологии и антропологии РАН
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК — краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. Москва
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАК — Материалы по археологии Кавказа. Москва
МАР — Материалы по археологии России. СПб.— Пг.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. Москва. Ленинград
НА ИА АН СССР — Научный архив Института археологии АН УССР
НЭ — Нумизматика и эпиграфика. Москва
ОАК — Отчет археологической комиссии. СПб.— Пг.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
РА — Российская археология
САИ — Свод археологических источников. Москва, Санкт-Петербург
СКНЦВШ — Северо-Кавказский научный центр высшей школы. Ростов-на-Дону
СЭ — Советская этнография
УЗ КИПЦДСВ — Ученые записки Комиссии по изучению памятников цивилизаций древнего и средневекового Востока
ХАЭЭ — Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР. М., Л.
ЧОИДР — Чтения в обществе истории и древностей Российских при Московском университете
AA — American Anthropologist
AH — Archaeologia Hungarica. Budapest
AJA — American J. of Archaeology. New York
AM — Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Arteilung
AmA — American Antiquety. Menasha; Solt Lake City
AP — Archeologia Polski. Warszawa
AR — British Archaeological Reports. Oxford
BCH — Bulletin de correspondance hellenique. Paris
CAn — Current Anthropology
ESA — Eurasia septentrionalis antiqua Helsinki
CGE — Les ceramiques de la Crece de l'Est et leur diffusion en Occident. Paris-Naples, 1978
IOSPE — Inscriptiones antique orae septentrionalis Ponti Euxini
JDI — Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts, Berlin
JHS — J. of Hellentic Studies. London
MSW — Materialy staroz'ytne i wczeshosre d niowieczhe
PZ — Prahistorische Zeitschrift. Berlin, Leipzig
RA — Revue archeologique. Paris
RE — Pauly — Wissowa — Kroll. Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Российская археология» публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин, археологические материалы, представляющие большой интерес, критические статьи и рецензии на новые книги по археологии.

Направляемые в журнал статьи должны быть оформлены в соответствии с правилами, принятыми в журнале.

1. Объем рукописи не должен превышать 18—20 машинописных страниц и 8 иллюстраций; для раздела «Заметки» — не более 5 страниц и не более 3 иллюстраций.

2. Статья должна быть напечатана на машинке с четким, контрастным шрифтом, через два интервала на одной стороне листа белой бумаги стандартного размера с полями. Материалы, напечатанные на портативной машинке, редакцией журнала не принимаются. Не допускаются поправки от руки в тексте статьи. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы.

3. Все знаки, которые не могут быть напечатаны на машинке, должны быть вписаны в текст от руки, черными чернилами (пастой, тушью), отчетливо в единой системе написания. Необходимо пояснить на левом поле, какая именно буква, знак, символ вписан, если они могут быть спутаны с другими, близкими по начертанию. Греческие буквы нужно подчеркивать красным карандашом. Знаки в тексте, которые не могут быть воспроизведены буквами русского, латинского или греческого алфавита, должны быть сдублированы на отдельном листе для изготовления клише.

4. Иллюстрации следует представлять в пригодном для воспроизведения виде. Размер авторских оригиналов иллюстраций должен быть в полтора — два раза больше размера иллюстраций в журнале. Рисунки представляются вычерченными тушью на ватмане или кальке, а также в виде четких фоторепродукций. Следует максимально сокращать пояснения на рисунке, переводя их в подписи. Эскизы карт должны быть выполнены непосредственно на картах, изданных ГУГК, либо на фотокопиях с них (не на самодельных ручных выкопировках). Фотографии должны быть представлены в двух экземплярах, контрастные на белой глянцевой бумаге, хорошо проработанные в деталях. Все необходимые на фотографиях обозначения и пояснения следует делать только на втором экземпляре. Первый экземпляр фотографий не должен иметь никаких дефектов: пятен, надписей, изломов, следов от скрепок, трещин и т. д. Наклеивать фотографии на бумагу или картон не разрешается. На авторских оригиналах иллюстраций с неясной ориентацией необходимо написать «верх» или «низ».

Иллюстрации должны быть пронумерованы в соответствии с порядком ссылок на них в тексте статьи. Для всех видов иллюстраций дается общая нумерация. На обороте каждой иллюстрации мягким карандашом следует написать фамилию автора, название статьи и номер рисунка. В рукописи на левом поле, в прямоугольнике должны быть указаны номера иллюстраций и таблиц напротив тех мест текста, где желательно их напечатать в издании. Подписи к иллюстрациям прилагаются на отдельном листе, где указываются фамилия автора и заглавие статьи. В подрисуночной подписи должны быть кратко расшифрованы все условные обозначения на иллюстрации. Необходимо тщательно следить за точным соответствием обозначений и нумерации в тексте, подрисуночных подписях и на рисунках.

5. Таблицы, напечатанные на отдельных страницах, подкладываются по тексту при первом упоминании о них. Они должны иметь тематический заголовок и номер. Текст заголовков в таблицах пишется кратко, все слова даются без сокращений. Диагональные линейки в головке не допускаются. Колонки должны отделяться вертикальными линиями и нумероваться только в тех случаях, когда на них даются ссылки в тексте (но не для замены головки при переходе таблицы на следующую страницу).

6. Текстовые пояснения даются внизу на соответствующей странице под цифрой; нумерация сквозная: 1, 2, ...

7. Пронумерованный список использованной литературы (не в алфавитном порядке, а в порядке упоминания в тексте) дается в конце статьи на отдельной странице. Библиография оформляется в соответствии с ГОСТом 7.1 — 84 «Библиографическое описание документа. Общие требования и правила составления». Для книг указываются фамилии и инициалы авторов, название книги, город, издательство, год издания; для статей, опубликованных в журналах и продолжающихся изданиях (типа КСИА, МИА, Тр. ГИМ),— фамилии и инициалы всех авторов, название статьи, название журнала (издания), год издания, том, номер (выпуск); для архивных материалов — фамилии и инициалы авторов, заглавие, местонахождение документа (наименование архива, номер и название фонда, номера описи, дела). Источником библиографического описания является титульный лист издания. Порядок оформления ссылок см. СА, 1990, № 2.

В тексте в квадратных скобках указывается порядковый номер библиографической ссылки и страница, если она необходима: [5, с. 80]. Для литературы на иностранных языках — том, рисунок, таблица и страница указываются на русском языке: т., рис., табл., с. При ссылке на рисунок позиция отмечается волнистой чертой: [8, рис. 5, 1, 2].

В тексте и списке литературы следует использовать только общепринятые сокращения, список которых публикуется в журнале.

8. Ссылки на оригинальные работы древних авторов (Herod., Plin. и т. д.) даются в тексте статьи и в список цитированной литературы не вносятся. Если используются переводные источники, они упоминаются, как обычно, в списке литературы с указанием переводчика.

9. К статье следует приложить список сокращений и русский текст резюме (краткое содержание статьи со ссылкой на рисунки, иллюстрирующие основные ее положения, объемом 0,5—1 страница машинописного текста). Для облегчения перевода резюме на английский язык необходимо: а) при употреблении названий периодов, типов, культур, произведенных от географических названий, дать последние в именительном падеже единственного числа (например: кушнаренковский тип от Кушнаренково); б) наиболее специфические термины давать или в переводе, или с пояснением.

10. Статьи следует присылать в двух экземплярах. Текст должен быть тщательно проверен и подписан автором с указанием фамилии, имени и отчества, полного почтового адреса, места работы, телефонов и даты отправления. При наличии нескольких авторов статья подписывается всеми авторами.

11. Статьи, отправленные авторам для доработки, должны быть возвращены с доработки не позднее чем через 4 месяца. Статьи, полученные позже указанного срока, будут рассматриваться как вновь поступившие.

12. Книги и журналы, присланные в редакцию для рецензирования, не возвращаются.

Статьи, оформленные без соблюдения указанных правил,
к рассмотрению не принимаются.

Отделение
ВНИИОН АН СССР
при Институте

Адрес редакции:

117036, Москва ул. Дм. Ульянова, 19
Телефон 124-34-42

Заведующая редакцией *Е. В. Бубнова*

Технический редактор *Руднщкая А. В.*

Сдано в набор 17.10.92 Подписано к печати 04.12.92. Формат бумаги 70×100¹/₁₆
Офсетная печать. Усл. печ. л 22,1. Усл. кр.-отт. 43,1 тыс. Уч-изд. л. 26,8. Бум. л. 8,5
Тираж 1899 экз. Зак. 3360. Цена 16 р.

2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер. 6.